

№ 20 (115) 2011
Выпуск 18

НАУЧНЫЙ РЕЦЕНЗИРУЕМЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в 1995 г.

**Журнал входит
в Перечень ведущих рецензируемых
научных журналов и изданий,
выпускаемых в Российской Федерации,
в которых рекомендуется публикация
основных результатов диссертаций
на соискание ученых степеней
доктора и кандидата наук**

Учредитель:

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Белгородский государственный национальный исследовательский университет» (НИУ «БелГУ»)

Издатель:

НИУ «БелГУ».

Издательско-полиграфический комплекс НИУ «БелГУ»

**Журнал зарегистрирован
в Федеральной службе по надзору
за соблюдением законодательства
в сфере массовых коммуникаций
и охраны культурного наследия**

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС 77-21121 от 19 мая 2005 г.

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ
ЖУРНАЛА**

Главный редактор

Л.Я. Дятченко,
ректор НИУ «БелГУ», доктор
социологических наук, профессор

Зам. главного редактора

В.В. Соколев,
проректор по научной работе
НИУ «БелГУ», кандидат педагогических наук

Ответственный секретарь:

Е.Н. Кролевецкая,
доцент кафедры педагогики
НИУ «БелГУ»,
кандидат педагогических наук

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ
СЕРИИ ЖУРНАЛА**

Председатель редколлегии

Л.Я. Дятченко
ректор Белгородского государственного университета, доктор социологических наук, профессор

Главный редактор серии

В.П. Римский
доктор философских наук, профессор
(НИУ «БелГУ»)

Заместители главного редактора

В.П. Бабинцев
доктор философских наук, профессор
(НИУ «БелГУ»)

Е.Е. Тонков
доктор юридических наук, профессор
(НИУ «БелГУ»)

**НАУЧНЫЕ ВЕДОМОСТИ Белгородского
государственного университета**

Философия Социология Право

Belgorod State University

Scientific bulletin

Philosophy Sociology Law

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ И СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

Данте, Гегель и «метафизика света». **Г.Ф. Перетяцкий 5**
Христианский неоплатонизм XIV века. Учения о языке и теории богопознания И. Экхарта и Гр. Паламы. Статья 2. **М.Ю. Реутин 16**

ЛОГИКА, МЕТОДОЛОГИЯ И ФИЛОСОФИЯ НАУКИ

Исследование синестезии как основы формирования когнитивных потенциалов эстетического опыта. **М.Л. Зайцева 31**
Бердяевская концепция объективации с позиций коррелятивной онтологии. **В.Н. Сагатовский 38**

ЧЕЛОВЕК. КУЛЬТУРА. ОБЩЕСТВО

Массовость – специфика зрелищного. **И.Н. Лаврикова 44**
Технологическая утопия и формы ее репрезентации в современной культуре: техно-прогрессивизм, трансгуманизм и цифровая утопия. **Т.Б. Медведева 55**
Проблема чувственного происхождения языка: вариации на тему Гердера. **И.Н. Нехаева 62**

СОЦИОЛОГИЯ И СОЦИАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ

Социальные технологии управления деятельностью музея. **Ю.В. Шмарион, С.В. Литвинова 69**

РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ И СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ

Феномен магии в «Логико-философском трактате» Людвига Витгенштейна». Тезис 4.014 **В.В. Винокуров 76**
Восточно-христианская метафизика в контексте современных философско-феноменологических дискурсов **Т.Г. Человенко 82**

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНОГО ПРАВА
И УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА**

Миграционные процессы в Республике Таджикистан: особенности развития и оптимизации **А.И. Архипцев, Р.Ф. Джобиров 88**
Особенности криминалистической характеристики незаконной рубки лесных насаждений в качестве информационной базы предварительного расследования **Н.И. Ефимова 94**
Особенности криминалистической характеристики незаконной рубки лесных насаждений в качестве информационной базы предварительного расследования **И.Н. Кислицина 100**
Проблемы судебного порядка рассмотрения жалоб на стадии возбуждения уголовного дела **И.М. Комаров, О.Ю. Цурлуй 108**
Следственные ситуации и алгоритмы в деятельности по предварительному расследованию и судебному разбирательству уголовных дел об убийствах **А.А. Корчагин 114**
Некоторые особенности оценки «иных документов» в уголовном судопроизводстве РФ **Е.А. Купряшина 120**
Понятие и методологическое значение принципов российского уголовного судопроизводства **О.Ю. Цурлуй 124**

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Конституционно-правовая стратегия защиты и покровительства Российской Федерацией граждан, находящихся за ее пределами **А.В. Волченко 131**
Нормативно-правовое обеспечение деятельности института представительства центральной власти в регионах России во второй половине XV – начале XVII вв. **Л.А. Гогенко 137**

Ответственный секретарь

С.Н. Борисов

кандидат философских наук
(НИУ «БелГУ»)

Члены редколлегии

Г.А. Борисов, доктор юридических наук, профессор (НИУ «БелГУ»)

Н.В. Витрук, доктор юридических наук, профессор (Российская академия правосудия)

М.Н. Громов, доктор философских наук, профессор (Институт философии РАН)

Ю.А. Зубок, доктор социологических наук, профессор (ИСПИ РАН)

С.М. Климова, доктор философских наук, профессор (НИУ «БелГУ»)

Е.А. Кожемякин, доктор философских наук, доцент (НИУ «БелГУ»)

Л.Г. Королева, доктор философских наук, профессор (Курский государственный университет)

Т.Р. Лоусон, доктор философии, профессор Луисвилльского университета и Университета Кентукки (США), директор международных программ Института социальной работы им. Кента Луисвилльского университета, Почетный профессор НИУ «БелГУ»

М.В. Мархгейм, доктор юридических наук, профессор (НИУ «БелГУ»)

Е.В. Реутов, кандидат социологических наук, доцент (НИУ «БелГУ»)

М.Д. Розин, доктор философских наук, профессор (СКНЦ ВШ при ЮФУ)

В.Б. Тарабаева, доктор социологических наук, доцент, декан факультета управления и предпринимательства (НИУ «БелГУ»)

Статьи представлены в авторской редакции.

Оригинал-макет *Н.А. Гапоненко, С.Н. Борисов*

e-mail: rimskiy@bsu.edu.ru;
SBorisov@bsu.edu.ru

Подписано в печать 23.12.2011.
Формат 60×84/8.
Гарнитура Georgia, Impact
Усл. п. л. 44,17.
Тираж 1000 экз.
Заказ 394

Подписной индекс в каталоге агентства
«Роспечать» – 81462

Оригинал-макет подготовлен и тиражирован
в издательско-полиграфическом комплексе
НИУ «БелГУ»
Адрес: 308015 г. Белгород, ул. Победы, 85

Особенности подготовки и принятия нормативно-правовых актов, регулирующих организацию и деятельность ведомственной милиции РСФСР в период 1923-24 гг. **Д.А. Ерин 142**

Принципы муниципального правотворческого процесса **Е.Н. Кузнецова 149**

Юридический процесс: основные методологические подходы к определению понятия **В.В. Кутько 154**

Процесс объединения субъектов российской федерации как фактор образования статусно-новых территорий **А.Н. Нифанов 159**

Российский омбудсмен в процессе совершенствования законодательства о правах и свободах человека и гражданина **А.Е. Новикова 164**

Правовые проблемы и пути совершенствования разграничения полномочий между федеральными и региональными органами власти в сфере бюджетных отношений **Т.О. Оганесян 170**

Система нормативно-правовых актов в Коми АССР в середине и II половине 30-х годов XX века **О.А. Плоцкая, Ж.Б. Иванова 178**

Из истории становления российского законодательного регулирования политических агитационных правоотношений **О.О. Попова 188**

Понятие и виды юридической заинтересованности в исходе дела **В.С. Сиденко 196**

Правовая природа прав на средства индивидуализации **А.И. Сорокина 201**

Права человека в России: мифология свободы в несвободном обществе **Е.Е. Тонков, Р.В. Донец 208**

Семантические особенности категории «добровольческое молодёжное общественное объединение» **А.В. Шартынова 216**

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

Диалектико-спекулятивный анализ становления трансверсальной философии **А.А. Авсеев 220**

Иван Ильин о духовно-нравственных основах воспитания субъективности личности **О.А. Баргилевич 231**

Этико-философский анализ специфики дилемм биоэтики на примере проблемы прерывания беременности **Е.А. Белкина 243**

Антропология революции: методология анализа события и кино-репрезентации **О.С. Борисова, С.Н. Борисов 248**

Этика деконструкции – особая стратегия интерпретации **А.В. Вдовина 254**

Социологический портрет современного потребителя обуви **Л.Г. Грецкая, Н.В. Щербакова 259**

Культурообразующие основания песенного творчества **М.С. Жиров, Л.М. Попова 367**

Ценностно-ориентированное регулирование этноконфессиональных отношений в корпоративной культуре **И.Ю. Климов 274**

Православная аксиология Ф. М. Достоевского на примере рассказа «Кроткая» **Я.В. Кушнаренко 279**

Космо-экологические константы сознания (по В.В.Налимову) **С.В. Мальцева 293**

Антиномии религиозного экстремизма в пространстве традиционализма и современности **А.В. Римский 300**

Школа как институт в системе образования **Г.Н. Травников 307**

Особенности раскрытия сущности феномена религиозной веры в теологии и богословии **Е.Н. Чеснова 315**

Категориальное поле исторической науки: философский контекст **И.А. Чурсанова 320**

Особенности развития конфликтологической культуры учителя в условиях самообучающейся организации **Н.У. Ярычев 331**

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС В РОССИИ: ПРОШЛОЕ, НАСТОЯЩЕЕ, БУДУЩЕЕ

Этническое самосознание молодежи Белгородской области в оценках социологии **В.П. Бабинцев 337**

Национальный фактор современного конституционного строительства в России **М.В. Мархгейм 341**

Некоторые вопросы национально-кадровой политики органов власти и управления СССР во второй половине 20-го века **А.И. Молчанов 349**

Отложенные кризисы этноидентичности в современной России: теоретические стереотипы и политические мифы **В.П. Римский 359**

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ И КОММУНИКАЦИИ

III Международная студенческая школа «Историко-культурное наследие евровегиона «Слобожанщина» **А.И. Дудка 368**

Сведения об авторах **373**

Информация для авторов **377**

**№ 20 (115) 2011
Issue 18**

Scientific reviewing journal

Founded in 1995

The Journal is included into the nomenclature of the leading reviewing journals and publications issued in the Russian Federation that are recommended for publishing the key results of the theses for Doctor and Candidate degree-seeking

Founder:

Federal state autonomous educational establishment of higher professional education «Belgorod National Research University»

Publisher:

Belgorod National Research University.
Belgorod National Research University Press

The journal is registered in Federal service of control over law compliance in the sphere of mass media and protection of cultural heritage

Certificate of registration of mass media ПИ № ФС 77-21121 May 19, 2005.

EDITORIAL BOARD OF JOURNAL

Editor-in-chief

L.J. Djatchenko,

Rector of Belgorod National Research University, Doctor of sociological sciences, professor

Deputy editor-in-chief

V.V. Sokorev,

Vice-rector for scientific research of Belgorod National Research University, Candidate of pedagogical sciences

Assistant Editors

E.N. Krolevetskaya,

Associate professor of Pedagogics department of Belgorod National Research University, Candidate of pedagogical sciences

Chairman of editorial board

L.Y. Dyatchenko

Rector of Belgorod National Research University, Doctor of sociology, Professor

Chief editor

V.P. Rimskiy

Doctor of philosophy, professor (Belgorod National Research University)

Deputies of chief editor

V.P. Babintsev

Doctor of philosophy, Professor (Belgorod National Research University)

E.E. Tonkov

Doctor of law, Professor (Belgorod National Research University)

Responsible secretary

S.N. Borisov

Candidate of philosophy (Belgorod National Research University)

**Belgorod State University
Scientific bulletin**

Philosophy Sociology Law

**НАУЧНЫЕ ВЕДОМОСТИ Белгородского
государственного университета
Философия Социология Право**

CONTENTS

HISTORY OF PHILOSOPHY, SOCIAL SCIENCES AND HUMANITIES

Dante, Hegel and "metaphysics of light" *G.F. Peretyatkin* 5

Christian neoplatonism of the XIVth century. The theories of the language and the knowledge of god of J. Eckhart and G. Palamas. Article 2. *M.Y. Reutin* 16

LOGICS, METHODOLOGY AND PHILOSOPHY OF SCIENCE

Synesthesia as the base for formation of cognitive potential of aesthetic experience *M.L. Zaytseva* 31

Berdyayev's conception of objectivation from the position of correlative ontology *V.N. Sagatovsky* 38

HUMAN BEING. CULTURE. SOCIETY

Massiveness as a specificity of entertainment *I.N. Lavrikova* 44

Technological utopia and forms of its representation in contemporary culture: techno-progressivism, transhumanism and digital utopia *T.B. Medvedeva* 55

Problem of a sensual origin of language: variations on theme of Herder *I.N. Nekhaeva* 62

SOCIOLOGY AND SOCIAL TECHNOLOGIES

Social technologies of museum management *Y.V. Shmarion, S.V. Litvinova* 69

RELIGION STUDIES AND SOCIOLOGY OF CULTURE

Phenomenon of magic in "Tractatus logico-philosophicus" by Ludwig Wittgenstein. Thesis 4.014 *V.V. Vinokurov* 76

Eastern Christian metaphysics in the context of modern philosophic phenomenological discourses *T.G. Chelovenko* 82

ACTUAL PROBLEMS OF CRIMINAL LAW AND CRIMINAL PROCEDURAL LAW

Migration processes in the Republic of Tajikistan: development and optimization features *N.I. Arhptsev, R.F. Dzhobirov* 88

Features of the criminality's characteristics in illegal cabin of wood plantings as base of information of the preliminary investigation *N.I. Yefimova* 94

Background and consulting activities specialist forensic during the preliminary investigation *I.N. Kislitsina* 100

Appeal legal proceedings' problems in the stage of initiation of proceedings *I.M. Komarov, O.Y. Tsurluy* 108

Investigatory situations and algorithms in actions on preliminary inquiry and judicial proceedings of murder cases *A.A. Korchagin* 114

Some features of the assessment of "other documents" in the criminal proceedings russia *E.A. Kupryashina* 120

Conception of legal procedure's foundations and their practical significance *O.Y. Tsurluy* 124

ACTUAL PROBLEMS OF LEGAL REGULATION

Constitutional and legal strategy protection and patronage of Russian federation by citizens, located beyond its borders *A.V. Volchenko* 131

Normative and legal support of the activity of the institution of the central power representation in the regions of Russia in the second half of the XVth– the beginning of the XVIIth century *L.A. Gogenko* 137

Members of editorial board

G.A. Borisov, Doctor of law, Professor (Belgorod National Research University)

N.V. Vitruk, Doctor of law, Professor (Russian Academy of Law)

M.N. Gromov, Doctor of philosophy, Professor (Institute of Philosophy, Russian Academy of Science)

Y.A. Zubok, Doctor of sociology, Professor (Institute of Social and Political Research, Russian Academy of Science)

S.M. Klimova, Doctor of philosophy, Professor (Belgorod National Research University)

L.G. Korolyova, Doctor of philosophy, Professor (Kursk State University)

E.A. Kozhemyakin, Doctor of philosophy, associate Professor (Belgorod National Research University)

T.R. Lawson, PhD, professor of The University of Louisville and the University of Kentucky (USA), director of international programmes of Raymond A. Kent School of Social Work of The University of Louisville, Honorary professor of the Belgorod State University

M.V. Marhgeim, Doctor of law, Professor (Belgorod National Research University)

E.V. Reutov, Candidate of sociology, Associate professor (Belgorod National Research University)

M.D. Rozin, Doctor of philosophy, Professor (North-Caucasian Science Centre of High School, South Federal University)

V.B. Tarabaeva, Doctor of sociology, Associate professor, Dean of the faculty of management and entrepreneurship (Belgorod National Research University)

The articles are given in authors' editing.

Dummy layout by *N.A. Gaponenko*,
S.N. Borisov
e-mail: *Rimskiy@bsu.edu.ru*;
SBorisov@bsu.edu.ru

Passed for printing 23.12.2011
Format 60×84/8
Typeface Georgia, Impact
Printer's sheets 44,17
Circulation 1000 copies
Order 394

Subscription reference
in Rospechat' agency catalogue – 18078

Dummy layout is replicated at Belgorod National Research University Press
Address: 85, Pobedy str., Belgorod, Russia, 308015

Features of preparation and acceptance of the normative legal acts regulating the organization and activity of departmental militia of the RSFSR during 1923-24 **D. A. Erin** 142

Principles of municipal law-making process **E.N. Kuznetsova** 149

Legal process: the basic methodological approaches to concept definition **V.V. Kutko** 154

Process of association of subjects of the Russian federation as a factor in formation of new territories status **A.N. Nifanov** 159

Russian ombudsman in improvement of the law on human rights and freedoms and civil **A.E. Novikova** 164

Legal problems and ways of perfection the differentiation of powers between federal and regional authorities in sphere of budgetary relations **T.O. Oganesyjan** 170

System of legal acts in the Komi ASSR In the middle and the II half of the 30-ies of XX century **O.A. Plotskaya, J.B. Ivanova** 178

From the history of formation of Russian legislative regulation of political agitation legal relationships **O.O. Popova** 188

Definition and types of legal interest in the outcome of the case **V.S. Sinenko** 196

The legal nature of the rights to individualization's means **A.I. Sorokina** 201

Human rights in Russia: mythology of freedom in unfree society **E.E. Tonkov, R.V. Donets** 208

Semantic features of the category «youth volunteer public association» **A.V. Shartynova** 218

THESIS

Dialectic-speculative analysis of transversal philosophy development **A.A. Avseev** 220

Ivan Ilyin about spiritual and moral basis of education of personality's subjectivity **O.A. Bargilevich** 231

Ethic and philosophic analysis of specificity of the induced termination of pregnancy dilemma **E.A. Belkina** 243

Anthropology of revolution: methodology of event and cinematic representation **O.S. Borisova, S.N. Borisov** 248

Ethics of deconstruction as the strategy of interpretation **A.V. Vdovina** 254

Sociological portrait of the modern footwear consumer **L.G. Gretskaya, N.V. Scherbakova** 259

Culture-forming basis of song art **M.S. Zhironov, L.M. Popova** 267

Value-concerned regulation of ethno-confessional relations in the corporative culture **I.Y. Klimov** 274

F. M. Dostoyevsky's orthodox axiology illustrated by the story «The meek woman» **Y.V. Kushnarenko** 279

Cosmo-ecological constants of consciousness (by V.V. Nalimov) **S.V. Maltseva** 293

Antinomies of religious extremism in the field of traditionalism and modernity **A.V. Rimskiy** 300

School as an institution in the system of education **G.N. Travnikov** 307

Features of disclosing of essence of the phenomenon of religious faith in theology and divinity **Ye.N. Chesnova** 315

Categorical field of the historical science: the philosophical context **I.A. Chursanova** 320

The features of development of teacher's conflictological culture in the conditions of self-training organization **N.U. Yarychev** 320

ISSUE OF INTER-ETHNIC RELATIONS IN RUSSIA: PAST, PRESENT AND FUTURE

Ethnic self-identification of the Belgorod region youth in sociological perspective **V.P. Babintsev** 337

National factor of modern constitutional development in Russia

M.V. Markhgeim 341

Some issues of national personnel policy in the Soviet government in the second half of the XXth century **A.I. Molchanov** 349

Postponed crisis of ethnic identity in the modern Russia: theoretical stereotypes and political mythology **V.P. Rimskiy** 359

SCIENTIFIC LIFE AND COMMUNICATION

The third international student school «Historic and cultural heritage of euro-region Slobozhanshchina» **A.I. Dudka** 368

About authors 3723

Information for authors 377

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ И СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

УДК 130.2

ДАНТЕ, ГЕГЕЛЬ И «МЕТАФИЗИКА СВЕТА»

Г.Ф. ПЕРЕТАТЬКИН*Южный федеральный
университет**e-mail:
isrgu@mis.rsu.ru*

В статье высказывается и обосновывается идея сходства структуры божественного Света в «Божественной комедии» Данте, «света» чистого мышления в философии Гегеля и физического света в современной физике.

Ключевые слова: квант, дискретность, континуальность, терцина, триада, смысл, диалектика.

Сначала вопрос о «метафизике света» и отношения к ней Данте и Гегеля я хотел рассмотреть в статье «Еще раз о Данте в философском отношении» в качестве дополнительного момента сравнения этих двух мыслителей. Однако скоро обнаружилось, что если не выделить эту тему в отдельную статью, то она разрастется настолько, что «проглотит» ту статью, в которую я хотел ее вставить, подобно тому, как библейские тощие коровы проглотили тучных коров. К тому же, к концу написания этой статьи, неожиданно выяснились обстоятельства, которые заставляют меня посвятить ее памяти Осипа Мандельштама...

Казалось бы, с вопросом об отношении Данте к «метафизике света» все уже выяснено и закреплено в философской справочной литературе. И в краткой, но емкой статье С.С.Аверинцева «Метафизика света» из «Энциклопедического философского словаря»¹, и в статье А.М.Шишкова с таким же названием в «Новой философской энциклопедии»² имя Данте только упоминается в числе многих тех, кто испытал влияние «метафизики света». Но что-то интуитивно сопротивлялось тому, чтобы просто обозначить «великого флорентийца» как одного из многих. Отношение поэта к «метафизике света», как мне представлялось, не должно было состоять только в том, чтобы содержательно использовать и хорошо зарифмовать чужие (Платона, Ариопагита, Гроссетеста и др.) идеи, связанные с данной проблемой. Тут ведь все дело было в форме. Вся внутренняя диалектика «Комедии», состоящая в противопоставлении абсолютного Света и абсолютной Тьмы и завершающаяся победой Света, должна была выступать не только содержанием «Комедии», но и свойством самой поэтической формы. Для Данте, как гениального поэта, проблема поэтической формы должна была стать не менее значимой, чем проблема содержания. Чтобы убедиться в этом, достаточно внимательно перечитать последнюю главу «Комедии», драматизм которой состоит в том, что Данте, при созерцании божественного Света, с одной стороны, испытывает состояние экстаического восторга (Рай, Песнь 33, 97 – 99), а с другой – одновре-

¹ Аверинцев С.С. Метафизика света // М.: Сов.Энциклопедия, 1983.

² Шишков А.М. Метафизика света // Новая философская энциклопедия. В четырех томах, Т. 4. М.: Мысль, 2010.

менно задается вопросом, как он сможет запомнить, сохранить и передать, когда вернется на грешную землю этот «Свет Неомраченный», «Свет Неизреченный», «Вечный Свет», «Высокий Свет» (нетрудно заметить, что все эти определения божественного Света, как и многие другие, взяты Данте из Ариопагитики, и здесь мы действительно видим содержательное влияние на него «метафизики света»). Он молит:

«О Высший Свет, над мыслию земною
Столь вознесенный, памяти моей.
Верни хоть малость виденного мною

И даруй мне такую мощь речей,
Чтобы хоть искру славы заповедной
Я сохранил для будущих людей!

В моем уме ожив, как отсвет бледный,
И сколько-то в стихах моих звуча,
Понятней будет им твой блеск победный».
(Рай, Песнь 33, 67-75)

Как видим, для поэта, видевшего божественный Свет, проблема заключается не только в том, чтобы просто рассказать то, что сумеет запомнить. Здесь повторяется библейская ситуация: Моисей, увидевший «славу божью» лицом к лицу, сам становится носителем божественного Света, поэтому, когда он общался со своими «жестоковейшими» соплеменниками, его лицо сияло и излучало свет, на который они не могли смотреть. Данте также увидел Свет лицом к лицу, и он в своей «Комедии», как и Моисей, должен был каким-то образом излучать этот духовный свет. Для него, как для поэта, это означало, что нужно было найти такую «мощь речей», т.е., такую **поэтическую форму**, которая **по структуре** сама была бы своеобразным излучением, «как отсвет бледный», увиденного им Света – «блеска победного», и, что интересно, этот «блеск» должен предстать перед читателем парадоксально – в самом поэтическом звучании, **как звучащий свет** («в стихах моих звуча»).

Как известно, в качестве поэтической формы Данте использует терцину. И это не случайно. Рассмотрим терцину именно в вышеуказанном аспекте – как форму поэтического мышления, гениально найденную поэтом для передачи **структуры излучаемого** «Комедией» **божественного духовного Света**.

С одной стороны, терцина как форма, обнаруживает предельную **«квантованность»** передаваемого ею поэтического содержания. Первая строка терцины рифмуется с третьей, и они, как замкнутый круг, как оболочка, створки раковины схватывают, обнимают собою опосредующую их вторую строку. Но, с другой стороны, эта, не зарифмованная, вторая строка создает ощущение незавершенности (чтобы почувствовать это, достаточно просто прочитать любую терцину вслух и остановиться), требует выхода из «круга», за пределы «корпускулярности» терцины, рождает вокруг нее поле неопределенности, которое, **как волна**, поднимает из поэтического небытия следующую терцину, первая строка которой рифмуется с вышеуказанной второй строкой, и в эту-то рифму как раз и разрезается неопределенность предыдущей терцины. Но в этой новой терцине опять оказывается не зарифмованной вторая строка, и это рождает новую волну неопределенности. В результате возникает рифменная линия, имеющая, подобно излучению физического света, **корпускулярно-волновую структуру**: АВА, ВСВ, CDC, DED, ... YZY, Z... «Круг» каждой терцины замыкается и в то же самое время не замыкается. Эта незавершенность терцины, которая все время толкает ее вперед, образует дискретно-континуальную цепь произвольной длины. И, подобно свету, она обнаруживает, таким образом, способность к самодвижению, к самораспространению.

Свойство света распространять самого себя отметил еще до Данте выдающийся представитель «метафизики света» Роберт Гроссетест. «Ведь свет, – писал он, – в силу самой своей природы (per se) распространяет себя самого во все стороны, причем таким образом, что из световой точки тотчас же порождается сколь угодно большая световая сфера, если только путь распространения света не преградит нечто, способное отбрасывать тень (umbrosum)»³. Но поэт, решая для себя вопрос, о поэтической форме, способной

³ Гроссетест Р. О свете, или О начале форм // Вопросы философии. – 1995. – № 6. – С. 125.

излучать «чистейший свет небесный, умопостижный свет, где все – любовь» (Рай, песнь 30, 39 – 40) не может ограничиться констатацией, вслед за Гроссетестом, того, что свет «распространяет себя самого». Данте должен был уяснить себе сам механизм этого самораспространения, т.е., открыть такую форму, которая, подобно излучению света, распространяла, «разгоняла» бы себя саму, что он и сделал, используя форму терцины. Такая форма захватывает сознание читателя, не дает ему передышки, заставляет его совершать непрерывное выходение за пределы отдельной терцины, двигаясь как бы по лучу духовного света. При этом обнаруживается, что внешняя корпускулярно-волновая форма переходит в отрицательность внутренней **содержательной** формы, развивающейся как пульсирующий образно-смысловый поток произведения, в котором «волны смысла» (А.Ф.Лосев) сгущаются в дискретность единичных образов, а они, в свою очередь рождают «круги» новых смысловых волн, связывающих дискретные кванты-образы в континуум **единого образа** мира Данте. Этот единый образ мира с «зародышем» всех противоречий, которые выступают источником его развития, «свернут» в «кванте» первой терцины, которая выступает как та самая «световая точка» Гроссетеста, из которой «точас же порождается сколь угодно большая световая сфера»:

«Земную жизнь пройдя до половины,
Я очутился в сумрачном лесу,
Утратив правый путь во тьме долины»...
(Ад, Песнь первая)

В отрицательности внутренней формы этой терцины скрыт радикальный раскол, который Данте будет стремиться преодолеть на протяжении всей «Комедии». Раскол начинается с переломной точки жизни Данте, в которой он обнаруживает противоречие между прошлой греховной жизнью и, связанным с нею и одновременно отрицающим ее, желанием обрести утраченный «правый путь». Преодолеть раскол можно только развивая и рассматривая его противоположности и, тем самым, выявляя все новые смыслы первой терцины, от которой Данте отталкивается и к которой постоянно возвращается. И, чем дальше, тем больше, за исходным расколом в личной жизни поэта обнаруживается всеобщий, глубинный раскол – разрыв «связи времен»: за спиной у поэта родное ему средневековье, а ему противостоит, порождаемая средневековьем и одновременно отрицающая его, новая эпоха, которую потом назовут Возрождением.

Интересно, что особое значение первой терцины интуитивно понял Сальвадор Дали, начиная свои иллюстрации «Божественной комедии» не с изображения содержания первой песни, как это делают все иллюстраторы Данте, считая с Густава Доре, а именно с первой терцины. Это редкий случай, когда художник переводит на язык живописи всего лишь три строчки гениального поэта. При этом, Дали **не** столько **иллюстрирует** терцину Данте, сколько выражает и изображает ее бесконечный символический смысл. Прогресс информационной техники несомненно приведет человечество к тому, что в текстах можно будет цитировать по ходу рассуждений картины, видеоизображения, эпизоды кинофильмов, музыкальные фразы и даже ароматы духов когда-то любивших нас женщин. Сегодня, к сожалению, я не могу здесь « процитировать » эту « иллюстрацию » Дали. Однако ее можно приблизительно описать. Гениальная простота изображения позволяет это сделать. Итак, в центре картины Данте, (классический орлиный профиль и упрямый лоб, которым он как будто бы бодается с вечностью) стоит посреди пустынного плато, на котором нет ни дороги, ни тропинки и которое, тем самым, символизирует утрату « правого пути ». Путь изображен несколькими штрихами где-то далеко впереди, и Данте еще должен найти его. Так же небрежно – несколько то ли деревьев, то ли кустарников – изображен и « сумрачный лес », символизирующий греховную жизнь. Так обычно изображали лес на византийских и древнерусских иконах. Но самое главное на картине Дали – это трещина в земле за спиной у стоящего Данте, прямой линией тянущаяся в обе стороны от поэта до самого горизонта, как будто раскалывающая землю пополам. Земля – носитель жизни, и трещина в земле символически знаменует сокровенный смысл первой терцины – перелом жизни Данте и глобальность раскола жизни современной поэту эпохи. Эта трещина потом « разломится » и будет символически дробиться в кругах, поясах, рвах, пропастях, колодцах, теснинах и т.д., которые будет преодолевать Данте в поисках смысла, позволяющего соединить, « склеить » распадающийся мир.

Сальвадор Дали прав. И в формальном, и в содержательном смысле «квант» первой терцины, ее «светящаяся точка» – это «сингулярная» фаза «Божественной комедии».

Подобно тому, как сингулярное состояние материи предшествует «большому взрыву», из которого рождается и начинает расширяться наша Вселенная, так «квант» первой дантовой терцины в результате ее внутренней отрицательности «взрывается» и рождает вселенную «Божественной комедии». Более того, как утверждает современная космология, сотни миллионов лет после «большого взрыва» Вселенная переживает «темные века», когда, кроме реликтового излучения и смеси водорода с гелием, в ней нет ничего: ни звезд, ни галактик, ни квазаров, излучающих свет; и лишь после этого возникает «прозрачная Вселенная» со звездами, галактиками, скоплениями галактик, доходящая в процессе эволюции до появления разумной жизни и ослепительной прозрачности многообразия форм проявления духа. Мир Данте, возникающий после взрыва «сингулярности» первой терцины, также первоначально существует и развивается как «темная вселенная», – ибо поэт и его проводник Вергилий движутся «сквозь черноту, разлитую по Аду», – и лишь затем становится «прозрачной вселенной» Чистилища и ослепительным Светом Рая. И Данте передает это потрясающее ощущение перехода от тьмы к прозрачности:

«Отрадный свет восточного сапфира,
Накопленный в воздушной вышине,
Прозрачной вплоть до первой тверди мира,

Опять мне очи упоил вполне,
Чуть я расстался с тьмою без рассвета,
Глаза и грудь отяготившей мне».

(Чистилище, песнь первая, 13 – 18)

«Большой взрыв», творческих сил, из которого возникает «Комедия» Данте «встроен» в «большой взрыв» Вселенной, который в фазе сингулярности тоже возможно был «встроен» во взрыв божественного творения. В современной математике такое повторение формы на разных уровнях, кажется, называется фрактальностью...

...Но вернемся к корпускулярно-волновой структуре излучения духовного света, открытой Данте, благодаря использованию поэтической формы терцины. Она, как мы выяснили, обладает свойством самодвижения и увлекает наше сознание, заставляя его непрестанно двигаться по «лучу» духовного света. В этом движении Данте дает нам передохнуть. Подобно тому, как Моисей, после общения с народом, набрасывал на свое, излучающее свет, лицо покрывало, Данте прерывает корпускулярно-волновое «излучение» духовного света каждой песни «Комедии» последней одиночной строкой, выполняющей ту же функцию, что и покрывало Моисея. И мы отдыхаем на этой одиночной строке, как отдыхают Данте и Вергилий на каком-нибудь обрыве или уступе, разделяющем круги Ада или Чистилища, чтобы затем совершить вместе с поэтом новый круг восхождения. Ведь, если терцина представляет собою «круг», в рассмотренном выше смысле, то каждая песнь, каждая из трех частей «Комедии», как и она в целом – это все расширяющиеся «круги кругов» (если воспользоваться известным гегелевским образом), посредством которых происходит все большее расширение «световой сферы», отодвигающей на меональную периферию «темную материю» Ада. В результате от терцины к терцине, от песни к песни и т.д., мы восходим к божественному свету, чтобы наконец круг «Божественной комедии» замкнулся последней строкой, которая отсылает нас снова к истоку – первой терцине. Ведь, если в первой терцине перед Данте встает вопрос – что поможет обрести утраченный «правый путь» и «склеит» все углубляющийся «раскол», – то последняя строка «Комедии» дает ответ: «любовь, что движет солнце и светила». И вернувшись к первой терцине, мы обнаруживаем, что должны перечитывать «Комедию» еще и еще раз, потому что образная, символическая вселенная Данте неисчерпаема в своей актуальной бесконечности.

Таким образом, *по содержанию* «Комедия» действительно воспроизводит многие традиционные идеи и образы «метафизики света». *По форме же*, в указанном выше смысле, «Божественная комедия» выходит за пределы идей традиционной «метафизики света», демонстрируя корпускулярно-волновую природу божественного Света.

Эта *форма излучения* «квантов»-терцин духовного света порождена художественной интуицией поэта. Но что такое интуиция? В свое время В.Н Дубровин убедительно показал, что интуиция есть «чужое Я, существующее во мне как не-Я, т.е. как пред-

мет»⁴. В этой связи возникает вопрос об источнике дантовой интуиции, о том «чужом Я», существовавшем в Данте как не-Я, которое повлияло на творческое «озарение» поэта. Приглядевшись внимательнее, мы найдем это «чужое Я» – человека, оказавшего влияние на рождение «квантованной», световой структуры поэтического текста Данте, – в самой «Божественной комедии». Для этого нужно только спуститься в первый круг Ада, называемый Лимбом, где пребывают души античных поэтов и философов.

Если бы нужно было указать первое, документально зафиксированное предчувствие будущей ренессансной духовности, то это, несомненно, была бы обитель философов в Лимбе, изображенная Данте. «Величественный замок», бегущий вокруг него «приветливый родник», «зеленый луг», «зеленеющая финифть трав», высокий «величавый холм», господствующий над «свежим садом» – и, заметьте себе, – нет никаких чертей. Это в Аду-то! Такой пейзаж с «величественным замком» сразу же заставляет вспомнить загородные виллы итальянских богачей, где будут собираться гуманисты Возрождения. Данте предчувствует даже их внешний облик, а также способ, каким они выражают свои мысли и общаются друг с другом:

«Там были люди с важность чела,
С неторопливым и спокойным взглядом;
Их речь звучна и медленна была ...»

Пройдет не так уж много времени, и именно такие люди будут вести философские диалоги и писать трактаты о достоинстве человека. Но Данте рисует не только место встреч и облик будущих гуманистов, он еще и задает каталог античных авторов, труды которых вскоре станут предметом переводов и изучения для ренессансных деятелей. И вот, перечисляя имена этих знаменитых античных философов, одно имя поэт выделяет особо. Он не просто перечисляет его в ряду других, а посвящает ему целые две строки, чего не удостоился даже Аристотель:

«Здесь тот, кто мир случайным полагает,
Философ знаменитый Демокрит» (135 – 136)»

Как же Демокрит мог повлиять на поэта в связи с интересующим нас вопросом о «квантованной» структуре божественного света? Рискну предположить, что внимание Данте, размышлявшего о том, как передать самой стихотворной формой излучение духовного Света, должна была привлечь демокритова идея непрерывного «истечения образов», идущих от освященного предмета и попадающих в сознание человека. «Ведь по его (Демокрита – Г.П.) словам, от каждого из отражающихся (в наших глазах) предметов исходят истечения, они, будучи как бы картинами, удобно входят в наши глаза»⁵. Иначе говоря, Демокрит излучение **физического света**, идущего от предмета, представлял в виде «истечения» состоящих из атомов тончайших квантованных образов этого предмета. Если у Данте, как мы предположили, терцины также выступают как кванты **духовного света**, то влияние Демокрита здесь несомненно.

Однако есть существенное различие между пониманием «истечения» световых образов у Демокрита и у Данте. Во-первых, у Демокрита носителем светового образа предмета выступает атом, а у Данте носителем терцины как квантованного образа вступает слово – этот своеобразный «атом» духовного света. Во-вторых, у Демокрита «кванты» «истекающих» световых образов движутся во внешней для атомов, составляющих эти образы, среде – пустоте. Пустота как стихия для световых образов здесь не положена (как сказал бы Гегель) корпускулами-атомами, как и атомы не положены пустотой, они внешне друг для друга. Поэтому «истекающие» световые образы предмета у Демокрита представлены в виде движущихся друг за другом тончайших дискретных «нарезок» предмета, «переложенных» пустотой. И чтобы эти дискретные световые образы единого предмета не «прыгали» в восприятии, разделяемые «пустотой», их должно быть очень много, и они должны быстро следовать один за другим. На этот «кинематографический» способ «компенсировать» дискретность световых образов критично указывал Августин. «Когда же у них (Демокрита и Эпикура – Г.П.) спрашивают, почему мы видим (только) одно изо-

⁴ Дубровин В.Н. Гносеологический и социологический аспекты интуиции // EN APXH: 2004: 2(4): Феномен восточнохристианской цивилизации: проблемы истории философии и культуры. – Философское и культурологическое русское издание. Выпуск 12. Ростов-на-Дону, Изд-ва ЦВВР, 2006. – С. 82.

⁵ Лурье С.Я. Демокрит. Тексты-Переводы-Исследования. Наука, Ленинград, 1970. – С. 308.

бражение какого-либо тела, хотя от него идет поток бесчисленных изображений, то они отвечают, что именно в силу того, что изображения проходят и текут густым (поток), как бы вследствие какого-то сближения и уплотнения их получается так, что вместо многих изображений мы видим одно»⁶.

Но, если у Демокрита свету присуща **дискретность**, а по другому и не может быть при основополагающих предпосылках (атомы и пустота) его философии, то у Данте, передаваемый им духовный свет, носит **дискретно-континуальный** характер. Здесь, как мы уже видели, квантованность терцины сама порождает континуальную среду волнового движения, как «свое иное», а сама эта среда, в свою очередь, порождает все новые квантованные образы. В результате, излучение духовного света в «Комедии» «движет себя самого» так же, как и излучение света физического. И такая дискретно-континуальная форма позволяет изображать предмет, – а таковым для Данте является весь мир, пронизанный светом божественной любви, как единое целое.

Эта, найденная Данте, дискретно-континуальная, «квантованная» природа духовного света, находит свое выражение даже во внешнем оформлении текста «Божественной комедии». В самом деле, мы совершенно спокойно воспринимаем главы «Илиады» Гомера или «Энеиды» Вергилия в форме сплошного текста, и это обстоятельство нас ничуть не смущает, поскольку выражает монолитность и субстанциональную мощь эпоса. С текстом Данте так не получится. Мы уже видели, что стоит только взять любой квант-терцину и, прочитав его, остановиться, как обнаруживается ситуация незавершенности и неопределенности, в результате которой терцина сама гонит себя вперед. Но, если мы попытаемся представить себе обратное действие, т.е., сдвинуть все терцины каждой песни и представить их, как у Гомера или Вергилия, в виде одного сплошного неразделенного текста, то это вызовет в нас самих внутреннее сопротивление. Текст «Комедии» можно представить только в виде дискретно-континуального излучения. Каждый «квант» здесь существует и отдельно, сохраняя, подобно ренессансной личности, свою индивидуальность, и в то же время в неразрывном единстве с другими терцинами. В текстах современных изданий «Божественной комедии» это неслиянное единство, эта единораздельность выражается в том, что каждая терцина пространственно отделяется от других. При такой структуре текста на первый план выходит квантованность божественного света, излучаемого произведением Данте. В старинных итальянских изданиях текст «Комедии» структурировался по-другому. Терцины здесь не отделялись пространственно, однако, первая строка каждой новой терцины выдавалась далеко вперед по сравнению с двумя остальными. И эти выступающие строки образовывали своеобразные гребни волн, накатывающих друг за другом, и подчеркивающие уже волновую природу духовного света «Комедии» Данте. В любом случае, внутренняя терцинная форма диктует внешнюю форму текста.

После Данте терцинами писали многие поэты. Однако для них терцина вступает уже только как готовая, стилизованная форма. Для Данте же терцина не форма, вернее не столько форма, сколько само содержание, «застывающее» в форме и излучающее через нее божественный свет.

Ну, а теперь – Гегель. Если Данте имеет дело с **божественным светом**, то Гегеля интересует **естественный свет человеческого разума**. Декарт, как известно, возвратил придуманный еще Цицероном образ «естественный свет человеческого разума» в лексикон философии Нового времени, однако, вплоть до немецкой классической философии, этот термин употребляется философами, прежде всего как метафора, позволяющая противопоставить **естественный** разум новоевропейского человека средневековому **божественному** разуму. Немецкая классическая философия, поскольку она всерьез начинает интересоваться природой «чистого разума» и открывает его категориальную структуру, переходит тем самым от метафоры «естественного света разума» к ее критическому переосмыслению в концептуальной (Шеллинг) и понятийной (Гегель) форме. В «Феноменологии духа» Гегель рассматривает процесс рождения разумного индивида в культуре, сознательно противопоставляя «естественное сознание» и «образованное сознание». Для того чтобы «алмаз» естественного разума стал «магическим кристаллом» мышления, фокусирующим и излучающим «свет» человеческой мысли, он должен получить культурную «огранку», смысл которой состоит в том, что сознание ин-

⁶ Лурье С.Я. Демокрит. Тексты-Переводы-Исследования. Наука, Ленинград, 1970. – С. 321.

дивиды в процессе образования сжато «пробегают» и распредмечивает для себя те формообразования, те «аббревиатуры», которые оставлены историческим развитием мирового духа. И если бы мы спросили у Гегеля, о чем, с его точки зрения, идет речь в новоевропейской метафоре «естественный свет человеческого разума», о каком таком «свете», то он бы ответил – конечно же, о «чистом мышлении». И поэтому должна быть создана новая логика для исследования этого предмета. Ибо «в логике мы имеем дело с чистой мыслью, или с чистыми определениями мышления»⁷. При этом, он указал бы на единство и различие света физического и «света» духовного.

Конечно же «свет» человеческого разума отличается от физического света. Физический свет, будучи генетически первым, после тяжести, «снятием» природой «своей внешности», выступает, по Гегелю, еще как определенная неопределенность, абстрактное тождество себя как субъекта и объекта, «рефлексия-в-самое-себя». Однако философ указывает на сходство света в материальном мире и самосознания в мире духовном. «Это – чистая рефлексия-в-самое-себя, – пишет Гегель о физическом свете, – то, что в высшей форме духа есть «я»»⁸. А.П.Огурцов в этой связи совершенно справедливо отмечает в своем комментарии к «Философии природы», что «свет, по Гегелю, имеет в царстве материи то же значение, что знание, или «я», в царстве духа»⁹. Определяя всеобщность света как «абстрактную самость материи», «чистую манифестацию», «материальную идеальность», Гегель перебрасывает своеобразный «мостик» между «материальной идеальностью» физического света, с одной стороны, и духовной себестождественностью «Я» с его бесконечным равенством самосознания, – с другой. ««Я», – пишет он, – есть лишь тождество моего собственного отношения к себе как субъекту и к себе же как к объекту. Свет представляет собой параллель этому тождеству самосознания и является его верным отображением. Он не является «я» лишь потому, что он не помутняется и не преломляется в самом себе, а есть лишь абстрактное явление»¹⁰. (подчеркнуто мною – Г.П.). Но если физический свет в силу его абстрактной всеобщности не может быть «я», самосознанием, то нельзя ли самосознающему «я» воспользоваться «мостиком», переброшенным Гегелем между природой и духом, и стать естественным светом? Такой вариант Гегель рассматривает, поскольку дальше пишет: «Если бы «я» могло удержаться в чистом абстрактном равенстве, в том состоянии, которого стремятся достичь индусы, то оно исчезло бы, было бы светом, абсолютной прозрачностью. Но самосознание существует лишь как сознание»¹¹. Интересно, что тема этого своеобразного «фазового» перехода и превращения «нулевого» уровня самосознания «я» в физический свет занимала Гегеля настолько, что через несколько страниц он снова возвращается к ней. «Для восточных воззрений, – пишет философ, – согласно которым духовное и природное субстанционально тождественны, чистая самость сознания, тождественное с собой мышление как абстракция истины и добра есть то же самое, что и свет»¹².

Но самого Гегеля, как западного философа, интересует, прежде всего, обратная метаморфоза, «фазовый» переход от естественного света к свету духовному, качественное отличие одного от другого. ««Я», – заключает он в этой связи, – есть чистое проявление себя подобно свету, но оно есть вместе с тем бесконечная отрицательность возвращения к себе из себя как объекта и, следовательно, есть бесконечная точка субъективной единичности, исключение другого. Свет, следовательно, не есть самосознание потому что ему не достает бесконечности возвращения к самому себе; он есть лишь проявление себя, но проявление не для самого себя, а лишь для другого»¹³.

Итак, перейдем вместе с Гегелем по найденному им «мостику» от зыбкой и во многом не освоенной во времена философа области физического света к «свету» чистого мышления, в сфере которого он чувствует себя «дома».

Конечно же, мы должны иметь в виду, что мышление, о котором говорит Гегель – это не субъективная психологическая способность, наряду с другими способностями, а то, что

⁷ Гегель. Энциклопедия философских наук. Т.1, Наука логики. М. Мысль, 1974. – С. 124.

⁸ Гегель. Энциклопедия философских наук. Т.2, Философия природы. М. Мысль, 1975. – С. 122.

⁹ Там же. – С. 642.

¹⁰ Там же. – С. 123.

¹¹ Там же.

¹² Там же. – С. 127.

¹³ Гегель. Энциклопедия философских наук. Т.2, Философия природы. М. Мысль, 1975. – С. 123.

лежит в основе всех духовных синтезов – эстетических, нравственных, научных, и т.д. – нашего сознания как «всеобщая субстанция духовного». Это мышление, в категориях которого выражается тождество духовного и материального, субъективного и объективного. «Если мы рассматриваем мышление как подлинно всеобщее всего природного и также всего духовного, то оно выходит за пределы всех их и составляет основание всего»¹⁴. Это «чистое мышление», которое, подобно свету, в познании пронизывает и «просвечивает» весь универсум.

Первое, что бросается в глаза, это то, что гегелевский «свет разума» как «чистое мышление» обладает той же фундаментальной характеристикой света, которую выделил Гроссетест – он «распространяет себя самого во все стороны». Ведь философия Гегеля это философия самосознания, а это означает, «что дух как таковой не порождается чем-то другим, но переводит себя из своего в-себе-бытия в для-себя-бытие, из своего понятия – в действительность, делая, таким образом, то, благодаря чему он должен быть положен тем, что положено им самим»¹⁵. При этом важно отметить, что если у Данте, как мы видели, для выражения самодвижения божественного света используется форма терцины, то самодвижение «света» чистого мышления у Гегеля тоже осуществляется в своеобразной «терцинной» форме. Только «терцины» эти особые, философские, и называются **триадами**. Как и дантовская терцина, гегелевская триада, с одной стороны, есть круг, как результат разрешения противоречия, а с другой – круг этот разомкнут, поскольку таит в себе поле неопределенности, связанной с зарождением и будущим разрешением нового противоречия

За эти триады Гегелю много досталось от его критиков. Его упрекали в схематизме, в том, что форма «отрицание отрицания» не является универсальной, и в развитии часто бывает не два отрицания, а гораздо больше. Однако, если стать на точку зрения Гегеля, то придется признать «отрицание отрицания» универсальной формой развития нашего мира. Для диалектического мышления способом существования всего живого, способного к самостоятельному развитию и **самообоснованию**, является противоположение себя самому себе как «своего иного» и возвращение к себе из этого самоотрицания. Как справедливо утверждает Гегель, «самостоятельность есть бесконечное отрицательное отношение с собой»¹⁶. Другое дело, что и в первом и во втором отрицании может быть масса опосредующих звеньев, фаз, «кругов», пробегаемых развитием (это и создает видимость того, что отрицаний не два, а больше), но все они в конечном счете подчиняются «вектору» или первого, или второго отрицания. И, чем более усложняется и «ветвится» система, тем больше этих опосредований и непредсказуемых ответвлений, каждое из которых таит в себе **вариативность** разрешения противоречия в данном звене системы и возможности (или невозможности) новых формообразований, обеспечивающих возвращение (или невозвращение) системы к самой себе.

Но пока осуществляется эта бесконечность «отрицательного отношения с собой», пока замыкается (и одновременно не замыкается) круг двойного отрицания, предмет живет и развивается. Гегель уловил и выразил во всеобщей форме этот великий тройственный ритм развития универсума.

Может показаться, что гегелевская логика, с ее абстрактным схематизмом, не включает в себя вышеуказанную вариативность и разветвленность, присущую реальным формам развития. Однако здесь мы имеем дело со схематизмом особого рода, поскольку Гегель исследует чистое мышление как **идеализированный объект**, в том смысле, в каком понимает идеализированные объекты современная философия науки. Изучая идеализированные объекты развитых научных теорий, философия науки справедливо утверждает, что «законы, формулируемые в рамках теории и относящиеся по существу не к эмпирически данной реальности, а к реальности, как она представлена идеализированным объектом, должны быть соответствующим образом конкретизированы при их применении к изучению реальной действительности»¹⁷. Что, собственно, и сделал Маркс, оборачивая «дело логики» Гегеля на изучение реальной действительности – «логики дела». Поэтому упрекать Гегеля в том, что в его логике триада выступает как чистая фор-

¹⁴ Гегель. Энциклопедия философских наук. Т.1, Наука логики. М.: Мысль, 1974. – С. 122.

¹⁵ Гегель. Энциклопедия философских наук. Т.3, Философия духа. М.: Мысль, 1977. – С. 50.

¹⁶ Гегель. Энциклопедия философских наук. Т.1, Наука логики. М.: Мысль, 1974. – С. 336.

¹⁷ Швырев В.С. Теория // Новая философская энциклопедия. В четырех томах, Т. 4. М.: Мысль, 2010. – С. 44.

мальная схема, которая не соответствует реальному развитию, это все равно, что упрекать математиков в том, что они употребляют понятия точки, линии, плоскости, которых ведь тоже нет в реальной действительности.

Но, даже рассматривая развитие в формах чистого мышления, Гегель, во-первых, обнаруживает и категориально выражает, в качестве **необходимой** и периодически повторяющейся в развитии, фазу неравновесного состояния объекта, когда «ломается» весь схематизм и развитие погружается «хаос», столь любимый современной синергетикой. (О категориальных определениях «хаоса», которые «проступают» в гегелевской логике при каждом новом витке развития см.¹⁸. В силу этого, во-вторых, сам процесс развития обнаруживает нелинейность, разветвленность, которая выступает в знаменитом образе «крута кругов». Эта нелинейность, вариативность, способная выступить источником новообразований системы или ввергнуть ее в хаос формационных разломов, когда на первый план выступает «пестрота переходных форма» (Маркс), делает диалектику похожей на «сад, где ветвятся дорожки» (Борхес). Без этого «ветвления» и рассеивания, которые современная синергетика лишь переоткрывает на материале развития конкретных наук, диалектика вырождается в банальную линейную схему. И когда философы отождествляют такую «линейную» трактовку диалектики с диалектикой вообще, то это заставляет их менять диалектическое «первородство» на «чечевичную похлебку» синергетики.

Но для нашей статьи особенно важными являются выявленные в чистом виде, именно благодаря схематизму гегелевской логики, «круги кругов» как формы движения «света» чистого мышления. Эти круги напоминают волны, расходящиеся и пересекающиеся на воде от брошенных камней. И если мы зададимся вопросом о том, что за «камни» замыкают на себя эти «волны» и одновременно являются источником их расхождения, то в центре каждого «крута» мы найдем у Гегеля категории чистого мышления. Причем «радиус» этих расходящихся «кругов» чистого мышления бесконечен, поскольку категории, как «кванты» света чистого разума – это универсальные формы развития мышления и бытия. Любая категория «в стихии чистого мышления», с одной стороны, выступает как своеобразный «квант», замыкающий на себя всю тотальность универсума, а с другой – эта же категория как «волна», «круг» бесконечного «радиуса» разворачивается в тотальность связей мира. Вот как сам Гегель описывает это единство дискретности и континуальности мышления, давая характеристику чистого понятия как «абсолютной формы»: «Понятие есть то, что свободно как *сущая для себя субстанциальная мощь*, и есть *тотальность*, в которой каждый из моментов есть *целое*, представляя собой понятие, и положен как нераздельное с ним единство; таким образом, понятие в своем тождестве с собой есть *в-себе-и-для-себя-определенное*»¹⁹.

Нам же, имея в виду тему данной статьи, нужно признать, что гегелевский **«свет» разума** как чистого мышления, **божественный свет**, выраженный Данте в поэтической форме «Божественной комедии» и **физический свет** в современной квантовой физике, имеют одну и ту же, корпускулярно-волновую структуру. Поэты и философы, как и должно быть, интуитивно предчувствуют и выражают эту дискретно-континуальную природу света раньше, чем физики ее открывают.

Конечно же, напрашивается философско-теологический сюжет с двойным отрицанием: «Неприступный Свет», в котором, согласно апостолу Павлу, «обитает Бог», становится светом физическим в сотворенном Богом мире – и это первое «отрицание». Появление же человека в мире – это «точка возврата» божественного Света к самому себе в форме света человеческого разума или разумного света. «Знаем также, что Сын Божий пришел и дал нам свет и разум, да познаем Бога истинного...», – утверждает апостол Иоанн (1 Ин 5: 20), – «возсия мирови свет разума», – поется в рождественском тропаре. Можно было бы также вспомнить утверждение Беркли о том, что свет есть разговор души с Богом. Сюжет этот в общем-то не нов, и его можно обнаружить у христианских неоплатоников. Новым здесь является выявленная единая корпускулярно-волновая структура света божественного (Данте), человеческого мышления (Гегель) и физического (квантовая физика).

¹⁸ Перетягкин Г.Ф. Категориальные определения «хаоса» в диалектике Гегеля // Рационализм и культура на пороге третьего тысячелетия: Материалы Третьего Российского Философского конгресса (16 – 20 сентября 2002 г.) В 3 т. Т. 2. Ростов-на-Дону. 2002. – С. 44.

¹⁹ Гегель. Энциклопедия философских наук. Т.1, Наука логики. М., «Мысль», 1974. – С. 341.

Но важно и другое. Наше мышление, и не только научное, действительно имеет корпускулярно волновую природу. Наши понятия, образы, символы, нравственные максимы и т.д., будучи «квантами» мысли, одновременно содержат в себе способность разворачивать «волну» смысловых связей и опосредований бесконечного «радиуса».

Вся духовная история человечества это поляризация, интерференция, дифракция волн смыслов, которые, разбиваясь и дробясь о «берег» исторической практики человечества, «квантуются» в «точечность» новых категорий, понятий, образов, норм, схем мышления, излучающих новые, еще более высокие волны смыслов. При этом следует подчеркнуть, что понятия «поляризация», «интерференция», «дифракция», характеризующие волновые свойства объектов, применимы к сфере нашего мышления. Разумеется, с учетом его отличия от физических объектов. Это отличие приходится специально оговаривать, поскольку последнее время со стороны позитивистски настроенных интеллектуалов наблюдаются попытки редуцировать сущность сознания к законам квантовой физики. Выходят книги с характерными названиями: «Квантовое сознание»²⁰, «Квантовая психология»²¹, «Квантовое общество», «Квантовая самость»²². Для иллюстрации идеи «квантового общества» предлагают образ-метафору «квантового танца»²³. Такие же «квантовые танцы» в мозгу определяют, по мнению авторов, и наше сознание. Нужно заметить, что наш бойкий на язык народ для характеристики дурака-начальника употребляет метафору «у него тараканы в голове бегают». Но кванты – это вам не тараканы, и прерогативу «квантовых танцев» в голове следует, несомненно, признать за наиболее утонченными интеллектуалами...

И вот, написав и перечитав статью, я раздумывал над тем, стоит ли отдавать ее в печать – уж больно авантюрно все это получилось с квантованностью поэтического «света» у Данте и «света» чистого разума у Гегеля...

Размышляя, не отправить ли эту статью «в стол», я взял с полки томик О.Э.Мандельштама «Слово и культура», чтобы перечитать «Разговор о Данте». «Разговор» это удивителен. Я убежден, что если бы Данте предложили выбрать сочинение, наиболее тонко, проникновенно, конгениально раскрывающее особенности поэзии его «Комедии», он выбрал бы эту работу Мандельштама, являющуюся примером той «всемирной отзывчивости», которую Достоевский заметил в творчестве Пушкина и в которой он увидел отличительную особенность русской культуры. Более того, если бы Данте предложили выбрать лучшее, с его точки зрения, стихотворение Мандельштама, я думаю, он выбрал бы «Век»:

«Век мой, зверь мой, кто сумеет
Заглянуть в твои зрачки
И своею кровью склеит
Двух столетий позвонки?...

Это стихотворение одинаково применимо и в веку Данте, и к веку Мандельштама. Оба они жили на рубеже не просто двух столетий, а на разломе двух эпох, оба заглядывали в глаза «зверя», оба пытались заменить кровь, как «склеивающий материал» для «позвонков» столетий, поэзией...

Итак, я взял вышеуказанную книгу Мандельштама, и увидел, что она раскрылась на «Черновых набросках к «Разговору о Данте»». Я скользнул взглядом по странице перед тем как перелистать ее, и то, что я увидел на этой странице заставило меня вздрогнуть. На странице, которую я чуть было не пролистал, было написано: «**Дант может быть понят лишь при помощи теории квант**»²⁴. Такая вот коротенькая запись без каких либо комментариев. Я был поражен. Получилось, что я, не зная об этом черновом наброске Мандельштама, написал свой комментарий к высказанной поэтом мысли. Я ведь всегда читал «Разговор о Данте» по другому изданию, в котором не было этих черновых набросков. В окончательном же варианте «Разговора о Данте» Мандельштам эту мысль не использует. Было что-то мистическое в том, что книга с черновыми набросками

²⁰ Волинский Стивен. Квантовое сознание. Киев 1997.

²¹ Роберт Антон Уилсон. Квантовая психология. Киев: Янус, 1998.

²² Велишаева Н.В. Нелинейное мышление – стихийно-рефлексивная форма диалектики. Автореферат на соискание ученой степени кандидата философских наук. Ростов-на-Дону, 2000. – С. 11.

²³ Там же. – С. 18-19.

²⁴ Мандельштам О.Э. Слово и культура: Статьи. М.: Советский писатель, 1987. – С.157.

раскрылась во время моих сомнений, и на той самой странице. Но еще более поразила меня мысль о том, что давным-давно, в 1938 году, в пересылочном лагере Владивостока погиб великий поэт, погасла яркая звезда, в звездном каталоге человеческой культуры обозначенная как Осип Мандельштам. Но «квант» духовного света, идущий от этой погибшей звезды в виде коротенькой черновой записи, необъяснимым, немислимым образом дошел до меня, и «волна» смысла, порождаемая этим «квантом», пересеклась со смыслом того, о чем я думал и писал в этой статье. Вот почему я посвящаю ее памяти Осипа Эмильевича Мандельштама.

Список литературы

1. Аверинцев С.С. Метафизика света // М.: Сов.Энциклопедия, 1983.
2. Велишаева Н.В. Нелинейное мышление – стихийно-рефлексивная форма диалектики. Автореферат на соискание ученой степени кандидата философских наук. – Ростов-на-Дону, 2000.
3. Волинский Стивен. Квантовое сознание. – Киев 1997.
4. Гегель. Энциклопедия философских наук. Т.1, Наука логики. М., «Мысль», 1974.
5. Гегель. Энциклопедия философских наук. Т.3, Философия духа. М., «Мысль», 1977.
6. Гегель. Энциклопедия философских наук. Т.2, Философия природы. М., «Мысль», 1975.
7. Гроссетест Р. О свете, или О начале форм // Вопросы философии. – 1995. – № 6.
8. Данте Алигьери. Божественная комедия. – М., «Правда», 1982.
9. Дубровин В.Н. Гносеологический и социологический аспекты интуиции // ЕН АРХН: 2004: 2(4): Феномен восточнохристианской цивилизации: проблемы истории философии и культуры. – Философское и культурологическое русское издание. Выпуск 12. – Ростов-на-Дону, Изд-ва ЦВВР, 2006.
10. Лурье С.Я. Демокрит. Тексты-Переводы-Исследования. – Наука, Ленинград, 1970.
11. Мандельштам О.Э. Слово и культура: Статьи. – М.: Советский писатель, 1987.
12. Перетяткин Г.Ф. Категориальные определения «хаоса» в диалектике Гегеля //Рационализм и культура на пороге третьего тысячелетия: Материалы Третьего Российского Философского конгресса (16 – 20 сентября 2002 г.) В 3 т. Т. 2. Ростов-на-Дону. 2002.
13. Роберт Антон Уилсон. Квантовая психология. – Киев: «Янус», 1998.
14. Русские поэты серебряного века: Сб. стихотворений в 2 т. Т.2. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1991.
15. Швырев В.С. Теория // Новая философская энциклопедия. В четырех томах, Т. 4. – М.: Мысль, 2010.
16. Шишков А.М. Метафизика света // Новая философская энциклопедия. В четырех томах, Т. 4. – М.: Мысль, 2010.

DANTE, HEGEL AND “METAPHYSICS OF LIGHT”

G.F. PERETYATKIN

South federal University

e-mail:
isrgu@mis.rsu.ru

The article claims the idea of identity of the structure of celestial light in Dante’s “Divine Comedy”, “light” of pure thinking in Hegel’s philosophy and physical light in the modern physics.

Key words: quant, discreteness, continuity, tercine, triade, sense, dialectics.

УДК 130.2

ХРИСТИАНСКИЙ НЕОПЛАТОНИЗМ XIV ВЕКА. Учения о языке и теории богопознания И. Экхарта и Гр. Паламы. Статья 2

М.Ю. РЕУТИН

*Институт высших
гуманитарных исследова-
ний при Российском
государственном
гуманитарном
университете*

e-mail: mreutin@mail.ru

Статья содержит анализ экхартовских учений об эманации (в ее лингвистическом аспекте), тетраграмме, молитве, теонимии и теории богопознания, которые имеют, по мнению автора, множество сходных черт с богословской доктриной византийского исихаста Гр. Паламы. В статье разрабатывается методология сравнительного изучения немецкой и византийской мистики позднего Средневековья.

Ключевые слова: тетраграмма, имяславие, вербальная магия, лингвоэманационизм, теория языка, положительное богословие, отрицательное богословие, путь превосходства.

Разработанные И. Экхартом и Гр. Паламой учения о языке и познании Бога укоренены в их онтологиях, построенных на принципах неоплатоновского эманационизма. Отсюда – вполне очевидное и прослеживаемое во многих частностях сходство этих учений, которое мы намереваемся продемонстрировать ниже.

1. Проблема имени

а) «Лингвоэманационизм»

Имея в виду специфику дионисиевского понимания причинности, В.Н. Лосский писал: «Причинность имеет здесь значение совершенно особое и весьма характерное для Псевдо-Дионисия. Она обозначает обнаружение: сами по себе незримые причины становятся зримыми в следствиях. Следствия обладают, насколько возможно, образами причин без того, чтобы иметь совершенное подобие с ними, ибо причины выше, чем следствия. Если отношение причин к следствиям может быть названо обнаружением, то отношение следствий к их причинам есть участие ($\mu\epsilon\theta\epsilon\chi\iota\varsigma$), или уподобление ($\mu\iota\mu\epsilon\sigma\varsigma$). Идеи суть воления Бога ($\theta\epsilon\iota\alpha\ \theta\epsilon\lambda\eta\mu\alpha\tau\alpha$) и Его предписания твари. Уподобление же есть их исполнение, через посредство которого тварь существует и стремится стать тем, чем ей надлежит быть, причастуя, в соответствии с предписанным ей способом, божественным силам»¹.

Сказанное В.Н. Лосским о причинно-следственных отношениях в учении Ареопагита в полной мере приложимо к теологии Экхарта. В череде «волений» и «исполнений», «предписаний» и «причастий», обнаруженной в произведениях Дионисия, без труда просматривается строение состоящего из исходных (*locutio*) и ответных (*collocutio*) реплик «разговора», который испокон века ведется, согласно рейнскому мистику, между Богом и тварью.

Ведь действие – если его понимать не как обусловленное внешними причинами физическое движение, но как выявление вовне и обнаружение того, что скрыто внутри, – такое действие Бога уже само по себе близко к изречению, слову. Именно о таком действии Экхарт сказал: «Естество вполне изливается в образ и всё-таки полностью остается в себе»². Повторимся, для источника такого действия Мастером был выбран термин «*principium*», и отклонен термин «*primum*». Источником действия-обнаружения не может быть лишь временное начало, в дальнейшем не причастное к обособленным от него следствиям. Источником действия-обнаружения может быть только начало, в дальнейшем пребывающее, наличное в следствиях в качестве их внутреннего принципа. Такое-то насыщенное содержанием действие (*manifestatio*) Экхарт называл «речью» (*sermo*) и «голосом» (*vox*), «словом» (*verbum*) и «именем» (*nomen*), «высказыванием» (*dictio*) и «изречением» (*locutio*), иллюстрируя его эхом в горах и отражением в зеркале³.

¹ Lossky V. La notion des «Analogies» chez Denys le Pseudo-Aréopagite // Archives d' Histoire Doctrinale et Littéraire du Moyen Age. 1931. Vol. 5. P. 285. (Лосский В.Н. Понятие «аналогий» у Псевдо-Дионисия Ареопагита / Пер. с франц. М.Ю. Реутин // Богословские труды. Вып. 42. С. 116.)

² Meister Eckhart. Predigt 16 b // DW I, S. 266, 10–267, 1. (Meister Eckhart. Die deutschen Werke: in 5 Bd. / Hrsg. von J. Quint u.a. Stuttgart, 1936–2003.)

³ Idem. Liber Paraboliarum Genesis. P. 146–150 // LW I, S. 614–621; p. 160–162 // LW I, S. 630–632. (Meister Eckhart. Die lateinischen Werke: in 5 Bd. / Hrsg. von J. Koch u.a. Stuttgart, 1936–2007.)

Слово – это не обязательно то, что читается, пишется и изречается устами. В широком смысле слово и изречение есть то, что производит (productum) из себя производящий (productens). Производящий изречает свое произведение в извождении (productio), читаем мы в «Книге иносказательных толкований на Бытие» И. Экхарта. Производящий сообщает себя через произведение, в произведении и в самом извождении. Извождение есть не что иное, говорение производящего; так стала выглядеть креационная схема Дамаскина («дело энергии», ἐνέργησις; «то, что производит энергию», ἐνέργητικόν; «энергия», ἐνέργεια), понятая в контексте учения об эманации и опрокинутая в плоскость учения о языке⁴.

«Во всю землю изыде вещание их и в концы вселенной глаголы их», – свидетельствует, по Экхарту, о разговоре Бога и мира Давид (Пс. 18, 5). В этом разговоре исходная реплика Бога – изведение из небытия, сотворение мира, промысел, естественные дары и дары благодати, если их, конечно, понять как выявление Причины вне себя самой в формах вещей. Ответной же репликой будет «послушание» вещей сообщенным им формам, обнаружение форм во внешних делах, постоянное тяготение к тому или иному, например: камня – вниз, огня – вверх и под. На божественное: «Он сказал и повелел» (Пс. 32, 9), творения отвечают: «Свят, свят, свят, Господь Бог Вседержитель» (Откр. 4, 8), ведь «Само явление и само откровение есть говорение, есть слово, есть изречение; явление есть слово и говорение, им же с другом беседуют и беседуют высшее и низшее»⁵... Такой нематериальный, вневременный «разговор лицом к лицу» пронизывает, по Экхарту, все мироздание. И только ему в подлинном смысле могут прилагаться понятия речи. «Ибо разговор и внешняя речь есть лишь некий след, несовершенство и в некоторой мере подобие по аналогии той подлинной беседы и собеседования, которым непосредственно друг с другом беседуют и беседуют в действии высшее и низшее»⁶.

Нужно заметить, что и Гр. Палама, глубоко укорененный в богословии «Corpus Dionysiacum», вовсе не был чужд подобного «лингвоэманационизма». Так, в частности, в гл. 18 трактата «О божественном единении и различении» он уравнивает друг с другом «исхождения» и «энергии», приравнивая те и другие, в свою очередь, к «провозглашениям» («τὰς δὲ κοινὰς προόδους καὶ ἐνέργειας καὶ ἐκφάνσεις»)⁷. Имея несомненные предпосылки и будучи по существу возможным, «лингвоэманационизм» не получил, однако, у Гр. Паламы экхартовского развития.

б) Три уровня слова

Что касается общей теории слова, то и в этой области выкладки Экхарта весьма близки построениям Паламы. Соответствия объясняются, по-видимому, тем, что оба современника опирались на стоическую философию языка.

По И. Экхарту, существуют три уровня слова; в своем становлении слово проходит три фазы: «Слово, которое я теперь говорю – вот оно возникло во мне, затем я покоюсь на образе. В-третьих, я его изреку, а все вы его примите. Но всё-таки оно подлинно осталось во мне»⁸. В вопросе о слове Экхарт выступал продолжателем Фомы, подробно разобравшего данный вопрос в гл. 4, ст. 1 трактата «Об истине». Фома назвал уровни слова «сердечным словом» (verbum cordis), «внутренним словом» (verbum interius), «словом звучащим» (verbum vocis). Если «сердечное слово», первая ступень зарождения речи, не связано с каким-либо зрительным представлением, возникает в результате припоминания одной из наличных в разуме идей, то «внутреннее слово», немой образец «слова звучащего», неразрывно связано со звуковым и зрительным образом («Verbum interius habet imaginem vocis»). Ср. у Экхарта: «Когда какое-то слово воспринято моим разумом, то оно так тонко и чисто вначале, что это – воистину слово до тех пор, пока в моей мысли оно не

⁴ См. прим. 73, 74 к статье «Христианский неоплатонизм XIV века. Теория “духовных совершенств” И. Экхарта – теория “энергий” Гр. Паламы». См.: Реутин М.Ю. Толкование Иоанна Экхарта на библейскую книгу «Исход». Предисловие к переводу // Вопросы философии. М., 2010. № 7. С. 117–127.

⁵ Meister Eckhart. Liber Paraboliarum Genesis. P. 147 // LW I, S. 616, 11–12.

⁶ Ibidem. P. 148 // LW I, S. 617, 10–13.

⁷ Γρηγορίου τοῦ Παλαμᾶ Περί ἐνώσεως καὶ διακρίσεως. Cap. 18 // Χρήστου, Τ. ΙΙ, р. 82, 3–4. (Γρηγορίου τοῦ Παλαμᾶ Συγγράμματα: Τόμοι Ι–V / Εκδίδ. Π.Κ. Χρήστου. Θεσσαλονίκη, 1970–1994.)

⁸ Meister Eckhart. Predigt 22 // DW I, S. 376, 9–11.

превратится в некоторый образ (*ê ez gebildet werde*), и только, в-третьих, оно выговаривается ртом. И тогда – это лишь выявление сокровенного слова. Слово выговаривается внутренне в сердце души, её сокровенном и наиболее чистом. В голове души, в разуме её, там совершается оное рождение»⁹. По Экхарту, слово принадлежит в большей мере тому, кем изрекается, чем тому, кем бывает услышано, ведь в говорящем слово присутствует «сущностным» способом (*weselich*), в слушающем же – только «формальным» (*förmelich*). Слово сродни излучению света, находящегося в солнце по существу, а в воздухе – формой¹⁰. Из томистской концепции «сердечного слова» у Экхарта развилась мистика рождения Слова в душе.

В гл. 35 «Ста пятидесяти глав» Гр. Палама тоже учит о трех уровнях, которое проходит слово в процессе своего становления вплоть до вокализации. Это – 1) «внутреннее слово», связанное со звуковыми образами (*ὁ ἐνδιάθετος λόγος*), 2) «мысленное слово», беззвучно осуществляемое бестелесными движениями (*ὁ ἐν διανοίᾳ λόγος*), 3) «произносимое слово», совместившее в себе действие ума с действием тела (*ὁ προφορικὸς λόγος*)¹¹.

с) Иисусова молитва, имя Божье

Если учение о разговоре Бога и тварного мира становится понятным из дионисиевского контекста, то этот контекст нимало не объясняет того пристального внимания, которое Экхарт уделял проблеме теонимии, имени Божьего. В бытность викарием Тюрингии, провинциалом Саксонии и куратором в округе Страсбурга доминиканский теолог столкнулся с мощной традицией почитания имени «Иисус Христос» (*Jesus Cristus*), взятом в вокативе, процветавшей в женских цистерцианских и доминиканских монастырях Саксонии и Баварии, Швабии и восточных кантонах Швейцарии в XIII–XIV вв. «В то время со мной также случалось и ещё часто случается ныне, – пишет в своих «Откровениях» насельница швабского монастыря Мединген Маргарет Эбнер, – что по ночам меня посещает столь могучая Божия благодать, что я не могу совершать никаких внешних дел, да и себя едва помню. А внутри ощущается сладость, великая благодать и подлинное присутствие Бога в душе. Все сие запечатлевает во мне Его сладчайшее имя “Иисус Христос”. Я столь часто его повторяла, что бывшие подле меня и считавшие, утверждали: Я порой произносила “Иисусе Христе” до тысячи раз. У меня не было никаких сил перестать, пока на то не было соизволения Божьего»¹². То же самое Адельхайд Лангманн из монастыря Энгельталь (ок. Нюрнберга), сократившая свою молитву до одного слова «Иисусе» и просившая: «Господи, начертай имя Твое в моем сердце, да не сотрется оно [из него] никогда»¹³. (Ср. у Экхарта: «В нас должно быть начертано имя Божье. Мы должны носить в себе образ Божий. И его свет нам должен светить»¹⁴.) Г. Сузо, понял, как то и было заведено у радикально настроенных харизматиков, завет своего учителя совершенно буквально. Острым грифелем он выцарапал у себя на груди «ИХ»¹⁵.

Немецкая мистика позднего Средневековья (прежде всего женская, но также и мистика мастеров) представляла собой культурную среду, в которой достигла небывалого расцвета практика «тайной молитвы» (*oratio furtiva*): краткой и имеющей устойчивый, формульный характер. Поскольку она произносилась разом и некоторым образом соотносилась с дыханием, она часто называлась также «метательной молитвой», «молитвой, предназначенной для метания» (*oratio jaculatoria*). Это был ближайший аналог молитвы,

⁹ Idem. Predigt 38 // DW II, S. 229, 1–230, 1.

¹⁰ Idem. Predigt 3 // Pf. S. 21, 36–40. (Deutsche Mystiker des 14. Jahrhunderts / Hrsg. von Fr. Pfeiffer. Bd. 2. Lpz., 1857.)

¹¹ Γρηγορίου τοῦ Παλαμά Κεφάλαια ἑκατὸν πενήκοντα. Cap. 35 // Sinkewicz, p. 120, 6–10. (Saint Gregory Palamas. The One Hundred and Fifty Chapters / Ed. R.E. Sinkewicz. Toronto, 1988.)

¹² Offenbarungen der Margaretha Ebner. S. 34, 6–16. (Margaretha Ebner und Heinrich von Nördlingen. Ein Beitrag zur Geschichte der deutschen Mystik // Hrsg. von Ph. Strauch. Freiburg in Br., Tübingen, 1882.)

¹³ Offenbarungen der Adelheid Langmann S. 16, 13–14. (Die Offenbarungen der Adelheid Langmann, Klosterfrau zu Engelthal. Hrsg. von Ph. Strauch. Strassburg, London, 1878.)

¹⁴ Meister Eckhart. Predigt 13 a // DW I, S. 226, 7–8.

¹⁵ Seuse H. Seuses Leben. I, Kap. 4 // Bihlmeyer, S. 16. (Seuse H. Deutsche Schriften / Hrsg. von K. Bihlmeyer. Stuttgart, 1907.)

известной на православном Востоке как «монологической», «однословной» (μονολογιστος). Сама же знакомая Гр. Паламе исихастская редакция «молитвы Иисусовой» на средневековом Западе известна не была¹⁶.

Справедливости ради следует заметить, что «*oratio furtiva*» пользовалась известностью уже задолго до немецких мистиков. Так, на необходимость постоянного молитвенного делания» (с отсылкой к 1 Фес. 5, 17: «Непрестанно молитесь...», практике египетских монахов) и на удобство кратких молитвословий указывал ещё Августин в своем известном Послании 130 (к Пробе), гл. 9–10, п. 18–20 (PL 33, 501). В небольшом сочинении «*Opusculum secundum. De psalmodum usu liber*» Алкуина (ок. 735–804), советника Карла Великого, ч. I, гл. 1: «*Abbreviatio furtivae orationis, quid sit satis congruum orare*», имеется пространный перечень молитвенных формул, удобных и рекомендованных для многократного повторения («*Kyrie eleison*», «*Propter nomen tuum, Domine*», «*Te Deum laudamus*», «*Te decet laus*», «*Firmamentum meum et refugium meum et dux meus esto, Domine Deus meus*» и пр. PL 101, 468). Краткими молитвами пользовались, согласно житию, св. Адалберт Пражский, и доминиканцы, «братья проповедники», во время разъездов. Многовековую практику чтения краткой молитвы обобщил Фома Аквинский (*Summa theologiae. II-II, q. 83, art. 14*)¹⁷.

В рамках женской «нуптиальной» (брачной) мистики, с которой пришлось столкнуться И. Экхарту, почитание имени «Иисус» имело откровенно магический характер. В контексте этой мистики – главным ее документом были «Проповеди на Песнь Песней» Бернарда из Клерво¹⁸ – человек и Бог позиционировались друг относительно друга по-новому. Между ними устранилась былая дистанция и устанавливались семейно-бытовые отношения.

В такую-то новаторски выстроенную поведенческую модель ринулись образы, мотивы семиотические навыки, организовавшие повседневный быт средневекового человека. Эти навыки были связаны с архаической магией: магией ритуала, магией слова. Так, например, одна из подопечных Экхарта из цюрихского монастыря Отенбах, доминиканка Элсбет фон Ойе – автор до сих пор не опубликованной «Книжицы жизни и откровений» («*Puchlein des Lebens und der Offenbarungen Swester Elsbethen von Oye*», Zürcher Zentralbibliothek Cod. Rh 159) – описывала магическую связь между Творцом и производимыми ею манипуляциями с утыканным гвоздями деревянным крестом как «канал истечения» (*kenel des fliessens*; 56, 14), «кровеносную вену» (*bluetgiessinde ader*; 97, 6). Такая связь еще далека от логической проработки в понятиях и описывается как обмен с Богом мозгом и кровью: она вытягивает из Него мозг и насыщается им (*entmergen / mergen*; 52, 11)... Поскольку латинские «Проповеди» Бернарда были для женской среды сложны для восприятия, они популяризовались в немецкоязычных сборниках 2 пол. XIII в.: францисканском «Сад духовных сердец» и цистерцианском «Св. – Георгенский проповедник», представлявших собой своего рода сценарии групповых психозов, описанных в «Хрониках» курируемых И. Экхартом женских монастырей Унтерлинден (г. Кольмар), Отенбах (г. Цюрих), Адельсхаузен (г. Фрайбург), Тёс (г. Винтертур), Вайлер (г. Штутгарт), Готтесцеллер (г. Гмюнд), Кирхберг (г. Хайгерлох, г. Зюльц), Катариненталь (г. Диссенхофен) и Энгельталь (г. Нюрнберг). – Следует заметить, что феномен движения мотивов через разные культурные среды и соответствующей адаптации этих мотивов к этим средам был распространен в средневековой Германии, образец чего мы имеем в южно-немецкой традиции игр об Антихристе¹⁹. Иными словами, существовала «*oratio furtiva*» высокой теологии: Августина, Алкуина, Фомы, и существовала магическая «*oratio furtiva*» народной религиозности позднего Средневековья.)

Что касается Экхарта, то в его отношении к слову и имени Божьему также присутствует изрядный привкус магизма: «[Подобно травам, камням. – *М.Р.*], слова имеют огромную силу, словами можно творить чудеса»²⁰. «Человек высокого рода», по Экхарту,

¹⁶ О краткой, формульной молитве на Западе, см.: Логотова М.Г. Рукописные молитвенники из монастырей «нового благочестия» в библиотеке герцога Августа (Вольфенбюттель, Германия) *Arbor mundi*. М., 2010. № 16. С. 98–126.

¹⁷ *Dictionnaire de Spiritualité Ascétique et mystique. Doctrine et histoire*. Paris, 1986. Т. XII / 2. Col. 2271–2288.

¹⁸ Köpf U. Bernhard von Clairvaux in der Frauenmystik // *Frauenmystik im Mittelalter* / Hrsg. von P. Dinzelsbacher, D.R. Bauer. Ostfildern, 1985. S. 48–77.

¹⁹ См.: Реутин М.Ю. Игры об Антихристе в южной Германии. Средневековая пародия. М., 1994.

²⁰ Meister Eckhart. Predigt 18 // DW I, S. 306, 5–7.

«имеет над Христом полную власть», может «понуждать» и «дурачить» Его²¹... Главной задачей куратора Экхарта, как отмечено выше, было воцерковление мистики, молитвенного опыта его подопечных, т.е. продумывание опыта, воспитанного на интуиции натуральной эманации, с помощью понятий эманации смысловой. Бог и созданное нами для него имя – разнородные реальности. Тем не менее, между ними наличествует описываемое учением об аналогии несущее тождество сущностно нетождественного: «Слова [молитвы] имеют своим предметом Бога и поэтому обретают от Него свою видовую определенность», «Они по необходимости несут запечатленным в себе что-то Божественное» (*et sic habent necessario impressum sibi aliquid divinum*), которое «выражают и сообщают», и это равно распространяется на устное и письменное слово²².

d) Тетраграмма

В таком контексте И. Экхартом была интерпретирована еврейская тетраграмма «*jod-he-waw-he*», понятая им в духе дионисийского богословия как чистейшее исхождение Божье, чем четырёхбуквенное имя, возникшее в контексте строго-библейского креационизма, никогда не считалось... С учением о тетраграмме доминиканский теолог познакомился в редакции Моше бен Маймона, кратко изложившего его в гл. 61–63 кн. I «Путеводителя растерянных»²³. Не углубляясь в частности экхартовского толкования тетраграммы, предложенного в п. 143–160 «Толкования на Исход», позволим себе описать лишь основную тенденцию этого толкования. Согласно рабби Моисею, ссылавшемуся на одного из учителей, тетраграмма существовала вечно: «До сотворения мира были только Бог и Его имя из четырех букв»²⁴. Обсуждение Мастером этой фразы показывает, что он этого не понимает и не принимает. Как имя может существовать «до сотворения мира»? – Если имя понять как божественное исхождение, а исхождение происходит лишь в область иного, то без иного и «до сотворения мира» имени попросту быть не может. Чтобы было имя, нужно, чтобы существовал тварный мир: «Что должно быть воспринято, то должно быть во что-то воспринято»²⁵... Согласно рабби Моисею тетраграмма, в отличие от всех прочих библейских теонимов, была дарована Богом, а не создана человеком. Поскольку же теонимы строились на основе произвольных божественных действий и, следовательно, за счет глаголов, постольку непроизводность тетраграммы от глагольных корней считалась одним из её самых существенных свойств. Экхарт же, уча, в отличие от рабби Моисея, о выступлениях Бога, не допускал производности тетраграммы от глагольных корней на других основаниях, ровно так же, как не допускал в свою метафизику содетельную и целевую причины. Потому что такие причины затемняют процесс формообразования вещей, который чист исключительно там, где присутствуют только первичные причины: формальная и материальная, значение имени и его звуковая, графическая оболочка.

Вот почему тетраграмма отличается, по Экхарту, от всех других «прозвищ» (*agnominations*) Бога, сообщенных ему в соответствии с его выступлениями вовне, не принципиально, как у рабби Моисея. Имя из четырех букв указывает на Бога «чистым обозначением» в силу того, что, по словам Птолемея: «Явления дальнего мира обозначают природу, облик, порядок и число высших явлений»; «вторые звезды» в воздухе, облаках, воде, на земле и в растениях указывают на природу, свойства «первых звезд» в небесах: «*Inferiora significant naturam, figuram, ordinem et numerum superiorum, sicut effectus significat super causa sua*»... «Действие обозначает свою причину»²⁶, – на этом, по Экхарту, по-

²¹ Idem. Predigt 20 b // DW I, S. 345, 9–10. Predigt 20 a // DW I, S. 327, 7–328, 2. Predigt 13 // DW I, S. 214, 12.

²² Idem. Sermo 47 / 2. P. 489: «*Ipsa verba sunt de deo obiective et sic ab ipso speciem trahunt, ... sunt ab ipso mediante scriptura inspirata effective et sic habent necessario impressum sibi aliquid divinum, ... ipsa exprimunt et commendant aliquid divinum*» // LW IV, S. 404, 7–9.

²³ Из общих работ о тетраграмме см.: Архиепископ Феофан (Быстров). Тетраграмма или Божественное Ветхозаветное Имя *hvhv*. СПб., 1905. (Переиздание: Киев, 2004.) См. также: Архипов А. Имя чресел чресел его: Информация к размышлению о божественных именах в еврейской мистике // Именослов. Заметки по исторической семантике имени. М., 2003. С. 5–70.

²⁴ Meister Eckhart. *Expositio Libri Exodi*. 147 // LW II, S. 133, 2–3. Maimonides. *Liber Doctor perplexorum*. I, cap. 61 // Buxtorf, p. 108. Позаимствовано из т.н. «Глав рабби Элиезера» (гл. 3).

²⁵ Meister Eckhart. *Von abegescheidenheit* // DW V, S. 404, 2–3.

²⁶ Idem. *Expositio Libri Exodi*. P. 152 // LW II, S. 136, 11–12.

строена не только тетраграмма, но и алхимия, геомантия, пиромантия... Нет ничего странного в том, что, стремясь предельно уточнить принцип обнаружения причины в её действиях, Мастер готов приписать особое значение не только тетраграмме в целом, но также и составляющим ее буквам: их количеству, расположению, начертанию и природе стоящих за ними глухих, звонких и плавных звуков. Но как раз это и было неприемлемо для Маймонида, критиковавшего магические манипуляции, совершаемые каббалистами с тетраграммой. «Буквами» и их «составлениями», по его глубокому убеждению, занимаются лишь «злонамеренные и невежественные люди». Экхарт, конечно, не был ни тем, ни другим. Он истолковал учение о тетраграмме на основе дионисиевского учения об исхождении. Чистейшим таким исхождением стала для него еврейская тетраграмма, которая, по рабби Моисею, исхождением категорически не была. Рейнский мистик переопределил основные понятия маймонидовского учения и пришел к выводам, как будто, похожим на выводы каббалистов, следуя, однако, не их, но своим курсом. Курсы эти были параллельны друг другу, ведь здесь и там речь шла об эманации Бога.

Переосмыслив на началах эманационизма древнееврейское учение о тетраграмме, Экхарт утвердил символический характер всех имен Божьих. Эти имена составляют пирамиду. На ее вершине находится тетраграмма. Ниже расположены теонимы из 2, 12 и 42 букв, а также имена «Адонай» и «Шаддай», святость которых приближается к святости тетраграммы, но не достигает ее. Основание же пирамиды составлено из разных положительных имен, содержащихся в обоих Заветах и произведениях Отцов. Еще раз: разница между тетраграммой и другими теонимами не принципиальна. Будучи исхождениями Бога, хотя бы и в области языка, все они – одной и той же природы, однако являют Бога с разной степенью интенсивности и чистоты: от абсолютной до низкой. (Кажется, что для средневекового неоплатонизма не было особенной разницы между священной тетраграммой и базальтовым булыжником мостовой. В своей машине он перемалывал то и другое, превращая то и другое в тварные образы, в которых с разной отчетливостью просвечивали их нетварные прообразы: идеи в разуме Божьем, логосы, парадигмы.)

е) *Гр. Палама и имяславие*

В свете сказанного получает новое решение вопрос о соотношении русского имяславия начала XX в. с богословием энергий Гр. Паламы: насколько первое укоренено во втором? Феномен почитания имени Божьего встречался в истории европейской культуры, по крайней мере, несколько раз. И всякий раз этот феномен был непосредственно связан с той или иной исторической формой эманационизма: архаической ритуально-магической (старонемецкая традиция краткой молитвы), неоплатоновской: дионисиевской (И. Экхарт), каббалистической (А. Абулафия), паламитской (схим. Иларион (Домрачев), иеросхим. Антоний (Булатович)). Изучение корней имяславия начала XX в. окажется продуктивным, если отказаться от центризма русской традиции и перейти к типологическим сопоставлениям.

Настаивая на непричастности доктрины Гр. Паламы к имяславии, официальное православное богословие приводит в свою пользу два аргумента: 1) в текстах Паламы имяславческие пассажи отсутствуют вовсе; 2) Палама *de facto* разделял аристотелевскую концепцию условного происхождения имен без какой-либо отсылки к теории естественных имен Платона. Однако альтернативная традиция постоянно связывает имяславие с паламитским учением об энергиях²⁷. Учитывая оба приведенных довода и исходя из изложенного выше, можно утверждать следующее. Палама разработал теорию смысловой эманации в области онтологии и в области богопознания (см. ниже). Но сам он не транслировал свои построения в сферу учения о языке. Это сделали несколько сот лет спустя его продолжатели и делатели «молитвы Иисусовой» Старого и Нового Афона. Был нужен некоторый лингвистический поворот, вообще говоря, имевший место в русской мысли и философии начала XX в. В типологически сходном с паламитским богословии Экхарта *linguistic turn* был осуществлен. В результате переноса принципов эманации из онтологии

²⁷ Свящ. Дмитрий Лескин. Спор об Имени Божиим. Философия имени в России в контексте афонских событий 1910-х гг. СПб., 2004. Епископ Иларион (Алфеев). Священная тайна Церкви. Введение в историю и проблематику имяславческих споров. СПб., 2007. Он же. Споры об Имени Божиим. Архивные документы 1912–1938 годов. СПб., 2007.

в теорию языка развился «лингвоэманационизм», который как раз и представляет собой – рассуждая типологически – промежуточное звено между паламитизмом и имяславием. В имяславии тварное «произведение» и «результат» энергии стали пониматься как звуковая и графическая оболочка слова, сама же нетварная энергия начала интерпретироваться как лексическое значение этого слова. Теория смысловой эманации, в паламитском ли, или экхартовском её варианте, содержит в себе всё необходимое для построения концепций имяславческого толка. Совершенно несостоятельно возражение, что к моменту зарождения имяславия в 1910 гг. труды Паламы в России почти не были известны и что уже по этой причине имяславие не может быть творческим развитием богословия энергий. Существовала келейная традиция умного делания, вобравшая в себя в меру необходимости и в снятом виде теоретические построения афонского исихаста XIV в. Она-то и нашла осмысление в имяславии. Не содержа в себе собственно имяславческих концепций, богословие энергий Паламы, тем не менее, может и должно считаться теоретической основой русского имяславия начала XX в.

Возвращаясь к И. Экхарту, нужно заметить, что его некоторые, связанные с теориями замечания близко напоминают высказывания отечественных почитателей имени Божьего. Взять, например, знаменитую формулу о. Иоанна Кронштадтского, о. Павла Флоренского: «Имя Божье есть Сам Бог, но Бог не есть Его имя». Но и рейнский Мастер учил: «Бог присутствует в образе гораздо более благородным способом, нежели образ в Боге»²⁸. – Что же такое есть образ Бога? Как мы знаем, не что иное, как его имя²⁹...

2. Теория богопознания: положительный, отрицательный методы и «путь превосходства»

а) Три методологии

Помимо того, что наличие эманационных учений у Гр. Паламы и И. Экхарта доказывается непосредственным образом: через анализ лексики и анализ представленных этой лексикой богословских концепций, наличие эманационных учений в творениях обоих мыслителей может быть также доказано косвенным образом: через анализ развиваемых ими теорий богопознания. В самом деле, как Бог обнаруживает себя в дольном мире: в качестве ли самовластного Творца, или в качестве изливающейся от переизбытка Первопричины, ровно также, и никак иначе, он познается. Впрочем, движение происходит в обратном порядке: вместо нисхождения Бога к тварным вещам – восхождение к Богу от тварных вещей, и осуществляется оно не объективно, в области бытия, но субъективно, в сфере познающего интеллекта. В эпоху позднего Средневековья методология богопознания была представлена тремя главными способами: отрицательным, положительным и «путем превосходства». Будучи впервые систематически сформулированы в платоновском «Пармениде», соответственно, в виде первой, второй, третьей гипотез о едином³⁰, «*via negativa*», «*via positiva*» и «*via eminentiae*» успешно использовались в контексте как креационных, так и эманационных учений, хотя и различно сочетаясь друг с другом и наполняясь разным же содержанием. Применительно к богословию Экхарта и Паламы следует выделять три разновидности таких сочетаний и содержательных наполнений.

б) Методология платоновского «Парменида»

В соответствии с рассмотренной выше методологией «Парменида», Бог и тварный мир гипотетически «берутся» рейнским Мастером то безотносительно (отрицательный метод), то относительно (положительный метод) друг друга. Из этих полаганий логически следуют имена Бога: «Ничто» (niht) и «Нечто» (iht), с рядами их уточнений. Платоновской и экхартовской методологии свойственны две особенности. 1) Имена «ничто» (niht) и «нечто» (iht) приписываются не только единому / Богу, но и иному / твари, ведь иное / тварь также ставится в позиции безотносительности и относительности по отношению к единому / Богу. Переменное, парное именование твари является уникальной

²⁸ Meister Eckhart. Predigt 16 b // DW I, S. 268, 8– 9.

²⁹ См. прим. 14 настоящей статьи.

³⁰ Третья гипотеза «Парменида» о едином: 155 e–157 b. См. прим. 42 к статье «Христианский неоплатонизм XIV века. Теория “духовных совершенств” И. Экхарта – теория “энергий” Гр. Паламы».

чертой теологии Экхарта, не имеющей аналогов в латинской схоластике. 2) Кроме относительного отрицания единого / Бога и иного / твари (когда они, повторим, описываются вне пары друг с другом), платоновская и экхартовская методология включает в себя позицию их абсолютного отрицания, когда единому / Богу и иному / твари, в порядке гипотетического предположения, отказывается в самом наличии, существовании. – С точки зрения синтаксиса, относительное отрицание представляет собой отрицание предикатива, именной части сказуемого: «Бог не есть *N*», а отрицание абсолютное представляет собой отрицание связки: «Бог не есть», выступающей в рассматриваемом случае в роли полнозначного глагола. – Гипотезы «Парменида» VII: абсолютное отрицание единого с выводами для единого, состоящими в том, что единого нет (163 с–164 b), и IX: абсолютное отрицание единого с выводами для иного, состоящими в том, что иного нет (165 e–166 c), Экхарт осмыслил в п. 12–13 «Общего пролога к “Трехчастному труду”». Если Бог не тождествен бытию, то его попросту нет, а «Если нет Бога, то нет ничего» (*Si deus non est, nihil est*; ср. Платон: «Если нет единого, то ничего нет», *ἐν εἰ μὴ ἔστιν, οὐδὲν ἔστιν*)³¹.

А как в этом вопросе обстоит дело с богословской доктриной Гр. Паламы? Как показано выше, позиции относительности и безотносительности ему также прекрасно известны. Так, в гл. 17 трактата «О божественном единении и различении» он называет «промысел» (πρόνοια) Божий «связью с миром существующих» (συχῆσις πρὸς τὰ ὄντα) Того, Кто «по сущности совершенно безотносителен» (τοῦ κατ' οὐσίαν παντάλασις ἀσυχῆτου)³². Однако, в отличие от И. Экхарта, византийский исихаст не связывает позиции относительности и безотносительности Божьей ни с катафазой, ни с апофазой, и, следовательно, ни с положительной, ни с отрицательной теонимией. В отличие от своего немецкого современника, он не использует методологию относительно-безотносительного полагания в целях описания твари. Наконец, Гр. Паламе не известно абсолютное, хотя бы в ранге гипотезы, отрицание Бога и сотворенного мира.

с) Методология Дионисия Ареопагита

На архаический слой платоновской катафазы и апофазы, жестко увязанных с позициями относительности и безотносительности, в богословии И. Экхарта наложен более новый слой «*via positiva*» и «*via negativa*», обязанный своим возникновением трудам Дионисия. В той мере, в какой Бог пребывает в себе, не обнаруживает себя тварному миру, он остается непостижим и ему соответствует отсутствие имен, анонимность: «У Бога нет имени», «Бог – безымянен» (Экхарт)³³; «Оно [божественное Естество. – *M.P.*] всегда неизреченно. И нет для Него имени в нынешнем веке, и в [веке] грядущем Оно также останется безымянным» (Палама)³⁴. В той же мере, в какой Бог выступает вовне, за пределы своей сущности, в виде действий и проявлений, присутствуя в этом качестве в сотворенном им мире, он познаваем и ему подобает многоименность, полинимия: «Посему “имя высшее всякого имени”, Фил. 2, не неизреченно, но всеизреченно» (Экхарт)³⁵; «Это “имя высшее всякого имени”,... это имя единого триипостасного Бога» (Палама)³⁶. В подходе Дионисия методология платоновского «Парменида» усвоена, присутствует целиком, хотя статичные позиции относительности и безотносительности единого и иного заменены на динамику обнаружений Бога в сотворенном мире и скрытости Бога от сотворенного мира. (После того, как Прокл, на которого Ареопагит опирался, развел предметы трех первых (как и всех прочих) гипотез³⁷, это выглядело восстановлением платоновского sta-

³¹ Meister Eckhart. Prologus generalis in opus tripartitum. P. 13 // LW I, S. 158, 9. Πλάτων. Παρμενίδης. 166 с // (Platon. Parménide // Oeuvres completes. T. VIII, 1re partie. P., 1991. P. 115.)

³² Γρηγορίου τοῦ Παλαμᾶ Περί ἐνώσεως καὶ διακρίσεως. Cap. 17 // Χρήστου, Τ. II, p. 81, 19–21.

³³ Meister Eckhart. Predigt 20 b // DW I, S. 346, 3. Idem. Predigt 71 // DW III, S. 221, 8–222, 1.

³⁴ Γρηγορίου τοῦ Παλαμᾶ Κεφάλαια ἐκατὸν πενήκοντα. Cap. 106 // Sinkewicz, p. 202, 6–7.

³⁵ Meister Eckhart. Expositio Libri Exodi. P. 35 // LW II, S. 41, 15–42, 1. Флп. 2, 9.

³⁶ Γρηγορίου τοῦ Παλαμᾶ Περί ἐνώσεως καὶ διακρίσεως. Cap. 20 // Χρήστου, Τ. II, p. 83, 34–35. Флп. 2, 9.

³⁷ Первая гипотеза, по мнению Прокла, относится к «верховному Богу», вторая – «уровню интеллигибельного», третья – к «душе», четвертая – «так или иначе организованному телу», пятая относится к «телу неорганизованному», шестая – «организованной материи», седьмая – к «материи неорганизованной», восьмая гипотеза – «форме в материи», наконец, девятая – к «материи, отделенной от формы». (Proclus. Commentary on Plato's Parmenides. Princeton, 1992. P. 412.)

tus quo, – несмотря на то, что некоторые (Е. Корзини³⁸ и др.) усматривают здесь «революционный шаг» и предпосылают сочинениям «Corpus Dionysiacum» анонимный комментарий на «Парменид», выполненный Порфирием или в школе Порфирия (П. Адо и др.)³⁹.)

В воспринятой И. Экхартом методологии Дионисия, важно то, что в ее рамках катафаза и апофаза не столько противостоят друг другу, сколько сотрудничают, дополняют друг друга. «Принцип никогда не является тем, что изведено из этого принципа, как точка ни в коей мере не является линией»⁴⁰. Катафаза и апофаза стоят, по Экхарту, перед одной и той же задачей: по-своему описать соотношение форм, внутренне присущих сотворенным вещам, и идей, запредельных тварному миру и наличных в разуме Бога. Положительное богословие находит здесь соответствие и в нём свое оправдание. Богословие отрицаний, напротив, настаивает на глубоком различии форм и идей и на их различии обосновывает себя в качестве метода. «Via positiva» и «via negativa» предполагают друг друга, находятся в отношении дополнительности и обратной пропорции. Нечто чрезвычайно похожее мы видим у Гр. Паламы. Согласно ему, «применительно к Богу отрицания не противоречат (οὐκ ἐναντιοῦνται) утверждениям, поскольку Он есть сущий и не существующий, везде и нигде, многоименный и безымянный, вечно движущийся и неподвижный, вообще, всё и ничто из всего»⁴¹.

В дионисиевской перспективе сотрудничество катафазы и апофазы кульминирует в среднем методе, в «пути превосходства» (via eminentiae). «Путь превосходства» возникает в общем, экхартовском и паламитском, контексте критики отрицательного богословия.

<p style="text-align: center;"><i>Иоанн Экхарт</i></p> <p>«Утверждение, коль скоро оно относится к бытию, соответствует Богу и Божественному как таковому, а отрицание не соответствует, но посторонне Богу. Кратко говоря, причиной сему служит то, что утверждение предполагает бытие и заключает его. Ведь [копула] «есть» является посредницей всех утверждений либо угадывается в них. Всякое же отрицание, и только оно, содержит в себе небытие»⁴².</p>	<p style="text-align: center;"><i>Григорий Палама</i></p> <p>«[Апофатическое восхождение] освобождает представление [о Боге] от всего прочего, но само по себе не может принести единения с запредельным»⁴³.</p> <p>«В соответствии с отрицательным богословием ум размышляет о несвойственном Богу и действует расчленяющим образом»⁴⁴.</p>
---	--

Отрицательный метод не удовлетворяет обоих мыслителей по двум причинам: сам по себе он не ведет к объединению с очевидной для них Реальностью (Палама) и не соотносится с ее положительным содержанием (Экхарт, Палама). С другой стороны, одобряя путь отрицаний, Экхарт отвергает и положительный метод, ведь второй, в отличие от первого, увязает в омонимии (одноименности), хотя всем известно, что, одинаково называясь, любовь, власть, мудрость Божьи – это вовсе не то же, что человеческие любовь, власть и мудрость. «Высказывание о Творце посредством отрицаний истинно, ... высказывание же о Нем с помощью утверждений отчасти одноименно»⁴⁵, «Отрицания по отношению к Богу истинны, а утверждения непригодны»⁴⁶. Таким образом, получается, что отрицание, в разных смыслах, «истинно», но «посторонне» Творцу, а утверждение «непригодно», поскольку «одноименно», но «соответствует» ему.

³⁸ Corsini E. Il trattato De divinis nominibus dello pseudo-Dionigi e i commenti neoplatonici al Parmenide. Torino, 1962. P. 121.

³⁹ См.: Halfwassen J. Sur la Limitation du Principe de Contradiction chez Denys // Diotima. 1995. № 23. P. 49–50.

⁴⁰ Meister Eckhart. Utrum in deo sit idem esse et intelligere? P. 9 // LW V, S. 45, 6–7.

⁴¹ Γρηγορίου τοῦ Παλαμᾶ Περί θεῶν ἐνεργειῶν καὶ τῆς κατ' αὐτὰς μεθέξεως. Cap. 2 // Χρήστου, Τ. II, p. 97, 8–12. Idem. Περί ἐνώσεως καὶ διακρίσεως. Cap. 19 // Χρήστου, Τ. II, p. 83, 14–15; cap. 20 // Χρήστου, Τ. II, p. 83, 31–33, etc.

⁴² Meister Eckhart. Expositio Libri Exodi. P. 77 // LW II, S. 80, 9–81, 2. Ср.: Idem. Sermones et lectiones super Ecclesiastici. P. 60 // LW II, S. 289, 3–5.

⁴³ Γρηγορίου τοῦ Παλαμᾶ Ὑπὲρ τῶν ἱερῶς ἡσυχάζόντων. I, cap. 3, p. 21 // Meyendorff, p. 153, 27–28. (Grégoire Palamas. Défense des saints hésychastes / Ed. J. Meyendorff. Louvain, 1959.)

⁴⁴ Ibidem. II, cap. 3, p. 35 // Meyendorff, p. 457, 14–15.

⁴⁵ Meister Eckhart. Expositio Libri Exodi. P. 37 // LW II, S. 43, 7–9. Цитация гл. 58 «Путеводителя растерянных» Маймонида.

⁴⁶ Ibidem. P. 78 // LW II, S. 81, 3–4. Цитация гл. 2, § 3 «О небесной иерархии» Дионисия Ареопагита.

Нельзя ли, в таком случае, познать Бога так, чтобы, будучи положительным, наше знание «соответствовало» бы ему и, избегая омонимии, было бы «истинным»? Можно, и Экхарт демонстрирует такое знание в п. 78 своего «Толкования на Исход», комментируя «О небесной иерархии» (гл. 2, § 3) Дионисия и откликаясь на апофатические, непосредственно восходящие к «Пармениду», пассажи трактатов «О божественных именах» (гл. 1, § 5) и «О мистическом богословии» (гл. 5): «Ведь наш разум воспринимает совершенства, относящиеся к бытию, из творений, где эти совершенства несовершенны, рассеяны и разделены, и сообразно этому способу обозначает. В таких высказываниях надлежит иметь в виду две вещи, именно: сами обозначаемые совершенства, скажем, благодать, истину, жизнь, познание и остальные; они истинны и верны. Но также надо поразмыслить о способе обозначения; в этом смысле они непригодны. Это-то имеет в виду Дионисий»⁴⁷.

Справедливости ради надо заметить, что здесь доминиканский магистр следует путем, проложенным Фома Аквинским. Фома подробно остановился на дионисиевской апофазе в ч. I, вопр. 13, ст. 3 «Суммы богословия», в кн. I, гл. 30, п. 276–278 «Суммы против язычников». Анализируя отрицательные суждения о Боге греческого отца Церкви, он разложил их на пару составляющих: «предмет обозначения» (*res significata*), которым является одно из совершенств, и «способ обозначения» (*modus significandi*). Приписывая Богу созерцаемые в сотворенном мире совершенства, нам следует, согласно Фоме, отказаться от способа нашего понимания этих совершенств – хотя бы из-за того, что они связаны с материей, ограничены временем, прилагаются субъектам в качестве предиката, – и принять их «способом более высоким» (*secundum eminentiorem modum*)... Итак, в качестве нерелевантного (у Экхарта: «*incongruum*») Фомой критикуется вовсе не предмет, лежащий в основе положительного содержания имени, но лишь способ, которым этот предмет обозначается. Отрицанию же отводится сугубо второстепенная роль коррективы утверждений. «Итак, – заключает Фома, – согласно Дионисию, такие имена могут приписываться Богу как в положительном, так и в отрицательном смысле: в положительном – на основе содержания имени, а в отрицательном – в силу способа обозначения»⁴⁸.

Это, собственно, и есть «путь превосходства» (*via eminentiae*), на практике выглядящий как совокупность названий с намеренно разрушенной, искаженной семантикой. При этом, если имя, заложенное в основу каждого из названий указывало на качество либо на действие сотворенной вещи («един», «страдает»), то само название указывает на абсолютно похожую, но и абсолютно же непохожую идею этого качества или действия, наличную в Боге. Отсюда логично следует, что Бог – «не становление, но только (*mer*) момент настоящего», «становление кроме (*sunder*) становления, обновление помимо новизны» (проп. 50)⁴⁹; «способ без (*âne*) способа», «бытие без бытия» (проп. 71)⁵⁰. Далее, он «мудр без мудрости, благ без благодати, могуществен без власти» (проп. 9)⁵¹; «един без (*sine*) единства», «тройствен без троичности» (лат. проп. 11 / 2); «велик без количества», «благ без качества» (лат. проп. 18)⁵². Бог «гневается без смятения», «страдает без страдания», «ревнует без ярости», «жалеет без скорби» (лат. проп. 12 / 2)⁵³. Если положительный метод сводился к формуле: «Бог есть *N*», а отрицательный метод – к формуле: «Бог не есть *N*», то «путь превосходства» сводится к формуле: «Бог есть не *N*», где *N* обозначает форму (атрибут, предикат) сотворенной вещи⁵⁴.

«Путь превосходства» восходит к гипотезе III (155 е–157 б) платоновского «Парменида». Но различие между ним и этой гипотезой столь же огромное, как различие ме-

⁴⁷ Ср.: Thomas Aquinas. *Summa theologiae*. I, q. 13, art. 3.

⁴⁸ *Idem*. *Summa contra Gentiles*. I, cap. 30, p. 276.

⁴⁹ Meister Eckhart. *Predigt 50* // DW II, S. 459, 7–8.

⁵⁰ *Idem*. *Predigt 71* // DW III, S. 231, 1–2. *Idem*. *Predigt 9* // DW I, S. 144, 8–9.

⁵¹ *Idem*. *Predigt 9* // DW I, S. 147, 1–2.

⁵² *Idem*. *Sermo 11* / 2. P. 118 // LW IV, S. 112, 6. *Idem*. *Sermo 18*. P. 182 // LW IV, S. 171, 8–9.

⁵³ *Idem*. *Sermo 12* / 2. P. 136 // LW IV, S. 128, 8–10.

⁵⁴ Кроме антиномических теонимов, к речевой практике «пути превосходства» принадлежат суперлативные, тавтологические и рефлексивные. Суперлативные: «Он – сверхсущий, сверхсхваляемый, сверхизреченный и сверхразумный» (*Predigt 80* // DW III, S. 382, 6–7), тавтологические: «первоначало первой чистоты и чистота всяческой чистоты», «сокровенный сумрак вечной сокровенности» (*Predigt 54* // Pf. S. 173, 13), рефлексивные: «Бог есть сущее над всеми вещами стояние (и дальше «сидение». – М.Р.) в Самом Себе» (*Predigt 13 a* // DW I, S. 224, 12–225, 8. Ср.: Дионисий Ареопагит. *О божественных именах*. IX, § 8). Во всех этих теонимах по-своему искажается (разрушается) значение легших в их основу слов.

жду отрицательным методом и гипотезой I, положительным методом и гипотезой II. В гипотезе III осуществляется относительное и абсолютное полагание единого в некий момент, когда оно внезапно (ἐξαίφνης) переходит из первого состояния во второе, принадлежа еще тому, но уже и другому, и будучи едино-множественным, подобно-неподобным, соединено-разъединенным и пр. Христианский «путь превосходства» описывает вечные идеи и парадигмы в разуме Бога с опорой на формы тварных вещей, очень похожие и совсем непохожие на эти идеи и парадигмы.

В богословии Гр. Паламы обнаруживаются все описанные выше тенденции с той только (впрочем, обычной и ожидаемой) разницей, что тщательным разработкам поздних схоластов у него соответствуют общие силуэты концепций. Так, размышляя над теми же апофатическими пассажами Дионисия («О божественных именах» гл. 1, § 5; «О мистическом богословии» гл. 5), над которыми за тридцать лет до него в Париже раздумывал И. Экхарт («неуловимо», «неизреченно», «нет Ему имени», «не будет обозначено именем»⁵⁵) Гр. Палама в гл. 106 «Ста пятидесяти глав» – вместо того, чтобы множить отрицательные имена и глубокомысленно замолчать, – парадоксальным образом, по существу же очень логично, переходит к построению экспериментальной речевой практики «в несобственном смысле» (καταχρηστικῶς), противопоставляя ее дискурсу «в собственном смысле» (κυρίως). Так-то, по Паламе «в несобственном смысле», а «не в собственном смысле» «из всего», из мира творений, подобает говорить о той Причине, что «до всего, просто и неопределенно всё заранее содержит в Себе»⁵⁶. Отсюда – используемые Паламой антиномические обозначения экхартовского толка, поскольку только они приемлемы по отношению к Богу: «разделяемому и нераздельному, соединенному в различии и различаемому в соединении, не исходящему из себя самого в исхождении, вечно движимому в недвижимости, нераздельно делящемуся и целиком причастуемому»⁵⁷.

Широкое использование «пути превосходства» И. Экхартом и Гр. Паламой определено свидетельствует об общей для них диалектической манере мышления. Не имея возможности обсуждать данный вопрос во всем его объеме, тем не менее, следует указать на явный признак этой манеры. Оба мыслителя сознательно разводят позиции противоположности и противоречивости: первая чревата динамикой, синтезом, обогащением знания; вторая ни к чему не ведет, создать внутренне противоречивые, самих себя исключаяющие вещи не способен сам Бог: «Бог не может всего того, что содержит в себе противоречие, ибо, когда утверждается, что противоречащие друг другу вещи существуют одновременно, то из этого следует, что не существует ни одна из них. Если есть одна, то нет другой, и наоборот. Значит, если есть обе, то нет ни одной»⁵⁸... Противоречие нужно понимать по-аристотелевски. Его составляют суждения, противостоящие друг другу в одном и том же отношении, в одно и то же время, одним и тем же способом. Если одно из таких обстоятельств изымается, то противоречивость переходит в противоположность. Первая помечается Экхартом с помощью терминов «*contradictio*», «*contradictoria*», вторая – с помощью терминов «*oppositio*» и «*contraria*». Что касается Гр. Паламы, то обычными для себя оговорками: «не тем же образом» (ἀλλ' οὐ τὸν αὐτὸν τρόπον), «во многих и разных смыслах» (κατὰ πολλοὺς καὶ διαφόρους τρόπους) и пр.⁵⁹, он выводил свои антиномии из позиции противоречия.

⁵⁵ Γρηγορίου τοῦ Παλαμᾶ Κεφάλαια ἑκατὸν πενήκοντα. Cap. 106 // Sinkewicz, p. 200, 1–202, 21.

⁵⁶ Ibidem // Sinkewicz, p. 202, 15–18.

⁵⁷ Idem. Περὶ θείας καὶ θεολοιοῦ μεθέξεως. Cap. 27 // Χρήστου, Τ. II, p. 161, 12–15. Ср.: Idem. Κεφάλαια ἑκατὸν πενήκοντα. Cap. 68 // Sinkewicz, p. 162, 1–16, etc.

⁵⁸ Meister Eckhart. Expositio Libri Exodi. P. 32 // LW II, S. 38, 8–11.

⁵⁹ Γρηγορίου τοῦ Παλαμᾶ Περὶ θείων ἐνεργειῶν καὶ τῆς κατ' αὐτὰς μεθέξεως. Cap. 2 // Χρήστου, Τ. II, p. 97, 17. Idem. Διάλογος ὀρθοδόξου μετὰ βαρλααμίτου. Cap. 32 // Χρήστου, Τ. II, p. 194, 27. Ср.: Острогорский Г. Афонские исихасты и их противники. К истории поздневизантийской культуры // Записки русского научного института в Белграде. Белград, 1931. Вып. 5. С. 367–368: «Греческо-христианское мышление я бы назвал в существе своем антиномичным. Греческая догматика сплошь покоится на положениях логически друг друга исключаящих и уничтожающих, мысля теологически единым то, что логически является множественным, и, наоборот, мысля теологически множественным то, что логически едино». О Паламе: «Он становится на путь антиномического мышления, являясь верным продолжателем философских традиций греческой догматики. Его система соответствовала и отвечала самим основам греко-христианского мышления».

<p><i>Иоанн Экхарт</i> «В таких антиномических именах всегда совпадают обе противоположности»⁶⁰.</p> <p><i>Генрих Сузо</i> «Если две <i>contraria</i>, т.е. две противоположные вещи, человек не осознает как единое друг с другом, то с ним, без сомнения, нельзя рассуждать о подобных вещах»⁶¹.</p>	<p><i>Григорий Палама</i> «Толкующий высказывание так, что обе его части остаются верны, а не так, что одна менее, а другая более предпочтительна, такой человек благочестив. Использующий же одну часть так или иначе против другой неблагочестив или даже нечестив по отношению к каждому из названных положений»⁶².</p> <p>«Итак, нам следует принимать оба утверждения и устанавливать их себе как правила благочестия. А тех, кто противопоставляет одно [утверждение] другому, или считает их подобными друг другу, надлежит отвергать как нечестивых и безумных»⁶³.</p>
--	--

d) *Методология Моше бен Маймона*

Взаимное соотношение положительного (*beshemot hamehajjevim*) и отрицательного методов (*beshemot hammoneim*) жестко увязано в гл. гл. 52–60 кн. I «Путеводителя растерянных» с пониманием феномена действия, в том числе божественного. Вообще, рабби Моисей выделяет пять способов (*dimjon*) наименования любого объекта, именно: определение, часть определения, описание акциденций, установление соотношений с иным и через действие⁶⁴. Для Бога еврейский философ оставляет лишь последний способ в качестве приемлемого, хотя и здесь тоже, соглашается он, надеяться особенно не на что: действий Творца очень много и они слишком разные, чтобы от них перейти к его простоте. Такая процедура редукции была бы затруднительна даже при анализе действий огня и тем более человека. К тому же, когда мы так или иначе именуем Творца, исходя из его действий, то приписываем ему наши же качества: милосердие, сострадание, однако, сами о том не догадываясь, в качестве омонимов, эквивокков. («Бог гневается и ненавидит, хотя гнев и ненависть – в Боге ничто, и не указывают в Нем ни на что, но [так говорится], потому что вне Себя Он делает то, что у нас следует из гнева или из ярости», – скажет Экхарт, подводя итог в своем маймонидовском конспекте⁶⁵. В этом же ряду образы бестиария: «гневли-вость» собаки, «хитрость» и «коварство» лисы, «скаредность» муравья.) Такое знание, является, по Маймониду, скорей полным незнанием, чем не полным знанием⁶⁶.

Если у Экхарта и Паламы Бог не только вполне трансцендентен, но и вполне имманентен по отношению к тварному миру, то в системе рабби Моисея он исключительно трансцендентен. Говоря словами И. Экхарта, Бог – логически необходимое, временное «начало» (*primum*) своих дел, но не остающийся, пребывающий в них «принцип» (*principium*). К Богу

⁶⁰ Meister Eckhart. Sermo 18. P. 182 // LW IV, S. 171, 9.

⁶¹ Seuse H. Das Buch der Wahrheit. Kap. 6 // Sturlese, Blumrich, S. 32, 93–96. (Seuse H. Das Buch der Wahrheit / Hrsg. von L. Sturlese und R. Blumrich. Hamburg, 1993.)

⁶² Γρηγορίου τοῦ Παλαμᾶ Θεοφάνης. P. 4 // Χρήστου, T. II, p. 224, 25–31.

⁶³ Ibidem. P. 13 // Χρήστου, T. II, p. 238, 11–14.

⁶⁴ Meister Eckhart. Expositio Libri Exodi. P. 37 // LW II, S. 43, 9–44, 4.

⁶⁵ Meister Eckhart. Expositio Libri Exodi. P. 44 // LW II, S. 48, 14–16. Rabbi Mosis Majemonidis Liber Doctor perplexorum. I, cap. 54 // Buxtorf, p. 88.

⁶⁶ Ср. позаимствованную И. Экхартом у Моше бен Маймона пародию на положительное богословие: Meister Eckhart. Expositio Libri Exodi. P. 173: «Это подобно тому, – он (рабби Моисей. – М.Р.) говорит, – как если бы кто-то услышал имя слона и знал только то, что это животное. И вот он ставит вопросы, дабы лучше узнать образ и подлинную сущность слона. А другой человек ему отвечает, желая ввести его в заблуждение, и говорит: “Тебе надобно знать, что это есть нечто, имеющее одну ногу и три крыла. Оно проживает в глубинах морских, и его тело сверкает подобно яркому свету, и лик у него как лик человека. Порой парит оно в воздухе, порой плавает в водах наподобие рыбы” // LW II, S.149, 15–150, 2. Rabbi Mosis Majemonidis Liber Doctor perplexorum. I, cap. 60 // Buxtorf, p. 105–106.

невозможно прорваться сквозь толщу его же, внешним образом с ним сцепленных, действий. Он не дан в своем действии, не явлен в нем нашему миру. Действие Божье не является знаком, символом Бога, по которому его можно было бы опознать. Конечно, в подобном контексте не может возникнуть учение об аналогии, нетварной благодати и информации. Однако в отдельных, вырванных из контекста случаях: где речь идет о Едином, самой по себе неявленной сущности Божьей, методология Моше бен Маймона совпадает, по Экхарту, с методологией Дионисия Ареопагита. Все точки сохждений тщательно исследованы Экхартом в «Толковании на Исход», до него – Альбертом Великим в комментариях на «Corpus Dionysiacum». Экхарт говорит голосами обоих и одного дополняет другим.

Несмотря на то, что в пределах доктрины Моше бен Маймона положительный и отрицательный методы взаимно противопоставлены и исключают друг друга, нерелевантность первого вовсе не означает, что богопознание достигается с помощью второго. Нет, вместо познания Бога отрицательный метод рабби Моисея предлагает некоторую специализацию знания, позволяющую благочестиво избежать эквивалентов (омонимов) положительного метода. Отрицательный метод, по Маймониду, сводится к процедуре «исключения» (*harhek*), логической выборки. Так, при определении корабля такая выборка даст: не акцидентная, не минерал, не животное; не растение на корню, не тело, части которого образуют органическое единство, не вещь, обладающая простой конфигурацией, как у деревянной плиты либо двери; не имеет сферической формы, не конус, не круг, не правильный многогранник и не сплошной предмет. (Эту выборку И. Экхарт воспроизвел в несколько усеченном виде в проп. 95 b⁶⁷). Процедура «исключения» напоминает собой заполнение фона, окружающего тот или иной силуэт, т.ч. по мере заполнения этот силуэт, в силу контрастности, все более и более выделяется. Результирующая такую процедуру конкретизация понятия или предмета не тождественна знанию о нем: выделяемый смысловой объем не наполняется положительным содержанием. Впрочем, в приложении к Богу это содержание, согласно рабби Моисею, все равно свелось бы к одноименности, омонимии... Кроме того, в приложении к Богу выборка производилась бы не в рамках одного класса явлений («частное отрицательное суждение» поздней схоластики), но в пределах разных классов («общее отрицательное суждение»). Ведь существует разница в том, переходить ли от одного явления к другому в рамках единого класса, или, отрицая явление, вкупе с ним отрицать весь его класс – с тем, чтобы подниматься все к новому и новому классу... В приложении к Богу очередной отрицательный вывод получался бы в результате длительных размышлений, вел бы к отклонению не только явления самого по себе, но и его предикатов и атрибутов (не материя => не тленный, не подвержен воздействию и пр.).

Отрицательная процедура «*harhek*» Моше бен Маймона отличается коренным образом от процедуры «отстранения», или «изъятия» (*ἀφαίρεσις*), разработанной Дионисием Ареопагитом и проиллюстрированной им на примере высечения статуи⁶⁸. Там и здесь заявлены два различных подхода: отрицание самой вещи как инородной своему Творцу и Создателю при том допущении, что эта вещь его никак не обнаруживает, скорей же, скрывает; и отрицание несущественных, акцидентальных свойств вещи, поскольку они мешают вполне проявиться идее и форме: нетварному принципу вещи и пребывающей в вещи Причине. – В несходстве отрицательных методов Маймонида и Ареопагита кроется, кстати сказать, секрет антиномичных теонимов Экхарта... Дело в том, что их создателем был вовсе не он. По-своему истолковав, он взял их у Августина («О терпении», «О Троице»), Бернарда («О любви к Богу») и, в первую очередь, у рабби Моисея (гл. 57 «Путеводителя»). Если у рабби Моисея антиномичные (т.н. «*lo-be*») имена: «существует не существованием», «жив не жизнью», «может не мощью», «мудрый не мудростью» и «един не единством», помещены в отрицательный контекст, то у Экхарта – в положительный и

⁶⁷ Meister Eckhart. Predigt 95 b // DW IV S. 193, 223–233. Idem. Predigt 95 a // DW IV, S. 190, 176–182. Rabbi Mosis Majemonidis Liber Doctor perplexorum. I, cap. 60 // Buxtorf, p. 103.

⁶⁸ Διονύσιος ὁ Ἀρεοπαγίτης. Περί μυστικῆς θεολογίας. Cap. 2 // Heil, Ritter, S. 145, 4–6. (Pseudo-Dionysius Areopagita. De coelesti hierarchia. De ecclesiastica hierarchia. De mystica theologia. Epistulae / Hrsg. von G. Heil, A.M. Ritter. Brl., N.Y., 1991.) У Экхарта: Expositio Libri Genesis. P. 301 // LW I, S. 439, 6–8. Expositio sancti Evangelii secundum Iohannem. P. 575 // LW III, S. 503, 6–9. Von dem edeln menschen // DW V, S. 113, 18–22.

связаны с надеждами на успешное познание Бога. Если у рабби Моисея центр тяжести смещен на вторую часть имени: «... не жизнью», «... не мощью», то у Экхарта – на первую часть: «жив...», «мудрый...». Если, наконец, у рабби Моисея обе части имени равнозначны, т.ч. вторая часть полностью аннулирует первую, то у Экхарта, приравнявшего первую часть к «предмету обозначения» (*res significata*), а вторую часть – к «способу обозначения» (*modus significandi*), происходит не аннулирование, но коррекция по своему существу положительного, претендующего на релевантность знания о Боге... Как видим, рейнский мистик вывел риторическое клише из подчинения теории одноименной символизации и переподчинил его теории аналогии. Тем самым он придал ему новое значение. Ведь, бессмысленная сама по себе, риторика несет в себе ровно те смыслы, которые созданы в рамках философских построений, представляемых ею в области речи.

е) *Эманационизм и методология богопознания*

Как Бог обнаруживает себя в сотворенном им мире, так он и познается. Трансцендентная и одновременно имманентная, переливающаяся от переизбытка вовне «более чем полная», «более чем совершенная» Первопричина не может познаваться как трансцендентный сотворенному миру самовластный Творец. В богословии Гр. Паламы и И. Экхарта главенствует соответствующая эманационизму методология Дионисия Ареопагита с ее нетождественным тождеством идей и вещей. Более или менее полно представлена в их богословии также методология платоновского «Парменида», чьей статичной конструкции – соотносительных / безотносительных позиций – предстояло измениться в контексте эманационного динамизма неоплатоновских учений поздней Античности и позднего Средневековья. Однако та методология богопознания, которая представляет собой продолжение и обратную сторону библейского креационизма, в богословии И. Экхарта и Гр. Паламы почти совершенно отсутствует. Связанная в частности с именем Моше бен Маймона, оказавшего серьезное влияние на схоластику XIII–XIV вв., креационная методология сведена у И. Экхарта к уровню учебных экзерсисов и подвержена перетолкованию (тетраграмма, «*io-be*» имени) в духе дионисийского эманационизма⁶⁹. Конечно, Экхарт многое перенял у рабби Моисея. Благодаря последнему он развел апофазу и область сакрального, взглянув на «*via negativa*» как на чисто научную, эвристическую процедуру и развив этот практико-познавательный метод в метод теоретико-познавательный.

Символическое мировосприятие И. Экхарта и Гр. Паламы предполагало их склонность к положительному богопознанию. Но такое богопознание в качестве повсеместной интенции нельзя смешивать с катафазой в качестве частного метода. Нет, речь идет о таких явлениях, как «путь превосходства» и связанные с ним экспериментальные речевые практики, «отрицание отрицания» как высшее утверждение⁷⁰, тетраграмма, молитвословие к Богу (в вокативе), в котором присутствует Бог. Вместе с критикой в адрес апофазы: «Надлежит иметь в виду, что “отрицание не позволяет узнать чего-либо о подлинной реальности вещи, о которой выносятся отрицательное суждение”, ни о чём-либо в ней. Посему “из отрицательных суждений ничего не следует”, ничего не познается, не обосновывается в своём бытии»⁷¹, – вместе с подобной критикой, положительная интен-

⁶⁹ О влиянии Моше бен Маймона на богословие Экхарта см.: Reffke E. *Eckhartiana IV. Studien zum Problem der Entwicklung Meister Eckharts in Opus tripartitum* // *Zeitschrift für Kirchengeschichte*. 1938. Bd. 57. S. 19–95; Liebeschütz H. *Meister Eckhart und Moses Maimonides* // *Archiv für Kulturgeschichte*. 1972. Bd. 54. S. 64–96; Imbach R. *Ut ait Rabbi Moyses. Maimonidische Philosophie bei Thomas von Aquin und Meister Eckhart* // *Collectanea Franciscana*. 1990. Bd. 60, 1/ 2. S. 99–115. См. также: Пападимитриу Г. Маймонид и Палама о Боге. М., 2003.

⁷⁰ Meister Eckhart. *Expositio sancti Evangelii secundum Iohannem*. P. 207: «У Бога по причине того, что Он является бытием, не может отсутствовать или не хватать бытия. Ибо бытие противостоит отсутствию и недостатку. Потому-то Бог не есть какая-то часть мироздания, но есть нечто, пребывающее вне, или скорей, раньше и выше него. Вот почему Богу не присуще никакое лишение или отрицание, но Ему, и только Ему, подобает “отрицание отрицания”, каковое есть ядро и вершина чистейшего утверждения, согласно сказанному в Исх 3: “Аз есмь [Тот], Кто есмь”» // *LW III*, S. 175, 2–7.

⁷¹ Idem. *Expositio Libri Exodi*. P. 178 // *LW II*, S. 153, 3–6. Cp.: Rabbi Mosis Majemonidis *Liber Doctor perplexorum*. I, cap. 58 // Buxtorf, p. 96. Petrus Hispanus. *Summulae logicales*. IV, p. 4 // *De Rijk*, p. 45. (Peter of Spain (Petrus Hispanus Portugalisensis). *Tractatus called afterwards “Summulae logicales”* / Ed. by L.M. De Rijk. Assen, 1972.)

ция мысли И. Экхарта и Гр. Паламы ставит под сомнение пафос диссертации В.Н. Лосского «Отрицательное богословие у Майстера Экхарта», где рейнской мистик представлен как по преимуществу апофатический богослов⁷².

Список литературы

1. Lossky V. La notion des «Analogies» chez Denys le Pseudo-Aréopagite // Archives d' Histoire Doctrinale et Littéraire du Moyen Age. 1931. Vol. 5.
2. Лосский В.Н. Понятие «аналогий» у Псевдо-Дионисия Ареопагита / Пер. с франц. М.Ю. Реутина // Богословские труды. Вып. 42. С. 116.
3. Meister Eckhart. Predigt 16 b // DW I, S. 266, 10–267, 1.
4. Meister Eckhart. Die deutschen Werke: in 5 Bd. / Hrsg. von J. Quint u.a. Stuttgart, 1936–2003.
5. Meister Eckhart. Die lateinischen Werke: in 5 Bd. / Hrsg. von J. Koch u.a. Stuttgart, 1936–2007.
6. Реутин М.Ю. Толкование Иоанна Экхарта на библейскую книгу «Исход». Предисловие к переводу // Вопросы философии. М., 2010. № 7. – С. 117–127.
7. Meister Eckhart. Liber Parabolarum Genesis. P. 147 // LW I, S. 616, 11–12.
8. Γρηγορίου τοῦ Παλαμᾶ Περὶ ἐνώσεως καὶ διακρίσεως. Cap. 18 // Χρήστου, Τ. II, p. 82, 3–4.
9. Offenbarungen der Margaretha Ebner. S. 34, 6–16. / Margaretha Ebner und Heinrich von Nördlingen. Ein Beitrag zur Geschichte der deutschen Mystik // Hrsg. von Ph. Strauch. Freiburg in Br., Tübingen, 1882.
10. Seuse H. Seuses Leben. I, Kap. 4 // Bihlmeyer, S. 16. / Seuse H. Deutsche Schriften / Hrsg. von K. Bihlmeyer. Stuttgart, 1907.
11. Логутова М.Г. Рукописные молитвенники из монастырей «нового благочестия» в библиотеке герцога Августа (Вольфенбюттель, Германия) Arbor mundi. М., 2010. № 16. – С. 98–126.
12. Dictionnaire de Spiritualité Ascétique et mystique. Doctrine et histoire. Paris, 1986. T. XII / 2. Col. 2271–2288.
13. Köpf U. Bernhard von Clairvaux in der Frauenmystik // Frauenmystik im Mittelalter / Hrsg. von P. Dinzelsbacher, D.R. Bauer. Ostfildern, 1985. S. 48–77.
14. Реутин М.Ю. Игры об Антихристе в южной Германии. Средневековая пародия. М., 1994.
15. Meister Eckhart. Expositio Libri Exodi. P. 77 // LW II, S. 80, 9–81, 2. Ср.: Idem. Sermones et lectiones super Ecclesiastici. P. 60 // LW II, S. 289, 3–5.
16. Grégoire Palamas. Défense des saints hésychastes / Ed. J. Meyendorff. Louvain, 1959.

CHRISTIAN NEOPLATONISM OF THE XIVTH CENTURY. THE THEORIES OF THE LANGUAGE AND THE KNOWLEDGE OF GOD OF J. ECKHART AND G. PALAMAS. ARTICLE 2

M.Y. REUTIN

*Institute of high
humanitarian studies
Russian State
Humanitarian University*

e-mail: mreutin@mail.ru

This article is the continuation of the research, the results of which were published in the last issue of the magazine "Russia XXI". The article (divided into two main chapters) is devoted to the analysis of J. Eckhart's studies of the emanation (in its linguistic aspects), the tetragrammaton, the prayer, the name of God and the theory of knowledge, that have in the author's view a lot of common traits with the theological teaching of Byzantine hesychast G. Palamas. The research is aimed to find a common approach to the comparison between German and Byzantine mysticism of the Late Middle Ages.

Key words: tetragrammaton, verbal magic, linguistic emanationism, theory of language, positive theology, negative theology, way of superiority.

⁷² Реутин М.Ю. Несколько замечаний по поводу книги В.Н. Лосского «Отрицательное богословие и познание Бога в учении Майстера Экхарта» // Богословские труды. М., 2007. Вып. 41. – С. 571–576.

ЛОГИКА, МЕТОДОЛОГИЯ И ФИЛОСОФИЯ НАУКИ

УДК 18.7.01:7.03

ИССЛЕДОВАНИЕ СИНЕСТЕЗИИ КАК ОСНОВЫ ФОРМИРОВАНИЯ КОГНИТИВНЫХ ПОТЕНЦИЙ ЭСТЕТИЧЕСКОГО ОПЫТА

М. Л. ЗАЙЦЕВА*Московская
государственная
классическая академия
им. Маймонида**e-mail:
zvmm964@rambler.ru*

В статье научно обоснован тезис о том, что синестезия существенно увеличивает познавательные способности человека, доказана взаимосвязь синестезийного восприятия и лучшего понимания социокультурных реалий современного общества, выделены системные свойства синестезии как основы формирования когнитивных потенциалов эстетического опыта.

синестезия, эстетика, синестезийное восприятие, эстетический опыт, познавательные способности.

Актуальность темы исследования обоснована значимостью синестезии в процессе формирования когнитивных потенциалов эстетического опыта. Синестезия, представляющая собой реализацию идеи синтеза сенсорных возможностей человека, проявляется не только в процессе эстетического восприятия, но и в акте познания, являясь важным дополнением к иным формам познания¹. Исследование ведущих тенденций научной и философской мысли начала XX века позволяет сделать вывод о том, что в них содержатся существенные разработки общей проблематики целостного познания, гармонизации разнородных начал в феномене синестезийного восприятия.

Исследованием и теоретическим обоснованием межчувственной связи, возникающей при восприятии художественного произведения, активно занимались представители отечественного авангардного направления: Г. Гидони, В. Кандинский, А. Крученых, К. Малевич, М. Матюшин, В. Маяковский, Н. Обухов, П. Филонов и др. Авангардные эксперименты по обнаружению общих законов оперирования художественными языками и построения на их основе «искусства будущего» во многом основывались на новейших исследованиях в сфере философии, психиатрии, культурологии. Изучение синестезии в дальнейшем велось на основе узкоспециализированных исследований (литературоведческих, музыковедческих, по теории изобразительных искусств и т.д.). При этом терялось понимание целостности феномена синестезии и смысла многих творческих экспериментов, в центре которых была синестезия.

В рамках ведущих междисциплинарных подходов предлагаются модели, которые позволяют описать и концептуализировать такие явления психики как восприятие, память, творчество. Широкое распространение получил когнитивный подход, синергетика, квантовый подход. В рамках когнитивных исследований – в нейрофизиологии, в искусственном интеллекте, лингвистике, антропологии, психологии – существует огромное коли-

¹ Зайцева М.Л. Синестезия и внедискурсивные способы постижения реальности // Сборник научных трудов по материалам международной научно-практической конференции «Современные направления теоретических и прикладных исследований – 2011». Том 25. Философия и филология. Одесса: Черноморье, 2011. – С. 32.

чество работ, посвященных частно-научной проблематике, данные которых синтезируются и подвергаются философскому анализу. Представляется актуальным выявление наиболее значимых и наиболее ценных аспектов когнитивного, синергетического и квантового подхода для анализа проблемы синестезии в контексте познавательных способностей.

Основная цель исследования – философское осмысление эстетических аспектов синестезийного восприятия в процессе познания объективной реальности.

Для достижения этой цели были поставлены следующие **задачи**: обобщить научные публикации, посвященные синестезийному восприятию объективной реальности как одной из форм ассоциативного непосредственного мышления; доказать тезис о том, что синестезия является важнейшей составляющей чувствознания как основания, на базе которого формируются когнитивные потенции эстетического опыта, отличающегося органичностью, цельностью, нераздельностью «ощущения и понимания»; обосновать необходимость использования синергетической методологии в исследовании синестезии; показать взаимосвязь синестезийного восприятия и лучшего понимания социокультурных реалий современного общества.

Как отмечает большинство исследователей, в настоящее время человечество пришло к определенному тупику своего развития. Поиски средств выхода из тупика цивилизации и восстановление гармонических начал в обществе, природе и самом человеке стимулируют интерес к неординарным способам познания. Развитие способности к ассоциативному мышлению, интегрирующему различные уровни сознания внутри человека путем преодоления привычных границ, – один из возможных путей повышения творческой силы разума. Синестезия как специфическая разновидность когнитивной способности, объединяющая в одновременном когнитивном акте различные по модальности восприятия, способствует гармоническому восприятию Реальности. Такие особенности синестезии, как ассоциативность, непосредственность позволяют отнести ее к амодальному типу когнитивного взаимодействия.

При исследовании синестезии и познавательных способностей целесообразно рассмотреть процесс становления проблематики бессознательного в исследованиях познания, проследить основные силовые линии, относительно которых выявляются и группируются позиции философов, разделяющих принципы классической эпистемологии, рассмотреть базовые принципы классической эпистемологии: критицизм, фундаментализм, нормативизм, субъектоцентризм и наукоцентризм, осветить позиции ведущих философов периода классической эпистемологии, чьи взгляды оказали серьезное влияние на понимание процессов познания и познавательных способностей человека, а также учитывали в той или иной степени такую их неосознаваемую пока компоненту, как синестезия. Важно отметить, что как специфический термин бессознательное отсутствовало в классической эпистемологии. Однако под различными именами бессознательное и связанные с ним явления присутствовали в поле зрения мыслителей (учение Платона о познании-воспоминании; бессознательное в виде аффектов и смутных идей у Б. Спинозы; «незаметные восприятия» – как низшая форма душевной деятельности, лежащая за порогом осознанных представлений у Г. Лейбница; порождающее начало, творящее мир, у Шеллинга; у Г. Фихте – принцип свободной деятельности человека; воля, лежащая в основании мира – у А. Шопенгауэра; воля к власти – у Ф. Ницше). Человеческое Я понималось как: абсолютно прозрачное и достоверное для самого себя; представляющее собой абсолютное единство; явления сознания, принадлежащие человеческому Я, понимались как самоочевидные и единственно достоверные. Таким образом, для классической теории познания представлялись подверженным ошибкам утверждения о внешних предметах и явлениях, в то время как очевидность внутренних психических процессов и состояний не подвергалась сомнению. Именно поэтому интроспекция – самонаблюдение, выступала как вполне достоверный метод исследования человеческой психики вплоть до середины XX века.

Нами не ставилась задача осветить все философские позиции относительно бессознательного и познавательных способностей, основное внимание уделялось тенденциям и интерпретациям. Дискуссии и отношение мыслителей к проблеме интуиции как способности, так или иначе связанной с бессознательной компонентой познания, определили важные для исследования две ведущие тенденции, характеризующие подход классической эпистемологии к проблеме познавательных способностей, которые можно обозначить как рационализм и интуитивизм. Вокруг этих полюсов формируются позиции мыслителей и философов Нового времени.

В классической эпистемологии познавательные способности человека понимались с одной стороны укорененными в рационалистическом способе постижения мира, неотъемлемой частью которого выступало непосредственное усмотрение, созерцание, интеллектуальная интуиция. С другой – понятийный аппарат и интуиция разводятся и противопоставляются, перевес оказывается то в пользу первого (Гегель), то в пользу второго (Шеллинг, Шопенгауэр). Бергсон завершает это размежевание человеческих познавательных способностей, проведя жесткое разграничение не просто между понятийным способом познания и интуитивным, но разделив интеллект и интуицию в принципе, отдав способность к истинному познанию чистому созерцанию, возможному только в акте непосредственного усмотрения.

Каждая эпоха задавала свои «доминанты», определяя границы доступного познанию. Современная философия познания, сменив акцент с исследования внешней предметной реальности на поиск внутричеловеческих оснований, обращает внимание на внутренний опыт и его составляющие, на постижение механизмов, порождающих такой опыт.

Одним из компонентов внутреннего опыта оказывается чувствознание, базирующийся на более широких сенсорных основаниях, включая всю психофизиологическую сферу человека. Обращение к выработанному в русской философской традиции в конце XIX – начале XX вв. понятию «чувствознание» (Н. К. Рерих), близкое к понятиям «живознание» (А.С. Хомяков) и «живое знание» (С. Л. Франк), в конце XX – начале XXI столетия оказывается в русле современных подходов в философии познания по пересмыслению обсуждаемых вопросов, а также расширению и дополнению основных философских категорий на основе диалога различных философских традиций и различных подходов².

К внутренним основаниям и составляющим чувствознания относятся «психическое осязание», мышление-переживание, знание о незнании, синестезия, эмпатия («вживание»), эмоции, аффектации, интуиции, ритмы мысли и биоритмы.

Исследование и критический анализ феномена чувствознания могут реализоваться при изучении динамических характеристик процесса познания, осуществляемого в музыкальном опыте. Философское обоснование сущности специфически музыкального и создание формализованных моделей гармонии как музыкальной, так и мировой начинается уже в культуре древних цивилизаций. Доминирующими чертами ведущих культур древних цивилизаций является приоритет чувственно-конкретного восприятия, синкретический характер взаимосвязи между художественными языками, оформление межчувственных связей преимущественно по типу пространственно-слуховых синестезий («античная «гармония мира», древнеиндийская концепция первозвука Вселенной, древнекитайская концепция «музыки Пути»), т. е. неотделенность чувственного восприятия действительности от гносеологической и космологической проблематики.

В разных философских системах прошлого фиксировалось в познавательной деятельности и системе человеческих знаний наличие особого рода неявного знания, характеризующегося интуитивностью, чувственностью, синестезийностью, эмпатичностью, целостностью, включенностью в познавательное отношение всей сферы человеческого опыта. Сравнительный анализ образов знания в восточной, античной, новоевропейской и русской философии выявил тот факт, что во многих философских учениях прошлого указывалось на существование неявного, нерелексивного и невербализуемого пласта знания, несводимого к рационально-рефлективному и основанному на показаниях пяти органов чувств.

Синестезия является важнейшей составляющей чувствознания как основания, на базе которого формируются когнитивные потенции эстетического опыта, отличающегося органичностью, цельностью, нераздельностью «ощущения и понимания».

Классическая теория, абсолютизирующая субъект-объектное видение познания, не исчерпывает всего содержания и не охватывает реального и многоаспектного процесса познания. Применительно к сфере культуры и искусства возникает необходимость анализа экзистенциальных составляющих познания.

Проблема сознания – одна из фундаментальных проблем философии и эпистемологии. Начиная с конца XIX века, проблема сознания становится предметом исследования специально-научных дисциплин. В классической эпистемологии обсуждалась пре-

² Зайцева М.Л. Синестезия и чувственное познание единства мира // Материалы за 7-а международна научна практична конференция [«Найновите научни постижения – 2011»], 17-25 март 2011 година на закон, държавна администрация, история, политика, философия. Том 10. Закон. Държавна администрация, История. Политика. Философия. София. «Бял ГРАД-БГ» ООД, 2011. – С. 94.

имущественно проблематика отношения сознания к реальности. Сегодня, в связи с появлением новых данных и исследований в рамках специальных наук, были переформулированы старые проблемы и намечены иные способы их решения. Одними из таких тем являются проблемы бессознательного и синестетического восприятия действительности.

В последнее время интенсивно развиваются когнитивные дисциплины, направленные на изучение мозга, мышления, сознания. В свете современных разработок когнитивной науки стало очевидно, что исследования сознания будут неполны без пристального изучения бессознательных слоев психики человека. Бессознательное и его соотношение с сознанием выступает важной проблемой в философии и психологии. Исследования множественности Я, непрозрачности Я для самого себя, выявление механизмов работы с бессознательным в рамках психологических школ, достижения и данные когнитивной науки во многом проливают свет на эту проблему, которая, конечно же, на сегодняшний день еще далека от разрешения. В сферу современных эпистемологических исследований бессознательного и его соотношения с сознанием вовлекаются междисциплинарные методологии, опирающиеся на данные и выводы нейрофизиологии, исследования искусственного интеллекта, лингвистики, антропологии, психологии. Такие традиционные области исследования как философия сознания и теория познания объединяются. Тема познавательных способностей в контексте проблемы бессознательного изучается психологией, философией творчества и такими новыми направлениями как эволюционная и когнитивная эпистемология. Обращение к проблематике бессознательного играет важную роль при описании процессов творчества, припоминания, восприятия, в сновидческих и измененных состояниях сознания, эстетического восприятия произведений искусства.

В связи с расширением влияния когнитивного подхода перед исследователями встает проблема различения когнитивного и познавательного. Это связано с полемикой вокруг так называемой когнитивистской ошибки.

Проблематизация сложившихся традиций понимания познания и творчества – одна из важнейших задач эпистемологии. Ввиду этого сегодня столь актуальна новая проблематика – конструктивизм (конструктивная эпистемология), проблема спонтанности, исследования проблемы телесности, синестезийности восприятия.

В рамках ведущих междисциплинарных подходов нарабатан материал, который в новом ключе освещает феномен бессознательного, предлагаются модели, которые позволяют описать и концептуализировать такие явления психики как восприятие, память, творчество. В связи с нарастающим потоком конкретно-научных разработок представляется актуальным философское осмысление накопленного материала. Широкое распространение получил когнитивный подход³, синергетика⁴, квантовый подход⁵. Представляется актуальным изучение и выявление их возможностей и границ для эпистемологии. Это касается, в частности, незаслуженно выпавшего из поля зрения эпистемологов квантового подхода к проблеме сознания. Несмотря на свою относительную новизну, у этого подхода уже сформировался определенный круг освещаемых проблем и их возможных решений, которые также нуждаются в эпистемологическом анализе. В современных философских и эпистемологических работах обсуждаются различные концепции сознания, включающие бессознательное как свою часть. Большой объем данных из разных современных областей исследования бессознательного, новые методы и модели работы с бессознательным, предлагаемые специально-научными направлениями и подходами, все более привлекают внимания исследователей, что делает особенно актуальной задачу выявления эпистемологического значения предлагаемых ими моделей для работы с бессознательной компонентой в исследовании познавательных способностей и концептуализации подходов.

В ходе исследования нами были проанализированы наиболее значимые и ценные аспекты когнитивного, синергетического и квантового подходов для эпистемологического анализа проблемы синестезийного восприятия в контексте познавательных способностей.

Когнитивный подход берет в фокус своего рассмотрения диапазон от молекулярного уровня до уровня нейрофизиологии и функционирования мозга в целом. Остается открытой проблемой взаимосвязь состояний мозга с состояниями сознания.

³ Демьянков В.З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода // Вопросы языкознания, 1994. № 4. – С. 17-33.

⁴ Князева Е.Н. Основания синергетики. Синергетическое мировидение М.: КомКнига, 2005. – С. 19-27 с.

⁵ Квантовая психология или как стать Богом / Н.И. Дерябин. М.: Амрита-Русь, 2008. – С. 11-23 с.

Синергетика делает акцент на моделировании процессов порождения эмерджентных свойств – особых структур как на уровне групп клеток мозга, так и на уровне индивидуального сознания индивида и социума в целом. Описывая схемы процессов порождения тех или иных структур, синергетика оставляет за кадром детальное объяснение смыслопорождающих механизмов, сводя их к феноменам самоорганизации.

Квантовоподобная методология при всей ее близости к синергетической, совсем иначе подходит к рассмотрению феноменов сознания, акцентируя внимание на пограничных состояниях, экзистенциальных переживаниях. Характерно, что в отличие от когнитивной и синергетической методологий, квантовый подход предлагает модель, вектор развития которого движется от целого к частному, в противовес иным подходам, которые через описание элементов стремятся объяснить целое (эмерджентные свойства). Целостность феномена сознания столь же очевидна, сколь и трудноуловима, – этот аспект проблемы сродни ситуации в квантовых измерениях. Например, принцип дополнительности Н. Бора. Таким образом, наиболее продуктивным для исследования синестезии и познавательных способностей представляется обращение к ресурсам всех трех междисциплинарных подходов и совместное использование их возможностей.

Основные успехи синергетического подхода к моделированию феноменов сознания связаны с динамической теорией информации, нейрокомпьютинга, теории катастроф. Синергетические модели применяют к описанию таких явлений как социальное поведение, экономические процессы, политические прогнозы, творческие состояния, художественные произведения, смысловые ряды и рождение новых понятий – все, что объединено понятиями структуры, структурного описания, языка, оперирующего паттернами поведения, гештальтами.

Не возникает сомнения в том, что синестезия существенно увеличивает познавательные способности человека. Она как концентрированная и симультанная актуализация чувственного в широком спектре его проявлений способствует лучшему восприятию целостности мира, познанию смысла бытия.

Актуальным является рассмотрение моделей, которые могут быть использованы в рамках этого подхода относительно целого ряда когнитивных функций. В аспекте проблемы соотношения сознания и бессознательного представляют особый интерес модели творческих актов – к примеру, так называемая модель сборки.

Целый ряд понятий психологии высвечивается с особого ракурса, если рассмотреть модель иерархических уровней и их перестройки в точке бифуркации применительно к уровням сознания в ситуации принятия решения. Известная модель «сборки» Рене Тома позволяет описать процесс становления «творческой личности». Теория катастроф Рене Тома и целый ряд сценариев выхода системы на аттрактор также могут быть весьма продуктивными для описания отдельных проявлений бессознательной компоненты в познавательных способностях. Синергетический подход к проблеме функционирования мозга развит в работах основателя этого направления Г. Хакена⁶. Концепция динамической информации Д. С. Чернавского была использована автором для описания механизмов творчества и интуитивного мышления. Модель «сборки» в рамках теории катастроф Р. Тома, В. И. Арнольда рассматривается как модель творческой личности. Синергетическая методология нашла применение в исследованиях художественных произведений и феноменов творчества в монографиях И. А. Евина. В синергетическом ключе построена модель музыкального творчества А. А. Кобляковым.

Модели, предлагаемые синергетическим подходом, наиболее эффективны для описания структурной динамики творчества. Бессознательная компонента познавательных способностей в рамках синергетики присутствует и описывается через понятия динамического хаоса, «перемешивающего слоя». Модели синергетики, ее принципы и центральные понятия успешно применяются к описанию механизмов организации восприятия неоднозначных образов и ассоциативной памяти, актов принятия решений и творчества.

Синергетическое моделирование художественного творчества и произведений искусства позволяет обнаружить и описать особенности восприятия, распознавания образов, работу интуиции. Синергетика делает акцент на моделировании процессов порождения эмерджентных свойств – особых структур как на уровне групп клеток мозга, так и на уровне индивидуального сознания индивида и социума в целом. Описывая схемы про-

⁶ Хакен Г. Тайны восприятия. М.: Институт компьютерных исследований, 2002. – С. 38-64.

цессов порождения тех или иных структур, синергетика оставляет за кадром детальное объяснение смыслопорождающих механизмов, сводя их к феноменам самоорганизации.

Решение проблемы синестезии в контексте познавательных способностей невозможно без учета фокуса творчества. Идеи и попытки практического воплощения новой, синергетической целостности художественного произведения как результата симфонического, свободного, но целесообразного синтеза различных элементов – характерная черта отечественного искусства рубежа XIX – XX веков. В искусстве этого периода поиск межчувственных взаимосвязей в процессе создания и восприятия художественного произведения чаще всего строится не по принципу взаимозаменяемости элементов различных художественных языков, а по принципу их взаимодополняемости. Такой синтез художественных языков позволяет достичь нового уровня органической целостности, в понимании которой огромную роль играет синестезия.

В настоящее время в культурно-историческом процессе наблюдается неустойчивость и нестабильность. Современный период российской культуры характеризуется кризисами, возникновением и эскалацией рисков, провоцирующих деструктивные явления в культуре, трансформациями мировоззрения общества в целом, социокультурными сдвигами, противоречивостью художественных тенденций и одновременно – активными инновационными поисками во всех сферах жизнедеятельности. То есть мы находимся в своеобразном переходном периоде, который наблюдается в философской и историко-культурологической мысли в последние десятилетия. Он характеризуются высокой степенью культурной полиморфности, противостоянием ее различных духовных доминант, многообразием трендов, свойственных художественным процессам в культуре, сочетанием несовместимых субкультур, спорадичностью в динамике диффузных и мутационных изменений.

Современная переходная эпоха характеризуется социокультурными реалиями информационного общества, развивающегося в условиях глобализации, в ряду которых экспансия массовой культуры, масштабная эскалация масс-медийных форм, процессы виртуализации общества и культуры. Глобальная «трансформация знания» (Ж. Лиотар), происходящая в русле постпостмодернистской парадигмы, требует поиска новых теоретико-методологических моделей для осмысления настоящего и будущего культуры. Эта задача является насущной для разных областей философского и социально-гуманитарного знания: философии науки, философии культуры, социальной и культурной антропологии, культурологии и др.

Переходные эпохи в культуре, несмотря на пространственно-временную и ментальную дистанцию, являются соотносимыми в культур-аллюзорном контексте феноменами, демонстрирующими сходство присущих им комплексов культур-рисков, что определяется, прежде всего, самой их переходностью. Характерными свойствами культур переходных эпох являются медиальность и синестезийность, выступающая в качестве антитезы по отношению к процессам дискретности, связанным с переходом. В ряду основных признаков переходности располагаются деструкция в поле универсалий культуры, ее полиморфность, конфликт духовных доминирующих концептов, многообразие тенденций художественных процессов, сочетание несовместимых субкультур, вариативность и трансформация смыслов прецедентных для социокультурного пространства феноменов.

Культурные контакты философии и искусства представлены в качестве процессов взаимоотражения и взаимовоспроизведения, позволяющих выявить синестезийные механизмы в отношениях философии и искусства, расцениваемые как тенденция переходной культуры в целом, а не отдельный вектор в развитии какого-либо одного или нескольких видов искусства.

Важным философско-культурологическим аспектом в концептуализации моделей переходности в культуре представляется исследование культур-рисков в переходные эпохи. Процесс становления транснациональной культуры, характерный для конца XX – начала XXI века, катализирует эскалацию культур-рисков, что проявляется и в многообразии их форм, и в интенсивности проявлений. В пространстве глобализации культур-риски обнаруживают свою амбивалентную сущность, выступая в качестве последствий глобализации и одновременно ее предпосылок (культур-вызовов), провоцирующих культур-инноваций.

Изучению, познанию наблюдающегося диалога культур способствует теоретическое осмысление явления синестезии, синестезийного восприятия произведений искусства, так как диалог культур включает характерный для переходных эпох полилог культур, со свойственными ему сложными взаимосвязями и драматургией взаимоотношений различных культурных периодов (стадий, этапов) и культур, дистанцированных друг от

друга географически, хронологически, ментально. Синестезия существенно увеличивает познавательные способности человека. Она как концентрированная и симультанная актуализация чувственного в широком спектре его проявлений способствует лучшему восприятию диалога культур, целостности мира путем сближению человеческих познавательных способностей и их обогащения на основе объединения интеллекта и интуиции.

Проведенное исследование позволяет сделать следующие **выводы**.

1. Сознательное и бессознательное тесно переплетается в синестезийном восприятии действительности в процессе познания. Синестезия способствует лучшему восприятию целостности мира. Она как специфическая форма взаимодействия в целостной системе чувственного отражения является проявлением сущностных сил человека, не аномалией, а нормой. Синестезия нуждается в изучении, хотя она и не всегда доступна для поверхностного научного анализа.

2. Синестезия является важнейшей составляющей чувствознания как основания, формирующего когнитивные потенции эстетического опыта, отличающегося органичностью, цельностью, нераздельностью «ощущения и понимания».

3. Синергетическое моделирование художественного творчества и произведений искусства позволяет обнаружить и описать особенности восприятия, распознавания образов, работу интуиции. Необходимо использовать синергетическую методологию в исследовании синестезии.

4. Синестезийное восприятие способствует лучшему пониманию социокультурных реалий современного общества.

Перспективами дальнейших научных исследований являются: разработка научной проблематики, связанной с эстетическим восприятием и художественным мышлением современного человека, способности которого, обусловленные революционными сдвигами в информационных технологиях, обучающих методах, превращают его в Homo synaestheticus, воспринимающего реальный мир и искусство синестезийно, т. е. целостно, комплексно, синергетически

Список литературы

1. Зайцева М.Л. Синестезия и внедискурсивные способы постижения реальности // Сборник научных трудов по материалам международной научно-практической конференции «Современные направления теоретических и прикладных исследований – 2011». Том 25. Философия и филология. Одесса: Черноморье, 2011. – С. 31-34.

2. Зайцева М.Л. Синестезия и чувственное познание единства мира // Материалы за 7-а международна научна практична конференция [«Найновите научни постижения – 2011»], 17-25 март 2011 година на закон, държавна администрация, история, политика, философия. Том 10. Закон. Държавна администрация, История. Политика. Философия. – София. «Бял ГРАД-БГ» ООД, 2011. – С. 94-96.

3. Демьянков В.З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода // Вопросы языкознания, 1994. № 4. – С. 17-33.

4. Князева Е.Н. Основания синергетики. Синергетическое мировидение. М.: КомКнига, 2005. – 240 с.

5. Квантовая психология или как стать Богом / Н.И. Дерябин. М.: Амрита-Русь, 2008. – 320 с.

6. Хакен Г. Тайны восприятия. М.: Институт компьютерных исследований, 2002. – 272 с.

SYNESTHESIA AS THE BASE FOR FORMATION OF COGNITIVE POTENTIAL OF AESTHETIC EXPERIENCE

M. L. ZAYTSEVA

*Moscow Maymonid
State Classical Academy*

e-mail:

zvm964@rambler.ru

The article claims a thesis that synesthesia substantially increases the cognitive capabilities of a person; the intercommunication of synesthesia perception and the better understanding of socio-cultural realities of modern society have been well-proven; the system features of synesthesia as bases of forming of cognitive potencies of aesthetic experience have been distinguished.

Key words: synesthesia, aesthetics, synesthesia perception, aesthetic experience, cognitive capabilities.

БЕРДЯЕВСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ ОБЪЕКТИВАЦИИ С ПОЗИЦИЙ КОРРЕЛЯТИВНОЙ ОНТОЛОГИИ

В.Н. САГАТОВСКИЙ

*Белгородский
государственный
институт искусств и
культуры*

e-mail: sagat@mail.ru

В центре современной философии находится проблема человека. Но это не отменяет проблемы соотношения субъективности и intersубъективности с объективной реальностью. Отрыв и противопоставление их друг другу контрпродуктивны. В статье рассматривается один из вариантов такого противопоставления, не потерявший значения и в наше время, в философии Н.А. Бердяева, а также намечается подход к преодолению такого взгляда с позиций разработанной автором неметафизической коррелятивной онтологии.

Ключевые слова: объективация, творчество, свобода, конкретность существования, объективная, субъективная и трансцендентная реальность.

Неклассическая метафизика XX столетия, в отличие от метафизики классической, видевшей основу бытия в чем-то устойчивом и общем, в некоей сущности, ставит во главу угла процесс и индивидуальность (существование как экзистенцию). Человек, а не внечеловеческая объективная реальность, находится в центре современной философии. Но как бы в рамках философской теории мы не отказывались от «естественной установки» и не «выносили за скобки» надоевшую объективную реальность, в реальной жизни она не оставляет нас в покое. Если философия не есть один из способов ухода в виртуальную реальность, но стремится осознать жизнь в её полноте, она не может уйти от проблемы статуса объективной реальности, её места в реальности в целом.

Указанные характеристики современной философии ярко проявились в творчестве Н.А. Бердяева, в его противопоставлении падшего мира объективации и подлинной реальности свободы. Анализируя его концепцию объективации, я хочу показать возможности разрабатываемой мной *неметафизической коррелятивной онтологии* в решении проблемы объективной реальности, противоречия между её принудительностью и творческой свободой, проблемы совместимости миров «природы» и «свободы» (Бердяев очень любил эту кантовскую формулировку).

Подводя итоги своей деятельности, философ писал: «Своеобразие моего философского типа, прежде всего в том, что я положил в основание философии не бытие, а свободу»¹. Раскрытие смысла представлений о бытии и свободе и обоснование их противоположности прошло через всю творческую деятельность мыслителя. Основные положения этой концепции получают постепенно все более выпуклое выражение (на понятийную точность Бердяев не претендует принципиально), как по отдельности, так и в связи друг с другом. Но общий смысл их, начиная с десятых и кончая сороковыми годами XX века, присутствует в таких работах как «Философия свободы» (1911), «Смысл творчества» (1916), «Я и мир объектов» (1934), «Философия свободного духа» (1938), «О рабстве и свободе человека. Опыт персоналистической метафизики» (1939) и находят итоговое выражение в «Самопознании» (1939-1946). Дадим тезисное изложение основных моментов бердяевской концепции.

1. Бердяев – религиозный философ, он не сомневается в существовании Бога и в сотворении им мира. Но глубже Бога – ничто абсолютной свободы, в которой есть возможности и добра, и зла. Бог и предмирная свобода живут в царстве духа, основным проявлением которого является творчество, как акт, совершаемый вне времени и вне детерминации её общими закономерностями, носящий неповторимо-индивидуальный характер.

2. Свободному творчеству противостоит бытие мира природы и общества, где господствуют необходимость и общее, неподвижность и закостенелость. Мир такого бытия и есть мир объективации. Как возникло это «падшее» бытие? Ответ дается двоякий. Фун-

¹ Бердяев Н.А. Самопознание. М., 1991. – С. 91.

даментальная причина – это событие грехопадения, которое «предмирно, оно совершилось до времени и породило наше дурное время»². Здесь напрашиваются аналогии с гностицизмом: мир как проявление зла. С другой стороны человек, забывая о своей творческой природе, усиливает объективацию, которая «есть не только порождение известной направленности воли, она есть также порождение неутомимого хотения в объективированном мире»³. В результате «Человек познает как извне данную ему реальность то, что порождено им самим, поработченностью субъекта»⁴ И «Объективированное бытие не есть уже бытие, оно препарировано субъектом для целей познания»⁵. Падшее бытие – что-то вроде хайдеггеровского сущего, только фундированного ещё и предмирным злом.

3. Бердяев постоянно подчеркивает свое неприятие падшего объективированного мира, свою чуждость этому миру. «Стараясь психологически понять источники моего апофеоза творчества, – пишет о себе философ, – я замечаю связь моего исключительного отношения к творчеству с моим пессимистическим отношением к мировой данности, к тому, что называют «действительностью». Чтобы жить достойно и не быть приниженным и раздавленным мировой необходимостью, социальной обыденностью, необходимо в творческом подъеме выйти из имманентного круга действительности»,... любовь к творчеству есть нелюбовь к «миру», невозможность остаться в границах этого «мира»⁶. Это относится и к занятиям философией: «Я стал философом, пленился «теорией», чтобы отрешиться от невыразимой тоски обыденной «жизни»»⁷.

4. Бердяев – убежденный антропоцентрист. Подлинная суть человека в творчестве, и не только человек нуждается в Боге, но и Бог нуждается в продолжении его творчества человеком. Но что представляет собой человеческое творчество? Здесь не должно быть иллюзий, отождествления бердяевского понимания творчества с созданием нового в *этом* («падшем») мире: «Повторяю, что под творчеством я все время понимаю не создание культурных продуктов, а потрясение и подъем всего человеческого существа, направленного к иной, высшей жизни...»⁸. «Творческий акт происходит вне времени. Во времени лишь продукты творчества, его объективация. Продукты творчества не могут удовлетворить творца. Но пережитый творческий подъем, экстаз... переходит в вечность»⁹. Стало быть, ценность человеческого творчества не в совершенствовании мира, но в уходе от него: в сам экстатический акт, в мгновении которого открывается вневременное слияние с Богом.

5. Не должны также порождать иллюзий постоянные упоминания Бердяевым «иного мира», «нового неба и новой земли», к которым нас приближает человеческое творчество. По сути дела это совершенно апофатические понятия, лишённые каких-либо конкретных положительных признаков. Антитезой объективированному миру выступают только вечность бытия Бога и переживание соприкосновения с этой вечностью. Но переход в такую иную форму бытия означает конец этого мира: «Два выхода открываются в вечность: индивидуальный выход через мгновение и исторический выход через конец истории мира»¹⁰. Но, тут же добавляет автор, «Достигнутая в мгновении вечность остаётся навеки,... но мы сами выпадаем из мгновения вечности и вновь вступаем во время»¹⁰. Следовательно, пока все человечество не расстанется с объективной реальностью, мы вынуждены терпеть её, лишь в мгновениях экстаза находя спасение.

6. Мне кажется, что такая философия находит последовательное завершение либо в восьмеричном пути йоги, либо в скепсисе игровой позиции (ни к чему не относиться серьезно, вроде «Апофеоза беспочвенности» Л.Шестова). Сам же Бердяев был противо-

² Бердяев Н.А. Философия свободного духа / Бердяев Н.А. Царство Духа и Царство Кесаря. М., – 1995. – С.279.

³ Бердяев Н.А. О рабстве и свободе человека / Бердяев Н.А. Царство Духа и Царство Кесаря. М., – 1995. – С.46.

⁴ Бердяев Н.А. Я и мир объектов // Дух и реальность: основы богочеловеческой реальности. М., – 2007. – С. 5.

⁵ Бердяев Н.А. Самопознание. М.,- 1991. – С. 219.

⁶ Там же. – С. 42.

⁷ Там же.

⁸ Там же. – С.222.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

речив. И, хотя он считал противоречие нормальным явлением в любой мысли, мы не сможем перейти к полемике с его позицией, не выявив основное его противоречие. Оно, на наш взгляд, заключается в том, что он с одной стороны не приемлет этот мир, а с другой движим состраданием к конкретным людям в конкретных ситуациях этого же грешного мира. И потому занят и таким творчеством, которое дает конкретные культурные результаты: пишет книги, посвященные актуальным проблемам своего времени и истории, активно участвует в различных общественных движениях и мероприятиях, сам зачастую являясь их инициатором. И эти его книги мне лично гораздо более близки, чем те, что посвящены его основной философской позиции. Л.Шестов с иронией отмечал, что Бердяев предан идее правды и справедливости¹¹. Сам Шестов был более последователен, оставаясь абсолютным скептиком, но это как раз не характерно для русской классической философии. И порой трудно проследить, где апофеоз беспочвенности переходит в реальной жизни в апофеоз безответственности, чтобы не сказать бессовестности.

7. Непоследовательность Бердяева проявляется и в его отношении к философии. Он полагает, что достаточно ярко выразить свои интуиции, а обоснование и доказательств – это, мол, издержки рационализма. А если интуиции, касающиеся реальной жизни в её полноте, и, главное, реальное поведение, из них следующее, исключают друг друга? Как тут обойтись без честного следования логике и поиска *объективных* критериев, и тем самым без антропологии, коренящейся в онтологии? Ни феноменология, ни экзистенциализм ответа на эти вопросы не дают. Повторяю: их можно вынести за скобки в кабинете, но за его пределами требуется другая философия.

Сформулируем теперь те положения неметафизической коррелятивной онтологии (НКО)¹², на которые мы будем опираться в критике абсолютного противопоставления «падшего» мира объективности и «подлинного» мира свободы.

1. Начала той или иной конкретной области действительности изучают предметные науки (происхождение известной нам вселенной, жизни и т.д.). Вопрос о *начале бесконечного* мира не имеет смысла. Не исключено, что «большой взрыв» был осуществлен богом как суперсубъектом. Но это не тема философской онтологии. Последовательное преодоление претензий метафизики, против которых так горячо выступал Ницше, достижимо лишь на путях понимания философской онтологии как *структурной* дисциплины. Мы не можем мыслить никакой предмет нашей интенции (понятно, что термин «предмет» употребляется здесь в смысле Гуссерля, а не Хайдеггера) иначе как в рамках всеобщей категориальной структуры, выявляемой онтологией. Чтобы ответить на вопрос о её генезисе (в самом мире, а не в истории человеческого познания), потребовалась бы выскочить за эти рамки. Б. Рассел давно проанализировал парадоксальность подобной ситуации. В силу сказанного предлагаемая онтологическая концепция является *неметафизической*.

2. Для любого предмета в любом модусе существования справедлив принцип конкретности существования: существовать в качестве чего-либо значит соотноситься с чем-либо. Не существует *a* вообще, вне соотношения (коррелята) *aRx*. Этот принцип лежит в основе онтологии, которая потому и оказывается *коррелятивной*.

3. Атрибуты любого предмета (любого существа в моей терминологии), отражаемые всеобщими категориями, также присущи и не присущи не «вообще», но всегда в определенном отношении. Спор о «первичности» устойчивости или изменения, общего или индивидуального не имеет смысла. Образно говоря, модели Платона и Хайдеггера не исключают, но дополняют друг друга при условии отказа от метафизических претензий на «изначальность» одной из них. Та или иная всеобщая характеристика может оказаться более важной опять-таки не абсолютно, но всегда в определенной ситуации (исторической, познавательной), в определенном отношении.

4. Основные философские направления объявляют первичной ту или иную форму бытия (существования): объективную реальность, субъективную реальность или реаль-

¹¹ Л. Шестов писал об этом в статье «Похвала глупости» в 1907 г. См.: <http://www.vehi.ntt/shestov/indexhtml>

¹² См.: Сагаатовский В.Н. Философия развивающейся гармонии (философские основания мировоззрения) в 3-х частях. Ч.2: Онтология. СПб. 1999; его же. Бытие идеального. СПб. 2003; его же. Философия антропокосмизма в кратком изложении. СПб. 2004; его же. Триада бытия (введение в неметафизическую коррелятивную онтологию). СПб. 2004; его же. Философские категории: авторский словарь. Ч.1. Онтология. СПб. 2011.

ность духа. С позиций НКО каждая из них представляет собой *способ существования любого сущего, определяемый типом соотношения (коррелята)*. Любое сущее относится к объективной реальности, поскольку оно определяется воздействием внешней среды (бытие-для-другого). Оно же живет в субъективной реальности, поскольку оно изнутри интерпретирует другие сущие (придает им значения) как заместители (сигналы, знаки) третьих сущих (для-себя-бытие). И оно же живет в сфере духа, поскольку задается отношением сопричастности к высшему целому, носящему непредикативный характер, не являющемуся ни объектом, ни субъектом, но «объемлющим» (К.Ясперс) индивидуальные субъективные реальности – души (бытие-в-себе). Отношения в рамках объективной реальности повторимы и детерминированы. В рамках субъективной реальности отношения (интерпретация информации) зиждятся, в конечном счете, на неповторимости исходного начала субъекта, индивидуальности, что является источником свободы и творчества. Причастность к реальности духа суть самоидентичность целого и тождественность части с целым именно как его части. Адекватными средствами для человеческого освоения объективной реальности являются наука и техника, субъективной реальности – эстетическое и нравственное отношение, для реальности духа – религиозное чувство.

5. Важно понять принципиальное отличие предлагаемой картины мира от традиционной. Во-первых, дух, души и объекты существуют не рядом друг с другом, но имманентны – в разных формах, на разном уровне развития – любому сущему. Во-вторых, человек на уровне философской онтологии не занимает привилегированного и центрального положения. Субъективность («сокровенное внутреннее вещей» по Тейяру де Шардену) должна быть понята как всеобщий атрибут, а затем уже – в философской антропологии – выявлена её человеческая специфика. Антропокосмизм (диалог и сотрудничество с миром, которому имманентна своя одухотворенность) должен придти на смену антропоцентризму, знающему только господство над миром, либо бегство от него.

Сформулированные выше предпосылки позволяют теперь перейти к критическому анализу бердяевской концепции объективации и свободы. Пренебрежение к объективной реальности, я думаю, имеет две тесно связанных стороны – аксиологическую и собственно теоретическую. В первом случае её признание противоречит определенным базовым ценностям, во втором не укладывается в определенную теоретическую схему. Бердяев отчетливо осознает свои ценностные предпочтения, что не так часто встречается среди теоретиков. «Во мне – пишет он – сравнительно слабо была выражена та основа, которую условно можно назвать натуральным язычеством. Слишком сильно у меня было чувство зла и падшести мира, слишком остро было чувство конфликта личности и мира, космического целого. Нет для меня ничего более чуждого, чем идея космической гармонии»¹³. При таком настрое падший мир неприемлем в силу господства безжалостной необходимости (так и хочется сказать «тупой»), абсолютно противоположаемой свободе и творчеству (как уходу в переживание экстаза и трансцендентную реальность духа, а не совершенствованию бытия в целом). Завышенная антропоцентристская оценка человека, как существа, чье творчество необходимо Богу, тут тоже играет не последнюю роль.

Совсем иное видим мы в аксиологии антропокосмизма. Здесь базовая ценность – это любовь к миру, к бытию в целом. Да, в мире есть зло и такая необходимость, которую стоит «поправить». Трагичность имманентна миру. Но столь же имманентны ему тенденция к добру и одухотворенность. Бежать ли от его несовершенств в виртуальную реальность, навязывать ли ему свою эгоцентрическую волю к власти или стремиться каждый поступок превращать в событие в бытии (М.Бахтин), совершенствующее и бытие и самого человека – таков аксиологический выбор. Я понимаю, что меня легко отнести по ведомству пантеизма, но, к сожалению, здесь нет возможности обсуждать эту проблему (все обстоит не так просто). Совершенствование немислимо без свободы и творчества, но разве надо их абсолютно противопоставлять природе? Не делает ли такое безлюбое по отношению к природе противопоставление саму свободу формальной и беспочвенной?

Перейдем к теоретической стороне проблемы. Прежде всего, хочу сказать о том, что я принимаю в бердяевском противопоставлении необходимости с одной стороны и свободы и творчества с другой. Никаких возражений не вызывают у меня высказывания

¹³ Бердяев Н.А. Самопознание. М., – 1991. – С.172.

такого рода: «Творческий акт человека нуждается в материи, он не может обойтись без мировой реальности... но... не может целиком определяться материалом, который дает мир, в нем есть новизна, не детерминированная извне миром ... В этом смысле творчество есть творчество из ничего... оно есть... эманация свободы... Без этого творчество было бы лишь перераспределением элементов данного мира и возникновение новизны было бы призрачным»¹⁴. Но, стало быть, важен не только сам акт творческого экстаза, но и производимое им «доопределение бытия»? Неповторимость и непредсказуемость творческого акта, создающего новое с прорывом предшествующих детерминистских цепей *sine a puncto*, фундированы в своей основе неповторимостью субъективного начала и его сопричастностью к целостности духа, но этот акт невозможен и без предшествующих и наличных объективных возможностей, т.е. царства необходимости.

Можно ли совершенствовать мир, игнорируя такой способ существования как объективная реальность, понимая её лишь как ложную искусственную объективацию? Вроде бы нельзя, но здесь мы сталкиваемся с другой известной теоретической трудностью: как доказать существование независимой от нас объективности, если непосредственно нам дана только субъективность? Последнее утверждение воспринимается в господствующих ныне философских направлениях как аксиома. Нельзя ли, однако, проблематизировать и само начало субъективности?¹⁵ С позиций НКО субъективность характеризует не только человеческое познание, но любую переработку информации любой системой; она лежит в основе любой априорной информации, тех эталонов, с помощью которых интерпретируется информация, получаемая извне. Поэтому интенциональное отношение предстает как особая сторона любого взаимодействия. Можно ли считать, что полученные таким образом данные субъективности (человеческого сознания в том числе) *только* субъективны, что сфера субъективности абсолютно замкнута? Иными словами, можно ли полагать, что декартовская формула «*Cogito ergo sum*» имеет только одностороннюю направленность: от сознания к существованию.

Нетрадиционную трактовку этого положения ещё в 1915 году предложил С.Л. Франк, расставив в ней акценты с точностью до наоборот: мысль *существует*. ««*Cogito ergo sum*» – писал философ – есть ключ, с помощью которого открывается доступ к самому *бытию*. Самодостоверность сознания вместе с тем означает его неустранимость, т.е. необходимость и достоверность его как *бытия*... Если бы мы сами стояли вне бытия, если бы «сознание» означало только сферу, *противоположную* бытию, то никакой анализ и вообще никакие средства не могли бы нам раскрыть и сделать достоверным бытие»¹⁶. Но что означает существование сознания? То, что оно включено в определенное соотношение, коррелирует. С чем же соотносится любое проявление сознания? С тем предметом, на который оно направлено. Можно ли, далее, утверждать, что этот предмет полностью находится только в сфере субъективного?

Попробуем показать, что в нем обязательно присутствует объективность первого рода, а руководство результатами познания в их реализации может столкнуться с объективностью второго рода. В самом деле, объективная и субъективная реальность отличаются друг от друга тем, что объективность полагается извне, а субъективность изнутри. Следовательно, субъективное зависит от своих внутренних оснований. А объективное от субъективного не зависит. Понятно (надеюсь), что внешнее и внутреннее на категориальном уровне различаются не физическим местоположением, а принадлежностью или непринадлежностью к определенной системе. Нельзя согласиться с тем, что предмет, на который направлено сознание, полностью этим сознанием *полагается*. Ведь никакой акт сознания не имеет дело с ничто, но всегда выделяет свой предмет из определенного поля. В этом смысле любой предмет столь же «дан», сколь и «взят». В той мере и в том отношении, в которых он «дан», он принадлежит к объективной реальности. Напомним, что объективное нетождественно физическому, находящемуся вне. Любое сознание в разных отношениях и субъективно и объективно (как и любое сущее). В «излишнем (?) релятивизме» ме-

¹⁴ Бердяев Н.А. Самопознание. М., – 1991. – С. 213.

¹⁵ Такой подход в развиваемой мной концепции отмечает Н.Н. Карпицкий. См. Н.Н. Карпицкий В.Н. Сагатовский. Значение философских идей // Вестник ТГПУ. Томск. 2006. Вып. 7.

¹⁶ Франк С.Л. Предмет познания. СПб. 1995. – С.58.

ня упрекали не раз, но пока что никто не возразил по существу. Независимость одних состояний сознания от других, когда последние являются предметом первых, назовем *объективностью первого рода*. Эта объективность ещё находится в рамках субъективной реальности в целом, выступая объектом только для определенного состояния сознания.

Такая независимость относительна, ибо, хотя предмет мысли и «сопротивляется» его обработке, но мы можем удалить его из поля нашего внимания и вновь вернуться к нему, повернуть его перед мысленным взором («взять») так или иначе. По-другому обстоит дело, когда мы попытаемся в наших действиях руководствоваться полученными результатами познания. Одни результаты обеспечивают успешное решение задачи, а другие не обеспечивают. И мы не можем «отвлечься» от того, к примеру, что каждый раз, как мы прикоснемся к оголенному проводу, нас будет бить током. Здесь мы принудительно наталкиваемся (что так не любил Бердяев) на *объективность второго рода*, т.е. на объективную реальность вне субъективной реальности в целом. Как её может изучать философская онтология, эта проблема уже выходит за рамки данной статьи.

Для нас достаточно четко осознать, что, если мы хотим жить в полноте бытия и совершенствоваться, доопределять его, а не бежать от него в субъективные переживания и предаваться метафизическим иллюзиям, то и картина бытия должна быть полной. Такой, где объективная, субъективная реальности и реальность духа взаимно дополняют друг друга до полноты бытия в каждом сущем и в мире, открытом нашей деятельности.

Список литературы

1. Бердяев Н.А. Я и мир объектов // Дух и реальность: основы богочеловеческой реальности. М., – 2007.
2. Бердяев Н.А. Самопознание. М., 1991.
3. Бердяев Н.А. Царство Духа и Царство Кесаря. М., – 1995.
4. Шестов Л. «Похвала глупости» <http://www.vehi.ntt/shestov/indexhtml>
5. Сагатовский В.Н. Философия развивающейся гармонии (философские основания мировоззрения) в 3-х частях. Ч.2: Онтология. СПб. 1999;
6. Сагатовский В.Н. Бытие идеального. СПб. 2003.
7. Сагатовский В.Н. Философия антропокосмизма в кратком изложении. СПб. 2004.
8. Сагатовский В.Н. Триада бытия (введение в неметафизическую коррелятивную онтологию). СПб. 2004.
9. Сагатовский В.Н. Философские категории: авторский словарь. Ч.1. Онтология. СПб. 2011.
10. Карпицкий Н.Н. Сагатовский В.Н. Значение философских идей // Вестник ТГПУ. Томск. 2006. Вып. 7.
11. Франк С.Л. Предмет познания. СПб. 1995.

BERDYAYEV'S CONCEPTION OF OBJECTIVATION FROM THE POSITION OF CORRELATIVE ONTOLOGY

V.N. SAGATOVSKY

*Belgorod State Insitute
of Arts and Culture*

e-mail: sagat@mail.ru

The core issue of the modern philosophy is the the issue of human. It does not reject the issue of correlation between subjectivity and intersubjectivity with objective reality. The separation and contraposition of them is counterproductive. The paper deals one of such contrapositions, actual up to now, in Berdyayev's philosophy, and discusses the approach to overcome such view from the position of the author's conception of nonmetaphysical correlative ontology.

Key words: objectivation, creativity, freedom, concreteness of being, objective reality, subjective reality, transcendent reality.

ЧЕЛОВЕК. КУЛЬТУРА. ОБЩЕСТВО

УДК 13

МАССОВОСТЬ – СПЕЦИФИКА ЗРЕЛИЩНОГО

И.Н. ЛАВРИКОВА

*Тверской филиал
Московского
университета
МВД России*

e-mail: ilavrikova@rambler.ru

Исторической разновидностью праздников являются праздники зрелищные. Эти праздники активно проводятся во всех уголках земного шара, и, следовательно, именно такая форма досуга востребована разными народами до сих пор. В этой связи у меня возникает ряд вопросов, на которые интересно было бы получить ответы.

Итак: почему современный человек жаждет зрелищ? Каково политическое значение зрелищного праздника вообще, и современного, в частности? Попробую разобраться...

Ключевые слова: методология праздника, свободное время, досуг, элемент культуры, власть, воспитание личности, зрелище, массовость.

«Самое великое, что есть в природе, – человек, и прекраснейшее из всех зрелищ – зрелище объединенного народа»¹
(Роллан Ромен).

Исторической разновидностью праздников являются праздники зрелищные. Эти праздники активно проводятся во всех уголках земного шара, и, следовательно, именно такая форма досуга востребована разными народами до сих пор. В этой связи у меня возникает ряд вопросов, на которые интересно было бы получить ответы.

Итак:

- ✓ почему современный человек жаждет зрелищ?
- ✓ Каково политическое значение зрелищного праздника вообще, и современного, в частности?

Полагаю, что при осмыслении сферы зрелищного в современном мире мы должны, прежде всего, говорить о феномене артизации человеческого сознания. Если попытаться отобразить цепь причинно-следственных причин, ведущих к артизации сознания, то, полагаю, она будет выглядеть следующим образом: *индустриализация* → «частичный работник» → «частичный человек» → «массовый человек» → *формализация коммуникаций* → *атомизация* → *артизация сознания* → *массовый вкус* как продукт артизированного сознания.

Углубляясь в причины разъединения людей индустриального мира не считаю нужным, так как в русле моих исследований интересно проследить течение данного процесса и его вероятные последствия, а также, по-возможности, сопутствующие явления.

В этом случае необходимо произвести ряд уточнений. Например, *под формальной коммуникацией* будем понимать характерную для высокотехнологичных обществ обезличенность связей в составе многочисленных и разнородных общностей. Такой тип отношений начал складываться при формировании новейшей городской массы и сопровождался вытеснением личных неформальных отношений, свойственных малым груп-

¹ Роллан Ромен. Собр. соч. в 14-ти т. Т. 14. М., 1958. – С. 257.

пам сельского мира. Общение городского человека эпохи индустриализации становится избыточно многосторонним и вынужденно формализованным. Современные социологи считают современного человека членом одновременно, как минимум 5-6 малых и 10-15 больших групп², что, безусловно, отражается на качестве общения: «формализация, поверхностный характер большей части межличностных контактов становятся практически неизбежными, происходит сужение, выхолащивание личностных, эмотивных элементов связей людей вне семьи»³.

Суть атомизации, как высшей точки разъединения людей, включает в себя следующие процессы: во-первых, стирается человеческая индивидуальность, «выливающаяся» в характеристическую похожесть людей друг на друга, в одинаковость их ценностей и устремлений. Во-вторых, распадом «мы», когда, следуя требованиям конкуренции, снижается уровень общения между членами общества, усиливается их изоляция, индивиды в борьбе за статус автономизируются. Таким образом, десолидаризация и самоизоляция индивидов становятся основными критериями, при массовом наличии которых, возможно утверждать, что общество переживает атомизацию, не самое лучшее свое состояние.

Результатом общественной атомизации, в свою очередь, становится **артизация сознания**, что проявляется в полунаркотической жажде зрелищ, утрате граней между зрелищем и реальностью, иллюзорном сознании. Ключевая причина артизации – исчерпание людского доверия к основополагающим общественным ценностям и, как следствие, неверие в стабильность общества данного типа, сопровождающееся тревогами и страхами о настоящем и будущем. Артизированное сознание срабатывает таким образом, что меняются приоритеты: главными, определяющими характеристиками социальных проблем становятся характеристики эстетические. Терроризированное отчаянием, истерией, страхами, как бы замороженное сознание, естественно, неспособно к разумным действиям, но им удобно манипулировать. Ведь именно такое сознание, сознание беззащитного человека, в мировоззренческом плане более всего ценит «порядок». Должное, адекватное человеческое отношение к реальным ужасам «размывается» навязываемой массовой психологической позицией, в рамках которой окружающее «относительное спокойствие» (в сравнении со зрелищными кошмарами культурной индустрии) надо ценить и беречь. Таким образом, атомизация приводит к артизации сознания, что, в свою очередь, настойчиво «провоцирует» жажду зрелищного любой природы.

Отрицать сложно: в современных условиях мирового информационного пространства, когда в массовом масштабе, благодаря супертехнологиям, открыто циркулирует безграничный поток знаний разного уровня и на разный вкус, формирование массовых стереотипов различного рода, в том числе и зрелищных, значительно упрощается. Подконтрольное тиражирование однородной или унифицированной информации в виде оценок, лозунгов и призывов расширяет масштабы манипулирования общественной психологией, делает общество более открытым и доступным при программировании со стороны властвующих. Соглашусь с Г.Ю. Черновым, что «...появляется как тенденция возможность преднамеренного монопольного контроля и формирования в нужном направлении сознания множества людей, создания однородного массового сознания. На роль такого рода монополиста могут претендовать финансовые магнаты, корпорации, но чаще всего в этой роли оказываются государство, правящая политическая элита, бюрократия»⁴.

По этому поводу хочется сделать еще одно дополнение. Вне сомнений, что исследуя массовое поведение как реакцию на определенные стимулы, мы имеем возможность изучать формы проявления массового сознания. В этой связи Е.И. Кукушкина и Л.И. Насонова предложили рассматривать массовое сознание как сознание «маргинальное»⁵. Подробнее: в современном обществе идет процесс превращения классических общностей в неклассические. По мнению исследователей, он является следствием маргинализации социальных групп, появления обширных пограничных групп между ними и формирования «люмпен-слоев» в каждой классической группе.

² Грушин Б.А. Процессы массовизации в современных обществах // Рабочий класс и совр. мир – 1986. – № 5. – С. 36.

³ Чернов Г.Ю. Социально-массовые явления: исследовательские подходы. – Дубна: Феникс+, – 2002. – С. 148.

⁴ Там же. – С. 154.

⁵ Кукушкина Е.И., Насонова Л.И. Обыденное и массовое сознание // Вестник Моск. ун-та. – Сер. 12. – 1991. № 1.

Кроме того, Е.И. Кукушкина и Л.И. Насонова полагают, что в массовом сознании реальные потребности могут принимать различные превращенные и даже извращенные формы. Такое может происходить, когда исторические возможности развития какой-либо социальной группы объективно уже исчерпаны, при сохраняющейся видимости их развития. В этом случае подлинное духовное развитие группы подменяется развитием мнимым, а материал для этой мнимой деятельности подбирается в соответствии не с собственной природой, а с превращенными потребностями массы иметь иллюзию духовной жизни. Тогда, маргинальный характер массы проявляется в соответствующем характере составляющих ее сознания, конструируемого из подручного материала, заимствованного из «ничейных» пограничных областей общественного сознания «с тем, чтобы удовлетворять единственному требованию: быть легко, без усилий воспринимаемым и в силу внешнего подобию – способным к замещению духовных ценностей, утративших в изменившихся условиях социальную целесообразность».

Характеристики массы порождают аналогичные качества ее сознания: аморфность – столь же аморфное сознание, не имеющее стабильной структуры, с признаками неопределенности, ситуативности, анемичности, то есть отсутствие какого-либо закона, лежащего в основе ее образования – иррациональные, логически противоречивые элементы сознания в их связи⁶.

Полагаю, именно сейчас уместно говорить об одном из ярко выраженных продуктов-последствий *артизированного сознания* – **массовизации общественного вкуса**. Думаю, эта зависимость, точнее взаимозависимость, развивается как бы по спирали, а именно, артизированное сознание, продуцирующее массовый вкус, порождает продукты, в свою очередь его подпитывающие, и так по нарастающей.

В данном случае, коррективы переживают, по крайней мере, две сферы культуры – духовная и художественная. Естественно, что *процессы влияния* на указанные сферы *носят множественный характер*. В частности, *один из них* можно образно выразить, используя комментарий Д.С. Лихачева: «...Движение литературы начинает контролироваться читателем»⁷. *Далее*, появляются новые художественные средства на базе кинематографа, и, прежде всего, самое из них доступное для большинства населения – телевидение. *Кроме того*, движение общественной истории вынуждает иначе выстраивать отношения «художник – аудитория», ведь *аудитория* теперь мыслится как *массовая*, а *эстетика* как *популярная*. Фактически, *творец* трансформируется в *продавца*, вынужденный ориентироваться на успех кассы. Конечно, творческие элиты, попадая под диктат массовых, но не элитарных запросов, значительно ослабевают. Уровень культуры, ее требования и стандарты снижаются популярными методами, при которых форма и содержание произведений переориентируются на массовую доступность; все это, как следствие, ведет к упрощенчеству: снимается проблематика, сложная для массового восприятия. И, пожалуй, *самый главный*, из названных, *процессов влияния*, заключается в следующем: *продукт художественного творчества трансформируется в продукт рыночных отношений*. Соответственно, с его помощью извлекается прибыль, так как подобный продукт уже переориентирован на массовый спрос, и в предметы «массового искусства» вложены капиталы. В итоге, стратегию производства продуктов масскульты диктует в известном смысле сам массовый рынок.

Массовые предпочтения, так называемый, массовый вкус, к сожалению, «выстраивает» под себя иерархию видов и жанров художественной культуры: «симфоническая и камерная музыка, опера и балет, “серьезная” живопись и литература подвергаются своеобразному остракизму, оттесняясь на периферию удобными для массового производства, тиражирования кино, “мыльными операми”, а также эстрадой и литературой книжно-массового бестселлера»⁸.

Основные характеристики массовой культуры⁹:

1) развитие функции развлекательной на фоне отказа от развивающего, чуждого творческого;

⁶ Там же. – С. 28-30.

⁷ Средства массовой коммуникации в современной художественной культуре. – М.: Искусство, 1983. – С. 42.

⁸ Чернов Г.Ю. Социально-массовые явления: исследовательские подходы. – Дубна: Феникс+, 2002. – С. 157.

⁹ Там же. – С. 162.

2) деструктивное воздействие на психику индивидов; отсутствие этической и правовой защиты от подобной деструкции;

3) массовая артизация сознания (происходящее рассматривается как зрелище), формирование асоциального, дегуманизированного типа «игрового» человека;

4) массовое насаждение философии и психологии «консюмеризма», формирование международного типа массового сознания.

В рамках исследования представляется особо важным отметить, что помимо вышеперечисленных характеристик «массовая культура» создает особый механизм унифицирующего воздействия на всех членов общества, даже независимо от социального статуса. Новоформирующаяся система жизненных приоритетов снимает все личностное, индивидуальное, способствует идентификации себя с массой. Становится необходимым «быть как все» или «не хуже других». При этом отмечу, что подобные образы навязываются «извне-ориентированному» человеку экономическими и политическими правящими элитами (носителями ценностей «человека массы») посредством различных, массово апробированных манипулятивных средств. Короче говоря, «нельзя не подивиться росту профессиональной базы манипулятивных институтов, равно как и ощутить себя участником (подопытным?!) социального эксперимента “нового типа”, нацеленного на тотальное зомбирование и абсолютную управляемость общества и индивида бюрократическими и олигархическими “элитами”»¹⁰.

И, прежде чем, говорить непосредственно о праздниках в формате зрелища, считаю необходимым отметить еще одно порождение массовизации – *атрофию эмоциональной жизни на фоне столь же массового, преимущественно рассудочно манипулятивного мышления*. «Человек массы» или «рыночный человек» начинает активно деградировать, поскольку заинтересован лишь в факте собственной удачной продажи самого себя. По Э. Фромму это звучит так: «Человека заботит не его жизнь, не его счастье, а лишь то, насколько он годится для продажи»¹¹. В эмоциональной сфере эти люди беспомощны и наивны, не могут отличить подлинных чувств от фальши. Именно поэтому, политики, изображающие сильные эмоции, имеют хорошие шансы привлечь к себе людей с «рыночным характером»¹².

Э. Фромм описывает такой человеческий тип в виде редуцированной личности с «выветренной душой», которая отказывается от своего «Я» ради материальных благ. Подобный индивид практически лишается эмоций и вырождается в потенциально манипулированный объект, чье поведение абсолютно предсказуемо и управляется через систему проверенных стимулов.

Хочу отметить, что по мнению ученых-гуманистов XX-XXI веков, среди них, А. Швейцер, Х. Ортега-и-Гасет, Э. Фромм, Д.С. Лихачев и др., вопрос о регенерации духовной культуры и нравственной элиты первостепенно важен, как никогда. Но, к сожалению, не нужно обладать какими-либо сверхзнаниями, чтобы на сегодняшний день констатировать превосходство «массового» или «человека массы» над индивидуальным, индивидуальностью.

В процессе всего исследования передо мной стоит вопрос: «Каким образом, благодаря каким аргументам я смогу увериться в том, что мыслю достаточно здраво»? В этой связи пришла к выводу: единственное, что может убедить, в данном случае, и не только меня, это повторяемость мнений известных ученых по поводу самого объекта исследования. Естественно (и это интересно!), что мнения будут иметь различный угол зрения, но, при этом, они должны конструктивно совпадать по ключевым моментам и в ключевых оценках интересующего явления или предмета.

Говоря о массовизации как причине выхолащивания индивидуального, вышесказанное хочу дополнить некоторыми заключениями П.С. Гуревича об «инертной аморфной массе, дремлющей по большей части в тупом оцепенении и пробуждающейся лишь для того, чтобы выразить шумное восхищение “великим упростителем”»¹³.

Массовым, он называет такое общество, в котором «...политика определяется стихийными реакциями населения, а культура утрачивает уникальность и тиражируется для всех», развивается новая техника коммуникаций, а власть «концентрирована и принимает форму манипуляции массами» посредством этих коммуникаций. И далее: «граждан-

¹⁰ Там же. – С. 172.

¹¹ Фромм Э. *Иметь или быть?* Москва, «Прогресс», 1986. – С. 170-171.

¹² Там же. – С. 173.

¹³ Гуревич П.С. *Философия культуры: Пособие для студентов гуманитарных вузов*. – 2-е изд. – М.: АО «Аспект Пресс», 1994. – С. 253.

ские добродетели в этих условиях приходят в упадок, местное самоуправление ослабевает, исконная солидарность людей фактически исчезает. Эгоизм подменяет индивидуальность. Хаос предотвращается идиотией массы, манипулируемой элитами»¹⁴.

По мнению П.С. Гуревича, новизна массового общества заключается в следующем: «в более тесной интеграции народных масс в системе институтов и ценностей общества. Совокупность индивидов... составляет общество благодаря интеграции в систему, части которой взаимосвязаны. Тип общества, о котором идет речь, *интегрирован не родством, но принятием и действием власти в главных подсистемах общества (курсив мой – И.Л.)*, в экономике, политике, образовании, религиозных учреждениях и связанных с указанными областями нормами и взглядах»¹⁵.

В соответствии с точкой зрения П.С. Гуревича, «массовое общество продвинулось в созидании единой культуры далее, чем общество любого другого типа», а многие социальные критики – Гюнтер Андрес, Макс Хоркхаймер, Раймонд Бауэр и другие, подчеркивают ее наркотический характер, способствующий, посредством гигантских каналов массовой коммуникации, созданию сноподобного, иллюзорного. Благодаря электрической коммуникации массовая культура превращает людей в «патентованных наблюдателей»¹⁶, и я добавляю, что, именно в таком состоянии, как нельзя лучше подготовленных, ориентированных на технологии зрелищного.

Теперь непосредственно о зрелищном: его массовизацию анализировал, например, Е. Финк, когда описывал подобный феномен на фоне игрового. То, что игра является неперенным компонентом праздничного, говорилось неоднократно, поэтому считаю логичным воспользоваться, в данном случае, комментариями Финка. По этому поводу он пишет: «Игру можно играть с глубиной, почти неосознаваемой творческой активностью, а можно – с порхающей легкостью и грациозной элегантностью. Игровое представление не охватывает одних только играющих, закуклившихся в своей роли: оно соотносено и со зрителями, игровым сообществом, для которого поднят занавес. Об этом ясно свидетельствует зрелищная игра. Зрители здесь не случайные свидетели чужой игры, они небезучастны, к ним с самого начала обращена игра, она дает им что-то понять, завлекает в сети своих чар. Даже не действуя, зрители оказываются околдованными. Представление в его традиционной форме, с окружающей его декорацией, подобно картине. Зрители видят раскрывающийся перед ними игровой мир. ...Раскрытая сцена – словно окно в воображаемый мир. И этот необычайный мир, открывающийся в игре, не только противостоит привычной реальности, но обладает возможностью воспроизвести внутри себя это противостояние и свой контраст с реальностью. Подобно картинам в картинах существуют игры в играх. И здесь итерация многоступенчатая по интенции, но удерживается в одном и том же медиуме видимости игрового мира»¹⁷.

Включение зрелищ в структуру праздника имеет многовековую практику, и, безусловно, в этой связи необходимо обратиться к опыту античности. В таком случае, речь должна идти, прежде всего, о праздниках Древнего Рима, где, как известно, праздники разделялись на элитарные (для правящей элиты) и массовые в идее зрелищ (для класса угнетаемых).

Теперь, вернусь непосредственно к праздникам Древнего Рима, их детализации. Отмечу, что система ритуалов и обрядовых действий на празднествах жестко регламентировалась государственным аппаратом. Более того, «праздничному делу» обучались специальные люди, и, таким образом, за проведение действия несли ответственность отобранные профессиональные кадры. Были необходимы и особые жрецы-организаторы церковных мистерий, массовых религиозных поклонений, церемоний.

По мнению А.В. Бенифанда¹⁸, государственные и религиозные праздники Древнего Рима были частью праздной жизни господствующего класса, а зрелища – формой эксплуататорской политики. В рамках подобного подхода нерабочее время рабов полностью тратилось на рекреации, на удовлетворение потребности в восстановлении сил.

¹⁴ Гуревич П.С. Философия культуры: Пособие для студентов гуманитар. вузов. – 2-е изд. – М.: АО «Аспект Пресс», 1994. – С. 253-254.

¹⁵ Там же. – С. 255.

¹⁶ Там же. – С. 257.

¹⁷ Финк Е. Основные феномены человеческого бытия//Проблема человека в западной философии: Переводы/Сост. и послесл. П.С. Гуревича; Общ. Ред. Ю.Н. Попова. – М.: Прогресс, 1988. – С. 379-380.

¹⁸ Бенифанд А.В. Праздник, сущность, история, современность. – Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та, 1986. – С. 57-58.

Сравнивая римские праздники с греческими, А.И. Мазаев по этому поводу пишет, что первые – «совершенно иные» обозначают «начало исторического оскудения праздничной культуры. Здесь праздники предстают уже не ареной духовного и физического совершенствования человека, а зрелищем, разделившим участников праздничного торжества на тех, кто активно его разыгрывает, и тех, кто его лишь созерцает со стороны. ... На древнеримских празднествах, особенно в императорский период, лежит фальшивый, внешний лоск и помпезность, сочетающиеся с грубым натурализмом, а их праздничность вырождается в откровенную праздность. И эта метаморфоза не случайна. Римская империя держалась на военной силе, и устраиваемые здесь триумфальные шествия, гладиаторские бои, навмахии, или сражения на воде, вполне соответствовали господствовавшему в этом обществе духу милитаризма, имея целью, с одной стороны, воспитание солдатской храбрости, а с другой – поддержание императорской власти путем демонстрации ее военной мощи и материальных богатств, щедро расточаемых толпам паразитирующих люмпен-пролетариев. Цель эта имела осознанный характер, о чем свидетельствуют сохранившиеся суждения римских государственных деятелей. Так, например, Цицерон, Сенека и ряд других знатных римлян хотя и не одобряли кровавые гладиаторские зрелища, тем не менее разделяли всеобщее мнение на тот счет, что они отвечают нормам воспитания такой «гармоничной» личности, как римский легионер-завоеватель. ...Один из римских правителей, Аврелиан, говорил: «Предавайтесь увеселениям, занимайтесь зрелищами. Пусть нас занимают общественные нужды, а вас – развлечения»¹⁹.

Ключевое – «хлеба и зрелищ», превращало праздники Рима в средство массового манипулирования, в то время как античная Греция считала подобные мероприятия привилегией свободного народа. Обратимся к описаниям²⁰ Великих Дионисий, чтобы политическое и идеологическое отличие праздников стало явным.

Великие Дионисии, как и другие афинские праздники, продолжались несколько дней и «были они не днями праздности, а днями празднований, строго регламентированными разного рода обычаями и обрядами, свято соблюдавшимися и передававшимися из поколения в поколение. Именно разного рода обычаями и обрядами, необыкновенно гармонично сочетавшимися друг с другом. Ибо были предусмотрены этими обычаями и обрядами и торжественные шествия, и культовые церемонии, и часы безмятежного народного веселья, когда каждому была предоставлена полная свобода веселиться, как он хотел, и хоровые, музыкальные и гимнастические состязания с присуждением наград победителям, и состязания драматические»²¹.

Праздничное мироощущение афинян, в связи со сложным, многосоставным характером их празднества, было очень объемным. Оно включало в себя все эмоциональные оттенки, на какие только способен человек, отвергший обыденщину, свободный в человеческом и гражданском смысле.

В заключительный день Великих Дионисий после награждения победителей драматических представлений созывалось народное собрание. Целью его было подвести итоги праздника, выслушать и рассмотреть все жалобы по поводу его проведения, если таковые поступали. Участвуя в собрании, свободнорожденные граждане воспроизводили еще раз в памяти все дни праздника и подытоживали свои впечатления. Отдавалось должное и афинской государственной администрации, если она показала себя с лучшей стороны, и, наоборот, выносили в ее адрес порицания, если она того заслуживала.

Народным собранием, проходившим в театре Диониса, Великие Дионисии и заканчивались. На следующий день деловая суতোлка снова накатывалась на Афины, но праздник не забывался. О нем напоминали новые экспонаты на улице Треножников и надписи на каменных стелах, увековечившие имена победителей в честь бога плодоносящей и возрождающей каждый год природы, а также в честь афинского государства и его граждан, в честь их свободы.

По мнению А.И. Мазаева, «античные праздники, в частности Великие Дионисии, – один из немногих примеров в истории, когда праздничность выступала в своем истинном содержании, будучи антитезой праздности и в то же время подчиняясь исключительно

¹⁹ Мазаев А.И. Праздник как социально-художественное явление. – М., Наука, 1978. – С. 97-98.

²⁰ Каллистов Д.П. Античный театр. Л., 1970. – С. 19-44.

²¹ Там же. – С. 19-44.

принципу удовольствия. Это было целостное праздничное мироощущение, вмещавшее в себя все проявления здорового духа и здоровой чувственности и отражавшее античную точку зрения на жизнь и культуру...»²².

В этой связи уместно вспомнить о психологическом факте²³, согласно которому единственной эмоцией, в оценке которой испытуемые обнаруживают большую степень согласованности, является эмоция радости. Полагаю, эти знания со счетов сбрасывать нельзя: проясняются причины единения значительных скоплений народа в подобных случаях.

Вновь вернусь к истории становления института зрелищ. Праздничная культура обязательно, я бы акцентировала, даже чутко, реагирует на социально-экономические изменения, поэтому в период феодальных отношений, праздник, естественно, приобретает новые качества. Согласно А.И. Мазаеву, новшества выглядят следующим образом: «В период феодализма утверждаются официальные празднества церкви и феодального государства, прославляющие существующий социальный порядок и величие власти. Еще со времен раннего феодализма, когда церковь стала уже крупнейшим землевладельцем и могущественной политической силой, она стремилась к превращению празднества в орудие своей пропаганды. В силу этого поначалу скромная религиозная процессия, служившая отправлению культа, превращается в организованное пышное шествие. Богатство церкви позволило придать ему характер красочного зрелища, поражающего роскошью костюмов, искусно разработанной игрой с вещами и театрализацией всякого рода. На основе церковного обряда, путем его усложнения, возник официально-церковный массовый праздник, достигший своего расцвета к XV-XVI вв.»²⁴.

Однако не следует забывать, что одновременно развивался народный праздник – карнавал, который существовал в качестве антипода официальному празднеству, и, по словам М.М. Бахтина, был «формой второй жизни народа, вступившего временно в утопическое царство всеобщности, свободы, равенства и изобилия»²⁵. На период празднества временно, «как бы» упразднялась социальная иерархия, и, силой «карнавального смеха» люди объединялись, уравнивались, претензии правящих разоблачались, снималась условность рангов и различий, и все для того, чтобы социальная несправедливость воспринималась невечной. «Карнавальная смех» вносил в атмосферу карнавала дух радикализма, помогая этому празднику с существенной полнотой воплотить в реальности тогдашние представления о свободной жизни. При всем том, – как уточняет А.И. Мазаев, – праздничность карнавала уже никак нельзя назвать идеальной в том смысле и значении, в каком была охарактеризована выше праздничность, присущая афинским праздникам. Гораздо в меньшей степени средневековое карнавальное мироощущение было связано с гармонически свободным самопроявлением человека и уж во всяком случае не имело возвышенного характера»²⁶.

В эпоху Возрождения монополия церкви в организации праздничной жизни ликвидируется и досуг начинает использоваться в просветительских и развивающих целях. Например, с точки зрения Морелли, увеселения и празднества – это средства восстановления сил и здоровья человека, кроме того, эффективный регулятор общественных отношений.

Яркий тому пример – празднества Великой французской революции, которые могли объединять на короткий срок линию официальную и народную. Несмотря на их некоторую помпезность, по сути праздники воплощали народное содержание. Мероприятия, кроме прочего, имели методическую ценность, так как «в них впервые в полном объеме присутствовал сценарий, – констатирует Д.М. Генкин, – в котором тщательно разрабатывалось все праздничное действие. Значительно расширилась и палитра выразительных средств режиссуры праздника. Так, в качестве выразительного средства широко использовалось хоровое пение. ...Главную часть всех празднеств французской революции составляли торжественные шествия народа. Однако в отличие от средневековых шествий это было тщательно продуманное и разработанное непрерывное действие с остановками и различными акциями у памятных мест революции и Парижа, с обязательным кульминационным

²² Мазаев А.И. Праздник как социально-художественное явление. – М., Наука, 1978. – С. 96.

²³ Бенифанд А.В. Праздник, сущность, история, современность. – Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та, 1986. – С. 49.

²⁴ Мазаев А.И. Праздник как социально-художественное явление. – М., Наука, 1978. – С. 99.

²⁵ Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. – 2-е изд. – М.: Худож. лит., 1990. – С. 14.

²⁶ Мазаев А.И. Праздник как социально-художественное явление. – М., Наука, 1978. – С. 100-101.

действием, ради которого шествие и затевалось»²⁷. Более того, как констатирует А.И. Мазаев, это были праздники нового типа, когда сама праздничная культура «превращалась в один из активных способов реального обновления и переделки действительности. ...Праздник 1789-1793 гг. впервые в истории заключил союз с революцией и стал проявлением полноценной и активной жизни, жизни как действия и борьбы»²⁸.

Чтобы историческая ретроспекция зрелищного была разнообразной, приведу пример праздников в Италии и Германии 30-40-х годов прошлого столетия. Фашизм полностью подчинил себе этот институт общественных отношений: «устраивая факельные шествия, милитаристские парады, массовые песнопения и объединения, наполняя все это историческое шаманство мифами об арийской крови и расе, он возродил на новейшей махрово-буржуазной основе принцип принудительности»²⁹. При этом фашистами игнорируются потребности граждан в творчестве, общении и т.д. Участие в действиях носит характер принуждения, первостепенной становится регуляционная функция праздника. Специальными государственными структурами утверждаются и неукоснительно исполняются праздничные регламенты: жесткие ритуалы и обрядовые действия. Ортега-и-Гасет, описывая характер праздничных отношений, указывал на полную обезличенность человека в рамках нацистских форм «организации», агрессивное стремление фашистов навязать «организацию» другим народам, всем и каждому³⁰.

Огромные средства фашисты тратили на организацию чествований своих лидеров, причем такие кампании разрабатывались спецкадрами пропаганды. С особой помпезностью отмечались дни рождения Гитлера, буквально, с роскошью средневековья, что подчеркивало абсолютность его личности. Важно отметить, что пристальное внимание германский фашизм уделял организации досуга детей и молодежи. Благодаря выверенной организации подобных кампаний у подрастающего поколения воспитывались «нужные» ценности и идеалы. Неслучайно в сценарий детского праздника вводили игрища военного характера, например, помпезно обставленные массовые шествия с барабанным боем, оркестрами, красочной символикой и т.п. Все это, естественно, имело психологическую направленность, создавало массовый психоз подростков, особое «праздничное» настроение, запланированное организаторами подобных мероприятий. Кроме того, яркая военная одежда детей, возможность публичного подражания взрослым и участие в детских праздниках создавали впечатление не только у непосредственных участников празднества, но и у наблюдающей толпы. Неудивительно, что праздники совершенной иной природы (например, День международной солидарности трудящихся 1 Мая) адаптировались для целевого выражения культа вождя, силы, жестокости и тотального милитаризма, что усиленно насаждалось в молодежной среде³¹.

Опыт Древнего Рима с его знаменитым, уже упоминавшимся лозунгом, не оставил равнодушным и отечественную правящую элиту. Намеренно опускаю детали, так как развитию отечественного праздника я посвящаю весь следующий параграф. Полагаю, в этой связи, уместен следующий пример: власти царской России, особенно второй четверти XIX века активно «внедряли в народ» всевозможные праздничные увеселения «нужного» характера. По этому поводу мне интересны статьи и фельетоны В. Слепцова³², который намеренно подчеркивал охранительную суть политики самодержавия и правящих классов в организации досуга простых граждан. Важно, что, описывая современные ему праздники – это середина XIX века, Слепцов пытался давать происходящему собственную, чаще всего нелицеприятную политическую оценку. Думаю, он проявил определенную смелость, показывая «торжественное шествие» обновленной реформами русской жизни во всех ее областях, «даже и по части удовольствий», в сравнении настоящего с прошлым. В.Слепцов указывал и на растущее «охлаждение» к предлагаемым удовольствиям, по причине изменений качества народной жизни.

²⁷ Генкин Д.М. Массовые праздники. М., «Просвещение», 1975. – С. 31.

²⁸ Мазаев А.И. Праздник как социально-художественное явление. – М., Наука, 1978. – С. 200-201.

²⁹ Бенифанд А.В. Праздник, сущность, история, современность. – Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та, 1986. – С. 67.

³⁰ Руткевич А.М. Социальная философия ортегианства. – Социологические исследования. 1980. № 1. – С. 169.

³¹ Бенифанд А.В. Праздник, сущность, история, современность. – Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та, 1986. – С. 67-68.

³² Слепцов В. Неизвестные страницы. – М., Изд-во Академии наук СССР, 1963. – С. 359-360.

Колоссальный размах приобретают праздники молодой Советской России, которые, безусловно, носили зрелищный характер. Известно, что обрядовая сторона мероприятий была представлена митингами, манифестациями, шествиями, демонстрациями, и все это происходило, предпочтительно, под маршевую музыку духового оркестра.

По мнению В.И. Ленина, значение форм массовой политической самостоятельности нельзя недооценивать, так как в них совершалось «обсуждение самими трудящимися новых условий жизни», «объединение усилий против эксплуататоров для их свержения», что это – эффективные средства партии, чтобы «пробудить и поднять... общественные “низы”... наиболее угнетенную и забитую, наименее подготовленную массу трудящихся, и, что этими средствами постоянно пользовались большевики на всех этапах революции, склоняя массы на свою сторону и с их помощью организуя Советскую власть»³³.

Сама процессия (шествие, демонстрация) на тот момент имела огромный социальный смысл: «в годы революции люди строились в ряды или колоннами, ...чтобы организованно пройти от сборных пунктов к центральному месту празднования и с максимальным эффектом продемонстрировать себя и стать красочным зрелищем для других. ...Символический смысл демонстрации, шествия... в том и состоял, чтобы приблизить будущее, преодолеть расстояние, разделяющее сегодня и завтра. Поэтому встать ...в ряды демонстрации означало реально встать на дорогу новой истории, выломиться из одного бытия и войти в другое, новое бытие»³⁴.

Полагаю, не менее интересным познакомиться с тонкостями организации отечественных зрелищных праздников времен Л.И. Брежнева. К сожалению, литературы, содержащей политическую оценку такого рода праздников их современниками, крайне мало. Впрочем, весьма любопытной в качестве рекомендаций по подготовке мероприятий массового и зрелищного характера мне показалась книга Д.М. Генкина «Массовые праздники»³⁵ (материалы книги я уже цитировала, когда определялась с классификацией праздников и описывала празднества Великой французской революции).

Итак, непосредственно о рекомендациях. Прежде всего, считаю необходимым отметить время написания книги – приблизительно четверть века назад. Для института праздника – срок незначительный, по сути, никаких глобальных структурных перемен в методах и подходах к подготовке зрелищных мероприятий произойти не могло. Тем более, кадровый состав организаторов времен советской школы не успел еще состариться, и, можно уверенно говорить о факте преемственности как при подготовке самих праздников, так и об обучении напрямую новых поколений «массовиков-затейников». Полагаю, именно такой незначительный временной разрыв между тогда – времен политических установок Советского Союза и сегодня – России обновленной, постперестроечной позволит сделать довольно интересные, как мне кажется, выводы о причинах, главным образом влияющих на содержательную часть праздничного действия. Именно при стечении обстоятельств, предложенных мне самой судьбой – ярко помнить «тогда» и участвовать «здесь» – можно попытаться выяснить, на какие общественные изменения институт праздника реагирует непременно, и что может радикально обновить его курс.

Выясняя различие зрелища и праздника, Д.М. Генкин полагает, что зрелище всегда является частью праздника. Именно его яркость и красочность позволяют проживать сильные эстетические эмоции, стимулируют коллективную эмоцию, окрашивают эмоционально все действие. В конечном счете, «сочетание различных форм самовыражения масс с восприятием ими зрелища выражает сущность праздника»³⁶.

Искусство массового праздника, представления и зрелища, с точки зрения Д.М. Генкина, это «искусство высоких идей, целенаправленности и гражданского пафоса, требующее в то же время яркой образности, ассоциативности, оригинального, смелого творческого замысла. В искусстве массовых представлений оригинальность, неповторимость замысла – первый залог успеха и заинтересованности зрителя. Внешняя зрелищность является в нем именно тем ключом, который открывает путь к сердцу каждого, превращает зрителей в соучастников представления. Искусство массового праздника, представления, зрелища – это искусство необычно массовое, обладающее огромным зарядом действенности, предполагающее активный контакт со зрителями, ищущее эффек-

³³ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 36. – С. 201-202.

³⁴ Мазаев А.И. Праздник как социально-художественное явление. – М., Наука, 1978. – С. 261.

³⁵ Генкин Д.М. Массовые праздники. М., «Просвещение», 1975.

³⁶ Генкин Д.М. Массовые праздники. М., «Просвещение», 1975. – С. 48.

тивные пути проникновения в их сознание»³⁷. Материалы массового праздника, представления или зрелища должны быть точно выверены, потому что, находясь в массе, человек иначе реагирует на стимулы, нежели, чем наедине. Такова специфика праздничной массовости. Следует учитывать значение просчетов при реализации праздничной ситуации, допускаемых драматургами и режиссерами действия. Необходимо помнить, что ошибки этого уровня в целом снижают престижность всего столь масштабного мероприятия. Вот что сказал по этому поводу И.М. Туманов: «...если театральный режиссер может вернуться к спектаклю после премьеры, то массовый праздник пройдет только раз и при этом должен оставить глубокое эмоциональное впечатление»³⁸.

Неслучайно, по мнению И.М. Туманова, каждый массовый праздник требует «тщательной подготовки, разработки темы, поисков интересной и доходчивой формы, своего ритма, привлечения для активного участия в нем возможно бóльших масс народа»³⁹. По поводу последнего в сценарной и режиссерской разработке требуется предусмотреть *пути активизации человека*, находящегося в ситуации массового праздника, иначе, *каналы*, по которым его деятельность может активно развиваться. В противном случае, даже самый яркий праздник оставит у людей чувство неудовлетворенности.

Теперь, пожалуй, самое главное, что я вынесла из пособия по советским массовым праздникам. Анализируя праздник как педагогическую систему, Генкин указывает на его *способность вырабатывать и проявлять социально оправданную идейно-нравственную позицию по отношению к наиболее существенным вопросам жизни общества, управлять общественным настроением, воздействуя на сознание участников*.

Именно эта **способность воздействия на сознание участников** и позволяет, наряду с другими, использовать институт праздника, особенно массового характера, следующим образом:

- ✓ в качестве сильнейшего и эффективнейшего средства для преднамеренного монопольного контроля за обществом со стороны узких элитарных групп;
- ✓ с его помощью формировать в нужном направлении сознание множества людей;
- ✓ создавать однородное массовое сознание.

Какими бы жесткими (или жестокими) не показались слова Э. Канетти, именно ими я хочу подвести некоторый итог своих мыслей. Осмысляя рабство, он пишет: «Стремление превратить людей в животных – это сильнейший побудитель распространения рабства. Энергию этого стремления так же трудно переоценить, как и энергию противоположного стремления – превратить животных в людей. Этому последнему обязаны своим существованием величайшие творения духа, такие, как метемпсихоз и дарвинизм, а также популярные увеселения, вроде номеров дрессированных животных. Когда человеку удалось собрать столько рабов, сколько животных в стаде, была положена основа государства и власти; и не подлежит сомнению, что стремление превратить целый народ в рабов или животных пробуждается во властителе тем сильнее, чем многочисленнее этот народ»⁴⁰.

Полагаю, что после такого высказывания, замечу, конца XX века, имею полное основание заключить, что всякие технологии массовизации, к которым относится и институт массового праздника, реализуют устремление правящего сословия *побудить распространение рабства*. Правда, в переложении на современность требуется уточнить: если и не физического, то *духовного*, вполне. Как? – Средствами массовой культуры, разрушающей внутренний мир человека. «Манипуляторы систематически имитируют сознательную жизнь личности, – констатирует П.С. Гуревич, – выдавая предрассудок за рассудок, аффект за трезвый выбор, немотивированный поступок за акт высокой общественной зрелости. Все это и порождает...самое трагическое следствие – разрушение духовности...»⁴¹.

Как показывает история, меняются эпохи и государства, меняются властители и приближенные, меняются даже формы политического устройства, но суть и основное назначение зрелищного действия в узловых моментах политики и идеологии остаются прежними.

³⁷ Там же. – С. 80.

³⁸ Туманов И.М. Массовые праздники и зрелища. М., 1961. – С. 246.

³⁹ Массовые праздники и зрелища. М., Искусство, 1961. – С. 115.

⁴⁰ Канетти Э. Масса и власть. Пер. с нем. и предисл. Л. Ионина. М., AD, MARGINEM, 1997. – С. 412.

⁴¹ Гуревич П.С. Философия культуры: Пособие для студентов гуманитар. вузов. – 2-е изд. М.: АО «Аспект Пресс», 1994. – С. 278.

Список литературы

1. Роллан Ромен. Собр. соч. в 14-ти т. Т. 14. М., 1958.
2. Грушин Б.А. Процессы массовизации в современных обществах // Рабочий класс и совр. мир – 1986. – № 5.
3. Чернов Г.Ю. Социально-массовые явления: исследовательские подходы. – Дубна: Феникс+, 2002.
4. Кукушкина Е.И., Насонова Л.И. Обыденное и массовое сознание // Вестник Моск. ун-та. – Сер. 12. – 1991. № 1.
5. Средства массовой коммуникации в современной художественной культуре. – М.: Искусство, 1983.
6. Фромм Э. Иметь или быть? Москва, «Прогресс», 1986.
7. Гуревич П.С. Философия культуры: Пособие для студентов гуманитар. вузов. – 2-е изд. – М.: АО «Аспект Пресс», 1994.
8. Финк Е. Основные феномены человеческого бытия//Проблема человека в западной философии: Переводы/Сост. и послесл. П.С. Гуревича; Общ. Ред. Ю.Н. Попова. – М.: Прогресс, 1988.
9. Бенифанд А.В. Праздник, сущность, история, современность. – Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та, 1986.
10. Мазаев А.И. Праздник как социально-художественное явление. – М., Наука, 1978.
11. Каллистов Д.П. Античный театр. Л., 1970.
12. Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. – 2-е изд. – М.: Худож. лит., 1990.
13. Генкин Д.М. Массовые праздники. М., «Просвещение», 1975.
14. Руткевич А.М. Социальная философия ортегианства. – Социологические исследования. 1980. № 1.
15. Слепцов В. Неизвестные страницы. – М., Изд-во Академии наук СССР, 1963.
16. Ленин В.И. Полн. собр. соч. М.: Изд-во политической литературы, 1969. Т. 36.
17. Туманов И.М. Массовые праздники и зрелища. М., 1961.
18. Массовые праздники и зрелища. – М., Искусство, 1961.
19. Канетти Э. Масса и власть. Пер. с нем. и предисл. Л. Ионина. М., AD, MARGINEM, 1997.

MASSIVENESS AS A SPECIFICITY OF ENTERTAINMENT

I.N. LAVRIKOVA

*Tver branch of the Moscow
university of the Ministry
of Internal Affairs
of the Russian Federation*

e-mail: ilavrikova@rambler.ru

Historical version of holidays are entertainment holidays. These holidays are actively spent in all corners of the globe, and, hence, such form of leisure is claimed by the different people till now. Thereupon I have some question on which it would be interesting to receive answers.

So: why the modern person thirsts for shows? What is a political value of an entertainment holiday in general, and modern, in particular? I will try to understand...

Key words: holiday methodology, free time, leisure, culture element, power, education of the person, show, mass character.

УДК 008

ТЕХНОЛОГИЧЕСКАЯ УТОПИЯ И ФОРМЫ ЕЕ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЕ: ТЕХНО-ПРОГРЕССИВИЗМ, ТРАНСГУМАНИЗМ И ЦИФРОВАЯ УТОПИЯ

Т.Б. МЕДВЕДЕВА*Южный федеральный университет**e-mail: hmellmaya@mail.ru*

В данной статье анализируются перспективы рассмотрения феномена утопии в её многообразных социокультурных сценариях и формах представленности, в частности, рассматривается технологическая версия современных утопических представлений, а также их формы репрезентации в современной культуре на примере техно-прогрессивизма, трансгуманизма и цифровой утопии.

Ключевые слова: утопия, идеальное общество, трансгуманизм, цифровая утопия, технологическая утопия.

Введение. Сегодня, в начале XXI, да и на протяжении всего XX века, исследовательский подход к феномену утопии носит вариативный характер в своих методологических приоритетах, и не ограничивается жесткими рамками какой-либо философской системы или идеологической программы. Последнее обстоятельство открывает перед современными исследователями широкие перспективы рассмотрения феномена утопии в её многообразных социокультурных сценариях и формах представленности.

Давно назревшая потребность рассмотрения возможных версий трансформации утопии в пространстве современной культуры, воплощается в тенденции нового понимания и интерпретации утопии вне её привязки к классическим новоевропейским литературным шаблонам, социальным и политическим просвещенческим проектам и критическим антитоталитарным рассуждениям (К. Кумар¹, З. Бауман², П. Лассман³, К. Дэвис⁴, М. Паркер⁵ и др.). Несмотря на различия в методологических установках, данные авторы сходятся в толковании утопии как специфического вида социального воображения, которое принципиально свойственно западной манере мышления.

Опираясь на вышеуказанную теоретическую позицию, в данной статье автор ставит перед собой цель – рассмотреть технологическую версию современных утопических представлений, а также их формы репрезентации в современной культуре на примере техно-прогрессивизма, трансгуманизма и «цифровой утопии».

Одним из ведущих, но малоизученных в отечественной гуманитаристике направлений, доминирующем в исследованиях современной утопической традиции выступает концепция «техно-утопизм». Данная концепция получила широкую известность и популярность на Западе, где она по праву, сегодня может считаться магистральной идеологической конструкцией, демонстрирующей актуальный этап развития представлений о природе утопических идей. Она основана на убеждении, что наука и технология, в конечном счете, приведут к созданию техно-утопии: будущего общества с условиями жизни, приближёнными к совершенным. Техно-утопия является изображением идеального общества, в котором закон, правительство и общественный строй функционируют исключительно для выгоды и благосостояния всех его жителей, а передовая наука и технология позволяют такому сообществу сформироваться на базе современной цивилизации и успешно развиваться в будущем.

¹ Kumar K. Utopia and Anti-Utopia in Modern Times. Oxford: Blackwell. 1987; Kumar K. Aspects of the Western Utopian Tradition// History of the Human Sciences 2003; №16// <http://hhs.sagepub.com/cgi/content/abstract/16/1/63>

² Bauman Z. Utopia with no Topos// History of the Human Sciences, 2003, №16// <http://hhs.sagepub.com/cgi/content/abstract/16/1/11>

³ Lassman P. Political Theory as Utopia// History of the Human Sciences 2003; №16// <http://hhs.sagepub.com/cgi/content/abstract/16/1/49>

⁴ Davis, J. C. Utopia and the Ideal Society: A Study of English Utopian Writing 1516–1700, Cambridge: Cambridge University Press, 1981

⁵ Utopia and organization. Ed. By Martin Parker. Blackwell publisher. 2002

Классический техно-утопизм и рационализм связывались с демократическими, революционными изменениями на протяжении уже практически двухсот лет: так, например, Р.Оуэн, Ш.Фурье и А.Сен-Симон в начале 19-го столетия вдохновили идеологию коммунизма с его видением будущего исключительно в ракурсе научного и технологического развития человечества, рассматривающего и использующего «рацио» как аналог светской религии. Эту же тенденцию можно наглядно зафиксировать в утопическом социализме Э.Беллами с его технологическом уклоном, который имел огромное влияние на большинство социалистических движений своего времени. Э.Беллами концентрирует особое внимание на организации нового идеального общества будущего, выстроенного на платформе тотального доминирования национализированной промышленности (промышленной армии и «националистической лиги») и рационально гармонирующей индивидуальные, эгоистические стремления и наклонности человеческой личности с интересами блага технологически модернизированного общества.

Современный техно-утопизм получил новый импульс в 1990-х годах, особенно в США, где данная форма техно-утопизма отразила веру в то, что технологическое изменение реконструирует человеческое сообщество, и что цифровая технология – «диджитопия»⁶, в особенности Интернет, способны увеличить личную свободу, освобождая человека от бюрократических правительственных влияний, традиционных социокультурных иерархий и устаревших социальных схем и порядков индустриального общества. Современные идеологии техно-утопизма ориентированы в базовое положение – отмену государственного контроля и превосходство свободного рынка (самыми знаменитыми представителями современного техно-утопизма являются Джордж Джилдер⁷ и Кевин Келли⁸).

Принципы современного техно-утопизма метко и содержательно определил Бернард Джендрон⁹:

1. мы являемся свидетелями и участниками новейшей революции в области современных технологий, которые радикально изменяют облик общества;
2. в постиндустриальном обществе технологический рост будет только повышаться и интенсифицироваться;
3. в постиндустриальном обществе технологический рост приведет к исчезновению экономического дефицита и появлению новой сферы сетевой экономики;
4. устранение экономического (потребительского) дефицита приведет к устранению всех социальных проблем: «Железо и хлам будут подчиняться законам софта, автомобили будут следовать правилам сетей, трубы будут исполнять все, что нужно с помощью собственных знаний. Если вы хотите представить себе, где будет будущее вашей отрасли, представьте себе, что бизнес целиком будет построен вокруг программ, даже если в данный момент вы видите, что он основан на чем-то физическом¹⁰».

Современная традиция техно-прогрессивизма активно идеологически и информационно поддерживает развитие новейших технологий (собственно, для пропаганды и популяризации этих идей и была создана в 1997 году Всемирная трансгуманистская ассоциация¹¹ Ником Бостромом¹², как сообщество учёных, исследователей и философов) как необходимого основания для социального совершенствования, опирающегося на открытия и достижения в области генной инженерии, кибер-изделий и нейрофармакологии в частности. Техно-прогрессивизм рассматривает рост научного знания и накопления технологических мощностей как условие для социальных преобразований, которые должны обязательно сопровождаться справедливым распределением затрат и льгот новых знаний и мощностей.

⁶ “Digitopia” термин, использованный в книге DeGrandpre R. Digitopia. The look of the New Digital you, 2001

⁷ Gilder G.F. Telecosm: How Infinite Bandwidth Will Revolutionize Our World. N.Y.: Free Press, 2000

⁸ Кевин Келли. Новая Экономика. Мир без технологий. <http://kevinkellyeconomy.blogspot.com/2009/03/kevin-kelly-mir-bez-tehnologiy-chast-1.html>; Кевин Келли. Новые правила для новой экономики. Двенадцать принципов преуспевания в бурно меняющемся мире Знание-Сила. N4, 1998

⁹ Gendron, Bernard (1977). Technology and the Human Condition. St.Martin's Press

¹⁰ http://en.wikipedia.org/wiki/Technological_utopianism#cite_note-Gendron_1977-10

¹¹ <http://humanityplus.org/>

¹² Bostrom, N. Anthropic Bias: Observation Selection Effects in Science and Philosophy” (Routledge, 2002

Трансгуманизм является международным интеллектуальным, идеологическим и культурным движением, поддерживающим использование новых научных знаний и технологических возможностей, имеющим базовую цель – усовершенствование человеческой анатомии и познавательных способностей. Эта цель предусматривает избавление человека от тягот болезней и старения его организма, расценивая последние как необязательные и возможно исключаемые аспекты человеческого существования. Идеология трансгуманизма постулирует, что человек в результате подобных научно-технологических превращений должен стать сверхчеловеческим существом с весьма расширенными способностями, трансформируясь в пост-человека. Трансгуманизм представляет широкий диапазон перспектив, стремясь воплотить, по версии одних исследователей, самые идеалистические стремления человечества, а, по версии других исследователей, самые опасные идеи в мире.

Ник Бостром видит культурные истоки утопической идеологии трансгуманизма, выраженные в человеческом желании приобрести новые антропологические формы и содержательные характеристики именно в культурной традиции восходящей к эпохам Возрождения и Просвещения, указывая на то, что генетика и другие передовые науки подарят человечеству невероятные возможности.

В настоящее время трансгуманизм определяется как интеллектуальное и культурное движение, которое утверждает, что возможность и желательность фундаментального улучшения и изменения человеческого существования доступны посредством прикладной технологической практики, которая способна устранить причины старения и увеличить человеческие интеллектуальные, физические и психологические мощности. Философы и идеологи¹³ трансгуманизма считают необходимым для человечества войти в фазу постчеловеческого развития, которая определяется как фаза существования, в которой люди сознательно участвуют в развитии и совершенствовании, и где естественное развитие заменено планируемым и преднамеренным изменением.

Представители традиции трансгуманизма для обоснования своих концептуальных положений привлекают различные междисциплинарные подходы к исследованию и оценке возможностей преодоления психо-биологических ограничений человеческой природы. Трансгуманизм рассматривает одной из подобных стратегий – идею совершенствования нервной системы и модификации мозга человека, которые являются первичным центром трансгуманистических преобразовательных амбиций как ключевые показатели возможности преобразования человеческой индивидуальности. Трансгуманисты оптимистически оценивают прогрессирующие сегодня технологии, такие как нанотехнологии, биотехнологии, информационные технологии, новые исследования когнитивистики, а также гипотетические будущие технологии, такие как моделируемая действительность, искусственный интеллект, «загружаемый разум» и крионику. Представители рассматриваемого направления полагают, что люди должны использовать эти технологии, чтобы стать пост-людьми, признавая необходимость морфологической свободы в качестве одной из гражданских свобод, чтобы гарантировать людям, возможность выбора в области принятия формы либо киборга, либо сверхчеловека либо постчеловека, которые представляются как следующие существенные эволюционные шаги для появления человеческих разновидностей. Технологии и наука, по мнению трансгуманистов помогут осуществить человечеству подобный качественный скачок.

В пределах направления трансгуманизма существует множество различных течений, которые постоянно пересматриваются и развиваются: анархотрансгуманизм, христианский трансгуманизм, демократический трансгуманизм, экстропианизм, постгендеризм, сингуляритаризм, социалистический трансгуманизм.

Тема трансгуманизма ярко присутствует в литературных формах – современная научная фантастика представляет множество утопических сюжетов, где присутствует сценарий технологического улучшения и совершенствование человеческой природы и

¹³ Ettinger R. C. W. Man into superman; the startling potential of human evolution—and how to be part of it. New York: St. Martin Press, 1972 <http://www.cryonics.org/contents2.html>; Hanson R. Burning the cosmic commons: evolutionary strategies for interstellar colonization, 1998 <http://hanson.gmu.edu/filluniv.pdf>; Bostrom N. Transhumanism—the world’s most dangerous idea?, Betterhumans 10/19/2004

жизненного уклада как такового, либо же дистопические предостережения, воплощающиеся в пессимистических сценариях будущего. Киберпанк наиболее полно отразил в себе сюжеттику трансгуманизма, найдя свое воплощение и в современной литературе и в кино. Многие формы современного искусства, включая скульптуру и живопись, также активно представляют эмблематические трансгуманистические утопические или дистопические нарративы¹⁴.

Локализация и укоренение утопических сюжетов и мотивов в современном междисциплинарном дискурсе характерно, прежде всего, для западной традиции исследования. Некоторые из них строятся на привлечении широкого и сложном теоретического философского и сциентического обоснования. Типичным образцом подобной артикуляции современной биологической и медицинской утопии могут служить данные тезисы и «...принципы движения трансгуманизма. Официально зародившийся в 80-е годы 20 века и популяризируемый профессором философии из Оксфорда Ником Бостромом, трансгуманизм предлагает междисциплинарный подход к пониманию и оценке возможности усиления и совершенствования потенциала человеческого организма, который становится возможным, благодаря техническому прогрессу. Трансгуманизм рассматривает человеческую природу как *work in progress*, принципиально незавершённую, которую мы способны научиться изменять в соответствии со своими желаниями. Настоящее человечество не должно быть конечной точкой развития. Трансгуманисты надеются, что последовательное и ответственное использование науки, технологии и всего потенциала рациональных подходов, создаст условия перехода от человека к постчеловеку, существу со значительно расширенными возможностями и способностями¹⁵».

Ориентированные на современные разработки и открытия в области молекулярной генетики подобные исследования констатируют возникновение новых горизонтов для физиологического, когнитивного и психологического конструирования. Конструирования, которое, по сути, будет носить характер новейшей антропологической формовки, основанной на идее доступности и принципиальной открытости генетических механизмов, определяющих не только поведение людей, но и их природу. Эти концепции неминуемо принимают узнаваемые утопические черты, как только в них начинают звучать широкие футуристические обобщения по поводу неизбежности и обязательности не только «статических корреляций между социальными поведенческими и генетическими характеристиками человека», но и ведётся речь о «построении всеобщей молекулярной архитектуры личности». Говоря об актуальности сегодня биологической и медицинской утопии, можно выделить как минимум два магистральных направления мысли:

- размышления о возможности направленного влияния на эволюцию человечества в целом, эта мысль стереотипно связана с идеей репродуктивного клонирования индивидов с общественно важными генетическими характеристиками;

- идеи более мягкого вмешательства, связанные с корректировкой социально маркированной «поведенческой» аллели, влияющей, по мнению учёных, на характеристики этнопсихологических особенностей.

Третьим ведущим направлением воплощения в современной культуре технологических утопических представлений является становление и развитие идеи информационного общества (общества знания) и связанной с такой общественной типологией идеологии *Digitopia* – «цифровой утопии», как неминуемой перспективы технологического совершенствования нелиберальной традиции. Те параметры и примеры, которые характерны для нелиберальной экономической модели (принципиальная открытость внутренних рынков мировым, формирование международных цен и стандартов, подвижность ресурсов, рабочей силы, прибыли и т. д.) невозможны без существования тотальной информационной сети.

Только наличие подобной информационной сетевой структуры делает возможным реализацию вышеобозначенных экономических параметров, что позволяет ряду современных исследователей неразрывно связать и напрямую ассоциировать процесс ста-

¹⁴Vita-More N. Transhumanist arts statement, 2002, <http://www.transhumanist.biz/transart.htm>

¹⁵ См. Pere Gallardo Torrano. The body as utopia: Gattaca, by Andrew Niccol (1997) – Spaces of Utopia, 2007 pp. 45-98 // www.ler.letras.up.pt

новления информационного общества с процессом распространения тотальной претензии неolibеральной экономико-политической идеологии в современном мире. В данном случае информации приписывается выдающийся, уникальный трансформационный потенциал, с невиданным доселе характером воздействия на экономическую и социокультурную сферы. Данное обстоятельство породило в западной аналитической литературе широкую полемику по поводу оценки и видения перспектив сращивания стратегий информатизации общества и внедрения неolibеральных экономических программ. Речь идет о принципиальной полемике по вопросу об определении статуса данного процесса в его утопической или дистопической перспективе. Понятия «утопия» и «дистопия» используются для описания возможных следствий для кардинальной трансформации общества в следующих направлениях:

1. утопическая перспектива: информатизация как ожидаемое усиление социальной интеграции, экономическое развитие и технологический прогресс, согласованность и координация общественных действий, исключаящих конфликтность.

2. дистопическая перспектива: информатизация чревата установлением изоциренных форм социальных санкций и ограничений, формированием нового цифрового неравенства с соответствующей технологической иерархией (проблема доступа), возможность тотальной системы слежения и контроля со стороны государства, наднациональных и надгосударственных институтов и корпораций.

В данном случае конструкт «информационное общество» может быть оценен и рассмотрен как актуальная метафора современного социально-экономического развития современной цивилизации. А значит, феномен цифровой революции предстает как характерная черта более широкого процесса технологической трансформации, за фасадом которого могут быть обнаружены разноплановые идеологии, порой далеко отстающие друг от друга: постколониальные и посткоммунистические программы, техноориентализм, киберколониализм и т. д.

Действительно, «современность» в её многомерной воплощённости вряд ли может быть рассмотрена вне её информационной, коммуникативной и медиальной характеристик. Информационная революция, реализуемая, в том числе, и на обыденном технологическом уровне, причудливым образом становится образом рождения новых актуальных модернизационных стратегий, в том числе, и в России. На информационные технологии, в частности, и конструирование информационного общества вообще возлагаются, по сути, эсхатологические ожидания, связанные с радикальной модернизацией и положительной трансформацией социальной реальности как таковой.

Именно информационные технологии и информационное общество рассматриваются как условие и сила, способные реализовать триумфальное воплощение неolibерального сценария с его верой в доминирование рациональности, новационности, экономической и политической либеральности, открывающими возможность для неограниченного производственного роста и, соответственно, увеличивающейся динамики потребления.

Если взглянуть на данную ситуацию, не принимая во внимание декламации успехов и достижений, приписываемых цифровой революции, то можно констатировать: мы являемся сегодня современниками становления очередной версии утопического проекта, порожденного западной культурной традицией. Проекта, ориентированного на поддержание социальных надежд и иллюзий по поводу возможности всестороннего преобразования общества, его оптимизацию и совершенствование, которые станут результатом внедрения и доминирования информационных технологий и информации, как таковой, в социальной сфере.

Те надежды и ожидания, которые возлагаются на плоды информатизации общества и его компьютеризацию, те выгоды и удобства, которые составляют декорацию оформляющейся диджикратии, те иллюзии и эффекты, которые наполняют пространство медиальной реальности должны стать пространством анализа утверждающейся и принимающей вполне реальные очертания новой цифровой утопии.

Описательные возможности данного конструкта настолько широки, что способны при соответствующем подходе вместить в себя неolibеральные идеологии, постколониальные и посткоммунистические панацеи, модернизационные, технологические и инновационные проекты, глобализаторские и контрглобализаторские стратегии.

Понимание и осмысление революционного развития в сфере коммуникационных технологий и их воздействие на социально-политическую, культурную и экономическую сферу общества, породило в западной академической среде широкую дискуссию¹⁶. В основе этой дискуссии лежит анализ и рассмотрение оценки и характеристики, формирования информационного общества, в его утопической и дистопической перспективе. Именно обращение к подобной жестко поляризированной форме интерпретации позволяет наиболее отчетливо и широко рассмотреть пути становления общества знания. Обращение к жанру утопии и дистопии здесь вполне логично, так как именно в данную жанровую канву укладываются характерные дискурсивные стратегии, создаваемые вокруг данной дискуссии. Связывая идею модернизации и преобразование общества с идеей распространения информационной революции, США, Япония, ЕС и другие страны претендуют на обладание собственной модели информационного общества, а, следовательно, наполняют и связывают данную модель с определенными социальными ожиданиями и иллюзиями. «Сегодня практически каждая страна транслирует некую форму информационной политики или делает попытку позиционировать себя как информационное общество¹⁷».

Эта ситуация не может не породить реакции в виде критической аналитики, для которой использование утопической и дистопической жанровой специфики будет являться наиболее приемлемой. «Повышенное внимание к информации как трансформационному ресурсу позволяет рассматривать информационное общество сквозь его социальные, культурные и экономические формы воздействия (Д.Белл, И.Масуда, Н.Негропонте, Э.Тоффлер, А.Тюрен). Эта дискуссия имеет тенденцию занять доминирующее место в форме поляризации утопических и дистопических представлений*».

Заключение. Представленные концептуальные характеристики технологической версии современных утопических представлений, форм их репрезентации в современной культуре на примере техно-прогрессивизма, трансгуманизма и «цифровой утопии» демонстрируют очевидность возможности нестандартных, альтернативных и разновекторных подходов к исследованию феномена утопического. Эта возможность реализуется в рамках отказа от жесткой привязанности только к историческим, литературным и социально-политическим интерпретациям утопического, ставших в начале XXI века тривиальными и общими риторическими констатациями. Взамен этого предлагается обращение к широкой объяснительной, аналитической и интерпретативной перспективе, заключенной в разнообразии теоретических установок актуальных гуманитарных исследований.

Обращение к технологической версии утопических представлений (техноутопии) на примере техно-прогрессивизма, трансгуманизма и «цифровой утопии» является закономерным и необходимым, так как выявление модусов социальных феноменов в их связи с воображаемыми мирами утопического открывает возможность описать социокультурную реальность через категории возможного, желаемого и ожидаемого.

Список литературы

1. Kumar K. Utopia and Anti-Utopia in Modern Times. Oxford: Blackwell. 1987;
2. Kumar K. Aspects of the Western Utopian Tradition// History of the Human Sciences 2003; №16// <http://hhs.sagepub.com/cgi/content/abstract/16/1/63>
3. Bauman Z. Utopia with no Topos// History of the Human Sciences, 2003, №16:// <http://hhs.sagepub.com/cgi/content/abstract/16/1/11>
4. Lassman P. Political Theory as Utopia// History of the Human Sciences 2003; №16// <http://hhs.sagepub.com/cgi/content/abstract/16/1/49>
5. Davis, J. C. Utopia and the Ideal Society: A Study of English Utopian Writing 1516–1700, Cambridge: Cambridge University Press, 1981

*Д.Белл, И.Масуда, З. Бжезинский, Н.Негропонте, Э.Тоффлер, А.Тюрен, В 1985 г. Й. Масуда публикует свою знаменитую статью «Гипотезы о возникновении человека интеллектуального». Маклюэн, Маршалл. Галактика Гутенберга: Сотворение человека печатной культуры. Киев: "Ника-Центр", 2004. Маклюэн Г.М. Понимание Медиа: Внешние расширения человека. М., Жуковский: "Канон -пресс-Ц", "Кучково поле", 2003. Тоффлер Э. Третья волна. М.: АСТ, 1999. С. 286. Мартин У.Дж. Информационное общество. М., 1989. Гидденс Э. Последствия модернити // Новая постиндустриальная волна на Западе. М., 1999.

¹⁷ Moore, N. Confucius or Capitalism? Policies for an Information Society. London: Routledge. 1998.

6. Utopia and organization. Ed. By Martin Parker. Blackwell publisher. 2002.
7. Gilder G.F. *Telecosm: How Infinite Bandwidth Will Revolutionize Our World*. N.Y.: Free Press, 2000
8. Кевин Келли. Новая Экономика. Мир без технологий. <http://kevinkellyeconomy.blogspot.com/2009/03/kevin-kelly-mir-bez-tehnologiy-chast-1.html>;
9. Кевин Келли. Новые правила для новой экономики. Двенадцать принципов преуспевания в бурно меняющемся мире Знание-Сила. №4, 1998
10. Gendron, Bernard. *Technology and the Human Condition*. St.Martin's Press. 1977//http://en.wikipedia.org/wiki/Technological_utopianism#cite_note-Gendron_1977-10;
11. Bostrom, N. *Anthropic Bias: Observation Selection Effects in Science and Philosophy*, Routledge, 2002
12. Ettinger R. C. W. *Man into superman; the startling potential of human evolution—and how to be part of it*. New York: St. Martin Press, 1972 <http://www.cryonics.org/contents2.html>
13. Hanson R. *Burning the cosmic commons: evolutionary strategies for interstellar colonization*, 1998 <http://hanson.gmu.edu/filluniv.pdf>
14. Vita-More N. *Transhumanist arts statement*, 2002, <http://www.transhumanist.biz/transart.htm>
15. Pere Gallardo Torrano. *The body as utopia: Gattaca*, by Andrew Niccol (1997) – *Spaces of Utopia*, 2007 pp. 45-98 // www.ler.letras.up.pt
16. Moore, N. *Confucius or Capitalism? Policies for an Information Society*. London: Routledge. 1998
17. Ian Goodwin, Steve Spittle. *The European Union and the information society: Discourse, power and policy*. // *New Media Society* 2002; 4, <http://nms.sagepub.com>

TECHNOLOGICAL UTOPIA AND FORMS OF ITS REPRESENTATION IN CONTEMPORARY CULTURE: TECHNO-PROGRESSIVISM, TRANSHUMANISM AND DIGITAL UTOPIA

T.B. MEDVEDEVA

South Federal University

e-mail: hmellmaya@mail.ru

The article analyzes the perspectives for the consideration of the phenomenon of utopia in its diverse social and cultural scenarios and forms of representation, in particular, the technological version of the modern utopian ideas. The paper discusses the forms of representation in contemporary culture by the example of techno-progressivism, transhumanism and the digital utopia.

Key words: utopia, ideal society, transhumanism, digital utopia, techno utopia.

УДК 81.342.4

ПРОБЛЕМА ЧУВСТВЕННОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ ЯЗЫКА: ВАРИАЦИИ НА ТЕМУ ГЕРДЕРА

И. И. НЕХАЕВА

Омский государственный уни-
верситет имени
Ф. М. Достоевского

e-mail: Ira-Nekhaeva@rambler.ru

В статье представлен критический анализ романтического взгляда на проблему чувственного происхождения языка. В ходе анализа подчеркивается несостоятельность попытки отождествления чувственного аспекта языка и искусства, поскольку чувственность как таковая не является формирующим обстоятельством сообразности языка и искусства, но лишь имманентно присущей им в отдельности естественной, начальной характеристикой.

Ключевые слова: чувственность; язык; искусство; звук; пение; поэзия; естественность; знаковая функция.

С самого начала следует отметить, что выстраивание аналитического пространства возможности осмысления области искусства в рамках современной установки искусствоведческого подхода представляется спорным, поскольку выбранная, и уже ставшая традицией, ориентация на языковую фабулу как основу исследовательского обращения к сфере искусства, становится уже не столько некоторой точкой зрения, сколько фундаментальной позицией всякого отношения к искусству, что, в результате, приводит не только к нивелированию живой мысли в данной области, но и делает любую иную точку зрения оппозиционной, – а это является той положительной «негативностью», которой следует воспользоваться для введения мнения, противоположного традиционному, формирующее представление об искусстве как о пространстве не-дискурсивной формы мышления.

Отсюда, существенным моментом установления языковой интенции в связи с анализом искусства является, казалось бы, общая, как для языка, так и для искусства, ситуация наличия *чувственности* и не только как функциональной основы человеческой природы в целом, но и, в том числе, как источника *происхождения* языка, а вместе с ним и искусства, якобы, в силу их тождественности. При этом следует отметить принципиальное отличие способности к языку в целом, к примеру, от возможности человека выражать эмоции, поскольку очевидно, что возникновение языка следует считать скорее *естественным* свойством человеческого *разума*, но не в плане языковой инстинктивности, а, наоборот, с учетом существования обратной зависимости между степенью совершенства инстинкта и развитием интеллектуальных способностей, сформулированной Ламетри в виде следующего универсального закона природы: «...чем больше животные выигрывают в отношении разумности <...>, тем больше теряют они в отношении инстинкта»¹. Действительно, данное положение неотъемлемо связано с демонстрацией естественного преимущества человека перед животными, так как человек получает «разумность» в качестве компенсации за слабость инстинкта и органов чувств, вместе с тем обретая свободу и возможность быть целью своего собственного развития. При этом совершенно очевидно, что язык является специфическим продуктом особой умственной организации человека, устроенной сообразно его способности свободно размышлять, созерцать, наблюдать, и, как следствие, сравнивать, выделять существенные свойства, а также отождествлять и именовать, что и указывает на язык именно как естественную способность человека. Вполне понятно, что причина возникновения особого интереса к *творческому* аспекту языкового употребления, появившегося совместно с обсуждением общей проблемы творчества в период романтизма, прежде всего, связана с сообразностью языка и искусства, их, якобы, *взаимной обусловленности* именно посредством и согласно общности такого свойства, как *естественность*. Таким образом, представленный контекст кристаллизует особый взгляд на язык как начальную форму искусства, и главным образом исходя из то-

¹ Ламетри Ж. Человек-машина // Сочинения. М.: Мысль, 1983. – С. 187.

го, что язык объявляется первичным материалом поэзии, иными словами возникновение языка как творческого акта непосредственно связывается с поэзией, и усиливается чрезвычайно смелым утверждением о том, что «...все, посредством чего внутреннее находит проявление во внешнем, может по праву называться языком»².

Следует отметить, что мысль о «естественности» как начальной характеристики, раскрывающей общую суть *единения языка и искусства*, была подхвачена немецким гуманистом Гердером, отстаивающим теорию происхождения языка, основанную на *чувственности* как естественной способности человека получать чувственные впечатления. Исходя из этого, момент языкового производства, к которому, по мнению Гердера, относятся все виды телесных ощущений и страстей, имеющих свое выражение непосредственно в криках или нечленораздельных звуках в процессе их *воздействия* на других существ, с естественной целью проявления себя вообще в качестве живого существа, преимущественно воплощается посредством того, чтобы не просто чувствовать нечто для себя, но и мочь *выражать* эти чувства, и выражать не только нечленораздельным криком, а именно *артикулированным* звуком, способствующим единообразию выражения, тем самым, как бы, делая его *понятным* для всех, при этом звук, являясь гибким и податливым материалом, оказывается наиболее простым, естественным и удобным в использовании. Действительно, согласно данному представлению, первоначально язык возникает именно как *язык чувств*, естественным образом реализующий то, что есть у человека в наличии, а именно – *чувственность*, по мнению Канта, являющуюся *начальной* ступенью обращения человека к миру³, и проявляющуюся наибольшей степенью многообразия своих оттенков именно в звуковом пространстве, поэтому как у человека, так и у животных, возможность наличия калейдоскопа чувств, находясь в непосредственной зависимости от строения нервной системы, выявляется именно посредством звуковых проявлений, – но не в «выражениях», к которым способен только человек, – и представляется в некотором роде «природным» языком, являющимся «родным» для каждого животного вида в отдельности, – подобно этому и точно также человек имеет свой собственный язык. Тем не менее, язык, как видится, не был создан для того, чтобы выразить все чувственные различия душевной выразительности, но «...должен был только звать нас к картине, которая говорит сама за себя, должен был звучать, но не изображать»⁴, отсюда, язык, прежде всего, направлен *связывать концы различных чувств*, и показывать точки их соприкосновения.

Однако Гердером подчеркивается, что звук как материал природной языковой естественности не является «главной нитью человеческой речи», или «языковым корнем», но лишь «соком», оживляющим эти корни. Наиболее адекватной поддержкой данного мнения следует считать точку зрения Боэция Дакийского, касающуюся изобретения грамматики, причиной возникновения которой явился процесс соединения вещи со звуком, при этом вещь становится сигнификатом⁵ звука, способы бытия – способами мышления, а способы мышления – способами обозначения звуком⁶. Вместе с тем, исследуя грамматику, Боэций Дакийский предполагает, что данная наука является словесной, од-

² Данное высказывание Шлегеля приводится Хомским в подтверждение мысли о первичном проявлении языка в форме поэзии. См.: Хомский Н. Картезианская лингвистика. Глава из истории рационалистической мысли. М.: КомКнига, 2005. – С. 46.

³ С точки зрения Канта, знание имеет своим источником два аспекта души, первый из которых есть «...способность получать представления...», то есть восприимчивость к впечатлениям, формирующимся благодаря тому, что эта восприимчивость, подвергаясь внешнему воздействию, преобразуется в чувственность. См.: Кант И. Критика чистого разума. М.: Мысль, 1994. – С. 70.

⁴ Гердер И.Г. Трактат о происхождении языка. М.: ЛКИ, 2007. – С. 136.

⁵ Сигнификат (significatum) – обозначаемое.

⁶ «Некто является грамматиком в силу того, что обладает грамматикой. Но никто не мог обладать ею до ее возникновения. Потому тот, кто ее изобрел, не был грамматиком, но был философом, усердно рассматривавшим собственные природы вещей. Ибо способы обозначения, как сущностные, так и акцидентальные, как общие, так и особые, взяты от способов мышления, и различие между способами обозначения таково, каково различие между способами мышления от которых они взяты. Что же до способов мышления, то они взяты от собственных способов бытия вещей. Ведь иначе они были бы мышлениями разума, что не представляется вероятным. И каково различие между этими способами мышления, таким же необходимо должно быть [и различие] между способами бытия вещей, от которых они взяты. А способы бытия, перенятые от различных вещей, познаются из собственных природ вещей, которые сами по себе рассматриваются не грамматиком, но метафизиком». Боэций, Дакийский. Сочинения. М.: Едиториал УРСС, 2001. – С. 7.

нако, слово как звук относится к грамматике *акцидентально*, поскольку «...если бы было нечто иное, отличное от звука, что могло бы быть столь же подходящим знаком вещи или субъектом способов обозначения, каким является звук, то звук не рассматривался грамматиком. Следовательно, звук рассматривается грамматиком акцидентально». Соответственно, «...то, чем тот или иной знаток свободных искусств занимается акцидентально, не дает имени для его науки»⁷, отсюда, «...грамматика есть словесная наука, которая обучает надлежащему сочетанию слов с помощью собственных способов обозначения в речи, выраженной посредством звука»⁸. Таким образом, субъектом грамматики являются «...способы выражения подразумеваемого понятия⁹ ума посредством подходящего слова», поэтому звук необходимо рассматривать лишь постольку, поскольку он является «...знаком вещи и субъектом способов обозначения»¹⁰. В самом деле, звук в слове, будучи лишь знаком вещи, не выявляет всей сути, а это означает, что в данном контексте звук есть только *средство*, а не цель своего проявления, то есть звук, хотя и является чувственной материей, но, сам по себе занимая акцидентальное положение, не является тем основанием, в силу которого язык, в свою очередь, имеющий связь с данной звуковой материей, должен произрастать из чувственности. В этом смысле Соссюр, подчеркивая характерную роль языка в отношении мысли, отмечает, что данная роль не ограничивается лишь созданием «материального звукового средства для выражения идей», но заключается, прежде всего, в *посредничестве* между мышлением и звуком, и именно таким способом, что их соединение с неизбежностью ведет к «обоюдному разграничению единиц». К примеру, если представить, что в воздухе, соприкасающимся с поверхностью воды, произошла перемена атмосферного давления, повлекшая за собой наличие целого ряда делений, или волн, то такие волны и могут дать представление о связи, которая есть язык как «...совокупление мысли со звучащей материей»¹¹, другими словами, звук есть лишь гибкая материя, которая благодаря своей пластичности может служить *удобным* средством для образования языковой сферы.

К тому же, вместе с необходимой ролью естественности, язык, безусловно, является еще чем-то совсем *иным*, ведь все животные способны выражать свои ощущения в звуках, но никакое из них, даже самое совершенное, не имеет ни малейшего начала *человеческого языка в собственном смысле*, то есть исходя из подключения разума, и именно таким способом, согласно которому эти звуки будут использоваться в определенных целях – примером этому могут служить малые дети, выражающие в определенных звуках свои ощущения так, как это делают и животные, но при этом от взрослых людей они учатся совсем *иному* языку. Известно, что спецификой целостной организации мышления является наличие *рефлексии*¹², вся суть которой выражается в способности выделять и удерживать какую-то одну волну из всего океана ощущений, концентрируя внимание именно на ней, и осознавая это внимание, что является как раз тем действием, которое позволяет, созерцая неясные образы в восприятии, сосредоточиться и добровольно за-

⁷ «Некто является грамматиком в силу того, что обладает грамматикой. Но никто не мог обладать ею до ее возникновения. Потому тот, кто ее изобрел, не был грамматиком, но был философом, усердно рассматривавшим собственные природы вещей. Ибо способы обозначения, как сущностные, так и акцидентальные, как общие, так и особые, взяты от способов мышления, и различие между способами обозначения таково, каково различие между способами мышления от которых они взяты. Что же до способов мышления, то они взяты от собственных способов бытия вещей. Ведь иначе они были бы мышлениями разума, что не представляется вероятным. И каково различие между этими способами мышления, таким же необходимо должно быть [и различие] между способами бытия вещей, от которых они взяты. А способы бытия, перенятые от различных вещей, познаются из собственных природ вещей, которые сами по себе рассматриваются не грамматиком, но метафизиком». Боэций, Дакийский. Сочинения. М.: Едиториал УРСС, 2001. – С. 33.

⁸ Там же. – С. 35.

⁹ Подразумеваемое понятие (*conceptus intentum*) – понятие, которое говорящий намеревается выразить с помощью слова.

¹⁰ Там же. – С. 57.

¹¹ Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики. М.: КомКнига, 2006. – С. 112.

¹² Согласно Канту, рефлексия как таковая есть действие по различению «...той познавательной способности, к которой принадлежат данные понятия». При этом рефлексия не соприкасается с самими предметами, то есть не получает понятия непосредственно от них, но является таким «...состоянием души, в котором мы прежде всего пытаемся найти субъективные условия, при которых можем образовать понятия». Кант И. Указ. соч. – С. 196-197.

держаться на любом из них, тем самым подвергнув его ясному и спокойному наблюдению, что приводит к выделению предмета, подтверждающего данность именно этого предмета, а не какого-либо иного не только за счет процедуры узнавания всех особенностей этого предмета, но и признания одной или нескольких из них *отличительными особенностями*, а это, в свою очередь, означает рождение *отчетливого* понятия, которое является в своей основе первым суждением души. Следует отметить, что, хотя процесс осознания «естественности» как единой основы языка и искусства является бесспорным, тем не менее, способы, которыми это «естество» проявляется посредством данных феноменов, безусловно, различны, мало того, «естественность», хотя и является неким началом, отправной точкой, однако, совсем не есть условие окончательного оформления ни одного из этих феноменов. Так, в частности, начиная с момента признания за предметом в качестве особой *приметы* некоторой отличительной особенности, благодаря которой данный предмет, вовлекаясь в ситуацию ясного и отчетливого видения его только как «этого» предмета, – что обеспечивается за счет функции «определения», то есть, и, прежде всего, на основании того, что «...слова <...> необходимо должны что-либо означать, ибо определением будет <развернутое> понятие, знаком которого является слово»¹³, – возникает эвристическая ситуация переключения, поворота, или демонстрации того способа, исключительное соотношение с которым делает возможным осуществление, с одной стороны, перехода языкового пространства от своей первичной естественной чувственности к состоянию *собственно* человеческого языка; с другой стороны – трансформация чувственной языковой основы, представляющая собой необратимый процесс формирования человеческого языка как такового, обнаруживает ситуацию различия в способе подачи той части процесса организации, которая касается законосообразности языкового образования. Иными словами, преобразование чувственности посредством функции определения, процесса осознания «предметности» самой мысли, а также требования «значения» и «смысла», без сомнения, привело к совсем иному положению дел, так как к чувственной основе подключается уже *рациональная*, – поскольку, и это необходимо особо подчеркнуть, *только* «чувственность», хотя и акцентируется как толчковый момент языкового обнаружения, тем не менее, не является условием целостного языкового формирования, – которая, стремясь развивать языковую область, бесконечно реорганизуя ее, является таким способом проявления мышления, согласно которому мысль схватывается и проявляется особым, установленным лишь данным способом, образом. Соответственно, в процессе языкового становления, утратив чувственность как функцию «естественности» путем естественного же стремления к завершению языковой организации, область языка преобразуется в такое пространство, осуществление которого происходит согласно и только благодаря особому способу, каким в мышлении происходит запрос на языковую функцию, «определенность» которой уже совсем не то же самое, что «чувственность». К тому же, момент языкового превращения, подразумевающий переход от чувственности к собственно языку как таковому посредством рациональности, о котором говорит Гердер, прослеживается, главным образом, акцентируя тот момент, что ни строение рта человека, а в связи с ним и артикуляция, создает язык, «...ибо даже будучи весь век свой немой, человек, оставаясь человеком, мыслил, и язык тем самым покоился в его душе»¹⁴, в том числе и языковое соглашение как порождение общества не есть основополагающий факт возникновения языка, так как «...даже дикарь, одинокий дикарь, живущий в лесу, и тот должен был бы создать себе язык, даже если бы он и не говорил на нем никогда»¹⁵, что явно вступает в противоречие с сосюрговской позицией, ратифицирующей за преимущественно *социальный* компонент языковой организации, но сама работа языка по формированию той исключительно внутренней настроенности, лишь в согласии с которой язык становится – и в этом показано все его естество – подлинно *духовным* пространством¹⁶, и именно благодаря такому пониманию языка осуществляется особая связь мышления с

¹³ Аристотель. Метафизика // Метафизика. Переводы. Комментарии. Толкования. СПб.: Алетейя, 2002. – С. 140.

¹⁴ Гердер И.Г. Указ. соч. – С. 143.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Согласно Гердеру, «...язык явился результатом соглашения, которое душа его заключила сама с собою, и это соглашение было столь же неизбежно, как то, что человек был человеком». Гердер И.Г. Указ. соч. – С. 143.

самим собой в момент необходимости показывания той реальности, упорядоченность и организация которой становится возможной только сообразно с самим способом обращения мышления к самому себе, а этим способом и является язык.

В связи с этим, совершенно очевидно, что, если вполне естественным следует считать как раз то, что является в наибольшей степени *утонченным* по своему материалу, и, вместе с тем, более *удобным*, то именно *это* нечто и должно лежать в основе связи, которая соединяет языковую чувственность с мышлением, поэтому отличительные приметы, становясь элементами языка, сцепляют смутные и неотделимые друг от друга чувственные впечатления, с помощью слуха преобразуя их в систему отношений, которая в результате проявляется в виде некой деятельности по наречению именем всего того, с чем человек вступает в какие-либо отношения. Отсюда, участвуя во всех своих действиях, или противясь им, человек все представлял себе *по-человечески*, поэтому отпечаток человеческой сути проникает в любые действия по образованию первых имен, отражающих внутренние ощущения, руководимые любовью или ненавистью, покорностью или противоборством. Вполне понятной, поэтому, становится мысль о том, что «поэзия древнее прозы»¹⁷, имеющая своим истоком действие по «отражению» и «подражанию» звучащей природе, оживленной междометиями, рожденными из чувств человека, облеченных в звуки и образы действия страстей, раскрывающихся в живом творчестве, воплощенном в мифологии и поэтическом вымысле. Все выше сказанное, согласно Гердеру, влечет за собой следующий вывод: «*первым языком человеческого рода было пение*»¹⁸. Действительно, Гердер прав именно в том, что возникновение языка определялось в связи с появлением названия каждого существа по имени в соответствии с его языком, тем не менее, к этому он прибавляет еще такое свойство языка, как *изображение* посредством языка всех существ в рамках естественной гаммы человеческого голоса. На самом же деле все, что язык взял от пения, – если это действительно так, – является лишь моментом *удобства*, и именно в этом заключается одинаковость в «естественности» музыки и языка! Иными словами, утверждается приоритет общности звуковой основы как музыкального, так и языкового пространства как раз в связи с акцентированностью песенной основы в языках многих диких народов, что впоследствии, когда язык стал усовершенствованным и облагороженным, из него, якобы, «...произошли древнейшая поэзия и музыка...», а самое главное, что вызывает настороженность, так это то, что такого рода происхождение «...теперь уже доказано многими»¹⁹! Далее становится понятным наличие столь при-

¹⁷ В этом вопросе Гердер следует за Гаманном, который говорит: «Поэзия – <...> родной язык человеческого рода, подобно тому как садоводство древнее земледелия, живопись – письма, пение – декламации, притча – умозаключения, обмен – торговли. Глубоким сном был покой наших предков, и движение их – безумной пляской. Семь дней они сидели молча, удивляясь и созерцая, и открывали уста свои для крылатых слов». Жирмунский В.М. Жизнь и творчество И.Г. Гердера // Трактат о происхождении языка. М.: ЛКИ, 2007. – С. XIII.

¹⁸ Гердер И.Г. Указ. соч. – С. 148.

¹⁹ Конечно, особенно если учесть, что «доказать» в сфере искусства ничего невозможно, поскольку это ведь не область точных наук, и, кстати, вообще не наука... В связи с этим, в частности, особое недоумение вызывает факт отсутствия у искусствоведов своей собственной истории, или, точнее сказать, опыта рефлексии над своими действиями, что, в результате, привело к нивелированию всякой критической мысли, и именно это способствовало тому, что период «зависания» в «семиотической», «синтаксической» и бог только знает еще какой языковой «западне», постигший искусствознание давным-давно, а в настоящее время достигший своей предельной точки, да к тому же еще с добавлением потребности, принцип которой коротко можно обозначить выражением: «хочи много, а мочи – мало», поскольку в вопросах искусства представители искусствознания, касаясь вопросов «космического масштаба», таких, к примеру, как «что есть мышление?», «что есть язык?», «что такое знак, идея мысль..?», способны дать на них ответы «космической» же глупости, типа: идея есть то, что пришло в голову Моцарту, когда он писал письмо своему отцу Леопольду Моцарту, говоря о замысле очередной симфонии, который, якобы, раскрывается посредством символов, являющихся определенными знаковыми образованиями (притом, что «символ» и «знак» – это совсем разные вещи), и намекающими на то, что у Моцарта есть свой язык (в данном случае, понимаемый как код), и что именно расшифровка этого кода приведет все человечество к счастливой возможности понять гений Моцарта... и все в подобном роде. Оказывается, что все очень просто, не правда ли?! (ср.: «Не менее употребительным стало и выражение *musikalische Idee*, встречающееся в письмах Моцарта, в разговорных тетрадах Бетховена...»). См.: Арановский М.Г. Музыка и мышление // Музыка как форма интеллектуальной деятельности. М.: КомКнига, 2007. – С. 10.

стального внимания к чувственной основе, то есть звуковой стороне языка, ведь именно наличие чувственности свидетельствует о том, что момент возникновения языка – это исключительно единоличный акт, который организуется усилиями самого человеческого общества, и формируется сообразно тем связям, которые вкладываются лишь этим обществом, поэтому роль чувственного аспекта, вероятно, следует понимать только как естественный момент присутствия в природе человека способности восприятия, то есть как некий способ чувственной связи ощущений, а не как что-то отдельное и особо присущее для языка и музыки, то есть нечто, связывающее их субстанционально, а не акцентально²⁰.

Наконец, что действительно стоит акцентировать, говоря о чувственном происхождении языка, так это, безусловно, поиск ситуации перехода от смутного чувства к его *отчетливому* состоянию. Тем не менее, решая эту проблему, Гердер делает весьма «искусственные» выводы о языковой естественности, главным образом останавливаясь на так называемой «пифагорейской» позиции, основанной на том, что движущиеся предметы издают звук, и, далее, им производится неожиданный поворот в сторону принятия тождества слуховых и осязаемых ощущений, из чего возникает вывод: «...осязание же очень близко к слуху, и его обозначения, например «твердый», «грубый», «мягкий», «пушистый», «бархатистый», «волосатый», «жесткий», «гладкий», «ровный», «щетиный» и т. п., которые, как это мы видим, не проникают в глубину и относятся лишь к поверхности предметов, *издают как бы осязаемые звуки...*» [Гердер, 2007, с. 152], что приводит душу к потребности обозначить их словом, «...подсказанным соседним, родственным чувством». Таким образом, при всем том, что язык, как и любой иной чисто человеческий феномен, находясь в соответствии с природой человека, имеет чувственный аспект, тем не менее, и прежде всего, в связи со становлением языка как такового, необходимо говорить именно о *значащих* моментах образования языкового пространства, то есть тех, которые делают язык «человеческим» языком, а именно: о *знаковой* природе языка, сообразно с которой выявляется *соподчинительная* знаковая функция, то есть, беря во внимание гердеровскую позицию соотношения чувств между собой при рождении слова, за счет которого требуется выразить некое третье чувство, возникающее именно посредством «соседнего» с ним чувства, следует указать на фактическую действительность языка, иначе – на момент языкового рождения, обусловленный мгновением «знаковости», то есть, поскольку язык в своей действительности есть знаковая система, функционирующая согласно определенным правилам, а, в свою очередь, знаковая система основывается не на отношениях означающего и означаемого, что может служить основой символу, но для знака не является обязательным, так как знак основывается преимущественно на отношениях между означающими²¹, а поэтому, повторяю, аналогично моменту сравнения двух «соседних» чувств в образовании слова, о чем говорится у Гердера, для

²⁰ «Понятие "естественного" <...> не имеет никаких метафизических импликаций. Полезно перевернуть известную поговорку о привычке как второй натуре: то, что мы называем природой, поначалу могло быть всего лишь самой первой закрепившейся привычкой. В благоприятных условиях эта привычка могла сохраниться, чем и объясняется исключительная роль звука в истории человеческого языка». Ажеж К. Человек говорящий: Вклад лингвистики в гуманитарные науки. М.: Едиториал УРСС, 2008. – С. 21.

²¹ В этом смысле, к примеру, Бонфельд занимает ошибочную позицию, не только рассматривая в качестве допущения в музыке мысли о произведении в целом как языковом знаке, но и, главным образом, в утверждении важности для музыкальной области вопроса «...о связях означаемого/означающего в элементах музыкального текста <...> вот почему так важно понять, выделяет ли музыкальное произведение некие фрагменты (элементы), подобные словам естественного языка. Вне решения этого вопроса всякое утверждение, что музыка является языком, либо отрицание этого факта не может быть убедительным». Следует особо подчеркнуть, что «убедительным» в данном случае не будет ни наличие связи означаемого/означающего, поскольку, как отмечалось выше, для языковой «знаковости», и, прежде всего, исходя из того, что «...язык – это система знаков и правил их употребления», эта связь не является принципиальной, ни поиск любого рода языкового подобия в сфере музыкального искусства ни дадут сколько-нибудь существенного результата, да и вообще, по всей вероятности, ни к чему не приведут, так как любое искусство следует рассматривать из него самого, а не из какой-либо иной сферы, хотя, безусловно, весьма удобно отождествить искусство и язык, хотя бы для того, чтобы сделать всякое искусство понятным. См.: Бонфельд М.Ш. Семантика музыкальной речи // Музыка как форма интеллектуальной деятельности. М.: КомКнига, 2007. – С.82-141.

знака самым важным является «...какое место он занимает, какую роль играет по отношению к другим знакам, каким образом он систематически походит на них и отличается от них; любой знак существует благодаря своему окружению, а не благодаря своим корням»²².

Следовательно, «естественность», как и чувственность, хотя и является имманентным свойством языка в той же мере, что и искусства, однако, понимаемое в таком контексте положение языка и искусства не взаимообусловлены этой своей обоюдной имманентностью, поскольку «естественность» не имеет связующей или причинной природы в границах данных областей, и тем более не является формирующим обстоятельством разнообразия языка и искусства, но лишь имманентно присущей отдельной, начальной характеристикой как языка, так и искусства. В частности, относительно языка, следует, скорее, говорить о естественном *порядке*, а не о «естестве» в смысле чувственности, тем самым придавая большую значимость рациональности, как способу, только с учетом которого язык способен, действительно, свершиться как язык, поскольку звук, который и является главной побуждающей причиной для придания языку некоторого чувственного, а в связи с этим и естественного начала, согласно Гердеру, конечно, порождает некое новое соответствие, а именно: звук, как сложное акустико-вокальное единство, соединяясь с понятием, ведет к сложному физико-мыслительному образованию, представляющему собой замкнутое целое, базовую лабораторию для классификации, способную вносить обязательную для данной определенной области упорядоченность, которая иначе разграничена быть не может²³, но в этом контексте, как было уже отмечено, звуковая основа языка, как, впрочем, и музыкального искусства, играет лишь акцентальную роль, а не субстанциональную, в смысле обладания всеобщей и необходимой значимостью.

Список литературы

1. Ламетри Ж. Человек-машина // Сочинения / пер. с фр. Э.А. Гроссман, В.Левецкий. М.: Мысль, 1983.
2. Хомский Н. Картезианская лингвистика. Глава из истории рационалистической мысли. М.: КомКнига, 2005. – 232 с.
3. Кант И. Критика чистого разума: пер с нем. Н.О. Лосский. М.: Мысль, 1994. – 591 с.
4. Гердер И.Г. Трактат о происхождении языка: пер. с нем. Г.Ю. Бергельсона. М.: ЛКИ, 2007. – 158 с.
5. Бозций Дакийский. Сочинения: пер. с лат. А.В. Апполонова. М.: Едиториал УРСС, 2001. – 312 с.
6. Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики: пер с фр. А.М. Сухотина. М.: КомКнига, 2006. – 256 с.
7. Аристотель. Метафизика // Метафизика. Переводы. Комментарии. Толкования / сост. С.И. Еремеев. СПб.: Алетейя, 2002.
8. Жирмунский В.М. Жизнь и творчество И.Г. Гердера // Трактат о происхождении языка. М.: ЛКИ, 2007.
9. Арановский М.Г. Музыка и мышление // Музыка как форма интеллектуальной деятельности / сост. М.Г. Арановский. М.: КомКнига, 2007.
10. Ажеж К. Человек говорящий: Вклад лингвистики в гуманитарные науки: пер. с фр. Б.П. Нарумова. М.: Едиториал УРСС, 2008. – 304 с.
11. Бонфельд М.Ш. Семантика музыкальной речи // Музыка как форма интеллектуальной деятельности / сост. М.Г. Арановский. М.: КомКнига, 2007.
12. Барт Р. Система Моды: пер. с фр. С. Зенкина. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2003. – 512 с.

PROBLEM OF A SENSUAL ORIGIN OF LANGUAGE: VARIATIONS ON THEME OF HERDER

I.N. NEKHAEVA

*Omsk state university by name
of F.M. Dostoevsky*

e-mail: Ira-Nekhaeva@rambler.ru

In article the critical analysis of a romantic sight at a problem of a sensual origin of language is submitted. The inconsistency of attempt of an identification of sensual aspect of language and art as sensuality is not forming circumstance of conformity of language and art is emphasized, but is only immanent inherent in them separately the natural, initial characteristic.

Key words: language; art; sound; singing; poetry; naturalness; sign function.

²² Барт Р. Система Моды. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2003. – С. 61.

²³ Соссюр Ф. де. Указ. соч. – С. 35.

СОЦИОЛОГИЯ И СОЦИАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ

УДК 316.74

СОЦИАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ УПРАВЛЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ МУЗЕЯ

Ю.В. ШМАРИОН
С.В. ЛИТВИНОВА

*Липецкий государственный
педагогический университет*

В статье рассматриваются вопросы, связанные с функционированием музеев в современных условиях. Выделяются основные социальные технологии управления деятельностью музея, и приводится их описание. Объясняется необходимость уточнения определения музея с учетом реализуемой им функции образования. В статье также постановочно определены задачи комплексного социологического исследования современных музеев. Предложены пути совершенствования деятельности музея посредством использования социальных технологий управления в зависимости от его вида.

Ключевые слова: музей, социальные технологии управления, социальные технологии, управление музеем, музейное образование.

Происходящие в современном обществе фундаментальные социально-экономические и социокультурные изменения затронули все социальные институты, в том числе и музеи. В современных условиях миссия музея должна заключаться в сохранении, изучении и развитии культурного потенциала общества; ориентации личности и социальных групп на подлинно культурные ценности; формировании понимания мира культуры, ответственного отношения к нему и наслаждения от общения с ним; установлении баланса традиций и современности; обеспечении национальной идентификации.

Анализ результатов исследований социокультурных систем (П.А. Сорокин, Т. Парсонс, Л.Г. Ионин и др.) позволяет рассматривать музей как эффективный генератор социального капитала и стратегического ресурса экономики, необходимых для обеспечения инновационного социально-ориентированного развития общества.

Несмотря на важность выполняемых музеем социальных функций, условия его деятельности остаются достаточно сложными из-за ограниченности экономической свободы, недостаточного бюджетного финансирования, низкого уровня материальной и технической оснащенности. Кроме того, в последнее время обострились межпрофессиональные и межмузейные коммуникационные проблемы, наблюдается отток из музейной сферы высококвалифицированных специалистов, появились новые категории взаимодействующих с музеями органов управления, социальных групп, организаций и учреждений. Еще одним значимым вызовом большинству музеев в XXI веке стала необходимость изменения самой «музейной философии»: перенос приоритета с социальной функции документирования истории на социальную функцию образования музейной аудитории и более активное участие музейных учреждений в социальной жизни.

Данные изменения условий и целей функционирования современного музея поставили перед ним новые задачи. Эти задачи в значительной мере обусловлены необходимостью пересмотра и модернизации многих сформировавшихся за предыдущие десятилетия методов, приемов и способов музейной работы, ее организации и обеспечения необходимыми ресурсами. Необходимость совершенствования работы музеев осознается как самими деятелями культуры, так и муниципальными и федеральными властями. По инициативе музеев проводятся различные конференции и семинары, разрабатываются и внедряются новые технологии музейного образования, музейного менеджмента и маркетинга. В нормативно-правовых актах в качестве приоритетных задач развития сферы культуры отмечается «повышение образовательной роли культуры; <...> совершенствование информационного пространства отрасли <...> управления и финансово-хозяйственной деятельности учреждений культуры»²⁰⁰.

Некоторые направления модернизации музея касаются освоения новых технических средств (электронные средства коммуникации, вычислительная техника), что позволяет значительно облегчить, ускорить или удешевить традиционные виды музейной работы. Другие направления связаны не столько с техническими новшествами, сколько с новыми методами управления, способами организации взаимодействия между музеем и его партнерами, а также между подразделениями музея. Мы предлагаем рассматривать в качестве возможного пути совершенствования музея внедрение новых социальных технологий в его систему управления.

В музее, как в любой социальной системе, можно выделить основной технологический процесс, управляющий процесс и социальные технологии как важнейшие элементы механизма управления, составляющие систему методов выявления и использования потенциалов социальной системы в соответствии с целями ее развития, методов разрешения противоречий между субъектами и объектами управления²⁰¹. Более подробное рассмотрение выделенных элементов системы управления музея требует анализа самого понятия «музей».

В Федеральном законе РФ «О Музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации»²⁰² музей определяется как некоммерческое учреждение культуры, созданное собственником для хранения, изучения и публичного представления музейных предметов и музейных коллекций. В данном определении не отражена образовательная деятельность музея, между тем, практика деятельности музеев и их структурно-функциональный анализ (рис. 1) показывают, что музейное образование во многом определяет качество деятельности музея в целом.

Приведенная на рисунке 1 функциональная модель музея построена с использованием технологии функционального моделирования²⁰³, которая отражает наиболее важные с позиций организации социального управления характеристики каждого отдельно взятого процесса: потребляемую информацию (стрелки входа →) и результаты преобразования (стрелки выхода →), механизмы исполнения моделируемого действия (↑) и управляющие воздействия (↓). Каждый из функциональных блоков представленной модели детализирован до уровня более конкретных действий.

Некоторые исследователи (Соловьева Н.В. и др.) рассматривают музейное образование как результат интеграции дополнительного образования и музейной педагогики, другие (Юренева Т.Ю. и др.) – как одну из функций музея. Но и те, и другие трактуют образование в музее как результат публичного представления музейных предметов и музейных коллекций. Мы понимаем музейное образование как социальную функцию музея, которая определяет формы его работы.

²⁰⁰ Закон Липецкой области от 05.12.2008 г. № 195-ОЗ «О Программе социально-экономического развития Липецкой области на 2009-2012 годы» // «Липецкая газета» 30.12.2008 № 250.

²⁰¹ Фененко Ю.В. Социология: Учебник. М.: ТК «Велби», Изд-во «Проспект», 2007. – С. 162.

²⁰² Федеральный закон РФ «О Музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации» от 26.05.1996 № 54-ФЗ // «Российская газета» 15.01.2003.

²⁰³ Черемных С.В., Семенов И.О., Ручкин В.С. Структурный анализ систем: IDEF-технологии. М.: Финансы и статистика, 2001. – 208 с.: ил. – (Прикладные информационные технологии) – С. 44.

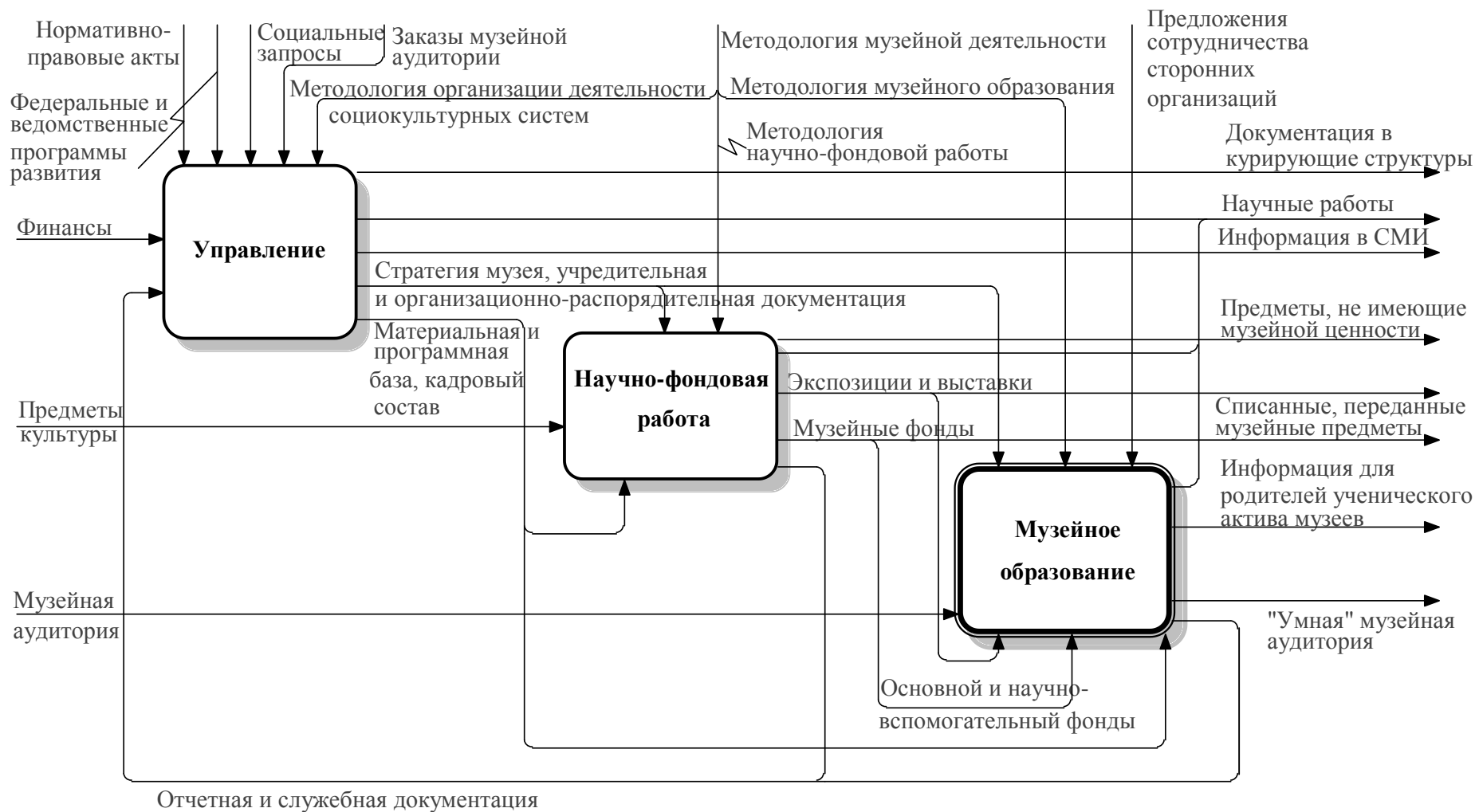

Рис. 1. Функциональная модель музея

Мы предлагаем определять музей как социокультурную систему, деятельность которой направлена на сохранение наиболее ценной части культурного и природного наследия путем научно-фондовой работы и его включение в современную культуру посредством музейного образования.

Таким образом, основной технологический процесс системы управления музеем можно определить как осуществление научно-фондовой работы и музейного образования. Управляющий процесс музея может быть определен по аналогии с управляющим процессом системы управления большинства организаций. Рассмотрим подробнее социальные технологии управления деятельностью музея.

Традиционно в музее социальные технологии присутствуют, по крайней мере, в виде интуитивно усвоенного способа организации и упорядочивания музейной деятельности, в виде совокупности приемов, направленных на определение и преобразование технологического процесса для эффективной реализации миссии музея. Сегодня подобных традиционных (чаще всего неэффективных, неоптимальных) технологий уже недостаточно. Это связано, во-первых, со все возрастающей ролью музея в обществе; во-вторых, с усложнением и увеличением числа внутренних и внешних социальных связей музея; в-третьих, с освоением инновационных методов социального воздействия в музее. Поэтому в современных условиях существования музея необходима разработка комплекса социальных технологий управления его деятельностью, которые позволят выявлять и максимально эффективно использовать потенциал музея.

Для того чтобы определить состояние социальных технологий в деятельности музея и обозначить опорные пути их совершенствования, необходимо проведение масштабного комплексного социологического исследования музеев, позволяющего решить следующие задачи:

- выявить существующие социальные технологии управления деятельностью музея;
- определить эффективность существующих социальных технологий управления деятельностью музея;
- выявить потенциальные возможности развития социальных технологий управления деятельностью музея;
- разработать комплекс социальных технологий управления деятельностью музея, который позволит выявлять и максимально эффективно использовать потенциал музея.
- разработать технологию определения наиболее эффективной социальной технологии управления в музее, способствующей наилучшему достижению целей музея

Проанализируем существующие в музее социальные технологии по возможным критериям¹. По сферам общественной жизни они являются социокультурными. По типу социального процесса – управленческими, ориентированными на оптимизацию управленческих процессов, культурологическими, представляющими явления и процессы в сфере культуры, духовно-идеологическими, моделирующими идеологические и духовные процессы, информационными, отражающие информационные процессы. По уровням социологического знания социальные технологии в музее относятся к микросоциологическим социальным технологиям. По масштабу объекта технологизации могут выступать как технологии обновления общественной системы, ориентированные на изменение социально-экономической системы общества, технологии трансформации подсистем общества, моделирующие изменение конкретных подсистем, технологии трудовой ассоциации, регулирующие различные аспекты жизнедеятельности трудового коллектива, технологии человеческого капитала, ориентированные на развитие личности, человеческих ресурсов. По предназначению данные социальные технологии управления могут являться образовательными, информационными и др. По типу выполняемой функции социальные технологии управления в деятельности музея являются управленческими, осуществляющими процесс управления, деятельностными, представляющими собой модели тех или иных видов деятельности и заимствующими некоторые аспекты из деятель-

¹ Сурмин Ю.П., Туленков Н.В. Теория социальных технологий: Учеб. пособие К.: МАУП, 2004. — 608 с: ил. — Библиогр. в конце частей. — С. 12.

ностных социальных технологий, представляющих собой модели тех или иных видов деятельности. По характеру воздействия данные социальные технологии управления являются формирующими и стимулирующими. По степени научной новизны представляются инновационными.

Существующие в музее социальные технологии, можно разделить на внутренние (определяющие характер социальных связей внутри музея) и внешние (направленные на управление взаимодействием с окружением музея), а также так называемые «горизонтальные» социальные технологии (влияющие на деятельность музея в рамках одного процесса) и «вертикальные» (определяющие взаимодействие управляющего и технологического процессов) (см. рис. 2).

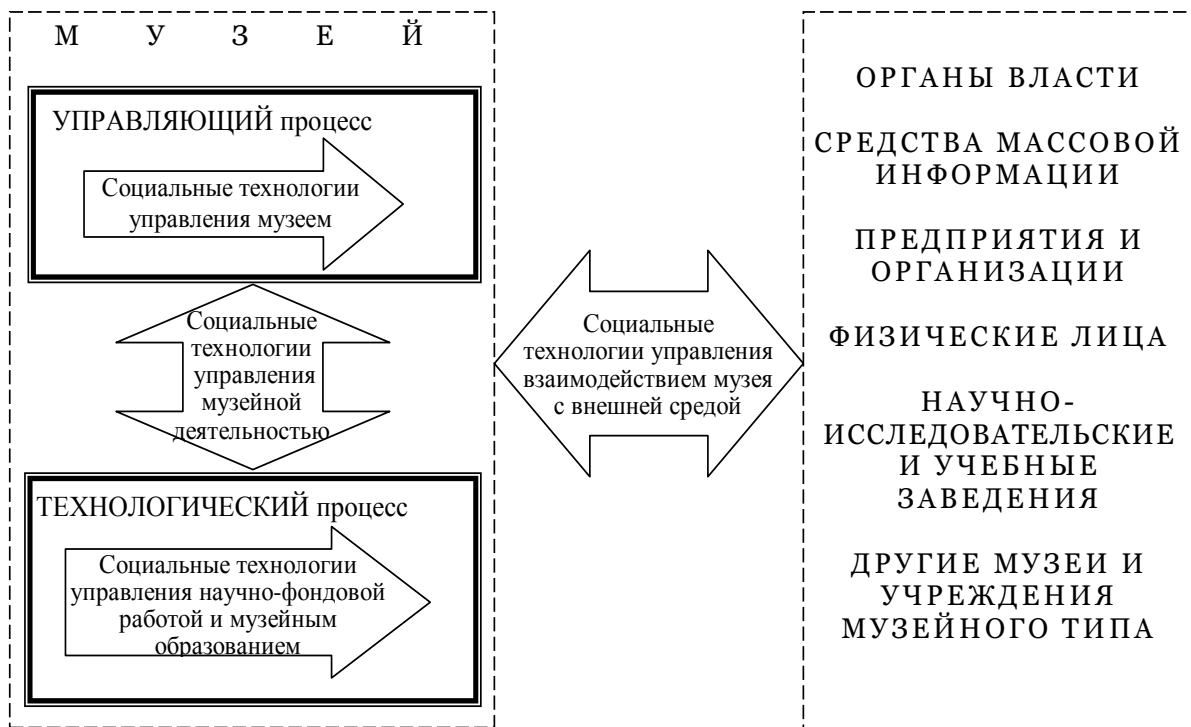

Рис. 2. Социальные технологии в деятельности музея

Среди социальных технологий управления музеем можно выделить социальные технологии стратегического управления и социальные технологии управления финансово-экономической и хозяйственной деятельностью. Содержание этих технологий во многом соответствует социальным технологиям управления большинством организаций.

Социальные технологии управления музейной деятельностью представляют собой социальные технологии оперативного управления. Социальные технологии управления взаимодействием музея с внешней средой могут рассматриваться как социальные технологии управления связями с общественностью.

Социальные технологии управления технологическим процессом музея интегрируются из устоявшихся и достаточно эффективных социальных технологий управления комплектованием, учетом, хранением музейных фондов и почти не разработанных социальных технологий управления музейным образованием.

Социальные технологии управления музейным образованием вбирают в себя технологии культурно-образовательной и научно-методической работы и технологии управления образовательным процессом. Кроме того, социальные технологии управления музейным образованием влияют и на процесс экспонирования музейных предметов и коллекций, так как экспозиция сама по себе должна представлять образовательную ценность

для музейной аудитории в соответствии с влиянием музейных экспозиций на сознание и поведение личности²

Наличие эффективных социальных технологий управления является важным условием для высокого уровня качества функционирования любого музея, но следует отметить особенности организации деятельности музеев в зависимости от их видов. «Большие» (чаще всего, государственные) музеи могут отображаться как сети регулируемых потоков³: осуществление взаимосвязанных специфических функций музея в технологическом процессе, воздействие управляющего процесса на технологический по административной иерархии с целью контроля и получение информации о результатах деятельности, взаимодействие субъектов управляющего процесса относительно принятия решений. В музеях образовательных учреждений, организаций, в частных и других видах музеев деятельность может быть представлена как система процессов принятия специальных решений⁴. Социальные технологии управления деятельностью таких музеев и организационно-управленческие отношения в них могут быть построены на новых организационных структурах: круговой, интеллектуальной, обучающейся⁵, виртуальной и др. Целесообразно выделить отдельные организационные структуры для школьного музея, музея войсковой части и т.п., так как для них свойственно наличие, как правило, одного постоянного сотрудника (руководителя музея), задействованного во всех видах работы музея, и периодически меняющийся коллектив, выполняющий отдельные функции в соответствии со своими потребностями.

Таким образом, для совершенствования деятельности музея необходимо использование комплекса социальных технологий управления его деятельностью. Эффективность выполнения основных функций музея зависит от их оптимальности. Требуется рассмотрение всех системных совокупностей социальных технологий управления деятельностью музея и системная интеграция социальных технологий управления внутренними и внешними организационно-управленческими взаимоотношениями. Надо учитывать, что повышение эффективности деятельности музея даже при использовании рекомендуемой технологии возможно лишь при выполнении следующих условий: подготовка работников музея к эффективному осуществлению управляющего и технологического процессов; формирование единой актуальной музейной философии; освоение новых технологий музейного образования; использование в музее достижений современной науки и техники.

Список литературы

1. Закон Липецкой области от 05.12.2008 г. № 195-ОЗ «О Программе социально-экономического развития Липецкой области на 2009-2012 годы» // «Липецкая газета» 30.12.2008 № 250.
2. Фененко Ю.В. Социология: Учебник. – М.: ТК «Велби», Изд-во «Проспект», 2007. – 232 с.
3. Федеральный закон РФ «О Музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации» от 26.05.1996 № 54-ФЗ // "Российская газета" 15.01.2003.
4. Черемных С.В., Семенов И.О., Ручкин В.С. Структурный анализ систем: IDEF-технологии. – М.: Финансы и статистика, 2001. – 208 с.: ил. – (Прикладные информационные технологии).
5. Соловьева Н.В. Музейная педагогика как направление развития системы дополнительного образования: Автореф. дис...к. пед. н., Воронеж, 1999.
6. Юренева Т.Ю. Музееведение. / Т.Ю. Юренева. – М., 2003. – 560 с.

² Шмарион Ю.В. Караваева Ю.В., Литвинова С.В. Управление социальным поведением посредством музейной деятельности // Проблемы непрерывного профессионального образования: проектирование, управление, функционирование: Материалы международной научно-практической конференции (21–22 мая 2010 года; г. Липецк): В 3 ч.- Липецк: ЛГПУ, 2010. Ч. I. – С. 43-47.

³ Минцберг Г. Структура в кулаке: создание эффективной организации / Пер. с англ. под ред. Ю.Н. Каптуревского. СПб: Питер, 2001. – 512 с.: ил. – (Серия «Деловой бестселлер») – С. 48.

⁴ Там же. – С. 49

⁵ Мильнер Б.З. Теория организации: Учебник. – 2-е изд., перераб. и доп. М.: ИНФРА-М, 2001. – С. 410-424.

7. Сурмин Ю.П., Туленков Н.В. Теория социальных технологий: Учеб. пособие – К.: МАУП, 2004. – 608 с: ил. – Библиогр. в конце частей.
8. Шмарин Ю.В. Караваева Ю.В., Литвинова С.В. Управление социальным поведением посредством музейной деятельности // Проблемы непрерывного профессионального образования: проектирование, управление, функционирование: Материалы международной научно-практической конференции (21–22 мая 2010 года; г. Липецк): В 3 ч.- Липецк: ЛГПУ, 2010. Ч. I. – С. 43-47.
9. Минцберг Г. Структура в кулаке: создание эффективной организации / Пер. с англ. под ред. Ю.Н. Каптуревского. – СПб: Питер, 2001. – 512 с.: ил. – (Серия «Деловой бестселлер»)
10. Мильнер Б.З. Теория организации: Учебник. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: ИНФРА-М, 2001. – 480 с.

SOCIAL TECHNOLOGIES OF MUSEUM MANAGEMENT

Y.V. SHMARIN
S.V. LITVINOVA

*Lipetsk State
Pedagogical University*

This article discusses issues related to the operation of museums in contemporary conditions. Authors sort out the basic social technology management of the museum, and provide a description of them. The article explains the need to define more precisely definition of the museum, taking into account its function of education. The article also staged identified problems of complex sociological study of contemporary museums. Authors suggested ways to improve the museum's activities for a means of social technologies of management, depending on its type.

Key word: museum, social technology of management, social technology, museum management, museum education.

РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ И СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ

УДК 299

ФЕНОМЕН МАГИИ В «ЛОГИКО-ФИЛОСОФСКОМ ТРАКТАТЕ» ЛЮДВИГА ВИТГЕНШТЕЙНА». ТЕЗИС 4.014

В.В. ВИНОКУРОВ*Московский
государственный
университет
им. М.В. Ломоносова**e-mail: relig@philos.msu.ru*

В настоящей работе предпринята попытка использования прикладного потенциала философии Витгенштейна для проблем феноменологии религии. В этой связи рассматривается один из сложных фрагментов «Трактата» Витгенштейна, тезис 4.014. В этом тезисе Витгенштейн обращается к сказочному сюжету о золотой рыбке. Тезис исследуется в контексте дневников Витгенштейна. Показано, что ключевым в понимании этого тезиса является представление о симметрии разнородных рядов, которые объединяются в замкнутые регулярные структуры.

Ключевые слова: Логико-философский трактат, Людвиг Витгенштейн, феноменология религии, магия, близнецы, религия, наука, музыка.

Сегодня много говорится о «методологическом кризисе» в религиоведении, который пытаются преодолеть созданием различного рода «метатеорий». В лучшем случае они опираются просто на классификацию, систематизацию и простой здравый смысл. Не отвергая и не критикуя эту работу автор, тем не менее, считает, что метод следует искать в философии XX века, прежде всего, в трудах Витгенштейна и Хайдеггера. Этим вызвана попытка использования прикладного потенциала философии Витгенштейна для проблем феноменологии религии.

Многие исследователи указывали на странный пассаж, встречающийся в одном из тезисов «Логико-философского трактата» (1921). Речь идет об уникальном для Трактата пассаже – о тезисе 4.014, единственном во всем «Трактате» эпизоде, в котором используется сказочно-фольклорный сюжет. Как замечает В. П. Руднев, «речь идет о сказке братьев Гримм «Золотые дети» (№ 85). В ней говорится о том, что золотая рыбка, пойманная стариком, предложила расчленить себя на шесть частей, из них две она предложила дать съесть жене старика, две – лошади, а две закопать в землю. От съеденных двух кусков рыбки, старуха родила двух золотых близнецов (героев сказки), лошадь родила двух золотых жеребят («их лошади»), а из двух закопанных кусков выросли две золотые лилии («их лилии» – В.В.). Когда один из братьев уезжал, то, если с ним происходило что-то плохое, лилии привядали, а если бы он умер, они увяли бы совсем, так что второй брат всегда мог узнать, как обстоят дела у первого»¹.

Соответствующий тезис Витгенштейна звучит так: «4.014 Грампластинка, музыкальная мысль, нотная строка, звуковые волны – все это находится друг к другу в

¹ Ключков И.С. Духовная культура Вавилонии: человек, судьба, время. М.: Наука. Изд-во восточной л-ры. 1983. – С. 91-92.

отношении взаимного отображения, которое устанавливается между речью и миром. Все они имеют общее логическое строение. (Как в сказке о двух юношах, их лошадях и их лилиях. Они все в определенном смысле одно.)². В. П. Руднев, комментируя тезис, отмечает, что именно последнее, взятое в скобки замечание в этом тезисе является наиболее поразительным, поскольку Витгенштейн говорит не только об изоморфизме явлений, относящихся к различным предметным рядам, но о глубинной взаимосвязи их. Он отмечает, что тезис, в соответствии с которым «они все в определенном смысле одно», в контексте сюжета сказки позволяет говорить о неожиданном глубинном архаическом мифологизме и магизме основных идей «Трактата», связанных с теорией отображения. Это верное замечание, и с ним можно согласиться, добавив, что появившаяся в тезисе отсылка к магии и мифу далеко не случайна.

Эта тема возникает в «Трактате» не случайно, она связана с исследованием Витгенштейном проблемы тавтологии. Тавтология не связана с реальностью, ее структура замкнута сама на себя. Форма тавтологии симметрична. В «Дневниках» (1914 – 1916), которые представляют подготовительную работу к «Трактату» он отмечал: «В тавтологии элементарное предложение так слабо связано с реальностью, что последняя имеет неограниченную свободу (12.11.14)»³. В «Трактате»: «Тавтология оставляет действительности все бесконечное логическое пространство, противоречие заполняет все логическое пространство и ничего не оставляет действительности. Поэтому ни одно из них не может каким-либо образом определять действительность»⁴ [4, 60; (4.463)]. Как видим, отношение тавтологии к реальности он формулировал несколько различно в «Дневниках» и в «Трактате». В «Дневниках» он допускал пусть слабую, но связь тавтологии с действительностью.

Но прежде всего в Тезисе 4.014 речь идет о музыке. Витгенштейн замечал: «Мелодия есть вид тавтологии; она замкнута в себе; она довольствуется собой (4.3.15)»⁵. То же можно сказать и о сказке. Далее в «Дневниках» следует связанный с темой поразительный пассаж, написанный Витгенштейном днем позже: «Люди всегда догадывались, что должна существовать область вопросов, ответы на которые – а priori – симметричны и объединяются в замкнутые регулярные структуры. (Чем старше слово, тем глубже оно проникает) (5.3.15)»⁶. Знак обозначает, предложение изображает, слово проникает.

В «Трактате» последнее, взятое в скобки предложение заменено на: «Область, в которой предложение достоверно: *simplex sigillum verum*»⁷ (5.4541). Латинское выражение переводят: «Простое изображение истинного» (И. Добронравов и Д. Лахути)⁸; «Простота – знак истины» (В. Руднев)⁹, «Простота – черта истины» (Л. Добросельский)¹⁰. Исходя из контекста «Дневников» Витгенштейна латинское выражение, возможно, следует перевести: «Простота – печать истины». Данный вариант употреблялся, например, на средневековых мечах и кинжалах рыцарских орденов, где надпись окружала изображение печати Ордена (например, на мечах рыцарей тамплиеров: *Sigillum militum Christi*. – Печать воинства Христова). Витгенштейн замечает: «Через общность обычных предложения должны приобретать отпечаток простоты (26.4.15)»¹¹. Отпечаток общности – отгиск печати – след оставленный истиной на предложении. Тавтология проста и всегда истинна, она несет печать истины, но в действительность она не проникает.

² Витгенштейн Л. Избранные работы. М.: Территория будущего. 2005. – С. 91.

³ Витгенштейн Л. Дневники 1914 – 1916 / Под общей редакцией В.А. Суровцева // Людвиг Витгенштейн. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация». 2009. – С. 67.

⁴ Витгенштейн Л. Логико-философский трактат. М.: Изд-во иностранной литературы. 1958. – С. 60.

⁵ Витгенштейн Л. Дневники 1914 – 1916 / Под общей редакцией В.А. Суровцева // Людвиг Витгенштейн. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация». 2009. – С. 81.

⁶ Там же.

⁷ Витгенштейн Л. Логико-философский трактат. М.: Изд-во иностранной литературы. 1958. – С. 70.

⁸ Там же

⁹ Витгенштейн Л. Избранные работы. М.: Территория будущего. 2005. – С. 154.

¹⁰ Витгенштейн Л. Логико-философский трактат. М.: АСТ: Астрель. 2010. – С. 100.

¹¹ Витгенштейн Л. Дневники 1914 – 1916 / Под общей редакцией В.А. Суровцева // Людвиг Витгенштейн. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация». 2009. – С. 85.

Чем древнее слово, тем дальше оно от знака, который не проникает в действительность, а лишь обозначает ее. Знак находится на поверхности, слово в глубине: «Слово – это зонд: иное проникает глубоко, иное – лишь на малую глубину (23.1.15)»¹². В «Трактате» Витгенштейн занят конструированием логического языка, поэтому он оперирует знаками, а не словами. Но совпадет ли граница всех предложений с полностью проанализированным и ясным образом мира. В этом случае, замечает Витгенштейн в «Философских исследованиях», «мы попадаем на скользкую поверхность льда, где нет никакого трения и условия в известном смысле идеальны, но именно поэтому мы не можем двигаться. Мы хотим ходить: тогда нам необходимо трение. Назад к целине!»¹³. Симметрия тавтологии и тождества, где знак обозначает сам знак, похожа на совершенную поверхность льда, является шагом, в котором утрачивается связь с действительностью. Тавтология показывает, что знак уже ничего не обозначает кроме самого себя.

Если рассмотреть выражение *simplex sigillum veru* в контексте «Дневников», то можно обнаружить, что оно взято из другой дневниковой записи, сделанной полугодами позже: «Человечество всегда искало науку, в которой *simplex sigillum veru*. Не может быть упорядоченного или неупорядоченного мира так, чтобы можно было сказать, что наш мир упорядочен. Но в каждом возможном мире есть порядок, хотя бы и сложный, именно так же, как в пространстве нет упорядоченного и неупорядоченного распределения точек, но каждое распределение точек упорядоченно. (Эта ремарка есть лишь материал для мысли). Искусство – это выражение. Хорошее произведение искусства – это завершённое выражение (19.9.16)»¹⁴.

В «Трактате» Витгенштейн определяет выражение следующим образом: «3.31. Каждую часть предложения, характеризующую его смысл, я называю выражением (символом)»¹⁵. Выражение можно изобразить: «3.313. Выражение, следовательно, изображается переменной, значения которой – предложения, содержащие это выражение»¹⁶. Это изображение не будет ни истинным ни ложным, поскольку истинным или ложным могут быть только предложения, но, тем не менее, выражение будет осмысленным. Предложение заканчивается (точка – знак окончания предложения). Выражение – завершается. В чем разница между окончанием и завершением. Завершение предполагает замкнутую саму на себя структуру. «Противоречие – есть внешняя граница предложения; ни одно предложение не утверждает его. Тавтология есть их лишенный субстанции центр. (Центральная точка площади круга может рассматриваться как его внутренняя граница) (3.6.15)»¹⁷. А это, по определению Витгенштейна – *микрокосм*, метафизический субъект, граница, а не часть мира. Тавтология содержит отношение знаков друг к другу, но это отношение уже не выражает никакой смысл, оно несущественно для символа. Слово в тавтологии стало пустым, простым знаком истины. Но вместе с тем оно завершило повествование.

Слово в предложении предстает как соединение имен. Имена обозначают объекты. Слово в предложении замещается знаками и отношениями между ними. Так оно выражает свой смысл в предложении. При этом, один и тот же знак может иметь различный смысл, тогда они являются разными символами. В этом случае у них разный способ обозначения. Смысл зависит от того как обозначает знак, а не от самого знака. Знаки произвольны.

Музыка проникает, как древнее слово, и оставляет отпечаток. Кинжал проникает в тело, музыка в душу. Вся музыкальную тему Витгенштейн иллюстрирует и обрамляет сказочным сюжетом. Сказка проникает и западает в душу, оставляя в ней след.

Витгенштейн утверждал, что события будущего не могут выводиться из прошлого и вера в причинную связь – это «предрассудок»: «События будущего не могут

¹² Витгенштейн Л. Дневники 1914 – 1916 / Под общей редакцией В.А. Суровцева // Людвиг Витгенштейн. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация». 2009. – С. 85.

¹³ Витгенштейн Л. Философские исследования. – С. 79 – 128 // Новое в зарубежной лингвистике. Выпуск XVI. Зарубежная прагматика. М.: Прогресс. 1985. – С. 123, 107.

¹⁴ Витгенштейн Л. Дневники 1914 – 1916 / Под общей редакцией В.А. Суровцева // Людвиг Витгенштейн. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация». 2009. – С. 138.

¹⁵ Витгенштейн Л. Логико-философский трактат. М.: Изд-во иностранной литературы. 1958. – С. 41.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Витгенштейн Л. Дневники 1914 – 1916 / Под общей редакцией В.А. Суровцева // Людвиг Витгенштейн. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация». 2009. – С. 100.

выводиться из событий настоящего. Вера в причинную связь есть *предрассудок* (5.1361)¹⁸. В данном случае события будущего не выводятся из событий прошлого, а события прошлого порождают иную странную связь событий настоящего. И Витгенштейн не мог пройти мимо такого феномена, как магия. В магии, в отличие от науки, результаты не проясняются и из причин не выводятся. Исследователи отмечают, что и магия, и наука нацелены на результат, стремятся поставить себе на службу законы природы и космоса; как и наука, магия использовала наблюдения, классификацию явлений, эксперимент. «На этом сходство между магией и наукой заканчивается и начинаются различия, главное из которых состоит в том, что, хотя магию, как и науку, всегда интересовал результат действий, ее не интересовало исследование причин, вызывающих желаемый результат»¹⁹. В магии отсутствует, какая бы то ни было логическая цепочка, позволяющая вывести результат из посылок. Витгенштейн на место закона причинности ставит принцип симметрии²⁰ (6.3611). Принцип подобия, важнейший принцип имитативной магии, согласно которому для того, чтобы воздействовать на реальность, надо воздействовать на ее подобие: подобное притягивается подобным; подобное постигается подобным: подобное порождается подобным и т.п. Принцип подобия у Витгенштейна охватывает как отношения истинности, так и отношения тождественности. «Не-истинность подобна не-тождественности. (27.4.15)»²¹. Искусство основывается на тождестве, наука – на истине. Магия, подобна сказке, пытается охватить и истину тавтологии и истину предложения, науку и искусство.

Куда и через что проникает это «древнее слово»? Через систему описания мира, которое Витгенштейн сравнивает с сетью, ячейки которой могут быть составлены из различного вида фигур, например из треугольников и шестиугольников. Тем самым он говорит о том, что проходит сквозь сеть, которую логика и механика набрасывают на мир, для того, чтобы его точно описать. Это «древнее слово» проникает сквозь сеть описаний и относится к самому миру, а не к его картине. Грампластинка, музыкальная мысль, нотная строка, звуковые волны – все это различные образы одной мелодии, которая есть вид тавтологии, и она замкнута в себе, то есть не имеет отношения к миру или очень слабое отношение, как сказка.

В этом контексте рассмотрим заключительную часть тезиса. Ключевым образом в этом тезисе является образ близнецов. Близнецы неразличимы, но находятся в разных местах, в разных клеточках сети. И вопрос заключается в том, образуют ли они полную неразличимость, в пределе сливаясь в одно. Что проникает между границами клеточек, в котором каждый из них находится? Можно сказать, что это сама сказка или музыка, порожденная жертвой золотой рыбки. Сказка повествует о том, как центр мира утратил субстанцию. Но, вместе с тем, породил регулярные структуры.

Близнецы	A	A
Лошади	B	B
Лилии	C	C

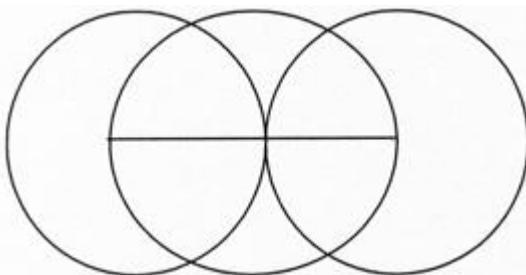
Как старик разрезал рыбку? Вдоль плоскости рыбки, образовав две половинки по вертикали. То есть вертикальный ряд представлен половинкой головы, половинкой тулова, половинкой хвоста. Горизонтальный ряд – зеркальное раскрытие (разворот книги, правая и левая половинки находятся в том же отношении, как правая и левая рука). Все они представляют целое – одну рыбку. Части рыбки замещены юношами, лошадьми и лилиями. Образ составлен из разнородных предметов, которые ничто не связывает, кроме образа рыбки. Мы приходим к той же самой фигуре, только вместо характеристики перекрывающих друг друга областей как зернышек, или яйца, следует говорить о двух половинках золотой рыбки.

¹⁸ Витгенштейн Л. Логико-философский трактат. М.: Изд-во иностранной литературы. 1958. – С. 64.

¹⁹ Смирнова И.М. Тайны магии. М.: Вече. 2004. – С. 6.

²⁰ Витгенштейн Л. Логико-философский трактат. М.: АСТ: Астрель. 2010. – С. 207-208.

²¹ Витгенштейн Л. Дневники 1914 – 1916 / Под общей редакцией В.А. Суровцева // Людвиг Витгенштейн. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация». 2009. – С. 85.

Золотая рыбка выступает здесь жертвенным прообразом мира. Однако правильно отмечают авторы перевода и комментария И. Добронравов и Д. Лахути, что мир «Трактата» статичен, в нем ничего не происходит и идея динамики ему не свойственна²². Для понимания ритуала рассмотрение именно динамических черт этого феномена необходимо, и можно было бы увидеть, что различия как возникают, так и стираются, однако Витгенштейн верно указал на один из основных феноменов архаического магического мировосприятия, на феномен близнецов, рядом с которыми идут феномены двойников и масок. В горизонтальных рядах у нас собраны «близнецы» (юноши, лошади, лилии), в вертикальных – «двойники» (юноша, лошадь, лилия).

В «Трактате» Витгенштейна «мир распадается на факты»²³ (1.2) и можно предположить, что в пределе он полностью разложен. И все происходящее в мире случайно. Но здесь дело обстоит не так. Все происходящее в мире лишь кажется случайным. События связаны лежащим и плавающим как рыба в глубине прообразом. Лишь в сказочном сюжете его удается поднять на поверхность и вытащить из воды. Это совсем другая мера мира. Уместно вспомнить и провести параллель с библейским сюжетом, связанным с убийством Авеля его братом Каином. И сказал Господь (Бог) Каину: «за то всякому, кто убьет Каина, отмстится всемеро» (Быт. 4, 15). Если употребленное в тексте числительное рассматривать не как количественное, а как порядковое, то есть читать как «в седьмом поколении», что на наш взгляд правильно предлагает Щедровицкий²⁴, то в седьмом поколении произойдет отмщение. В седьмом поколении произошло убийство, совершенное Ламехом, который «убил мужа»²⁵, по-видимому, совершенно случайно. Здесь есть лишь видимость случайности и преодолимая закономерность развертывания скрытого смысла пророчества.

Выводы

В заключении надо отметить, что Витгенштейн в «Философских исследованиях» оценивает свою работу как зарисовки «слабого рисовальщика», наброски которого полны огрехов. «Но после их отбраковки, остается некоторое число довольно сносных эскизов»²⁶. В контексте рассуждений о древнем языке стоит вспомнить, что древнее письмо было письмом рисуночным, а маг был «рисовальщиком символов». Архаичные истоки этих представлений можно обнаружить в древнейших языках, например, в шумерском, в котором слова, выражающие смысл представлений о случае, доле и судьбе, происходят от корня со значением «чертить», «рисовать»²⁷. Следует добавить, что еще и сегодня этот архаический смысл всплывает, когда мы говорим о судьбе как о предначертанном.

²² Добронравов И., Лахути Д. «Логико-философский трактат» Витгенштейна: русские издания 1958 и 2007 гг. // Витгенштейн Л. Логико-философский трактат. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация». 2008. – С. 277.

²³ Витгенштейн Л. Логико-философский трактат. М.: Изд-во иностранной литературы. 1958. – С. 31.

²⁴ См.: Щедровицкий Д.В. Введение в Ветхий Завет. Пятикнижие Моисеево. Т. I. Книга Бытия. Т. II. Книга Исход. Т. III. Книги Левит, Чисел и Второзакония. М.: Теривинф. 2003.

²⁵ Д. В Щедровицкий идет еще дальше, утверждая, что убитым был Каин. Гипотеза интересная и, по-видимому, не лишена оснований. См.: Щедровицкий Д.В. Введение в Ветхий Завет. Пятикнижие Моисеево. Т. I. Книга Бытия. Т. II. Книга Исход. Т. III. Книги Левит, Чисел и Второзакония. М.: Теривинф. 2003. – С. 76.

²⁶ Цит. по: Голдстейн Л. В какой степени оригинален «Логико-философский трактат». – С. 360 – 392 // Витгенштейн Л. Дневники 1914 – 1916 / Под общей редакцией В.А. Суровцева // Людвиг Витгенштейн. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация». 2009. – С. 388.

²⁷ См.: Клочков И.С. Духовная культура Вавилонии: человек, судьба, время. М.: Наука. Изд-во восточной л-ры. 1983.

Список литературы

1. Витгенштейн Л. Дневники 1914 – 1916 / Под общей редакцией В.А. Суровцева // Людвиг Витгенштейн. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация». 2009.
2. Витгенштейн Л. Избранные работы. М.: Территория будущего. 2005.
3. Витгенштейн Л. Логико-философский трактат. М.: АСТ: Астрель. 2010.
4. Витгенштейн Л. Логико-философский трактат. М.: Изд-во иностранной литературы. 1958.
5. Витгенштейн Л. Философские исследования. С. 79 – 128 // Новое в зарубежной лингвистике. Выпуск XVI. Зарубежная прагматика. М.: Прогресс. 1985.
6. Голдстейн Л. В какой степени оригинален «Логико-философский трактат». С. 360 – 392 // Витгенштейн Л. Дневники 1914 – 1916 / Под общей редакцией В.А. Суровцева // Людвиг Витгенштейн. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация». 2009.
7. Добронравов И., Лахути Д. «Логико-философский трактат» Витгенштейна: русские издания 1958 и 2007 гг. // Витгенштейн Л. Логико-философский трактат. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация». 2008. С. 271 – 282.
8. Ключков И.С. Духовная культура Вавилонии: человек, судьба, время. М.: Наука. Изд-во восточной л-ры. 1983.
9. Руднев В. П. Параллельные комментарии // Витгенштейн Л. Логико-философский трактат // Витгенштейн Л. Избранные работы. М.: Территория будущего. 2005.
10. Смирнова И.М. Тайны магии. М.: Вече. 2004.
11. Щедровицкий Д.В. Введение в Ветхий Завет. Пятикнижие Моисеево. Т. I. Книга Бытия. Т. II. Книга Исход. Т. III. Книги Левит, Чисел и Второзакония. М.: Теривинф. 2003.

**PHENOMENON OF MAGIC IN “TRACTATUS LOGICO-PHILOSOPHICUS”
BY LUDWIG WITTGENSTEIN. THESIS 4.014**

V.V. VINOKUROV

*M.V. Lomonosov Moscow
State University*

The article makes an attempt to apply the potential of the philosophy of Wittgenstein on the problems of the phenomenology of religion. To achieve this goal a fragment of Wittgenstein’s «Tractatus Logico-Philosophicus» thesis 4.014 which is about the fairy-tale plot about gold fish used. It is shown that the key of understanding this particular thesis in looking into the symmetry of different rows which are arranged into regular structures.

e-mail: relig@philos.msu.ru Key words: phenomenology of religion, magic, twins, religion, science, music, Ludwig Wittgenstein, Tractatus Logico-Philosophicus.

УДК 14+215

ВОСТОЧНО-ХРИСТИАНСКАЯ МЕТАФИЗИКА В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННЫХ ФИЛОСОФСКО-ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКИХ ДИСКУРСОВ

Т.Г. ЧЕЛОВЕНКО*Орловский государственный университет**e-mail: chelovenko@inbox.ru*

Статья посвящена анализу онто-гносеологических условий познаваемости религиозного опыта средствами современных философско-феноменологических дискурсов. Предел философского понимания/обнаружения Абсолюта автор расширяет за счёт конвенциональных допущений и обращения к конкретной религиозной традиции как контекста для религиозно-философских исследований (на примере рефлексивной традиции восточно-христианской метафизики).

Ключевые слова: социально-гуманитарная рациональность, апофатизм сущности, апофатизм личности, экзистенциально-феноменологический дискурс, религиозный опыт.

Введение

Современная философия религии в своих попытках преодолеть жёсткую матрицу предельных абстракций и бинарных оппозиций («рациональное-иррациональное», «логическое-интуитивное», «когнитивное-ценностное» и т.д.) обращается к философско-феноменологическим дискурсам. Сегодня формируется такой понятийный аппарат, который позволил бы существенно расширить приёмы абстрагирования и диапазоны их применимости¹, отрефлексировать в новых условиях синтез характеристик, фиксирующих различные модусы проявленности религиозного феномена. В тоже время постнеклассическая гуманитаристика расширяет «предельную реальность», доступную познанию, применяет «человекоразмерные» технологии исследования «пограничных проблем», означает и конвертирует религиозный опыт, пытаясь научить исследователя «соотносить религиозный феномен с его объектом, как он обозначен и как дан в культуре и в вере, в ритуале и мифе»². Таким образом реализуется идея универсального характера познавательной деятельности, особенность которой – всеохватность всех сфер суждения (предикативной и допредикативной, различных актов веры, желаний и устремлений, практических целей и ценностных ориентаций).

Возникающая здесь тема мировоззренческих влияний на философское осмысление религии поднималась не однажды³. На практике различить «философию в религии» от «философии о религии» вряд ли возможно. Поэтому мы согласимся с Шохиним, который утверждает, что, так или иначе, но «философское осмысление религии мировоззренчески ненагруженным быть не может»⁴. Даже известное кантовское стремление к апофатическому определению трансцендентного начала, проложившее дорогу «официальному» философскому дискурсу, имеет корни не в протестантском мировоззрении, как часто принято считать, а скорее в западно-христианском апофатизме сущности, который актуализирует индивидуальное мышление.

¹Здесь важен поиск нового понимания рациональности, который, видимо, будет проходить в единстве её традиционно-универсальных критериев и динамично-изменяющихся признаков, при этом проблема субъективности интерпретаций будет решаться в контексте поиска конструктивных возможностей релятивных знаний. Примером так понятой рациональности в пределах социально-гуманитарного знания является определение, данное Лебедевым С.А.; см. Лебедев С.А. Философия науки: краткая энциклопедия (основные направления, концепции, категории). Москва. 2008. – С. 541.

² Рикёр П. Конфликт интерпретаций: Очерки о герменевтике. Москва. 2002. С. 394.

³ См., например, отчёт о дискуссии о взаимоотношении философии, теологии и религиоведения, проходившей на социально-теологическом факультете БелГУ в декабре 2006 г.: Римский В.П., Климова С.М. Статус религиозной философии: обзор дискуссии // Религиоведение. №4. 2007. С. 157- 169; а так же: «Дискуссия “О специфике религиозной философии”» // Научные ведомости БелГУ. Серия: Философия. Социология. Право. 2007. № 19 (40). Вып. 2. – С. 274 – 299.

⁴ См. подробнее: Шохин В.К. Исторический генезис философии религии: проблема и её наиболее вероятное решение // Философия религии: Альманах 2006-2007. Москва. 2009. – С. 15-89, здесь с. 64.

Очевидно, что в философском дискурсе эта мировоззренческая составляющая не может оставаться без рефлексивного самосознания и самообоснования, либо как значимый смысловой фон, либо как контекст религиозной традиции, где бытийствует религиозное явление. Во втором случае и возникает необходимость аутентичного внимания к религиозному явлению⁵. Философская феноменология религии стремится своими философскими средствами выявить основополагающие, сущностные черты религиозного опыта и религиозного сознания, продвигая свои исследовательские устремления в бытийное пространство человеческой религиозности. Поэтому в исследованиях языка религии, в выяснении онто-гносеологических условий познаваемости религиозного опыта, его гносеологической ценности, степени его объективности и достоверности, согласованности с другими формами человеческого опыта, было бы полезно обратиться к дискурсу рефлексии, как он складывался в той или иной метафизической традиции.

Современная технократическая цивилизация теснейшим образом связана с религиозной эволюцией западного человека. В схоластический период мы наблюдали подчинение истины разуму и соответствующий отказ от различения божественной Сущности и Энергий. За этим последовало резкое разграничение трансцендентного и имманентного, приведшее к трансформации личной связи человека с миром, к его господству над природой и историей. Особо хочется подчеркнуть, что речь идёт не об абстрактных вопросах, не имеющих отношения к человеческой жизни, но *о метафизических основаниях кризисного положения всей сегодняшней цивилизации, которая строится на «предметности» и прагматичности истины, насильственно подчиня ей человека*. Поэтому сегодня необходимо поставить вопрос об интеллектуальном преодолении давления интеллектуально-онтической традиции эпистемологий западной цивилизации. Восстановлению в своих правах онтологии христианского Востока с его пониманием истины как отношения посвящена христианская философия Х. Яннараса, создавшего религиозную персоналистическую онтологию.

В истории религиозоведческой мысли также не раз возникали проблемы, вызванные формально-логическим подходом к религии. Наиболее острая из них – попытка субстанциально объективировать категорию «святое», сформулировав её как универсальную⁶.

В истории интеллектуальной мысли философская феноменология религии не раз обращалась к фундаментальным качествам религиозного опыта, которые *«высвечиваются в сущем, в существовании, в бытовании»*⁷. Выявление допредикативных структур сознания велось в немецкой философии начала XX в. (Дильтей, Шелер, Наторп, Кассирер), но оно обходилось без онтологической опоры, поскольку в качестве последней реальности рассматривало сознание, а не бытие. В этом Хайдеггер видел ограниченность прежней философии, упускавшей бытие и рассматривавшей сознание по преимуществу как познание.

Нам особенно интересен в этом смысле выход феноменологии сознания (Гуссерль) с её интенциональным анализом в феноменологию бытия (Хайдеггер)⁸ с её метафизическим принципом тождества бытия и сущего, а также дальнейшее их развитие в контексте традиционных метафизических представлений (Яннарас). Это тем более необходимо, что удаляясь в познании человеческой субъективности от трансцендентального как универсального, мы с необходимостью обращаемся к *универсальному как метафизическому*, чтобы сохранить онтологическую и гносеологическую опору.

Метафизика всегда была привлекательна своим особым вниманием к вечным и особенно настойчивым сегодня устремлениям человека. Используя философию конкретного бытия и прежде всего философию личности, она формулирует экзистенциальные положения, т.е. положения о существовании (Dasein) сущего. Феноменология же вызывает интерес с

⁵Мы исходим из того, что деятельность каждого индивидуального сознания определена контекстуально, т.е. соотносительно некоему «миру», определяющему горизонт в принципе доступных религиозному сознанию интенциональных содержаний.

⁶ См.: Пылаев М.А. Западная феноменология религии. Москва. 2006.

⁷ Яблоков И.Н. Религиоведение. Москва. 2007. – С. 224-226.

⁸Различные понимания феномена (Кант, Гуссерль, Хайдеггер, Яннарас) являются основой различных исследовательских дискурсов, в том числе, имеет своё своеобразие и экзистенциально-феноменологический дискурс.

методологической точки зрения, поскольку предлагает свои пути отыскания «предельных» условий возможности обретения субъектом объективного опыта и знания, выступая в качестве интегратора различных синтезов⁹. В тоже время феномен, парадоксально соединяя в себе идеальную устойчивость и реальную изменчивость, способен преодолеть диктатуру предмета, а синтез феноменологии познания и динамической онтологии¹⁰ способен преодолеть трансцендентальную стратегию в исследовании самого феномена.

Понятно, что в процессе поиска «утраченного субъекта», а тем более исследовательского обращения к личности, мы будем терять некоторую ясность и чёткость определений, усиливая фактор релятивности получаемого знания, усложняя попытки трансцендентального анализа субъективности¹¹. Но в тоже время мы приобретаем для рефлексии такие глубокие уровни бытия, проникновение в которые невозможно без метафизического дискурса.

Важно, что в этих интерпретациях расширяется предел философского понимания/обнаружения Абсолюта, формулируется познавательная граница, которая в постнеклассической науке возможна при условии конвенциональных допущений. Особое значение здесь приобретает идея контекстуальности, но не в смысле контекстуального обоснования и привлечения известной контекстуальной аргументации, а в смысле понимания конкретной религиозной традиции как контекста для религиозно-философских исследований, тем более, если она имеет свою собственную хорошо разработанную метафизику, что мы находим в восточно-христианской традиции.

Мы считаем, что проблема субстанциальной необъективируемости идеи святого, о которой мы говорили выше, сложилась из-за традиции рассматривать «святое» как категорию мышления о религиозном¹². Истоки этого явления мы находим в западно-христианской онтологии и западно-христианской традиции апофатизма сущности, которые создали гносеологические условия для опредмечивания истины в интеллектуальных дефинициях. Отсюда и проблема объективации и объективности полученных результатов традиционно решалась, исходя из познавательной установки западноевропейской метафизики: её особое внимание к рассмотрению объекта (Фома Аквинский) подготовило не только будущее аутентичное понимание науки, но и признание того, что вера объективируется в теологии.

Развитие философской мысли относительно «сокрытого Бога» имело предел в кантовском этическом принципе категорического императива. В своём стремлении преодолеть интеллектуалистскую метафизику схоластов, Кант, с одной стороны, обосновал существование Бога предпосылками нравственной целесообразности, возвед на Его место человеческого субъекта, но в тоже время сделал невозможным само существование рациональной метафизики.

Но в неклассическом дискурсе мы можем доступными средствами рефлексивного характера выйти за пределы «объективного» определения истины, т.е. её исчерпываемости дефиницией¹³. Здесь мы обращаемся к истине либо в хайдеггеровском духе, как к бытийной характеристике, как к событию, которое «случается» с человеком, либо ищем её с помощью апофатизма, который с гносеологической точки зрения раскрывает воспринимающей способности человека не сущностную проблематику Божественного, т.е. не сущее как таковое, и не Бытие существующего, но способ, каким бытийствует сущее. Отсюда наше обращение к экзистенциально-феноменологическому дискурсу, вызванное его возможностями предельно обосновать наши знания о религии, где была бы востребована рефлексия личного восприятия воздействия Бога на человеческую жизнь.

⁹ Например, Рикёр означивал «священное» как человеческое усилие и желание быть, соотнося религиозный феномен с его объектом, как он обозначен и как дан в культуре и в вере.

¹⁰ См.: Сафронов П.А. Онтология феномена. Москва. 2007.

¹¹ См.: Комаров С.В. Метафизика и феноменология субъективности. С.-Петербург. 2007.

¹² Рассматривая в качестве первофеномена религии понятие «святое», западная классическая феноменология религии понимала его либо как внутреннее Единое, эманлирующее в три мира-«ипостаси» (Ф. Хайлер), либо как «веру в высшего Бога» (Г. Виденгрэн), либо как «последнюю реальность» (Й. Вах), либо как нейтральное нуминозное (К. Гольдаммер) и т.д.; см. подробнее: Пылаев М.А. Западная феноменология религии. Москва. 2006.

¹³ В современной философии понятие истины утратило статус основного гносеологического понятия, определённого однозначно. Возникли её разные понимания, среди которых экзистенциально-герменевтическое, представленное в фундаментальной онтологии Хайдеггера.

Для этого необходимо, прежде всего, осознать разность гносеологических подходов, которые предложили восточно-христианская метафизика и западная философско-богословская традиция относительно понимания истины, способов её удостоверения и опредмечивания, проблемы сущности и существования, сущего и Бытия и т.д.

Богословский апофатизм интересен своим рефлексивным потенциалом для той реальности (реальности религиозного опыта), где по сути бессильна методология теоретического познания в границах официального философского дискурса. Но надо учитывать особенности данного подхода, сложившиеся внутри самой христианской познавательной традиции. Богословский апофатизм – это аналогическое образное мышление¹⁴, но в восточно-христианской метафизике аналогия не исчерпывается аналитико-смысловым или формальным сопоставлением. Она становится отношением логосов, т.е. через аналогию человеческий логос становится причастным логосу личностной Энергии Бога. Поэтому апофатизм в греческой философской традиции (от Гераклита до Григория Паламы), понимаемый как образно-символический подход к изложению истины иной, нежели в западно-христианской метафизике.

Проблема заключается в том, что западноевропейская традиция, основанная на метафизическом противопоставлении абсолютной сущности Бога и преходящей сущности человека, обходится без особого внимания к способу бытия, общему для Бога и человека. Эти громадные пустоты в метафизической онтологии западного христианства вполне логично привели к радикализму нигилистической онтологии Хайдеггера, основанной исключительно на опыте существования человека, сведя «сущностную» реальность Бога к апофатическому Ничто. В этом и заключается судьбоносное различие между апофатизмом сущности, представленной западной схоластикой, и апофатизмом личности, характерным для христианской мысли греческого Востока. Это различие не просто методологий, это различие есть непримиримое противоречие на гносеологическом и онтологическом уровнях.

Западные теологи и философы уже с первых веков христианства отдавали приоритет интеллектуальному определению сущности перед историческим и бытийным опытом личности, в то время как греческий Восток всегда исходил из приоритета личности перед сущностью. Справедливости ради надо отметить, что в западной традиции присутствует наряду с позитивно-аналогическим определением Бытия и апофатизм Бытия, убежденность в бессилии человеческого разума исчерпать в определениях истину Бытия. Но особенностью западного апофатизма Бытия стала его первопричина – необходимость защитить тайну божественной Сущности от рационального и каузального понимания Бытия. Это значит, что апофатизм Бытия становится апофатизмом сущности, который исключает онтологическую проблему как проблему экзистенциальную, как вопрошание о способе бытия того, что существует, т.е. о «способе существования»¹⁵. В противоположность этому, на греческом Востоке была изначально исключена поляризация между аналогически-онтическим и мистическим определением Бытия. Онтология восточных богословов и философов изначально экзистенциальна, т.к. её основанием служит *апофатизм личности*. «Различие между апофатизмом личности и апофатизмом сущности не ограничивается рамками умозрения, но представляет и составляет две диаметрально противоположные позиции духа, два разных модуса жизни; наконец, две разные цивилизации. С одной стороны, истина как жизнь основывается на *отношении*, а также на экзистенциальном опыте... С другой стороны, истина отождествляется с интеллектуальными определениями, объективируется, подчиняется утилитарности и эта... истина объективирует саму жизнь, превращает её в технологическую истерию, в мучение и отчуждение человека»¹⁶.

Таким образом, если апофатизм сущности означает, что в познании сущего мы отправляемся от индивидуальной мыслительной способности, то апофатизм личности

¹⁴ См. подробнее: Яннарас Х. Хайдеггер и Ареопагит, или об отсутствии и непознаваемости Бога // Избранное: Личность и Эрос. Москва: РОССПЭН. – С. 42-89.

¹⁵ Выражение, утвердившееся в богословии греческого Востока (Максим Исповедник, Григорий Нисский, Иустин Философ, Иоанн Дамаскин) и являющееся основным для онтологической постановки проблемы.

¹⁶ Яннарас Х. Указ. соч. – С. 106.

означает, что наше существование и обретенное нами знание (способ бытия и способ познания) есть динамичные события отношений. Причём отношение не исчерпывается констатациями ума, но представляет собой универсальное экзистенциальное событие.

Это значит, что восточно-христианская метафизика в сравнении с западной схоластикой, предлагает онто-гносеологическую модель, основанную на личностном способе отношения к миру, т.е. на личностном способе бытия. Эпистемология этой модели ориентирована не на поиск универсального знания, а на достижение универсального отношения, где знанческий уровень не исключается, но рассматривается как не единственно достоверный¹⁷. Любая рационалистическая теология, основанная на естественном знании как простой интеллектуальной достоверности, отличается от апофатического познания, которое предполагает опыт личного общения, делающим востребованным все бытийные возможности целостной природы человека. Поэтому под *опытным отношением* мы, вслед за Яннарасом, понимаем способность познавать действительность с помощью *универсальной способности схватывания*, т.е. познавать её через взаимодействие большого количества факторов, обуславливающих познание (ощущения, мышление, суждения, воображение, абстрагирование, редукция, эмоции, интеллектуальная интуиция и т.д.).

Апофатическая позиция принимает метод философской гносеологии (как метод утверждений, так и метод отрицаний) именно потому, что она ведёт к *онтологии личности*, где дискурсивным образом осуществляется синтез апофатизма с бытийными началами инаковости и свободы, т.е. с личностью.

Как мы уже отметили, апофатизм личности не отказывается от использования всех путей и способов познания – утверждений, отрицаний, причинных и аналогических суждений, поскольку «высшее», конечно, не исключает «низшего». Однако он отказывается сводить высшее знание, доставляемое единением с Богом, к более низкому уровню интеллектуальных схватываний и логических формулировок. А ценность и польза этого низшего уровня состоит именно в том, чтобы служить указанием на превосходящее его единение. *Поэтому выход апофатической позиции в личностное измерение имеет большое, но ещё практически не изученное, значение для неклассических дискурсов феноменологии религиозного опыта¹⁸, где есть необходимость удостоверения Бога не как объекта, а как факта встречи личностной познавательной энергии человека с личностным логосом Божественных Энергий.* Личность, в этом случае, можно понимать как соотнесённую действительность и отношение, а под личностным способом бытия понимать такой, который познаётся «по причастности», т.е. потому, как он отвечает нашему опыту личностного бытия человека. Соответственно, *религиозный опыт становится приобретаемым, а значит доступным для рефлексии благодаря доступности Божественного способа бытия, а последний доступен нам благодаря его личностному характеру*, о чём мы говорили выше. В этой традиции складывалась и русская религиозная философия, которой ещё только предстоит раскрыться в постнеклассической философии.

Вообще традиции русского философствования свойственно относиться к интеллектуальному схватыванию не как подлинному и достаточному, поскольку оно не в состоянии исчерпать знание, обретаемое нами из непосредственного отношения. Приоритетное для неё экзистенциально-онтологическое измерение в её философии религии выразилось в предельном обосновании религиозных знаний и знаний о религии, *личного восприятия* воздействия Бога на человеческую жизнь, т.е. *религиозного опыта* как вполне достоверного факта. Поэтому русская религиозная философия с её восточно-христианскими эпистемологическими традициями оказалась оппонентом западноевропейской схоластической традиции, что и предопределило ей, вплоть до сегодняшнего дня, невключённость (в силу её инаковости) в мейнстрим европейской философской традиции.

Выводы

Таким образом, восточно-христианская метафизика, как познавательная традиция православной цивилизации, в силу определённых обстоятельств не нашедшая признания в «официальной» философии и развивавшаяся в стороне от основополагающих

¹⁷ Яннарас Х. Указ. соч. – С. 42-47, 66-67.

¹⁸ См.: Астапов С.Н. Отрицательная диалектика русской религиозной философии первой половины XX века. Ростов-на-Дону. 2009.

современную технократическую цивилизацию эпистем и дискурсов, сегодня востребована постнеклассической наукой и философией, для которых актуален поиск рефлексивных дискурсов осмысления универсального в уникальном.

Отказываясь от отождествления сущности с идеей или понятием индивидуального бытия, восточно-христианская метафизика привлекательна для современных философско-феноменологических дискурсов своим личностным и экзистенциальным измерением. Сегодня уже понятно, что её личностный вектор не анахронизм, присущий онтологическим представлениям раннего христианского эллинизма. Это основа современных онтологических поисков феноменологических школ и философий существования, поскольку православное богословское видение космоса воплощает *этос* и *способ бытия*, в основе которых нравственное жизненное усилие. Более того, восточно-христианская метафизика могла бы стать в рамках европейской цивилизации радикальной программой общественного, политического и культурного изменения, как справедливо утверждает Яннарас. Но эта «программа», не поддающаяся объективации в терминах безличной стратегии, всегда остаётся возможностью личного открытия, чем она и значима для современной философской феноменологии религии.

Список литературы

1. Астапов С.Н. Отрицательная диалектика русской религиозной философии первой половины XX века. Ростов-на-Дону. 2009.
2. Дискуссия “О специфике религиозной философии” // Научные ведомости БелГУ. Серия: Философия. Социология. Право. 2007. № 19 (40). Вып. 2. С. 274 – 299.
3. Комаров С.В. Метафизика и феноменология субъективности. С.-Петербург. 2007.
4. Лебедев С.А. Философия науки: краткая энциклопедия (основные направления, концепции, категории). Москва. 2008.
5. Пылаев М.А. Западная феноменология религии. Москва. 2006.
6. Рикёр П. Конфликт интерпретаций: Очерки о герменевтике. Москва. 2002.
7. Римский В.П., Климова С.М. Статус религиозной философии: обзор дискуссии // Религиоведение. №4. 2007. С. 157-169.
8. Сафронов П.А. Онтология феномена. Москва. 2007.
9. Философия религии: Альманах 2006-2007. Москва. 2009.
10. Яблоков И.Н. Религиоведение. Москва. 2007.
11. Яннарас Х. Избранное: Личность и Эрос. Москва. 2005.

EASTERN CHRISTIAN METAPHYSICS IN THE CONTEXT OF MODERN PHILOSOPHIC PHENOMENOLOGICAL DISCOURSES

T.G. CHELOVENKO

Oryol State University

e-mail: chelovenko@inbox.ru

The article analyses onto-gnosiological conditions of understanding religious experience with the help modern philosophical phenomenological discourses. The author of the article seeks to expand the philosophical interpretation of the Absolute employing conventional assumptions and addressing a concrete religious tradition as a context for religious studies research. (The researcher uses reflective traditions of Christian metaphysics as an example).

Key words: social and humanitarian rationalism, apophasis of being, apophasis of personality, existential phenomenological discourse, religious experience.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНОГО ПРАВА И УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА

УДК – 341.215.43

МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В РЕСПУБЛИКЕ ТАДЖИКИСТАН: ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ И ОПТИМИЗАЦИИ

**А.И. АРХИПЦЕВ
Р.Ф. ДЖОБИРОВ**

*Белгородский государственный
национальный исследовательский
университет*

e-mail: dzhobirov.rustam@mail.ru

Данное исследование посвящено одной из самых актуальных проблем современной общественной жизни в Республике Таджикистан. Авторами, наряду с анализом причин, способствующих развитию миграционных процессов, определяются отдельные направления, улучшающее миграционную обстановку и формы противодействия незаконной миграции.

Ключевые слова: особенность, анализ, формирование, оптимизация, безработица, вынужденная миграция, регулирование, незаконная миграция.

Прежде чем приступить к изучению особенностей развития и оптимизации миграционных процессов в Республике Таджикистан, считаем целесообразным определить цель нашего исследования. Считаем, что цель данного изыскания состоит в исследовании и обосновании с теоретико-методологических позиций юридической науки особенности миграционных процессов, происходящих в республике, ее природы, содержания и закономерностей взаимодействия и развития данного явления, а также оптимальность механизмов осуществления Правительством Республики Таджикистан практических мероприятий в сфере миграционной политики.

Как свидетельствует исторический обзор миграционных процессов, население, проживающее на территории нынешнего Таджикистана, было всегда достаточно подвижным и данная миграционная активность проявлялась, в основном в виде, торговой миграции в западные и восточные страны, миграции кочевых народов, проживающих в горных местностях, отходничество, учебная миграция населения в Самарканд и Бухару и паломничество в святые места. Начиная с XIX века, отходничество (так назывался сезонный уход на заработки в долинские районы), которое было преимущественно направлено в Ферганскую долину, стало главным миграционным направлением, характерным для таджикского населения горных районов, о чем свидетельствуют заметки известного русского географа А.П. Федченко, писавшим об этом еще в 1875 году¹. В то время основными территориями, поставляющими отходников, были такие местности как Бальджуван, Куляб, Гиссар и, особенно, Каратегин и Магча. Причем, горные таджики в основном специализировались в такие сферы занятости как: строительство, переноска тяжестей, рабо-

¹ См.: Федченко А.П. Путешествие в Туркестан и Коканское ханство – СПб, 1875. – С. 46-62.

ты на хлопкоочистительных заводах и иные формы деятельности². На рубеже XIX–XX вв., как свидетельствует С. Губаева, из отдельных селений верховьев Заравшана ежегодно на заработки уходило от 25% до 75% взрослого мужского населения этих регионов³.

Анализ миграционной ситуации в годы СССР свидетельствуют о том, что происходящие миграционные процессы в Республике Таджикистан за этот период, в целом, явились положительными, так как способствовали оптимальному перераспределению трудовых ресурсов в республике. Кроме того, эти процессы стимулировали развитие и расширение производства, культурный обмен и духовное сближение представителей разных народов, а также способствует укреплению интернационализма в обществе. Миграция населения в эти годы, в основном, представляла собой переселение, связанное с освоением новых территорий и участием в строительстве всесоюзных объектов не только внутри, но и за пределами республики. Более того, миграционные процессы в целом стимулировались союзным государством, и имели достаточно высокий организованный характер.

В свою очередь, стремительное развитие процессов миграции в 90-е годы конца XX века кардинально изменило общественно-политическую ситуацию в Республике Таджикистан. В это время главными факторами столь активной миграции населения в новом этапе стали: развал СССР и крах социально-политической системы, которые привели к гражданскому противостоянию в республике. Отметим, что гражданская война стала чрезвычайным фактором, ставшим причиной вынужденной миграции местного населения. Так, в период активных военных действий (с 1992 по 1995 гг.), каждый пятый житель республики стал беженцем или внутренним перемещённым лицом. С начала вооруженного конфликта из республики эмигрировали 284,6 тыс. человек; в свою очередь, за пределы страны выехали более чем 255 тыс. беженцев, из которых примерно 60 тыс. нашли убежище в Афганистане; внутри страны переместились 679 653 граждан. В частности, доля межреспубликанской миграции в общем объеме миграционных перемещений выросла с 34,6% в 1989 г. до 71% в 1992 году. За указанный год из республики в другие бывшие союзные республики выехало почти 100 тыс. человек, в том числе 66% в Россию, около 18% в Узбекистан, еще 8% на Украину⁴.

Следует заметить, что начиная с 1998 года, потоки вынужденной миграции из республики постепенно приобрели трудовой характер и в настоящее время считаются самым массовым явлением общественной жизни, которые имеют весьма динамичное направление. Сейчас к основным факторам, способствующим распространению внешней трудовой миграции необходимо отнести: низкую заработную плату, высокий уровень безработицы, возросшие темпы естественного прироста и высокую плотность населения, которая на 2009 год составляла 51,5 человек на 1 км²⁵.

Как известно, заработная плата является важным аспектом занятости населения. Сложившийся сегодня в Республике Таджикистан уровень оплаты труда, (которая является одной из достаточно низких среди стран СНГ) стало причиной не только снижения качества рабочей силы, но и главным основанием трудовой миграции граждан. Как отмечают исследователи, уровень безработицы в республике, начиная с 90-х годов прошлого века, ежегодно составляет от 25 до 38% экономически активного населения, тогда как в службе занятости каждый год регистрируются всего лишь 2–3% экономически активного населения. За последние 20 лет, как свидетельствует проведенный специалистами статистический анализ, численность населения выросла более чем на 30%, а трудовые ресурсы на 66%, в то время как уровень занятости возрос всего лишь на 9%, т.е. рост занятости отстает от роста трудовых ресурсов на 57% пунктов⁶.

² Насуров П.А. Криминальные последствия незаконной миграции и меры их предупреждения (по материалам Республики Таджикистан): дис. ... канд. юрид. наук. М. 2008. – С.116.

³ См., подробно: Губаева С. Населения Ферганской долины в конце XIX- и начала XX века. – Ташкент: ФАН, 1991. – С. 60–72.

⁴ См.: Миграция населения / Под общей ред. О.Д. Воробьевой М., 2001. – Вып. 1: Теория и практика исследования. – С. 176.

⁵ Эл. Ресурс <http://www.cisstat.org>. Республика Таджикистан. /2009/9;

⁶ Махмадбеков, М.Ш. Миграционные процессы: сущность, основные тенденции и их особенности в современном обществе (опыт Таджикистана): автореф. дис. ... канд. полит. наук. Душанбе 2010. – С.16.

Численность экономически активного населения на январь 2011 года, согласно данным статистического Комитета стран СНГ, равнялось 2,2 млн. человек, а число официально зарегистрированных безработных в 2010 году составило 44,5 тыс.⁷

Эти и другие факторы, как нам представляется, в сочетании с ограниченностью земельных ресурсов, которые составляют всего 7% территорий республики (93% составляют горы и более 90% населения живет в межгорных долинах), делают трудовую миграцию из Республики Таджикистан в ближайшие годы фактом практически неизбежным.

Следует отметить, что Российская Федерация, как страна с огромными природными ресурсами и быстрорастущей экономикой, на сегодня выступает основным экспортером рабочей силы в страны СНГ. Согласно официальным данным с начала 2011 года в Россию въехало практически 10 млн. иностранных граждан и лиц без гражданства. Так, на миграционный учет за этот период, по данным Федеральной миграционной службы РФ, встали более 6,7 млн. мигрантов, (оформлено 860,224 разрешений на работу), из которых лишь 1,3 млн. воспользовались методом уведомления, который осуществляется путем использования функций почтовых отделений⁸.

Следует иметь в виду, что основную часть иностранцев, приехавших в Россию, составляют граждане из стран СНГ, в частности более 21% въехавших в этом году мигрантов составили граждане Украины, 14% – граждане Узбекистана, более 10% граждане Казахстана, 7% – граждане Таджикистана, 6% – Азербайджана, менее 5% – Молдовы, 3,5% – Кыргызстана, и чуть более 3% составили граждане Армении⁹.

Проведенный нами статистический анализ внешней трудовой миграции прямо свидетельствует о динамике перемещения граждан из Республики Таджикистан в Российскую Федерацию. Так, если в 2010 году во внешнюю трудовую миграцию было вовлечено 737 тыс. граждан республики¹⁰, то за 8 месяцев текущего года это цифра составила уже 452983 человек (400855 мужчин и 52128 женщин), которая по данным Миграционной службы при Правительстве РТ превышает аналогичный период прошлого года на одну тыс. человек¹¹.

Отметим, что внешняя трудовая миграция сегодня для Республики Таджикистан является достаточно объективным фактором, так как улучшает материальное положение граждан, существенно пополняет государственный бюджет и позволяет решить отдельные социальные проблемы, в частности, хроническую избыточность трудовых ресурсов. Например, операции по денежным переводам от трудовых мигрантов на сегодняшний день составляют значительную часть платежного баланса республики. По данным Центрального банка Российской Федерации в 2010 году из России гражданами республики было переведено 2 млрд. 216 млн. долл. США, которые составил более 35% ВВП страны¹².

Понимая важность регулирования процессов миграции, заметим, что за годы независимости в Республике Таджикистан создана достаточно солидная нормативно-правовая база, которая основывается, прежде всего, на Конституции республики, гарантирующей гражданам свободное передвижение и выбор места жительства, выезд за пределы республики и возвращения в нее¹³. Что касается международно-правовых актов, то Правительством государства за эти годы ратифицировано более 15 конвенций Международной Организации Труда (МОТ) и Международной Организации Миграции (МОМ), а также подписано целый ряд двусторонних и многосторонних соглашений со странами СНГ, достаточно полноценно регулирующих эти вопросы.

В частности, одним из важных документов в области защиты прав трудовых мигрантов является подписанное Правительством Республики Таджикистан и Правительством Российской Федерации соглашение «О трудовой деятельности и защите прав граждан Республики Таджикистан в Российской Федерации и граждан Российской Федерации в Республике Таджикистан»¹⁴. Как было отмечено в преамбуле данного нормативного ак-

⁷ Эл. Ресурс <http://www.cisstat.org>. Республика Таджикистан. /2011/9;

⁸ Российская газета. 2011. 27 сент.

⁹ Там же.

¹⁰ Эл. Ресурс <http://www.fms.gov.ru/>2010/7;

¹¹ Эл. Ресурс <http://www.migration.tj/>2011/4;

¹² Эл. Ресурс <http://www.cbr.ru/>2010/5;

¹³ Конституция Республики Таджикистан (статья 24) от 6 ноября 1994г. Душанбе. Ирфон – 2009. – С.8.

¹⁴ Эл. Ресурс <http://www.cis.minsk.by/main> Республика Таджикистан. /2010/9;

та, стороны, руководствуясь взаимным стремлением к укреплению и развитию экономических связей между странами, рассматривают временную трудовую деятельность своих граждан как важную область таджикско-российского сотрудничества.

Как известно, в деле регулирования процессов миграции и эффективного использования трудовых ресурсов в республике также действует целый ряд законов и подзаконных актов, оптимально определяющих порядок въезда и выезда граждан, их трудоустройство за рубежом и меры по миграционному контролю. В частности, основные направления деятельности Правительства Республики Таджикистан в области миграции населения были четко прописаны в «Концепции государственной миграционной политики»¹⁵, носящей системный характер и охватывающей практически все аспекты внешней трудовой миграции. Другим важным нормативно-правовым актом, регулирующим отношения в области миграции населения, является закон Республики Таджикистан «О миграции»¹⁶, который является регулятором отношений в области миграции населения в республике, определяя правовые, экономические и социальные основы миграционных процессов, указывая такие основные понятия как «внешняя трудовая миграция», «трудоустроенный мигрант», «государства выезда и трудоустройства», «внутренняя миграция», «иммигрант», «иммиграция», «нелегальные иммигранты» и другие значимые положения.

Вместе с тем, сложившаяся миграционная обстановка в стране свидетельствует о еще недостаточной эффективности отдельных механизмов внедрения этих нормативно-правовых актов на практике, в частности, в работе государственных органов, занимающихся вопросами внешней трудовой миграции, что порой способствует формированию незаконной и криминальной миграции.

Переходя к анализу нынешней миграционной ситуации, полагаем, что развивающиеся миграционные процессы в республике следует классифицировать по следующим основаниям:

- по направлению миграционных потоков;
- по времени пребывания в миграции;
- по причине, вызвавшей миграцию;
- по форме участия в данном процессе.

Заметим, что происходящие миграционные процессы в Республике Таджикистан в основном развиваются в двух направлениях: внешняя (которая на сегодня преобладает и носит неорганизованный характер), и внутренняя миграция, которая происходит между селом и городом. По временному признаку миграция граждан в большинстве носит временный (сезонный) характер. Причиной миграции граждан в стране, как нами отмечено ранее, является недостаточно стабильная социально-экономическая ситуация.

Учитывая сложившуюся сегодня миграционную обстановку, можно констатировать, что миграция граждан республики имеет в основном вынужденный, временный и неорганизованный характер.

В свою очередь, анализируя действующие миграционные процессы, считаем возможным указать на отдельные направления по улучшению миграционной политики в Республике Таджикистан.

В области регулирования внешней трудовой миграции: обеспечение социально-экономических условий, сдерживающих миграцию населения за пределы страны, развитие внутреннего рынка труда, создание новых и сохранение имеющихся рабочих мест, развитие выгодных отраслей экономики (гидроэнергетика и туризм), оптимальное развитие частного сектора и существенное поощрение среднего и малого бизнеса. Правительству республики при управлении внешними миграционными процессами следует обратить особое внимание на такой важный вопрос как планирование и прогнозирование этих процессов, так как именно эти понятия являются значимыми элементами системы социального управления.

В области внутренней миграции: целесообразно интенсивное восстановление и развитие аграрного комплекса, расширение условий профессионального обучения молодежи с целью дальнейшего плодотворного вовлечения в экономику республики.

¹⁵ Концепция миграционной политики Республики Таджикистан от 22.06.1998г. №67. Вестник МО РТ от 28.06.1998г.

¹⁶ Закон «о миграции» Республики Таджикистан от 11.12.1999г. №881. Вестник МО РТ от 26.12.1999г.

В области регулирования незаконной трудовой миграции граждан за рубежом: предлагаем, не останавливаясь на достигнутых успехах (примером успешной деятельности в этом направлении может служить подписанное соглашение между МВД Республики Таджикистан и МВД Российской Федерации в борьбе с незаконным наркотрафиком¹⁷) усилить борьбу с криминальными проявлениями незаконной миграции и активно способствовать дальнейшему развитию международного сотрудничества между государствами в данном направлении.

Проведенное нами исследование позволяет сформулировать следующие выводы:

1. Миграционные процессы в Республике Таджикистан отражают все перипетии новейшей истории страны. Основным направлением миграции граждан является трудовая миграция, которая сегодня представляет собой стихийный характер и имеет разные формы, однако самой распространенной и масштабной является внешняя трудовая миграция граждан, которая носит в отдельных случаях незаконный характер.

2. На формирование миграционного поведения большинства трудовых мигрантов существенно влияют различные социально-экономические факторы такие как: низкая заработная плата, высокий уровень безработицы, возросшие темпы естественного прироста, высокая плотность расслоения населения и т.д.

3. Внешняя трудовая миграция граждан носит двойственный характер: с одной стороны, государство понимает, что миграция, особенно квалифицированных кадров, наносит ощутимый ущерб национальной экономике, а с другой стороны опасается, что сокращение эмиграции может вызвать резкое ухудшение экономической ситуации в стране.

4. Необходимо создание эффективных механизмов практического применения существующих нормативно-правовых актов в работе координирующих органов, регулирующих процессы миграции, что является оптимальным решением на пути искоренения незаконной внешней трудовой миграции граждан республики. Считаем, целесообразно, опираясь на международный опыт, особенно тех стран, которые в этом направлении достигли существенных успехов (в частности, Филиппины) разработать и внедрить действенный механизм реализации этих законов в рамках программного подхода, на базе имеющихся высоких технологий.

5. Незаконная трудовая миграция тесно взаимосвязана с криминалом. Именно, незаконные мигранты чаще всего пополняют криминальную среду, создают преступные вооруженные группировки и способствуют интернационализации организованной преступности. Считаем, что вновь преобразованной Миграционной службе при Правительстве Республики Таджикистана необходимо предпринять конкретные меры по предметному взаимодействию с соответствующими ведомствами других стран Содружества, особенно, с ФМС Российской Федерации. В частности, необходимо разработать действенный механизм осуществления обмена информацией о незаконной миграции и вести совместную деятельность по их противодействию.

Список литературы

1. Федченко А.П. Путешествие в Туркестан и Коканское ханство СПб., 1875.
2. Насуров П.А. Криминальные последствия незаконной миграции и меры их предупреждения (по материалам Республики Таджикистан): дис. ... канд. юрид. наук: защищена 11.12.2008; утв. 22.06.2008/ П.А. Насуров. М. 2008.
3. Губаева С. Населения Ферганской долины в конце XIX- и начала XX века. Ташкент: ФАН, 1991.
4. Миграция населения/Под общей ред. О. Д. Воробьевой. М., 2001. – Вып. 1: Теория и практика исследования.
5. Эл. Ресурс <http://www.cisstat.org>. Республика Таджикистан (дата обращения 1.10.2011.).
6. Махмадбеков М.Ш. Миграционные процессы: сущность, основные тенденции и их особенности в современном обществе (опыт Таджикистана): автореф. дис.... канд. полит. наук: защищена 25.08.2010; утв. 26.03.2011/ М.Ш. Махмадбеков. – Душанбе 2010.
7. Эл. Ресурс <http://www.cisstat.org/> Республика Таджикистан (дата обращения 1.10.2011.).
10. Эл. Ресурс <http://www.fms.gov.ru>. Статистика. Иностранцы граждане в Российской Федерации (дата обращения 6.10.2011.).

¹⁷ Российская газета. 2011. 23 сент.

11. Эл. Ресурс <http://www.migration.tj/> Статистика. Трудовая миграция граждан за 2011г. (дата обращения 6.10.2011.).
12. Эл. Ресурс <http://www.cbr.ru/> Денежные переводы (дата обращения 8.10.2011.).
13. Конституция Республики Таджикистан Душанбе. Ирфон- 2009.
14. Эл. Ресурс <http://www.cis.mibsk.bu/main>
15. Концепция государственной миграционной политики Республики Таджикистан от 22.06.1998г. №67. // Вестник МО РТ № 56 от 28.06. 1998г.
16. Закон «О миграции» Республики Таджикистан от 11.12.1999г. №881 // Вестник МО РТ №22 от 26.12.1999г.

MIGRATION PROCESSES IN THE REPUBLIC OF TAJIKISTAN: DEVELOPMENT AND OPTIMIZATION FEATURES

N.I. ARHIPTSEV
R.F. DZHOBIROV

Belgorod National Research University

e-mail: dzhobirov.rustam@mail.ru

This research is devoted to one of the most actual problems of the modern social life of the Republic Tajikistan. The authors pay special attention not only to the analyses of the causes, promoting the development of migration processes, lute also to the measures, which improve the migration situation dub to the forms of opposition of unseal migration.

Key words: singularity, analysis, formation, optimization, unemployment, compelled migration, regulations, illegal migration.

УДК – 343.98.630.93

ОСОБЕННОСТИ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ НЕЗАКОННОЙ РУБКИ ЛЕСНЫХ НАСАЖДЕНИЙ В КАЧЕСТВЕ ИНФОРМАЦИОННОЙ БАЗЫ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ

Н.И. ЕФИМОВА*Белгородский
государственный национальный
исследовательский университет**e-mail: natao2071986@yandex.ru*

В статье рассматривается понятие криминалистической характеристики преступлений, система элементов криминалистической характеристики, состоящей из общей и факультативной части, а также дается краткая характеристика структуры элементов криминалистической характеристики преступлений, предусмотренных ст. 260 УК РФ и их особенности.

Ключевые слова: криминалистическая характеристика преступления, незаконная рубка лесных насаждений, преступление, информационная база, предварительное расследование.

Не является секретом то обстоятельство, что преступники в достижении своих целей всегда использует способы и средства, которые обеспечивают получение замышленного результата и создают препятствия для последующего эффективного расследования преступления. Современная преступность постоянно мимикрирует, изменяя и совершенствуя свои способы и средства, чему в немалой степени способствует информатизация общества и динамика развития современных технологий.

В этой связи справедливо подмечено, что «состояние и условия борьбы с современной преступностью поставили перед криминалистикой ряд новых задач»¹. Наиболее существенны они в области криминалистической методике, так как именно здесь отмечается основное «отставание» научно-методических рекомендаций от потребностей практики. Это, прежде всего, отсутствие методик расследования новых или значительно видоизменившихся преступлений.

Одним из таких преступлений являются деяния, предусмотренные ст. 260 УК РФ – незаконная рубка лесных насаждений. Как и другие преступления экологического характера, они наносят непоправимый и невосполнимый ущерб окружающей среде и «легким» Земли в целом. На этом основании борьба с незаконными вырубками лесных насаждений является актуальной, в особенности для России, на территории которой сосредоточено больше 20% мировых запасов леса.

Одним из направлений данной борьбы является расследование преступлений, определенных уголовным законодательством РФ и привлечение виновных к судебной ответственности. Достижению этой цели служит соответствующая криминалистическая методика, важным составляющим элементом которой является криминалистическая характеристика преступлений, предусмотренных ст. 260 УК РФ.

В этой связи обобщение данных криминалистической характеристики преступлений данного вида является информационной базой для выдвижения версий на первоначальном этапе расследования, и как следствие построения новых криминалистических методик расследования преступлений, связанных с незаконной рубкой лесных насаждений.

Под криминалистической характеристикой преступления мы понимаем «систему сведений о криминалистически значимых признаках преступлений одного вида, отражающую закономерные связи между ними и являющуюся основой для расследования конкретных преступлений»². По своей сущности криминалистическая характеристика выступает в качестве криминалистической информационной модели для решения задач, возникающих в ходе досудебного производства по уголовному делу. Именно в ней «на статистическом уровне отражены корреляционные связи ее элементов»³.

¹ Бахин В.П. Криминалистическая характеристика преступлений как элемент расследования // Вестник криминалистики / Отв. ред. А.Г. Филиппов. М., 2000. – С.16.

² Колесниченко А.Н. Криминалистическая характеристика преступлений / А.Н. Колесниченко, В.Е. Коновалова. – Харьков, 1985. – С. 7-9.

³ Журавель В.А. О структуре частной криминалистической методики / Криминалистика и судебная экспертиза / В.А. Журавель. – Киев, 1995. – Вып. 47. – С. 63.

Для придания криминалистической характеристике преступления прикладного значения следует конкретизировать содержание ее компонентов, так как только они являются теми носителями типизированных фактических данных о признаках преступления, которые, будучи объединенными в систему и закономерно взаимосвязанными между собой, могут быть информационной базой для планирования, организации и проведения криминалистических операций в ходе досудебного производства.

Типовая криминалистическая характеристика, преступления, предусмотренного ст. 280 УК РФ, основывается на общих положениях родовой криминалистической характеристики преступлений, нарушающих охрану окружающей среды и видовой криминалистической характеристике преступлений, посягающих на объекты растительного мира. Однако из этого родового и видового многообразия характеристик в типовой криминалистической характеристике следует выделять лишь элементы, позволяющие проанализировать и охарактеризовать незаконную рубку лесных насаждений в целях отыскания таких закономерностей, познание и изучение которых можно будет эффективно использовать в процессе расследования и раскрытия преступления, а также для разработки отдельных положений методики расследования данного вида преступления.

На этом основании целесообразно элементы криминалистической характеристики преступлений, связанных с незаконной рубкой лесных насаждений, представить в качестве системы, состоящей из двух частей — обязательной и факультативной.

Под обязательными элементами мы понимаем элементы, которые являются необходимыми при расследовании и раскрытии любого преступления данного вида. Это — предмет преступного посягательства; исходная информация о преступлении; данные о месте и времени совершения преступления; способ совершения преступления; характеристика преступника и т.п.

К факультативным элементам следует отнести такие, которые отражают особенности и зависят от места, времени года, способа сокрытия преступления, личности преступника и т.п.

Таким образом, в соответствии с анализом материалов уголовных дел, структуру криминалистической характеристики преступлений, предусмотренных ст. 260 УК РФ, можно представить следующим образом, исходя из системы сведений о криминалистически значимых признаках данных преступлений, отражающих закономерные связи между ними:

- Непосредственный предмет преступления;
- Типичная исходная информация;
- Обстановка и обстоятельства преступления
- Способ приготовления, совершения и сокрытия преступления;
- Характеристика личности преступника;
- Мотив и цель совершенного преступления.

Для того, чтобы выразить прикладной аспект этих элементов в практике расследования незаконной рубки лесных насаждений предпримем попытку раскрыть особенности каждого компонента в отдельности, а затем дадим их оценку.

1. Предмет преступления, предусмотренный ст. 260 УК РФ.

В соответствии с действующим уголовным законодательством им являются лесные насаждения, деревья и кустарники, не отнесенные к лесным насаждениям.

Анализ уголовных дел свидетельствует о том, что незаконной рубке лесных насаждений, преимущественно, подвергаются следующие породы деревьев: ель, береза, осина, кедр, пихта, лиственница, ива, клен, сосна.

Тот же анализ свидетельствует, что это связано с распространенностью тех или иных пород деревьев в определенных географических условиях и соответствующими целями, которые определяют для себя преступники.

2. Типичная исходная информация о совершенном преступлении является, по нашему мнению, универсальным элементом типовой криминалистической характеристики преступлений, так как ее данные обеспечивают необходимыми сведениями расследование, буквально в первые часы установления факта, свидетельствующего о совершении преступления, предусмотренного ст. 260 УК РФ.

Определение источников получения исходной информации основывается на специфике данного преступления, которая заключается в высокой его латентности. По

оценкам специалистов, она превышает 90%, что наносит невосполнимый ущерб природным ресурсам страны, ее экономической и экологической безопасности⁴ и, в значительной степени затрудняет расследования.

Исходную информацию следователь получает, обычно, от лесников или иных сотрудников лесхоза (90%) в результате обнаружения ими признаков рассматриваемого преступления; либо от граждан (10%), обнаруживших эти признаки.

Основываясь на исходной информации мы можем преступить к характеристике обстановки совершения преступления и следовой картины преступления.

3. Применительно к развитию этапов преступной деятельности лиц, причастных к незаконной рубке лесных насаждений, в обстановке совершения преступления следует выделить три самостоятельных и в то же время взаимосвязанных структурных элемента: обстановку, предшествующую совершению преступления, обстановку совершения преступления, обстановку, сложившуюся после совершения преступления.

3.1. Анализ материалов уголовных дел свидетельствует, что обстановка, предшествующая незаконной рубке лесных насаждений, характеризуется: поиском соучастников и вступлением с ними в предварительный сговор; введением в заблуждение лиц исполнителей преступления, с целью дальнейшего использования их труда в достижении преступных целей; подготовкой транспортных средств, орудий совершения преступления и вспомогательных предметов (цепь, стартер и др.); подготовкой мест хранения и последующего сбыта незаконно срубленной древесины; выбор места и времени совершения преступления; выбор и согласование количества стволов и породы деревьев, подлежащих вырубке.

3.2. В основе структуры обстановки совершения незаконной рубки лесных насаждений лежат материальные отображения на месте преступления (внешняя обстановка, материальные следы и т.п.) и вместе с ними следы поведения «участников события, различные обстоятельства, способствующие или препятствующие действиям этих участников, хронологическая характеристика события, психологические отношения между участниками»⁵.

Структурные элементы обстановки совершения преступления характеризуют внешнюю среду, в которой действуют преступники, меньшая их часть отражает особенности непрямых участников преступления.

Говоря о временном периоде совершения преступления, то необходимо отметить, что, как свидетельствует практика, большинство преступлений совершается в утреннее и дневное время – 80%. Достаточно редкие случаи, когда незаконная рубка леса совершалась в вечерний или ночной период времени – всего 20%.

Таким образом, можно сделать вывод, что удобным временем совершения преступления являются утренние часы, когда достаточно хорошо видно лесосеку, что удобно для работы, есть временная возможность транспортировать стволы в укрытие (передать заказчику в «дальнюю» транспортировку), скрыть следы преступления и скрыться самому.

Анализируя практику уголовных дел, мы пришли к выводу, что незаконная рубка лесных насаждений имеет сезонный характер. Так, наибольшее количество преступлений было совершено в осенне-зимний период, а именно с октября по февраль – 70%, с марта по сентябрь – 30%. Сезонность данного преступления в большей степени объясняется ростом, так называемых, бытовых заготовок, когда возрастает потребность населения в древесине для целей отапливания жилищ и хозяйственных построек.

3.3. Как свидетельствует анализ материалов уголовных дел, свыше 95% случаев незаконной рубки лесных насаждений совершалось в благоприятной для преступника обстановке. Благоприятными выступают такие обстоятельства, когда лесной участок является доступным из-за близости нахождения населенного пункта, куда следует транспортировать заготовленный лес и отсутствует оперативный контроль со стороны органов лесхоза и милиции.

Системный анализ обстановки преступлений, предусмотренных ст. 260 УК РФ может свидетельствовать о следующем. Дела этой категории отличаются небогатой следовой картиной на месте происшествия. Обычно, типичными следами, свидетельствующими о месте преступления выступают: во-первых пни, имеющие индивидуальную маркировку и совпадающие по размерным характеристикам со стволами, срубленными незаконно; во-вторых, сучья и вершины незаконно срубленных деревьев, а также поваленные в результате рубки соседние деревья; в третьих, следы транспортных средств (трактора, грузовых автомобилей,

⁴ Криминология: Учебник для вузов / Под ред. А.И. Долговой. М., 2002. С. 580.

⁵ Белкин Р.С. Собираение, исследование и оценка доказательств. Сущность и методы / Р.С. Белкин. – М.: Наука, 1966. – С. 139.

гужевых повозок и пр.), следы волочения незаконно срубленной древесины; в четвертых, следы «активного» пребывания людей на одном месте: окурки, перчатки, цепи, следы пищи и пр.

4. Важнейшим элементом типовой криминалистической характеристики, рассматриваемых преступлений, являются типичные способы совершения преступлений. Данные свидетельствуют, что в 75% случаев (анализ материалов уголовных дел) преступники активно готовились к совершению преступления. Обычно они делали это посредством подбора его соучастников, выбирали орудия преступления (бензопилы, топоры, двуручные пилы, другие необходимые средства), проверяли техническую готовность транспортных средств, активно осуществляли поиск и подготовку мест для хранения незаконно вырубленного леса и налаживали каналы сбыта.

Наряду с подготовкой следующим элементом способа совершения преступления является, собственно, типичный способ его совершения.

Диспозиция ст. 260 УК РФ определяет два способа совершения преступления: незаконная рубка и незаконное повреждение до степени прекращения роста лесных насаждений.

Практика расследований свидетельствует, что практически 92,9% данных преступлений совершено посредством незаконной рубки, в частности спиливанием с использованием в качестве орудия преступления бензопилы. Вместе с тем отмечаются и такие орудия преступления как незаконная рубка лесных насаждений с использованием в качестве орудия преступления топора, двуручной пилы – 1,2%, повреждение до степени прекращения роста, в результате наезда автотранспортом – 0,9%, использования ножовки – 1,2%.

Под сокрытием преступления в криминалистике понимается активная (действие) или пассивная (бездействие) форма противодействия расследованию преступлений. Данные преступления скрываются посредством утаивания (11,3%), уничтожения, маскировки (28,5%) или фальсификации (11,7%) его следов, а также следов преступника и их носителей.

Необходимо отметить, что наиболее характерным способом сокрытия преступления по ст. 260 УК РФ, является маскировка пней спиленных деревьев посредством сокрытия пня под мхом или иной лесной растительностью (28,5%).

5. В криминалистике давно выведена закономерность, что характер и вид совершенного преступления находятся в тесной связи с его субъектом⁶. Об этом можно судить по оставленным следам, наличие которых – закономерное явление. Кроме того, субъект преступления является самостоятельным и важным отражаемым объектом в процессе возникновения доказательств⁷, важным источником информации в криминалистической оценке преступления.

В соответствии с проведенным анализом практики расследования уголовных дел, мы классифицировали личность субъекта посягающего на предмет, предусмотренный ст. 260 УК РФ в зависимости от цели совершения преступления: личность, совершающая преступление в бытовых целях; личность, совершающая преступление в корыстных целях.

Необходимость данной классификации мы видим во взаимосвязи с другими элементами типовой криминалистической характеристики преступлений и ее прикладным аспектом в методике предварительного расследования данных преступлений.

Подавляющее большинство рассматриваемых преступлений, совершается в бытовых целях и мужчинами (96%). Однако, анализом было выявлено два факта совершения незаконной рубки лесных насаждений женщинами.

Преступники, осуществлявшие незаконную рубку лесных насаждений в личных целях, имели достаточно широкий возрастной диапазон (18 – 55 лет); не имели постоянного места работы (имели неполную занятость) что, как следствие, являлось причиной низкого материального дохода. Анализ уголовных дел показал, что мужчины, имеющие на иждивении семью, чаще совершали незаконную рубку леса для бытовых (личные нужды, для продажи) целей.

Из числа лиц, привлеченных к уголовной ответственности по ст. 260 УК РФ, 67,2% после окончания обучения в средней школе и до совершения преступления не имели постоянной работы, 32,5% лиц пенсионного и предпенсионного возраста, в большинстве случаев, также не имели постоянного места работы, либо имели временные низкие заработки.

Таким образом, большая часть привлеченных к ответственности за незаконную рубку лесных насаждений были безработными или работающими по найму.

⁶ Кудрявцев В.Н. Причины правонарушения / В.Н. Кудрявцев. – М.: Наука, 1976. – С. 208.

⁷ Белкин Р.С. Криминалистика. Общетеоретические проблемы / Р.С. Белкин, А.И. Винберг. – М.: Юрид. лит. 1973. – С. 24.

Отметим, что практически 85% лиц, совершивших незаконную рубку лесных насаждений ранее преступлений не совершали.

Личностная характеристика лиц, совершающих преступление в корыстных целях и привлекаемых к уголовной ответственности, выглядит следующим образом: мужчины (практически) – 100%, в целях наживы, преимущественно зрелого возраста – 63%.

6. Выяснение мотивов и целей совершения незаконной рубки лесных насаждений более характерно для уголовно-правовой характеристики преступления. Однако, на наш взгляд, этот элемент криминалистической характеристики способствует и выдвиганию версий первоначального этапа расследования, когда находится в связи с другими элементами рассматриваемой криминалистической категории.

Анализ материалов уголовных дел свидетельствует, что доминирующим для данной категории преступлений является корыстный мотив, проявляющийся в следующих целях: получении материального обогащения (65,5%), заготовки дров для отопления жилищ (21,3%), в целях сооружения хозяйственных построек: заборов, ограждений для скота и пр. (6,2%), строительство домов, бань, сараев (7%).

Приведенная типовая криминалистическая характеристика основывается на дедуктивных (аналитико-статичных) связях, т.е.: а) однозначных связях, обусловленных содержанием и формулировкой диспозиции ст. 260 УК РФ; и б) причинно-следственных связях (способа совершения преступления, его механизма и т.д.), а также некоторых видимых индуктивных (статистических) связях (время, место совершения преступления, данные, характеризующие личность преступника, и пр.)⁸.

Однако такой характеристики связей недостаточно, чтобы типовая криминалистическая характеристика преступлений выполняла в процессе уголовного судопроизводства функции «рабочего инструмента» расследования.

Полагаем, что она как единое целое имеет практическое значение в тех случаях, когда установлены корреляционные связи и зависимости между ее компонентами и когда эти связи носят закономерный характер и выражены в различных количественных показателях. В этом случае данные об этих зависимостях могут выполнять указанную выше функцию – служить основанием для построения типичных версий по конкретному расследуемому уголовному делу⁹.

Какие же корреляционные связи и зависимости усматриваются в шести приведенных выше компонентах типовой криминалистической характеристики преступлений, предусмотренных ст. 260 УК РФ?

Анализ содержания этих компонентов свидетельствует о следующем. Характер исходной информации имеет однозначную связь с фактом совершенного преступления, т.е. однозначно указывает на нарушение конкретным преступником или группой лиц законодательного установленного порядка отпуска древесины для заготовки и совершение им незаконной рубки лесных насаждений. Исходная информация служит отправной точкой для всего дальнейшего хода расследования дела, поскольку позволяет следователю уже на первоначальном этапе представить определенную картину совершенного преступления.

Предмет преступного посягательства имеет важное материальное значение. Поскольку, если заготавливаются дорогостоящие породы деревьев, то данное обстоятельство в совокупности с полученной исходной информацией будет служить основанием для выдвигания версии о подготовке продажи данной древесины и, следовательно, в корыстных целях. Кроме того, в каждом отдельном случае объем незаконно срубленной древесины имеет материальную оценку, которая выражается в ущербе наносимом лесному хозяйству, государству и экологической безопасности региона и государства в целом.

Способ и обстановка преступления как компоненты типовой криминалистической характеристики преступлений, связанные с незаконной рубкой лесных насаждений, имеют сложную структуру и с учетом выраженных в их содержании количественных данных основываются на вероятностно-статистических связях. Так, способ преступления основан на активной подготовке преступника к незаконной рубке лесных насаждений, вы-

⁸ Баев О.Я. О видах связей элементов криминалистической характеристики преступлений и проблемах их установлений / О.Я. Баев // Уголовно-процессуальные и криминалистические чтения на Алтае. Вып. 1. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2001. – С. 14–18.

⁹ Комаров И.М. Основы методики расследования краж, связанных с незаконным проникновением в жилище (первоначальный этап расследования) / И.М. Комаров. – Барнаул: Изд-во Барнаул. юрид. ин-та МВД РФ, 2000. – С. 13.

ражающееся в подборе соучастников, орудия преступления, места и времени совершения преступления. Способ совершения преступления позволяет предполагать нам мотив и цель совершения преступления, которые в свою очередь, раскрывают нам отдельные стороны личности преступника.

Обстановка преступления первоначально характеризуется приготовлением средств, которые способны облегчить реализацию умысла на незаконную рубку лесных насаждений (вступление в преступный сговор, поиск подходящего транспортного средства, орудий преступления и пр.), затем их использованием в процессе совершения преступления.

Сведения о цели и мотиве рассматриваемой группы преступлений в качестве компонента типовой криминалистической характеристики преступлений, так же как способ и обстановка преступлений, основываются, соответственно, на вероятностно-статистических связях и связях вероятностных, т.е. без статистического показателя (отсутствие доминирующего мотива относительно других мотивов). Однако, типичным для данной категории дел является корыстный мотив, проявляющийся в различных потребительских целях. Основываясь на мотиве и цели совершения преступления, мы можем проследить их взаимосвязь с субъектом преступления. Так, имея исходную информацию о достаточно большом количестве незаконно срубленных лесных насаждений, способе (типичным будет являться незаконная рубка посредством спиливания с использованием в качестве орудия совершения преступления — бензопилы), обстановке (которая будет выражаться в следах, оставленных на месте совершения преступления, а именно пеньках, количестве которых будет соответствовать количеству незаконно срубленных деревьев, наличии порубочных остатков, следов транспортного средства т.п.) следователь может прийти к выводу о совершении данного преступления определенным лицом с корыстной целью.

На основании проведенных рассуждений закономерен вывод о том, что криминалистическая характеристика незаконной рубки лесных насаждений служит информационной базой предварительного расследования, и дает следователю возможность приступить к выдвижению соответствующих типичных следственных версий.

Список литературы

1. Бахин В.П. Криминалистическая характеристика преступлений как элемент расследования // Вестник криминалистики / Отв. ред. А.Г. Филиппов. М., 2000. – С.16.
2. Колесниченко, А.Н. Криминалистическая характеристика преступлений / А.Н. Колесниченко, В.Е. Коновалова. – Харьков, 1985. – С. 7-9.
3. Журавель В.А. О структуре частной криминалистической методики / Криминалистика и судебная экспертиза / В.А. Журавель. – Киев, 1995. – Вып. 47. – С. 63.
4. Криминология: Учебник для вузов / Под ред. А.И. Долговой. М., 2002. С. 580.
5. Белкин Р.С. Собрание, исследование и оценка доказательств. Сущность и методы / Р.С. Белкин. – М.: Наука, 1966. – С. 139.
6. Кудрявцев В.Н. Причины правонарушения / В.Н. Кудрявцев. – М.: Наука, 1976. – С. 208.
7. Белкин Р.С. Криминалистика. Общетеоретические проблемы / Р.С. Белкин, А.И. Винберг. – М.: Юрид. лит. 1973. – С. 24.
8. Баев О.Я. О видах связей элементов криминалистической характеристики преступлений и проблемах их установлений / О.Я. Баев // Уголовно-процессуальные и криминалистические чтения на Алтае. Вып. 1. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2001. – С. 14–18.
9. Комаров И.М. Основы методики расследования краж, связанных с незаконным проникновением в жилище (первоначальный этап расследования) / И.М. Комаров. – Барнаул: Изд-во Барнаул. юрид. ин-та МВД РФ, 2000. – С. 13.

FEATURES OF THE CRIMINALITY'S CHARACTERISTICS IN ILLEGAL CABIN OF WOOD PLANTINGS AS BASE OF INFORMATION OF THE PRELIMINARY INVESTIGATION

N.I. YEFIMOVA

*Belgorod national
research university*

e-mail: natao2071986@yandex.ru

In this article are considered the concept of the criminalistic characteristics of the crimes, the system of elements of the criminalistic characteristic which consisting of the general and facultative part. The paper gives the short characteristic of structure and elements of the criminalistic characteristic provided by the item 260 of the Criminal Code of the Russian Federation.

Key words: criminalistic characteristic, illegal cabin of the wood plantings, crime, information base, preliminary investigation.

УДК 343.985

ОСОБЕННОСТИ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ НЕЗАКОННОЙ РУБКИ ЛЕСНЫХ НАСАЖДЕНИЙ В КАЧЕСТВЕ ИНФОРМАЦИОННОЙ БАЗЫ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ

И.Н. КИСЛИЦИНА

*Белгородский
государственный
национальный
исследовательский у
ниверситет*

e-mail: irinakislitsina@rambler.ru

В статье рассматривается понятие криминалистической характеристики преступлений, система элементов криминалистической характеристики, состоящей из общей и факультативной части, а также дается краткая характеристика структуры элементов криминалистической характеристики преступлений, предусмотренных ст. 260 УК РФ и их особенности.

Ключевые слова: справочная и консультационная деятельность; планирование; участие специалиста в выдвижении версий; участие в допросе; назначение экспертиз; образцы; криминалистические учёты.

В истоках любого расследования лежит планирование, в основе которого всегда находится система следственных версий. Субъектом планирования расследования преступления является следователь, на нем лежит обязанность выдвижения версий, а также их проверка. Однако на этапе выдвижения версий помощь специалиста-криминалиста в этом процессе может быть существенной. Основанием к этому следует считать более глубокие профессиональные специальные знания специалиста о материальных следах преступления, более точной оценки того или иного следа или совокупности следов. Участие специалиста-криминалиста в построении следственных версий включает:

- анализ условий, места, обстоятельств и механизма образования следов;
- учёт времени, прошедшего с момента образования следов до их обнаружения, исследования; степень сохранности, факторы, обуславливающие их изменение;
- анализ соблюдения приёмов, методов и средств обнаружения, фиксации, изъятия и исследования следов;
- негативные обстоятельства, относящиеся к материальной обстановке места происшествия (как отсутствие, так и наличие, следов или предметов, противоречащих этой обстановке)¹;
- степень полноты, достоверности полученной при предварительном исследовании следов информации, объективности ее получения, уровень поисковой, идентификационной значимости информации.
- консультирование следователя относительно вероятности появления тех или иных следов на месте преступления.

Участвуя в выдвижении следственных версий специалист-криминалист должен:

- а) правильно пользоваться юридическими понятиями, точно определять признаки и свойства установленных им объектов, явления и процессов, не допускать смешения и подмены понятий, правильно пользоваться логическими правилами их делений;
- б) строго соблюдать законы логического мышления, в особенности активно использовать мышление по аналогии²;
- в) в соответствии с правилами, определенным в пункте а) и б) точно выражать свое мнение в системе суждений и умозаключения, с тем, чтобы следователь точно формулировал соответствующие решения.

Стадия предварительного расследования преступлений основана на собирании доказательств посредством проведения следственных действий, определенных действующим Уголовно-процессуальным кодексом РФ. В современных условиях состязательного процесса достаточно трудно представить следователя, который, подготавливая след-

¹ Хмыров А.А. Теоретические основы и практика использования косвенных доказательств в уголовных делах. Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. 1980. – С. 30.

² Шмонин А.В. Методология криминалистической методики. – М.: Юрлитинформ. 2010. – С. 248.

ственное действие, не прибегает к той или иной форме консультации (получения справки) со специалистом-криминалистом. Формы консультаций могут быть различными, и мы уже обращали на это внимание в предыдущих статьях, связанными преимущественно с задачами и целями планируемого следственного действия. На этом основании мы считаем, что справочная и консультационная деятельность специалиста-криминалиста в расследовании преступлений является важнейшим фактором, определяющим успех следственного действия в стадии предварительного расследования.

Рассмотрим этот тезис детально, не умоляя значения деятельности данного вида для решения других задач предварительного расследования.

Консультирование специалистом-криминалистом следователя при подготовке последним следственного действия может быть основано на производстве следственного действия самостоятельно следователем (без участия специалиста-криминалиста), а также на их последующем взаимодействии при его производстве (с привлечением специалиста-криминалиста в качестве участника следственного действия).

Это две различных ситуации расследования и две различных формы консультирования следователя.

Рассмотрим консультирование специалистом-криминалистом следователя при подготовке им следственного действия без последующего планируемого участия специалиста-криминалиста в данном следственном действии.

По свидетельству практики расследования к таким следственным действиям обычно относятся допросы и назначение экспертиз.

При подготовке к допросу наиболее распространенным и практически удобным видом подготовительных действий следователя для получения консультации у специалиста-криминалиста является их совместная беседа. На это обращает внимание и В.Д. Зеленский, отмечая, что именно беседа в этой ситуации подготовки следственного действия «...одно из условий его качества и эффективности»³.

Перед допросом следователь обычно обращается к специалистам за уточнением содержания сообщаемой информации. Оно необходимо для индивидуализации признаков о сообщаемых похищенных объектах, пояснения особенностей тех процессов и механизма действий, о которых сообщает допрашиваемый. Это представляется весьма важным потому, что любой допрос по делу должен быть построен на продуманной и правильно выдержанной системе вопросов, так как причиной низкого качества допросов может быть неумение следователя сформулировать вопрос должным образом, поставить его в такой форме, чтобы он был ясен допрашиваемому, недвусмыслен, точен и правилен по своей структуре.

В данной связи верно замечание С.В. Корнаковой: «Ошибочная постановка вопроса затрудняет, а порой и исключает получение ответа, поэтому представляется необходимым рассмотрение условий правильной постановки вопроса»⁴, а эти условия относительно предмета настоящего исследования лучше знает специалист-криминалист.

С его помощью при подготовке к следственному действию «следователь сумеет выбрать наиболее правильную тактику проведения следственного действия, составить план, сформулировать вопросы, установить их последовательность»⁵.

Кроме того, важным является получение консультации по вопросам предъявления вещественных доказательств и документов, изъятых в процессе осмотра места происшествия, обыска, выемки. Причем консультации обычно требуются не по порядку предъявления того или иного вещественного доказательства (документа), а его квалифицированного сопровождения понятными объяснениями, по сути, и последствиям содержащейся в них криминалистически значимой информации для предварительного расследования и допрашиваемого лица (для этого целесообразно провести еще и качественный осмотр вещественных доказательств с участием специалиста-криминалиста, как это,

³ Зеленский В.Д. Организация расследования преступлений. Криминалистические аспекты. – Ростов н/Д: Издательство Ростовского университета. 1989. – С. 131.

⁴ Корнакова С.В. Уголовно-процессуальное доказывание: гносеологические и логические проблемы. – М.: Юрлитинформ. 2010. – С. 83.

⁵ Махов В.Н. Участие специалистов в следственных действиях. Москва, 1975. – С. 41–42.

например, рекомендовано А.И. Дворкиным⁶). Кроме того, следователи консультируются по форме и содержанию вопросов к допрашиваемому лицу относительно получения необходимых пояснений по предъявленному вещественному доказательству или документу.

Консультирование у специалиста-криминалиста по проблемам планирования следователем тактического приема, связанного с использованием вещественных доказательств путем их предъявления допрашиваемому, часто включает вопросы выбора наиболее целесообразных условий, в которых будет осуществляться предъявление вещественных доказательств, выделение их признаков и свойств для обращения внимания допрашиваемого, правильное формулирование вопросов и т.п.

Также в числе вопросов консультационного порядка является оценка специалистом-криминалистом того или иного вещественного доказательства (документа)⁷. В процессе допроса эта характеристика вещественного доказательства (документа) во многом обеспечивает эффективность проведения отдельных тактических приемов, которые повышают эффективность допроса, так как специалист «обладая более углубленными, чем следователь знаниями в области криминалистической техники и навыками в работе с вещественными доказательствами, не только помогает следователю посредством исследований, не влияющих на состояние вещественных доказательств, обнаружить и точно зафиксировать характерные особенности осматриваемого предмета, но иногда может дать объяснение причин их возникновения»⁸. На этой базе достаточно часто оптимальным является проведение следователем такого тактического приема как – создание у допрашиваемого преувеличенного представления об информированности следователя об обстоятельствах происшедшего события или его отдельных обстоятельствах.

Технико-криминалистическое сопровождение допроса также является актуальным вопросом консультирования специалистом-криминалистом следователя, что относится преимущественно к, так называемым, разрешающим уголовно-процессуальным нормам, которые «содержат предписания о принципиальной допустимости применения технических средств»⁹. Обычное консультирование проводится с учетом особенностей помещения, где предполагается проведение допроса, а также «выборе тактических приемов допроса»¹⁰, оптимальных относительно свойств личности допрашиваемого лица.

Как бы подводя итог изложенному нами, П.П. Ищенко в этой связи отмечает, что, участвуя на консультационной основе в подготовке допроса, специалист-криминалист содействует следователю в фиксации доказательств, помогает ему: лучше понять допрашиваемого, установить способ преступных действий, пресечь ложные показания, касающиеся специальных вопросов, зафиксировать с помощью технических средств ход и результаты допроса¹¹.

Консультирование специалистом-криминалистом следователя при подготовке им следственного действия без последующего планируемого его участия в данном следственном действии достаточно часто, кроме допросов, осуществляется и при назначении судебных экспертиз.

В соответствии со ст. 195 УПК РФ следователь имеет право назначить судебную экспертизу по уголовному делу, находящемуся у него в производстве. Для этого он должен вынести постановление и приложить к нему необходимые материалы и объекты экспертного исследования. Процедура с точки зрения ее процессуального сопровождения кажется не сложной. Ее алгоритм приведен Л.А. Соя-Серко и состоит из пяти основных позиций: сбор

⁶ Дворкин А.И. Осмотр и предварительное исследование, и экспертиза вещественных доказательств – микрочастиц. Москва, 1980. – С. 44–45.

⁷ См., Корухов Ю.Г. Криминалистическая диагностика при расследовании преступлений. Научно-практическое пособие. – М.: Издательская группа НОРМА – ИНФРА М, 1998; Дубровин С.В. Методологические аспекты криминалистической диагностики: Монография. – М.: ЮНИТИ-ДАНА. Закон и право. 2002.

⁸ Николайчик В.М. Следственный осмотр вещественных доказательств. Москва, 1968. – С. 19.

⁹ Семенцов В.А., Гладышева О.В., Репкин М.С. Следственные действия и розыскные меры в стадии предварительного расследования. – М.: Юрлитинформ. 2010. – С. 68.

¹⁰ Руководство для следователей (издание второе, переработанное). Часть первая. Отв. ред. В.В. Найденев и П.А. Олейник. Москва. «Юридическая литература». 1981. – С. 105.

¹¹ Ищенко П.П. Специалист в следственных действиях. М., 1990. – С. 39–40.

необходимых материалов; определение конкретных вопросов; выбор эксперта; вынесение постановления, ознакомление с ним эксперта¹². На самом деле это так, если следовать только процессуальной норме. Однако в практике расследования возникает достаточно вопросов, которые на стадии подготовки назначения экспертизы должен решить следователь с тем, чтобы постановление и материалы не были ему возвращены экспертом для исполнения их неполноты и сама экспертиза, по качеству соответствовала цели назначения.

В таких ситуациях расследования следователь особенно остро нуждается в совете и консультации специалиста, о чем пишут и сами следователи¹³. Лучше, если это будет специалист-криминалист, который уже знаком с объектами, подлежащими направлению на экспертизу, то есть он участвовал в осмотре места происшествия, обыске, освидетельствовании и прочих следственных действиях, где эти объекты были изъяты.

Какие же советы и консультации может дать специалист-криминалист следователю в подготовительной части назначения судебной экспертизы¹⁴?

Начнем с того, что перед назначением экспертизы следователю желательно выслушать мнение специалиста-криминалиста о пригодности объекта к экспертному исследованию (например, следов пальцев рук). Это мнение может быть основано на сведениях, полученных из непосредственного участия специалиста-криминалиста в осмотре соответствующего места происшествия, осмотра объекта совместно со следователем с последующим составлением протокола, беседы со следователем и других источников. Данное действие необходимо потому, что назначение экспертизы по непригодному для экспертного исследования объекту будет затягивать производство по делу, как правильно указывает Е.Р. Россинская¹⁵.

Кроме того, немаловажным является консультация специалиста-криминалиста о наличии соответствующей экспертной методики для исследования объекта по конкретным вопросам. Назначение экспертизы при ее отсутствии или недостаточной разработанности также будет затягивать предварительное расследование.

Постановление о назначении экспертизы – процессуальный документ, который составляет следователь. В его содержании и отражаются все консультации следователя со специалистом-криминалистом и советы последнего следователю.

В его описательной части, традиционно, следователь отражает содержание факты расследуемого преступления и, в этой связи, обстоятельства обнаружения и изъятия объекта, представляемого на экспертизу.

С учетом особенностей его экспертного исследования, о которых специалист-криминалист всегда больше информирован, нежели следователь, он может рекомендовать более детально изложить обстоятельства и условия обнаружения объекта (следа), его состояние и особенности перед упаковкой, а также сам процесс упаковки¹⁶. Эта информация даст эксперту сведения первоначального характера, обратит его внимание на криминалистическую правильность собирания (обнаружение, фиксацию, изъятие) объекта (следа), отсутствие ошибок при использовании технико-криминалистических средств и методов обнаружения, фиксации и изъятия следов, особенно микрообъектов. Впоследствии это сможет объяснить ему некоторые признаки и свойства объекта исследования. Можно рекомендовать следователю приобщить к постановлению копию протокола (его фрагмента) с описанием обстоятельств обнаружения объекта, представляемого на экспертизу, протокола допроса

¹² Соя-Серко Л.А. Организация следственного действия. Москва, 1974. – С. 33.

¹³ Жашуев Р.А. Использование специальных знаний в раскрытии и расследовании преступлений // Теория и практика использования специальных знаний в раскрытии и расследовании преступлений (к 90-летию со дня рождения профессора И.М. Лузгина и к 80-летию со дня рождения профессора Е.И. Зуева): Сб. матер. 50-х Криминалистических чтений: в 2-х ч. – М.: Академия управления МВД России, 2009. – С. 54–57.

¹⁴ Наши рекомендации являются унифицированными для практически всех объектов, которые могут нуждаться в традиционном криминалистическом экспертном исследовании по уголовному делу о кражах. Практика свидетельствует, что таких объектом может быть достаточно много и связаны они со следами последствиями совершения данных преступлений (следы отпечатков пальцев рук, низа обуви, следы орудий взлома и орудий, используемых для совершения краж, следы преступления и преступника на запирающих устройствах Ипр.).

¹⁵ Россинская Е.Р. Теория судебной экспертизы: учебник / Е.Р. Россинская, Е.И. Галяшина, А.М. Зинин; под ред. Е.Р. Россинской. – М.: Норма, 2009. – С. 328.

¹⁶ Еникеев М.Н., Образцов В.А., Эминов В.Е. Следственные действия: тактика, технология: учеб. пособие. – М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2008. – С. 26.

(фрагмента протокола) лица, у которого объект был изъят (который его выдал следователю) об особенностях хранения, транспортировки объекта и прочей важной информации связанной с ним. Данные сведения, безусловно, являются важными для эксперта.

Следователю может понадобиться консультация (совет) о том, как правильно и точно следует мотивировать необходимость назначения судебной экспертизы, так как традиционная для данных процессуальных документов мотивировочная фраза о том, что назначение экспертизы «... имеет существенное значение для установления истины по уголовному делу...» ничего о целях следователя эксперту не говорит.

Однако наиболее активно следователь использует знания специалиста-криминалиста в процессе подготовки резолютивной части постановления для назначения судебной экспертизы.

Это, в первую очередь, связано с необходимостью грамотного формулирования вопросов.

Правила, обращенные к формулированию вопросов, давно выведены криминалисткой: 1) они должны вытекать из конкретных обстоятельств дела; 2) должны быть поставлены с учетом возможностей современной науки, положениями которой пользуется эксперт; не должны выходить за пределы научной компетенции эксперта; 3) не должны требовать правовой оценки исследуемых фактов; 4) должны быть определенными, конкретными, ясно и правильно сформулированными, не носить наводящий характер; 5) располагаться в определенной логической последовательности¹⁷.

Совет и консультации в этом аспекте следователю могут быть выражены в следующем.

Во-первых, специалист-криминалист, в зависимости от предмета исследования, зачастую, более точно, чем следователь определит род или вид назначаемой экспертизы. Является ли она диагностической или идентификационной, механоскопической, гомеоскопической или механогомеоскопической, что существенно для формулирования вопросов.

Во-вторых, специалист-криминалист, в силу профессиональной подготовки, обсуждая со следователем предмет экспертизы, способен более четко уяснить суть обстоятельства, подлежащего установлению экспертом. Он лучше, чем следователь знаком с научными возможностями и методиками, которые при этом могут быть использованы экспертом, а также компетентностью экспертов, которым может быть поручено производство судебной экспертизы.

Об этом хорошо пишет Е.Р. Россинская: «Специалист может помочь определить род и вид судебной экспертизы, что непосредственно связано с выбором экспертного учреждения или кандидатуры эксперта, определением его компетентности в решении поставленных вопросов»¹⁸.

И, наконец, с учетом этих обстоятельств, специалист-криминалист более чем следователь подготовлен в научном, логическом и грамматическом отношении к формулированию вопросов, выносимых на разрешение экспертом.

Однако помощь специалиста-криминалиста при подготовке назначения экспертизы не ограничивается только вышеприведенными эпизодами дачи следователю советов и его консультирования.

Специалист-криминалист всегда более компетентен, чем следователь в вопросах кому наиболее целесообразно поручить выполнение экспертизы с учетом возможностей судебно-экспертного учреждения, а также квалификации их сотрудников. Последняя часть вышеприведенного тезиса Е.Р. Россинской здесь актуальна тем, что специалист-криминалист всегда более информирован, в силу своего должностного положения, чем следователь, в компетенции эксперта и компетентности конкретного эксперта, а это один из определяющих факторов успеха судебно-экспертного исследования объекта.

Поэтому данное обстоятельство также обязательно должно быть отражено в резолютивной (постановочной) части постановления следователя о назначении судебной экспертизы, так как «успех назначения экспертизы, научная обоснованность и объективность ее заключения в значительной мере зависит от правильного выбора эксперта (экспертов)»¹⁹.

¹⁷ Криминалистика. «Юридическая литература», М., 1968. – С. 442.

¹⁸ Россинская Е.Р. Теория судебной экспертизы: учебник / Е.Р. Россинская, Е.И. Галяшина, А.М. Зинин; под ред. Е.Р. Россинской. – М.: Норма, 2009. – С. 328.

¹⁹ Иванов В.П., Штейнгауз М.С. Назначение экспертизы следователем и судом. Минск, 1975. – С. 126.

Кроме того, осуществляя свою справочную и консультационную деятельность при подготовке назначения следователем судебной экспертизы, специалист может указать на иные ошибки в постановлении о назначении экспертизы, когда на разрешение эксперта ставятся вопросы, выходящие за пределы его компетентности, или когда для ответов на вопросы не требуется специальных знаний.

Другая ситуация может возникнуть в обстоятельствах наличия недостаточной разработанности экспертных методик для более глубокого исследования объекта. Специалист-криминалист может проконсультировать следователя о том, что могут дать расследованию «устоявшиеся», проверенные методики исследования вещественных доказательств, приобщенных к уголовным делам и каково будет доказательственное значение результатов экспертизы объекта на основе их применения.

Наконец, советы и консультирование специалиста-криминалиста необходимо и эффективно при назначении исследований объектов по новым видам экспертиз (например, идентификации вора на основе судебно-генетической экспертизы по следам биологических выделений). В этой связи А.М. Зинин отмечает: «Информация о развитии судебных экспертиз, появлении их новых видов и возможностях этих экспертиз не всегда своевременно поступает в следственные и судебные органы, поэтому специалист еще при проведении следственных действий с его участием – осмотров мест происшествий, обысков и выемок – может дать совет следователю о необходимости назначения экспертизы, недавно выполняемой в судебно-экспертных учреждениях»²⁰.

Достаточно часто проведение экспертиз сопряжено с необходимостью представления эксперту, как самого объекта экспертного исследования, так и образцов для сравнительного исследования.

В этом аспекте консультационная деятельность специалиста-криминалиста по запросу следователя может распространяться и на дачу ему советов о том, как правильно произвести изъятие образцов для сравнительного исследования, в соответствии с их классификацией²¹. Естественно эти советы касаются не процессуальной, а, исключительно криминалистической стороны вопроса, и ситуаций, когда следователь намерен сам, без участия специалиста-криминалиста, производить изъятие экспериментальных образцов для сравнительного исследования.

В этих обстоятельствах следователь должен начать с ознакомления специалиста-криминалиста с обстоятельствами преступления и объектом, который намечен им к экспертному исследованию, его признаками и свойствами, а также с постановлением о назначении соответствующего экспертного исследования этого объекта, в особенности с вопросами по данному объекту, отраженными в резолютивной части постановления. Информация этих источников позволит специалисту-криминалисту «войти в курс дела» и проявить собственную компетентность в даче следователю совета об особенностях его действий при изъятии экспериментальных образцов.

Образцы должны удовлетворять следующим обязательным требованиям: а) иметь несомненное происхождение от исследуемого объекта (субъекта), то есть быть точно установленными от чего (кого) они получены и б) быть репрезентативными и сопоставимыми²². Последняя позиция нуждается в более детальном толковании. Репрезентативность означает здесь достаточное по количеству и качеству отображение общих и частных признаков отождествляемого объекта, то есть образец должен отражать все свойства объекта, существенные для решения экспертных задач, передавать их соотношение (распределение) в его структуре и по его поверхности. Сопоставимость же обеспечивается получением образцов, максимально соответствующих объекту, подлежащему экспертному исследованию по механизму их образования²³.

²⁰ Зинин А.М. Криминалист в следственных действиях: Учебно-практическое пособие / А.М. Зинин. – Издательство «Экзамен». М., 2004. – С. 118.

²¹ Долженко Н.И. Образцы для сравнительного исследования и тактика их получения. Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Москва, 2000. – С. 12–13.

²² Ищенко Е.П. Криминалистика: курс лекций / Е.П. Ищенко. – М.: АСТ: АСТ МОСКВА: КОНТАКТ, 2008. – С. 277.

²³ Жбанков В.А. Образцы для сравнительного исследования в уголовном судопроизводстве. Учебное пособие. Москва, 1969. – С. 12–23.

На эти важные вопросы также в первую очередь обращает внимание и П.П. Ищенко, правда в аспекте взаимодействия специалиста и следователя в изъятии экспериментальных образцов для сравнительного исследования²⁴.

Следующим моментом консультации может стать нацеливание следователя на создание определенных условий, необходимых для качественного изъятия экспериментальных образцов для экспертного исследования. Для правильной дачи этого совета специалист-криминалист должен выяснить у следователя обстоятельства, в которых был обнаружен и изъят объект, подлежащий экспертному исследованию, при определенных обстоятельствах он может быть осмотрен специалистом-криминалистом (разумеется, с соблюдением необходимых процессуальных процедур). На этой информационной основе консультирование будет эффективным и обеспечит экспериментальным образцам большую репрезентативность.

Особое значение в аспекте рассматриваемого вопроса имеет совет специалиста-криминалиста о технических средствах, которые могут понадобиться следователю в процессе изъятия экспериментальных образцов, а также упаковочном материале для них, опять же с целью сохранения признаков, отобразившихся в образцах, для дальнейшего экспертного исследования.

Важное значение для предварительного расследования имеет своевременное использование следователем возможностей криминалистической регистрации, а именно – криминалистических учётов.

Хотя основа организации и структура криминалистических учётов является доступной для использования следователем в процессе предварительного расследования, однако в связи с особенностями профессиональной деятельности он менее, чем специалист-криминалист, компетентен в использовании ее возможностей для установления лица, совершившего преступление.

С учетом данного обстоятельства консультации следователя со специалистом-криминалистом с целью получения совета относительно применения данных справочно-ориентирующего характера для расследования по уголовному делу становятся регулярными в практике правоохранительных органов.

Консультации специалиста-криминалиста по использованию данных криминалистических учётов могут быть полезны следователю для:

- выдвижения версии о лице, совершившем кражу;
- установления фактов использования изъятого, найденного и добровольно сданного огнестрельного оружия при совершении конкретных преступлений на территории различных субъектов Российской Федерации;
- обеспечения розыска утраченного, установления принадлежности выявленного вооружения и содействия в раскрытии преступлений, совершенных с его применением, установления общности происхождения поддельных документов, бланки которых отпечатаны с одного типографского набора, клише или печатной формы, а также выявления лиц, занимающихся их изготовлением;
- установления общности происхождения поддельных металлических монет, ценных бумаг, денежных билетов, валюты иностранных государств по способу и технологии изготовления, а также для выявления лиц, занимающихся их изготовлением;
- установление единого источника происхождения медицинских рецептов, дающих право на получение наркотических средств, психотропных или сильнодействующих веществ, в установлении лиц, занимающихся их подделкой;
- для целей обеспечения розыска похищенных и установления принадлежности изъятых у подозреваемого документов, вещей, имеющих индивидуальные инвентарные номера.

В настоящей статье мы отметили, сто справочное и консультационное участие специалиста-криминалиста в типичных ситуациях предварительного расследования оптимизирует криминалистическую тактику следователя, в особенности, при выдвижении версий, организации и проведении: допросов, назначении судебных экспертиз, получении образцов для сравнительного исследования и использовании данных криминалистических учётов в целях досудебного производства по уголовному делу. Кроме того, автором выработан ряд взаимосвязанных специальных предложений, использование которых в практике расследования повысит качество информационного значения сведений, содержащихся в экспертных заключениях.

²⁴ Ищенко П.П. Специалист в следственных действиях. М., 1990. – С. 118.

Список литературы

1. Хмыров А.А. Теоретические основы и практика использования косвенных доказательств в уголовных делах. Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. 1980.
2. Шмонин А.В. Методология криминалистической методики. – М.: Юрлитинформ, 2010.
3. Зеленский В.Д. Организация расследования преступлений. Криминалистические аспекты. – Ростов н/Д: Издательство Ростовского университета, 1989.
4. Корнакова С.В. Уголовно-процессуальное доказывание: гносеологические и логические проблемы. – М.: Юрлитинформ, 2010.
5. Махов В.Н. Участие специалистов в следственных действиях. Москва, 1975.
6. Дворкин А.И. Осмотр и предварительное исследование, и экспертиза вещественных доказательств – микрочастиц. Москва, 1980.
7. Корухов Ю.Г. Криминалистическая диагностика при расследовании преступлений. Научно-практическое пособие. – М.: Издательская группа НОРМА – ИНФРА М, 1998;
8. Дубровин С.В. Методологические аспекты криминалистической диагностики: Монография. – М.: ЮНИТИ-ДАНА. Закон и право, 2002.
9. Николайчик В.М. Следственный осмотр вещественных доказательств. Москва, 1968.
10. Семенцов В.А., Гладышева О.В., Репкин М.С. Следственные действия и розыскные меры в стадии предварительного расследования. – М.: Юрлитинформ, 2010.
11. Руководство для следователей (издание второе, переработанное). Часть первая. Отв. ред. В.В. Найденов и П.А. Олейник. Москва. «Юридическая литература». 1981.
12. Ищенко П.П. Специалист в следственных действиях. М., 1990.
13. Соя-Серко Л.А. Организация следственного действия. Москва, 1974.
14. Жашуев Р.А. Использование специальных знаний в раскрытии и расследовании преступлений // Теория и практика использования специальных знаний в раскрытии и расследовании преступлений (к 90-летию со дня рождения профессора И.М. Лузгина и к 80-летию со дня рождения профессора Е.И. Зуева): Сб. матер. 50-х Криминалистических чтений: в 2-х ч. – М.: Академия управления МВД России, 2009.
15. Россинская Е.Р. Теория судебной экспертизы: учебник / Е.Р. Россинская, Е.И. Галяшина, А.М. Зинин; под ред. Е.Р. Россинской. – М.: Норма, 2009.
16. Еникеев М.Н., Образцов В.А., Эминов В.Е. Следственные действия: тактика, технология: учеб. пособие. – М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2008.
17. Криминалистика. «Юридическая литература», М., 1968.
18. Иванов В.П., Штейнгауз М.С. Назначение экспертизы следователем и судом. Минск, 1975.
19. Зинин А.М. Криминалист в следственных действиях: Учебно-практическое пособие / А.М. Зинин. – Издательство «Экзамен». М., 2004.
20. Долженко Н.И. Образцы для сравнительного исследования и тактика их получения. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2000.
21. Ищенко Е.П. Криминалистика: курс лекций / Е.П. Ищенко. – М.: АСТ: АСТ МОСКВА: КОНТАКТ, 2008.
22. Жбанков В.А. Образцы для сравнительного исследования в уголовном судопроизводстве. Учебное пособие. Москва, 1969.

BACKGROUND AND CONSULTING ACTIVITIES SPECIALIST FORENSIC DURING THE PRELIMINARY INVESTIGATION

I.N. KISLITSINA

*Belgorod national
research university*

e-mail: irinakislitsina@rambler.ru

The article discusses the reference and consulting forensic expert involved in the nomination of versions, organizing and conducting interrogations, the appointment of forensic examinations, obtaining samples for comparative analysis, using data for criminal records at the stage of preliminary investigation.

Key words: background and advisory activities; planning; participation in the nomination of the expert versions; participation in the interrogation; purpose of examination; samples; criminal records.

УДК 343.985

ПРОБЛЕМЫ СУДЕБНОГО ПОРЯДКА РАССМОТРЕНИЯ ЖАЛОБ НА СТАДИИ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА

И.М. КОМАРОВ¹
О.Ю. ЦУРЛУЙ²

*¹Белгородский национальный
исследовательский университет*

e-mail: komarov@bsu.edu.ru

*²Белгородский университет
кооперации, экономики и права*

e-mail: kijalis@yandex.ru

Статья посвящена проблемам судебного порядка рассмотрения жалоб на процессуальные действия (бездействия) и решения органов предварительного расследования в стадии возбуждения уголовного дела.

Ключевые слова: жалоба на процессуальные действия (бездействия) и решения органов предварительного расследования, судебный порядок рассмотрения жалоб, постановление о возбуждении уголовного дела, постановление об отказе в возбуждении уголовного дела, сообщение о преступлении.

Статья 125 УПК РФ определяет широкий спектр действий (бездействий) и решений должностных лиц, осуществляющих досудебное производство по уголовному делу, которые могут быть обжалованы в судебном порядке.

Проводя исследование проблем судебного порядка рассмотрения жалоб на стадии возбуждения уголовного дела следует прежде всего уделить внимание особенностям судебного обжалования основных действий (бездействий) и решений данной стадии уголовного судопроизводства.

В этом ряду первым является вопрос судебного обжалования постановления о возбуждении уголовного дела, о принципиальной возможности такого обжалования. По данной проблеме среди ученых-процессуалистов и практиков давно идет оживленная дискуссия¹.

Однако, прежде чем повести ее соответствующий анализ обратимся к практике Конституционного Суда РФ по этому вопросу.

Так, еще в 1995 году в Постановлении Конституционного Суда от 3 мая 1995 года № 4-П «По делу о проверке конституционности статей 220.1 и 220.2 УПК РСФСР в связи с жалобой гражданина В.А. Аветяна» было определено, что не только реальные ограничения процесса уголовного судопроизводства, но и выявившаяся их опасность, нарушают неприкосновенность личности, оказывают психическое воздействие на сознание и поступки человека. Это обстоятельство в полной мере можно отнести и к акту возбуждения уголовного дела, что всегда связано с опасностью приобретения лицом статуса подозреваемого.

Вместе с тем, в Постановлении от 23 марта 1999 г. № 5-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 133, части первой статьи 218 и статьи 220 уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобами граждан В.К. Борисова, Б.А. Кехмана, В.И. Монастырецкого, Д.И. Фуфлыгина и общества с ограниченной ответственностью «Моноком» Конституционный Суд РФ высказался отрицательно по вопросу возможности судебного обжалования постановления о возбуждении уголовного дела на досудебных стадиях. В жалобе В.К. Борисов указал, что положения статьи 218 УПК РСФСР

¹ Багаутдинов Ф.Н. О содержании судебного контроля на предварительном следствии // Журнал российского права. – 2002. – № 12. – С. 52; Верин В.П. Практика применения Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Практическое пособие. – М.: Юрайт-Издат, 2006; Демин А. Уголовное дело – пустая формальность? // Бизнес-адвокат. – 2002. – № 24 // Справочная правовая система Консультант Плюс; Петрухин И. Можно ли обжаловать в суд постановление о возбуждении уголовного дела? // Российская юстиция. – 2002. – № 4. – С. 49; Осин В.В. Решения суда, принимаемые по правилам статьи 125 УПК РФ, не обеспечивают защиту от произвола должностных лиц, осуществляющих уголовное судопроизводство // Адвокат. – 2008. – № 8. – С. 3-24; Практическое пособие по применению уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации / под общей редакцией заместителя Председателя Верховного Суда РФ, председателя Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ, заслуженного юриста РФ А.И. Карпова // Справочная правовая система Консультант Плюс; Смирнов А.В. Обжалование в суд незаконного или необоснованного постановления о привлечении лица в качестве обвиняемого // СПС Консультант Плюс.

нарушают его конституционные права, поскольку исключают возможность оспорить в суде постановление о возбуждении уголовного дела. С вынесением этого постановления он связывал нарушение своих прав на свободу и неприкосновенность личности, жилища и частной жизни. Конституционный Суд указал – из жалобы и исследованных материалов не вытекает, что к ограничению прав заявителя привело само по себе возбуждение уголовного дела, а напротив, данные ограничения были связаны именно с последующими процессуальными действиями, в частности с арестом и обыском, которые как таковые в соответствии с действующим уголовно-процессуальным законодательством могут быть обжалованы в судебном порядке. Жалоба, в соответствии с требованиями статей 96 и 97 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», была признана недопустимой и производство по ней прекращено.

Однако по жалобе В.К. Борисова судьями А.Л. Кононовой, Н.В. Витрук и Т.Г. Морщакковой было высказано особое мнение, в котором отмечено, что факт возбуждения уголовного дела сам по себе отнюдь не является пустой формальностью, не затрагивающей чьи-либо основные права и свободы. В соответствии с нормами процессуального законодательства постановление о возбуждении уголовного дела является правовым основанием расследования, позволяющим совершать все последующие следственные действия и применять меры процессуального принуждения. Акт возбуждения дела служит законным поводом для применения этих мер, что серьезно ограничивает конституционные права граждан, и объективно влечет угрозу их применения. Возбуждение уголовного дела порождает ряд процессуальных прав и обязанностей у участников процесса и, таким образом, уже само по себе существенно затрагивает сферу субъективных прав. Возбуждение же уголовного дела в отношении конкретного лица (как в случае с В.К. Борисовым) не только затрагивает достоинство, честь, репутацию, доброе имя гражданина, но и ставит его, в положение подозреваемого, делает реальной угрозой дальнейшего ограничения прав и свобод².

Отметим и еще одно обстоятельство в деятельности Конституционного Суда РФ связанного с рассматриваемыми вопросами. В Постановлении от 14 января 2000 года № 1-П отмечено, что на суд, как орган правосудия не может возлагаться выполнение не свойственной ему процессуальной функции возбуждения уголовного преследования по уголовному делу публичного и частно-публичного обвинения. Он вправе лишь осуществлять контроль за законностью и обоснованностью возбуждения уголовного дела или отказа в его возбуждении, который реализуется путем рассмотрения в судебном заседании материалов, представленных ему органами государственного обвинения, в том числе по жалобам заинтересованных лиц, чьи конституционные права этими актами были нарушены.

Практика деятельности Конституционного Суда РФ нашла свое отражение в нормах УПК РФ, но споры по вопросу продолжаются до настоящего времени из-за отсутствия четкости в нормативном регулировании данной проблемы.

В диспозиции статьи 125 УПК РФ отсутствует указание на возможность обжалования постановления о возбуждении уголовного дела. Между тем, статья 145 УПК РФ, регламентирующая решения, принимаемые по результатам рассмотрения сообщения о преступлении в части 2 определяет право заявителя обжаловать решение о возбуждении уголовного дела (пункт 1 часть 1 статья 145 УПК РФ) и обязанность органа дознания, дознавателя, следователя, руководителя следственного органа разъяснить данное право и порядок обжалования.

Аналогичный порядок определен и в отношении обжалования постановления об отказе в возбуждении уголовного дела и передаче сообщения (о преступлении – О.Ц.) по подследственности, а по уголовным делам частного обвинения – в суд в соответствии с частью второй статьи 20 УПК РФ, относительно чего мы намерены высказаться ниже.

Отметим, что в ст. 236.7 УПК Украины закреплено право судебного обжалования постановления о возбуждении уголовного дела в отношении конкретного лица в суд по месту расположения органа или работы должностного лица, которое вынесло постановление, с соблюдением правил подсудности³.

² Справочная правовая система Консультант Плюс (ИБ Судебная практика).

³ Гловюк И.В. Судебный контроль постановления о возбуждении уголовного дела в уголовном процессе Украины // Российский судья. – 2009. – №11. – С. 42.

Имея в виду судебную практику и положения уголовно-процессуального закона, относительно проблемы высказался И.Л. Петрухин. На его взгляд постановление о возбуждении уголовного дела требует немедленного судебного контроля с тем, чтобы не допускать необоснованного выдвижения обвинения (подозрения) против лиц, вина которых еще не установлена, «когда существуют лишь» признаки преступления⁴.

На взгляд А. Панюкова постановление о возбуждении уголовного дела можно обжаловать только конкретному лицу так как, во-первых, фактом возбуждения уголовного дела в отношении этого лица начинается уголовное преследование (на основании п. 1 ч. 1 ст. 46 УПК РФ оно становится подозреваемым), а во-вторых, это позволяет сделать правило, закрепленное в ст. 145 УПК РФ⁵.

На наш взгляд основной аргумент в пользу широкой возможности судебного обжалования постановления о возбуждении уголовного дела определен ст. 123 Конституции РФ. Закрепленный в ней принцип осуществления судопроизводства на началах состязательности и равноправия сторон, в связи с положениями ст. 18, 46, 52 и 118 Основного закона, распространяется на все стадии уголовного судопроизводства. Это как раз тот законодательный механизм, который позволяет своевременно реализовать субъективное право на судебную защиту, что весьма затруднено при последующей (после возбуждения уголовного дела) судебной проверке процессуальных действий и решений⁶.

Здесь вполне уместно привести, уже ранее цитируемое по сути, особое мнение судьи Конституционного суде РФ Т.Г. Морщаковой о том, что отрицание возможности обжаловать в суд возбуждение уголовного дела связано с псевдоидеями ограждения расследования от вмешательства суда и ограждения суда от каких-либо акций, которые в дальнейшем могут повлиять на его объективность и предрешать его выводы по существу обвинения при рассмотрении дела, с этой точки зрения судебная проверка данного акта имеет не меньше и не больше ограничений, чем прокурорский надзор⁷.

Возможность судебного обжалования постановления о возбуждении уголовного дела, со стороны заинтересованных участников судопроизводства поддержало 46,3% опрошенных нами судей и 53,8% адвокатов.

Со своей стороны отметим, что рассмотрение такой жалобы судом никоим образом не будет препятствовать ходу предварительного расследования и опасения о возможности «двух параллельных процессов» необоснованно. В этой связи уместна аналогия того, что отсутствуют препятствия рассмотрения дела судом первой инстанции жалобы, подаваемой в суд второй инстанции сторонами на некоторые решения суда первой инстанции (см.: Постановление Конституционного Суда РФ от 2 июля 1998 г. № 20-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений ст. ст. 331, 404 УПК РСФСР в связи с жалобами ряда граждан», а также Постановление Конституционного Суда РФ от 14 января 2000 г. № 1-П по делу о проверке конституционности отдельных положений УПК РСФСР регулирующих полномочия суда по возбуждению уголовного дела, в связи с жалобой гражданки И.П. Смирновой и запросом Верховного Суда Российской Федерации)⁸.

Хотя законодательно данный вопрос еще не отрегулирован, Верховный суд РФ уже занял определенную позицию. Так, в рекомендациях практики применения Уголовно-процессуального кодекса РФ отмечается, что «право подачи жалобы принадлежит подозреваемому, его защитнику, а также иным лицам, чьи конституционные права были нарушены в связи с вынесением постановления о возбуждении уголовного дела»⁹.

В этом же комментарии было отмечено, что «как показывает судебная практика последних лет, по результатам рассмотрения жалобы выносятся постановления либо в отказе в ее удовлетворении, либо о признании постановления о возбуждении дела незаконным (необоснованным)»¹⁰.

⁴ Петрухин И. Указ. соч. – С. 49.

⁵ Панюков А. Процессуальная деятельность без возбуждения уголовного дела // Российская юстиция. – 2003. – № 5. – С. 52.

⁶ Справочная правовая система Консультант Плюс (ИБ Судебная практика).

⁷ Особое мнение судьи Конституционного Суда Российской Федерации Т.Г. Морщаковой // СПС Консультант Плюс (ИБ Судебная практика).

⁸ Петрухин И. Указ. соч. – С. 50.

⁹ Практика применения Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: практ. пособие / под ред. В.М. Лебедева. Изд. 4-е, перераб. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2011. – С. 238.

¹⁰ Там же. – С. 238.

По данным судебной коллегии по уголовным делам Белгородского областного суда в период с 2007 по 2011 годы постановления о возбуждении уголовного дела были обжалованы в 15,7% случаях, 18,9% из них районными судами были отменены, остальные оставлены в силе, 33,3% из числа отменных были признаны незаконными, 66,7 – необоснованными.

В ряду процессуальных решений, принимаемых по результатам рассмотрения сообщения о преступлении, кроме возбуждения уголовного дела, в порядке установленном ст. 146 УПК РФ, предусмотрено и решение об отказе в возбуждении уголовного дела.

Данные практического анализа свидетельствуют о том, что отказ в возбуждении уголовного дела является одним из наиболее обжалуемых процессуальных решений в порядке ст. 125 УПК РФ (около 30% всех жалоб).

Предметом обжалования и судебного контроля являются постановления об отказе в возбуждении уголовного дела, приобщенные к нему документы (сообщения и заявления о совершенном преступлении, справки, акты, объяснения и т.п. документы), которые именуется в практической деятельности материалами доследственной проверки (отказными материалами). Жалобы на постановления об отказе в возбуждении уголовного дела могут поступать как от фактически виновного лица, имеющего право на защиту, так и от иных заинтересованных лиц.

Данные судебной практики свидетельствуют о том, что поводом к отмене постановления об отказе в возбуждении уголовного дела могут быть различные основания. Анализ соответствующей судебной практики в Белгородской области свидетельствует, что 46,8% случаев это была неполнота проведенной проверки, 24,3% – ее односторонность, 28,9% – неправильное применение уголовного и уголовно-процессуального законодательства.

Порядок рассмотрения жалоб на отказ в принятии заявления о готовящемся или совершенном преступлении не усложнен особыми процедурами и по порядку судебного рассмотрения, близок к исследованию постановления об отказе в возбуждении уголовного дела. Актуальность жалоб данного вида не высока, всего 3,2% от всех поданных в порядке ст. 125 УПК РФ (данные Белгородского областного суда 2007–2011 года).

Предметом обжалования в данном случае является действие (бездействие) органа, в чью компетенцию по закону входит обязанность принять заявление и вынести по нему соответствующее решение. В судебной практике наиболее часто в принятии заявления отказывается посредством официального возвращения заявления о преступлении лицу, его подавшему, без принятия процессуального решения (57,8%). Основанием этому является ссылка на отсутствие в заявлении достаточных сведений о преступлении как готовящемся, так и совершенном, хотя действующее законодательство (ст. 145 УПК РФ) не предусматривает подобной формы реагирования на заявление о преступлении.

В целях полноты исследования данного вопроса, в части отраженной ст. 145 УПК РФ, отметим, что в практике нам практически не встретилось в качестве предмета обжалования решение «о передаче сообщения по подследственности в соответствии со ст. 151 настоящего Кодекса, а по уголовным делам частного обвинения – в суд в соответствии с частью 2 статьи 20 настоящего Кодекса», то есть положение п. 3 ч. 1 вышеуказанной нормы.

Однако на стадии возбуждения уголовного дела есть еще ряд проблем, которые требуют своего освещения для правильного разрешения жалоб поданных в суд в порядке ст. 125 УПК РФ, в первую очередь с целью судебного контроля качества доказательств.

В практике таких обращений в суд не много, однако в связи с ухудшением криминальной ситуации проведение соответствующих теоретических обоснований для возможного практического применения может быть полезными. В первую очередь это касается принятия решения о возбуждении уголовного дела и придания на основе судебного контроля (в случае обжалования) качества доказательств таким действиям как освидетельствование и получение образцов для сравнительного исследования.

Начнем с освидетельствования. В действующем УПК РФ предусмотрено право органов осуществляющих досудебное производство по уголовному делу на стадии возбуждения уголовного дела проводить освидетельствование подозреваемого, обвиняемого и потерпевшего, а также свидетеля, с его согласия (ч. 1 ст. 179 УПК РФ). Следственное действие реализуется на основании постановления следователя, которое обязательно для освидетельствуемого лица (ч. 2 ст. 179 УПК РФ).

Очевиден тот факт, что освидетельствование, особенно в стадии возбуждения уголовного дела, да и первоначального этапа предварительного расследования – серьезный источник доказательств и реализуется данное следственное действие в целях обнаружения и фиксации следов преступления и преступника.

Отсутствие согласия освидетельствуемого на производство данного следственного действия, а, следовательно, невозможность применения соответствующей процессуальной процедуры может негативно сказаться на принятии решения о возбуждении уголовного дела, системе доказательств и, в конечном итоге, качестве проведения расследования.

Регламентирующая освидетельствование процессуальная норма прямо не предусматривает применения в таких процессуальных ситуациях физического принуждения, однако ее диспозиция и не запрещает его. Характеризуя правовую природу данной процессуальной ситуации, С.А. Шейфер пишет, что «она представляет собой физическое преодоление сопротивления осмотру со стороны лица, тело которого подлежит осмотру»¹¹.

Однако, фактически, производство данного следственного действия при отсутствии согласия соответствующего субъекта есть существенное нарушение прав человека на личную неприкосновенность (ст. 22 Конституция РФ).

Вместе с тем, в соответствии с неблагоприятной криминальной ситуацией многие процессуалисты склоняются к необходимости принудительного исполнения обязанности субъектов, определенных ст. 179 УПК РФ, к освидетельствованию¹².

Таким образом, признавая за правоохранительными органами права вторжения в сферу личной неприкосновенности граждан, следует признавать и возможность нарушения ими указанных прав. Для того чтобы данная процессуальная ситуация оставалась в правовом поле, а полученные в результате освидетельствования сведения, в том числе и на стадии возбуждения уголовного дела, могли оцениваться как доказательства по уголовному делу следует установить судебный контроль за их производством.

Вышеприведенные аргументы, по нашему мнению, будут справедливы и для ситуаций получения образцов для сравнительного исследования, при соответствующем процессуальном закреплении данной процедуры.

Проведенное нами исследование проблем судебного порядка рассмотрения жалоб на стадии возбуждения уголовного дела, как судебного контроля, в нетрадиционной его форме контроля качества доказательств не образует систему закрытого типа. Эти проблемы нельзя ограничить, как нельзя ограничить возможность лиц, вовлеченных в уголовное судопроизводство на указанной стадии обжаловать в судебном порядке действия (бездействия) и решения должностных лиц правоохранительных органов. Однако мы попытались рассмотреть, на наш взгляд, наиболее актуальные для правоприменительной практики проблемы. Вероятно, наши суждения не бесспорны, но они основаны на судебной практике и выражают авторскую позицию.

Список литературы

1. Постановлении Конституционного Суда от 3 мая 1995 года № 4-П «По делу о проверке конституционности статей 220.1 и 220.2 УПК РСФСР в связи с жалобой гражданина В.А. Аветяна» // Собрание законодательства РФ. 1995. № 19. Ст. 1764.
2. По делу о проверке конституционности положений статьи 133, части первой статьи 218 и статьи 220 Уголовно – процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобами граждан В.К. Борисова, Б.А. Кехмана, В.И. Монастырецкого, Д.И. Фуфлыгина и общества с ограниченной ответственностью "Моноком": Постановление Конституционного Суда РФ в № 5-П от 23.03.1999 // Собрание законодательства РФ. 1999. № 14. Ст. 1749.
3. Багаутдинов Ф.Н. О содержании судебного контроля на предварительном следствии // Журнал российского права. – 2002. – № 12.
4. Верин В.П. Практика применения Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Практическое пособие. – М.: Юрайт-Издат, 2006/

¹¹ Шейфер С.А. Следственные действия: Система и процессуальная форма. – М.: Юрлитинформ, 2001. – С. 183.

¹² Кальницкий В.В. Следственные действия. – Омск, 2001. – С. 83–84; Псарев А.В. Производство следственных действий. Ограничивающих право граждан на личную неприкосновенность: дисс. ... канд. юрид. наук. – Омск. 2002. – С. 90; Шейфер С.А. Указ. соч. – С. 183.

5. Гловюк И.В. Судебный контроль постановления о возбуждении уголовного дела в уголовном процессе Украины // Российский судья. – 2009. – №11.
6. Демин А. Уголовное дело – пустая формальность? // Бизнес-адвокат. – 2002. – № 24.
7. Кальницкий В.В. Следственные действия. – Омск, 2001.
8. Осин В.В. Решения суда, принимаемые по правилам статьи 125 УПК РФ, не обеспечивают защиту от произвола должностных лиц, осуществляющих уголовное судопроизводство // Адвокат. – 2008. – № 8.
9. Панюков А. Процессуальная деятельность без возбуждения уголовного дела // Российская юстиция. – 2003. – № 5.
10. Петрухин И. Можно ли обжаловать в суд постановление о возбуждении уголовного дела? // Российская юстиция. – 2002. – № 4.
11. Практика применения Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: практ. пособие / под ред. В.М. Лебедева. Изд. 4-е, перераб. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2011.
12. Практическое пособие по применению уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации / под общей редакцией заместителя Председателя Верховного Суда РФ, председателя Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ, заслуженного юриста РФ А.И. Карпова // Справочная правовая система Консультант Плюс.
13. Псарев А.В. Производство следственных действий. Ограничивающих право граждан на личную неприкосновенность: дисс. ... канд. юрид. наук. – Омск, 2002.
14. Смирнов А.В. Обжалование в суд незаконного или необоснованного постановления о привлечении лица в качестве обвиняемого // СПС Консультант Плюс.
15. Шейфер С.А. Следственные действия: Система и процессуальная форма. – М.: Юрлитинформ, 2001.

APPEAL LEGAL PROCEEDINGS' PROBLEMS IN THE STAGE OF INITIATION OF PROCEEDINGS

I.M. KOMAROV¹⁾
O.Y. TSURLUY²⁾

¹⁾ Belgorod state university

e-mail: komarov@bsu.edu.ru

²⁾ Belgorod University of Cooperation, Economics and Law

e-mail: kijalis@yandex.ru

The article is devoted to appeal legal proceedings problems during initiation of proceedings.

Key words: appeal, legal appeal proceedings, initiation proceedings decision, rejection of initiation proceedings decision, crime report.

УДК 343.611.1

СЛЕДСТВЕННЫЕ СИТУАЦИИ И АЛГОРИТМЫ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПО ПРЕДВАРИТЕЛЬНОМУ РАССЛЕДОВАНИЮ И СУДЕБНОМУ РАЗБИРАТЕЛЬСТВУ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ ОБ УБИЙСТВАХ

А.А. КОРЧАГИН*Алтайский государственный
университет**e-mail: kaa77-21@mail.ru*

Статья посвящена проблеме совершенствования криминалистической методики расследования убийств. В статье рассматривается структура криминалистической методики по делам об убийствах, выделены её основные элементы, и раскрыто их содержание. Автором уделено значительное внимание вопросу алгоритмизации деятельности по предварительному расследованию и судебному разбирательству уголовных дел об убийствах.

Ключевые слова: убийство, криминалистическая методика, следственная ситуация, алгоритм, программирование.

Современный этап развития российского общества характеризуется ростом числа насильственных преступлений, в том числе особо тяжких – умышленных убийств. Начиная с 1999 года, на территории Алтайского края прослеживалась устойчивая тенденция к увеличению количества убийств и покушений на убийства. Их количество достигло наибольшего значения (816) в 2000 и продолжало оставаться высоким вплоть до 2003 года. В 2003 году число совершенных преступлений данного вида снизилось до 558 фактов, а их раскрываемость возросла до 81,0%. Начиная с 2004 года в Алтайском крае наметилась тенденция к снижению количества тяжких и особо тяжких преступлений. Их удельный вес снизился с 27,8% в 2004 г. до 21,0% в 2008 г., и составил 12900 преступления. По сравнению с 2007 г. в 2008 г. снизилось на 7,1% количество совершенных убийств (с 409 до 380). В 2009 г. в Алтайском крае было совершено 295 убийств, в 2010 г. – 264 убийств (-10,5%). Начиная с 4 квартала 2010 года в Алтайском крае вновь наметилась негативная тенденция к увеличению количества убийств. Так, за период с октября по декабрь 2010 года зарегистрировано 76 убийств (4 кв. 2009 г. – 51) и 197 фактов умышленного причинения тяжкого вреда здоровью (4 кв. 2009 г. – 172), рост составил 49,0% и 14,5% соответственно.

В течение 6 месяцев 2011 года на территории города Барнаула совершено 32 убийства (аналогичный период прошлого года – 25), 28 из которых расследовано (АППГ – 16), 87 фактов причинения тяжкого вреда здоровью (АППГ – 97), в т.ч. 16 – повлекших смерть потерпевшего (АППГ – 17). Кроме того, совершено 3 изнасилования (АППГ – 4). Уровень преступности в 2009 г. в Алтайском крае на 100 тысяч человек населения составил 2159,7 преступлений (2008 г. – 2455), что превышает среднероссийский уровень (2062,8). Среди субъектов Сибирского Федерального округа по данному показателю Алтайский край занимает 2-е место после Омской области. Как представляется, одной из основных причин этого является недостаточность разработки криминалистической методики расследования убийств.

Проблеме методики расследований убийств в криминалистической литературе уделено достаточно много внимания. К числу работ, специально посвященных методике расследования убийств можно отнести работы И.В. Александрова, Ф.Ю. Бердичевского, В.К. Гавло, В.Н. Исаенко, А.М. Кустов, Е.А. Логинова В.А. Образцова, А.Ф. Лубина, В.Е. Коноваловой, Н.А. Селиванова, Л.А. Соя-Серко и др. Однако, несмотря на имеющиеся работы, проблема раскрытия и расследования убийств остается по-прежнему актуальной. Об этом говорит тот факт, что далеко не каждое убийство раскрывается. Так, в 2009 году в России было зарегистрировано 17681 убийств, из них было расследовано – 15373, направлено в суд – 14752, по п.1. ч. 1 ст. 208 УПК было приостановлено 1896 дел, по п.п. 2,3 ч. 1 ст. 208 УПК РФ – 260 уголовных дел. Таким образом, из приведенных цифр видно, что по 14% всех уголовных дел об убийствах преступникам удалось избежать уголовной ответственности и наказания¹.

Актуальность выбранной темы, по-нашему мнению, обуславливается тем, что, с одной стороны, большое количество разработанных частных методик расследования

¹ Данные ГУВД АК

убийств свидетельствует о всестороннем исследовании этого опасного явления, когда каждый автор пытается выделить какие-либо новые аспекты раскрытия и расследования убийств, с другой стороны, для практических работников возникает проблема выбора из большого количества предлагаемых методик наиболее оптимальной. Осуществляя расследование в установленные ст.162 УПК РФ сроки, следователи не имеют физической возможности изучить все имеющиеся методические рекомендации по расследованию убийств. В таких условиях, полагаем, существенную практическую помощь в оптимизации деятельности по раскрытию, предварительному расследованию и судебному разбирательству дел об убийствах может оказать разработка эффективных алгоритмов по её осуществлению. В данной статье ставим задачу обосновать актуальность этой проблемы и показать основные направления её решения. В криминалистической литературе уделено внимание алгоритмизации деятельности следователя в работах В.К. Гавло, Г.А. Густова, Н.Б. Водяновой, И.А. Возгриня, Е.П. Ищенко, В.Я. Колдина, Н.С. Полевого, А.С. Шаталова и др. Однако анализ данных работ, в том числе докторской диссертации посвященной этой теме А.С. Шаталова², показывает, что в них авторы рассматривают вопросы алгоритмизации только применительно к предварительному расследованию преступлений, за рамками их внимания было оставлено судебное разбирательство уголовных дел. Объяснить это можно тем, что большинством авторов криминалистика традиционно рассматривается как наука о предварительном расследовании преступлений. Вместе с тем, как нам представляется, всестороннее, полное, объективное рассмотрение уголовных дел в суде, в том числе об убийствах, в условиях закрепленного ст. 15 УПК РФ принципа состязательности сторон, невозможно без использования государственными обвинителями, судьями криминалистических рекомендаций, позволяющие правильно оценить складывающиеся следственные ситуации на предварительном следствии и в суде и выбирать наиболее оптимальные алгоритмы их разрешения.

Анализ криминалистической литературы показывает, что наряду с понятием «Алгоритм следственной деятельности», используется понятие «Программирование». Однако четкости в их сути мало. Полагаем, возникает необходимость в уяснении их сути. Как известно, под алгоритмом понимается точный набор инструкций, описывающих порядок действий исполнителя для достижения результата решения задачи за конечное время. Под программой же понимается термин, в переводе означающий «предписание», то есть предварительное описание предстоящих событий или действий. Из двух терминов применительно к расследованию и судебному разбирательству дел об убийствах, использование понятия алгоритма, с нашей точки зрения, является более предпочтительным, так как он предусматривает разработку конкретных рекомендаций по ведению расследования и судебного разбирательства в складывающихся следственных ситуациях. Программирование деятельности следователя при расследовании убийств можно рассматривать как структурный элемент алгоритма.

Говоря об алгоритмизации деятельности по предварительному расследованию и судебному разбирательству дел об убийствах, необходимо сказать об основаниях построения алгоритмов. Расследование дела об убийстве представляет собой совокупность действий следователя, органов дознания, направленных на поиск информации, связанной с совершением убийства, выяснение других обстоятельств, оценку собранных по уголовному делу доказательств, принятие промежуточных и итоговых решений. Механизм расследования каждого уголовного дела индивидуален, но, вместе с тем, ему присущи некоторые закономерные обусловленные черты. Выявление, анализ и обобщение которых позволяют с той или иной степенью строгости формализовать процесс расследования, разрабатывать в этих целях типовые методики. Как следствие, методические рекомендации приобретают все более алгоритмизированный характер³.

При построении криминалистических алгоритмов расследования и судебного разбирательства уголовных дел об убийствах в методике их расследования необходимо учитывать различные методы познания, в том числе методы синергетики. Синергетика представляет собой междисциплинарное направление научных исследований, задачей которого является изучение природных явлений и процессов на основе принципов самоорганизации систем,

² Шаталов А.С. Проблемы алгоритмизации расследования преступлений: Дисс. ... доктора юрид. наук. М., 2000. – 411 с.

³ Ищенко Е.П., Водянова Н.Б. Алгоритмизация следственной деятельности. М.: Юрлитинформ, 2010. – С. 180-183

состоящих из подсистем. Основное понятие синергетики – определение структуры как состояния, возникающего в результате многовариантного и неоднозначного поведения таких многоэлементных структур или многофакторных сред, которые не деградируют к стандартному для замкнутых систем усреднению, а развиваются вследствие открытости, притока энергии извне, нелинейности внутренних процессов, появления особых режимов с обострением и наличия более одного устойчивого состояния. Преимущество этого подхода заключается в том, что он позволяет рассматривать преступную деятельность и деятельность по расследованию и судебному разбирательству уголовных дел об убийствах как сложноструктурированные системы, что позволяет упорядоченно выделять их отдельные элементы, избегать хаоса, точнее познавать закономерности и происходящие в этих видах деятельности процессы, и на основании этого разрабатывать наиболее эффективные криминалистические алгоритмы следственной и судебной деятельности.

Исходя из этого подхода, структуру объекта криминалистической методики по делам об убийствах, полагаю, можно рассматривать из трех взаимосвязанных подсистем: преступная деятельность по подготовке, совершению, сокрытию убийств и противодействию следствию; криминалистическую деятельность по выявлению и предварительному расследованию уголовных дел об убийствах; криминалистическую деятельность по судебному разбирательству уголовных дел об убийствах. Г.А. Густов, мнение которого следует разделить, отмечал «Являясь объектом изучения на предварительном следствии, преступление как реальное явление действительности в свою очередь оказывает влияние на организацию расследования. Чем больше известно о преступлении и его закономерностях, тем легче организовать расследование, выбрать адекватные следственной ситуации методы работы»⁴.

Структура преступной деятельности по совершению убийств включает в себя следующие элементы: 1) объект посягательства; 2) субъект посягательства; 3) физические действия (бездействие) преступника; 4) психическая деятельность преступника; 5) последствия преступной деятельности убийцы; 6) место совершения убийства; 7) время совершения убийства. Все названные элементы корреляционно взаимосвязаны, что позволяет на основании анализа какого-либо одного элемента, делать выводы об остальных.

Структуру криминалистической деятельности по выявлению, раскрытию и предварительному расследованию убийств можно представить в виде следующих взаимосвязанных элементов: 1) объект выявления, раскрытия и предварительного расследования – деяние, содержащее признаки состава, предусмотренного ст. ст.105-108 УК РФ; 2) субъект – следователь, сотрудники органов дознания, эксперты, специалисты (их психические, физические, социально-демографические, профессиональные качества (их криминалистическая характеристика)); 3) действия следователя, органа дознания по выявлению, раскрытию и расследованию убийства; 4) психологические условия, в которых осуществляется расследование; 5) материальные и организационные условия раскрытия и расследования убийства; 6) место расследования; 7) время расследования (например, раскрытие и расследование убийства по прошествию небольшого промежутка времени после его совершения, или спустя длительный период времени после его совершения).

Структуру криминалистической деятельности по судебному разбирательству дел об убийствах в качестве составных элементов включает: 1) объект – уголовное дело об убийстве, рассматриваемое в суде; 2) субъект – судья, государственный обвинитель, подсудимый, защитник, потерпевший, свидетели, другие лица, проходящие по делу (их криминалистическая характеристика); 3) психологические условия, в которых проходит судебное разбирательство; 4) материальные и организационные условия судебного разбирательства; 5) место проведения судебного разбирательства; 6) время его проведения.

Сочетание этих элементов позволяет, с одной стороны, выделять схожие группы убийств, то есть классифицировать их, с другой стороны взаимодействие их приводит к возникновению специфических следственных ситуаций предварительного расследования и судебного разбирательства.

Важным условием создания алгоритмов предварительного расследования и судебного разбирательства дел об убийствах является их классификация, позволяющая выделять однородные группы убийств и разрабатывать криминалистические алгоритмы их

⁴ Густов Г.А. Проблемы методов научного познания в организации расследования преступлений: Диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук в форме научного доклада, выполняющего также функции автореферата. М., 1993. – С. 17

расследования и судебного рассмотрения. Классификация убийств по уголовно-правовым основаниям, полагаем, не решает криминалистических задач. Необходима система таких оснований, среди которых выделим уголовно-правовые, уголовно – процессуальные и криминалистические основания классификации преступлений⁵. В качестве криминалистических оснований классификации убийств можно назвать такие, как: способ и особенности подготовки, совершения и сокрытия убийства; личность убийцы, наличие у него преступного опыта; личность потерпевшего; место и время совершения убийства; обстановка совершения убийства; мотивы и цели преступления. Эти основания могут объединяться для отражения специфики механизма преступления и следственных ситуаций, складывающихся в процессе его расследования.

Классифицировать преступления можно по признакам складывающихся следственных ситуаций. Следственная ситуация – это объективная категория криминалистики, которая характеризует обстановку расследования любого преступления. Вместе с тем она содержит в себе информацию о процессах и структуре совершения и расследования преступлений. Значит, она позволяет изучить существенные общие и специфические стороны преступлений, видеть в них закономерное явление и на этой основе создавать типовые алгоритмы расследования отдельных видов и групп преступлений. С этих позиций группировка преступлений в методике их расследования по следственным ситуациям, как основанию, вполне допустима. Таким образом, полагаем, построение криминалистических алгоритмов должно строиться на основании выделения однородных групп убийств и в рамках их ситуаций их предварительного расследования и судебного разбирательства. Деятельность по выявлению, раскрытию, предварительному расследованию и судебному разбирательству дел об убийствах имеет информационно-познавательную структуру.

Специфика предмета и метода криминалистики состоит в исследовании информационно-познавательной структуры раскрытия, расследования и судебного рассмотрения преступлений, основанном на изучении способов совершения преступлений и обобщения опыта следственной, оперативно-розыскной, экспертной и судебной деятельности. Как верно отмечают В.Я. Колдин и Н.С. Полевой, «содержание криминалистики складывается из знаний двух категорий: объективных закономерностей отражения уголовно-релевантных событий и явлений; приемов и методов раскрытия, расследования и предупреждения преступлений. Данное высказывание, считаем, необходимо дополнить указанием на включение в содержание криминалистики познания закономерностей судебного разбирательства уголовных дел. Отправляясь от этих закономерностей, криминалистика разрабатывает применительно к преступлениям, совершенным определенным способом и в определенных условиях, алгоритмы действий следователя и других участников расследования с учетом объема и характера информации о событии преступления в каждый момент расследования, т.е. с учетом типовой следственной ситуации⁶. Таким образом, в основе формирования криминалистических алгоритмов по делам об убийствах может лежать и ситуационный подход⁷.

И.А. Возгрин справедливо отмечает «следственные ситуации являются как бы срезом процесса расследования в то или иной момент его производства. Поэтому характеристика следственной ситуации всегда отражает результаты уже проделанной работы по уголовному делу и не раскрывает перспектив дальнейшего расследования. Программа, или алгоритм расследования – это предписание порядка работы, взятое в динамике с учетом сложившейся следственной ситуации и возможными её изменениями»⁸. Решая проблему оптимизации криминалистической деятельности на базе алгоритмизации автоматизации информационных процессов, Н.С. Полевой верно отметил, что необходимо «ориентироваться на использование не одного какого-либо универсального алгоритма, а на серию различных алгоритмов»⁹. Изучение дел об убийствах позволило выделить сле-

⁵ Гавло В.К., Корчагин А.А. Расследование фактов безвестного исчезновения женщин при подозрении на их убийство: монография. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2006. – С. 185

⁶ Колдин В.Я., Полевой Н.С. Информационные процессы и структуры в криминалистике. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1985. – С. 10

⁷ Гавло В.К. Теоретические проблемы и практика применения методики расследования отдельных видов преступлений. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1985. – С. 217

⁸ Возгрин И.А. Криминалистическая методика расследования преступлений. Мн.: Выш. школа, 1983. – С.160-161

⁹ Полевой Н.С. Криминалистическая кибернетика. М.: Изд-во МГУ, 1989. – С.199

дующие ситуации первоначального и дальнейшего этапов расследования, а также судебного разбирательства. На первоначальном этапе расследования убийств наиболее типичными являются следующие следственные ситуации:

- убийство носит очевидный характер, известны преступник и потерпевший, преступник задержан, вину признает полностью, имеются доказательства его виновности;
- убийство носит очевидный характер, известны преступник и потерпевший, преступник задержан, вину признает частично, имеются доказательства его виновности;
- убийство носит очевидный характер, известны преступник и потерпевший, преступник задержан, вину не признает, имеются доказательства его виновности;
- убийство носит очевидный характер, известны преступник и потерпевший, однако преступнику удалось скрыться, местонахождение его неизвестно;
- убийство носит очевидный характер, личность потерпевшего известна, имеются отдельные данные о личности преступника;
- убийство носит очевидный характер, личность потерпевшего известна, данных о преступнике нет;
- убийство носит неочевидный характер, личность потерпевшего известна, данных о преступнике нет;
- убийство носит неочевидный характер, личность потерпевшего неизвестна, данных о преступнике нет.

На последующем этапе расследования убийств наиболее типичными следственными ситуациями являются следующие:

- обвиняемый признает свою вину полностью, в деле имеются достаточные доказательства, подтверждающие вину обвиняемого;
- обвиняемый не признает свою вину полностью или частично, в деле имеются доказательства, подтверждающие его вину;
- обвиняемый не признает вину полностью или частично, в ходе проведения первоначального этапа расследования доказательств его виновности не добыто, либо их недостаточно.

Наиболее типичными ситуациями судебного следствия по делам об убийствах являются следующие:

- 1) ситуация, когда подсудимый признает себя виновным полностью;
- 2) ситуация, когда подсудимый признает себя виновным частично;
- 3) ситуация, когда подсудимый меняет свои показания на протяжении всего судебного следствия;
- 4) ситуация, когда подсудимый не признает себя виновным и полностью отрицает свою причастность к совершенному преступлению.

Исходя из выделения складывающихся по делам об убийствах ситуаций, можно выделить классификацию криминалистических алгоритмов их расследования и судебного разбирательства: 1) криминалистические алгоритмы первоначального этапа расследования убийств; 2) криминалистические алгоритмы последующего этапа расследования убийств; 3) криминалистические алгоритмы стадии предварительного слушания уголовных дел об убийствах; 4) криминалистические алгоритмы стадии судебного следствия по делам об убийствах; 5) криминалистические алгоритмы, которые могут применяться в суде кассационной инстанции; 6) криминалистические алгоритмы, применяемые в суде надзорной инстанции; 7) криминалистические алгоритмы, применяемые при пересмотре дела по вновь открывшимся обстоятельствам. Кроме вышперечисленных, можно выделить алгоритмы, применяемые при проведении отдельных следственных действий, как на предварительном следствии, так и в суде, криминалистические алгоритмы проведения отдельных тактических и оперативно-тактических операций в ходе предварительного следствия по делам об убийствах.

И в заключение необходимо сказать об актуальной и пока еще недостаточной разработанной проблеме создания компьютерных программ, основанных на изучении складывающихся в ходе предварительного расследования и судебного разбирательства ситуаций, и содержащих алгоритмы по их разрешению. О практической необходимости таких программ говорили В.К. Гавло (1989 г.), В.Е. Корноухов (1989 г.), Н.С. Полевой (1989 г.). Так В.К. Гавло справедливо отмечает «...анализ следственных ситуаций показывает, что

на их основе могут создаваться информационно-поисковые системы, а также модели и алгоритмы расследования отдельных видов преступлений. Это уже будет шагом на пути использования ЭВМ в методике расследования. В «память» ЭВМ при этом необходимо закладывать сведения о следственных ситуациях и их признаках и соответствующих им методах расследования»¹⁰. Таким образом, создание криминалистических алгоритмов предварительного расследования и судебного разбирательства, основанных на выделении складывающихся в процессе этих видов деятельности ситуаций с использованием компьютерных программ, может существенно увеличить эффективность борьбы с этим видом особо тяжких преступлений.

Список литературы

1. Возгрин И.А. Криминалистическая методика расследования преступлений / И.А. Возгрин. – Мн.: Выш. школа, 1983. – 215 с.
2. Гавло В.К. Теоретические проблемы и практика применения методики расследования отдельных видов преступлений. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1985.
3. Гавло В.К. К вопросу о криминалистической методике как информационно-познавательной системе в деятельности по предотвращению, раскрытию и расследованию преступлений // Проблемы программирования, организации и информационного обеспечения предварительного следствия: Межвузовский науч. сб./ Башк. ун-т. – Уфа, 1989 – 160 с.
4. Гавло В.К. Расследование фактов безвестного исчезновения женщин при подозрении на их убийство: монография. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2006. – 300 с.
5. Густов Г.А. Проблемы методов научного познания в организации расследования преступлений: Диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук в форме научного доклада, выполняющего также функции автореферата/ Г.А. Густов. – М., 1993. – 64 с.
6. Данные ГУВД АК
7. Ищенко Е.П. Алгоритмизация следственной деятельности. – М.: Юрлитинформ, 2010. – 304 с.
8. Колдин В.Я. Информационные процессы и структуры в криминалистике. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1985. – 134 с.
9. Полевой Н.С. Криминалистическая кибернетика. – М.: Изд-во МГУ, 1989. – 328 с.
10. Шаталов А.С. Проблемы алгоритмизации расследования преступлений: Дисс. ... доктора юрид. наук. – М., 2000. – 411 с.

INVESTIGATORY SITUATIONS AND ALGORITHMS IN ACTIONS ON PRELIMINARY INQUIRY AND JUDICIAL PROCEEDINGS OF MURDER CASES

A.A. KORCHAGIN

Altai State University

e-mail: kaa77-21@mail.ru

The article is devoted to the problem of criminalistics procedure of crime detections and its improvement. The article deals with the structure of criminalistics procedure on murder cases, its main elements and contents. The author pays the special attention to the problem of algorithmization of preliminary inquiry actions and actions of judicial proceedings on murder cases.

Key words: murder, criminalistics procedure, investigatory situation, algorithm, programming.

¹⁰ Гавло В.К. К вопросу о криминалистической методике как информационно-познавательной системе в деятельности по предотвращению, раскрытию и расследованию преступлений // Проблемы программирования, организации и информационного обеспечения предварительного следствия: Межвузовский науч. сб./ Башк. ун-т. Уфа, 1989. – С.106

УДК – 300-399.34

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ОЦЕНКИ «ИНЫХ ДОКУМЕНТОВ» В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ РФ

Е.А. КУПРЯШИНА*Белгородский государственный
национальный исследовательский
университет**e-mail: kukupryashuna@bsu.edu.ru*

В статье говорится об оценке «иных документов» как одного из источников доказательств уголовном процессе России. Статья содержит информацию о пробелах в законодательстве, определяющем понятие «иные документы» в теории доказательственного права, а также спорность в вопросах их оценки.

Ключевые слова: доказательства, документы, уголовный процесс

Оценка «иных документов», как и впрочем, и других источников доказательств, является завершающим элементом доказывания. М.М. Гродзинский писал, что «...оценка документов сводятся к выяснению их подлинности и значения по делу сообщенных в них сведений»¹.

Это не совсем полная характеристика – в действительности выясняется не только подлинность документа, но и достоверность его содержания, а для этого необходимо проверить и оценить условия и основания его составления, отношение к делу автора документа и собрать другие данные, характеризующие полноту и точность содержащихся в документе сведений. Е.А. Доля считает, что в основе раздела 3 УПК РФ «Доказательства и доказывание» по-прежнему лежит идея существования доказательств в готовом виде, исходя из которой, их следует просто собирать².

Однако эта точка зрения не учитывает такую разновидность доказательств, как «иные документы», составление которых зачастую осуществляется до возбуждения уголовного дела. Поэтому иные документы, как правило, по мнению Т. А. Боголюбовой, вводятся в уголовное дело в виде готовых доказательств.

Их документальное формирование происходит должностными лицами, сторонами, гражданами за рамками уголовного судопроизводства³, т.е. вне процессуальной формы, которая служит важнейшей гарантией достоверного установления всех обстоятельств дела, посредством закрепления лицом, ведущим производство по уголовному делу в протоколах или заключениях сведений, традиционный перечень которых предусмотрен уголовно-процессуальным законом: показания подозреваемого, обвиняемого; потерпевшего, свидетеля; заключения и показания эксперта и специалиста, вещественные доказательства; протоколы следственных и судебных действий; иные документы (ч. 2 ст. 74 УПК).

Интересен тот факт, что на практике органы предварительного расследования в качестве доказательств, подтверждающих обвинение предлагают суду для исследования целый ряд «иных документов». Например, по делу Ш. в качестве иного документа был предложен рапорт старшего группы ОВО при УВД Белгородской области о задержании. В приговоре суд применил такую формулировку как «вменение в обвинительном акте Ш. преступления, предусмотренного ч.1 ст. 161 УК РФ, суд считает обоснованным и подтвержденным собранными по делу и указанными в обвинительном акте доказательствами»⁴. В ряде случаев следователи указывают в качестве «иных документов» в обвинительном заключении, например, «блок доследственной проверки: заявление потерпевшего, рапорт милиционера ОППСМ УВД г. Белгорода о задержании и доставлении в часть»⁵. И самое главное то, что суд, оценивая данные, на наш взгляд, недопустимые сведения, и даже неизвестные УПК РФ формулировки доказательства типа «блок доследственной проверки» признает их вполне законными, что в корне неверно.

¹ Гродзинский М.М. Государственный обвинитель в советском суде. – М., 1954. – С. 51.

² Доля Е.А. О доказательствах, доказывании и использовании в доказывании результатов оперативно-розыскной деятельности // Гос-во и право. – 2002. – № 10. – С. 112.

³ Боголюбова Т.А. Доказательства // Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации ; под общ. и науч. ред. д-ра юрид. наук, проф. А.Я. Сухарева. – М., 2002. – С. 146.

⁴ Архив Свердловского районного суда г. Белгорода. Дело №1- 426-06.

⁵ Архив Свердловского районного суда г. Белгорода. Дело №1- 48- 06, Дело № 1 – 142 – 06.

Акты ревизий и документальных проверок и ранее применились в доказывании как разновидность «иных документов». Неизменность их правовой природы и процессуального режима, позволяет утверждать, что в настоящее время они фактически таковыми и остаются. Это подтверждается тем, что Федеральным Законом от 09.03.2010 № 19-ФЗ, от 28.12.2010 № 404-ФЗ ч. 1 ст. 144 УПК изменена предложением следующего содержания: «При проверке сообщения о преступлении дознаватель, орган дознания, следователь, руководитель следственного органа вправе требовать производства документальных проверок, ревизий, исследований документов, предметов, трупов и привлекать к участию в этих проверках, ревизиях, исследованиях специалистов, давать органу дознания обязательное для исполнения письменное поручение о проведении оперативно-розыскных мероприятий».

Недостаточная конкретность и неполнота нормативного закрепления не только видов письменных документов в ст. 84 УПК, но и способов их получения, истребования, представления и приобщения в порядке ст. 86 УПК не может не породить обоснованных сомнений об условиях их допустимости.

В этой связи вспомним так называемое правило «о плодах отравленного дерева», т.е. как быть со сведениями, добытыми с нарушением закона. Из этого правила следует, что не только для обвинения, но и для доказывания любых иных обстоятельств, в том числе и смягчающих ответственность обвиняемого или освобождающих его от ответственности, должны основываться на допустимых, доказательствах, система которых изложена в ч. 2 ст. 74 УПК, завершающим видом которой являются «иные документы».

Полагаем уместным, по нашему мнению, будет рассмотрение вопроса о том, о нарушении каких именно требований идет речь в ч.1 ст.75 УПК. Ответ на этот вопрос дается в ч.1 ст.381 УПК, в соответствии с которой нарушениями «требований настоящего Кодекса» являются такие, которые путем лишения или ограничения гарантированных УПК прав участников уголовного судопроизводства, несоблюдения процедуры судопроизводства или иным путем повлияли или могли повлиять на постановление законного, обоснованного и справедливого приговора.

В теории уголовного процесса В.М. Быковым и О.Н. Тренбак было высказано мнение, согласно которому одним из оснований признания доказательств недопустимыми является такое нарушение федерального закона, которое является существенным. Ст. 345 УПК РСФСР существенными нарушениями уголовно-процессуального закона признавала такие нарушения требований статей УПК РСФСР, которые путем лишения или стеснения гарантированных законом прав участников уголовного процесса при рассмотрении дела или иным путем помешали суду всесторонне разобрать дело и повлияли или могли повлиять на постановление законного и обоснованного приговора⁶.

Сопоставительный анализ содержания ч.1 ст. 345 УПК РСФСР и ч. 1 ст. 381 УПК РФ позволяет констатировать, что принципиальных различий как существенных, так и не указанных в качестве таковых – нет. Поэтому едва ли справедливым следует считать отказ законодателя не именовать такие нарушения в УПК существенными основаниями признания доказательств недопустимыми.

С учетом изложенного, полагаем, что под недопустимыми следует понимать доказательства, полученные с существенным нарушением требований уголовно-процессуального закона, предъявляемых к их источнику и способу собирания (формирования).

Недостаточная определенность и четкость законодателя в решении вопроса о процессуальной форме такого источника доказательств как «иные документы», порождает трудности не только у практиков в правоприменительной деятельности, но и вызывает полемику в науке уголовного процесса об условиях их допустимости. Вопрос о допустимости документов, частично поврежденных или сохранившихся лишь в определенной части, связан с известностью происхождения исполнителя документа. В некоторых случаях сам факт повреждения или частичного уничтожения документа превращает его в вещественное доказательство.

Полагаем, что документ является допустимым при наличии:

- а) данных, указывающих на то, каким образом он попал в материалы дела (сопроводительное письмо, протокол в порядке ч. 2 ст.86 УПК и т. д.);
- б) установленных реквизитов служебных документов или данных о гражданине, от которого исходит документ;

⁶ Быков В.А., Тренбак О. Н. Основания и критерии признания доказательств недопустимыми // Следователь. – 1998. – №9. – С. 38.

в) указаний на источник осведомленности составителя (ссылки на название нормативного акта, номер и дату архивного документа-доказательства, от которых получен и т. д.).

При отсутствии таких данных его составитель, по нашему мнению, может быть допрошен в качестве свидетеля. Так по делу Л. следователь представлял в качестве доказательства (иных документов) рапорт оперуполномоченного УФСКН РФ по Белгородской области о выявлении факта сбыта наркотического средства и акт осмотра, пометки и передачи денежных купюр, т.е. по сути результаты ОРД. Производя оценку данных документов, с точки зрения допустимости и достоверности, судья в приговоре пишет, что данные документы составлены, а действия произведены в соответствии с требованиями ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» с участием лиц, оказавших содействие проведению ОРМ, с разъяснением прав участникам проверочной закупки, в связи с чем, все составленные при проведении этого ОРМ протоколы и акты суд признает в соответствии со ст. 84 УПК РФ «иными документами», являющимися допустимыми. Проведение и соответствие данных доказательств подтверждено свидетелями. Проверочная закупка проведена на основании постановления, утвержденного начальником УФСКН РФ по Белгородской области, в связи с чем законность его проведения не вызывает сомнений⁷.

Кроме того, думается, что документ признается недопустимым, если в материалах дела не отражен способ его получения, отсутствуют обязательные реквизиты, плохо различим текст, нет надлежащего заверения⁸, а также есть нарушение правил изготовления этого документа. В ст. 86 УПК указывается, что защитник вправе собирать доказательства путем получения предметов, и документов и иных сведений, опроса лиц с их согласия, а также путем истребования справок, характеристик, иных документов. При этом уголовно-процессуальный закон не определил процессуальных форм и критериев допустимости для подобных «опросов», эти материалы рассматриваются судом наряду с процессуально оформленными документами органов предварительного следствия. Итак, порядок собирания доказательств защитником в отличие от следователя, точно не определен, что, как мы полагаем, ставит следователя и защитника в неравное положение, нарушает принцип состязательности, и может создать условия для фальсификации доказательств защитников или использования им недопустимых доказательств. В этой связи в противоречии находится упомянутая ч. 3 ст. 36 и ч. 2 ст. 75 УПК, признающая недопустимыми доказательства, собранные с нарушением уголовного процессуального законодательства.

При оценке документов большое значение имеет наличие в них необходимых реквизитов, но не всякое нарушение в реквизитах документа, его форме в целом, в условиях составления и получения влечет «автоматический» вывод о недопустимости (непригодности) документа. Недопустимость – это следствие существенных нарушений, которые создают неустранимое сомнение в достоверности фактической информации, содержащейся в документе. Такой широкий подход к определению границ использования документов в процессе связан с тем, что нормы процессуального закона, регламентирующие доказывание, преследуют прежде всего цель включить в орбиту судопроизводства всю имеющуюся фактическую информацию, если только может быть проверена ее достоверность, и она имеет значение для дела.

Содержание документа имеет также большое значение для решения вопроса о его допустимости. Если в документе содержатся догадки, слухи, в соответствующей части они доказательственного значения не имеют и являются недопустимыми⁹.

Некоторые исследователи полагают, что основаниями признания документов недопустимыми являются случаи, когда:

- не известен источник происхождения документа;
- отсутствуют обязательные реквизиты в официальных документах, нарушены правила его составления, предусмотренные ведомственными нормативными актами;
- имеются неустранимые сомнения в подлинности документов;
- форма и содержание документа-доказательства не соответствует установленным требованиям¹⁰.

⁷ Архив Октябрьского районного суда г. Белгорода. Дело №1- 480 – об.

⁸ Ефремова Н., Кальницкий В. Копии документов и уголовном процессе // Уголовное право. – 2001. – № 2. – С. 66.

⁹ Бецуков А.З. Документы как источники доказательств по уголовным делам о преступлениях в сфере экономики: процессуальные и криминалистические аспекты (по материалам Северо-Кавказского региона): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Краснодар, 1999. – С. 17.

В целом с данной позицией вполне можно согласиться. Кроме того документ может быть признан недопустимым как по инициативе властных субъектов уголовного процесса, так и по ходатайству сторон. Прокурор, следователь, дознаватель, при наличии соответствующих оснований обязаны признать документ недопустимым по собственной инициативе (ч. 2 ст. 88 УПК) или по ходатайству подозреваемого, обвиняемого (ч. 3 ст. 88 УПК). Суд вправе признать документ недопустимым, в порядке, установленном ст. ст. 234, 235 (ч. 4 ст. 88) УПК РФ.

На досудебных стадиях закон ограничивает возможности сторон в заявлении ходатайств о признании документов недопустимыми, предоставив его только подозреваемому и обвиняемому (ч.3 ст. 88 УПК). На стадии предварительного слушания и судебного разбирательства такое право сторон никем не ограничено (ст. ст. 235, 271 УПК).

Ходатайство сторон о признании документа недопустимым может быть заявлено и письменной или устной форме. Письменное ходатайство приобщается к уголовному делу, устное заносится в протокол следственного действия или судебного заседания (ст. 120 УПК). В ходатайстве должно быть указано на документ, об исключении которого заявлено, приведены основания для его исключения, предусмотренные законом, обстоятельства, предусмотренные законом; обстоятельства, обосновывающие ходатайство – сведения о фактах и обстоятельствах, свидетельствующих о недопустимости документа (ч.2 ст. 235 УПК). Данное ходатайство заявляется дознавателю, следователю либо в суд (ч. 2 ст. 119 УПК).

Ходатайство о признании документа недопустимым подлежит рассмотрению и разрешению непосредственно после его заявления. Когда немедленное рассмотрение и разрешение ходатайства, заявленного в ходе предварительного расследования, невозможно, оно должно быть разрешено не позднее 3 суток со дня его заявления (ст. 21 УПК). Решение по ходатайству может быть обжаловано прокурору или руководителю следственного органа (ст.124) либо и суд (ст. 125 УПК).

Решение о недопустимости документа принимается в форме мотивированного постановления. Установление достоверности «иного документа» осуществляется путем анализа содержания этого объекта и сопоставления его с иными доказательствами и их источниками.

Список литературы

1. Бецуков А.З. Документы как источники доказательств по уголовным делам о преступлениях в сфере экономики: процессуальные и криминалистические аспекты (по материалам Северо-Кавказского региона): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Краснодар, 1999.
2. Боголюбова Т.А. Доказательства // Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации ; под общ. и науч. ред. д-ра юрид. наук, проф. А.Я. Сухарева. – М., 2002.
3. Быков В.А., Тренбак О. Н. Основания и критерии признания доказательств недопустимыми // Следователь. – 1998. – №9.
4. Гродзинский М.М. Государственный обвинитель в советском суде. – М., 1954.
5. Доля Е.А. О доказательствах, доказывании и использовании результатов оперативно-розыскной деятельности // Гос-во и право. – 2002. – № 10.
6. Ефремова Н., Кальницкий В. Копии документов и уголовном процессе // Уголовное право. – 2001. – № 2.
7. Тренбак О.Н. Признание доказательств недопустимыми и исключение их из разбирательства дела в суде присяжных: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2000.
8. Архив Свердловского районного суда г. Белгорода. Дело №1- 426-06.
9. Архив Свердловского районного суда г. Белгорода. Дело №1- 48- 06, Дело № 1 – 142 – 06.
10. Архив Октябрьского районного суда г. Белгорода. Дело №1- 480 – 06.

SOME FEATURES OF THE ASSESSMENT OF "OTHER DOCUMENTS" IN THE CRIMINAL PROCEEDINGS RUSSIA

E.A. KUPRYASHINA

Belgorod National Research University

e-mail: kukupryashuna@bsu.edu.ru

The article describes the evaluation of "other documents" as a source of evidence of criminal proceedings in Russia. This article contains information about the gaps in the legislation that defines the concept of "other documents" in the theory of evidence, as well as controversial issues in their evaluation.

Key words: Evidence, documents , criminal proceedings

¹⁰ Тренбак О.Н. Признание доказательств недопустимыми и исключение их из разбирательства дела в суде присяжных: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2000. – С.22-23.

УДК 343.985

ПОНЯТИЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ПРИНЦИПОВ РОССИЙСКОГО УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

О.Ю. ЦУРЛУЙ*Белгородский университет
кооперации,
экономики и права**e-mail: kijalis@yandex.ru*

В статье рассматривается понятие принципов российского уголовного судопроизводства, анализируется их методологическое значение для правоприменения.

Ключевые слова: понятие принципов уголовного судопроизводства, значение принципов уголовного судопроизводства.

Дискуссия о понятии принципов уголовного процесса и их содержании ведется достаточно давно. В нее вовлечено значительное число ученых-процессуалистов, которые в своих работах рассматривали различные аспекты данной проблемы. Используя устоявшиеся в науке основные представления о принципах уголовного процесса, проведем анализ их понятия и сущностных признаков и обозначим методологическое значение.

Принцип в общем понимании – это основное, исходное положение какой-либо теории, учения, науки¹.

В этой связи его можно интерпретировать как главную идею, исходное нормативно-руководящее начало, характеризующее содержание права, его основы, закрепленные в нем закономерности общественной жизни².

В российском уголовном процессе достаточно исследований, посвященных понятию и системе принципов уголовного судопроизводства. Их анализ позволяет свидетельствовать, в целом, о наличии двух доминирующих позиций относительно понятия принципов уголовного судопроизводства.

В соответствии с одной из них к принципам уголовного судопроизводства относятся основополагающие, руководящие начала, определяющие построение и функционирование уголовно-процессуальных институтов и направление уголовно-процессуальной деятельности в целом, независимо от их законодательного закрепления³.

Как отмечают ее сторонники, в уголовно-процессуальной науке вопрос о необходимости закрепления принципов в виде норм-предписаний относится к сфере должностования, так как «в действительности многие принципы выполняли свое назначение и будучи закрепленными только в логических нормах»⁴.

Закрепление в тексте закона на взгляд сторонников вышеприведенной позиции не суть важно для правового принципа как потенциальной возможности, позыва к определенному устройству уголовного судопроизводства. Сам по себе факт их бытия в правовой идеологии оказывает влияние на позитивное уголовно-процессуальное право.

В этой связи А.С. Александров отмечает, что «свойство “нормативности”, закрепленности в тексте действующего закона имеет приходящее, а не сущностное значение для принципа»⁵. Процессуальные действия и отношения определяются идеями-принципами, которые не являются исключительно правовыми и специфическими для уголовного про-

¹ Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка / под ред. докт. филол. наук, проф. Н.Ю. Шведовой. Изд. 4-е, доп. – М.: Рус. яз., 1997. – С. 595-596; Современный толковый словарь русского языка / гл. ред. С.А. Кузнецов. – СПб.: «Норинт», 2002. – С. 615.

² Алексеев С.С. Общая теория права В 2-х томах. Т. I. – М.: Юрид. лит. 1981. – С. 98-99; Лившиц Р.З. Теория права. – М.: Издательство БЕК, 1994. – С. 196; Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. С. 124; Явич Л.С. Общая теория права. – Л., Изд-во ЛГУ, 1976. – С. 149.

³ Александров А.С. Принципы уголовного судопроизводства // Правоведение. – 2003. – № 5. – С. 164; Байтин М.И. О принципах и функциях права: Новые моменты // Правоведение. – 2000. – № 3. – С. 6-7; Белонос В.О., Колесников Е.В. Принцип законности при производстве по уголовному делу и его интерпретация Конституционным Судом РФ // Журнал российского права. – 2004. – № 5. – С. 52; Демидов И.Ф. Принципы советского уголовного процесса / Курс советского уголовного процесса. – М.: 1989. – С. 136-137.

⁴ Гриненко А.В. Источники уголовно-процессуальных принципов. – С. 21.

⁵ Александров А.С. Указ. соч. – С. 164.

цесса. Эти общесоциальные принципы либо совсем не закрепляются в тексте процессуальных законов, либо получают в них частичное отражение. Вместе с тем, «они оказывают регулирующее значение на правоприменительную практику»⁶.

Но самое общее определение понятия принципа выразил В.Т. Томин. На его взгляд это «мировоззренческая идея, максимальная для такого исследуемого объекта, как уголовный процесс, степени общности, проведенная в совокупности действующих в соответствующем судопроизводстве уголовно-процессуальных норм и практике их применения»⁷.

Многочисленные сторонники второй точки зрения относят к принципам только те наиболее общие и основополагающие положения, которые закреплены в процессуальных правовых нормах. На их взгляд это важнейшее условие реальной жизни принципов уголовного процесса. Любые идеи, научные положения, какими бы полезными они ни являлись для уголовного судопроизводства, не становятся принципами и даже отдельными, частными правилами, уже действующих принципов, пока они не будут закреплены законодательно⁸. В этой связи А.В. Кудрявцева, Ю.Д. Лившиц подчеркивали, что «научные принципы, будучи абстрактными идеями о должном, обращены к законодателю, тогда как после закрепления в нормах права они обращаются к правоприменителю»⁹. Это достаточно убедительный довод, который, наряду с анализом уголовно-процессуальной литературы приводит нас к убеждению о большей обоснованности последней точки зрения о том, что уголовно-процессуальные принципы должны быть закреплены в нормах права.

Принципы определяют правовую природу и специальную направленность уголовного процесса в полном согласовании с назначением уголовного судопроизводства защищать права и законные интересы лиц и организаций, потерпевших от преступлений, а также личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод (ст. 6 УПК РФ), верно отмечает З.З. Зинатуллин¹⁰.

В то же время, они не вытекают из назначения уголовного судопроизводства, но определяются одновременно и наряду с ним. Это категории различные по своему назначению и содержанию. Данный факт позволяет утверждать, что принципы так же, как и назначение уголовного судопроизводства, являются изначальными, отправными положениями для формирования и функционирования методологии процессуально-правовой системы. Они образуют «основу методологии уголовного судопроизводства – систему его важнейших и определяющих начал»¹¹.

Отметим, что принципы уголовного процесса как нормы руководящего назначения, имеют «императивный, обязательный характер по отношению ко всем стадиям и институтам уголовного процесса, каждый из которых, при применении его в отдельных стадиях может отличаться рядом особенностей»¹².

⁶ Демидов И.Ф. Источники уголовно-процессуальных принципов / Курс советского уголовного процесса. – М.: 1989. – С. 137.

⁷ Томин В.Т. Уголовный процесс: актуальные проблемы теории и практики. – М.: Издательство Юрайт, 2009. – С. 117.

⁸ Белобородов С.В. Принцип широкой свободы обжалования в уголовном судопроизводстве России: автореф. ... дисс. канд. юрид. наук. – Нижний Новгород, 2006. – С. 11; Газетдинов Н.И. Сущность и значение принципов уголовного судопроизводства // Уголовное судопроизводство. – 2008. – № 1. – С. 12; Давлетов А.А. Принципы уголовно-процессуальной деятельности // Известия вузов. Правоведение. – 2008. – № 2. – С. 95-96; Зинатуллин З.З., Зинатуллин Т.З. Система принципов российского уголовного процесса: Научные труды. Российская академия юридических наук. Выпуск 3. В 3 томах. Т. 3. – М.: Издательская группа «Юрист», 2003. – С. 94; Кашепов В.П. Принципы уголовного судопроизводства / Уголовный процесс: Учебник для вузов / под общ. ред. В.И. Радченко. Изд. 2-е, перераб. и доп. – М.: «Юридический Дом «Юстицинформ», 2006. – С. 356-357; Макогон Л.В. Реализация принципов уголовного судопроизводства в стадии возбуждения уголовного дела: автореф. ... канд. юрид. наук. – Екатеринбург, 2008. – С. 15; Насонов С.А. Принципы уголовного судопроизводства / Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: учебник / отв. ред. П.А. Лупинская. Изд. 2-е, перераб. и доп. – М.: Норма: Инфра-М, 2010. – С. 234; Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. С. 124; Уголовный процесс: Учебник для студентов юридических вузов и факультетов / под ред. К.Ф. Гуценко. – М.: «Зерцало», 2005. – С. 324-325; Химичева Г.П. Некоторые замечания о системе принципов уголовного судопроизводства по УПК РФ // Закон и право. – 2002. – № 9. – С.49-50.

⁹ Кудрявцева А.В., Лившиц Ю.Д. О понятии принципа в уголовном процессе // Правоведение. – 2001. – № 4. – С. 163.

¹⁰ Зинатуллин З.З., Зинатуллин Т.З. Указ. соч. – С. 94.

¹¹ Демидов И.Ф. Принципы уголовного судопроизводства в свете Конституции Российской Федерации (проблемы и решения) // Журнал российского права. – 2009. – № 6. – С. 66-76.

¹² Макогон Л.В. Указ. соч. – С. 15.

В прикладном, правоприменительном аспекте принципы уголовного судопроизводства следует рассматривать как основные правила поведения, которыми должны руководствоваться участники уголовного судопроизводства по уголовному делу.

Правило это отправное положение, выражающее закономерность, предписание, устанавливающее порядок чего-либо, установка, лежащая в основе чего-либо, норма поведения¹³, поведение – совокупность определенных действий, создающих целостное представление об образе деятельности¹⁴. То есть правило поведения это отправное предписание, положение, устанавливающее образ действий соответствующего субъекта.

Все принципы уголовного судопроизводства регламентированы нормами уголовно-процессуального закона. Это утверждение согласуется с нашей позицией, занятой относительно понятия принципов уголовного судопроизводства. Норма права, как известно, это правило поведения общего характера, рассчитанное на многократное применение, санкционированное государством, имеющее общеобязательную силу, наделяющее субъектов права юридическими правами и обязанностями, регулирующее общественные отношения и предусматривающее в случае нарушения ответственность¹⁵. Соответственно принципы, облаченные в нормы уголовно-процессуального права определяют правила поведения должностных лиц, осуществляющих уголовное судопроизводство, а также остальных участников уголовного процесса и лиц, вовлеченных в сферу уголовно-процессуальных отношений.

Проведя анализ отдельных вопросов отнесенных к понятию и системе принципов уголовного судопроизводства можно сделать некоторые промежуточные выводы.

В первую очередь отметим, что под принципами, в сущности понимаются основополагающие правовые положения построения и функционирования уголовного процесса в целом и его отдельных институтов, служащие реализации целей уголовного судопроизводства.

На этом основании попытаемся обосновать их методологическую роль в процессуальном правоприменении, что есть способность однозначно влиять на процессуальное поведение соответствующих участников уголовного судопроизводства в различных уголовно-процессуальных ситуациях. В основе этого тезиса лежит общетеоретическое определение понятия методологии¹⁶, интерпретированное к предмету уголовного процесса и настоящей статьи.

В уголовном процессе доминирует позиция, что его основными принципами, как было уже отмечено, являются важнейшие и определяющие правовые положения, имеющие руководящее значение и определяющие построение всех стадий, форм и институтов уголовного процесса, отражающие его наиболее существенные черты и свойства, характер и особенности, нацеленные на достижение целей и задач, поставленных государством перед уголовным судопроизводством, которые характеризуют уголовный процесс как действенное средство активной борьбы с преступными посяательствами¹⁷. В этом существенно выражается и методологическая роль принципов, она же позволяет им олицетворять собой «фундаментальную и стержневую базу построения и функционирования про-

¹³ Ожегов С.И. Указ. соч. – С. 498; Современный толковый словарь русского языка. – С. 594.

¹⁴ Там же. – С. 451; Там же. – С. 536.

¹⁵ Юридическая энциклопедия. Издание 5-е, дополненное и переработанное / под ред. М.Ю. Тихомирова. – М.: 2002. – С. 549.

¹⁶ Методология – это учение о научном методе познания; принципы и способы организации теоретической и практической деятельности; совокупность методов, применяемых в какой-нибудь науке (Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. Изд. 4-е, доп. – М.: Азбуковик, 1997. – С. 354).

¹⁷ Божьев В.П. Конституционные принципы уголовного судопроизводства // Уголовный процесс: учебник / под ред. В.П. Божьева. Изд. 3-е, испр. и доп. – М.: Издательство Юрайт; ИД Юрайт, 2011. – С. 55; Зинатуллин З.З., Зинатуллин Т.З. Указ. соч. – С. 94; Насонов С.А. Указ. соч. С. 234-235; Строгович М.С. Указ. соч. С. 124; Тыричев И.В. Принципы советского уголовного процесса: учеб. пособие. – М.: 1983. – С. 4; Уголовный процесс. Учебник для студентов юридических вузов и факультетов / под ред. К.Ф. Гуценко. – М.: «Зерцало», 2005. – С. 327.

цесса»¹⁸, выражать «внутреннее содержание уголовной политики государства, характеризовать уровень защиты прав и свобод человека в уголовном судопроизводстве»¹⁹.

Исходя из этого, в соответствии с предметным анализом специальной литературы можно выделить некоторые признаки и свойства принципов уголовного судопроизводства, имеющие методологическое значение для правоприменения.

1. В первую очередь это не любые, произвольно выбранные формы уголовного судопроизводства, а лишь те категории, которые имеют объективный характер, соответствуют социально-экономическим условиям развития общества и реализуются на основе демократических начал.

2. Принципы уголовного судопроизводства органически связаны с общеполитическими и общеправовыми принципами, согласуются по способу изложения и содержанию между собой, а также с другими законами.

3. Методологическая обязательность принципов основана на их закреплении в нормах права, что придает им определенность, гарантированность и обязательность прямого применения²⁰.

4. В их содержании заложены важные направления уголовного судопроизводства, которым должны следовать участники уголовного процесса в организации своей деятельности по правоприменению.

5. Методологически принципы уголовного судопроизводства образуют единую по своей сущности и назначению, систему, они взаимно обуславливают действие друг друга в системе, которая «определяет демократическое содержание и форму уголовного судопроизводства, игнорирование действия хотя бы одного из них недопустимо»²¹.

Приведенная система основных признаков и свойств призвана обеспечить единообразное понимание законности применения всех правовых предписаний в уголовном судопроизводстве, служить «методологической основой развития и совершенствования законодательства об уголовном процессе»²². Кроме того, методологически она призвана служить своеобразным механизмом, в котором должна четко работать каждая деталь и если по образному выражению Н.И. Газетдинова «отказывает одна из них, выходит из строя весь механизм, что в конечном итоге приводит к нарушению прав участников процесса»²³.

Данная система обладает всеми *общими* методологическими признаками и вместе с тем имеет ряд *особенностей*, которые выявляются, как пишет А.В. Гриненко в «каждом случае применения правовых положений при уголовно-процессуальной деятельности»²⁴.

Соблюдение принципов уголовного судопроизводства гарантируется, отмечает исследователь данной проблематики, внутригосударственным законодательством, обеспечивающим отмену или изменение незаконного или необоснованного действия (бездействия) или решения должностного лица, государственного органа, правом граждан обращаться в межгосударственные органы по защите прав и свобод человека, если все имеющиеся внутригосударственные средства правовой защиты исчерпаны (ч. 3 ст. 46 Конституции РФ)²⁵.

Принципы уголовного судопроизводства являются основой, на которой методологически функционирует уголовный процесс в целом, поскольку они проистекают из общетеоретических и основных конституционных принципов. Отнесение законом к общей

¹⁸ Алексеев Н.С., Даев В.Г., Кокорев А.Д. Указ. соч. С. 38; Сухарев А.Я. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / под ред. А.Я. Сухарева. Изд. 2-е, перераб. и доп. – М.: Норма, 2004. – С. 454-456.

¹⁹ Газетдинов Н.И. Понятие, сущность и социальная ценность принципов уголовного судопроизводства // Российский судья. 2007. № 10. С. 28-29; Lupinskaya P.A. Уголовно-процессуальное право: Учебник. – М.: Юристъ, 2005. – С. 236.

²⁰ Уголовный процесс. Учебник для студентов юридических вузов и факультетов / под ред. К.Ф. Гуценко. – М.: «Зерцало», 2005. – С. 326-327

²¹ Газетдинов Н.И. Указ. соч. – С. 13; Кашепов В.П. Указ. соч. – С. 358-359.

²² Там же. – С. 359.

²³ Газетдинов Н.И. Указ. соч. – С. 13.

²⁴ Гриненко А.В. Система принципов и цель производства по уголовному делу // Правоведение. – 2000. – № 6. – С. 185-186.

²⁵ Газетдинов Н.И. Сущность и значение принципов уголовного судопроизводства. – С. 14-15; Насонов С.А. Уголовно-процессуальное право: Учебник / под ред. П.А. Лупинской. – М.: Юристъ, 2005. – С. 325; Химичева Г.П. Указ. соч. – С.50-51.

части уголовно-процессуального закона, указывает на их руководящее значение при производстве тех или иных процессуальных действий и принятии процессуальных решений. Нарушение того или иного принципа при производстве процессуального действия влечет признание этого действия незаконным, а полученные в результате этого действия доказательства признаются недопустимыми.

Принципы, поскольку они имеют основополагающее значение, являются базой для построения различного рода механизмов (защитных, обвинительных и др.) реализации норм уголовно-процессуального права в практической деятельности, дают возможность развивать институты уголовного судопроизводства. В этом также мы усматриваем их методологическое значение. Фактически они регулируют процесс практического применения норм уголовно-процессуального права.

Чем воздействуют на уголовно-процессуальную деятельность, посредством «проведения их в нормах-правилах поведения, а также в нормах, регламентирующих права и обязанности участников уголовного процесса»²⁶.

Каждый принцип уголовного судопроизводства, закрепленный в главе 2 УПК РФ, находит свою реализацию на практике, при производстве предварительного расследования, в ходе судебного разбирательства по делу, при пересмотре судебных решений и т.д. Соблюдение принципов дознавателем, следователем, прокурором, судьей при производстве того или иного процессуального действия и принятии процессуального решения является гарантией законности этих действий и решений.

Подтверждением данного теоретического тезиса служит содержание норм, регламентирующих принципы в Уголовно-процессуальном кодексе РФ. Так, например, принцип законности обязывает суд, прокурора, следователя, орган дознания и дознавателя соблюдать нормы УПК РФ и применять при производстве по уголовному делу закон, не противоречащий УПК РФ, в противном случае, полученные доказательства будут признаны недопустимыми (ст. 7 УПК РФ).

Норма, регламентирующая принцип уважения чести и достоинства личности предписывает осуществление действий и принятие решений, никоим образом не унижающих честь участника уголовного судопроизводства, а также его человеческое достоинство и не создающих опасность для его жизни и здоровья (ст. 9 УПК РФ). Например, если следователь, дознаватель произведет освидетельствование лица иного пола, сопровождающееся обнажением данного лица не в соответствии с процессуальными предписаниями, то нарушит не только норму ч. 4 ст. 179 УПК РФ, но и принцип уважения чести и достоинства, то есть правило, установленное нормой ст. 9 УПК РФ.

Принцип неприкосновенности личности обязывает должностных лиц, осуществляющих уголовное судопроизводство производить задержание лица по подозрению в совершении преступления или заключение его под стражу только при наличии на то законных оснований, предусмотренных УПК РФ (ст. 10 УПК РФ). Данный принцип является основой построения норм, регламентирующих соответственно основания и порядок задержания (ст. 91, 92 УПК РФ) и применения заключения под стражу (ст. 108 УПК РФ) в качестве меры пресечения. Следователь, дознаватель производят задержание лица и применяют к нему меру пресечения в виде заключения под стражу руководствуясь указанными нормами, которые являются частными по отношению к ст. 10 УПК РФ.

Таким же образом регламентируются остальные принципы уголовного судопроизводства – обязывают следователя, дознавателя осуществлять уголовное судопроизводство в разумный, установленный законом срок (ст. 6.1 УПК РФ); разъяснять участникам уголовного судопроизводства их права и обязанности, принимать меры безопасности при наличии угрозы в отношении того или иного участника уголовного процесса (ст. 11 УПК РФ), осматривать жилище только с согласия проживающих в нем лиц или на основании судебного решения (ст. 12 УПК РФ), обеспечивать подозреваемому, обвиняемому право на защиту, в частности путем предоставления защитника (ст. 16 УПК РФ); производить ряд следственных действий, ограничивающих право на тайну переписки, телефонных и иных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений только на основании судебного решения (ст. 13 УПК РФ); вести уголовное судопроизводство на русском языке

²⁶ Томин В.Т. Указ. соч. – С. 123.

или государственных языках входящих в Российскую Федерацию республик (ст. 18 УПК РФ), оценивать доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному на совокупности имеющихся в уголовном деле доказательств, руководствуясь при этом законом и совестью (ст. 17 УПК РФ), производить открытое судебное разбирательство, за исключением случаев, предусмотренных УПК РФ (ст. 241 УПК РФ).

Однако, как мы отметили ранее, принципы методологически устанавливают правила поведения не только для должностных лиц и органов, осуществляющих уголовное судопроизводство, но и для остальных сторон, участников процесса.

Так, принцип состязательности обязывает каждую из них осуществлять именно те функции, которые возложены на нее законом (ст. 15 УПК РФ).

Принципы уголовного процесса предоставляют подозреваемому (обвиняемому) осуществлять свою защиту всеми способами и средствами, не запрещенными законом (ст. 16 УПК РФ), при этом он не обязан доказывать свою невиновность (ст. 14 УПК РФ). Каждый участник уголовного судопроизводства имеет право обратиться с жалобой прокурору, руководителю следственного органа или в суд на действия должностных лиц и органов, осуществляющих производство по делу (ст. 19 УПК РФ), давать объяснения и показания, заявлять ходатайства, приносить жалобы, знакомиться с материалами уголовного дела, выступать в суде на родном языке или другом языке, которым он владеет, пользоваться помощью переводчика, в случае, если он не владеет языком, на котором ведется уголовное судопроизводство (ст. 18 УПК РФ).

Изложенное приводит нас к выводу о том, что принципами уголовного судопроизводства признаются основополагающие, руководящие *правила поведения*, обязательные для всех участников уголовного судопроизводства, на них базируется и функционирует уголовное судопроизводство и обеспечивается законность при производстве по делу. Правила поведения, закрепленные в принципах, находят свое дальнейшее выражение и детальную регламентацию в частных нормах УПК, регулирующих соответствующие институты уголовного процесса.

Методологическое значение принципов заключается в том, что они оказывают непосредственное влияние на *функционирование уголовного судопроизводства* и являются его основой. Исходя из этого, реализация принципов в уголовном судопроизводстве заключается в неукоснительном соблюдении всеми участниками уголовного процесса правил поведения, регламентированных этими принципами.

Список литературы

1. Александров А.С. Принципы уголовного судопроизводства // Правоведение. – 2003. – № 5.
2. Алексеев С.С. Общая теория права. В двух томах. Т. I. – М.: Юрид. лит. 1981.
3. Байтин М.И. О принципах и функциях права: Новые моменты // Правоведение. – 2000. – № 3.
4. Белобородов С.В. Принцип широкой свободы обжалования в уголовном судопроизводстве России: автореф. ... дисс. канд. юрид. наук. – Нижний Новгород, 2006.
5. Белоносов В.О., Колесников Е.В. Принцип законности при производстве по уголовному делу и его интерпретация Конституционным Судом РФ // Журнал российского права. – 2004. – № 5.
6. Божьев В.П. Конституционные принципы уголовного судопроизводства // Уголовный процесс: учебник / под ред. В.П. Божьева. Изд. 3-е, испр. и доп. – М.: Издательство Юрайт; ИД Юрайт, 2011.
7. Газетдинов Н.И. Понятие, сущность и социальная ценность принципов уголовного судопроизводства // Российский судья. – 2007. – № 10.
8. Газетдинов Н.И. Сущность и значение принципов уголовного судопроизводства // Уголовное судопроизводство. – 2008. – № 1.
9. Гриненко А.В. Система принципов и цель производства по уголовному делу // Правоведение. – 2000. – № 6.
10. Давлетов А.А. Принципы уголовно-процессуальной деятельности // Известия вузов. Правоведение. – 2008. – № 2.
11. Демидов И.Ф. Принципы уголовного судопроизводства в свете Конституции Российской Федерации (проблемы и решения) // Журнал российского права. – 2009. – № 6.
12. Зинатуллин З.З., Зинатуллин Т.З. Система принципов российского уголовного процесса: Научные труды. Российская академия юридических наук. Выпуск 3. В 3 томах. Т. 3. – М.: Издательская группа «Юрист», 2003.

13. Кашепов В.П. Принципы уголовного судопроизводства / Уголовный процесс: Учебник для вузов / под общ. ред. В.И. Радченко. Изд. 2-е, перераб. и доп. – М.: «Юридический Дом «Юстицинформ», 2006.
14. Кудрявцева А.В., Лившиц Ю.Д. О понятии принципа в уголовном процессе // Правоведение. – 2001. – № 4.
15. Лившиц Р.З. Теория права. – М.: Издательство БЕК, 1994.
16. Макогон Л.В. Реализация принципов уголовного судопроизводства в стадии возбуждения уголовного дела: автореф. ... канд. юрид. наук. – Екатеринбург, 2008.
17. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка / под ред. докт. филол. наук, проф. Н.Ю. Шведовой. Изд. 4-е, доп. – М.: Рус. яз., 1997.
18. Современный толковый словарь русского языка / гл. ред. С.А. Кузнецов. – СПб.: «Норинт», 2002.
19. Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса: в 2 т: Т. 1. Основные положения науки советского уголовного процесса. – М.: Наука, 1968.
20. Сухарев А.Я. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / под ред. А.Я. Сухарева. Изд. 2-е, перераб. и доп. – М.: Норма, 2004.
21. Томин В.Т. Уголовный процесс: актуальные проблемы теории и практики. – М.: Издательство Юрайт, 2009.
22. Тыричев И.В. Принципы советского уголовного процесса: учеб. пособие. – М.: 1983.
23. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: учебник / отв. ред. П.А. Лупинская. Изд. 2-е, перераб. и доп. – М.: Норма: Инфра-М, 2010.
24. Уголовный процесс. Учебник для студентов юридических вузов и факультетов / под ред. К.Ф. Гуценко. – М.: «Зерцало», 2005.
25. Химичева Г.П. Некоторые замечания о системе принципов уголовного судопроизводства по УПК РФ // Закон и право. – 2002. – №9.
26. Юридическая энциклопедия. Издание 5-е, дополненное и переработанное / под ред. М.Ю. Тихомирова. – М.: 2002.
27. Явич Л.С. Общая теория права. – Л., Изд-во ЛГУ, 1976.

CONCEPTION OF LEGAL PROCEDURE'S FOUNDATIONS AND THEIR PRACTICAL SIGNIFICANCE

O.Y. TSURLUY

*Belgorod University of Cooperation,
Economics and Law*

e-mail: kijalis@yandex.ru

The article discusses the conception of legal procedure's foundations and their practical significance.

Key words: conception of legal procedure's foundations, practical significance of legal procedure's foundations.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЧАСТНОПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

УДК 342.7

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВАЯ СТРАТЕГИЯ ЗАЩИТЫ И ПОКРОВИТЕЛЬСТВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИЕЙ ГРАЖДАН, НАХОДЯЩИХСЯ ЗА ЕЕ ПРЕДЕЛАМИ

А.В. ВОЛЧЕНКО*Белгородский государственный
национальный исследовательский
университет*

В статье представлены авторские выводы и обобщения о современном конституционно-правовом регулировании защиты и покровительства Российской Федерацией граждан, находящихся за ее пределами; предложения о направлениях совершенствования рассмотренной правовой базы.

Ключевые слова: соотечественник, защита, покровительство, федеральный закон, межведомственная комиссия, государственная программа

Российская Федерация на высоком конституционном уровне гарантирует защиту и покровительство гражданам Российской Федерации, находящимся за ее пределами (ч. 2 ст. 61 Конституции Российской Федерации)¹.

В виду особой важности реализации указанного положения, оно получило свою дальнейшую конкретизацию в федеральном законодательстве, посредством определения государственной политики в отношении соответствующей категории граждан, правового статуса таких граждан, а также структур, занимающихся защитой и покровительством граждан России, находящихся за ее пределами.

Так, ч. 1 ст. 7 Федерального закона «О гражданстве Российской Федерации» продублировала указанную, базовую в этой сфере, конституционную норму². В данном правовом акте уточнено, что органы государственной власти Российской Федерации, дипломатические представительства и консульские учреждения Российской Федерации, находящиеся за пределами Российской Федерации, должностные лица указанных представительств и учреждений обязаны содействовать тому, чтобы гражданам Российской Федерации была обеспечена возможность пользоваться в полном объеме всеми правами, установленными Конституцией Российской Федерации, федеральными конституционными законами, федеральными законами, общепризнанными принципами и нормами международного права, международными договорами Российской Федерации, законами и правилами государств проживания или пребывания граждан Российской Федерации, а также возможность защищать их права и охраняемые законом интересы (ч. 2 ст. 7).

¹ Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с учетом поправок, внесенных законами Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации от 30 декабря 2008 г. № 6-ФКЗ и от 30 декабря 2008 г. № 7-ФКЗ) // Российская газета. – 1993, 25 декабря; 2009, 21 января.

² Федеральный закон РФ от 31 мая 2002 г. № 62-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации» // Российская газета. – 2002, 5 июня.

Законом от 19 февраля 1993 г. № 4530-1 определен статус вынужденных переселенцев, установлены экономические, социальные и правовые гарантии защиты их прав и законных интересов на территории Российской Федерации.

В данную группу документов также включен Федеральный закон от 24 мая 1999 г. № 99-ФЗ «О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом»³. В нем закреплены принципы, цели и основные направления государственной политики Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом, основы деятельности органов государственной власти Российской Федерации и органов государственной власти субъектов Российской Федерации по реализации указанной политики. Сделаем ремарку, что нормы данного документа распространяются не только на граждан Российской Федерации, находящихся за ее пределами, но также всех лиц, которые определяются в качестве соотечественников в соответствии с установлениями законодательства.

Необходимо отметить положения Федерального закона от 5 июля 2010 г. № 154-ФЗ «Консульский устав Российской Федерации»⁴, в соответствии с которыми консульская деятельность осуществляется в целях ... принятия Российской Федерацией мер к тому, чтобы граждане Российской Федерации и российские юридические лица пользовались за пределами Российской Федерации правами, установленными Конституцией Российской Федерации, общепризнанными принципами и нормами международного права, международными договорами, участниками которых являются Российская Федерация и государство пребывания, законодательством Российской Федерации и законодательством государства пребывания (ч. 1. ст. 1).

Следующий блок правовых актов, которые регулируют защиту и покровительство Российской Федерацией граждан, находящихся за ее пределами составляют указы Президента Российской Федерации и постановления Правительства Российской Федерации.

Так, одной из основных задач Министерства иностранных дел является защита дипломатическими и международно-правовыми средствами прав, свобод и интересов граждан и юридических лиц Российской Федерации за рубежом, для чего Министерство участвует в разработке и реализации государственной политики в области обеспечения прав и свобод граждан Российской Федерации, обороны и безопасности государства, расширения торгово-экономических и финансовых связей, научно-технического, культурного и иного обмена Российской Федерации с иностранными государствами и международными организациями, связей с соотечественниками, проживающими за рубежом⁵.

В соответствии с Указом Президента РФ от 28 октября 1996 г. № 1497 «Об утверждении Положения о Посольстве Российской Федерации» таковые осуществляют защиту прав и интересов граждан и юридических лиц России в государствах их пребывания с учетом законодательства данных государств⁶. Оказание помощи и защита со стороны дипломатических представительств осуществляются в тех случаях, когда имеют место нарушения прав и интересов российских граждан властями страны пребывания. Защите подлежат права и интересы, которые определены законодательством иностранного государства и международными договорами России.

В 2006 году указами Президента Российской Федерации в целях создания дополнительных условий для обеспечения добровольного переселения в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом, утверждена соответствующая Государственная программа, а также межведомственная Комиссия по ее реализации⁷. В качестве генеральной цели Государственной программы обозначено стимулирование и орга-

³ Федеральный закон РФ от 24 мая 1999 г. № 99-ФЗ «О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом» // Российская газета. – 1999, 1 июня.

⁴ Российская газета. – 2010, 7 июля.

⁵ Указ Президента РФ от 11 июля 2004 г. № 865 «Вопросы Министерства иностранных дел Российской Федерации» // СЗ РФ. – 2004. – № 28. – Ст. 2880.

⁶ Российская газета. – 1996, 31 октября.

⁷ См.: указы Президента РФ от 22 июня 2006 г. № 637 «О мерах по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом» (вместе с «Государственной программой по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом») // Российская газета. – 2006, 28 июня; от 1 августа 2006 г. № 814 «Вопросы Межведомственной комиссии по реализации Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом» // СЗ РФ. – 2006. – № 32. – Ст. 3533

низация процесса добровольного переселения в Российскую Федерацию соотечественников на основе повышения привлекательности ее субъектов, а также компенсация естественной убыли населения в стране в целом и в ее отдельных регионах за счет привлечения переселенцев на постоянное место жительства в Российскую Федерацию.

Позже были приняты указы Президента, касающиеся детализации некоторых вопросов деятельности указанной Межведомственной комиссии, а также ее председателя⁸.

Рассматриваемым комплексом проблем, связанных с защитой и покровительством граждан Российской Федерации, проживающих за рубежом, занимается и Правительство Российской Федерации. Еще в 1994 г. были утверждены меры по поддержке соотечественников за рубежом⁹.

В последующих постановлениях Правительства Российской Федерации: регулируется порядок финансирования субъектов России, включенных в Государственную программу поддержки соотечественников¹⁰; определяются условия и процедуры работы с соотечественниками, проживающими за рубежом и желающими добровольно переселиться в Российскую Федерацию¹¹; устанавливаются выплаты единовременного пособия на обустройство участникам Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников¹²; утверждается план мероприятий по информационному обеспечению Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом, на 2010-2012 годы¹³ и др.

Правоотношения рассматриваемой сферы также регламентируются подзаконными нормативными правовыми актами¹⁴.

Отдельным регулятивным блоком в заявленной области являются общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договора Российской

⁸ См.: указы Президента РФ от 1 ноября 2008 г. № 1571 «О некоторых вопросах Межведомственной комиссии по реализации Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом» // СЗ РФ. – 2008. – № 45. – Ст. 5192; от 1 августа 2006 г. № 814 «Вопросы Межведомственной комиссии по реализации Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом» // Российская газета. – 2006, 9 августа; от 26 июня 2008 г. № 1000 «О председателе Межведомственной комиссии по реализации Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом» // СЗ РФ. – 2008. – № 26. – Ст. 3051.

⁹ СЗ РФ. – 1994. – № 21. – Ст. 2383.

¹⁰ Постановление Правительства РФ от 20 октября 2006 г. № 622 «Об утверждении Правил предоставления субъектам Российской Федерации, включенным в Государственную программу по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом, государственной поддержки за счет средств федерального бюджета» // Российская газета. – 2006, 26 октября.

¹¹ Постановление Правительства РФ от 25 июня 2007 г. № 403 «Об организации работы с соотечественниками, проживающими за рубежом и желающими добровольно переселиться в Российскую Федерацию» // Российская газета. – 2007, 30 июня.

¹² Постановление Правительства РФ от 15 января 2007 г. № 7 «О порядке выплаты единовременного пособия на обустройство участникам Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом, и членам их семей» // Российская газета. – 2007, 20 января.

¹³ Постановление Правительства РФ от 17 июня 2010 г. № 456 «Об информационном обеспечении Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом, на 2010-2012 годы» // СЗ РФ. – 2010. – № 26. – Ст. 3356.

¹⁴ См., например: приказы ФМС РФ от 24 декабря 2008 г. № 407 «О компенсации участникам Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом, и членам их семей расходов на уплату государственной пошлины за оформление документов, определяющих правовой статус переселенцев на территории Российской Федерации» (вместе с «Порядком регистрации заявлений о выплате компенсации расходов на уплату государственной пошлины за оформление документов, определяющих правовой статус переселенцев на территории Российской Федерации»), «Порядком ведения реестров о выплате и размере компенсаций расходов на уплату государственной пошлины за оформление документов, определяющих правовой статус переселенцев на территории Российской Федерации») // Российская газета. – 2009, 4 февраля; от 2 августа 2007 г. № 165 «Об утверждении Инструкции по работе с участниками Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом, и членами их семей в территориальном органе Федеральной миграционной службы» // Российская газета. – 2007, 21 августа и др.

Федерации. Все они являются составной частью ее правовой системы в силу конституционного установления (ч. 4 ст. 15). В последние годы заключено более 100 межгосударственных и межправительственных соглашений в области поддержки соотечественников за рубежом в вопросах сохранения культуры и самобытности, образования, информационного обмена, охраны окружающей среды, здравоохранения, миграции, в области социально-трудовых отношений¹⁵. До 2000 г. действовало 18 долгосрочных целевых программ, в которых были проработаны вопросы о воссоздании единого образовательного и информационного пространства, предоставлении дополнительных льгот инвалидам и участникам ВОВ, предоставления гражданам государств-участников СНГ равных условий медицинского обслуживания и т.д.¹⁶

Здесь же уточним, что выполнение предусмотренных федеральным законодательством функций дипломатическими представительствами полностью соответствует положениям Венской конвенции о дипломатических отношениях 1961 г.¹⁷ и Венской конвенцией о консульских отношениях 1963 г.¹⁸.

В целом, представленная правовая основа регулирования защиты и покровительства Российской Федерации граждан, находящихся за ее пределами, является целостной, логически конкретизированной и соответствующей нормам международного права. Вместе с тем, полагаем, правозащитная сфера требует от государства особых усилий, которые необходимо отразить в соответствующем документе. Полагаем, таковым, на основе теоретико-концептуальных и прикладных доводов, может стать концепция, которая представляет собой вид обобщения, содействующего систематизации какого-либо знания и построению теорий.

Н.А. Богданова под концепцией в конституционном праве подразумевает теоретическое построение, соединяющее различные структурные элементы, качественные характеристики познаваемого наукой конституционного права предмета, способствующее его целостному восприятию и объяснению¹⁹.

В современной системе законодательства Российской Федерации насчитываются десятки Концепций, касающихся различных сфер общественных отношений²⁰. Вместе с тем, следует отметить, что концепция, которая бы упорядочивала и конкретизировала

¹⁵ См.: Договор между Российской Федерацией и Республикой Армения о правовом статусе граждан Российской Федерации, постоянно проживающих на территории Республики Армения, и граждан Республики Армения, постоянно проживающих на территории Российской Федерации (г. Москва, 29 августа 1997 г.); Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Казахстан о регулировании процесса переселения и защите прав переселенцев (г. Москва, 6 июля 1998 г.); Протокол между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Польша о прекращении действия в отношениях между Российской Федерацией и Республикой Польша Конвенции между Правительством Союза Советских Социалистических Республик и Правительством Польской Народной Республики о предотвращении возникновения случаев двойного гражданства, подписанной в Варшаве 31 марта 1965 г. (от 27 июля 1999 г.); Соглашение между Республикой Беларусь, Республикой Казахстан, Киргизской Республикой и Российской Федерацией об упрощенном порядке приобретения гражданства (г. Москва, 26 февраля 1999 г.); Соглашение между Российской Федерацией и Республикой Казахстан об упрощенном порядке приобретения гражданства гражданами Российской Федерации, прибывающими для постоянного проживания в Республику Казахстан, и гражданами Республики Казахстан, прибывающими для постоянного проживания в Российскую Федерацию (г. Москва 20 января 1995 г.); Соглашение между Российской Федерацией и Киргизской Республикой об упрощенном порядке приобретения гражданства гражданами Российской Федерации, прибывающими для постоянного проживания в Киргизскую Республику, гражданами Киргизской Республики, прибывающими для постоянного проживания в Российскую Федерацию, и выхода из прежнего гражданства (г. Москва 28 марта 1996 г.) // garant.ru и др.

¹⁶ Царенкова Е.Г., Батяев А.А. Комментарий к Федеральному закону от 24 мая 1999 г. № 99-ФЗ «О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом» (постатейный) // СПС КонсультантПлюс. 2006.

¹⁷ Ведомости ВС СССР. – 1964. – № 18. – Ст. 221.

¹⁸ Ведомости ВС СССР. – 1989. – № 12. – Ст. 275. Приложение.

¹⁹ Богданова Н.А. Система науки конституционного права. – М.: Юрист, 2001. – С. 189.

²⁰ См., например: Концепция внешней политики Российской Федерации (утв. 12.07.2008 г. № Пр-1440) Документ опубликован не был // www.garant.ru; Указ Президента РФ от 9 октября 2007 г. № 1351 «Об утверждении Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года» // СЗ РФ. – 2007. – № 42. – Ст. 5009; Указ Президента РФ от 28 июня 1993 г. № 966 «О Концепции правовой информатизации России» // Российские вести. – 1993, 13 июля и др.

аксиологические предпочтения в государстве, до сих пор нет. Поэтому мы разделяем позицию М.В. Мархгейм и поддерживаем принятие в России такой правозащитной концепции²¹, в составной части которой необходимо уделить внимание вопросам покровительства и защиты российских граждан за рубежом.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с учетом поправок, внесенных законами Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации от 30 декабря 2008 г. № 6-ФКЗ и от 30 декабря 2008 г. № 7-ФКЗ) // Российская газета. – 1993, 25 декабря; 2009, 21 января.
2. Федеральный закон РФ от 31 мая 2002 г. № 62-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации» // Российская газета. – 2002, 5 июня.
3. Федеральный закон РФ от 24 мая 1999 г. № 99-ФЗ «О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом» // Российская газета. – 1999, 1 июня.
4. Федеральный закон от 5 июля 2010 г. № 154-ФЗ «Консульский устав Российской Федерации» // Российская газета. – 2010, 7 июля.
5. Указ Президента РФ от 28 июня 1993 г. № 966 «О Концепции правовой информатизации России» // Российские вести. – 1993, 13 июля.
6. Указ Президента РФ от 28 октября 1996 г. № 1497 «Об утверждении Положения о Посольстве Российской Федерации» // Российская газета. – 1996, 31 октября.
7. Указ Президента РФ от 11 июля 2004 г. № 865 «Вопросы Министерства иностранных дел Российской Федерации» // СЗ РФ. – 2004. – № 28. – Ст. 2880.
8. Указ Президента РФ от 22 июня 2006 г. № 637 «О мерах по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом» (вместе с «Государственной программой по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом») // Российская газета. – 2006, 28 июня.
9. Указ Президента РФ от 1 августа 2006 г. № 814 «Вопросы Межведомственной комиссии по реализации Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом» // СЗ РФ. – 2006. – № 32. – Ст. 3533.
10. Указ Президента РФ от 9 октября 2007 г. № 1351 «Об утверждении Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года» // СЗ РФ. – 2007. – № 42. – Ст. 5009.
11. Указ Президента РФ от 1 ноября 2008 г. № 1571 «О некоторых вопросах Межведомственной комиссии по реализации Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом» // СЗ РФ. – 2008. – № 45. – Ст. 5192.
12. Указ Президента РФ от 26 июня 2008 г. № 1000 «О председателе Межведомственной комиссии по реализации Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом» // СЗ РФ. – 2008. – № 26. – Ст. 3051.
13. Концепция внешней политики Российской Федерации (утв. 12.07.2008 г. № Пр-1440) Документ опубликован не был // www.garant.ru
14. Постановление Правительства РФ от 20 октября 2006 г. № 622 «Об утверждении Правил предоставления субъектам Российской Федерации, включенным в Государственную программу по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом, государственной поддержки за счет средств федерального бюджета» // Российская газета. – 2006, 26 октября.
15. Постановление Правительства РФ от 15 января 2007 г. № 7 «О порядке выплаты единовременного пособия на обустройство участникам Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом, и членам их семей» // Российская газета. – 2007, 20 января.
16. Постановление Правительства РФ от 25 июня 2007 г. № 403 «Об организации работы с соотечественниками, проживающими за рубежом, желающими добровольно переселиться в Российскую Федерацию» // Российская газета. – 2007, 30 июня.
17. Постановление Правительства РФ от 17 июня 2010 г. № 456 «Об информационном обеспечении Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом, на 2010-2012 годы» // СЗ РФ. – 2010. – № 26. – Ст. 3356.

²¹ Мархгейм М.В. Конституционная система защиты прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации: Дис. ... докт. юрид. наук. – М., 2005.

18. Приказ ФМС РФ от 2 августа 2007 г. № 165 «Об утверждении Инструкции по работе с участниками Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом, и членами их семей в территориальном органе Федеральной миграционной службы» // Российская газета. – 2007, 21 августа.

19. Приказ ФМС РФ от 24 декабря 2008 г. № 407 «О компенсации участникам Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом, и членам их семей расходов на уплату государственной пошлины за оформление документов, определяющих правовой статус переселенцев на территории Российской Федерации» (вместе с «Порядком регистрации заявлений о выплате компенсации расходов на уплату государственной пошлины за оформление документов, определяющих правовой статус переселенцев на территории Российской Федерации», «Порядком ведения реестров о выплате и размере компенсаций расходов на уплату государственной пошлины за оформление документов, определяющих правовой статус переселенцев на территории Российской Федерации») // Российская газета. – 2009, 4 февраля.

20. Договор между Российской Федерацией и Республикой Армения о правовом статусе граждан Российской Федерации, постоянно проживающих на территории Республики Армения, и граждан Республики Армения, постоянно проживающих на территории Российской Федерации (г. Москва, 29 августа 1997 г.) // garant.ru

21. Протокол между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Польша о прекращении действия в отношениях между Российской Федерацией и Республикой Польша Конвенции между Правительством Союза Советских Социалистических Республик и Правительством Польской Народной Республики о предотвращении возникновения случаев двойного гражданства, подписанной в Варшаве 31 марта 1965 г. (от 27 июля 1999 г.) // garant.ru

22. Соглашение между Российской Федерацией и Республикой Казахстан об упрощенном порядке приобретения гражданства гражданами Российской Федерации, прибывающими для постоянного проживания в Республику Казахстан, и гражданами Республики Казахстан, прибывающими для постоянного проживания в Российскую Федерацию (г. Москва 20 января 1995 г.) // garant.ru

23. Соглашение между Российской Федерацией и Киргизской Республикой об упрощенном порядке приобретения гражданства гражданами Российской Федерации, прибывающими для постоянного проживания в Киргизскую Республику, гражданами Киргизской Республики, прибывающими для постоянного проживания в Российскую Федерацию, и выхода из прежнего гражданства (г. Москва 28 марта 1996 г.) // garant.ru

24. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Казахстан о регулировании процесса переселения и защите прав переселенцев (г. Москва, 6 июля 1998 г.) // garant.ru

25. Соглашение между Республикой Беларусь, Республикой Казахстан, Киргизской Республикой и Российской Федерацией об упрощенном порядке приобретения гражданства (г. Москва, 26 февраля 1999 г.) // garant.ru

26. Венская конвенцией о дипломатических отношениях 1961 г. // Ведомости ВС СССР. – 1964. – № 18. – Ст. 221.

27. Венская конвенцией о консульских отношениях 1963 г. // Ведомости ВС СССР. – 1989. – № 12. – Ст. 275. Приложение.

28. Богданова Н.А. Система науки конституционного права. – М.: Юрист, 2001.

29. Мархгейм М.В. Конституционная система защиты прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации: Дис. ... докт. юрид. наук. – М., 2005.

30. Царенкова Е.Г., Батяев А.А. Комментарий к Федеральному закону от 24 мая 1999 г. № 99-ФЗ «О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом» (постатейный) // СПС КонсультантПлюс. 2006.

CONSTITUTIONAL AND LEGAL STRATEGY PROTECTION AND PATRONAGE OF RUSSIAN FEDERATION BY CITIZENS, LOCATED BEYOND ITS BORDERS

A.V. VOLCHENKO

Belgorod National Research University

The article presents the author's conclusions and generalizations about the current constitutional legal regulation of protection and patronage of the Russian Federation citizens living abroad; suggestions on areas to improve the legal framework discussed.

Key words: compatriot protection. The protection of federal law, an interdepartmental committee, the state program

УДК – 340.153

НОРМАТИВНО–ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИНСТИТУТА ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА ЦЕНТРАЛЬНОЙ ВЛАСТИ В РЕГИОНАХ РОССИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XV – НАЧАЛЕ XVII ВВ.

Л. А. ГОГЕНКО*Санкт-Петербургский
университет МВД России**e-mail: gfibel@yandex.ru*

В статье рассматриваются вопросы правового регулирования деятельности наместников и воевод в России во второй половине XV – начале XVII вв. Показаны порядок их назначения, взаимодействия с местными органами власти и населением. Освещаются причины и условия реформирования системы наместничества и возникновения института воеводства. Значительное внимание уделяется особенностям правового статуса представителей в различных регионах.

Ключевые слова: наместник, воевода, представитель, центральная власть, полномочия, компетенция.

При поверхностном взгляде на институт представительства центральной власти в регионах может сложиться впечатление о том, что данное государственно-правовое явление заключается в простом делегировании монархом части собственных полномочий конкретному должностному лицу (посаднику, наместнику, воеводе, губернатору, генерал-губернатору) с закреплением за ним права их реализации на определенной территории. Подобное виденье, по нашему мнению, выражает узкий смысл рассматриваемого явления.

В широком смысле институт представительства интересов центральной власти в регионах представляет собой многоуровневую систему, в структуру которой включены различные элементы (подсистемы):

- система взаимоотношений монарха и представителя, включающая вопросы отчетности, ответственности за результаты деятельности;
- характер и объем реализуемых представляемым полномочий;
- механизм взаимоотношения с населением вверенных территорий;
- выполнение экономической и внешнеполитической функции.

Исследованию правового регулирования данных вопросов в отечественной историко-правовой науке уделялось недостаточное внимание. Особую актуальность представляет собой период XV – начала XVII вв., когда господствовавший до этого времени «институт кормления, в основе которого лежал порядок жалования князьями своих наместников и волостелей за службу землями в поместное владение, претерпевает значительные изменения»¹ и складывается регламентация системы наместничества, что представляет несомненный научный интерес.

Говоря о процессе централизации управления, М.Ф. Владимирский-Буданов указывал на то, что: «в новых условиях для непосредственного управления регионами, значение которых определялись их экономическим и демографическим потенциалом, а также военно-стратегическим положением, из числа бояр назначались «кормленщики» – наместники, получавшие определенный процент («кормление») от нормированного сбора налогов с вверенной им территории («уезда»)»².

В России наместник, подчиняясь непосредственно Великому князю (с 1493 года – царю), осуществлял административно-хозяйственные, контрольные и судебные функции. В приграничных уездах к ним добавлялись и военно-организационные обязанности. Здесь наместник именовался воеводой³.

¹ Слепцов Н.С. Институт губернатора в России: традиции и современные реальности / Н.С. Слепцов. – Москва: Издательство РАГС, 1997. – С.4-5.

² Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права / М.Ф. Владимирский – Буданов. – Ростов-на-Дону, 1995. – С.207.

³ Черепнин Л. В. Объединение русских земель вокруг Москвы / Л.В. Черепнин // Всемирная история. – М., 2001. – С.790-791.

В научной литературе, посвященной данному периоду, справедливо отмечается, что в XV веке: «институт наместников не означал ни централизации управления, ни, тем более, местного самоуправления... В этом случае речь шла лишь о локализации управления. Главная проблема заключалась в том, что наместники находились на содержании местного населения («кормление»), и потому контроль со стороны Центра был ослаблен. По сути, это была особая попытка централизовать управление, но реализованная своеобразным образом, так что централизации в настоящем смысле не получилось. В этом коренное отличие института наместников от позднейших институтов воевод и губернаторов»⁴.

Оценивая нормативное регулирование наместничества, Н.С. Слепцов указывает, что: «с точки зрения правовой регламентации института наместничества весьма примечательным документом является Белоозерская уставная грамота, данная Иваном III населению Белоозерского княжества в 1488 г., вскоре после его присоединения к Русскому государству. Первые статьи этой грамоты определяют количество «корма», взимаемого с каждой «сохи». Одна из статей этой грамоты запрещала наместнику самому собирать налоги, для чего белоозерцы выбирали сотских. Тем самым впервые был введен орган общественного контроля над деятельностью наместника. Кроме того, этот документ регламентировал деятельность наместничьего штата. Хотя в целом Великокняжеская власть была далека от того, чтобы унифицировать в праве свои отношения с территориальными органами управления. Так, наместникам и волостелям с конца XV – начала XVI века, по аналогии с Белоозерской грамотой, выдавались так называемые «доходные списки», подробно регламентирующие размеры кормов с каждой территории»⁵.

Вместе с тем «принцип самокупаемости», заложенный в конструкцию института наместничества, как правило, приводил к финансовому произволу наместников во вверенных территориях. Для усиления контроля московских властей над своими ставленниками в других землях сроки кормлений с конца XV – начала XVI веков были сокращены до 1-3 лет. Назначенный на кормление наместник, или «волостель», в течение отпущенного срока пополнял свои «животы» (имущество) и с восстановлением «достатка» возвращался в столицу исполнять бездоходные поручения великого князя, ожидая новой кормовой очереди.

Подобные антикоррупционные меры, по мнению Н.С. Слепцова, имели весьма положительный эффект. «Политика великокняжеской власти по укреплению централизованного государства включала в себя серьезное ограничение власти кормленщиков-наместников. Эти меры получали поддержку как дворянства, так и крестьян, заинтересованных в улучшении деятельности суда и того звена государственного управления, где корыстолюбие кормленщиков проявлялось особенно остро. Должность наместника, в которой соединились понятия сана и должности, могла существовать только при княжеском многовластии, а появление единодержавия неизбежно приводило к необходимости упразднения наместничества»⁶.

Более того, для повышения эффективности управления «параллельно с наместничеством появился, а в некоторых регионах заменил его институт выборного самоуправления («губные старосты», «излюбленные головы» и «целовальники»), в компетенцию которого перешли местная судебная система, состояние городов и дорог, общественные работы и полицейские функции. Выборные должности могли занимать представители различных сословий. И наместники, и выборные лица подчинялись непосредственно царю»⁷.

Предпосылкой к этому явилось то, что по многочисленным ходатайствам помещного дворянства в 1539-1541 гг. правительство выдало наместникам так называемые губные грамоты, в которых регламентировался порядок организации и деятельности новых, губных органов власти на местах. Первые губные грамоты получили Белоозерский и Каргопольский уезды в октябре 1539 г. Согласно грамотам, поимка и казнь «лихих людей» в каждом округе («губе») возлагались на выборные губные органы»⁸.

⁴ Туровский Р. Проблема централизации и модели русской региональной политики в XIII – XVI вв. / Р. Туровский // Полис. – 2004. – № 1. – С. 132-133.

⁵ Слепцов Н.С. Институт губернатора в России: традиции и современные реальности / Н.С. Слепцов. – Москва: Издательство РАГС, 1997. – С.6.

⁶ Там же. – С.7.

⁷ Федоров А.Ю. Представительство интересов центральной власти в регионах России (исторический опыт и современные тенденции): дис. ... канд. полит. наук / А.Ю. Федоров. – М., 2006. – С. 57.

⁸ Акты собранные в библиотеках и архивах Российской Империи Археологической экспедицией Императорской Академии наук. Т. 1. 1294-1598. – Санктпетербург, 1836. – С. 92-94.

С 1555 г. губные органы получили повсеместное распространение. В каждом губном округе (волости, а позднее и в уезде) из числа дворян выбирался губной староста. Для утверждения в должности избранный являлся в Разбойный приказ. При каждом губном старосте во второй половине XVI в. появилась губная изба, делопроизводство в которой поручалось губному дьяку. Первое время губные старосты избирались бессрочно, затем ежегодно. Постепенно расширялась область их компетенции. Помимо разбойных дел они стали расследовать дела о татях, убийствах, заведовали тюрьмами⁹.

В целом, согласно позиции Н.П. Ерошкина: «К началу XVII века в России сложилась определенная система государственных учреждений как в центре (приказы), так и на местах, осуществлявшая основные задачи государства, его административные, военные, судебные, финансовые и иные функции. Процесс становления этой системы государственных учреждений шел параллельно с укреплением власти великого князя Московского и установлением самодержавной власти в России. Постепенно происходила бюрократизация государственного аппарата России, появились линии подчиненных друг другу учреждений и органов управления (Боярская дума – приказ – наместник – тиун). Была создана иерархия чиновников (судья приказа – дьяк – подьячие: старшие, средние и младшие), появились отдельные элементы бюрократической системы государственной власти. Многие исполнительные и распорядительные функции сосредоточились в приказах, их делопроизводстве и ведении отдельных чиновников»¹⁰.

В ходе губной и земской реформ Ивана IV кормления в некоторых местах были заменены либо дополнены выборным самоуправлением (выборные старосты, а также их помощники – целовальники, дьяки), однако институт кормления продолжал сохраняться на большей части Московии. На пограничных территориях была введена должность воеводы, который выполнял в уезде военные, хозяйственно-административные, фискальные и судебные функции. В это время происходит формирование такой системы власти и управления, которая сочетала в себе «...централизованное управление государством и местное самоуправление»¹¹. Основным результатом преобразований Ивана IV в системе местного управления стало создание унифицированного аппарата управления на всей территории государства¹².

Из числа гражданских слуг, подчиненных воеводе, главным являлся дьяк. Он был советником воеводы по всем вопросам воеводской администрации, кроме военных. Дьяки назначались в каждое большое воеводство, а их подпись требовалась на всех официальных документах воеводы. Помимо дьяка в приказной или воеводской избе действовало определенное число подьячих и приставов. Третий разряд подчиненных воеводам служилых людей составляли слуги, выбиравшиеся народом. Выборные должности, появившиеся при Иване Грозном для собирания с жителей налогов и судопроизводства при его преемниках, то упразднялись, то учреждались вновь, но всегда были зависимы от воеводы¹³. Выборы таможенных и кабацких голов, а в некоторых местах ямских старост, равно как губных старост и целовальников, проводились под полным контролем воевод. Воеводы давали им свои наказания, требовали для счета и проверки их книги, контролировали исполнение обязанностей, а в случае обнаружения нарушений отсылали их на суд в Москву. В некоторых областях зависимость выборных слуг от воеводы была так велика, что само избрание их теряло всякий смысл, и жители обращались с просьбами к царю избавить их от необходимости участвовать в этих выборах.

Реформирование основанной на «самокупаемом кормлении» системы наместничества привело к становлению воеводско-приказной системы представительства интересов центральной власти в Московском государстве.

«Функции воевод и их действия определялись Судебником 1550 г., царскими указами и наказами воеводам. В опубликованной профессором В.Д. Димитриевым уставной грамоте волостям Казанского края 1574 г. воеводы и головы обязаны были обеспечить исправное по-

⁹ Слепцов Н.С. Институт губернатора в России: традиции и современные реальности / Н.С. Слепцов. – Москва: Издательство РАГС, 1997. – С.7.

¹⁰ Ерошкин Н.П. История государственных учреждений дореволюционной России / Н.П. Ерошкин – М., 1968. – С. 46-47.

¹¹ Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права / М.Ф. Владимирский – Буданов. – Ростов-на-Дону, 1995. – С.205-209.

¹² Ключевский В.О. Курс русской истории. Т. 3 / В.О. Ключевский. – М., 1988. – С.139.

¹³ Андреевский И.Е. О наместниках, воеводах и губернаторах / И.Е. Андреевский. – СПб., 1864. – С.43-45, 49-52.

ступление налогов от ясачных людей, выполнение ими повинностей, прежде всего городового дела, несение военной службы служилыми и ясачными людьми, осуществлять меры по предотвращению антифеодальной и антиправительственной борьбы, устанавливая тайную слежку за поведением местного населения, подавлять восстания, пресекать грабежи и разбои. В уставной грамоте особо отмечается запрет воеводам наносить обиды местному населению, заниматься взяточничеством и коррупцией, особенно в решении судебных дел. В сохранившихся наказах более позднего времени (1613 г.) в связи с назначениями казанского и чебоксарского воевод призывается учитывать сложную политическую обстановку в Казанском крае, необходимость постоянного поддержания военного порядка, к дружным и согласованным действиям местной царской администрации в крае, т.е. воевод и дьяков. Хотя эти указы касались сложной обстановки конца Смутного времени, но события середины предшествующего века мало чем отличались по напряженности»¹⁴.

«Воеводам следовало строго придерживаться предписаний наказов относительно строительства городов и острогов, организации их охраны, проведения военных экспедиций, сбора ясака, управления служилыми людьми, отношений с инородцами, организации торговли, заведения пашни, устройства соляных варниц, строительства дорог. Но, понятно, что не всегда в Казанском приказе удавалось учесть и понять реальную обстановку на местах. Связано это было, прежде всего, с географической отдаленностью и постоянно сохранявшейся опасностью нападения инородцев. Поэтому воеводе предоставлялась определенная самостоятельность в решении широкого круга вопросов. Практически во всех первых сибирских наказах и многих царских грамотах воеводе предписывается реализовывать предписания центра, «смотря по тамошнему делу», то есть на свое усмотрение. К примеру, в наказе сургутским воеводе О.Т. Плещееву и голове И.И. Колемину (1595 г.) предписывалось, прибыв в Сургут, «взяти у князя Федора Борятинского государев подлинный наказ, и государевы грамоты о всяких государевых и о земских делах, а взяв государев наказ и государевы грамоты, государевы дела делать смотря по тамошнему делу, как будет пригоже и государю прибыльнее». В наказе пельымскому воеводе П.И. Горчакову и голове С. Ушакову при строительстве острога и размещении людей так же предоставлялась самостоятельность действий: «смотря по тамошнему месту, как бы вперед было государеву делу прибыльнее». Данные предписания наделяли воевод более обширной властью, нежели которой обладали воеводы в Европейской России, и связано это, прежде всего с тем, что освоение сибирских просторов только начиналось и воеводам приходилось порой самим решать многочисленные проблемы, возникавшие в ходе колонизации»¹⁵.

Таким образом, правительство, хотя и не могло поставить под полный контроль деятельность воевод, в силу объективно необходимой им управленческой и финансовой самостоятельности, но пыталось ограничить возможные злоупотребления, предоставив местному населению право обжалования их действий, а также установлением механизма финансового контроля при сложении полномочий.

Введение института воевод стало важным этапом на пути централизации местного управления в России. Прежнее право наместников рассматривать подчиненное им население в качестве средства для удовлетворения своих личных потребностей для воевод было переведено в разряд злоупотреблений. Тем самым существенно увеличивались ресурсы административно-политического воздействия московских властей на воевод и их аппарат управления¹⁶. При царе Михаиле Федоровиче, как отмечает А.В. Семенов: «воеводство получает повсеместное распространение, что было вызвано необходимостью централизации государства для выхода из кризиса, обусловленного последствиями Смуты, а также попытками выработать более эффективный и оперативный механизм местного управления»¹⁷.

¹⁴ Кузьмин Е.П. Воеводское управление в Марийском крае в XVIII веке: дис. ... канд. ист. наук / Е.П. Кузьмин. – Йошкар-Ола, 2009. – С. 36.

¹⁵ Симачкова Н.Н. Становление воеводской системы управления в Сибири в конце XVI – начале XVII века: дис. ... канд. ист. наук / Н.Н. Симачкова. – Нижневартовск, 2002. – С. 32-33.

¹⁶ Слепцов Н.С. Институт губернатора в России: традиции и современные реальности / Н.С. Слепцов. – Москва: Издательство РАГС, 1997. – С. 13.

¹⁷ Семенов А.В. Полномочный представитель Президента Российской Федерации в федеральном округе (вопросы теории и конституционно-правового регулирования): дис. ... канд. юрид. наук / А.В. Семенов. – СПб., 2004. – С. 13.

Преодоление феодальной раздробленности и весьма динамичный процесс централизации Российского государства в конце XV – середине XVI веков требовал от правительства новых подходов в государственном управлении. Двойственный характер процесса включения в состав Московского государства Сибири и Среднего Поволжья, с одной стороны, усложнил задачу перестройки центральных и местных органов управления, однако, с другой – ускорил процесс реформирования системы представительства центральной власти на местах.

Список литературы

1. Акты собранные в библиотеках и архивах Российской Империи Археографическою экспедициею Императорской Академии наук. Т. 1. 1294-1598. – Санктпетербургъ, 1836.
2. Андреевский И.Е. О наместниках, воеводах и губернаторах / И.Е. Андреевский. – СПб., 1864.
3. Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права / М.Ф. Владимирский – Буданов. – Ростов-на-Дону, 1995.
4. Ерошкин Н.П. История государственных учреждений дореволюционной России / Н.П. Ерошкин – М., 1968.
5. Ключевский В.О. Курс русской истории. Т. 3 / В.О. Ключевский. – М., 1988. – 139 с.
6. Кузьмин Е.П. Воеводское управление в Марийском крае в XVIII веке: дис. ... канд. ист. наук / Е.П. Кузьмин. – Йошкар-Ола, 2009. – 36 с.
7. Семенов А.В. Полномочный представитель Президента Российской Федерации в федеральном округе (вопросы теории и конституционно-правового регулирования): дис. ... канд. юрид. наук / А.В. Семенов. – СПб., 2004. – 13 с.
8. Симачкова Н.Н. Становление воеводской системы управления в Сибири в конце XVI – начале XVII века : дис. ... канд. ист. наук / Н.Н. Симачкова. – Нижневартовск, 2002.
9. Слепцов Н.С. Институт губернатора в России: традиции и современные реальности / Н.С. Слепцов. – Москва: Издательство РАГС, 1997.
10. Трифонов А.Г., Межуев Б.В. Генерал-губернаторство в российской системе территориального управления / А.Г. Трифонов, Б.В. Межуев // Полис. – 2000. – № 5.
11. Туровский Р. Проблема централизации и модели русской региональной политики в XIII – XVI вв. / Р. Туровский // Полис. – 2004. – № 1. – С. 132-133.
12. Федоров А.Ю. Представительство интересов центральной власти в регионах России (исторический опыт и современные тенденции) : дис. ... канд. полит. наук / А.Ю. Федоров. – М., 2006. – 57 с.
13. Черепнин Л. В. Объединение русских земель вокруг Москвы / Л.В. Черепнин // Всемирная история. – М., 2001. – С. 790-791.

NORMATIVE AND LEGAL SUPPORT OF THE ACTIVITY OF THE INSTITUTION OF THE CENTRAL POWER REPRESENTATION IN THE REGIONS OF RUSSIA IN THE SECOND HALF OF THE XVTH – THE BEGINNING OF THE XVIIITH CENTURIES

L.A. GOGENKO

*St. Petersburg University of MIA
of Russia*

e-mail: gfbel@yandex.ru

The article deals with the legal regulation of namestnik (viceroy) and voyevoda's (governor of a province) activity in Russia in the end of XV – the beginning of XVII centuries. Their appointment procedure, interactions with local government and population are defined. Causes and factors of reforms and replacing the system of namestniks by voyevoda's administration are shown. Much attention is paid to the characteristics of legal status of representatives in different regions.

Key words: namestnik (viceroy), voyevoda (governor of a province), representative, central power, authorities, competence.

УДК – 351.741

ОСОБЕННОСТИ ПОДГОТОВКИ И ПРИНЯТИЯ НОРМАТИВНО-ПРАВОВЫХ АКТОВ, РЕГУЛИРУЮЩИХ ОРГАНИЗАЦИЮ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ВЕДОМСТВЕННОЙ МИЛИЦИИ РСФСР В ПЕРИОД 1923-24ГГ.

Д.А. ЕРИН*Владимирский юридический
институт ФСИН РФ**e-mail: dmitry-0333@mael.ru*

В статье рассматриваются некоторые аспекты подготовки и принятия нормативно-правовых актов, регламентирующих порядок формирования и деятельности ведомственной милиции в РСФСР. На основе архивных источников, впервые введенных в научный оборот, выявлены причины и особенности, оказавшие влияние на принятие ведомственных нормативно-правовых актов, регулирующих организационно-правовые основы деятельности ведомственной милиции в РСФСР.

Ключевые слова: история милиции РСФСР, ведомственная милиция, организация и деятельность, правовое регулирование.

Необходимость охраны предприятий и учреждений РСФСР не вызывала сомнения не только у руководства государства и НКВД РСФСР, но и у большинства заинтересованных в надлежащем обеспечении сохранности имущества и продукции. подведомственных заводов. Фабрик. организаций и учреждений.

Практика сокращения милицейского аппарата в период 1921-1923 гг. и перевод финансирования милиции на счет местных бюджетов привели к тому, что органы милиции на местах, не могли полностью обеспечить выполнение своей основной функции – борьбу с преступностью и охрану общественного порядка. Следствием сложившейся ситуации, стало то, что охрана предприятий, заводов, фабрик и учреждений, фактически полностью сосредотачивалась в руках администраций означенных органов и осуществлялась вольнонаемной сторожевой охраной, полностью зависящей от руководства предприятия или учреждения.

Вместе с тем, эффективность такого вида охраны вызывала сомнения, так как правовой статус сторожей не предусматривал наделения этого института властными полномочиями, что, соответственно, отрицательно влияло на обеспечение должной охраны имущества и материальных ценностей предприятий и учреждений. Так, сторожа не имели права производить личный досмотр подозреваемых в краже с предприятия, задерживать, привлекать к ответственности и осуществлять оперативную работу. Сторожевые команды, как правило, не вооружались, либо осуществляли несение службы охраны с охотничьим оружием. Кроме того, качественный состав вольнонаемных сторожей не отвечал требованиям, т.к. как правило, сторожевые команды состояли либо из стариков, либо лиц с ограниченной трудоспособностью и несовершеннолетних.

Несмотря на то, что сторожевые команды, артели и отдельные сторожа, в некоторых губерниях, организовывались и подчинялись милиции, как например, во Владимирской губернии, в большинстве губерний и областей РСФСР, организация охраны предприятий осуществлялась администрацией самостоятельно, а подчинение ее милиции носило номинальный характер.

Кроме того, на местах, практически вопреки, всем актам, регулирующим деятельность милиции, руководство территориальных органов в частном порядке приступило к формированию дополнительных штатов милиции за счет средств заинтересованных в наличии милицейской охраны, организаций и предприятий.

Необходимость правового регулирования организации милицейской охраны, в первую очередь, государственных предприятий и учреждений, в целом соответствовала внутригосударственной новой экономической политике и позволяла, с учетом сложившихся условий, закрепить на уровне общегосударственного нормативно-правового акта, возможность органу государственной власти – милиции, осуществлять охрану на возмездной основе.

Подготовка к организации ведомственной милиции началась в 1923 году. Руководство НКВД предпринимало все усилия для того чтобы придать существующей охране предприятий и учреждений законный статус и сосредоточить всю охрану народного достояния в руках милиции. Так, на основании протокола совещания 24 августа 1923 года ответственных работников отдела организации и службы милиции ГУМ НКВД РСФСР и представителей Заготхоза, было принято постановление, в котором предписывалось организационному подотделу к 7 сентября 1923 года «...разработать мотивированный доклад начальнику ЦАУ о том, чтобы ведомственная охрана, фактически в большинстве местностей, находящаяся в ведении милиции, была бы последней, формально передана, с тем, чтобы милиция ведала бы структурой, службой и личным составом *промышленной милиции* (имеется ввиду – сторожевая охрана), остающейся на содержании промышленных предприятий, которые она обслуживает»¹.

5 сентября 1923 года на основании протокола совещания ответственных работников отдела милиции, организационному подотделу предписывалось к 1 января 1924 года осуществить все мероприятия с целью «...провести в жизнь закрепление ведомственной охраны за милицией»². Так как на местах, особенно на уровне уездов, контроль за деятельностью сторожей мог осуществляться различными органами. Например, согласно акта инспектирования от 29 января 1924 года Свердловско-Сухаревского района Вологодской губернии, было установлено, что охрана фабрик производится вольнонаемными сторожами, находящимися в ведении пожарной команды, в Забайкальской области – сторожевая охрана вообще не имела никакой связи с милицией, в Енисейской губернии – все вооруженные сторожа находились под надзором органов ГПУ³.

Однако, это решение не обрело форму приказа или циркуляра, так как вопрос месте и роли милиции в обеспечении охраны предприятий и учреждений государства оставался не разрешен на уровне общегосударственного нормативно-правового акта.

18 сентября 1923 года в НКВД РСФСР состоялось межведомственное совещание, на котором присутствовали представители отдела милиции, уголовного розыска, Реввоенсовета, ГПУ, Московской милиции, НКТ, Наркомздрава, ВСНХ и НКВТ, в центре которого был доклад т. Скалова «Об учреждении на местах, распоряжением местных органов власти ведомственной охраны и необходимости узаконить учреждение означенной охраны»⁴. Итогом этого совещания стала резолюция, принятая большинством голосов участников, в которой, наряду с необходимостью охраны народного достояния «...принадлежащего государственным торговым и промышленным предприятиям, а также частным, имеющим государственное значение...», отмечалось, что «...охранение общественного порядка, спокойствия и революционной законности, в пределах территорий, занимаемых этими предприятиями и учреждениями, возложить на государственную милицию»⁵. Фактически, эта резолюция предлагала упорядочить существующую в различных административно-территориальных образованиях РСФСР и утвержденную местными губ- и облисполкомами, фабрично-заводскую, промысловую, приисковую, горную милиции (Московская, Тверская, Екатеринбургская, Астраханская, Грозненская губернии и Донская область) и «...не создавая какого-либо нового института вооруженной охраны,

санкционировать на местах организации ведомственной милиции, путем издания соответствующего постановления»⁶.

В октябре 1923 года начальником административно-организационного отдела Шавровым был представлен к обсуждению всеми заинтересованными ведомствами, проект положения «О промышленной милиции СССР», обсуждение которого продолжалось до конца года⁷.

¹ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ), ф.393, оп.51, д.11, л.1.

² ГАРФ, ф.393, оп.51, д.11, л.3.

³ ГАРФ, ф.393, оп.43(а), д.345, л.2(об); д.359, л.28; д.363, л.5.

⁴ ГАРФ, ф.393, оп.50, д.1, л.18.

⁵ ГАРФ, ф.393, оп.50, д.1, л.18.

⁶ ГАРФ, ф.393, оп.51, д.176, л.12.

⁷ ГАРФ, ф.393, оп.51, д.176, лл.6,8.

После достаточно длительной предварительной работы и различных согласований, 6-го февраля 1924 года СНК РСФСР принял постановление «О ведомственной милиции», а 27 февраля 1924 года приказом № 55/с начальника милиции Республики оно было введено в действие⁸.

Особенностью этого нормативно-правового акта стало, то, что Постановление СНК РСФСР «О ведомственной милиции» носило общий характер и не предусматривало подробного механизма организации и функционирования ведомственной милиции. Однако, несмотря на это, впервые на уровне общегосударственного законодательного акта в п.1 было закреплено, что «...охрана разного рода имущества, принадлежащего государственным предприятиям, а также частным предприятиям, имеющим государственное значение, возлагается на существующую общую милицию, с передачей ей всех обязанностей по сохранению общественного порядка, спокойствия и революционной законности в пределах территорий, занимаемых вышеуказанными предприятиями и учреждениями»⁹. Тем, самым государство вменяло в обязанность единственному органу исполнительной власти – советской милиции, осуществлять охрану общественного порядка и борьбу с преступностью на предприятиях и учреждениях народного хозяйства.

Несомненно, важнейшим положением, определившим существование ведомственной милиции, на протяжении всего последующего периода ее функционирования, стало то, что в условиях сокращения штатов милиции, отечественный законодатель, нашел выход в увеличении числа милиционеров, необходимых для осуществления охраны предприятий, «...за счет обслуживаемых ведомств и предприятий, на договорных началах, определяющих на эту надобность средства и потребное количество милиционеров»¹⁰.

Особенностью Постановления стала неопределенная позиция руководства страны по поводу обязательности замены охраны промышленных объектов ведомственной милицией, что проявилось в формулировке 4-го пункта – «...существующая на местах ведомственная охрана разных заводов, за исключением, однако, лесной стражи, железнодорожной охраны и вооруженной охраны военного ведомства, может по ходатайству о том, заинтересованных ведомств и предприятий, заменяться милицией...»¹¹. Это положение стало итогом, почти годового обсуждения со стороны заинтересованных ведомств вопроса о необходимости организации ведомственной милиции, исключающее обязательность замены всех видов охраны ведомственной милицией.

Учитывая, отрицательную позицию отдельных ведомств по поводу обязательности создания ведомственной милиции на предприятиях, 28 декабря 1923 года, на совещании Малого СНК, при рассмотрении очередного проекта Положения о ведомственной милиции, предполагалось включить примечание к пункту 4 в котором оговаривалось, что «...в случае нежелания отдельных ведомств и предприятий содержать ведомственную милицию, им предоставляется право, по получении на то ...разрешения ОГПУ, учреждать у себя самостоятельно вооруженную охрану...»¹². Причем, в этом случае органы общей милиции «...не несут никакой ответственности за деятельность этой охраны...». Однако, в окончательный вариант Постановления, это примечание не было включено.

В последствии, особенно не местах, именно, двусмысленная формулировка 4 пункта, вызвала множество конфликтных и неоднозначных ситуаций, по поводу создания ведомственной милиции, так как, трактовка представителей административных органов и руководства предприятий и учреждений существенно отличалась друг от друга.

Постановление отражало только наиболее общие вопросы организации ведомственной милиции в РСФСР, более подробно все организационно-правовые вопросы создания и функционирования предполагалось отразить в специальных инструкциях, регламентирующих порядок организации, функционирования и взаимодействия с органами власти, администрацией предприятий и т.д.

⁸ ГАРФ, ф.393, оп.43(а), д.277, лл.18-18(об).

⁹ ГАРФ, ф.393, оп.43(а), д.548, л.21.

¹⁰ ГАРФ, ф.393, оп.43(а), д.548, л.21.

¹¹ ГАРФ, ф.393, оп.43(а), д.548, л.21.

¹² ГАРФ, ф.393, оп.43(а), д.548, л.72.

Постановление СНК не предполагало создание специального вида милиции в РСФСР, а устанавливало, что для охраны предприятий и учреждений в рамках общей (уездно-городской) милиции, в зависимости от потребностей в охране, формируется «добавочный штат» милиции, который получает наименование – «ведомственная милиция». Таким образом, можно говорить, что ведомственная милиция, в отличие от уголовного розыска, являлась не самостоятельным видом милиции, а структурным элементом системы органов общей милиции, решающим специфические задачи в сфере борьбы с преступностью и охраны общественного порядка.

В течение года наркоматом внутренних дел РСФСР совместно со всеми заинтересованными ведомствами была проведена большая подготовительная работа по разработке основных положений регламентирующих порядок организации и функционирования ведомственной милиции.

Вместе с тем, разработка оптимального Положения о ведомственной милиции, во многом затруднялась попыткой учесть интересы всех заинтересованных в создании вооруженной охраны ведомств.

Отсутствие Положения привело к тому, что на местах по инициативе губисполкомов и административных отделов принимались нормативно-правовые акты, регулирующие порядок создания и функционирования ведомственной милиции, применительно к той или иной губернии. Так, приказ №9/с от 29 апреля 1924 года по Административному отделу Моссовета и Московской РКМ, на основании выписки из протокола президиума Моссовета №51 от 31 марта и № 55 от 14 апреля 1924 года, вводил в действие Положение «О милиции по охране предприятий и учреждений, находящихся в г. Москве и Московской губернии», регламентирующее основные направления организации и деятельности ведомственной милиции¹³.

В частности, московское Положение, расширяло пункт 1 Постановления СНК, в части установления функций ведомственной милиции, на которую возлагалось «...предупреждение, обнаружение и расследование преступлений, производство розысков и дознаний по уголовным делам»¹⁴. Особенностью Положения стало, то, что в нем, довольно подробно определялся порядок подчинения ведомственной милиции, комплектования, организации, финансирования, а также особые права и обязанности. Кроме того, достаточно подробно регламентировался вопрос о стоимости содержания одного ведомственного милиционера, что, несомненно, позволяло избежать противоречивых ситуаций в практической деятельности по организации ведомственной милиции на предприятиях и учреждениях г. Москвы и губернии.

Важной составляющей Положения было наличие образца Инструкции по заключению договоров, основным предназначением, которой, было требование начальникам милиций «...точно указать те обязанности, которые принимает на себя управление уездной милиции»¹⁵.

В целом, довольно подробная регламентация организационно-правовых основ формирования и деятельности московской ведомственной милиции объясняется тем, что представители московской милиции принимали участие в работе по подготовке общегосударственного положения о ведомственной милиции и соответственно опираясь на достаточный объем подготовительных материалов, смогли подготовить свое положение, которое во многом совпало с принятым впоследствии Положением о ведомственной милиции РСФСР.

Несмотря на то, что все представленные положения и инструкции, принимались в различных регионах Советского государства, общее содержание и смысл этих ведомственных нормативно-правовых актов оставалось неизменным. В инструкциях устанавливались цель, задачи и основные функции ведомственной милиции, а так же организационная структура, порядок и формы материально-технического обеспечения и образцы договоров на формирование подразделений ведомственной милиции

¹³ ГАРФ, ф.393, оп.43(а), д.548, лл.51-53.

¹⁴ ГАРФ, ф.393, оп.43(а), д.548, л.52.

¹⁵ ГАРФ, ф.393, оп.43(а), д.548, л.53.

Однако, в подавляющем большинстве областей и губерний РСФСР, в силу отсутствия нормативно-правового акта регулирующего механизм формирования ведомственной милиции, к практическим мероприятиям, по организации, не приступали, либо осуществляли все организационные мероприятия, исходя из собственного видения сложившейся ситуации.

Практика начального периода формирования ведомственной милиции в условиях отсутствия Положения, привела к изданию циркуляра НКВД №217 от 23 мая 1924 года «О принципах организации Ведомственной милиции», в котором всем начальникам административных отделов губерний, областей и НКВД автономных республик в составе РСФСР, предписывалось осуществлять организацию ведмилиции, основываясь исключительно на положениях циркуляра «...впредь до окончательного утверждения и объявления Положения о Ведомственной милиции»¹⁶. Издание этого нормативно-правового акта послужило началом фактического формирования ведомственной милиции в масштабах всей страны.

В первую очередь, необходимо отметить, что название циркуляра «принципы» предполагало, что в нем будут отражены только основные базовые начала, в соответствии с которыми местным органам милиции и советской власти предстоит организовать ведомственную милицию. Кроме того, циркуляр стал промежуточным вариантом ведомственного нормативно-правового акта, который стал результатом длительных согласований НКВД со всеми ведомствами интересы которых, так или иначе, затрагивались при организации ведомственной милиции. С другой стороны, «Принципы...» явились актом расширительного толкования НКВД Постановления СНК «О ведомственной милиции», направленные на внесения ясности и ускорение процесса формирования ведомственной милиции на местах.

В первую очередь, в «Принципах организации...» устанавливалось, что вся ведомственная милиция разделяется на специальные виды: фабрично-заводскую, горную, приисковую, промысловую, портовую, ярмарочную, курортную и т.д. Однако, это деление не предполагало создание в рамках ведомственной милиции особых структурных элементов, а только отражало специфику места несения службы формированиями ведомственной милиции.

Учитывая, что правовым основанием формирования ведомственной милиции для охраны предприятия или учреждения выступал договор, заключенный с одной стороны органами милиции, а с другой – администрацией, заинтересованного предприятия, в «Принципах...», устанавливались обязательные требования, к содержанию договора. К числу обязательных условий относились: четкое определение лиц, время и места заключения соглашения, срок действия, определение границ территории и имущества, подлежащего охране, общая сумма договора (включая суммы, на организацию и материально-техническое оснащение)¹⁷. Достаточно подробная регламентация содержания договора имела важное значение, так как, опыт организации ведомственной милиции в отдельных губерниях показал, что на местах довольно часто на организационные и иные сопутствующие расходы, устанавливали довольно значительные суммы. Пункт 8, четко определял, что «...удовлетворение конским составом, транспортными средствами, канцелярскими принадлежностями, оплата расходов по социальному страхованию, на культурно-просветительские цели,...на организационные расходы, в размере не менее 5%, с общей суммы всех ассигнований (выделено нами) на Ведомственную милицию»¹⁸. Установление именно такого порядка и определение такой цифры, стало итогом анализа практики заключения договоров в апреле-мае 1924 года, а также пожеланий со стороны ведомств, чьи предприятия передали свою охрану в ведение ведомственной милиции. Кроме того, 5% от общей суммы договора, считалось наиболее приемлемой цифрой, которая не приведет к значительному удорожанию содержания ведомственной милиции. Так, например, «Положение о милиции по охране предприятий и учреждений города Москвы и Московской губернии» устанавливало, что в стоимость содержания милиции входит отчисление на организационные расходы

¹⁶ Бюллетень НКВД. 1924 г. №19. Циркуляр №217, с.86.

¹⁷ Бюллетень НКВД. 1924 г. №19. Циркуляр №217, с.86

¹⁸ Бюллетень НКВД. 1924 г. №19. Циркуляр №217, с.86

20% не от общей суммы договора, а только от суммы заработной платы. В аналогичной инструкции административного отдела Кубано-Черноморского облисполкома, этот аспект вообще не рассматривался, что, несомненно, могло привести к произвольному определению указанных сумм¹⁹.

Кроме того, в циркуляре устанавливались организационные формы ведомственной милиции, а также ее права и обязанности, которые соответствовали правовому статусу общегосударственной милиции. Определение четких организационных форм, позволяло установить единую для всего государства систему подразделений ведомственной милиции и соответственно, ликвидировать разнообразные подходы к решению этого вопроса на местах. Так в Кубано-Черноморской области, предполагалось создать специальные управления и отделения промышленной милиции (она же ведомственная), а для осуществления контроля за ее деятельностью установить специальные должности контролеров, в Москве и губернии – предполагалось прямое подчинение начальникам волостных, районных и уездных управлений милиции или отделениям милиции в г. Москве²⁰.

Кроме того, необходимость и важность «Принципов» обуславливалась тем, что в масштабах всего Советского государства наименование ведомственной милиции существенно различалось друг от друга, в зависимости от местных условий. Так, если в Кубано-Черноморской области в одном и том же приказе она именовалась как «промышленная милиция», и как «промышленная охрана», в Московской губернии – «промышленная», то в Марийской области, при формировании ведомственной милиции в апреле 1924 года, она получила наименование – «подведомственная» и т.д.²¹.

Таким образом, циркуляр №217 от 23 мая 1924 года «О принципах организации ведомственной милиции» фактически явился первым шагом в деле формирования ведомственной милиции на местах, так как он существенно расширил положения постановления СНК и более подробно разъяснил основные организационно-правовые вопросы становления ведомственной милиции. После его принятия процесс формирования подразделений ведомственной милиции на местах был значительно ускорен, так как на местах именно циркуляр стал основанием, для непосредственного начала организации ведомственной милиции.

Вместе с тем, «Принципы...» не урегулировали значительное количество различных аспектов организации и функционирования ведомственной милиции, а фактически обозначили основные направления будущего положения о ведомственной милиции, работа над которым, продолжалась в течение всего 1924 года.

Несомненно, важным аспектом, в формировании ведомственной милиции в РСФСР являлась необходимость регламентации организации службы, путем создания акта, исключающего местное творчество и устанавливающего, единые требования к обеспечению эффективной охраны вверенного имущества и объектов.

Приказом начальника ЦАУ НКВД – начальника милиции республики №212 от 13 ноября 1924 года была объявлена «Временная инструкция о порядке несения ведомственной милицией охраны»²², причем, в подзаголовке указывалось, что данная инструкция составлена «...применительно к правилам Устава гарнизонной службы РККА».

Отличительной особенностью «Временной инструкции», стало то, что инструкция, основываясь на положениях Гарнизонного Устава Красной Армии, не являлась точной копией, а была творчески переработана и адаптирована, применительно к специфике общемиллицейской службы. Так, например, в п. 55 регулирующем, применение оружия часовым – милиционером, указывалось, что сотрудник имеет право применять оружие «...при несении функций общегосударственной милиции по охране общественного порядка и спокойствия...»²³ на основании «Инструкции постовому милиционеру».

¹⁹ ГАРФ, ф. 393, оп.43(а), д.442, лл.19,21,22; д.548, л.51(об).

²⁰ ГАРФ, ф. 393, оп.43(а), д.442, л.21.; д. 548, л.52.

²¹ ГАРФ, ф. 393, оп.43(а), д.442, л.21.; д. 548, л.46.; оп.48. д.36, л.36(об).

²² Сборник приказов начальника Центрального Административного управления НКВД – начальника милиции Республики. 1924, №18, приказ №212.

²³ Там же.

Кроме того, в ней использовался опыт организации службы охраны на предприятиях военной промышленности, подчиненных Военвевду, а также караульной службы в войсках внутренней и пограничной охраны.

Отражая специфику милицейской службы, особенностей охраняемых объектов, финансовых возможностей администраций, заинтересованных предприятий и учреждений, их географического положения и т.д., служба охраны подразделялась на два вида караульную и сторожевую, причем, в обоих случаях, права и обязанности, всех должностных лиц, были отражены достаточно подробно.

«Временная инструкция» стала важным ведомственным актом, на основании которого, в период ноября 1924 – февраля 1925гг., осуществлялась охрана предприятий и учреждений ведомственной милицией.

Таким образом, принятие и разработка нормативно-правовых актов, регулирующих порядок организации и деятельности ведомственной милиции РСФСР в 1923-25гг., происходили в сложных условиях. С одной стороны, не вызвала сомнения, необходимость создания такого органа, с другой попытка учесть интересы всех ведомств привела к тому, что процесс разработки и принятия ведомственных нормативно-правовых актов регламентирующих статус ведомственной милиции, занимал длительный период, что крайне негативно сказывалось на организации ведомственной милиции в масштабах всего государства.

Список литературы

1. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ), ф.393, оп.51, д.11, л.1.
2. ГАРФ, ф.393, оп.51, д.11, л.3.
3. ГАРФ, ф.393, оп.43(а), д.345, л.2(об); д.359, л.28; д.363, л.5.
4. ГАРФ, ф.393, оп.50, д.1, л.18.
5. ГАРФ, ф.393, оп.50, д.1, л.18.
6. ГАРФ, ф.393, оп.51, д.176, л.12.
7. ГАРФ, ф.393, оп.51, д.176, лл.6,8.
8. ГАРФ, ф.393, оп.43(а), д.277, лл.18-18(об).
9. ГАРФ, ф.393, оп.43(а), д.548, л.21.
10. ГАРФ, ф.393, оп.43(а), д.548, л.21.
11. ГАРФ, ф.393, оп.43(а), д.548, л.21.
12. ГАРФ, ф.393, оп.43(а), д.548, л.72.
13. ГАРФ, ф.393, оп.43(а), д.548, лл.51-53.
14. ГАРФ, ф.393, оп.43(а), д.548, л.52.
15. ГАРФ, ф.393, оп.43(а), д.548, л.53.
16. Бюллетень НКВД. 1924 г. №19. Циркуляр №217. С.86.
17. Бюллетень НКВД. 1924 г. №19. Циркуляр №217. С.86.
18. Бюллетень НКВД. 1924 г. №19. Циркуляр №217. С.86
19. ГАРФ, ф. 393, оп.43(а), д.442, лл.19,21,22; д.548, л.51(об).
20. ГАРФ, ф. 393, оп.43(а), д.442, л.21.; д. 548, л.52.
21. ГАРФ, ф. 393, оп.43(а), д.442, л.21.; д. 548, л.46.; оп.48. д.36, л.36(об).
22. Сборник приказов начальника Центрального Административного управления НКВД – начальника милиции Республики. 1924, №18, приказ №212.

FEATURES OF PREPARATION AND ACCEPTANCE OF THE NORMATIVE LEGAL ACTS REGULATING THE ORGANIZATION AND ACTIVITY OF DEPARTMENTAL MILITIA OF THE RSFSR DURING THE PERIOD 1923-24

D. A. ERIN

*Vladimir Institute of Law of Federal
Service for Execution of Sentences
of the Russian Federation*

e-mail: dmitry-0333@mael.ru

Some aspects of preparation and acceptance of normative legal acts regulating an order of formation and activity of departmental militia in RSFSR are considered in this article. On the basis of the archival sources for the first time entered into a scientific turn, the reasons and the features which have influenced on acceptance of departmental normative legal acts, regulating organizational-legal bases of activity of departmental militia in RSFSR are established.

Key words: history of militia of RSFSR, departmental militia, the organization and activity, legal regulation.

ПРИНЦИПЫ МУНИЦИПАЛЬНОГО ПРАВОВОТВОРЧЕСКОГО ПРОЦЕССА

Е.Н. КУЗНЕЦОВА

*Белгородский государственный
национальный исследовательский
университет*

В научной статье представлена авторская интерпретация каталога принципов муниципального правовотворческого процесса; выделены критерия для характеристики их видового многообразия.

Ключевые слова: принцип, муниципальное правовотворчество, законность, системность, определенность, сбалансированность.

Исходя из понимания муниципального правовотворческого процесса как деятельности управомоченных субъектов по установлению, изменению и отмене муниципальных правовых актов, в его принципах следует видеть основополагающие идеи, которые характеризуют сущность и определяют общие направления данной деятельности. Подтверждением данному утверждению также могут служить концептуально-теоретические разработки, посвященные установлению содержания принципа вообще и в юридической науке, в частности.

Так, слово «принцип» в переводе с латинского (*principium*) означает буквально основу, первоначало, руководящую идею, исходное положение какого-либо явления¹. С точки зрения исторически сложившегося общего употребления термина, он представляет собой основное, исходное положение какой-либо теории, мировоззрения науки; основные особенности устройства какого-либо прибора, механизма, установки; внутреннее убеждение кого-либо, определяющее его отношение к реальной действительности². Аналогичное значение понятию «принцип» придают и филологи. Таким образом, в смысле «исходного положения», «убеждений», «взглядов» рассматриваемый термин употребляется в его основном понимании³.

В философском смысле принцип есть теоретическое обобщение наиболее типичного, что констатирует и выражает закономерность, положенную в основу познания вообще или в основу какой-либо отрасли знания⁴.

Применительно же к практической деятельности принцип «означает одно из основных, общих требований, которому должна отвечать данная деятельность»⁵.

Отмечая важность категории «принципы права» для юридической науки, для самого права, ученые по-разному подходят к пониманию этого феномена. Некоторые авторы пытаются раскрыть правовые принципы через категорию «объективные нормы»⁶. Считается, что объективные нормы изначально заложены в общественных отношениях, а законодателю остается лишь познать и выразить их. Однако, что понимать под объективными нормами – божественные установления, предписания разума, правила общежития, требования разумности и справедливости и т.п. – никто объяснить не может. И это понятно, поскольку в любой стране, любой правовой системе законодатель по-разному будет подходить к пониманию этих объективных норм⁷.

Известным является подход, в соответствии с которым принципы права отождествляются с «истинными нормами»⁸. Однако попытки применить к юридическим нормам

¹ <http://dic.academic.ru/dic.nsf/latphil/296>

² Фролов С.Е. Принципы права (вопросы теории и методологии): Дисс. ... канд. юрид. наук. – Кострома, 2001. – С. 11.

³ Свердлов Г.А. Принципы гражданского права. – Красноярск, 1985. – С. 7.

⁴ Добровольская Т.Н. Принципы советского уголовного процесса. – М., 1971. – С. 6.

⁵ Добровольская Т.Н. Принципы советского уголовного процесса. – М., 1971. – С. 7.

⁶ См.: Синха С.П. Юриспруденция. Философия права. – М., 1996. – С. 93.

⁷ Ведяхина К.В. Основные нравственно-этические и социально-политические принципы российского права: Дисс. ... канд. юрид. наук. – Самара, 2001. – С. 14.

⁸ См.: Баранов В.М. Истинность норм советского права: проблемы теории и практики. – Саратов, 1989.

критерии «истинности» или «ложности» сразу встретили возражение со стороны ряда исследователей⁹.

Принято выделять и нормы-принципы, отождествляемые с определяющими исходными, отправными началами права¹⁰.

Следует обратить внимание на подходы к определению принципов права с точки зрения их законодательного закрепления. Например, Б.В. Шейндлин относил к основным принципам права только те положения, которые сформулированы в Конституции СССР¹¹. Напротив, Л.С. Явич полагал, что некоторые принципы могут формироваться, совершенствоваться и действовать, не будучи до определенного времени четко выраженными в законодательстве, могут функционировать в сфере судебной практики и правовых обычаев (традиций), в области складывающихся комплексов субъективных прав и конкретных правоотношений, хотя, конечно, оптимальный вариант заключается в наиболее полном закреплении основных начал в конституционном законодательстве¹².

С учетом представленных теоретических позиций, являясь идеологической категорией, принципы муниципального правотворческого процесса представляются как выраженные в соответствующих нормативных актах исходные нормативно-руководящие начала, характеризующие его содержание, основы, закреплённые в нем закономерности. Принципы муниципального правотворческого процесса – результат обобщения людьми определенных фактов и познания закономерностей, характерных для данного процесса и в своей совокупности выражающих его содержание. С одной стороны, они выражают закономерности данного процесса, а с другой – представляют собой наиболее общие нормы, которые действуют на всех его стадиях и распространяются на всех его субъектов. Эти нормы либо прямо сформулированы в законе, либо выводятся из общего смысла законов. Принципы муниципального правотворческого процесса играют важную роль в правовом регулировании. Во-первых, они выступают в качестве руководящих идей для субъектов муниципального правотворческого процесса, определяя пути совершенствования правовых норм. Во-вторых, в случаях пробелов в законодательстве указанные принципы могут использоваться в качестве юридического основания. Принципы муниципального правотворческого процесса должны обладать значительной устойчивостью и стабильностью, носить фундаментальный характер¹³.

Принципы муниципального правотворческого процесса имеют объективное значение, их содержание зависит в конечном счете от экономических общественных отношений, от объективных закономерностей развития общества. Тем самым принципы муниципального правотворческого процесса не являются произвольными велениями публичных структур; они должны отражать и учитывать объективные факторы, влияющие на процесс образования муниципальных норм, а также различные факторы общественного сознания, уровень культуры и правосознания народа и другие факторы и обстоятельства.

Отметим, что проблема принципов муниципального правотворческого процесса не отличается тщательной научной разработанностью. Поэтому с целью выявления и формулирования таковых мы, считаем целесообразно обращение и к принципам правотворчества и законотворчества. Несмотря на некоторое несоответствие количеству выделяемых принципов, ученые-юристы тем не менее солидарны в вопросах о содержании исходных начал правотворчества. Так, например, выделяют следующие принципы правотворчества: законность; демократизм; признание прав и свобод человека высшей ценностью; гласность; научная обоснованность; профессионализм¹⁴. Полагаем, данный каталог принципов вполне применим и к муниципальному правотворческому процессу.

⁹ См.: Баймаханов М.Т. Противоречия в развитии правовой надстройки при социализме. – Алма-Ата, 1971. – С.177; Черданцев А.Ф. Специфика правового отражения // Правоведение. – 1973. – № 2. – С. 104.

¹⁰ См.: Теория государства и права / Отв. ред. В.М. Корельский, В.Д. Перевалов. – М., 1997. – С. 276; Теория государства и права / Под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. – М., 2000. – С. 369; Общая теория государства и права / Под ред. В.В. Лазарева. – М., 2000. – С. 204.

¹¹ Шейндлин Б.В. Сущность советского права. – Л., 1959. – С. 68-71.

¹² Явич Н.С. Общая теория права. – Л., 1976. – С. 149-150.

¹³ См.: Борсова Ж.П. К вопросу о принципах законотворчества // Конституционное и муниципальное право. – 2008. – № 12.

¹⁴ См.: Тихомиров Ю.А., Котелевская И.В. Правовые акты. – М., 1999. – С. 413-415; Спирин М.Ю. Теоретические проблемы законотворческой деятельности в Российской Федерации: Дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 2003. – С. 153.

Другие ученые дополняют перечисленные выше принципы требованием справедливости, т.е. установлением равных прав и обязанностей для всех субъектов права независимо от их происхождения, социального положения и отношения к религии¹⁵.

При этом принцип демократизма рассматривается как особый принцип, который проявляется в гласности обсуждения проекта муниципального правового акта в представительном органе, его свободной критике, рассмотрении альтернативных вариантов проекта и т.д.

Под законностью в муниципальном правотворческом процессе понимается то, что вся работа по подготовке, принятию и опубликованию правовых актов должна осуществляться в рамках закона, и прежде всего Конституции Российской Федерации. Однако принцип законности выступает в качестве системообразующего и должен пропитывать все сферы жизни общества, ведь его общепризнанная суть заключается в том, что, являясь конституционным, он подразумевает прежде всего требование соблюдения законов. Следовательно, первейшей и непосредственной предпосылкой осуществления принципа законности является соблюдение установленных Конституцией РФ и законодательными актами правил в деятельности всех органов местного самоуправления, их должностных лиц, независимо от вида осуществляемой деятельности.

Профессор М.Н. Марченко принцип законности дополняет конституционностью, что обеспечено существованием в нашем государстве конституционной юстиции, института конституционного контроля¹⁶.

Аналогичным образом можно охарактеризовать и другие указанные выше принципы. Ведь они пронизывают и пропитывают собой всю правовую жизнь общества и правовую материю. Принципы демократизма, признания прав и свобод человека высшей ценностью, законности, гласности, профессионализма, научной обоснованности, являясь руководящими началами не только как в деятельности муниципального, но и государственного уровня, всех его элементов и процессов, носят политико-организующий характер. Они выступают как свод юридических норм, организационно, функционально и социально скрепляющий общество и государство.

Как представляется, эти принципы не следует рассматривать как особенные свойства только муниципального правотворческого процесса, которые должны влиять на подготовку, издание правового акта, установление гарантий соблюдения правовых требований, установленных этим актом, отражать его особенности, специфические черты и быть присущими только ему. Хотя, безусловно, все они в полной мере характеризуют и этот вид правообразующей деятельности.

Кроме перечисленных в основной классификации принципов, полагаем, целесообразно выделить специфических принципов муниципального правотворческого процесса:

- заимствования и переработка накопленного опыта правотворческой работы;
- практичность правотворческого решения¹⁷;
- системности, означающий строгий учет системы права, законодательства, построения отрасли права и т.д.¹⁸;
- понятийно-терминологической определенности;
- достаточной мотивированности норм права;
- принцип планирования и программного обеспечения, в соответствии с которым разрабатываются планы нормотворческой деятельности конкретных органов власти, а также программы правового обеспечения конкретных государственно-политических мероприятий, акций, кампаний федерального и регионального масштабов. Эти программы могут носить общепрогностический, гипотетический и конкретно-предметный характер¹⁹.

¹⁵ См.: Иванников И.А. Теория государства и права. – Ростов н/Д: Изд-во Рост. ун-та, 2001. – С. 178-179.

¹⁶ Общая теория государства и права. Академический курс в 2-х томах / Под ред. М.Н. Марченко. Т. 2. Теория права. – М., 1998.

¹⁷ См.: Спирин М.Ю. Теоретические проблемы законотворческой деятельности в Российской Федерации: Дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 2003. – С. 117-119.

¹⁸ См.: Общая теория государства и права. Академ. курс: В 2 т. / Под ред. М.Н. Марченко. Т. 2. – М.: Зерцало, 1998. – С. 162.

¹⁹ Петрова Д. Политические и правовые препятствия на пути развития права общественных интересов // Конституционное право: восточноевропейское обозрение. – 1997. – № 1(18). – С. 20-24.

Само планирование может быть представлено специальными программами правотворческой деятельности, как текущими, разрабатываемыми сроком на один-два года, так и перспективными – на весь срок полномочий представительного или иного органа местного самоуправления. Однако все отражается в обычных планах работы (на год, квартал, месяц) органа местного самоуправления, в них отдельным блоком обозначаются вопросы, для решения которых необходимо принять соответствующий муниципальный правовой акт.

Каким вариантом воспользоваться – решает сам орган местного самоуправления с учетом своих потребностей и условий. Но очевидно, что все-таки планирование правотворчества обусловлено следующими целями: во-первых, планируемые акты должны стимулировать правовыми средствами интенсивное развитие основных сфер социально-экономической жизни муниципального образования, демократических институтов на муниципальном уровне, защиту прав населения муниципального образования. Во-вторых, планируемый акт должен соответствовать компетенции органа, должностного лица местного самоуправления, его издающего, отвечать потребностям развития муниципального образования.

Справедливо отмечается в литературе, что планирование дает возможность избежать непродуманного правотворчества, устранить дублирование и сконцентрировать усилия, согласовать планы работы органов публичной власти разного типа и уровня, ликвидировать поспешность в работе, создать условия для подготовки документов высокого качества, провести подготовительные мероприятия, включая консультирование с ведущими научными и образовательными учреждениями²⁰;

– логической сбалансированности норм права;

– обеспечения действенности норм права²¹.

Указанные принципы муниципального правотворческого процесса носят в большей степени прикладной характер.

Арсенал принципов муниципального правотворческого процесса представляется достаточно обширным и в таком виде способен обеспечить более высокое качество муниципальных правовых актов. Сопоставление указанных принципов свидетельствует о том, что каждый из них занимает свое место в их общей системе и имеет свой вес. К примеру, один принцип представляется более широким по масштабам своего действия, другие отличаются большей конкретностью, различаются принципы и по своим коммуникативным свойствам. Можно с уверенностью сказать, что следует различать:

– основные принципы и дополнительные;

– общие и конкретные;

– позитивные и предупредительные;

– реальные и фиктивные²².

Все в совокупности они представляют собой исходные руководящие начала, воплощенные и закрепленные в праве, обусловленные конкретно-историческими обстоятельствами и объективными закономерностями общественного развития.

Список литературы

1. Баймаханов М.Т. Противоречия в развитии правовой надстройки при социализме. – Алма-Ата, 1971.
2. Баранов В.М. Истинность норм советского права: проблемы теории и практики. – Саратов, 1989.
3. Борсова Ж.П. К вопросу о принципах законотворчества // Конституционное и муниципальное право. – 2008. – № 12.
4. Ведяхина К.В. Основные нравственно-этические и социально-политические принципы российского права: Дисс. ... канд. юрид. наук. – Самара, 2001.

²⁰ См.: Канчукоева А.В. Планирование как условие эффективности подготовки и принятия нормативных правовых актов в субъектах Российской Федерации // Законодательство и экономика. – 2006. – № 8.

²¹ См.: Законотворчество в Российской Федерации: Научно-практическое и учебное пособие / Под ред. А.С. Пиголкина. Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ. – М.: Формула права, 2000. – С. 60.

²² См.: Ковачев Д.А. Конституционный принцип: его понятие, реальность и фиктивность // Журнал российского права. – 1997. – № 9. – С. 71-77.

5. Добровольская Т.Н. Принципы советского уголовного процесса. – М., 1971. – С. 6.
6. Законотворчество в Российской Федерации: Научно-практическое и учебное пособие / Под ред. А.С. Пиголкина. Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ. – М.: Формула права, 2000.
7. Иванников И.А. Теория государства и права. – Ростов н/Д.: Изд-во Рост. ун-та, 2001.
8. Канчукоева А.В. Планирование как условие эффективности подготовки и принятия нормативных правовых актов в субъектах Российской Федерации // Законодательство и экономика. – 2006. – № 8.
9. Ковачев Д.А. Конституционный принцип: его понятие, реальность и фиктивность // Журнал российского права. – 1997. – № 9.
10. Общая теория государства и права / Под ред. В.В. Лазарева. – М., 2000.
11. Общая теория государства и права. Академ. курс: В 2 т. / Под ред. М.Н. Марченко. Т. 2. – М.: Зерцало, 1998.
12. Петрова Д. Политические и правовые препятствия на пути развития права общественных интересов // Конституционное право: восточноевропейское обозрение. – 1997. – № 1(18).
13. Свердлык Г.А. Принципы гражданского права. – Красноярск, 1985.
14. Синха С.П. Юриспруденция. Философия права. – М., 1996. – С. 93.
15. Спириин М.Ю. Теоретические проблемы законотворческой деятельности в Российской Федерации: Дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 2003.
16. Спириин М.Ю. Теоретические проблемы законотворческой деятельности в Российской Федерации: Дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 2003.
17. Теория государства и права / Отв. ред. В.М. Корельский, В.Д. Перевалов. – М., 1997.
18. Теория государства и права / Под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. – М., 2000.
19. Тихомиров Ю.А., Котелевская И.В. Правовые акты. – М., 1999.
20. Фролов С.Е. Принципы права (вопросы теории и методологии): Дисс. ... канд. юрид. наук. – Кострома, 2001. – С. 11.
21. Черданцев А.Ф. Специфика правового отражения // Правоведение. – 1973. – № 2.
22. Шейндлин Б.В. Сущность советского права. – Л., 1959.
23. Явич Н.С. Общая теория права. – Л., 1976.
24. <http://dic.academic.ru/dic.nsf/latphil/296>

PRINCIPLES OF MUNICIPAL LAW-MAKING PROCESS

E.N. KUZNETSOVA

*Belgorod National
Research University*

The article presents the author's interpretation of the principles of municipal law-making catalog process identified criteria for the characterization of their species diversity.

Key words: principle of municipal law-making, legality, regularity, certainty, balance.

УДК – 340.1

ЮРИДИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС: ОСНОВНЫЕ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ПОНЯТИЯ

В.В. КУТЬКО*Белгородский государственный
национальный
исследовательский
университет**e-mail: Kutko@bsu.edu.ru*

В статье рассматриваются основные методологические подходы к определению понятия «юридический процесс». Акцентируется внимание на диалектическом пути развития теории юридического процесса в отечественном праве. Категории «материальное» и «процессуальное» рассматриваются как парные, как равнозначные части единой системы.

Ключевые слова: методология, материальное право, процессуальное право, юридический процесс, государственно-правовая закономерность, властные полномочия, юридические ограничения.

Процессы реформирования государственной организации и правового регулирования, соответствующая им тенденция процессуализации законодательства¹, обуславливают повышение интереса ученых и практиков к проблемам общепроцессуальной теории, решение которых невозможно без их всестороннего теоретического осмысления.

Тем не менее в теории государства и права нет единого подхода к оценке категории «юридический процесс», поскольку юридическая наука оперирует различными его понятиями.

В. Д. Сорокин, например, определяет процесс через деятельность. Процесс – это часть управленческой деятельности, в ходе осуществления которой происходит применение норм материального права, то есть разрешение индивидуально-конкретных дел в сфере государственного управления².

А. В. Малько определяет юридический процесс как «нормативно установленные формы упорядочения юридической деятельности, направленные на оптимальное удовлетворение и гарантирование интересов субъектов права»³.

С точки зрения И. В. Пановой юридический процесс – это разновидность социального процесса, является нормативно установленной формой упорядочивания юридической деятельности и правовых документов, которые включают в себя судопроизводства и правовые процедуры⁴.

М. С. Строгович рассматривал процесс как процедуру, которая разворачивается в виде последовательных, регламентированных, связанных друг с другом, облеченных в правовую форму, целенаправленных действий⁵.

С точки зрения А. Ф. Черданцева, процесс – это форма, призванная обратить права и обязанности субъектов материальных правоотношений в реальность. Он считал выделение материальных и процессуальных норм в праве – их «функциональной специализацией»⁶.

В. Н. Протасов подходит к определению юридического процесса как особой разновидности юридической процедуры, направленной на выявление и реализацию материального охранительного правоотношения⁷.

¹ См.: Борисов Г.А. Закономерность процессуализации законодательства в России: проблемы модернизации юридического образования // Научные ведомости БелГУ. – № 14(85) 2010, Выпуск 13. – С. 145.

² Сорокин В. Д. Проблемы административного процесса. – М., 1998. – С.49.

³ Малько А. В. Теория государства и права в вопросах и ответах: учеб.-метод. пособие. – М., 1997. – С.127.

⁴ Панова И. В. Юридический процесс. – Саратов, 1998. – С.22.

⁵ Советский уголовно-процессуальный закон и проблемы его эффективности / Под ред. В.М. Савицкого. – М., 1989. – С.46.

⁶ Черданцев А. Ф. Системообразующие связи права // Советское государство и право. -1974.- №8.- С.14.

⁷ Протасов В. Н. Основы общеправовой процессуальной теории. – М., 1991.- С.20.

Наиболее убедительной выглядит определение юридического процесса данное представителями «широкого подхода», где процесс рассматривается как комплексная система органически взаимосвязанных правовых форм деятельности уполномоченных органов государства, должностных лиц, а также заинтересованных в разрешении различных юридических дел иных субъектов права⁸.

Складывается в связи с этим неоднозначность, множественность подходов к определению понятия «юридический процесс», что, во-первых, свидетельствует о сложности определения этого феномена; во-вторых, о необходимости поиска единых критериев в установлении его понятийного строя.

Как уже сложилось в юридической науке, поиск выхода из сложных ситуаций лежит в области методологии и связан с рассмотрением такого правового явления как «юридический процесс» под различными углами зрения.

Возникает при этом ряд проблем в самой методологии юридической науки, среди которых можно выделить, прежде всего, различное понимание учеными термина «методология».

Одни авторы рассматривают методологию как самостоятельную частную науку⁹. Соглашаясь с Д. А. Керимовым, отметим, что «методология не может быть отдельно-самостоятельной наукой хотя бы уже потому, что тем самым будет создана методология для методологии, т.е. безобъектной методологии»¹⁰.

При этом Д. А. Керимов выделяет следующие методологические проблемы юридической науки:

- 1) бывший пиетет к диалектико-материалистическому методу сменился его критикой;
- 2) предпринимаются самые различные пути рассмотрения права с идеалистических позиций, материалистическое понимание права, имевшее давние и стойкие позиции в российском правоведении, уступает пальму первенства идеалистическим трактовкам права;
- 3) абсолютизируется значение герменевтики в теоретическом познании права¹¹.

По нашему мнению, необходимо более детально рассмотреть указанные проблемы, проанализировать сущность наиболее распространенных методов познания, чтобы понять, удовлетворяют ли они потребностям современной юридической науки.

Формально-догматический метод – это основной (собственно юридический) метод юридической науки. Скажем больше – это направление юридических исследований. Отвлечение от сущностных сторон права, как пишется в современных учебниках, вовсе не является специфической чертой этого метода. Напротив, этот метод заставляет отвлечься от всех тех факторов, которые трансцендентны по отношению к праву (экономика, политика, нравственность, религия и т.п.). В этой связи сущность права постигается юридической наукой, построенной с помощью этого метода, путем анализа самого действующего права, а не внешних по отношению к нему явлений¹². Догматика, господствовавшая ранее в юридической науке, заключается в систематическом изложении норм права. Эта задача достигается посредством описания, обобщения, классификации норм, а также в установлении юридических определений¹³.

Первой стадией в указанном процессе является описание частно-правовых норм, т.е. собирание и отделка того материала, из которого должно быть построено научное здание системы права¹⁴. Это черная, но безусловно необходимая работа. К описательной стадии относится не только собирание норм, но и разъяснение их смысла, т.е. содержания того веления, которое в них заключается (комментарии). Сюда же можно отнести

⁸ См.: Теория юридического процесса / Под ред. М. В. Горшенева. – Харьков: Вища школа, 1985. – С.8.

⁹ См.: Лекторский В.А., Швырев В.С. Методологический анализ науки/ Типы и уровни. Философия, методология, наука. – М., 1992. – С. 14; Стоянов Н. Теория и метод в общественных науках. – М., 1987. – С. 148.

¹⁰ Керимов Д.А. О предмете и методологии всеобщей теории права. // Сборник науч. тр. под ред. М.Н. Марченко. – Вып. 1 (2005). – М.: Юрист. -С. 12.

¹¹ См.: Сырых В. М. Методология юридической науки: состояние, проблемы, основные направления дальнейшего развития. // Сборник науч. тр. под ред. М.Н. Марченко. – Вып. 1 (2005). – М.: Юрист. -С. 16-17.

¹² См.: Усков О. Ю. Юридическая техника как формально-догматическая методология. – Белгород, 2009. – С. 21.

¹³ См.: Шершеневич Г.Ф. Общая теория права. – М., 1956. – С. 201.

¹⁴ Там же.

проведение такой работы с отдельными процессуальными нормами, содержащимися в источниках различной отраслевой принадлежности.

Второй момент в формально-догматическом методе – это обобщение, на основе которого выводится общий для всех описываемых норм признак в изолированном виде. Изъясняя смысл отдельных норм, комментируя положительное право, приходится разлагать (анализ) содержание веления на составные элементы, чтобы с большей точностью и очевидностью установить все условия приложения норм и все заключающиеся в ней последствия. Опуская постепенно все особенные признаки ряда аналогичных норм и выделяя сходный элемент, мы получим общий им признак в изолированном виде (генерализация). Таким приемом, подобным вынесению за скобки общего множителя, не создается новая норма, а только выделяется общее ряду норм, однообразно в них повторяющееся правило, которое раз за разом проходит перед глазами наблюдателя¹⁵. Обобщая, в частности, различные процессуальные нормы, можно выделить такие признаки юридического процесса, как наличие властных полномочий, строгая регламентация осуществления действий и т.д.

Важное место в догматике занимает формулирование юридических определений. Под именем юридического определения понимается соединение в одно различных условий, совокупность которых способна вызвать определенный ряд юридических последствий. Благодаря формально-догматической методологии юридическая наука получила определение юридического процесса (хотя и неоднозначное), процессуального права, процессуальной нормы и ряда других понятий. Следует помнить, что удачность юридического определения зависит от логического соответствия его частей.

Высшую ступень в догматическом процессе составляет классификация норм, уже объясненных, обобщенных и соединенных в определения. Научно классифицированное право дает почву для приема, который называется юридической конструкцией. Под этим именем следует понимать разложение рассматриваемого юридического явления, института, на составные его элементы и, на основании этого, определение, по существенным признакам, места, которое ему принадлежит в системе права. Формирование юридической процессуальной формы как некой унифицированной конструкции любого вида юридического процесса бесспорно обогатило общепроцессуальную теорию.

Система права представляет всю массу действующих норм, по тому или иному отделу права, в их взаимной логической связи, обнаруживая отношение частей к целому и друг к другу¹⁶.

В рамках догматической методологии юридическое процессуальное знание следует представлять как систему логически связанных нормативных установлений, объединенных в более крупные группы, отличающиеся более высоким уровнем научных обобщений. Поэтому в данном случае юридический процесс (процессуальное право) следует рассматривать как правовую абстракцию (научное определение) – соединение в одно предложение (суждение) различных условий, совокупность которых способна вызвать определенный ряд юридических последствий. Научное определение предполагает: а) существенность перечисляемых условий (признаков) или б) полноту их перечисления.

Таким образом, не следует отвергать значение формально-догматической методологии в развитии учения о юридическом процессе и процессуальной теории в целом.

Юридический подход (формально-юридическая методология) в юридической науке является наиболее традиционным, а поэтому и весьма распространенным¹⁷.

В рамках данного подхода юридический процесс рассматривается, во-первых, как юридическая конструкция, а во-вторых, как правовое отношение. В этом случае юридический процесс трактуется как властно-организационная деятельность субъектов публичной власти в их взаимоотношениях с гражданами. Н. М. Коркунов считал, что природа государства характеризуется наличием и содержанием государственно-правовых и прежде всего государственно-властных отношений. Специфика государственно-властных отношений состоит в том, что они обусловлены реализацией общественных интересов и носят публично-правовой характер. Интересы государства и интересы лиц, осуществ-

¹⁵ См.: Шершеневич Г.Ф. Общая теория права. – М., 1956. – С. 201.

¹⁶ См.: Усков О. Ю. Указ. соч. – С. 22.

¹⁷ См.: Корнев В. Н. О некоторых методологических подходах к исследованию государства // Российская юстиция. – 2009. – № 12. – С. 23.

ляющих права на участие в управлении государством, сливаются в единое целое, и разграничить их не только нецелесообразно, но и невозможно.

В соответствии с представлениями Н. М. Коркунова, организационно-властная деятельность управомоченных субъектов представляется правовым отношением, субъектами которого, с одной стороны, являются граждане государства, с другой – государственные органы и должностные лица, наделенные властными полномочиями, объектом – сама государственная власть, а содержание составляют участие во властвовании – как право граждан и обязанность должностных лиц и обязанность повиноваться установленным процессуальным законам и правилам. При этом для граждан установлен общедозволительный режим поведения, а для должностных лиц государства – разрешительный – разрешено только то, что указано в законе.

В государствоведении находят применение и иные методы исследования. Не менее распространенным, чем юридический, является социологический подход в конструировании понятийного аппарата государствоведения. Социология предоставляет необходимый научный инструментарий для познания сущностных основ юридического процесса, а также его социального назначения. Социологическая методология соответствует интерпретации процесса не только как юридического понятия, но и как социального факта, т.е. явления, обязанного своему рождению и существованию не человеческой способности к суждению, а реальным процессам, происходящим в обществе и отчасти независимым от воли и сознания человека¹⁸. Социологическая методология связывает властную деятельность государственных органов с решением задач и достижением целей, стоящих перед обществом.

В рамках этого подхода юридический процесс рассматривается как деятельность управомоченных органов, связанная с разрешением конкретных жизненных ситуаций, направленная на реализацию функции управления обществом с целью приведения его к компромиссам, равновесию и благополучию.

Анализ этапов становления теории юридического процесса, в результате которого является признание развития ее по диалектическому пути¹⁹.

Теория юридического процесса, в частности, шла по пути накопления количественных изменений в пользу принятия и признания единства процесса как в целом, так и в частностях. Так, например, имевшая место в дореволюционном юрисдикционном уголовном процессе, но отрицавшаяся в советский период его истории состязательность с принятием нового российского УПК вернулась в отечественное уголовно-процессуальное право.

С позиций диалектики очевидно то, что противоположности и их борьба присутствует и в правовой системе. Об этом свидетельствует деление права на публичное и частное, материальное и процессуальное, позитивно-регулятивное и охранительное право. Это парные правовые категории, и их парность определяется самой философской сущностью закона единства и борьбы противоположностей.

Системный подход к праву указывает на то, что нельзя отрицать наличие такого среза права, как подразделение его на материальное и процессуальное. Со следующим отсюда логическим выводом, что каждый из названных компонентов обладает собственной спецификой, особыми законами функционирования и конструирования.

Системное познание предполагает: 1. Рассмотрение объекта как системы, т. е. как органического множества взаимодействующих элементов. 2. Определение состава, структуры и организации элементов и частей системы, обнаружение ведущих взаимодействий между ними. 3. Выявление внешних связей системы, выделение из них главных. 4. Определение функции системы и ее роли среди других систем. 5. Анализ диалектики структуры и функции системы. 6. Обнаружение на этой основе закономерностей и тенденций развития системы.

Применительно к юридическому процессу это означает, что: 1. право представляет собой двухэлементную модель – право материальное и право процессуальное; 2. юридический процесс представляет собой комплексное системное явление в единстве субъектного состава, предметного, процедурного, результативного и обеспечительного компонента. Причем юридический процесс представляет собой сложную самоорганизующуюся

¹⁸ См.: Корнев В. Н. Указ. соч. – С. 24.

¹⁹ См.: Павлушина А. А. Теория юридического процесса: проблемы и перспективы развития: дис. ... д-ра юрид. наук. – Самара, 2005. – С. 56.

систему, которая способна как самостоятельно, так и под влиянием иных факторов реагировать на изменения внешней среды. Примером может служить появление новых видов процесса как реакция на меняющиеся, обновляющиеся общественные отношения (например, регистрационно-правоустанавливающий процесс и другие).

Институциональный методологический подход основан на исследовании институтов (учреждений) какого-либо правового явления, анализирует «институты в действии», то есть то, как в институтах реализуются цели и намерения людей. С задачами выявления эффективности государственных структур связано и сочетание анализа формальной организации с поведенческими аспектами.

Институциональный подход к понятию юридического процесса позволяет изучать его сквозь призму организационно-нормативных образований (государственно-правовых институтов), каждый из которых воплощает в себе те или иные ценности, принципы, нормы, установки и выполняет в правовом регулировании определенную функцию.

В целом речь может идти о ряде методологических направлений юридических исследований, имеющих место в современной науке.

Следует при этом отметить, что получение достоверного знания в юридической науке обеспечивает использование множественности подходов к его освоению.

Список литературы

1. Борисов Г.А. Закономерность процессуализации законодательства в России: проблемы модернизации юридического образования // Научные ведомости БелГУ. – № 14(85) 2010, Выпуск 13. – С. 145-150.
2. Керимов Д.А. О предмете и методологии всеобщей теории права // Сборник науч. тр. под ред. М.Н. Марченко. – Вып. 1 (2005). – М.: Юрист. – 212 с.
3. Корнев В. Н. О некоторых методологических подходах к исследованию государства // Российская юстиция. – 2009. – № 12. – С. 23-25.
4. Лекторский В.А., Швырев В.С. Методологический анализ науки/ Типы и уровни. Философия, методология, наука. – М., 1992. – 231 с.
5. Малько А. В. Теория государства и права в вопросах и ответах: Учебно-методическое пособие. – М., 1997. – 512 с.
6. Павлушина А. А. Теория юридического процесса: проблемы и перспективы развития: дис...-ра юрид. наук. – Самара, 2005. – 459 с.
7. Панова И. В. Юридический процесс. – Саратов, 1998. – 253 с.
8. Протасов В. Н. Основы общеправовой процессуальной теории. – М., 1991. – 231 с.
9. Советский уголовно-процессуальный закон и проблемы его эффективности./ Под ред. В.М. Савицкого. – М., 1989. – 115 с.
10. Сорокин В. Д. Проблемы административного процесса. – М., 1998. – 176 с.
11. Сырых В. М. Методология юридической науки: состояние, проблемы, основные направления дальнейшего развития. // Сборник науч. тр. под ред. М.Н. Марченко. – Вып. 1 (2005). – М.: Юрист. – 187 с.
12. Теория юридического процесса / Под ред. М. В. Горшенева. – Харьков: Выща школа, 1985. – 142 с.
13. Усков О. Ю. Юридическая техника как формально-догматическая методология. – Белгород, 2009. – 104 с.
14. Черданцев А. Ф. Системообразующие связи права // Советское государство и право. – 1974. – №8. – С.14-16.
15. Шершеневич Г.Ф. Общая теория права. – М., 1956. – 453 с.

LEGAL PROCESS: BASIC METHODOLOGICAL APPROACHES TO CONCEPT DEFINITION

V.V. KUTKO

*Belgorod National
Research University*

e-mail: Kutko@bsu.edu.ru

The article considers the basic methodological approaches to concept definition «legal process». The attention is focused on a dialectic way of development of the theory of legal process to the domestic right. Categories "material" and "remedial" are considered as steam rooms, as equivalent parts of uniform system.

Key words: methodology, the substantive law, procedural right, legal process, state-legal law, imperious powers, legal restrictions.

УДК 342.1

ПРОЦЕСС ОБЪЕДИНЕНИЯ СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ КАК ФАКТОР ОБРАЗОВАНИЯ СТАТУСНО-НОВЫХ ТЕРРИТОРИЙ

А.Н. НИФАНОВ

*Белгородский
государственный
национальный
исследовательский университет*

e-mail: nif@list.ru

В данной статье автором исследовано влияние процесса объединения субъектов Российской Федерации на образование административно-территориальных единиц с особым правовым статусом. Рассмотрены концептуально-теоретические, а также практические проблемы (на примере Республики-анклава Адыгея и Краснодарского края) в заявленной сфере.

Ключевые слова: субъект Федерации, автономный округ, административно-территориальная единица с особым правовым статусом, муниципальная территория.

Для современного этапа государственного строительства в Российской Федерации характерен процесс укрупнения субъектов, с которым связывают надежды на разрешение многих политических, экономических, национальных, социальных и иных проблем современной России. При этом если до недавнего времени дискуссия носила в основном теоретический характер и велась вокруг таких вопросов, как обоснование необходимости сокращения числа субъектов Федерации, темпы объединительного процесса, его возможные «количественные» результаты (должно ли в результате в Российской Федерации остаться 7, 20, 30, 50 или какое-то иное число субъектов), то после референдумов по вопросам об образовании Пермского края и «нового» Красноярского края рассматриваемая тема получила еще и сугубо практический аспект¹.

Изменение субъектного состава в сторону уменьшения произошло благодаря реализации возможности образования в составе Российской Федерации нового субъекта, что закреплено в ч. 2 ст. 65 Конституции Российской Федерации², путем объединения в соответствии с механизмом, определенным в Федеральном конституционном законе от 17 декабря 2001 г. № 6-ФКЗ «О порядке принятия в Российскую Федерацию и образования в ее составе нового субъекта Российской Федерации»³.

С 2005 г. по 2008 г. произошло объединение субъектов Федерации в результате чего их число уменьшилось с 89 до 83⁴. Интеграционный процесс затронул субъекты Фе-

¹ Бессонова В.В. Проблемы объединительных реформ в субъектах Российской Федерации // Юридический мир. – 2009. – № 2.

² Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с учетом поправок, внесенных законами Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации от 30 декабря 2008 г. № 6-ФКЗ и от 30 декабря 2008 г. № 7-ФКЗ) // Российская газета. – 1993, 25 декабря; 2009, 21 января.

³ Федеральный конституционный закон от 17 декабря 2001 г. № 6-ФКЗ «О порядке принятия в Российскую Федерацию и образования в ее составе нового субъекта Российской Федерации» // Парламентская газета. – 2001, 20 декабря.

⁴ См.: Федеральные конституционные законы РФ от 25 марта 2004 г. № 1-ФКЗ «Об образовании в составе Российской Федерации нового субъекта Российской Федерации в результате объединения Пермской области и Коми-Пермяцкого автономного округа» // СЗ РФ. – 2004. – № 13. – Ст. 1110; от 14 октября 2005 г. № 6-ФКЗ «Об образовании в составе Российской Федерации нового субъекта Российской Федерации в результате объединения Красноярского края, Таймырского (Долгано-Ненецкого) автономного округа и Эвенкийского автономного округа» // СЗ РФ. – 2005. – № 42. – Ст. 4212; от 12 июля 2006 г. № 2-ФКЗ «Об образовании в составе Российской Федерации нового субъекта Российской Федерации в результате объединения Камчатской области и Корякского автономного округа» // СЗ РФ. – 2006. – № 29. – Ст. 3119; от 30 декабря 2006 г. № 6-ФКЗ «Об образовании в составе Российской Федерации нового субъекта Российской Федерации в результате объединения Иркутской области и Усть-Ордынского Бурятского автономного округа» // СЗ РФ. – 2007. – № 1 (ч. 1). Ст. 1. – № 23. – Ст. 2690; от 21 июля 2007 г. № 5-ФКЗ «Об образовании в составе Российской Федерации нового субъекта Российской Федерации в результате объединения Читинской области и Агинского Бурятского автономного округа» // СЗ РФ. – 2007. – № 30. – Ст. 3745.

дерации, формально и так составляющие единое целое⁵. Это дало повод для высказанного в юридической литературе мнения о произошедшем своеобразном «поглощении» краями, областями автономных округов, что наиболее отчетливо проявилось в тех случаях, когда не изменилось даже название нового субъекта Федерации (Красноярский край, Иркутская область), однако автономные округа, ранее входившие в состав соответствующего края, области, перестали существовать⁶.

Обратим внимание, что автономные округа являются особыми государственными образованиями, которые обеспечивают, в том числе, решение национального вопроса на соответствующих территориях Российской Федерации (реализация прав коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока). Федеральные конституционные законы об образовании объединенных субъектов Федерации предусмотрели, что теперь эту задачу должны решать административно-территориальные единицы с особым правовым статусом, образуемые на территории бывших автономных округов.

Таким образом, административно-территориальные единицы с особым правовым статусом – новый вид национально-территориальных образований, создаваемых на территории субъекта Российской Федерации. Их правовой статус регулируется федеральными конституционными законами об образовании объединенных субъектов Федерации, учредительными актами, законами и иными нормативными правовыми актами соответствующих субъектов России. При этом уставы объединенных субъектов Федерации различным образом подходят к объему регламентации статуса рассматриваемых территорий единиц. В некоторых случаях уставы регулируют соответствующий статус весьма подробно в отдельной главе (Пермский⁷, Забайкальский края⁸, Иркутская область⁹), в других – фрагментарно, лишь отдельными нормами (Красноярский край¹⁰).

Территории административно-территориальных единиц с особым правовым статусом обособляются в границах бывших автономных округов и являются неотъемлемой частью соответствующего субъекта Федерации. Эти территориальные единицы вправе иметь символику, отражающую их исторические, культурные, социально-экономические и иные местные традиции в соответствии с законами субъектов Федерации (ч. 1 и 2 ст. 35 Устава Пермского края, ч. 3 ст. 15 Устава Иркутской области).

Вопрос о наименовании административно-территориальной единицы с особым правовым статусом решается в уставе соответствующего субъекта Федерации. В качестве временной нормы некоторые федеральные конституционные законы об образовании объединенных субъектов Федерации предлагали именовать эти территориальные образования округами. Данный подход был воспринят уставами всех объединенных субъектов Федерации, кроме Красноярского края. В соответствии со ст. 33 Устава Красноярского края административно-территориальные единицы с особым правовым статусом именуется «районы». Таким образом, в настоящее время в объединенных субъектах Российской Федерации образованы следующие административно-территориальные единицы с особым правовым статусом: Коми-Пермяцкий округ в Пермском крае, Таймырский (Долгано-Ненецкий) и Эвенкийский районы в Красноярском крае, Корякский округ в Камчатском крае, Усть-Ордынский Бурятский округ в Иркутской области, Агинский Бурятский округ в Забайкальском крае¹¹.

⁵ Брежнев О.В. Административно-территориальные единицы с особым правовым статусом в объединенных субъектах Российской Федерации: опыт, проблемы, перспективы развития // Конституционное и муниципальное право. – 2010. – № 7.

⁶ См.: Авакьян С.А. Пробелы и дефекты в конституционном праве и пути их устранения // Пробелы и дефекты в конституционном праве и пути их устранения: Материалы Междунар. науч. конф-ции. Юрид. ф-т МГУ им. М.В. Ломоносова. Москва, 28 – 31 марта 2007 г. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2008. – С. 22-23.

⁷ Устав Пермского края от 27 апреля 2007 г. № 32-ПК // <http://www.admin.permkrai.ru/>

⁸ Закон Забайкальского края от 11 февраля 2009 г. № 125-ЗЗК «Устав Забайкальского края» // <http://www.garant.ru/hotlaw/chita/191569/>

⁹ Устав Иркутской области от 10 февраля 1995 г. // http://www.protown.ru/russia/obl/articles/articles_91.html

¹⁰ Устав Красноярского края от 29 февраля 1996 г. № 8-252 // http://www.protown.ru/russia/obl/articles/articles_98.html

¹¹ Брежнев О.В. Административно-территориальные единицы с особым правовым статусом в объединенных субъектах Российской Федерации: опыт, проблемы, перспективы развития // Конституционное и муниципальное право. – 2010. – № 7.

Отметим, что территорию административно-территориальной единицы с особым правовым статусом с точки зрения ее оценки как пространственных пределов реализации компетенции публичных органов власти, можно рассматривать в качестве:

– составной части территории субъекта Российской Федерации. На это указывает организация власти в рассматриваемых образованиях.

Так, в одних случаях в структуре органов исполнительной власти соответствующего субъекта Федерации создается орган специальной компетенции, осуществляющий государственное управление на территории административно-территориальной единицы с особым правовым статусом, а также функции по взаимодействию с иными исполнительными органами государственной власти субъекта Федерации и координации деятельности их территориальных органов. Представительный орган на уровне административно-территориальной единицы с особым правовым статусом отсутствует. Сохраняется существовавшее ранее в автономном округе территориальное деление на районы.

В соответствии с Уставом Пермского края (ч. 2 ст. 37, ст. 40) предусматривается создание в структуре исполнительных органов государственной власти края Министерства по делам Коми-Пермяцкого округа Пермского края, определена сфера его компетенции. Руководство данным Министерством осуществляет Глава Коми-Пермяцкого округа – министр Пермского края, который входит в состав Правительства края. Он назначается на должность и освобождается от нее Губернатором Пермского края по представлению Председателя Правительства края (ч. 1 – 3 ст. 41 Устава Пермского края). Аналогичный подход к организации государственной власти на территории Корякского округа предусмотрен Уставом Камчатского края (ч. 2 ст. 30).

В других случаях на территории административно-территориальной единицы с особым правовым статусом в структуре органов исполнительной власти субъекта Федерации создается орган общей компетенции, выполняющий функции государственного управления на соответствующей территории. Согласно ст. 18 Устава Иркутской области таким органом является Администрация Усть-Ордынского Бурятского округа. В Забайкальском крае Руководитель Администрации Агинского Бурятского округа одновременно является заместителем Председателя Правительства края (ч. 2 ст. 106 Устава Забайкальского края);

– муниципальной территории, так как на территории административно-территориальной единицы с особым правовым статусом создается единое муниципальное образование – муниципальный район. Организация власти в нем строится в соответствии с положениями Федерального закона от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» и законами субъектов Федерации. Ранее существовавшее на данной территории деление на районы упраздняется.

Подобная модель принята в Красноярском крае, где образованы Таймырский (Долгано-Ненецкий) и Эвенкийский муниципальные районы. Таким образом, правовой статус данных территорий претерпел беспрецедентную для новейшей российской истории трансформацию: из территории субъектов Федерации они «превратились» в муниципальную территорию. Предусматривается создание представительных органов: Думы Таймырского (Долгано-Ненецкого) муниципального района, состоящей из 15 депутатов, избираемых на основе мажоритарной избирательной системы по одномандатным округам, и Совета депутатов Эвенкийского муниципального района, состоящего из 23 депутатов – по одному от каждого сельского поселения, входящего в состав района, независимо от численности населения (ч. 3 ст. 21 Устава Таймырского (Долгано-Ненецкого) муниципального района, ч. 2 ст. 15 Устава Эвенкийского муниципального района). При этом депутатский корпус представительного органа Эвенкийского района формируется из глав сельских поселений и из депутатов представительных органов указанных поселений.

В продолжение проблемы объединения территории субъектов Федерации, считаем, в порядке научной дискуссии целесообразно обозначить проблему аналогичной перспективы Республики Адыгея и Краснодарского края. Отметим, что фактически территория Республики-анклава Адыгея полностью входит в территорию Краснодарского края. Представленный вопрос достаточно остро обсуждается политиками на высоком государственном уровне. Основной аргумент, высказываемый за объединение, основывается на экономической подоплеке.

В Адыгее возможность объединения воспринимается очень болезненно. Руководство Республики на протяжении уже продолжительного времени также

отрицательно комментирует данную идею: экс-президент республики заявлял «Известиям», что «объединение есть не что иное, как политическая провокация, способная повлечь негативные последствия, особенно на фоне сложной общественно-политической ситуации в Северо-Кавказском регионе» (Хазрет Совмен)¹². Нынешний президент Адыгеи Аслан Тхакушинов официально объявлял о том, что не говорил о возможном объединении Адыгеи и Краснодарского края ни в настоящее время, ни в перспективе¹³.

Неоднократно в республике-анклаве начинал работу Комитет защиты статуса Республики Адыгея, в который вошли представители различных общественных организаций и национальных обществ республики. Тем самым планы власти по объединению регионов и ликвидации национальных «матрешек» впервые натолкнулись на серьезное сопротивление в Республике Адыгея, находящейся внутри территории Краснодарского края.

Серьезную озабоченность возможным присоединением выражают не только местные общественные организации. Так, руководитель одного из зарубежных отделений организации «Черкесский конгресс» Кубан Хатукай, представляющей интересы адыгейской диаспоры Нидерландов, в письме на имя президента республики заявил, что считает «недопустимым посягательства на возможность развития Адыгеи как полноправного субъекта Российской Федерации».

Отметим, что руководство другой стороны – Краснодарского края выступает за укрупнение регионов в стране и объединение Краснодарского края с Республикой Адыгея.

По словам вице-губернатора Краснодарского края в 2008 г. Мурата Ахеджака, с учетом данных опросов, проведенных государственным унитарным предприятием (ГУП) «Центр социологических исследований», почти 80% опрошенных в Республике Адыгея высказались за объединение с Краснодарским краем.

«В том числе за объединение с Кубанью высказались 50% опрошенных представителей коренной национальности – адыгов, а из русскоязычного населения Республики Адыгея за объединение почти 90%», – заявил Ахеджак.

По его данным, «несколько ниже» доля сторонников объединения в Краснодарском крае – 48%¹⁴.

Таким образом, у сторон диаметрально противоположный взгляд на объединение. Вместе с тем, законодательно установленное основное условие образования в составе Российской Федерации нового субъекта – добровольная основа (ч. 1 ст. 3 Федерального конституционного закона от 17 декабря 2001 г. № 6-ФКЗ «О порядке принятия в Российскую Федерацию и образования в ее составе нового субъекта Российской Федерации»).

В качестве аргументов, приводимых за интеграционный процесс, выступают:

- опыт принадлежности Адыгеи Краснодарскому краю в советский период;
- законодательно определенная процедура;

– практика объединения округов с краем или областью. Фактически, республика Адыгея – это субъект, обособленный в силу национального принципа, как и уже прошедшие стадию объединения округа. Федеральное конституционное законодательство об их объединении, с учетом национальных, исторических, культурных особенностей субъекта, соответственно регулирует эти вопросы применительно к образуемым на месте округов административно-территориальным единицам с особым статусом. Поэтому по аналогии в перспективе территория субъекта Республика Адыгея могла бы стать административно-территориальной единицей с особым статусом.

Подчеркнем, что процесс такого объединения, не смотря на имеющиеся юридические основания, в первую очередь должен быть подкреплен обоюдной добровольностью субъектов.

¹² В Адыгее зреет мятеж против объединения с Краснодарским краем // <http://www.bg-znanie.ru/article.php?nid=8781>

¹³ Президент Адыгеи опроверг информацию об объединении республики с Краснодарским краем // <http://www.zihia.net/index.php?newsid=336>

¹⁴ Вице-губернатор Краснодарского края намерен объединиться с Адыгеей // http://www.gazeta.ru/lenta/2005/04/01/news_262455.shtml

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с учетом поправок, внесенных законами Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации от 30 декабря 2008 г. № 6-ФКЗ и от 30 декабря 2008 г. № 7-ФКЗ) // *Российская газета*. – 1993, 25 декабря; 2009, 21 января.
2. Авакьян С.А. Пробелы и дефекты в конституционном праве и пути их устранения // Пробелы и дефекты в конституционном праве и пути их устранения: Материалы Междунар. науч. конф-ции. Юрид. ф-т МГУ им. М.В. Ломоносова. Москва, 28-31 марта 2007 г. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2008. – С. 22-23.
3. Бессонова В.В. Проблемы объединительных реформ в субъектах Российской Федерации // *Юридический мир*. – 2009. – № 2.
4. Брежнев О.В. Административно-территориальные единицы с особым правовым статусом в объединенных субъектах Российской Федерации: опыт, проблемы, перспективы развития // *Конституционное и муниципальное право*. – 2010. – № 7.
5. В Адыгее зреет мятеж против объединения с Краснодарским краем // <http://www.bg-znanie.ru/article.php?nid=8781>
6. Президент Адыгеи опроверг информацию об объединении республики с Краснодарским краем // <http://www.zihia.net/index.php?newsid=336>
7. Вице-губернатор Краснодарского края намерен объединиться с Адыгеей http://www.gazeta.ru/lenta/2005/04/01/news_262455.shtml
8. Устав Иркутской области от 10 февраля 1995 г. // http://www.protown.ru/russia/obl/articles/articles_91.html
9. Устав Красноярского края от 29 февраля 1996 г. № 8-252 // http://www.protown.ru/russia/obl/articles/articles_98.html
10. Федеральный конституционный закон РФ от 17 декабря 2001 г. № 6-ФКЗ «О порядке принятия в Российскую Федерацию и образования в ее составе нового субъекта Российской Федерации» // *Парламентская газета*. – 2001, 20 декабря.
11. Федеральный конституционный закон РФ от 25 марта 2004 г. № 1-ФКЗ «Об образовании в составе Российской Федерации нового субъекта Российской Федерации в результате объединения Пермской области и Коми-Пермяцкого автономного округа» // *СЗ РФ*. – 2004. – № 13. – Ст. 1110.
12. Федеральный конституционный закон РФ от 14 октября 2005 г. № 6-ФКЗ «Об образовании в составе Российской Федерации нового субъекта Российской Федерации в результате объединения Красноярского края, Таймырского (Долгано-Ненецкого) автономного округа и Эвенкийского автономного округа» // *СЗ РФ*. – 2005. – № 42. – Ст. 4212.
13. Федеральный конституционный закон РФ от 12 июля 2006 г. № 2-ФКЗ «Об образовании в составе Российской Федерации нового субъекта Российской Федерации в результате объединения Камчатской области и Корякского автономного округа» // *СЗ РФ*. – 2006. – № 29. – Ст. 3119.
14. Федеральный конституционный закон РФ от 30 декабря 2006 г. № 6-ФКЗ «Об образовании в составе Российской Федерации нового субъекта Российской Федерации в результате объединения Иркутской области и Усть-Ордынского Бурятского автономного округа» // *СЗ РФ*. – 2007. – № 1 (ч. 1). Ст. 1. – № 23. – Ст. 2690.
15. Устав Пермского края от 27 апреля 2007 г. № 32-ПК // <http://www.admin.permkrai.ru/>
16. Федеральный конституционный закон РФ от 21 июля 2007 г. № 5-ФКЗ «Об образовании в составе Российской Федерации нового субъекта Российской Федерации в результате объединения Читинской области и Агинского Бурятского автономного округа» // *СЗ РФ*. – 2007. – № 30. – Ст. 3745.
17. Закон Забайкальского края от 11 февраля 2009 г. № 125-ЗЗК «Устав Забайкальского края» // <http://www.garant.ru/hotlaw/chita/191569/>

**PROCESS OF ASSOCIATION OF SUBJECTS OF THE RUSSIAN FEDERATION
AS A FACTOR OF FORMATION OF NEW TERRITORIES STATUS****A.N. NIFANOV***Belgorod National
Research University**e-mail: nif@list.ru*

In this article, the author studies the effect of the merger of the Russian Federation on the formation of administrative units with special legal status. We consider the conceptual and theoretical and practical problems (for example, the Republic of Adygea, the enclave and the Krasnodar Territory) in the declared area.

Key words: individualization, individualization's means, intangible thing, non-property rights.

УДК –342.7

РОССИЙСКИЙ ОМБУДСМЕН В ПРОЦЕССЕ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О ПРАВАХ И СВОБОДАХ ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА

А.Е. НОВИКОВА*Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет***e-mail:****alevtina2010@yandex.ru**

В статье представлен авторский анализ содержания ежегодных докладов Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации на предмет выявления в них роли российского омбудсмена в процессе совершенствования законодательства о правах и свободах человека и гражданина. Итоги осуществленного исследования позволили автору сформулировать некоторые рекомендации по поводу участия Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации в формировании законодательства о субъективных правах.

Ключевые слова: Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации, законодательство, законодательная инициатива, взаимодействие, доклад, Совет Федерации, Государственная Дума, Правительство, Конституционный Суд Российской Федерации.

Анализ российского законодательства о правах и свободах человека и гражданина на предмет его совершенствования и приведения в соответствие с общепризнанными принципами и нормами международного права является одной из задач Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации. Эта задача по-прежнему весьма актуальна: поступающие к Уполномоченному обращения граждан свидетельствуют о том, что несовершенство федеральных законов, их несоответствие международным обязательствам Российской Федерации, равно как и изъяны в правоприменительной практике, могут служить причиной нарушения прав и свобод человека. Несмотря на то, что российский омбудсмен обладает ограниченными полномочиями в сфере совершенствования законодательства, имеются конкретные результаты его участия в этом процессе.

Уточним, что впервые самостоятельный раздел «Совершенствование законодательства о правах и свободах человека и гражданина» появился в Докладе Уполномоченного по правам человека в РФ за 2005 г.¹ и состоял из трех частей «Обращение к субъектам права законодательной инициативы», «Обращение в Конституционный Суд Российской Федерации», «Совершенствование законодательства, регулирующего деятельность Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации и уполномоченных по правам человека в субъектах Российской Федерации». Аналогичный раздел также содержался в Докладе Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2006 г.², а за 2007 г.³ и 2009 г. в докладах сохранилась соответствующая рубрика, но без структурирования.

Итак, проанализированные доклады позволяют утверждать, что Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации участвовал в совершенствовании законодательства о правах человека строго в пределах своей компетенции. К сожалению, сами эти пределы чрезвычайно узки и не включают права законодательной инициативы. Вместе с тем, аргументированное предложение Уполномоченного о наделении его правом законодательной инициативы и о принятии необходимой для этого поправки к ст. 104 Конституции Российской Федерации неоднократно обсуждалось в заинтересованных министерствах и ведомствах начиная с 1999 г., но не получило поддержки.

¹ Российская газета. – 2006, 15 июня; 2006, 21 июня; 2006, 29 июня.

² Российская газета. – 2007, 13 апреля.

³ Доклад Уполномоченного по правам человека в РФ от 12 февраля 2008 г. «Доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2007 год» // Российская газета. – 2008, 14 марта; Доклад Уполномоченного по правам человека в РФ от 17 февраля 2010 г. «Доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2009 год» // Российская газета. – 2010, 28 мая.

В итоге единственным доступным Уполномоченному средством участия в совершенствовании законодательства о правах человека остается обращение к субъектам права законодательной инициативы с предложениями об изменении и дополнении федерального законодательства. Следует, однако, отметить, что и этому процессу препятствует отсутствие необходимых правовых норм о взаимодействии российского омбудсмена с субъектами законодательной инициативы.

Для обеспечения участия в законотворческом процессе и регулирования его механизмов Уполномоченный обратился к обеим палатам Федерального Собрания Российской Федерации с предложением о внесении дополнений в их регламенты, которые устанавливали бы структуру взаимоотношений Уполномоченного с Советом Федерации и Государственной Думой.

Постановлением Совета Федерации от 26 мая 2004 г. № 152-СФ были приняты изменения в Регламент Совета Федерации, регулирующие вопросы взаимодействия Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации, уполномоченных по правам человека в субъектах Российской Федерации с Советом Федерации.

Однако комитеты Государственной Думы по Регламенту и организации работы Государственной Думы и по конституционному законодательству и государственному строительству, рассмотрев указанные предложения, внесение дополнений в Регламент палаты признали нецелесообразным⁴.

Проведенный анализ ежегодных докладов Уполномоченного по правам человека, позволил сделать вывод, что, российский омбудсмен направил субъектам права законодательной инициативы: в 2009 г. – 42 предложения о совершенствовании законодательства; в 2007 г. – 62 обращения по совершенствованию действующего законодательства, а также 5 проектов нормативных правовых актов (в том числе четыре проекта федеральных законов и один проект постановления Правительства Российской Федерации); в 2006 г. – 40 заключений в соответствующие комитеты палаты с предложениями по внесению поправок и приведению в соответствие с Конституцией Российской Федерации и общепризнанными принципами и нормами международного права федерального законодательства; в 2004-2005 гг. – свыше 70 предложений.

Однако не всегда обращение Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации к субъектам законодательной инициативы находит у них положительный отзыв. Так, в 2006 г. российским омбудсменом были подготовлены предложения об установлении уголовной ответственности за каннибализм, случаи которого неоднократно освещались средствами массовой информации; о признании общественно опасными деяниями куплю-продажу органов человека, других частей его тела и компонентов крови в коммерческих целях, а также клонирование человека. Эти предложения в целом получили поддержку Генеральной прокуратуры Российской Федерации и не были отвергнуты заинтересованными федеральными органами исполнительной власти, что позволило обратиться в Правительство Российской Федерации с предложением о разработке проекта соответствующего федерального закона. Однако Минюст России оснований для подготовки такого законопроекта не нашел, что идет вразрез с международными правовыми актами и не способствует гармонизации уголовного законодательства России с уголовным законодательством других стран в части установления ответственности за указанные деяния⁵.

В целях обеспечения гарантий соблюдения прав человека при их правовом регулировании и выполнения социальных обязательств государства российский Уполномоченный практикует направление в комитеты Государственной Думы заключений по проектам федеральных законов. Так, 2006 г. от Российского омбудсмена в государственную

⁴ Доклад Уполномоченного по правам человека в РФ «Доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2005 год» // Российская газета. – 2006, 15 июня; 2006, 21 июня; 2006, 29 июня.

⁵ Доклад Уполномоченного по правам человека в РФ от 12 февраля 2008 г. «Доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2007 год» // Российская газета. – 2008, 14 марта.

Думу были направлены заключения по проектам федеральных законов, устанавливающие, в частности⁶:

- размеры бюджетного финансирования по бесплатному обеспечению инвалидов, в том числе инвалидов Великой Отечественной войны, специальным автотранспортом в качестве средства их медицинской реабилитации и социальной адаптации;
- порядок прохождения срочной военной службы по призыву, меры социальной и правовой защиты военнослужащих и членов их семей;
- процедуру рассмотрения государственными органами, органами местного самоуправления и должностными лицами индивидуальных и коллективных обращений граждан;
- формы и методы борьбы с терроризмом, допустимость при этом ограничения прав и свобод граждан, деятельности средств массовой информации;
- меры уголовно-правового характера о конфискации имущества, полученного в результате совершения преступлений, и меры по обеспечению при этом гарантий права собственности на имущество, приобретенное законным путем.

Приходится констатировать, что и нормативные правовые акты, принимаемые Правительством Российской Федерации, в отдельных случаях также содержат юридические несоответствия и недостаточно четкие формулировки.

Например, в Постановлении Правительства Российской Федерации от 12 января 2007 г. № 6 «Об утверждении Правил осуществления социальной реабилитации лиц, пострадавших в результате террористического акта, а также лиц, участвующих в борьбе с терроризмом»⁷ не сформулированы основания и порядок оказания социальной защиты родственникам лиц, лишившихся жизни (здоровья, имущества) при применении оружия на воздушном, морском или речном судне в порядке, предусмотренном статьями 7 и 8 Федерального закона «О противодействии терроризму»⁸. Обращения Уполномоченного в Правительство Российской Федерации по этому вопросу пока не привели к его правовому разрешению.

Еще одной формой участия Уполномоченного по правам человека в законотворческом процессе, является его присутствие на стадиях подготовки законодательных проектов к очередному слушанию Государственной Думой. По одним законопроектам законодатель учел правовую позицию Уполномоченного, по другим – оставил ее без внимания.

Конструктивное сотрудничество в области мониторинга законодательства Российской Федерации и практики его применения сложилось между Уполномоченным по правам человека и Советом Федерации Федерального Собрания Российской Федерации.

В октябре 2005 г. Уполномоченный направил замечания и предложения к ежегодному докладу Совета Федерации «О состоянии законодательства в Российской Федерации», в которых нашли отражение актуальные проблемы законодательного регулирования прав человека и их судебной защиты.

Как показывает практика, в то время как интересы государства представлены в законотворческом процессе органами исполнительной власти, являющимися основными разработчиками законопроектов, права и интересы личности и общества в этом процессе зачастую не представлены никем. Вполне очевидно, однако, что защита прав и свобод человека должна обеспечиваться еще на стадии разработки законопроектов.

Исходя из того, что закон возлагает на него осуществление государственной защиты прав человека, Уполномоченный в целях соблюдения баланса интересов государства и личности обратился в Правительство Российской Федерации с предложением о своем участии в проведении экспертно-правовой оценки законопроектов в части соблюдения прав человека перед решением вопроса о внесении их в Государственную Думу в качестве законодательной инициативы.

К сожалению, Министерство юстиции Российской Федерации, рассмотрев обращение Уполномоченного, не посчитало целесообразным его участие в экспертизе проек-

⁶ Доклад Уполномоченного по правам человека в РФ «Доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2006 год» // Российская газета. – 2007, 13 апреля.

⁷ Российская газета. – 2007, 20 января.

⁸ Федеральный закон РФ от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» (ред. от 27.07.2010 г.) // Российская газета. – 2006, 10 марта; www.garant.ru

тов федеральных законов на предмет их соответствия общепризнанным международным нормам и стандартам в области прав и свобод человека⁹.

В деятельности по совершенствованию законодательства особое внимание российский омбудсмен уделяет взаимодействию с Конституционным Судом. Так, в 2007 г. Уполномоченный по правам человека подготовил 11 заключений на обращения судей Конституционного Суда по вопросам конституционности положений отдельных законодательных актов, примененных к гражданам в конкретных уголовных и гражданских делах.

Конституционным Судом Российской Федерации была учтена правовая оценка Уполномоченного по правам человека, высказанная им по делу о проверке конституционности положений ч. 1 ст. 15 Федерального закона «О бюджете Фонда социального страхования Российской Федерации на 2002 год» в связи с жалобой гражданки Баныкиной Т.А. (Постановление от 22.03.2007 г. № 4-П). Согласно заключению федерального Уполномоченного, оспариваемая законодательная норма не соответствует Конституции Российской Федерации. Это обязывает законодателя осуществить совершенствование законодательства с тем, чтобы обеспечить справедливую пропорциональность взносов в фонд социального страхования, осуществляемых в пользу застрахованных женщин в соответствии с их трудовым заработком и страховым обеспечением, что позволило бы в максимально возможной степени компенсировать им утраченный в связи с беременностью и родами заработок¹⁰.

Вместе с тем анализ практики рассмотрения Конституционным Судом Российской Федерации жалоб Уполномоченного на неконституционность отдельных положений действующего федерального законодательства в целях соблюдения прав человека свидетельствует о том, что противоречащие Конституции Российской Федерации нормы остаются порой без надлежащей конституционно-правовой оценки.

В случаях немотивированного отказа Конституционного Суда Российской Федерации от рассмотрения по существу направленных Уполномоченным по правам человека жалоб, фактически признаются конституционными положения федеральных законов, нарушающие права человека, гарантированные международными договорами Российской Федерации.

Так, Определением Конституционного Суда Российской Федерации от 11 мая 2006 г. № 132-О отказано в принятии к рассмотрению жалобы Уполномоченного на нарушение прав гражданина Е., гарантированных каждому частью 1 статьи 39 (право на социальное обеспечение) и частями 1, 2, 3 статьи 35 (право на частную собственность) Конституции Российской Федерации, положениями части 3 статьи 2 Закона Российской Федерации от 12 февраля 1993 г. № 4468-1 «О пенсионном обеспечении лиц, проходивших военную службу, службу в органах внутренних дел, Государственной противопожарной службе, органах по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, и их семей»¹¹.

Несмотря на то, что согласно статье 1 Протокола № 1 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод каждое физическое лицо имеет право на уважение своей собственности, а пенсия за выслугу лет, предоставляемая гражданам, проходившим военную службу, как форма реализации ими права на социальное обеспечение¹², то есть на получение от правового социального государства гарантированных денежных средств,

⁹ Доклад Уполномоченного по правам человека в РФ «Доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2005 год» // Российская газета. – 2006, 15 июня; 2006, 21 июня; 2006, 29 июня.

¹⁰ Доклад Уполномоченного по правам человека в РФ от 12 февраля 2008 г. «Доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2007 год» // Российская газета. – 2008, 14 марта.

¹¹ Определение Конституционного Суда РФ от 11 мая 2006 г. № 132-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации на нарушение конституционных прав гражданина В.Н. Егорова положением части третьей статьи 2 Закона Российской Федерации «О пенсионном обеспечении лиц, проходивших военную службу, службу в органах внутренних дел, Государственной противопожарной службе, органах по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, и их семей» // «Пенсия». – 2006. – № 7.

¹² Конвенция о защите прав человека и основных свобод (Рим, 4 ноября 1950 г.) (с изм. и доп. от 21 сентября 1970 г., 20 декабря 1971 г., 1 января, 6 ноября 1990 г., 11 мая 1994 г.) // СЗ РФ. – 2001. – № 2. – Ст. 163.

является имуществом социального назначения, на которое, как указывал Европейский Суд по правам человека в Постановлении от 20 июня 2002 г. по делу «Азинас против Греции», возникает право собственности, Конституционный Суд Российской Федерации оставил, таким образом, вопрос о нарушении названного международного договора Российской Федерации без конституционно-правовой оценки.

Аналогичные решения принимались Конституционным Судом Российской Федерации и по некоторым другим жалобам омбудсмена о нарушениях конституционных прав человека законом, примененным в конкретном деле¹³.

В рамках подраздела «Совершенствование законодательства, регулирующего деятельность Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации и уполномоченных по правам человека в субъектах Российской Федерации» докладов Уполномоченного по правам человека неоднократно отмечалось, что накопленный опыт государственной защиты прав человека свидетельствует о необходимости законодательного регулирования механизма взаимодействия федерального и региональных уполномоченных. В настоящее время такой механизм отсутствует.

Защита прав и свобод человека осуществляется Уполномоченным по правам человека в Российской Федерации и действующими самостоятельно и независимо от него уполномоченными в субъектах Российской Федерации. В то же время защита прав человека как предмет совместного ведения Российской Федерации и ее субъектов должна основываться на единстве форм и методов ее осуществления, а также на разграничении полномочий федерального и региональных уполномоченных.

В Докладе Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2005 г. также подчеркивалась необходимость внести изменения в Федеральный конституционный закон «Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации» и принять Федеральный закон «Об основах деятельности Уполномоченного по правам человека в субъекте Российской Федерации»¹⁴. Это позитивно отразится на повышении эффективности взаимодействия уполномоченных¹⁵.

Следует отметить, что в настоящее время указанные изменения в законодательстве так и не появились. На наш взгляд их необходимость актуальна до сих пор.

Подводя итоги проведенного аналитического исследования, обратим внимание, что статистические материалы взаимодействия Уполномоченного по правам человека с субъектами законодательной инициативы, а также представленные результаты такого взаимодействия, дают основания попрежнему утверждать о необходимости наделения российского Уполномоченного правом законодательной инициативы. Тем более, что подобный опыт имеется на региональном уровне.

Представляется целесообразным сохранение именно структурированной рубрики «Совершенствование законодательства о правах и свободах человека и гражданина» в ежегодном докладе Уполномоченного по правам человека. Полагаем, она должна присутствовать в докладе омбудсмена каждый год¹⁶.

Список литературы

1. Федеральный закон РФ от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» (ред. от 27.07.2010 г.) // Российская газета. – 2006, 10 марта; www.garant.ru
2. Постановление Правительства Российской Федерации от 12 января 2007 г. № 6 «Об утверждении Правил осуществления социальной реабилитации лиц, пострадавших в результате тер-

¹³ Доклад Уполномоченного по правам человека в РФ «Доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2006 год» // Российская газета. – 2007, 13 апреля.

¹⁴ См.: Доклад Уполномоченного по правам человека в РФ «Доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2006 год» // Российская газета. – 2007, 13 апреля; Доклад Уполномоченного по правам человека в РФ «Доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2005 год» // Российская газета. – 2006, 15 июня; 2006, 21 июня; 2006, 29 июня.

¹⁵ Доклад Уполномоченного по правам человека в РФ «Доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2005 год» // Российская газета. – 2006, 15 июня; 2006, 21 июня; 2006, 29 июня.

¹⁶ В Докладе Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2008 г. рассматриваемая рубрика отсутствует.

рористического акта, а также лиц, участвующих в борьбе с терроризмом» // Российская газета. – 2007, 20 января.

3. Определение Конституционного Суда РФ от 11 мая 2006 г. № 132-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации на нарушение конституционных прав гражданина В.Н. Егорова положением части третьей статьи 2 Закона Российской Федерации «О пенсионном обеспечении лиц, проходивших военную службу, службу в органах внутренних дел, Государственной противопожарной службе, органах по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, и их семей» // «Пенсия». – 2006. – № 7.

4. Доклад Уполномоченного по правам человека в РФ «Доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2005 год» // Российская газета. – 2006, 15 июня; 2006, 21 июня; 2006, 29 июня.

5. Доклад Уполномоченного по правам человека в РФ «Доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2006 год» // Российская газета. – 2007, 13 апреля.

6. Доклад Уполномоченного по правам человека в РФ от 17 февраля 2009 г. «Доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2008 год» // Российская газета. – 2009, 17 апреля.

7. Доклад Уполномоченного по правам человека в РФ от 12 февраля 2008 г. «Доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2007 год» // Российская газета. – 2008, 14 марта.

8. Доклад Уполномоченного по правам человека в РФ от 17 февраля 2010 г. «Доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2009 год» // Российская газета. – 2010, 28 мая.

9. Конвенция о защите прав человека и основных свобод (Рим, 4 ноября 1950 г.) (с изм. и доп. от 21 сентября 1970 г., 20 декабря 1971 г., 1 января, 6 ноября 1990 г., 11 мая 1994 г.) // СЗ РФ. – 2001. – № 2. – Ст. 163.

RUSSIAN OMBUDSMAN IN IMPROVEMENT OF THE LAW ON HUMAN RIGHTS AND FREEDOMS AND CIVIL

A.E. NOVIKOVA

*Belgorod National
Research University*

*e-mail:
alevtina2010@yandex.ru*

The article analyzes the legal nature of the rights to individualization's means, and their site in the system of civil law and legislation. Author examined the views and opinions of scientists. The paper considers also Russian and international legislation regulating the rights to individualization's means.

Key words: subject of the Federation, an autonomous district, administrative and territorial unit with special legal status, municipal territory.

УДК 352/354:351.72

ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ РАЗГРАНИЧЕНИЯ ПОЛНОМОЧИЙ МЕЖДУ ФЕДЕРАЛЬНЫМИ И РЕГИОНАЛЬНЫМИ ОРГАНАМИ ВЛАСТИ В СФЕРЕ БЮДЖЕТНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Т.О. ОГАНЕСЯН*Белгородский государственный
национальный исследовательский
университет**e-mail: oganesjan.tata@rambler.ru*

В статье дается краткая характеристика полномочий органов государственной власти субъектов Федерации в сфере бюджетных отношений. Представлены основные проблемы, возникающие в процессе развития бюджетной системы РФ. Определены направления дальнейшего совершенствования административно-правового регулирования бюджетных отношений.

Ключевые слова: Бюджетный федерализм, межбюджетные отношения, бюджетные полномочия, органы власти субъектов РФ

Федеративное устройство Российского государства закреплено Конституцией Российской Федерации 1993 г. Как и в любом демократичном государстве, оно базируется на целостности территории страны, единстве всех государственных органов власти, децентрализации и разграничении прав между органами государственной власти РФ и органами государственной власти административно-территориальных образований РФ.

Круг решаемых вопросов, прав и обязанностей между органами государственной власти РФ и органами государственной власти территорий Российской Федерации разграничен в соответствии с Конституцией РФ, это и касается сферы бюджета. Каждая административно-территориальная единица Российской Федерации имеет свой бюджет, в рамках которого сформированные средства предназначаются для обеспечения задач и функций, отнесённых к предметам его ведения. В статье 14 Бюджетного кодекса РФ он назван региональным бюджетом.

Деятельность региональных законодательных и исполнительных органов власти направлена на обеспечение сбалансированности бюджетов соответствующих субъектов Российской Федерации, соблюдение определенных федеральными законами и нормативными правовыми актами Президента РФ и Правительства РФ требований к регулированию бюджетных правоотношений, осуществление бюджетного процесса, регулирование размера дефицита бюджетов, размера и состава государственного долга субъектов Федерации, исполнение бюджетных и долговых обязательств субъектов Федерации¹.

Формирование, утверждение, исполнение бюджетов субъектов Российской Федерации, а также контроль за их исполнением проводится органами государственной власти данных территорий Российской Федерации самостоятельно с соблюдением условий, установленных данным Законом, Бюджетным кодексом РФ и не противоречащим им принятыми законами субъектов Российской Федерации.

Органы государственной власти территорий Российской Федерации предоставляют федеральным органам государственной власти ежегодные отчёты как об исполнении бюджетов субъектов Российской Федерации, так и об исполнении консолидированных бюджетов данных территорий Федерации согласно порядку, установленному федеральным законом, нормативным правовым актом Правительства РФ.

В бюджетах субъектов Федерации отдельно предусматриваются доходы и субвенции, которые направляются на исполнение их расходных обязательств, возникающих в связи с осуществлением органами государственной власти субъектов Российской Федерации прав по предметам ведения субъектов Федерации и прав по предметам совместного

¹ Годин А.М. Бюджетная система Российской Федерации: Учебник. – 8-е изд., испр. и доп. – М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К^о», 2009. – С.297.

ведения, указанных в пп. 2 и 7 ст. 26.3, ст. 26.2 и 26.5 Закона об органах государственной власти субъектов Федерации, а также расходы обязательств субъектов Российской Федерации, осуществляемые за счёт указанных доходов и субвенций из федерального бюджета.

Проект бюджета и закон о бюджете субъекта Федерации, годовой отчёт об исполнении бюджета, ежеквартальные данные о ходе исполнения бюджета, а также о численности государственных служащих органов государственной власти и численности работников государственных учреждений публично-правового образования, с обязательным указанием затрат, необходимых на их денежное содержание, подлежат официальной публикации. По проекту бюджета субъекта Федерации и годовому отчёту о его исполнении публикуются сведения.

С целью организации кассового обслуживания исполнения бюджетов субъектов Российской Федерации органы государственной власти административно-территориальных образований в порядке и на условиях, установленных федеральным законом и принимаемыми в соответствии с ним нормативными правовыми актами Правительства РФ, создают казначейство субъекта Федерации или заключают соглашение о кассовом обслуживании исполнения бюджета субъекта Федерации с органами Федерального казначейства.

Согласно ст. 73 Конституции РФ субъектам Российской Федерации за пределами решаемого круга вопросов самой Федерации и её полномочий по вопросам совместного с субъектами ведения принадлежит вся полнота государственной власти. Кроме того они осуществляют ряд полномочий и в сфере их совместного с государством ведения. Следует добавить, что к предметам такого совместного ведения Основной закон РФ относит, в частности, установление общих принципов определения налогов и сборов на территории России.

Для расширения области регулирования нормами права круга бюджетных вопросов, относящихся к собственной компетенции субъектов РФ, ими принято институциональное законодательство, которое отражает в себе черты, характерные для данного региона. Одной из самостоятельных форм бюджетной деятельности субъекта Российской Федерации является его бюджетное законодательство. Относительную независимость установленной системы бюджетного законодательства административно-территориальной единицы РФ обусловил его конституционно-правовой статус и самостоятельность деятельности. Субъект РФ вправе самостоятельно определять элементный состав структуры своего бюджетного законодательства в зависимости от требований, предъявляемых к отдельным группам бюджетных отношений. В тоже время законодательство субъектов Федерации подвергается процессу совершенствования осуществляемого в регионах правового регулирования бюджетного устройства и бюджетного процесса.

Можно констатировать что, бюджетные отношения регулируются как на уровне самого государства, так и на уровне его субъектов. В первом случае основополагающим законодательным актом для регулирования является Бюджетный кодекс, а во втором – ему соответствуют, полностью или частично, акты, носящие разные наименования.

Принятый 8 ноября 2007 г. Белгородской областной Думой закон от 16.11.2007 г. № 162 «О бюджетном устройстве и бюджетном процессе в Белгородской области» вступил в силу с 1 января 2008 г., за исключением отдельных положений, для которых ст. 89 данного документа предусмотрены иные сроки введения в действие (далее Закон).

Закон играет большую роль в развитии бюджетной системы нашей области, адаптации её к сложившейся правовой и политической жизни региона, слиянии в общий механизм обеспечения законности бюджетной деятельности в РФ.

Следует отметить, что в Бюджетном кодексе РФ установлен порядок составления и рассмотрения проекта, утверждения, исполнения и контроля за исполнением только на уровне бюджета Федерации. Компетенциями по установлению порядка деятельности на всех стадиях бюджетного процесса других уровней бюджетной системы РФ обладают соответствующие субъекты. Что касается Белгородской области, порядок осуществления бюджетного процесса на её территории устанавливается главой 6 Закона. В данной главе определён перечень лиц, являющихся участниками бюджетного процесса Белгородской области, и круг их бюджетных полномочий.

Неразрывную связь с нормой, устанавливающей правовую форму бюджетов, имеют бюджетные полномочия представительных органов власти. На региональном уровне права и обязанности представительных органов власти закрепляются в конституциях (уставах) соответствующих субъектов Российской Федерации, а также в их законодательных актах, касающихся вопросов бюджетного устройства и бюджетного процесса. Статья 41 Закона закрепляет бюджетные полномочия Белгородской областной Думы.

Компетенции органов исполнительной власти, относящиеся к области регулирования бюджетного процесса, реализуются на трёх его этапах – составление проекта бюджета, исполнение бюджета и контроль за исполнением бюджета. Ст. 42 Закона устанавливает бюджетные полномочия правительства Белгородской области.

Глава 7 Закона регулирует составление, рассмотрение и утверждение проектов бюджетов. Рассмотрение проекта закона Белгородской области об областном бюджете на очередной финансовый год проводится в трёх чтениях, а рассмотрение проекта федерального закона о федеральном бюджете – в четырёх чтениях. От себя добавим, что это не противоречит нормам Бюджетного кодекса РФ.

Тем не менее некоторые авторы говорят о том, что отношения в сфере установления и применения ответственности за нарушение бюджетного законодательства на уровне субъектов РФ недостаточно регулируются нормами БК РФ.

Поэтому ряд субъектов РФ самостоятельно расширили объём полномочий в своей правотворческой деятельности в области бюджета, в частности, регулируют отношения по установлению и применению ответственности за нарушение собственного бюджетного законодательства. К примеру, законодатель Курской области определил понятия незаконного расходования бюджетных средств, в Тверской области на законодательном уровне закреплено определение «блокировки расходов», называемой ст. 282 БК РФ среди мер, применяемых к нарушителям бюджетного законодательства.

В Законе Белгородской области «О бюджетном устройстве и бюджетном процессе» отсутствуют положения, регулирующие отношения в данной сфере. Данный факт служит основанием дальнейшего совершенствования регионального бюджетного законодательства.

Со времени образования бюджетная система РФ постоянно подвергалась реформированию. Единый процесс бюджетной реформы условно можно разделить на три этапа².

Первый этап реформирования начался с принятия в 1998 г. и вступления в силу в 2000 г. Бюджетного кодекса РФ. Основным содержанием этого этапа было значительное укрепление системы исполнения бюджета, создание наиболее достоверной отчетности об исполнении бюджета, основанной на кассовом методе учёта, и полное обеспечение внешнего контроля за исполнением бюджета. В этот период стояли следующие главные задачи:

- создать систему, обеспечивающую наиболее эффективное и соответствующее закону исполнение бюджета;
- обеспечить жёсткий и ответственный контроль за его исполнением.

В ходе первого этапа реформы выявились существенные проблемы в области бюджетного федерализма, связанные с бюджетными правоотношениями, а именно с полномочиями административно-территориальных образований (РФ, субъектов РФ, муниципальных образований). А именно отсутствовало чёткое разграничение этих полномочий. В начале 2000-х гг. это привело к тому, что на уровне федерации принимался ряд нормативно-правовых актов, выявляющих расходные обязательства, исполнение которых приходилось на долю субъектов РФ и муниципалитетов. Как следствие, образовался существенный объём расходных обязательств, которые не были обеспечены финансовыми ресурсами, а также возникло непонимание того, кем и каким образом, в конечном счете, должны осуществляться те или иные конкретные расходы.

На разрешение этих проблем был направлен второй этап реформирования бюджетной системы, начавшегося в 2004 г., когда Федеральным Собранием РФ были приняты базовые изменения в бюджетном законодательстве. Они нашли отражение в Бюджет-

² Нестеренко, Т.Г. Этапы бюджетной реформы // Финансы. – 2008. – № 2. – С.3.

ном кодексе³, а также в законах, устанавливающих полномочия административно-территориальных образований⁴ и законах исполнения расходных обязательств административно-территориальных образований⁵.

В частности, был введен новый принцип формирования расходов бюджетов, в рамках которого формирование расходов бюджетов всех уровней осуществляется в соответствии с расходными обязательствами, исходя из установленным законодательством РФ разграничением полномочий между органами государственной власти и органами местного самоуправления.

Для реализации этого принципа в Бюджетный кодекс РФ введены новые правовые основания:

- определены и уточнены территориальные образования: Российская Федерация; субъекты РФ; муниципалитеты;
- Конституцией и рядом федеральных законов четко разграничены полномочия между административно-территориальными образованиями;
- определен процесс принятия административно-территориальными образованиями расходных обязательств (или посредством законов, или посредством заключения договоров, соглашений);
- для финансового обеспечения расходных обязательств определен порядок закрепления ассигнований, необходимых для оплаты возникших обязательств, в расходной части формируемых административно-территориальными образованиями бюджетов.

Таким образом, второй этап реформирования бюджетной системы был связан с пересмотром принципов бюджетного федерализма, главным образом в области расходных полномочий административно-территориальных образований. К сожалению, реализация данных мер по совершенствованию межбюджетных отношений сопровождается появлением затруднений и проблем, которые не решены до сих пор.

Состояние и сложившаяся в настоящее время ситуация в бюджетной системе РФ позволяют выделить начало третьего этапа бюджетной реформы, направленного на совершенствование управления общегосударственными финансами⁶. На данном этапе необходимо обеспечить новое качество государственного бюджетного менеджмента. Главной целью предусмотренного современной концепцией преобразования бюджетного процесса является создание наилучших условий и предпосылок для более полного эффективного управления государственными (муниципальными) финансами в соответствии с направлениями государственной политики.

Реформа предполагает переход в бюджетном процессе от «управления бюджетными ресурсами (затратами)» к «управлению результатами» путем повышения ответственности и самостоятельности участников бюджетного процесса и администраторов бюджетных средств в рамках четких среднесрочных ориентиров⁷.

Таким образом, проблема формирования эффективной модели бюджетного федерализма является одной из злободневных в современной России. Центральным звеном

³ О внесении изменений в Бюджетный кодекс Российской Федерации в части регулирования межбюджетных отношений: федер. закон от 20.08.2004г. № 120-ФЗ. – Режим доступа: www.consultant.ru.

⁴ См.: Федеральный закон №131-ФЗ от 06.10.2003 г. «Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ» // Российская газета № 3316 от 8.10.2003 г.; О внесении изменений в Бюджетный кодекс Российской Федерации в части регулирования межбюджетных отношений: федер. закон от 20.08.2004г. № 120-ФЗ. – Режим доступа: www.consultant.ru.

⁵ О внесении изменений в законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу некоторых законодательных актов Российской Федерации в связи с принятием федеральных законов «О внесении изменений и дополнений в федеральный закон «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов РФ» и «Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ»: федер. закон от 22.08.2004 г. № 122-ФЗ. – Режим доступа: www.consultant.ru.

⁶ Нестеренко, Т.Г. Этапы бюджетной реформы // Финансы. – 2008. – № 2. – С.4.

⁷ Концепция реформирования бюджетного процесса в РФ в 2004–2006гг. Одобрена Постановлением Правительства РФ от 22.05.2004 г. № 249. – Режим доступа: www.budgetrf.ru.

системы федерализма в России является бюджетная система. Именно поэтому проблема бюджетного федерализма представляется весьма актуальной⁸.

Отсутствие надлежащих экономических, правовых и теоретических разграничений российского бюджетного федерализма отражает современное состояние данного института. Как следствие, его проявления в практике федеральных органов и органов власти субъектов РФ неоднозначны.

Бюджетный федерализм предполагает, что бюджетные взаимоотношения субъектов РФ с федеральным центром должны быть нацелены на эффективное формирование и использование общегосударственных финансовых ресурсов. Взаимоотношения между федеральным центром и субъектами Федерации должны строиться с учётом влияния многообразных факторов исторического, географического, политического, экономического и культурного значения в интересах населения государства.

Итак, бюджетный федерализм представляет собой взаимоотношения между органами государственной власти Российской Федерации, органами государственной власти субъектов РФ, а также органами местного самоуправления, возникающие в процессе формирования и исполнения бюджетов на всех уровнях бюджетной системы РФ, основанные на разграничении прав и полномочий в области формирования бюджетных доходов и осуществления бюджетных расходов, исходя из соблюдения интересов всего населения страны.

Эффективная модель бюджетного федерализма основывается на оптимальном разграничении полномочий между всеми уровнями власти по расходам. Это направление связано с выполнением государством своих основных функций по предоставлению общественных услуг путём распределения государственных полномочий и ответственности за их исполнение между всеми уровнями власти и управления.

Развитие бюджетного федерализма в России сталкивается с рядом проблем, в частности, к ним относятся несоответствие законов и решений субъектов РФ нормам федерального законодательства, несоблюдение в ряде случаев федеральных законов. До сих пор эффективно не решён основополагающий вопрос бюджетного устройства – нет оптимального разграничения доходных и расходных полномочий, а также ответственности между органами власти различных уровней.

Первоочередной проблемой бюджетного федерализма является разграничение именно расходных полномочий бюджетов всех уровней. При распределении расходных полномочий между уровнями власти следует исходить из следующего принципа: расходные полномочия должны быть закреплены за тем нижним уровнем власти, который может осуществить их с наибольшей эффективностью. К примеру, предоставление услуг, которыми в основном пользуется население муниципального образования, должно осуществляться органами местного самоуправления. Услуги, которыми пользуются несколько муниципальных образований, обязаны предоставлять власти субъектов Федерации, а услуги, которыми могут воспользоваться или которые оказывают воздействие на население всей страны, – финансироваться из федерального центра.

Реформа разграничения властных полномочий предоставила значительную свободу регионам и муниципальным образованиям в вопросах финансирования расходных обязательств, но они по-прежнему ограничены в формировании доходов своих бюджетов.

Так, абсолютное большинство налогов, формирующих региональные и местные бюджеты, отнесены к федеральным. В результате этого власти на местах практически лишены возможности влиять на собираемость налогов, образующих их бюджеты.

Определяя направления дальнейшего совершенствования административно-правового регулирования бюджетных отношений, важно принять во внимание уже накопленный опыт их реформирования.

Важно, чтобы Правительство РФ и Государственная Дума РФ на новом этапе реформирования межбюджетных отношений озаботились приведением в соответствие с теоретически обоснованными критериями разграничение расходных полномочий по каждому уровню власти и бюджетной системы. Это следует отразить в бюджетном кодексе

⁸ Ниналалова Ф.И. Формирование эффективной модели бюджетного федерализма в России // Финансы и кредит. – 2010. – № 46(430). – С.25-29.

РФ подобно тому, как это сделано в отношении доходных источников. Необходимо также предоставить субъектам РФ право в строгом соответствии с этими критериями вносить изменения и уточнения в разграничение таких полномочий между региональным и местным уровнями по типам муниципальных образований в целях недопущения снижения качества предоставления бюджетных услуг.

При этом особое внимание надо обратить на полномочия, ежегодно делегируемые другому уровню власти и бюджетной системы. Так как может выясниться, что на другом уровне их реализация происходит более эффективно, а значит именно там они и должны быть закреплены. Следует разработать и реализовать правовые механизмы, действующие так, что долговременно сохраняющаяся (но формально предусмотренная на временной основе) передача полномочий с одного уровня управления на другой, если она оправдала себя с точки зрения эффективности реализации тех или иных управленческих функций, будет в итоге трансформироваться в закрепление таких полномочий на постоянной основе.

Важным и необходимым становится приведение разграничения доходных источников по уровням бюджетной системы в полное соответствие с критериями, положенными в основу такого разграничения (полностью или в процентных долях на постоянной основе), соответствующие уточнения необходимо внести в Бюджетный кодекс РФ.

Одновременно важно также обеспечить сочетание выравнивающей функций межбюджетных отношений. В последние годы всё в большей степени преобладающей становится выравнивающая функция. Реализация этой функции не должна вести к снижению заинтересованности органов власти административно-территориальных образований в наращивании доходного потенциала, рациональном и эффективном расходовании бюджетных средств. При этом объективный характер стимулирующей функции выражается в автоматизме ее воздействия, который не допускает субъективного влияния на результаты межбюджетных отношений.

Методы усиления стимулирующей функции межбюджетных отношений связаны с законодательным закреплением за субъектами РФ и муниципальными образованиями безусловного права на самостоятельность – права, опирающегося на их экономический и налоговый потенциал и «привязанный» к нему механизм использования совместных налогов. Предполагается возможность установления для нижестоящих бюджетов постоянных (без ограничения сроком) дополнительных единых по типам муниципальных образований нормативов отчислений от таких налогов, а также временных дополнительных (дифференцированных) нормативов отчислений, исчисляемых на формализованной основе взамен расчетных дотаций, предусматриваемых на определенное время (3-5 лет).

Для России с её беспрецедентной асимметрией в бюджетной обеспеченности территорий применение такого механизма позволяет делать это, не стимулируя иждивенческие настроения на местах и повышая заинтересованность местных властей в наращивании налогового потенциала. А это в интересах и вышестоящих органов власти.

Одной из основных задач бюджетной политики, отраженных в бюджетном послании Президента России о бюджетной политике в 2012 – 2014 годах от 29 июня 2011 г., является полное обеспечение децентрализации полномочий между разными уровнями государственной власти в пользу публично-правовых образований Российской Федерации и местного самоуправления. Созданные по решению Президента Российской Федерации рабочие группы, регулирующие правовые вопросы перераспределения полномочий между федеральными органами исполнительной власти, органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации и органами местного самоуправления, по финансовым и налоговым вопросам, по межбюджетным отношениям должны сформулировать предложения до конца текущего года, которые будут предусматривать меры по увеличению доли доходов региональных и местных бюджетов в структуре консолидированного бюджета Российской Федерации, соответствующие новому распределению полномочий. Соответствующие изменения при необходимости могут быть внесены в структуру налоговой системы и в бюджетное законодательство Российской Федерации⁹.

⁹ Бюджетное послание Президента России о бюджетной политике в 2012 – 2014 годах от 29 июня 2011 г. – Режим доступа: www.garant.ru.

В Послании также говорится о том, что органы государственной власти на уровне субъектов Российской Федерации и органы местного самоуправления должны иметь преимущество при формировании инвестиционного климата и решении социальных вопросов. В связи с этим должна быть создана прочная финансовая основа.

Поэтому полномочия, в большей степени отвечающие целям и задачам органов государственной власти на уровне субъектов Российской Федерации, необходимо передать на региональный уровень, а полномочия, отвечающие целям и задачам органов местного самоуправления, – на муниципальный уровень. Согласно этому принципу должны определяться расходные обязательства и источники доходов.

Разумно было бы закрепить за субъектами Российской Федерации право самостоятельного определения объемов расходов, осуществляемых за счёт предоставляемых субвенций, по каждому из установленных направлений их расходования.

С 1 января 2012 г. вступают в силу внесённые в законодательство Российской Федерации изменения, касающиеся вопросов разграничения полномочий между органами государственной власти субъектов Российской Федерации и органами местного самоуправления в сфере охраны здоровья, которые предусматривают передачу положений по оказанию медицинской помощи населению в компетенцию органов государственной власти субъектов Российской Федерации.

Для этого необходимо соответствующее перераспределение источников доходов между региональными и местными бюджетами.

В дальнейшем целесообразно увеличить нормативы долей налогов, направляемых на образование местных бюджетов, а также изменить требования к порядку определения объемов дотаций на выравнивание бюджетной обеспеченности муниципальных образований и пропорции соотношения дотаций и субсидий, которые предоставляются местным бюджетам из региональных бюджетов.

Анализ проведенных в России реформ, а также действующего законодательства по вопросам разграничения полномочий органов государственной власти Российской Федерации и её субъектов в сфере налоговых и бюджетных отношений показал, что в настоящее время остаются неразрешёнными довольно большое количество вопросов. Это означает, что процесс реформирования данных отношений незавершён. Новые социально-экономические и политические условия в стране постоянно диктуют внесение соответствующих законодательных изменений. При этом, нельзя не отметить наметившуюся в последние годы стабилизацию как в социально-экономическом развитии страны, так и во взаимоотношениях органов государственной власти.

По итогам реформирования законодательства должен быть создан правовой механизм, который повысит самостоятельность и ответственность органов государственной власти всех уровней, заинтересованность органов государственной власти в увеличении доли собственных доходов в общем объёме бюджетных средств, в собираемости налогов, инвестиционной привлекательности региона.

Таким образом, проблема оптимизации разделения полномочий Российской Федерации и её субъектов в сфере налоговых и бюджетных отношений не перестаёт быть актуальной. От рационального решения именно этой задачи зависит ответ на многие другие вопросы, актуальные для российского государства. В том числе и эффективное регулирование бюджетных отношений на региональном уровне.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации. – Москва: Проспект, 2010. – 32 с.
2. Бюджетный кодекс Российской Федерации. – М.: Кнорус, 2011. – 272 с.
3. Налоговый кодекс Российской Федерации. Части первая и вторая. – М.: Омега-Л, 2011. – 382 с.
4. Федеральный закон №131-ФЗ от 06.10.2003 г. «Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ» // Российская газета № 3316 от 8.10.2003 г.
5. О внесении изменений и дополнений в федеральный закон «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации»: федер. Закон от 04.07.2003 г. № 95-ФЗ. – Режим доступа: www.consultant.ru.

6. О внесении изменений в Бюджетный кодекс Российской Федерации в части регулирования межбюджетных отношений: федер. закон от 20.08.2004г. № 120-ФЗ. – Режим доступа: www.consultant.ru.

7. О внесении изменений в законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу некоторых законодательных актов Российской Федерации в связи с принятием федеральных законов «О внесении изменений и дополнений в федеральный закон «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов РФ» и «Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ»: федер. закон от 22.08.2004 г. № 122-ФЗ. – Режим доступа: www.consultant.ru.

8. Концепция реформирования бюджетного процесса в РФ в 2004–2006гг. Одобрена Постановлением Правительства РФ от 22.05.2004 г. № 249. – Режим доступа: www.budgetrf.ru.

9. Бюджетное послание Президента России о бюджетной политике в 2012 – 2014 годах от 29 июня 2011 г. – Режим доступа: www.garant.ru.

10. Закон Белгородской области от 16.11.2007 г. № 162 «О бюджетном устройстве и бюджетном процессе в Белгородской области» // Сборник нормативных правовых актов Белгородской области, 2007, № 116.

11. Бакша Н.В., Гамукин В.В., Свинцова А.П. Аспекты бюджета: императивный, экономический, финансовый, налоговый, расходный, социальный. – М.: ИПО Профиздат, 2001. – 416 с.

12. Годин А.М. Бюджетная система Российской Федерации: Учебник. – 8-е изд., испр. и доп. – М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К°», 2009. – 628 с.

13. Ковалева Т.М. Организация бюджетного менеджмента в субъекте Российской Федерации // Финансы и кредит. – 2003. – №6. – С.41-46.

14. Нестеренко, Т.Г. Этапы бюджетной реформы // Финансы. – 2008. – № 2. – С.3-7.

15. Поляк Г.Б. Бюджетная система России: Учебник. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2008. – 703 с.

16. Гребенникова В.А., Степанова Е.А. Совершенствование взаимоотношений между Российской Федерацией и субъектами РФ (муниципальными образованиями) в целях снижения рисков для доходов территориальных бюджетов // Финансы и кредит. – 2010. – № 46(430). – С.30-34.

17. Ниналалова Ф.И. Формирование эффективной модели бюджетного федерализма в России // Финансы и кредит. – 2010. – № 46(430). – С.25-29.

LEGAL PROBLEMS AND WAYS OF PERFECTION OF THE DIFFERENTIATION OF POWERS BETWEEN FEDERAL AND REGIONAL AUTHORITIES IN SPHERE OF BUDGETARY RELATIONS

T.O.OGANESYAN

*Belgorod State
National Research University*

e-mail: oganesjan.tata@rambler.ru

The article contains a short characteristic of powers the public authorities of Federation subjects in sphere of budgetary relations. The basic problems arising in development of budgetary system of the Russian Federation are presented here. Directions of the further perfection of is administrative-legal regulation of budgetary relations are defined.

Key words: Budgetary federalism, interbudgetary relations, budgetary powers, authorities of subjects of the Russian Federation.

УДК – 340.130.3

СИСТЕМА НОРМАТИВНО-ПРАВОВЫХ АКТОВ В КОМИ АССР В СЕРЕДИНЕ И II ПОЛОВИНЕ 30-Х ГОДОВ XX ВЕКА

**О.А. ПЛОЦКАЯ¹⁾
Ж.Б. ИВАНОВА²⁾**

¹⁾ Федеральное государственное бюджетное учреждение высшего профессионального образования «Сыктывкарский государственный университет»

e-mail: olga.plockaya@mail.ru

²⁾ Автономное образовательное учреждение высшего профессионального образования Республики Коми «Коми республиканская академия государственной службы и управления»

e-mail: mgb-pravo@yandex.ru

В научной статье определяется правовая природа прав на средства индивидуализации, их место в системе гражданского права и законодательства. Проанализированы научные подходы к решению данных вопросов, а также рассмотрено российское и международное законодательство, регулирующие права на средства индивидуализации.

Ключевые слова: индивидуализация, средства индивидуализации, нематериальные объекты, немущественные права.

Система нормативно-правовых актов Коми Автономной области (а после принятия Конституции Коми АССР 1937г. – Коми Автономной Советской Социалистической Республики) в середине и II половине 30-х годов XX века в целостном аспекте никогда ранее не изучалась. Отдельные нормативно-правовые акты, были предметом изучения ученых.

Неоценимый вклад в развитие основ конституционализма, закрепленных в Конституциях Республики Коми, в том числе и в Конституции Коми АССР 1937г., внес Ю.В. Гаврюсов¹.

Основные вопросы, касающиеся изучения конституционного строительства в Коми АССР получили освещение в трудах таких ученых-конституционалистов Республики Коми, как: Т.В. Никулина, В.В. Попова.²

Вопросам законодательной деятельности и законотворчеству органов государственной власти в Республике Коми начиная с 1937 г. уделялось внимание в работах Л.В. Четвериковой³.

Следует отметить, что указанные авторы исследовали источники права в рамках названных тем, не проводя комплексного исследования.

Исследование системы нормативно-правовых актов Коми Автономной Советской Социалистической Республики во II половине 30-х годов прошлого столетия необходимо провести для того, чтобы выявить закладывающиеся в этот период основы и особенности права в Коми АССР, и показать, что нормативно-правовые акты Коми АССР явились основой формирования современной системы источников права в Республике Коми. Необходимо осуществить также анализ нормативно-правовых актов Коми АССР II половины 30-х годов, который позволит установить преемственность между последними и норма-

¹ Гаврюсов Ю.В. Конституция Республики Коми: тенденции изменения и проблемы совершенствования // Конституционное право Российской Федерации. Сб. статей. Сыктывкар. 2004; Гаврюсов Ю.В. Конституция Республики Коми: современное состояние и пути совершенствования // Вестник Государственного Совета Республики Коми. 2008. № 3; Гаврюсов Ю.В. Проблемы становления конституционной юстиции в субъектах Российской Федерации. Сыктывкар, 2005.

² Никулина Т.В. Юридические свойства Конституции Республики Коми // Вестник КРАГСиУ. Государство и право. 2005-2006. № 8-9; Попова В.В. Структура и содержание Конституции Республики Коми // Вестник КРАГСиУ. Государство и право. 2007. № 10.

³ Четверикова Л.В. Государственная власть в Республике Коми (1937-2005): система и структура, правовой статус, вопросы взаимодействия (конституционно-правовой аспект) // Вестник Сыктывкарского университета. Вып. 3. Сыктывкар, 2007.

тивно-правовыми актами современности. Кроме того, архивные документы, анализ которых представлен в статье, позволят прикоснуться к истории, прочувствовать проблемы, которые решались на этом этапе сложнейшего противоречивого пути развития источников права в Коми.

С установлением в послереволюционный период в Коми Автономной области (статус автономной области она имела до принятия и вступления в силу Конституции Коми АССР 1937г.) советской власти, право начало развиваться под воздействием советской правовой идеологии. К началу 30-х годов прошлого века в Коми Автономной области, постепенно выработывалась собственная практика разработки нормативно-правовых актов. Кроме того, Коми законодатель стремился образовать национальную автономию и сформировать собственную систему источников права, являющуюся составной частью общероссийской и соответственно общесоюзной системы.

Система нормативно-правовых актов в Коми Автономной области к началу 30-х годов имела ряд особенностей. Среди них необходимо отметить следующие:

– законодатель Коми Автономной области в выборе вида источника права остановился именно на нормативно-правовом акте. Поэтому, нормативно-правовые акты являлись ведущими и основными источниками права;

– в Коми Автономной области отсутствовал такой источник права, как закон, так как в области не было собственного законодательного (представительного) органа, уполномоченного издавать подобный нормативно-правовой акт;

– отсутствие «коми-закона» в этот период, в Коми Автономной области компенсировалось принятием большого количества подзаконных актов, правоприменительных актов. Причем, последние, часто наделялись нормативным характером;

– отсутствовал собственный понятийный аппарат, а материальная сторона норм обеспечивалась за счет общероссийских и общесоюзных норм права;

– существовали плохо связанные друг с другом, и не образующие единой целостности, единого порядка нормативно-правовые акты;

– присутствовала нормативная несогласованность среди нормативно-правовых актов;

– нормативно-правовые акты издавались не только уполномоченными органами государства, но и специально управомоченными общественными организациями, ранее в дореволюционный период, не существовавших;

– в качестве источника права применялся правоприменительный акт и др.

В середине 30-х годов XX века система нормативно-правовых актов Коми Автономной области во многом сохраняет особенности предыдущего периода. По-прежнему, нормативно-правовые акты являлись ведущими и основными источниками права, не образуя единой целостности и единого порядка; отсутствовал такой источник права, как «коми-закон»; издавалось большое количество подзаконных и правоприменительных актов; использовался понятийный аппарат общероссийского и общесоюзного уровня; присутствовала нормативная несогласованность среди нормативно-правовых актов.

Однако, именно в этот период начинают появляться новые особенности в системе нормативно-правовых актов Коми Автономной области.

Все большее количество нормативно-правовых актов сопровождается пометкой «СЕКРЕТНО, НЕ ПОДЛЕЖИТ ОГЛАШЕНИЮ, ЗАКРЫТОЕ ЗАСЕДАНИЕ, СРОЧНО», в соответствии с духом репрессивного времени. Так, если в 20-х годах встречались, в основном циркуляры с пометкой СРОЧНО или СПЕШНО, в которых, описывались конкретные меры по искоренению волокиты, неэффективной работы на местах. «...Необходимо обратить на эту сторону работы серьезное внимание и проделать следующее:...»⁴, то в середине 30-х преобладающее значение имеют, акты, касающиеся организации спецпоселков, трудпоселков ОГПУ, а также штатно-кадровые вопросы сотрудников спецпоселков, которые и снабжались соответствующими пометками. Например, Постановление закрытого заседания Президиума Сыктывдинского Райисполкома от 22 февраля 1935 года содержит пометку в правом верхнем углу текста «закрытое заседание», и

⁴ См.: Циркулярно Всем Волостным и Сельским ККОВ от 10.10.1925г. № 136 //НА РК. Р.41, оп.1, д.31, л.31; Циркулярно Всем Волисполкомам Ижмо-Печерского уезда от 30.08.1925г. № 2642 // НА РК Р.41, оп.1, д.20, л.65.

описывает процедуру выделения места под застройку нового трудпоселка⁵; Постановление Президиума Сыктывдинского Районного Исполнительного Комитета от 28 июня 1935 года «О размещении по спецпоселкам вновь прибывающих в районы семей трудпереселенцев», также содержало надпись «не подлежит оглашению»⁶.

Срочностью и секретностью снабжались даже локальные акты, содержащие вопросы увольнения и сокращения штатов в отдельно взятой участковой больнице. Пометка «СРОЧНО» и «СЕКРЕТНО» вводилась, к примеру, в документе без названия и вида акта, но по стилю изложения, структуре и содержанию, напоминающим приказ, изданным Зав. Коми ОБЛЗДРАВотДЕЛОМ. В данном акте речь идет не просто о незаконном увольнении фельдшера, а о нарушении Райздравотделом директивы Края о штатах для участковых больниц. Если учесть, что директива это руководящее указание, распоряжение, команда или предписание вышестоящего органа или должностного лица, которое было обязательно для выполнения, то ее необходимо было не просто исполнять, но и издавать акты в соответствии и не в противоречии с ней, так как она являлась «особым» видом источников права применяемых в этот период на территории Коми Автономной области. Необходимо отметить иерархическое соподчинение актов, так как нормодатель на данном примере выделяет доминирующее значение именно директивы. «Райздравотдел Сыктывдинского района своим приказом за № 31 от 12 февраля, по мотивам сокращения штатов по Вежской участковой больнице уволил фельдшера ...

Райздравотдел своим приказом № 31 нарушил директивы Края, Области о штатах для участковых больниц.

Своим приказом превратил участковую больницу...в фельдшерский пункт...

Поэтому необходимо: предложить Райздравотделу отменить свой приказ № 31, фельдшера ... считать на занимаемой должности»⁷.

Из последнего предложения рассматриваемого акта, можно заметить, что Областной Здравоотдел используя рекомендательный характер предлагает отменить Районному Здравоотделу собственный приказ. В данном случае не используется императивная норма, и соответственно возникает вопрос, о том действительно директивы и директивные указания имели общеобязательный нормативный характер. Кроме того, возникает вопрос о «правовом статусе данного акта», содержащего вопросы увольнения и сокращения штатов в отдельно взятой участковой больнице. Подобную неопределенность с юридической формой документа и структурой изложения, существовавшими в Коми Автономной области, можно объяснить острейшим дефицитом не только профессиональных юристов, но и просто грамотных людей.

Необходимо отметить тот факт, что в Коми Автономной области в середине 30-х гг. помимо увеличивающейся массы собственных подзаконных актов изредка применялся и такой источник права как «социалистическое правосознание», имевший большее распространение в 20-е гг.

Одним из примеров применения социалистического правосознания в качестве источника права, благодаря, которому правоприменяющие органы действовали с позиций полезности принимаемых ими решений для государства, является вынесение Постановления Президиума Райисполкома, в котором правоприменитель, руководствуясь социалистической целесообразностью и правосознанием уменьшает суммы денежного взыскания физическому лицу, вступившему в колхоз, в отличии от единоличника за одно и то же правонарушение, совершенное этими лицами. «Допризывники 1914 г. рождения Устькуломского с/совета ...привлекались в ликпункт ... как неграмотные.

Последние без разрешения начальника ликпункта сбежали домой без окончания программы обучения.

Президиум Райисполкома Постановляет:

⁵ Постановление закрытого заседания Президиума Сыктывдинского Райисполкома от 22.02.1935г. // НА РК Р-374 оп.1, д.30, л.8.

⁶ Постановление Президиума Сыктывдинского Районного Исполнительного Комитета от 28.06.1935 г. «О размещении по спецпоселкам вновь прибывающих в районы семей трудпереселенцев» // НА РК Р-374 оп.1, д.30, л.21.

⁷ Документ от март 1935 г. № 14404 // НАРК Р-374 оп.1, д.18, л.143.

За дезертирство из ликпункта ..., на основании постановления Коми Облисполкома от 1934 года как допризывников привлечь к штрафу

1. Липина И.М. /колхозник/ на 30 руб.
2. Нестерова А.П. /единоличник/ на 50 руб.»⁸.

Проведенная коллективизация и массовое зачисление крестьян в колхозы представляло дополнительную «опеку государства» лицам, вступившим в колхоз, так как для них размер штрафа был ниже. Единичнику же вменялся денежный штраф в большем размере, так как он лишался «опеки государства».

Специфика языка нормативно-правовых актов и использование нескольких алфавитов не могло не отразиться на системе нормативно-правовых актов, применяемых на территории Коми Автономной области. К началу 20-х гг. прошлого века, языковедом и общественным деятелем В.А. Молодцовым был разработан особый алфавит, вошедший в историю, как «молодцовский алфавит». В его основе находилась русская графическая система, но с большим количеством букв латиницы и разработанных автором специальных нестандартных букв с «хвостиками». С 1930 г. «молодцовский алфавит» был отменен. Взамен письменность народа коми была переведена на латинизированный вариант алфавита А. Грена. Однако, уже с 1936 по 1938 гг. «молодцовский алфавит» был возвращен, а с конца 1938 г. – начался процесс «кириллизации» письменности Коми. Этот процесс отразился на нормативно-правовых актах, издаваемых, на коми-земле. Так, на заседании Президиума Верховного Совета Коми АССР от 19 сентября 1938 года было принято решение об утверждении нового коми алфавита. «1. Утвердить новый коми алфавит на русской основе и правила правописания на коми языке.

2. Предложить СНК Коми АССР обеспечить перевод всего делопроизводства во всех государственных учреждениях и организациях на новый алфавит, а также издания книг, газет и обучения в школах Республики».

Можно выделить периоды официального использования в Коми письменности «молодцовского алфавита»:

- I. 1918–1930 гг.
- II. 1936–1938 гг.

Именно поэтому, в ряде случаев встречаются акты, выполненные с использованием как «молодцовского алфавита», так и алфавита А. Грена. Например, применение молодцовского варианта алфавита можно проследить в Постановлении Президиума Устькуломского Райисполкома от 9 апреля 1935 года. «О коде обмена к оператсї на сортовое зерно. Вывозке навоза I другім работам».¹⁰

В ряде случаев, нормативно-правовые акты Коми Автономной области данного периода не имели не только четко определенной даты, номера, органа издавшего его, но и страдали отсутствием единства формы и содержания акта. Так, если формой акта является его наименование и структура, то содержание – круг регулируемых вопросов¹¹. В качестве примера, можно привести инструкцию «По учету и контролю за прохождением жалоб и заявлений в Райисполкоме», в которой, правоприменитель подменяет одну форму акта другой. «Ответственность за постановку работы по рассмотрению жалоб, Согласно постановления Президиума ВЦИК от 17 дек. 1935 г. «Об упорядочении дела рассмотрение и разрешения жалоб» возлагается персонально на Председателя Райисполкома...

Поступившая жалоба ... должна быть доложена секретарю РИК-а»¹².

Инструкция, являясь одним из видов нормативных правовых актов подзаконного

⁸ Постановление Президиума Устькуломского Райисполкома от 20.02.1935 г. // НА РК Р-1104 оп.1, д.48, л.22.

⁹ Об утверждении нового коми алфавита и правил орфографии (внес Нарком Просвещения Коми АССР) от 19 сентября 1938 г. // Свод правовых актов и иных документов, принятых органами законодательной власти Республики Коми. Т.1. Сыктывкар 1998. – С. 45.

¹⁰ Постановление Президиума Устькуломского Райисполкома от 9 апреля 1935 года. «О коде обмена к оператсї на сортовое зерно. Вывозке навоза I другім работам» // НА РК Р-1104 оп.1, д.48, л.26.

¹¹ См.: Бошно С.В. Понятийные и технико-юридические проблемы подзаконных актов // Журнал российского права. 2004. № 12 (96). – С. 52.

¹² Инструкция «По учету и контролю за прохождением жалоб и заявлений в Райисполкоме» // НА РК. Р-642, оп.3, д.2, л.10-11.

характера, издается органами государственной власти и управления в пределах их компетенции на основании и во исполнение законов, указов, постановлений и иных актов вышестоящих органов государственного управления. Очевидно, что инструкция издается с целью разъяснить и определить порядок применения законодательного акта органами исполнительной власти, а не разрешать внутриорганизационные трудовые правоотношения. Данный акт по содержательной наполняемости и структуре больше напоминает приказ, нежели инструкцию, так как именно приказ, согласно большому юридическому словарю, представляет собой акт руководителя органа государственного управления или государственного учреждения; либо распоряжение руководителя, начальника подчиненным.¹³ По мнению, С.В. Бошно, приказ – это правовой документ, принимаемый правомочным на то должностным лицом, в порядке осуществления единоначалия... Это документ локального характера, использующийся для осуществления власти должностного лица по отношению к зависимым от него в силу трудовых, служебных отношений лицам.¹⁴

К концу 30-х гг. более четко проявляется иерархический характер, нормативно-правовых актов Коми АССР. В иерархии один структурный элемент находится в определенном подчинении другому, т.е. существует иерархическое неравенство структурных элементов, которое выражается в зависимости элементов, находящихся на нижестоящих уровнях от элементов, находящихся на вышестоящих уровнях¹⁵.

Определение места каждого структурного элемента в данной системе, стало возможным после принятия 23 июня 1937 г. Чрезвычайным XI съездом Советов Коми АССР, и введения в действие, Конституции Коми АССР 1937 года, а также предшествующих ей Конституций СССР и РСФСР.

Конституция Коми АССР 1937 г., в ст. 16 закрепляла высшую юридическую силу за законами СССР и РСФСР, в случае их расхождения с законами Коми АССР. Законам СССР и РСФСР предоставлялось на просто первостепенное значение, но и закреплялась их обязательность на территории Коми АССР. Нормы, определяющей обязательность Конституции Коми АССР на территории самой Республики, либо высшую юридическую силу Конституции Коми АССР по предметам ведения Республики не было предусмотрено.

Конституция Коми АССР 1937 г. определила не только систему органов государственной власти в Коми АССР, но и оговорила форму и виды актов, принимаемых этими органами. Так, Верховный Совет Коми АССР, являлся единственным законодательным органом в Республике, и наделялся правом принимать законы простым большинством голосов (ст. 23). Сессии Верховного Совета Коми АССР созывались Президиумом Верховного Совета Коми АССР, которого законодатель наделил полномочиями по толкованию законов Коми АССР, предоставил право издания указов, а также право отменять акты нижестоящих органов: постановления и распоряжения Совета Народных Комиссаров Коми АССР, решения и распоряжения окружного, районных и городских Советов депутатов трудящихся Коми АССР в случае их несоответствия закону (п.п. б, г ст. 30).

Совет Народных Комиссаров Коми АССР являлся высшим исполнительным и распорядительным органом государственной власти (ст. 38), который мог издавать постановления и распоряжения на основе и во исполнение законов СССР, РСФСР и Коми АССР, а также постановлений и распоряжений СНК СССР и РСФСР и проверять их исполнение (ст. 40). Постановления и распоряжения СНК Коми АССР были обязательны к исполнению на всей территории Коми АССР (ст. 41). СНК Коми АССР также как и Президиумом Верховного Совета Коми АССР наделялся право отмены актов нижестоящих органов: решений и распоряжений исполнительных комитетов окружного Совета депутатов трудящихся, районных и городских Советов депутатов трудящихся; приказов и инструкций Народных Комиссаров Коми АССР. СНК Коми АССР мог приостановить решения и распоряжения окружного Совета депутатов трудящихся, районных и городских Советов депутатов трудящихся (ст. 43).

¹³ Большой юридический словарь. Под ред. А.Я. Сухарева, В.Д. Зорькина, В.Е. Крутских. М., 1998. – С. 547.

¹⁴ Бошно С.В. Понятийные и технико-юридические проблемы подзаконных актов // Журнал российского права. 2004. № 12 (96). – С. 57-58.

¹⁵ См.; Толстик В.А. Иерархия источников российского права: Автореф. ... дис. доктора юрид. наук. Нижний Новгород. 2002. – С. 12.

Приказы и инструкции, которые могли издавать Народные Комиссары Коми АССР, должны были приниматься на основании и во исполнение законов СССР, РСФСР и Коми АССР, также постановлений и распоряжений СНК СССР и РСФСР, Коми АССР, приказов и инструкций Народных Комиссаров РСФСР (ст. 48).

Местные органы государственной власти – Советы депутатов трудящихся, находившиеся в округах, районах, городах, поселках, деревнях наделялись правом принятия решений и могли издавать распоряжения, в «пределах прав, предоставляемых им законами СССР, РСФСР и Коми АССР» (ст. 52).

Сама Конституция Коми АССР 1937 года не имела такого юридического свойства как прямое действие конституции. Она не являлась нормативным актом прямого действия, так как ведению РСФСР согласно Конституции РСФСР 1937 года (п. б ст. 19) подлежало утверждение конституций автономных ССР.

Конституция Коми АССР 1937 года предусмотрела особый порядок принятия и внесения изменений и дополнений в нее, посвятив данному аспекту только одну ст. 114. Так, изменения Конституции Коми АССР производились лишь по решению Верховного Совета Коми АССР, принятому большинством не менее двух третей голосов, с утверждения Верховного Совета РСФСР, подчеркивая зависимое положение и отсутствие самостоятельности Коми АССР в вопросах внесения изменений и дополнений в Основной закон.

Таким образом, Конституция Коми АССР 1937 г. определила не только трехзвенную (СССР – РСФСР – Коми АССР) иерархию системы нормативно-правовых актов, но и закрепила формы актов, которые должны были издаваться органами государственной власти в Коми АССР.

Но, несмотря на подобную четкую регламентацию формы актов, органы государственной власти продолжали допускать правовые ошибки, подменяя их. Так, Исполком Коми АССР (хотя, такого органа Конституция Коми АССР 1937г. вообще не предусматривала) издал Постановление от 5 апреля 1938г. «Об утверждении инструкции по учету и контролю за прохождением жалоб и заявлений в Райисполкомах»¹⁶. Под Исполкомами, следует понимать местные органы государственной власти, которые были наделены Конституцией Коми АССР 1937 г. правом принятия решений и распоряжений, но не постановлений. Подобная проблема подмены формы акта и обеспечения единообразия формы и содержания акта, в правоприменительной практике встречаются часто. Конституционное закрепление формы акта и органа издававшего его, являлось лишь одним шагом по направлению в разрешении этой ситуации. Законодателю, прежде всего, на общесоюзном уровне, необходимо было закрепить требования к наименованию акта и его содержанию.

На отсутствие единства формы и содержания актов, которые издавались местными органами государственной власти в Коми АССР, не реагировали вышестоящие органы власти, в том числе СНК Коми АССР. Кроме того, Президиумом Верховного Совета Коми АССР приветствовалось издание обязательных постановлений Советов, несмотря на то что законодательно не закреплялось подобная форма акта за местными органами государственной власти. «В этих условиях огромное воспитательное значение приобретает издание и проведение в жизнь обязательных постановлений Советов. Однако существующая практика издания райисполкомами, Советами обязательных постановлений далеко не отвечает этим требованиям и страдает целым рядом юридических недостатков.

РИКи и сельсоветы нередко издают постановления по таким вопросам, которые входят в компетенцию союзного Совнаркома или союзных наркоматов. Само оформление обязательных постановлений, имеющих силу закона, производится небрежно...»¹⁷.

Хотя и выделялись недостатки, Президиум Верховного Совета Коми АССР в данном случае, стремился лишь прекратить практику издания райисполкомами, горсоветами и сельсоветами обязательных постановлений по вопросам, которые регулировались актами вышестоящих органов власти, как на уровне РСФСР, так и на уровне СССР. Таким обра-

¹⁶ Постановление «Об утверждении инструкции по учету и контролю за прохождением жалоб и заявлений в Райисполкомах» от 5 апреля 1938г. // НА РК Р-642, оп.3, д.2, л.10-11.

¹⁷ Из протокола № 4 от 8 и 17 мая 1939 года «О практике издания обязательных постановлений Райисполкомами Коми АССР» // Свод правовых актов и иных документов, принятых органами законодательной власти Республики Коми. Т.1. Сыктывкар 1998. – С. 74.

зом, регулировались предметы ведения, но не формы, издаваемых актов.

После принятия Конституции Коми АССР 1937г., закрепившей создание единственного законодательного органа в Республике – Верховного Совета Коми АССР, наделенного правом принимать законы, можно говорить о появлении такого нормативно-правового акта, как «коми-закон».

На первой сессии Верховного Совета Коми АССР первого созыва (26-29 июля 1938 года) были приняты первые законы Коми АССР. Закон об изменении 44, 63, 66 и 70 статей Конституции (Основного закона) Коми АССР¹⁸, который вносил изменения в Основной закон Коми АССР, выдерживая иерархический принцип доминирования Конституции СССР и Конституции РСФСР, приводил Коми Конституцию в соответствие с вышестоящими законами. «В соответствии с изменениями 70, 77 и 83 статей Конституции СССР и 47, 54 и 69 статей Конституции РСФСР внести изменения в следующие статьи Конституции Коми АССР:…»¹⁹.

Законы: О возмещении депутатам Верховного Совета Коми АССР расходов, связанных с выполнением депутатских обязанностей от 28 июля 1938г.,²⁰ Об избрании Президиума Верховного Совета Коми АССР от 28 июля 1938г.,²¹ Об образовании Правительства Коми АССР – Совета Народных Комиссаров Коми АССР от 29 июля 1938г.²² закрепляли образование высших органов власти в Коми АССР и их статус. Появление в Коми АССР собственного «коми-закона» свидетельствовало не только о совершенствовании системы источников права в самой республике, но и о появившейся возможности законодательно закрепить особенность государственного строительства в Коми, приходившие организационно-экономические преобразования, результаты хозяйственной деятельности, хотя по количественному показателю, законов было гораздо меньше, нежели подзаконных актов.

Среди подзаконных актов конца 30-х гг. можно отметить ряд особенностей.

В большинстве своем подзаконные акты соблюдали иерархичность предусмотренную Конституцией Коми АССР 1937 г. и вышестоящими Основными законами СССР и РСФСР. Например, Президиум Верховного Совета Коми АССР отменял акты СНК Коми АССР, по причине противоречия их актам СНК СССР. «Постановление СНК Коми АССР от 8 сентября 1938 г. за № 204 и от 16 октября 1938 г. за № 336 как противоречащие постановлению СНК СССР от 2 июня 1938 года за № 698 отменить»²³; в другом случае, Президиум Верховного Совета Коми АССР просит Президиум Верховного Совета РСФСР утвердить собственный указ. «1. Селение Княжпогост ...преобразовать в рабочий поселок... 2. Просить Президиум Верховного Совета РСФСР об утверждении настоящего Указа»²⁴.

Несмотря на то, что Конституция Коми АССР 1937 г., закрепляла высшую юридическую силу за законами СССР и РСФСР, тем не менее, анализ некоторых документов, принятых на заседаниях Президиума Верховного Совета Коми АССР в ряде случаев под-

¹⁸ Закон об изменении 44, 63, 66 и 70 статей Конституции (Основного закона) Коми АССР // Свод правовых актов и иных документов, принятых органами законодательной власти Республики Коми. Т.1. Сыктывкар 1998. – С. 36.

¹⁹ Там же. – С. 36.

²⁰ Закон о возмещении депутатам Верховного Совета Коми АССР расходов, связанных с выполнением депутатских обязанностей от 28 июля 1938 г. // Свод правовых актов и иных документов, принятых органами законодательной власти Республики Коми. Т.1. Сыктывкар 1998. – С. 37.

²¹ Закон об избрании Президиума Верховного Совета Коми АССР от 28 июля 1938 г. // Свод правовых актов и иных документов, принятых органами законодательной власти Республики Коми. Т.1. Сыктывкар 1998. – С. 37-38.

²² Закон об образовании Правительства Коми АССР – Совета Народных Комиссаров Коми АССР от 29 июля 1938г. // Свод правовых актов и иных документов, принятых органами законодательной власти Республики Коми. Т.1. Сыктывкар 1998. – С. 39.

²³ О постановлениях СНК Коми АССР от 8 сентября 1938 г. за № 204 и от 16 октября 1938 года за № 336 об изъятии колхозных земель под временные ж.-д. сооружения // Свод правовых актов и иных документов, принятых органами законодательной власти Республики Коми. Т.1. Сыктывкар 1998. – С. 61.

²⁴ Указ о Преобразовании селения Княжпогост в рабочий поселок от 7 апреля 1939 г. // Свод правовых актов и иных документов, принятых органами законодательной власти Республики Коми. Т.1. Сыктывкар 1998. – С. 64.

тверждает иное. Так, указ об утверждении членов Верховного Суда Коми АССР от 20 января 1939 г. выстраивает иную иерархическую очередность нормативно-правовых актов в отличие от Конституции Коми АССР 1937 г., подчеркивая приоритет основного закона Коми над законом СССР. «На основании ст. 80 Конституции Коми Автономной Советской Социалистической Республики и ст. 38 Закона о судеустройстве СССР, союзных и автономных республик утвердить членами Верховного Суда Коми АССР с последующим внесением на утверждение Верховного Совета Коми АССР в следующем составе...»²⁵; «На основании ст. 80 Конституции Коми Автономной Советской Социалистической Республики и статей 38, 39 Закона о судеустройстве СССР, союзных и автономных республик утвердить членами Верховного Суда Коми АССР с последующим внесением на утверждение Верховного Совета Коми АССР...»²⁶.

Сохраняется также, с современной точки зрения, немало особенностей стиля изложения актов, неверно написанных слов. Например, «1. Постановление СНК Коми АССР от 8 сентября 1938 года **за № 204** и от 16 октября 1938 г. **за № 336**...

2. Предложить СНК Коми АССР... **возбудить ходатайство**»²⁷; «Отозвать ... **за дискредитирование** органов Верховного Суда»²⁸; «...**Войти с ходатайством** в Президиум Верховного Совета РСФСР об утверждении настоящего указа»²⁹; «Отменить постановление Пленума ... как **неправомочное**...»³⁰ «Обязательное постановление ... как **небрежно изложенное**...»³¹. Выделенные выражения подтверждают особенности языка нормативно-правовых актов Коми АССР, являясь своеобразной информацией, передающей дух языка того времени.

Среди особенностей подзаконных актов Президиума Верховного Совета Коми АССР актов нужно отметить и то, что законодатель негласно их поделил на две группы: указы и «акты без формы», в которых отсутствовал вид акта в наименовании. Если учесть, что Конституция Коми АССР 1937г. Президиуму Верховного Совета Коми АССР предоставила право издания указов, и наделила его полномочиями по толкованию законов Коми АССР, а также правом отмены актов нижестоящих органов, но не указала в форме какого акта он мог это сделать, поэтому законодатель самостоятельно пытался разграничить акты, принимаемые в форме указов от иных актов, не нарушая действующего Основного закона.

Сопровождение официальных наименований актов оценочными категориями также как, и в предыдущие годы остается актуальным. Довольно часто местными органами государственной власти используется в формулировке акта сочетание «обязательное постановление»³².

Подводя итог, необходимо отметить, что система нормативно-правовых актов в Коми АССР к концу 30-х гг. XX века приобрела ряд особенностей, характеризующих ее

²⁵ Указ об утверждении членов Верховного Суда Коми АССР от 20 января 1939 г. // Свод правовых актов и иных документов, принятых органами законодательной власти Республики Коми. Т. I. Сыктывкар 1998. – С. 54.

²⁶ Указ об утверждении членов Верховного Суда Коми АССР от 19 июля 1939 г. // Свод правовых актов и иных документов, принятых органами законодательной власти Республики Коми. Т. I. Сыктывкар 1998. – С. 81-82.

²⁷ О постановлениях СНК Коми АССР от 8 сентября 1938 г. за № 204 и от 16 октября 1938 г. за № 336 об изъятии колхозных земель под временные ж.-д. сооружения // Свод правовых актов и иных документов, принятых органами законодательной власти Республики Коми. Т. I. Сыктывкар 1998. – С. 61.

²⁸ Указ об отзыве Рочева Степана Михайловича из состава членов Верховного Суда Коми АССР // Свод правовых актов и иных документов, принятых органами законодательной власти Республики Коми. Т. I. Сыктывкар 1998. – С. 80.

²⁹ Там же.

³⁰ Об отмене постановления Пленума Сторожевского Райисполкома от 27 июля 1939 г. // Свод правовых актов и иных документов, принятых органами законодательной власти Республики Коми. Т. I. Сыктывкар 1998. – С. 121.

³¹ Об отмене обязательного постановления по борьбе с хулиганством, изданного Президиумом Устьвымского Райисполкома // Свод правовых актов и иных документов, принятых органами законодательной власти Республики Коми. Т. I. Сыктывкар 1998. – С. 127.

³² Из протокола № 4 от 8 и 17 мая 1939 года «О практике издания обязательных постановлений Райисполкомами Коми АССР» // Свод правовых актов и иных документов, принятых органами законодательной власти Республики Коми. Т. I. Сыктывкар 1998. – С. 73.

как единую целостность. И, хотя, по-прежнему присутствовало большое количество подзаконных актов, отражавших значительную роль государственных органов в системе управления; отсутствовало в ряде случаев единство формы и содержания акта; либо отсутствовала форма акта в наименовании; официальные наименования часто сопровождалась оценочными категориями, все же огромное значение приобрело появление собственного коми-закона, а также закрепление Конституцией Коми АССР 1937 г. не только системы органов государственной власти, но и актов, издаваемых ими.

Список литературы

1. Закон о возмещении депутатам Верховного Совета Коми АССР расходов, связанных с выполнением депутатских обязанностей от 28 июля 1938 г. // Свод правовых актов и иных документов, принятых органами законодательной власти Республики Коми. Т.1. Сыктывкар 1998. С. 37.
2. Закон об избрании Президиума Верховного Совета Коми АССР от 28 июля 1938 г. // Свод правовых актов и иных документов, принятых органами законодательной власти Республики Коми. Т.1. Сыктывкар 1998. С. 37-38.
3. Закон об изменении 44, 63, 66 и 70 статей Конституции (Основного закона) Коми АССР // Свод правовых актов и иных документов, принятых органами законодательной власти Республики Коми. Т.1. Сыктывкар 1998. С. 36.
4. Закон об образовании Правительства Коми АССР – Совета Народных Комиссаров Коми АССР от 29 июля 1938 г. // Свод правовых актов и иных документов, принятых органами законодательной власти Республики Коми. Т.1. Сыктывкар 1998. С. 39.
5. Из протокола № 4 от 8 и 17 мая 1939 г. «О практике издания обязательных постановлений Райисполкомами Коми АССР» // Свод правовых актов и иных документов, принятых органами законодательной власти Республики Коми. Т.1. Сыктывкар 1998.
6. Инструкция «По учету и контролю за прохождением жалоб и заявлений в Райисполкоме» // НА РК Р-642, оп.3, д.2, л.10-11.
7. О постановлениях СНК Коми АССР от 8 сентября 1938 г. за № 204 и от 16 октября 1938 г. за № 336 об изъятии колхозных земель под временные ж.-д. сооружения // Свод правовых актов и иных документов, принятых органами законодательной власти Республики Коми. Т.1. Сыктывкар 1998. С. 61.
8. О постановлениях СНК Коми АССР от 8 сентября 1938 г. за № 204 и от 16 октября 1938 г. за № 336 об изъятии колхозных земель под временные ж.-д. сооружения // Свод правовых актов и иных документов, принятых органами законодательной власти Республики Коми. Т.1. Сыктывкар 1998. С. 61.
9. Об отмене обязательного постановления по борьбе с хулиганством, изданного Президиумом Устьвымского Райисполкома // Свод правовых актов и иных документов, принятых органами законодательной власти Республики Коми. Т.1. Сыктывкар 1998. С. 127.
10. Об отмене постановления Пленума Сторожевского Райисполкома от 27 июля 1939 г. // Свод правовых актов и иных документов, принятых органами законодательной власти Республики Коми. Т.1. Сыктывкар 1998. С. 121.
11. Об утверждении нового коми алфавита и правил орфографии (внес Нарком Просвещения Коми АССР) от 19 сентября 1938 г. // Свод правовых актов и иных документов, принятых органами законодательной власти Республики Коми. Т.1. Сыктывкар 1998. С. 45.
12. Постановление Президиума Устькуломского Райисполкома от 9 апреля 1935 года. «О коде обмена к оперативу на сортовое зерно. Вывозке навоза и другим работам» // НА РК Р-1104 оп.1, д.48, л.26.
13. Постановление «Об утверждении инструкции по учету и контролю за прохождением жалоб и заявлений в Райисполкомах» от 5 апреля 1938 г. // НА РК Р-642, оп.3, д.2, л.10-11.
14. Постановление закрытого заседания Президиума Сыктывдинского Райисполкома от 22.02.1935 г. // НА РК Р-374 оп.1, д.30, л.8.
15. Постановление Президиума Сыктывдинского Районного Исполнительного Комитета от 28.06.1935 г. «О размещении по спецпоселкам вновь прибывающих в районы семей трудпереселенцев» // НА РК Р-374 оп.1, д.30, л.21.
16. Постановление Президиума Устькуломского Райисполкома от 20.02.1935 г. // НА РК Р-1104 оп.1, д.48, л.22.
17. Указ о Преобразовании селения Княжпогост в рабочий поселок от 7 апреля 1939 г. // Свод правовых актов и иных документов, принятых органами законодательной власти Республики Коми. Т.1. Сыктывкар 1998. С. 64.
18. Указ об отзыве Рочева Степана Михайловича из состава членов Верховного Суда Коми АССР // Свод правовых актов и иных документов, принятых органами законодательной власти Республики Коми. Т.1. Сыктывкар 1998. С. 80.

19. Указ об утверждении членов Верховного Суда Коми АССР от 19 июля 1939 г. // Свод правовых актов и иных документов, принятых органами законодательной власти Республики Коми. Т.1. Сыктывкар 1998. С. 81-82.
20. Указ об утверждении членов Верховного Суда Коми АССР от 20 января 1939 г. // Свод правовых актов и иных документов, принятых органами законодательной власти Республики Коми. Т.1. Сыктывкар 1998. С. 54.
21. Большой юридический словарь. Под ред. А.Я. Сухарева, В.Д. Зорькина, В.Е. Крутских. М. 1998. С. 547.
- Бошно С.В. Понятийные и технико-юридические проблемы подзаконных актов // Журнал российского права. 2004. № 12 (96).
22. Гаврюсов Ю.В. Конституция Республики Коми: современное состояние и пути совершенствования // Вестник Государственного Совета Республики Коми. 2008. № 3.
23. Гаврюсов Ю.В. Конституция Республики Коми: тенденции изменения и проблемы совершенствования // Конституционное право Российской Федерации. Сб.статей. Сыктывкар. 2004.
24. Гаврюсов Ю.В. Проблемы становления конституционной юстиции в субъектах Российской Федерации. Сыктывкар, 2005.
25. Никулина Т.В. Юридические свойства Конституции Республики Коми // Вестник КРАГСИУ. Государство и право. 2005-2006. № 8-9.
26. Попова В.В. Структура и содержание Конституции Республики Коми // Вестник КРАГСИУ. Государство и право. 2007. № 10.
27. Толстик В.А. Иерархия источников российского права: Автореф. ... дис. доктора юрид. наук. Нижний Новгород. 2002. С. 12.
28. Четверикова Л.В. Государственная власть в Республике Коми (1937-2005): система и структура, правовой статус, вопросы взаимодействия (конституционно-правовой аспект) // Вестник Сыктывкарского университета. Вып. 3. Сыктывкар, 2007.

SYSTEM OF LEGAL ACTS IN THE KOMI ASSR IN THE MIDDLE AND THE II HALF OF THE 30-IES OF XX CENTURY

O.A. PLOTSKAYA¹
J.B. IVANOVA²

¹Federal State budget institution of higher education «Syktyvkar State University»

e-mail: olga.plockaya@mail.ru

²Autonomous institution of higher education of the Komi Republic «Komi Republican Academy of Public Administration and Management»

e-mail: mgb-pravo@yandex.ru

This article describes the features of regulations in the Komi Republic. A comparative legal analysis of legal acts in the Komi Republic. Particular attention is paid to specific patterns and features of the development of regulations in the Komi Republic in the middle – II half of 30s of the twentieth century.

Key words: Komi, regulations, sources of law, comparative legal analysis, by-laws, the Constitution of the Komi Republic 1937. The system.

УДК – 342.8

ИЗ ИСТОРИИ СТАНОВЛЕНИЯ РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ АГИТАЦИОННЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ

О.О. ПОПОВА*Белгородский государственный
национальный исследовательский
университет**e-mail:
olesya-popova2005@yandex.ru*

В статье дается краткий обзор истории становления и развития российского законодательства в области регулирования политических агитационных правоотношений и политической агитационной деятельности. Представлен хронологический анализ основных законодательных актов, регулирующих исследуемые правоотношения.

Ключевые слова: Политическая агитационная деятельность, политические агитационные правоотношения, политическая агитация, избирательный процесс, избирательная агитация.

Как известно из доктрины государства и права нормы права возникают там, где появляются общественные отношения, нуждающиеся в правовой регламентации. Большинство исследователей в области теории права полагают, что основное назначение норм права – регулирование (закрепление, стимулирование, придание стабильности, способствование развитию, охрана от нарушений необходимых и обязательных для общества и государства отношений; а также воздействие на нежелательные для государства и общества отношения с целью их ограничения, устранения, вытеснения из социальной действительности)¹. Государство, таким образом, путём закрепления в норме права признаёт существование определённых социальных явлений, отношений с целью их дальнейшего регулирования.

Политические агитационные правоотношения – общественные отношения, складывающиеся между субъектами политической агитационной деятельности, урегулированные нормами конституционного и информационного права; опосредуют юридическую связь между субъектами, получающими (воспринимающими) информацию, субъектами, распространяющими её (являясь источником), и субъектами, способствующими её распространению (средства массовой информации – СМИ). При этом природа политических агитационных правоотношений, лежит в плоскости таких общественных реалий, как, с одной стороны, государственная власть и, с другой стороны, информация. Особой разновидностью политических агитационных правоотношений являются избирательные агитационные правоотношения.

Правовое регулирование политической агитационной деятельности в российском законодательстве на протяжении долгого времени ограничивалось регулированием в рамках законодательства о выборах избирательной агитационной деятельности.

А само избирательное право, как система закреплённых в законодательстве правовых норм, регламентирующих порядок проведения выборов в представительные органы государственной власти и местного самоуправления, в Российском государстве довольно продолжительное время оставалось неразвитым. Равно не развитым было и правовое регулирование агитационной деятельности.

Первые попытки подобного законодательного закрепления избирательных процедур и гарантий в отечественных нормативно-правовых актах относятся, по всей видимости, ко времени существования Новгородской и Псковской боярских республик. Так, доподлинно известно, что в Новгороде с 1136 года на народном вече избирались высшие должностные лица – князья, посадники и тысяцкие².

¹ См. напр. Матузов Н.И. Теория государства и права: Учебник / Н.И.Матузов, А.В.Малько. – М., 2004. – С. 126-127.; Мелехин А.В. Теория государства и права: Учебник / А.В.Мелехин. – М., 2007. – С. 167-168.

²Ефремова Н.Н. Становление избирательного права в России. // Государство и право. 1998. №3. – С.111.

Анализ законодательства Российского государства с тринадцатого по начало двадцатого веков, показывает, что, нормативно-правового закрепление возможности и условий осуществления политической агитационной деятельности как таковое отсутствовало. Хотя, наверняка, такая деятельность осуществлялась.

Впервые в нашем государстве на законодательном уровне возможность осуществления избирательной агитации было закреплено в Положении о выборах в Государственную Думу от 6 августа 1905 года. П.1 Приложения к ст.38 указанного документа предоставляла избирателям за месяц до даты выборов право «образовывать для совещания о лицах, достойных быть избранными, особые подготовительные собрания», при этом о времени и месте проведения таких собраний обязательно уведомлялся начальник местной полиции³. Аналогичная законодательная норма содержалась и Положении о выборах в Государственную Думу от 3 июня 1907 года⁴. По требованию представителя полиции (если таковое имело место быть) надлежало немедленно закрыть собрание. В случае отказа, к неповиновущимся могли применяться меры, вплоть до наказания согласно Уголовному Уложению (ст.120 – «участники публичного скопища, от коего заведомо было потребовано полицейскою властью, чтобы оно разошлось» карались арестом до трёх месяцев)⁵.

По мнению Е.А.Скрипилева подготовительные собрания по Положению от 6 августа 1905 года достаточно условно можно считать выборной агитацией; это были, скорее, своего рода «совещания о выборах»⁶.

Однако, невзирая на существование существенных ограничений, да и вообще противоречивого отношения учёных к «совещаниям о выборах» 1905-1907 гг., именно в это время недавно появившиеся в России политические партии впервые получили возможность осуществлять информационную деятельность и оказывать информационное воздействие на избирателей⁷.

Несмотря на то, что В.И.Ленина нередко называют идеологом отечественной политической агитации и пропаганды⁸, этот институт достаточно долгое время оставался нормативно неразработанным в советском законодательстве. Конституции РСФСР 1918 и 1925 гг. предоставляли гражданам права свободно выражать свои мнения, а также «свободно устраивать собрания, митинги, шествия и т.п.»⁹. Однако данные нормы носили, скорее, декларативный характер и относились к сфере более общей, нежели политическая агитация. Кроме того, одновременно с указанными положениями Конституций в РСФСР действовал Декрет «О печати», согласно которому в стране вводились «экстренные меры» «административного воздействия на печать»¹⁰. И хотя согласно прямому указанию в тексте документа на временный характер ограничений свободы печати, фактически он так и не был отменен.

Законодательные нормы, посвящённые собственно политической агитации (выборной агитации) в законодательстве советского периода возникли лишь в 1937 году с принятием Положения о выборах в Верховный Совет СССР. Предусматривалось, что «каждой

³ Положение о выборах в Государственную Думу от 6 августа 1905 г. Полное собрание законов Российской империи. Собр. III. Т. XXV. Отд-ние II-е: Приложения. – СПб., – 1908.

⁴ См. Положение о выборах в Государственную Думу от 3 июня 1907 г. / Российское законодательство X-XX вв. в 9-ти томах. Том 9. Законодательство эпохи буржуазно-демократических революций. – М., – 1994.

⁵ Евстратов А.М. Предвыборная агитация на выборах в государственную Думу Российской Империи / А.М.Евстратов, А.В.Ивкова // История государства и права. 2007. №11. – С.49-53.

⁶ Скрипилев Е.А. Из истории российского парламентаризма: к 90-летию первых выборов в Государственную Думу России / Е.А.Скрипилев // Государство и право. 1996. №7. – С.146.

⁷ Евстратов, А.М., Предвыборная агитация на выборах в государственную Думу Российской Империи / А.М.Евстратов, А.В.Ивкова // История государства и права. 2007. №11. – С.49-53.

⁸ См. напр. Агитация, пропаганда, политическая реклама (идеи и знания для профессионального роста и творческого развития) [Электронный ресурс]: URL:<http://www.agitclub.ru/center/agitprop/agittext/lenin1.htm>. (дата обращения 01.09.2011).

⁹ Конституция (Основной закон) Российской Советской Федеративной Социалистической Республики от 10 июля 1918 // СУ РСФСР. – 1918. – № 51. – Ст. 582; Конституция (Основной Закон) Российской Советской Федеративной Социалистической Республики от 11 мая 1925 года // СУ РСФСР. – 1925. – №30. – Ст. 218.

¹⁰ О печати: Декрет СНК РСФСР от 28.10.1917 // СУ РСФСР. – 1917. – №1. – Ст.7. (2-е издание).

организации, выставившей кандидата, зарегистрированного в Окружной избирательной комиссии, равно как каждому гражданину СССР, обеспечивается право беспрепятственной агитации за этого кандидата на собраниях, в печати и иными способами»¹¹. Ст. 82 Положения предусматривала единственное ограничение «выборной агитации» – её не допускалось проводить «в избирательном помещении во время подачи голосов».

В дальнейшем в Положении о выборах в Верховный Совет СССР, утвержденном 1 октября 1945 года¹², в Положении о выборах в Верховный Совет СССР, утвержденном 9 января 1950 года¹³ принципиально новых положений, касающихся регулирования избирательной агитации, не содержалось.

В 1977 году в СССР право на проведение избирательной агитации впервые было закреплено на конституционном уровне. Конституцией СССР 1977 года, статьёй 100 гражданам и общественным организациям предоставлялось право «свободного и всестороннего обсуждения политических, деловых и личных качеств кандидатов в депутаты, а также право агитации на собраниях, в печати, по телевидению, радио»¹⁴. Аналогичные нормы появились и в Конституциях (Основных Законах) Республик СССР¹⁵.

На основе Конституций были приняты союзные и республиканские Законы о выборах, в которых вопросы избирательной агитации регулировались в рамках идентичных по содержанию статей с наименованием – «Предвыборная агитация»: «Общественным организациям, трудовым коллективам, выдвинувшим кандидатов в депутаты или выступившим в их поддержку, предоставляется право беспрепятственной агитации за своих кандидатов. Общественным организациям и трудовым коллективам бесплатно предоставляются помещения для собраний и митингов, а также средства массовой информации для ведения предвыборной агитации. Каждому гражданину гарантируется право участвовать в предвыборной агитации. Проведение агитации в день выборов в помещении для голосования не допускается»¹⁶.

Согласно нормам указанных статей агитирующими субъектами могли быть: граждане; общественные организации, выдвинувшие кандидатов в депутаты или выступившие в их поддержку; трудовые коллективы, выдвинувшие кандидатов в депутаты или выступившие в их поддержку.

Единственной допустимой формой агитации была агитация «за» кандидата. А допустимыми методами являлись: агитация на собраниях и митингах; агитация в средствах массовой информации (СМИ).

Немаловажным положительным, на наш взгляд, моментом является законодательно гарантированное проведение избирательной агитации исключительно на бесплатной основе. Полагаем, в современном законодательстве необходимо возродить указанную норму.

¹¹Об утверждении Положения о выборах в Верховный Совет СССР: Постановление ЦИК СССР от 9 июля 1937 г. // СЗ СССР. – 1937. – № 43. – Ст. 182.

¹²Об утверждении Положения о выборах в Верховный Совет СССР: Указ Президиума ВС СССР от 11 октября 1945 г. // Ведомости ВС СССР. – 1945. – № 72.

¹³Об утверждении Положения о выборах в Верховный Совет СССР: Указ Президиума ВС СССР от 9 января 1950 г. // Ведомости ВС СССР. – 1950. – № 2.

¹⁴ Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик от 7 октября 1977 года // Ведомости ВС СССР. – 1977. – № 41. – Ст. 617.

¹⁵ См. напр. Конституции (Основного Закона) Российской Советской Федеративной Социалистической Республики от 12 апреля 1978 года (ст.96) // Ведомости ВС РСФСР. – 1978. – № 15. – Ст. 407.

¹⁶ См., например: О выборах в Верховный Совет СССР: Закон ВС СССР от 6 июля 1978 года № 7772-IX (ст.46) // Ведомости ВС СССР. – 1978. – № 28. – Ст. 441; О выборах в Верховный Совет РСФСР: Закон РСФСР от 8 августа 1978 года (ст.43) // Ведомости ВС РСФСР. – 1978. – № 32. – Ст. 845; О выборах в местные советы народных депутатов РСФСР: Закон РСФСР от 3 августа 1979 года (ст.42) // Ведомости ВС РСФСР. – 1979. – № 32. – Ст. 784; О выборах районных (городских) народных судов РСФСР: Закон РСФСР от 8 июля 1981 года (ст.12) // Ведомости ВС РСФСР. – 1981. № 28. – Ст. 977; О выборах народных депутатов СССР: Закон СССР от 1 декабря 1988 года (ст.47) // Ведомости ВС СССР. – 1988. – № 49. – Ст. 729; О выборах народных депутатов РСФСР: Закон РСФСР от 27 октября 1989 года (ст.40) // Ведомости ВС РСФСР. – 1989. – № 44. – Ст. 1305; О выборах народных депутатов местных советов народных депутатов РСФСР: Закон РСФСР от 27 октября 1989 года (ст.42) // Ведомости ВС РСФСР. – 1989. – № 44. – Ст. 1306; О выборах главы администрации: Закон РСФСР от 24 октября 1991 года № 1803-1 (ст.28) // Ведомости СНГ и ВС РФ. – 1991. – № 45. – Ст. 1491.

Вплоть до времен «перестройки» правовое регулирование политических агитационных избирательных правоотношений осуществлялось, исходя из вышеприведённых начал. Стоит отметить, что исследователями неоднократно отмечалась общая тенденция к наличию в СССР декларативных, не совпадающих с реальной практикой, законодательных установлений¹⁷. В полной мере это утверждение справедливо и применительно к исследуемой нами проблематике.

Качественно новый подход к регулированию избирательной агитации связан с общим реформированием отечественного законодательства конца 80-х – начала 90-х годов прошлого века. Безусловно, особого внимания в этой связи заслуживает утвержденное Указом Президента Российской Федерации от 29 октября 1993 года «Положение об информационных гарантиях предвыборной агитации». Согласно данному нормативно-правовому акту под «предвыборной агитацией» понимались «сообщения, материалы, (массовая информация), имеющие целью побудить избирателей проголосовать за или против того или иного кандидата либо избирательное объединение»¹⁸. Интересно, что избирательная агитация рассматривалась не как деятельность, а как некий её результат – сообщения, материалы и т.п. В качестве агитирующих субъектов могли выступать кандидаты и избирательные объединения. Допустимыми формами агитации были: информация, имеющая целью побудить к голосованию за того или иного кандидата или избирательное объединение; информация, имеющая целью побудить к голосованию против того или иного кандидата или избирательное объединение.

Перечень разрешённых методов избирательной агитации (согласно формулировке Положения – «виды предвыборной агитации») включал в себя: политическую рекламу; выступление; пресс-конференция и интервью; предвыборные дебаты; круглый стол.

Избирательная агитация могла осуществляться как на бесплатной (за счет средств государства), так и на платной (за счет собственных средств кандидатов и избирательных объединений) основе. Размер платы устанавливался равным для всех кандидатов и избирательных объединений.

6 декабря 1994 года был принят Федеральный Закон «Об основных гарантиях избирательных прав граждан Российской Федерации», определивший «предвыборную агитацию», как «деятельность граждан Российской Федерации, общественных объединений по подготовке и распространению информации, имеющей целью побудить избирателей принять участие в голосовании за или против тех или иных кандидатов (списков кандидатов)»¹⁹.

В данном законодательном акте избирательная агитация рассматривалась, как деятельность уполномоченных субъектов, в качестве которых могли выступать: граждане Российской Федерации; общественные объединения.

По закону разрешалось осуществлять агитацию всем, кроме: членов избирательных комиссий, государственных органов и их должностных лиц (при условии, что последние не являлись кандидатами), органов местного самоуправления и их должностных лиц, не являющихся кандидатами,

Что касается форм и методов избирательной агитации, то применительно к формам ничего принципиально нового по сравнению с Положением 1993 года Закон 1994 года не устанавливал, а перечень методов несколько изменился. Так, допускалось осуществление «предвыборной агитации»: через средства массовой информации; путём проведения предвыборных мероприятий (в числе которых указывались: собрания и встречи с избирателями, публичные предвыборные дебаты и дискуссии, митинги, демонстрации, шествия, выпуск и распространение агитационных печатных материалов)²⁰.

Законодатель, таким образом, разграничивал методы опосредованного (через СМИ) и непосредственного агитационного воздействия на избирателей и устанавливал

¹⁷ Фальков В.Н. Совершенствование правового регулирования предвыборной агитации в Российской Федерации // дис. ...к.ю.н. / В.Н. Фальков. Тюмень, 2003. – С. 35-39.

¹⁸ Об информационных гарантиях для участников избирательной кампании 1993 года: Указ Президента РФ от 29.10.1993 №1792 // Собрание актов Президента и Правительства РФ. – 1993. – №44. – Ст.4196.

¹⁹ Об основных гарантиях избирательных прав граждан Российской Федерации: Федеральный закон РФ от 6 декабря 1994 г. № 56-ФЗ // СЗ РФ. – 1994. – № 33. – Ст. 3406.

²⁰ Там же.

специфическое для каждой разновидности методов правовое регулирование условий проведения.

В Законе 1994 года регулирование условий проведения предвыборной агитации через средства массовой информации осуществлялось ограниченно. Так, содержались соответствующие положения, касающиеся порядка предоставления только государственными и муниципальными телерадиокомпаниями эфирного времени на платной и на бесплатной основе. Обязанности по обеспечению равных возможностей для изложения предвыборных программ кандидатов и избирательных объединений возлагались только на средства массовой информации, учредителями (соучредителями) которых являются государственные или муниципальные органы, организации, учреждения либо которые финансируются полностью или частично за счет средств, выделяемых из соответствующего бюджета²¹. Таким образом, не были определены условия предоставления иными государственными и муниципальными СМИ (помимо телерадиокомпаний) кандидатам и избирательным объединениям возможностей для осуществления агитации. Кроме того, полностью вне поля правового регулирования находились частные средства массовой информации. В соответствии с Законом на них даже не возлагалась обязанность по обеспечению равных условий агитации для всех кандидатов и избирательных объединений.

Следствием обозначенного законодательного пробела стало активное использование в избирательных кампаниях 1994-1996 гг. так называемых правонарушающих избирательных технологий – специальных способов и методов информационного воздействия политиков (кандидатов) на избирателей, запрещённых законодательством либо, если не прямо запрещённых, то тем или иным образом нарушающих права и законные интересы участников избирательного процесса²².

В целом, несмотря на наличие существенных недостатков и пробелов нормативно-правового регулирования, в Федеральном Законе «Об основных гарантиях избирательных прав граждан Российской Федерации» были заложены основы для современного целостно-системного подхода к законодательному закреплению и регламентированию понятия, порядка, условий, форм и методов проведения избирательной агитации.

В Федеральном Законе «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» 19 сентября 1997 года была принята попытка восполнить существовавшие пробелы. Была дана достаточно объёмная дефиниция «предвыборной агитации» – «деятельность граждан Российской Федерации, кандидатов, избирательных объединений, избирательных блоков, общественных объединений, имеющих целью побудить или побуждающая избирателей к участию в выборах, а также к голосованию за тех или иных кандидатов (списки кандидатов) или против них»²³.

Круг субъектов, обладающих правом осуществления агитационной деятельности расширен по сравнению приведённом в Законе «Об основных гарантиях...» 1994 года. Наделялись указанным правом: граждане Российской Федерации; кандидаты; избирательные объединения; избирательные блоки; общественные объединения

Значительно дополнен был перечень форм избирательной агитации: деятельность, имеющая целью побудить избирателей к участию в выборах; деятельность, побуждающая избирателей к участию в выборах; деятельность, имеющая целью побудить избирателей к голосованию за тех или иных кандидатов; деятельность, побуждающая избирателей к голосованию за тех или иных кандидатов; деятельность, имеющая целью побудить избирателей к голосованию против тех или иных кандидатов; деятельность, побуждающая к голосованию против тех или иных кандидатов.

²¹ Об основных гарантиях избирательных прав граждан Российской Федерации: Федеральный закон РФ от 6 декабря 1994 г. № 56-ФЗ // СЗ РФ. – 1994. – № 33. – Ст. 3406.

²² Более подробно об этом см. Попова, О.О. Правонарушающие технологии в избирательном процессе и способы борьбы с ними / О.О.Попова // Избирательное право глазами молодежи Белгородчины: Сборник материалов областного конкурса среди студентов и аспирантов высших и средних профессиональных учебных заведений Белгородской области на лучшую работу по вопросам избирательного права и избирательного процесса в 2004/2005 учебном году. Белгород, 2005. – С.262-279.

²³ Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации: Федеральный закон РФ от 19.09.1997 №124-ФЗ // СЗ РФ. -1997. – № 38. – Ст. 4339.

Несколько скорректирован был перечень методов агитационной деятельности. Если в ранее действовавшем законодательстве выделялось только две основных группы методов и при этом использовался довольно неудачный, на наш взгляд, не исключающий двусмысленное понимание, термин «предвыборные мероприятия (в указанное понятие, по сути, включалось всё то, что не считается агитацией через СМИ), то в Законе 1997 года все методы подразделялись на 3 основные группы: через средства массовой информации; путем проведения массовых мероприятий (собраний и встреч с гражданами, публичных дебатов и дискуссий, митингов, демонстраций, шествий); путём выпуска и распространения агитационных печатных материалов.

В Законе прямо указывалось, что данный перечень является открытым, т.е. допускалось осуществление иных установленных законом методов.

В настоящее время основной регулятивный нормативно-правовой акт применительно к избирательной агитационной деятельности – Федеральный Закон «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» от 12 июня 2002 года №67-ФЗ (действует в редакции от 20.03.2011 года)²⁴. Принятие указанного Закона было призвано устранить двусмысленность, присутствовавшую в нормах Закона «Об основных гарантиях...» 1997 года, сделав формулировки более чёткими, а также ввести более жёсткую систему регламентации избирательного процесса, дабы устранить его подверженность различного рода манипулированию²⁵. В силу прямого указания (п.6 ст.1) ФЗ №67 от 12.06.2002 г. имеет приоритетное значение перед всеми другими нормативно-правовыми актами о выборах²⁶. В числе подобных нормативно-правовых актов (на федеральном уровне) действуют Федеральный Закон от 10 января 2003 года № 19-ФЗ «О выборах Президента Российской Федерации»²⁷, а также Федеральный Закон от 18 мая 2005 года № 51-ФЗ «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации»²⁸.

В соответствии с Конституцией РФ вопрос «установления общих принципов организации системы органов государственной власти и местного самоуправления» относится к совместному ведению Российской Федерации и субъектов Российской Федерации²⁹. При этом субъекты Федерации самостоятельно устанавливают систему своих органов государственной власти. По вопросам, находящимся в совместном ведении, «издаются федеральные законы и принимаются в соответствии с ними законы и иные нормативно-правовые акты субъектов Российской Федерации»³⁰. Согласно указанным конституционным положениям на уровне областей, краёв, городов федерального значения, автономной области, автономных округов должны приниматься законы, определяющие порядок формирования органов государственной власти субъектов и органов местного самоуправления, в том числе законы, регламентирующие избирательные процедуры на выборах в указанные органы. Так, в Белгородской области действует Избирательный кодекс³¹, в рамках которого среди прочих регулятивных положений содержится раздел, посвящённый вопросам осуществления информационной деятельности (в том числе агитационной) деятельности при выборах в органы государственной власти и местного самоуправления Белгородской области.

²⁴ Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации: Федеральный закон РФ от 12.06.2002 г. №67-ФЗ // СЗ РФ. – 2002. – № 24. – Ст. 2253.

²⁵ Новый шаг в совершенствовании избирательного процесса // Журнал о выборах. 2002. №3. С.2.

²⁶ Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации: Федеральный закон РФ от 12.06.2002 г. №67-ФЗ // СЗ РФ. – 2002. – № 24. – Ст. 2253.

²⁷ О выборах Президента Российской Федерации: Федеральный закон РФ от 10 января 2003 года №19-ФЗ // СЗ РФ – 2003. – №2. – Ст.171.

²⁸ О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации: Федеральный закон РФ от 18 мая 2005 года № 51-ФЗ // СЗ РФ. – 2005. – № 21. – Ст. 1919.

²⁹ Конституция Российской Федерации: Федеральный Конституционный закон РФ от 12 декабря 1993 года №1-ФКЗ // СЗ РФ. -2009. -№4. Ст.445.

³⁰ Там же.

³¹ Избирательный кодекс Белгородской области: Закон Белгородской области от 1 апреля 2005 года №182 // Белгородские известия. – 2005. – №63.

Характеризуя нормативно-правовое регулирование политической агитационной деятельности, нельзя не согласиться с Л.Т.Аглеевой в том, что серьёзным упущением законодателя является отсутствие в Конституции Российской Федерации 1993 г. норм, прямо, а не косвенно, регулирующих вопросы «предвыборной агитации», и всего избирательного процесса³². На недостаточность существующего подхода не раз указывалось в научной литературе³³. От себя добавим, что в Конституции Российской Федерации отсутствуют также и нормы, касающиеся, в целом, политической агитационной деятельности.

Анализ действующих и ранее действовавших нормативно-правовых актов показал, что на протяжении долгого времени существовала и существует сейчас тенденция ограниченного правового регулирования политической агитационной деятельности (только в рамках регулирования избирательной агитации). Правовые нормы, касающиеся избирательной агитации, её форм, методов, порядка и условий проведения предусмотрены в законодательстве о выборах. Что же касается правового регулирования политической агитационной деятельности, осуществляемой за пределами избирательной кампании, то оно носит фрагментарный характер.

Список литературы

1. Матузов Н.И. Теория государства и права: Учебник // Н.И.Матузов, А.В.Малько. – М., 2004. – С. 126-127.
2. Мелехин А.В. Теория государства и права: Учебник // А.В.Мелехин. – М., 2007. – С. 167-168.
3. Ефремова Н.Н. Становление избирательного права в России / Н.Н.Ефремова. // Государство и право. 1998. №3. – С.111.
4. Положение о выборах в Государственную Думу от 6 августа 1905 г. Полное собрание законов Российской империи. Собр. III. Т. XXV. Отд-ние II-е: Приложения. – СПб., – 1908.
5. Положение о выборах в Государственную Думу от 3 июня 1907 г. / Российское законодательство X-XX вв. в 9-ти томах. Том 9. Законодательство эпохи буржуазно-демократических революций. – М., – 1994.
6. Евстратов А.М. Предвыборная агитация на выборах в государственную Думу Российской Империи / А.М.Евстратов, А.В.Ивкова // История государства и права. 2007. №11. – С.49-53.
7. Скрипилев Е.А. Из истории российского парламентаризма: к 90-летию первых выборов в Государственную Думу России / Е.А.Скрипилев // Государство и право. 1996. №7. – С.146.
8. Агитация, пропаганда, политическая реклама (идеи и знания для профессионального роста и творческого развития) [Электронный ресурс]: URL: <http://www.agitclub.ru/center/agitprop/agittext/lenin1.htm>. (дата обращения 01.09.2011).
9. Конституция (Основной закон) Российской Советской Федеративной Социалистической Республики от 10 июля 1918 // СУ РСФСР. – 1918. – № 51. – Ст. 582.
10. Конституция (Основной Закон) Российской Советской Федеративной Социалистической Республики от 11 мая 1925 года // СУ РСФСР. – 1925. -. №30. – Ст. 218.
11. О печати: Декрет СНК РСФСР от 28.10.1917 // СУ РСФСР. – 1917. – №1. – Ст.7. (2-е издание).
12. Об утверждении Положения о выборах в Верховный Совет СССР: Постановление ЦИК СССР от 9 июля 1937 г. // СЗ СССР. – 1937. – № 43. – Ст. 182.
13. Об утверждении Положения о выборах в Верховный Совет СССР: Указ Президиума ВС СССР от 11 октября 1945 г. // Ведомости ВС СССР. – 1945. – № 72.
14. Об утверждении Положения о выборах в Верховный Совет СССР: Указ Президиума ВС СССР от 9 января 1950 г. // Ведомости ВС СССР. – 1950. – № 2.
15. Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик от 7 октября 1977 года // Ведомости ВС СССР. – 1977. – № 41. – Ст. 617.
16. Конституция (Основной Закон) Российской Советской Федеративной Социалистической Республики от 12 апреля 1978 года (ст.96) // Ведомости ВС РСФСР. – 1978. – № 15. – Ст. 407.
17. О выборах в Верховный Совет СССР: Закон ВС СССР от 6 июля 1978 года № 7772-IX (ст.46) // Ведомости ВС СССР. – 1978. – № 28. – Ст. 441.

³² Аглеева, Л.Т. Предвыборная агитация в избирательном праве Российской Федерации (вопросы теории и практики) // дис. ...к.ю.н. / Л.Т. Аглеева. Екатеринбург, 2006. – С. 32-33.

³³ См. Аглеева Л.Т.: Указ.соч.; Джагарян, А.А. Гражданин Российской Федерации – конституционный субъект права на предвыборную агитацию / А.А.Джагарян // Право и политика. 2006. №9. – С.38-43

18. О выборах в Верховный Совет РСФСР: Закон РСФСР от 8 августа 1978 года (ст.43) // Ведомости ВС РСФСР. – 1978. – № 32. – Ст. 845.
19. О выборах в местные советы народных депутатов РСФСР: Закон РСФСР от 3 августа 1979 года (ст.42) // Ведомости ВС РСФСР. – 1979. – № 32. – Ст. 784.
20. О выборах районных (городских) народных судов РСФСР: Закон РСФСР от 8 июля 1981 года(ст.12) // Ведомости ВС РСФСР. – 1981. № 28. – Ст. 977.
21. О выборах народных депутатов СССР: Закон СССР от 1 декабря 1988 года (ст.47) // Ведомости ВС СССР. – 1988. – № 49. – Ст. 729.
22. О выборах народных депутатов РСФСР: Закон РСФСР от 27 октября 1989 года (ст.40) // Ведомости ВС РСФСР. – 1989. – № 44. – Ст. 1305.
23. О выборах народных депутатов местных советов народных депутатов РСФСР: Закон РСФСР от 27 октября 1989 года (ст.42) // Ведомости ВС РСФСР. – 1989. – № 44. – Ст. 1306.
24. О выборах главы администрации Закон РСФСР от 24 октября 1991 года № 1803-1 (ст.28) // Ведомости СНД и ВС РФ. – 1991. – № 45. – Ст. 1491.
25. Фальков, В.Н. Совершенствование правового регулирования предвыборной агитации в Российской Федерации // дис. ... к.ю.н. / В.Н. Фальков. Тюмень, 2003. – С. 35-39.
26. Об информационных гарантиях для участников избирательной кампании 1993 года: Указ Президента РФ от 29.10.1993 №1792 // Собрание актов Президента и Правительства РФ. – 1993. – №44. – Ст.4196.
27. Об основных гарантиях избирательных прав граждан Российской Федерации: Федеральный закон РФ от 6 декабря 1994 г. № 56-ФЗ // СЗ РФ. – 1994. – № 33. – Ст. 3406.
28. Попова О.О. Правонарушающие технологии в избирательном процессе и способы борьбы с ними / О.О.Попова // Избирательное право глазами молодежи Белгородчины: Сборник материалов областного конкурса среди студентов и аспирантов высших и средних профессиональных учебных заведений Белгородской области на лучшую работу по вопросам избирательного права и избирательного процесса в 2004/2005 учебном году. Белгород, 2005.
29. Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации: Федеральный закон РФ от 19.09.1997 №124-ФЗ // СЗ РФ. – 1997. – № 38. – Ст. 4339.
30. Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации: Федеральный закон РФ от 12.06.2002 г. №67-ФЗ // СЗ РФ. – 2002. – № 24. – Ст. 2253.
31. Новый шаг в совершенствовании избирательного процесса // Журнал о выборах. 2002. №3. С.2.
32. О выборах Президента Российской Федерации: Федеральный закон РФ от 10 января 2003 года №19-ФЗ // СЗ РФ – 2003. – №2. – Ст.171.
33. О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации: Федеральный закон РФ от 18 мая 2005 года № 51-ФЗ // СЗ РФ. – 2005. – № 21. – Ст. 1919.
34. Конституция Российской Федерации: Федеральный Конституционный закон РФ от 12 декабря 1993 года №1-ФКЗ // СЗ РФ. -2009. -№4. Ст.445.
35. Избирательный кодекс Белгородской области: Закон Белгородской области от 1 апреля 2005 года №182 // Собрание нормативно-правовых актов Белгородской области. – 2005. – №
36. Аглеева Л.Т. Предвыборная агитация в избирательном праве Российской Федерации (вопросы теории и практики) // дис. ... к.ю.н. / Л.Т. Аглеева. Екатеринбург, 2006.
37. Джагарян А.А. Гражданин Российской Федерации – конституционный субъект права на предвыборную агитацию / А.А.Джагарян // Право и политика. 2006. №9. – С.38-43.

FROM THE HISTORY OF FORMATION OF RUSSIAN LEGISLATIVE REGULATION OF POLITICAL AGITATION LEGAL RELATIONSHIPS

O.O. POPOVA

*Belgorod National
Research University*

e-mail:

olesya-popovaz2005@yandex.ru

The article contains a short historical review of formation and development of Russian legislation in sphere of regulation of political agitation legal relationships and political agitation activity. The chronological analysis of basic laws which are regulating the investigated legal relationships is presented here.

Key words: The political agitation activity, political agitation legal relationships, the political agitation, the elective process, the elective agitation.

УДК – 347.91

ПОНЯТИЕ И ВИДЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ ЗАИНТЕРЕСОВАННОСТИ В ИСХОДЕ ДЕЛА

В.С. СИНЕНКО*Белгородский государственный
национальный исследовательский
университет**e-mail: sinenko@bsu.edu.ru*

В данной статье определяется понятие такой процессуальной категории как юридическая заинтересованность в исходе дела. Дается обоснование выделения отдельных ее видов и степени их значимости.

Ключевые слова: гражданское процессуальное право; лица, участвующие в деле; юридический интерес к исходу дела.

Лица, участвующие в деле являются основными участниками гражданского судопроизводства, поскольку именно их действия влекут возникновение и дальнейшее движение процесса. Суд, руководствуясь идеей (принципом) диспозитивности, возбуждает гражданское дело и рассматривает его только при наличии инициативы соответствующих субъектов. Так, согласно п. 1 ст. 3 Гражданского процессуального кодекса РФ (далее – ГПК РФ)¹ *заинтересованное лицо* вправе в порядке, установленном законодательством о гражданском судопроизводстве, обратиться в суд за судебной защитой нарушенных или оспариваемых прав, свобод или законных интересов. Пункт 1 ст. 4 ГПК РФ закрепляет, что суд возбуждает гражданское дело по заявлению лица, обратившегося *за защитой своих прав*, свобод и законных интересов. Стоит также обратить внимание на то обстоятельство, что такая группа участников процесса как лица, участвующие в деле, специальным образом выделяется в процессуальном законодательстве, в частности, гл.4 ГПК РФ имеет название: "Лица, участвующие в деле". В отношении определения понятия и сущности данной категории субъектов законодатель крайне скуп. В настоящее время законодатель лишь перечисляет данных лиц в ст.34 ГПК РФ, не раскрывая признаков, в силу которых эти участники объединены в одну группу. К таковым законом отнесены: стороны, третьи лица, прокурор, лица, обращающиеся в суд за защитой прав, свобод и законных интересов других лиц или вступающие в процесс в целях дачи заключения по основаниям, предусмотренным статьями 4, 46 и 47 ГПК РФ, заявители и другие заинтересованные лица по делам особого производства и по делам, возникающим из публичных правоотношений.

При такой ситуации всегда возникает вопрос о том, что же объединяет всех названных субъектов в рамках одной группы. В настоящее время, практически общепризнано, что таким признаком, является наличие *юридической заинтересованности в исходе дела*. Однако в теории процессуального права толкование данной категории далеко не однозначно, что приводит к трудностям при рассмотрении и разрешении гражданских дел.

В гражданском процессе понятие юридического интереса, определение его содержания выводится из концепции расщепления права на иск на процессуальную и материальную стороны. Юридический интерес подразделяется на процессуальный и материальный, как интерес к возбуждению гражданского дела в суде и оказанию судебной защиты в целом, так и интерес на удовлетворение заявленных требований. Такой подход имеет и негативные стороны. В частности, А.В. Шкварок по этому поводу говорит: "указанное разграничение юридического интереса в гражданском процессе необоснованно и лишено практической значимости. Определение содержания юридического интереса как материально-правовой выгоды стороны по делу основывается на предположении, согласно которому истец заинтересован в удовлетворении исковых требований, а ответчик заинтересован в отказе в удовлетворении требований истца. Однако на практике фактический интерес стороны по делу может быть противоположен его юридическому интересу, обусловленному его статусом в процессе"².

¹ Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 №138-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. №46. Ст. 4532.

² Шкварок А.В. Понятие юридического интереса в современном гражданском процессе // Арбитражный и гражданский процесс. 2010. №6. – С.3.

Многие авторы выделяют в юридическом интересе материально-правовое и процессуальное содержание. Так, М.А. Вилкут считает, что материально-правовое значение юридического интереса состоит в том, что судебное решение может дать стороне положительный правовой результат. Это объясняется связью сторон со спорным материальным правоотношением. Суть второго значения юридического интереса заключается в том, что оно обуславливает право на участие в деле в качестве стороны³.

Д.М. Чечот выделяет гражданско-правовой и гражданский процессуальный характер юридического интереса⁴. Гражданско-правовой интерес истца определяется той материальной выгодой, которую ему принесет судебное решение об удовлетворении иска. Гражданский процессуальный интерес истца заключается в получении от суда решения об удовлетворении иска.

Другие авторы утверждают о единой правовой природе юридического интереса.

Р.Е. Гукасян понимает под ним только процессуальный интерес, который противопоставляется интересу, охраняемому законом (материальному интересу), и субъективному материальному праву, которое опосредует интерес. При этом Р.Е. Гукасян считает, что "юридический (процессуальный) интерес может наличествовать при возможности существования материально-правового интереса (предмета судебной защиты)"⁵.

В качестве единого процессуального интереса рассматривает юридический интерес А. Вильховик. Юридический интерес, по мнению данного автора, – это интерес к судебной защите права, т.е. к рассмотрению и разрешению дела в установленной процессуальной форме с вынесением судебного решения⁶.

Особая значимость такой процессуальной категории обосновывает необходимость детального его рассмотрения. В рамках данной статьи рассмотреть все аспекты проявления юридической заинтересованности в исходе дела практически невозможно. Поэтому, остановимся на анализе некоторых норм ГПК РФ, способствующих раскрытию ее содержания.

Интерес к исходу дела, исходя из смысла данного словосочетания, предопределяется желанием определенных субъектов иметь по делу то решение, которое соответствует этому интересу. Соответственно этому, может возникать вопрос о необходимости предоставить таким субъектам права на участие в процессе, обеспечив им такие права, реализуя которые, они могли бы добиваться такого решения, которое их устраивает. Эти права, в частности, предусматриваются ст.35 ГПК РФ и к ним относятся: право знакомиться с материалами дела, делать выписки из них, снимать копии, заявлять отводы, представлять доказательства и участвовать в их исследовании, задавать вопросы другим лицам, участвующим в деле, свидетелям, экспертам и специалистам; заявлять ходатайства, в том числе об истребовании доказательств; давать объяснения суду в устной и письменной форме; приводить свои доводы по всем возникающим в ходе судебного разбирательства вопросам, возражать относительно ходатайств и доводов других лиц, участвующих в деле; обжаловать судебные постановления и использовать предоставленные законодательством о гражданском судопроизводстве другие процессуальные права. Обладая данными правами, можно пытаться в рамках процесса добиваться того исхода дела (решения по делу), которое будет соответствовать интересу конкретного субъекта.

В то же время, такая возможность должна быть обеспечена не любым заинтересованным лицам, а только таким, чей интерес признается юридически значимым. Например, свидетель по делу, являясь родственником истца или ответчика, вполне естественно, будет обладать интересом к определенному решению, однако такой интерес не признается юридически значимым. Вследствие этого, нет необходимости в наделении свидетеля теми правами, которые предусмотрены ст.35 ГПК РФ. Это говорит о том, что интерес к исходу дела необходимо классифицировать в зависимости юридической значимости и правового признания. В зависимости от данного критерия интерес к исходу дела можно подразделить на фактический и юридический. Фактический интерес может быть вызван

³ Вилкут М.А. Стороны – основные лица искового производства – Саратов, 1968. – С.6-14.

⁴ Чечот Д.М. Участники гражданского процесса. М.: Госюриздат, 1960. – С.29.

⁵ Гукасян Р.Е. Избранные труды по гражданскому процессу. – М.: Проспект, 2008. – С.46.

⁶ Вильховик А. Юридический интерес как предпосылка доступности судебной защиты // СПС Консультант Плюс: Комментарии законодательства.

совершенно различными причинами, за исключением тех, которые признаются правом. Юридический же интерес, напротив, является таковым только при условии его правового признания и юридической обеспеченности.

Такое разграничение интереса к исходу дела обуславливает выявление признаков, обеспечивающих его юридическое признание. При более детальном рассмотрении круга лиц, участвующих в деле, предусмотренных ст.34 ГПК РФ обнаруживается, что в их числе имеются такие, участие которых вызвано желанием добиваться благоприятного решения для себя (личный интерес). Вследствие этого, право может признать только такой интерес к исходу дела, который обусловлен возможным влиянием такого исхода (решения по делу) на соответствующие права либо обязанности определенного субъекта. Как правило, такой интерес называется материальным, поскольку судебное решение может оказать влияние на такие права лиц, участвующих в деле, которые вытекают из материальных отраслей права.

В то же время, участие в деле прокурора или органов публичной власти, вызвано не личными, а общественными мотивами. Данные субъекты в конечном итоге защищают публичный (общественный) интерес, который на данном этапе совпал с интересами конкретных лиц. Поэтому решение по делу не затрагивает их субъективных прав и интересов. Вследствие этого, за ними признается только процессуальная заинтересованность к исходу дела. Их заинтересованность предопределяется прямым усмотрением закона осуществлять защиту государственных, общественных интересов либо интересов отдельных лиц.

Вследствие сказанного, обычно юридическую заинтересованность к исходу дела подразделяют на материальную и процессуальную. Более практически значимой, с точки зрения необходимости исследования, полагаем, является материальная заинтересованность, поскольку одним из практических проявлений, влияющих на сущность рассматриваемой категории, является необходимость в привлечении к процессу всех лиц заинтересованных в исходе дела. Это обусловлено тем, что в ч.2 ст.364 ГПК РФ указывается в качестве одного из оснований к безусловной отмене решения – суд разрешил вопрос о правах и об обязанностях лиц, не привлеченных к участию в деле. То есть если судебное решение по делу в какой-либо мере затрагивает права либо обязанности какого-либо лица, он должен быть привлечен к участию в деле. Привлечение к участию в деле, по сути, означает вынесение соответствующего определения суда, что предполагает необходимость его извещения о времени и месте судебного разбирательства.

Определение суда о привлечении к участию в деле должно содержать информацию о том, в каком качестве заинтересованное лицо может вступить в процесс. Причем процессуальный статус зависит от вида влияния судебного решения на соответствующие права и обязанности заинтересованного лица.

Стороны и третьи лица в исковом производстве, а также заявители и заинтересованные лица по делам особого производства имеют материально-правовую заинтересованность в исходе дела, так как участвуют в процессе для защиты своих прав и охраняемых законом интересов. Стороны и третьи лица, заявляющие самостоятельные требования относительно предмета спора обладают прямой материальной заинтересованностью, так как судебное решение по делу напрямую повлияет на их права и обязанности по отношению другой стороне. Третьи лица, не заявляющие самостоятельные требования относительно предмета спора, обладают косвенной материальной заинтересованностью, поскольку судебное решение по делу всего лишь в дальнейшем может повлиять на их права и обязанности по отношению к одной из сторон. Выделение косвенной материальной заинтересованности к исходу дела по данному признаку возможно в силу положения ст.43 ГПК РФ о том, что "третьи лица, не заявляющие самостоятельных требований относительно предмета спора, могут вступить в дело на стороне истца или ответчика до принятия судом первой инстанции *судебного постановления по делу, если оно может повлиять на их права или обязанности по отношению к одной из сторон*". Причем непривлечение таких лиц, может явиться основанием для отмены соответствующего судебного решения.

Так, например, ООО "Росгосстрах" обратилось в суд с иском к М. о взыскании суммы ущерба, причиненного в результате дорожно-транспортного происшествия в раз-

мере 92 153 руб. 02 коп., а также судебных расходов по оплате государственной пошлины в размере 2 964 руб. 59 коп. В обоснование исковых требований истец указывал, что 14.09.2009 года в Санкт-Петербурге произошло ДТП с участием автомобиля MITSUBISHI PAJERO, г.р.з. <...>, застрахованного в ООО "Росгосстрах" страхователем ЗАО <...>, и автомобиля БМВ Х5, г.р.з. <...>, под управлением водителя М., ответчика по настоящему делу. В своем отзыве на иск ответчик указывает, что управлял автомобилем на основании путевого листа, выданного ООО <ЮЛ2>, т.е. управлял транспортным средством в силу исполнения своих служебных обязанностей, в связи с чем обязанность по возмещению вреда должна быть наложена на ООО <ЮЛ2>. На основании возражений ответчика представитель истца, который в судебном заседании при вынесении решения не присутствовал, направил в суд заявление, в котором просил привлечь к участию в деле ООО <ЮЛ2> в качестве ответчика. Суд отклонил заявление ответчика и не привлек к участию в деле ООО <ЮЛ2> ни в качестве соответчика, ни в качестве третьего лица, однако, отказывая истцу в удовлетворении требований, суд указывает на то, что надлежащим ответчиком по делу будет являться ООО <ЮЛ2> и истец не лишен возможности обратиться в суд с требованиями к надлежащему ответчику.

Отменяя решение по этому делу судебная коллегия указала, что права ООО <ЮЛ2> затрагиваются при рассмотрении заявленных требований, так как согласно ст.1068 ГК РФ юридическое лицо либо гражданин возмещает вред, причиненный его работником при исполнении трудовых (служебных, должностных) обязанностей. Поэтому суд должен был привлечь к участию в деле ООО <ЮЛ2>. Суд необоснованно не привлек к участию в деле ООО <ЮЛ2>, чем нарушил положения п.4 ч.2 ст.364 ГПК РФ, согласно которому решение суда первой инстанции подлежит отмене независимо от доводов кассационной жалобы, в случае, если суд разрешил вопрос о правах и об обязанностях лиц, не привлеченных к участию в деле⁷.

Данный пример показателен в плане того, насколько значимым является правильное определение круга лиц, обладающих юридической заинтересованностью к исходу дела. В конечном итоге от этого зависит законность судебного решения.

Суд, по своей инициативе вправе привлечь соответчика, а также третье лицо, не заявляющее самостоятельных требований относительно предмета спора. Привлечение в процесс соответчика основывается на положениях абз.2 ч.3 ст.40 ГПК РФ, согласно которым в случае невозможности рассмотрения дела без участия соответчика или соответчиков в связи с характером спорного правоотношения суд привлекает его или их к участию в деле по своей инициативе. Соответственно этому, привлечение в процесс соответчика связано с невозможностью рассмотрения гражданского дела без его участия, что в свою очередь обусловлено спецификой характера спорного материального правоотношения.

Привлечение в процесс третьих лиц, не заявляющих самостоятельных требований относительно предмета спора, основано на возможном влиянии судебного решения на его права либо обязанности по отношению к одной из сторон. Это, можно сказать, косвенная заинтересованность в исходе дела. Согласно ст.43 ГПК РФ третьи лица, не заявляющие самостоятельных требований относительно предмета спора, могут вступить в дело на стороне истца или ответчика до принятия судом первой инстанции судебного постановления по делу, если оно может повлиять на их права или обязанности по отношению к одной из сторон.

Таким образом, можно говорить о том, что категория юридического интереса к исходу дела (его наличия либо отсутствия) зависит от итогов судебного разбирательства, а точнее, от содержания судебного решения по делу. Поэтому, с одной стороны, на определение юридической заинтересованности и раскрытие его содержания влияет степень и значимость влияния судебного решения на права и обязанности определенных субъектов. В случае, когда такое влияние обнаруживается, требуются действия по привлечению такого субъекта в качестве участника данного дела. В противном случае, судебное решение подлежит отмене вне зависимости от того, ссылались ли на такие обстоятельства жалобщик, либо нет.

⁷ Определение Санкт-Петербургского городского суда от 26.05.2011 №7850 // СПС Консультант Плюс: Судебная практика.

Список литературы

1. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 №138-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2002. – №46. – Ст. 4532.
2. Шкварок, А.В. Понятие юридического интереса в современном гражданском процессе [Текст] / А.В. Шкварок // Арбитражный и гражданский процесс. – 2010. – №6. – С.2-7.
3. Викут, М.А. Стороны – основные лица искового производства [Текст] / М.А. Викут. – Саратов, 1968.
4. Чечот, Д.М. Участники гражданского процесса [Текст] / Д.М. Чечот. – М.: Госюриздат, 1960.
5. Курылев, С.В. Объяснения сторон как доказательство в советском гражданском процессе [Текст] / С.В. Курылев. – М.: Госюриздат, 1956.
6. Гукасян, Р.Е. Избранные труды по гражданскому процессу [Текст] / Р.Е. Гукасян. – М.: Проспект, 2008.
7. Вильховик А. Юридический интерес как предпосылка доступности судебной защиты // СПС "КонсультантПлюс".
8. Определение Санкт-Петербургского городского суда от 26.05.2011 №7850 // СПС Консультант Плюс: Судебная практика.

DEFINITION AND TYPES OF LEGAL INTEREST IN THE OUTCOME OF THE CASE

V.S. SINENKO

*Belgorod National
Research University*

e-mail: sinenko@bsu.edu.ru

The article defines the notion of such a procedural category as legal interest in the outcome of the case. The author explains the need for the selection of individual species and its degree of importance.

Key words: civil procedural law, persons involved in the case, legal interest in the outcome of the case.

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ПРАВ НА СРЕДСТВА ИНДИВИДУАЛИЗАЦИИ

А.И. СОРОКИНА

*Белгородский государственный
национальный исследовательский
университет*

e-mail: FFemidAA@rambler.ru

В научной статье определяется правовая природа прав на средства индивидуализации, их место в системе гражданского права и законодательства. Проанализированы научные подходы к решению данных вопросов, а также рассмотрено российское и международное законодательство, регулирующее права на средства индивидуализации.

Ключевые слова: индивидуализация, средства индивидуализации, нематериальные объекты, неимущественные права.

Стремительное развитие рыночных отношений в РФ вызывает необходимость обратить пристальное внимание законодателя и ученых на регулирование данных отношений. Важную роль в этих отношениях играют такие субъекты хозяйственной деятельности как юридические лица. Для того, чтобы выделить юридическое лицо и результаты его деятельности из массы, необходимы права на средства индивидуализации.

В рамках научной статьи представляется возможным рассмотреть такие категории как «индивидуализация», «средства индивидуализации», изучить научные подходы по данному вопросу, проанализировать российское и международное законодательство, регулирующее сферу затрагиваемых нами правоотношений. Все это позволит определить правовую природу прав на средства индивидуализации.

Решение данной задачи необходимо для правильного понимания их сущности, и соответственно правильного закрепления в нормах права. Систематизированное и логичное российское законодательство – это то, к чему стремиться вся правовая община. Отметим, что вопросы правовой природы, нормативного регулирования прав на средства индивидуализации являются дискуссионными в литературе. До сих пор нет единого мнения о месте этих прав в системе гражданского права и законодательства, именно это необходимо для четкой законодательной и правоприменительной регламентации прав, индивидуализирующих юридическое лицо, его товары, работы и услуги, а также для избрания правильных способов защиты данных прав. Это определяет **актуальность** рассматриваемой проблематики.

Обладание индивидуальными чертами является необходимым и обязательным условием полноценного, реального участия конкретной организации в гражданском обороте. Только будучи надлежащим образом индивидуализированной, т.е. выделенной из массы остальных юридических лиц, организация объективно может вступать в общественные отношения. Соответственно само наименование правоотношений, возникающих в сфере индивидуализации юридических лиц, товаров, работ, услуг требует наличия определенности. Для этого необходимо дать понятия таким правовым категориям как «индивидуализация» и «средства индивидуализации». При этом следует исходить из того, что правовые категории, как правильно заметил А.М. Васильев, способствуют объединению правовых знаний, расчлененных в специальных юридических науках, позволяют рассматривать правовую форму общественной жизни с единой, общей позиции, теоретически воссоздать ее общую картину и тем самым содействовать целостности познавательной деятельности во всех отраслях юридической науки¹. Это позволит также решить вопросы о значении, рассматриваемых прав и их месте в системе гражданского права и законодательства.

В связи с этим приходим к выводу, что исследование содержания понятия «индивидуализация» имеет большое теоретическое и практическое значение, которое невоз-

¹ Васильев А.М. Правовые категории. Методические аспекты разработки системы категорий теории права. М., 1976. – С.96.

можно переоценить в сфере конкурентных отношений, поскольку индивидуализация участников торгового оборота, а также результатов их деятельности способствует формированию здоровой конкурентной среды.

Прежде чем рассмотреть категорию «индивидуализация» с юридической точки зрения, на наш взгляд необходимо привести философское понимание данного термина. Философский энциклопедический словарь дает следующее определение: «Индивидуализация (лат. *individuatio*) – есть выделение единичного и индивидуального из всеобщего»².

Гражданско-правовую индивидуализацию юридического лица, в литературе предлагают в первую очередь рассматривать как «операцию» по самовыделению, самоидентификации организации среди остальных участников гражданских правоотношений. В данном случае термин «операция» несет особую смысловую нагрузку, а, именно, подразумевает комплекс действий, ориентированных на решение определенной задачи³. Выполнение которой, на наш взгляд, будет обособлять конкретного субъекта или объекта гражданского права.

Профессор В.В. Орлова в своей работе дает следующее определение: «Индивидуализация – есть выделение субъекта или объекта из массы однородных путем выявления у субъекта или объекта либо придания субъекту или объекту определенных (индивидуальных) признаков⁴.» Полагаем, что использование слова «индивидуальных» недопустимо при дачи понятия категории «индивидуализация».

На основании изложенного, полагаем, что **индивидуализация** – это выделение субъекта (объекта) из всеобщей массы путем выявления у него определенных, присущих только ему признаков.

Теперь необходимо дать определение такой категории как «средства индивидуализации». У цивилистов по данному вопросу также возникает множество мнений.

В.А. Дмитриев, выводя свое определение средства индивидуализации, сопоставляет их вначале с индивидуальностью: «Соответствуя закрепленным в законе институциональным признакам юридического лица, каждая организация должна, тем не менее, обладать своеобразием, некоторой «индивидуальностью», которая выделяет и обособляет данное образование от иных субъектов гражданских правоотношений»⁵. Под индивидуальностью (от лат. *individuum* – неделимое), традиционно, понимают неповторимое своеобразие какого-либо явления, отдельного существа, человека⁶. Затем он указывает, что средства индивидуализации юридического лица и результаты его деятельности представляют собой нематериальные объекты, хотя они и воплощены в материальном носителе. Средства индивидуализации следует отличать от способа индивидуализации. Способ индивидуализации – это вид деятельности юридического лица по применению конкретного средства идентификации как определенного обозначения в экономической и иной деятельности, преследующее цель индивидуализации⁷.

О.А. Городов говорит о том, что в самом общем виде средство индивидуализации может быть представлено неким символом, который служит целям ориентирования в окружающей обстановке и принятия того или иного решения. Указанный символ – носитель образной информации о производителе конкретного товара или услуги либо о самих предлагаемых товарах или услугах. Средства индивидуализации по своей природе идеальны – как и любая абстрактная знаковая система. В то же время как символы замещае-

² Философский энциклопедический словарь. М.: Инфа-М, 2000. – С.176; Большой энциклопедический словарь. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Большая Российская энциклопедия, 2001. – С. 446 и др.

³ Гражданское право. Часть первая :Учебник /Н. Д. Егоров, И. В. Елисеев, А. А. Иванов и др. ; Отв. ред. А. П. Сергеев, Ю. К. Толстой. 2 -е изд., перераб. и доп. М., 1996. – С.115.

⁴ Орлова В.В. Теория и практика индивидуализации в сфере интеллектуальной собственности. Дисс...д.ю.н., М., 2005. – С. 22.

⁵ Дмитриев В. А. Гражданско-правовая индивидуализация юридических лиц и результатов их деятельности. Дисс.... к.ю.н., – Екатеринбург, 2003. С. 14.

⁶ Большая советская энциклопедия, Т.10. М., 1972. – С. 188.

⁷ Дмитриев В. А. Указ.соч., Екатеринбург, 2003. – С.33.

мых (индивидуализируемых) ими объектов они воплощаются в материальных носителях, доступных восприятию человека⁸.

По своей природе средства индивидуализации относятся к числу образных знаков, поскольку не являются частью того, что они обозначают⁹. Согласно классификации знаков, предложенной Ч. Пирсом, возможно отнесение средств индивидуализации к индексальным знакам, т.е. связанные с обозначаемым объектом по смежности – это означает, что не будучи похожими на обозначенный объект, они тем не менее вызывают определенные ассоциации с ним. Примерами индексального знака могут служить некоторые дорожные знаки¹⁰.

В.В. Орлова указывает на то, что в зависимости от способности к самоиндивидуализации различают индивидуально-способные (индивидуально-определенные, т.е. универсальные вещи и недвижимость) и индивидуально-неспособные, т.е. для выделения которых необходимы средства индивидуализации. В данном случае под средствами индивидуализации понимается обозначения необходимые для выделения из массы однородных вещей, являющихся индивидуально-неспособными¹¹.

Законодатель в настоящее время использует термин «средства индивидуализации» как собирательное и включает в него такие средства индивидуализации как фирменное наименование, товарный знак (знак обслуживания), наименование места происхождения товара, коммерческое обозначение. Однако, в доктрине данное понятие толкуют расширительно, включая также место нахождения, единый государственный регистрационный номер юридического лица, внешний облик, доменное имя и др.

Таким образом, на основании ранее предложенного определения «индивидуализация» полагаем, что **средства индивидуализации** – это нематериальные объекты, имеющие внешнюю форму выражения, необходимые для выделения субъекта (объекта) из всеобщей массы, путем выявления у него определенных, присущих только ему признаков.

Определившись с правовыми категориями «индивидуализация» и «средства индивидуализации», рассмотрим законодательное регулирование данных отношений и их место в системе гражданского права и законодательства, что позволит более полно раскрыть правовую сущность прав на средства индивидуализации.

Ранее права на средства индивидуализации юридического лица, товаров, работ и услуг, закреплялись в Гражданском Кодексе РФ¹², где давалось общее понятие интеллектуальной собственности (ст.138), специальных законах и подзаконных актах, таких как: Закон РФ от 23 сентября 1992 года № 3520-1 «О товарных знаках, знаках обслуживания и наименованиях мест происхождения товаров»¹³, ФЗ РФ от 19 сентября 1997 года № 125-ФЗ «О свободе совести и религиозных объединениях»¹⁴, положение о фирме, утвержденное Постановлением ЦИК и СНК СССР от 22 июня 1927 года¹⁵ и т. д.

С 1 января 2008, в связи с вступлением в законную силу части 4 Гражданского кодекса РФ¹⁶, многие специальные законы и общие нормы перестали действовать, согласно

⁸ Городов О.А. Права на средства индивидуализации: товарные знаки, знаки обслуживания, наименования мест происхождения товаров, фирменные наименования, коммерческие обозначения // СПС Консультант плюс. Комментарий законодательства.

⁹ Агеев В.Н. Семиотика. М., 2002. – С. 55 – 56.

¹⁰ Пирс Ч. С. Начала прагматизма / Пер. с англ. В.В. Кирющенко, М.В. Колопотина. СПб., 2000. – С. 219 – 225.

¹¹ Орлова В.В. Указ. соч. – С.33-34.

¹² Гражданский кодекс РФ от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ. Часть первая // Российская газета. 08.12.1994. № 238-239.

¹³ Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации, 1992. № 42. – Ст. 2322.

¹⁴ Федеральный закон РФ от 19.09.1997 г. «О свободе совести и религиозных объединениях» // Собрание законодательства РФ. 1997. № 30. – Ст. 4465.

¹⁵ Положение о фирме от 22.06.1927 г. // Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства СССР. 1927. № 40. – Ст. 395

¹⁶ Гражданский кодекс РФ от 18.12.2006 г. № 230-ФЗ. Часть четвертая // Российская газета. 22.12.2006. № 289.

ФЗ РФ от 18.12.2006 г. №231-ФЗ «О введении в действие части четвертой ГК РФ».¹⁷ По этому поводу ряд ученых утверждают, что при принятии данного закона число источников права в сфере интеллектуальной собственности сократится, но количество противоречий при этом увеличится.¹⁸ Данная позиция является спорной, так как стоит отметить, что многие нормы систематизированы и отражают реалии рыночных отношений.

Исследуемые права закреплены в главе 76 Гражданского кодекса РФ, также в ст.1225 Гражданского кодекса РФ «Охраняемые результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации» на них дается прямое указание. Если детально проанализировать позицию законодателя, то можно увидеть, что он учел традиционное мнение юристов, согласно которому правовые нормы, закрепляющие правовой режим средств индивидуализации юридических лиц и результатов их деятельности, составляют самостоятельный институт, входящий в подотрасль «право интеллектуальной собственности»¹⁹. Это также следует из п. (viii) ст. 2 Конвенции, учреждающей Всемирную организацию интеллектуальной собственности. Данный подход критикуется в научной литературе.

Во-первых, средства индивидуализации, за редким исключением, не являются результатами творческой, интеллектуальной деятельности. Признак творчества не является необходимым критерием их охраны, также как и абсолютная новизна.

Во-вторых, средства индивидуализации имеют служебное назначение применительно к юридическому лицу, обслуживая, таким образом, его интересы²⁰.

Обосновывая позицию законодателя профессор А.П. Сергеев указывает «поскольку правообладателям указанных объектов закон гарантирует исключительное право на их использование, правовой режим указанных объектов приравнен по ряду моментов к режиму результатов интеллектуальной деятельности и они также включаются в понятие интеллектуальная собственность»²¹. Соотношение исключительных прав и интеллектуальной собственности является одной из обсуждаемых тем цивилистики. По мнению В.А. Дозорцева, ценность объекта исключительных прав обусловлена тем, что он имеет эстетическое или информационное содержание²².

Привлекает внимание мнение Т.Г. Ключун, которая выделяет две группы объектов:

1) результаты интеллектуальной деятельности, включающие в себя те объекты, которые создаются творческим интеллектуальным трудом человека, которые составляют основу всей системы объектов интеллектуальных прав и породившие в свое время особый режим интеллектуальной собственности в отличие от вещной (объекты авторских, смежных, патентных прав, секреты производства и т.п.).

2) нематериальные объекты, приравненные к результатам интеллектуальной деятельности, которые создаются в результате деятельности человека в отличие от нематериальных благ, но эта деятельность не носит интеллектуального, творческого характера (права на средства индивидуализации юридического лица, товаров, работ, услуг и предприятий)²³.

В цивилистической литературе имеются иные точки зрения, по поводу места прав на средства индивидуализации юридического лица в системе гражданского права.

О.А. Городов полагает, что отношения, которые возникают при индивидуализации, как самого юридического лица, так и результатов его деятельности имеют весьма

¹⁷ Федеральный закон от 18.12.2006 г. №231-ФЗ «О введении в действие части четвертой Гражданского кодекса РФ» // Собрание законодательства РФ. 25.12.2006. № 52. – Ст.5497.

¹⁸ Лопатин В.Н. Проект четвертой части ГК РФ и национальные интересы России // Информационное право. 2006. № 2. – С.7.

¹⁹ Сергеев А.П. Право интеллектуальной собственности в Российской Федерации. Учебник. Изд. 2-е, перераб. и доп. М., 2000. – С.20, 27-29; Дозорцев В.А. Исключительные права и их развитие. М., 1994. – С. 42-43.

²⁰ Дмитриев В. А. Гражданско-правовая индивидуализация юридических лиц и результатов их деятельности. Дисс...к.ю.н., Екатеринбург, 2003. – С. 25.

²¹ Гражданское право : учеб. : в 3 т. Т. 1. / Е.Н. Абрамова, Н.Н. Аверченко, Ю.В. Байгушева [и др.]; под ред. А.П. Сергеева. М.: ТК Велби, 2009. – С. 387.

²² Дозорцев В.А. Интеллектуальные права. Понятие. Система. Задачи кодификации. М.: Статут, 2003. – С. 38 – 39.

²³ Ключун Т.Г. Исключительное право на коммерческое обозначение в РФ. Дисс...к.ю.н. М., 2007. С.8.

сложную и неоднородную конфигурацию, которая проявляется в том, что средства индивидуализации одновременно являются объектами как гражданских прав, так и интеллектуальной и промышленной собственности.

В своих трудах он указывает на существования субинститута гражданского права, именуемый правом на средства индивидуализации, который входит в состав института права промышленной собственности, являющейся элементом подотрасли гражданского права, именуемой правом интеллектуальной собственности. Данный субинститут характеризует как качественно своеобразную и внутренне упорядоченную совокупность норм, регулирующих отношения, связанные с признанием, использованием и защитой приравненных к результатам интеллектуальной деятельности обозначений, индивидуализирующих юридических лиц, производимую участниками гражданского оборота продукцию, выполняемые работы или оказываемые услуги²⁴.

Однако автор, допуская такой вариант, указывает, что средства индивидуализации являются объектами отношений, участниками которых выступают, как правило, предприниматели, действующие в промышленности и торговле. Но, понятие «как правило» достаточно относительное, не стоит сужать только промышленностью и торговлей сферу применения анализируемых прав.

На наш взгляд, достоин внимания еще один подход к данным правоотношениям. В.А. Дмитриев указывает на возможность существования «субинститута в рамках гражданско-правового института юридического лица, так как гражданско-правовая индивидуализация охватывает отдельную область общественных отношений, возникающих при вступлении каждого юридического лица в гражданский оборот. И в этом значении гражданско-правовая индивидуализация юридического лица и результатов его деятельности представляет собой совокупность правовых норм, регулирующих отношения, возникающие между физическими, юридическими лицами и государством по поводу приобретения, распоряжения и охраны средств индивидуализации юридического лица и актов его деятельности»²⁵.

Автор также подчеркивает, что «основной функцией указанного субинститута является обеспечение должной индивидуализации юридических лиц и их товаров, работ и услуг».

Как видно, подход цивилистов к решению данного вопроса неоднозначен, но, следует отметить, что в структуре рассматриваемого субинститута (института) просматриваются две составляющие его части:

- 1) правовые нормы, регулирующие вопросы гражданско-правовой индивидуализации самого юридического лица как особого субъекта гражданских правоотношений;
- 2) правовые нормы, регулирующие вопросы гражданско-правовой индивидуализации результатов деятельности юридического лица (товаров, работ и услуг)²⁶.

К первой группе прав относят: право на фирменное наименование, право на коммерческое обозначение юридического лица.

Ко второй: право на товарный знак и знак обслуживания, а также право на наименование места происхождения товара.

Данная классификация представляется более приемлемой для отражения в нормах права. Это бы способствовало более полному и конкретному отражению сущности индивидуализации юридических лиц и упростило применение данных норм на практике, например, при рассмотрении споров в отношении фирменных наименований и товарных знаков.

В этой связи в настоящее время было бы более логичным изменить последовательность параграфов в главе 76 части 4 ГК «Права на средства индивидуализации юридических лиц, товаров, работ и услуг и предприятий», и изложить в следующем порядке:

²⁴ Городов О.А. Права на средства индивидуализации: товарные знаки, знаки обслуживания, наименования мест происхождения товаров, фирменные наименования, коммерческие обозначения // СПС Консультант плюс. Комментарий к законодательству.

²⁵ Дмитриев В. А. Гражданско-правовая индивидуализация юридических лиц и результатов их деятельности. Дисс. ...к.ю.н., Екатеринбург, 2003. – С. 26-27.

²⁶ Дмитриев В. А. Указ.соч. С. 27; Городов О.А. Указ. соч. – С.35.

право на фирменное наименование, право на коммерческое обозначенное, право на товарный знак (знак обслуживания), право на наименование мест происхождения товаров, возможно также разделить ее на 2 части:

- Права на средства индивидуализации юридического лица и предприятий – право на фирменное наименование, право на коммерческое обозначенное;
- Права на средства индивидуализации результатов деятельности юридического лица (товаров, работ и услуг) – право на товарный знак (знак обслуживания), право на наименование мест происхождения товаров.

Это бы способствовало более четкому разграничению прав на средства индивидуализации юридических лиц и результатов их деятельности. Следовательно, позволит защитить юридическое лицо от недобросовестных конкурентов, а потребителей уберечь от приобретения не качественных товаров на рынке.

В заключении отметим, что цивилистическая наука не уделяет должного внимания рассмотрению понятия и значения индивидуализации в частном праве, поэтому полагаем, что такие категории как «индивидуализация» и «средства индивидуализации» необходимы для понимания правовой природы данного явления. Также представляется возможным в главе 76 части 4 ГК «Права на средства индивидуализации юридических лиц, товаров, работ и услуг и предприятий» изменить порядок регулирования данных прав, это необходимо для упорядочивания правоотношений в сфере прав на средства индивидуализации.

Список литературы

1. Положение о фирме от 22.06.1927 г. // Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства СССР. 1927. № 40. Ст. 395
2. Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации, 1992. № 42. Ст. 2322.
3. Гражданский кодекс РФ от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ. Часть первая // Российская газета. – 08.12.1994. – № 238-239.
4. Гражданский кодекс РФ от 18.12.2006 г. № 230-ФЗ. Часть четвертая // Российская газета. 22.12.2006. № 289.
5. Федеральный закон РФ от 19.09.1997 г. «О свободе совести и религиозных объединениях» // Собрание законодательства РФ. 1997. № 30. Ст. 4465.
6. Федеральный закон от 18.12.2006 г. №231-ФЗ «О введении в действие части четвертой Гражданского кодекса РФ» // Собрание законодательства РФ. 25.12.2006. № 52. Ст.5497.
7. Агеев В.Н. Семиотика. М., 2002. Агеев В.Н. Семиотика. – М.: Статут, 2002. – 352 с.
8. Большая советская энциклопедия: В 30 т.. Т.10. Гоголь-дебит; Гл. ред. А.М. Прохоров. – 3-е изд. – М.: Советская энциклопедия, 1972. – 608 с.
9. Большой энциклопедический словарь; Гл. ред. А.М. Прохоров. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Большая Российская энциклопедия, 2001. – 1458 с.
10. Васильев А.М. Правовые категории. Методические аспекты разработки системы категорий теории права. – М.: Наука, 1976. – 382 с.
11. Городов О.А. Права на средства индивидуализации: товарные знаки, знаки обслуживания, наименования мест происхождения товаров, фирменные наименования, коммерческие обозначения – М., 2006. // СПС Консультант плюс. Комментарий к законодательству.
12. Гражданское право. Учеб.: в 3 т. Т. 1. / Е.Н. Абрамова, Н.Н. Аверченко, Ю.В. Байгушева [и др.]; под ред. А.П. Сергеева. – М.: ТК Велби, 2009. – 1008 с.
13. Гражданское право. Часть первая :Учебник /Н. Д. Егоров, И. В. Елисеев, А. А . Иванов и др.; Отв. ред. А. П. Сергеев, Ю. К. Толстой. -2 -е изд., перераб. и доп. М. : Проспект, 1996. – 600 с.
14. Дмитриев В. А. Гражданско-правовая индивидуализация юридических лиц и результатов их деятельности. Дисс.... к.ю.н. – Екатеринбург, 2003. – 210 с.
15. Дозорцев В.А. Интеллектуальные права. Понятие. Система. Задачи кодификации. – М.: Статут, 2003. – 416 с.
16. Ключун Т.Г. Исключительное право на коммерческое обозначение в РФ. Дисс...к.ю.н., – М., 2007.– 154 с.
17. Лопатин В.Н. Проект четвертой части ГК РФ и национальные интересы России // Информационное право. – 2006. – № 2. – С. 7.
18. Орлова В.В. Теория и практика индивидуализации в сфере интеллектуальной собственности. Дисс...д.ю.н. – М., 2005. – 302 с.
19. Пирс Ч.С. Начала прагматизма. Т.1 / Пирс Ч.С.; Пер. с англ. В.В. Кирющенко, М.В. Колопотина. – СПб.: Алетейя, 2000. – 319 с.

20. Сергеев А.П. Право интеллектуальной собственности в Российской Федерации. Учебник для студентов и преподавателей юридических вузов, юристов-практиков, авторов, изобретателей, творческих работников, работников патентных служб, издательств и иных организаций, использующих объекты интеллектуальной собственности / Сергеев А.П.. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Проспект, 2000. – 751 с.

21. Философский энциклопедический словарь. – М.: Инфа-М, 2000. – 811 с.

THE LEGAL NATURE OF THE RIGHTS TO INDIVIDUALIZATION'S MEANS

A.I. SOROKINA

*Belgorod National
Research University*

e-mail: FFemidAA@rambler.ru

The article analyzes the legal nature of the rights to individualization's means and their site in the system of civil law and legislation. Author examined the views and opinions of scientists. It also considers Russian and international legislation regulating the rights to individualization's means.

Key words: subject of the Federation, an autonomous district, administrative and territorial unit with special legal status, the municipal territory.

УДК 343.359.2

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА В РОССИИ: МИФОЛОГИЯ СВОБОДЫ В НЕСВОБОДНОМ ОБЩЕСТВЕ¹

Е.Е. ТОНКОВ
Р.В. ДОНЕЦ

*Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет*

e-mail: etonkov@bsu.edu.ru

В статье рассматриваются направления совершенствования правозащитной деятельности в России, успешное развитие которых создает предпосылки для формирования новых социальных отношений, преодоления кризиса и стабилизации экономического положения и одновременно инициирует видоизменение традиционного механизма правового регулирования.

Ключевые слова: государство; свобода; деятельность; кризис; механизм правового регулирования.

Миф – это словесное выражение той психической реальности, которую человек созерцает в измененных состояниях сознания и которая для него ничуть не менее реальна, чем окружающая его в обычных условиях физическая реальность.

А.Ф. Косарев²

Период наибольшего развития мифологического сознания отмечался в глубокой древности, однако феномен мистификации остается вполне востребованными и во многих современных государствах. Не избежала этого искушения и наша страна, которая, к сожалению, не является колыбелью теории правового государства. Его идеи, возникнув во времена античности, научное оформление получили в известных работах Ж.Ж. Руссо, теории общественного договора, трудах немецких философов и правоведов. В России же до сих пор отсутствуют фундаментальные исследования, посвященные правовому государству и правозащитной деятельности, хотя в Конституции РФ закрепляется характеристика правового государства и его элементов.

Не случайно даже Председатель Конституционного Суда страны, размышляя о влиянии социально-государственного кризиса на правовую систему, озадачился вопросом, куда сегодня движется Россия – к праву или хаосу?³

На наш взгляд, путь к правовому государству основывается не на вере в мифически быстрое превращение страны из тоталитарной в демократическую, а на конструктивном взаимодействии всех органов, осуществляющих уголовно-правовую и социальную политику государства, средств массовой информации, религиозных и общественных организаций, нормативном, юридическом, управленческом, финансовом ее обеспечении.

Противоречия между активизацией правозащитного потенциала общества и отсутствием реальных действий органов законодательной и исполнительной властей в данном направлении составляют чрезвычайно «узкое место» проблемы эффективности правозащитной деятельности на современном этапе. Нельзя не заметить, как в отдельных регионах и различных социальных слоях российского общества происходит консолидация критической массы недовольства политической и экономической ситуацией в стране, что отчетливо продемонстрировали события на Болотной площади и проспекте имени академика Сахарова в Москве, а также последующие проявления митинговой демократии.

Поэтому представляется актуальным не только сформировать нормативно-правовую базу, но и обеспечить правовое регулирование межведомственных отношений,

¹ Настоящее исследование выполнено при поддержке ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009-2013 годы (государственный контракт № 16.740.11.0106 от 02.09.2010 г.).

² Косарев А.Ф. Философия мифа. – М., 2000. – С. 131.

³ Зорькин В. Россия: движение к праву или хаосу? / Российская газета. – 2012. – 26 января.

возникающих в процессе правозащитной деятельности. Разрозненность этих усилий не позволяет в единстве и целенаправленно реализовывать задачи правозащитной деятельности, направлять в общее русло усилия и возможности многочисленных государственных и общественных организаций.

Важной задачей является достижение консенсуса с активной частью населения, которую принято называть общественностью, по вопросу о том, что победить произвол возможно, однако причины его эскалации лежат в социальных проблемах, поэтому государство должно выступать в качестве координатора их решения.

Процесс непосредственно ориентированной координации должен охватывать действия государственных органов, муниципальных служб, СМИ, общественности, отдельных граждан, представителей деловых кругов с соблюдением следующих обстоятельств:

- граждане являются клиентами для государства и именно они определяют уровень потребностей и ожиданий от качества работы государственного аппарата;
- государство и население являются партнерами, которые в равной степени несут ответственность за состояние общественного правопорядка;
- профилактика правонарушений, недопущение криминальных проявлений должны находиться в основе работы государственного аппарата;
- эффективность деятельности государственного аппарата оценивается прежде всего населением (клиентом).

В США, например, выработана концепция, получившая название «эпоха решения гражданских проблем». В основу этой концепции положена следующая формула — *власть государственному аппарату дается по закону, от населения и для населения*. Деятельность государственного аппарата строится на демократизме, в соответствии с потребностями общества и на основе партнерских отношений с ним. При этом граждане должны взять на себя часть ответственности за ситуацию в стране. Подобные взгляды на деятельность государственного аппарата распространены и во многих западных странах.

К сожалению, в нашей стране законность и правопорядок воспринимаются значительной частью населения не как выгодные и единственно возможные условия цивилизованного общественного устройства, а как навязанные государством обстоятельства, которые якобы ограничивают свободу граждан и которые надо преодолевать или уклоняться от них.

Как отмечает М.Б. Смоленский, в России «абсолютный и надличностный характер воплощенного в образе государства добра парадоксальным образом благодаря синкретическому типу ментальности уживается на уровне социальной практики с глубокой отчужденностью от государства в лице его структур, в частности правоохранительных»⁴. Поэтому в общественном сознании образ государства присутствует в двух измерениях — фактическом, где отсутствуют законность и справедливость, и зазеркальном, в котором витают идеи добра и общечеловеческих ценностей.

Деятельность государства предполагает наличие специально созданной им правоохранительной системы, в определенной мере ограничивающей поведение граждан. При этом «правомерное ограничение прав человека государством имеет цель поставить преграды на пути произвольному обращению с правами других субъектов»⁵.

Ограничения свободы поведения и выбора форм деятельности существовали на протяжении всей истории человечества. Как подчеркивает Д. Шумпетер, ни одно современное общество не обеспечивает абсолютной свободы и ни одно государство не сводит ее к нулю⁶.

По мнению А. Камю, свобода есть только в том мире, где четко определены как возможное, так и невозможное⁷.

⁴ Смоленский М.Б. Правовая культура и идея государственности // Государство и право. – 2009. – № 4. – С. 15.

⁵ Гасанов К.К., Стремоухов А.В. Абсолютные права человека и ограничения прав // Правоведение. – 2004. – № 1. – С. 170.

⁶ Schumpeter J. Capitalism, Socialism and Democracy. London: Georg Allen, 1976. – P. 271.

⁷ См.: Камю А. Бунтующий человек: пер. с франц. – М., 1990. – С. 472.

На самом деле, проблема состоит не в наличии имеющихся правовых ограничений или дополнительном их установлении, а в отношении к ним общества. Допустимость и принципиальная необходимость правовых ограничений в рассматриваемой области правового регулирования не противоречит принципам правового государства, но и во многом предопределяется ими. Действие правовых ограничений свободы личности призвано обеспечить непрерывную взаимосвязь общественных и индивидуальных интересов, что позволяет государству организовать функционирование всех элементов политической системы в заданных социальных параметрах.

Как подчеркивает О.А. Степанов, «уровень общественного согласия определяется результатами коллективных действий людей, а уровень правового регулирования зависит от возможности обеспечения компромисса различных интересов в рамках реализации этих действий»⁸

Д.Н. Бахрах и Л.А. Гущина справедливо отмечают, что «оценивая ограничивающий характер правового регулирования и пытаясь найти оптимальную форму взаимоотношений между государством и личностью, сегодня мы формируем качественно новый характер правового регулирования общественных отношений, основанного на правовом стимулировании позитивными правовыми средствами социально полезного поведения»⁹.

При этом стимулирующая роль позитивных правовых средств заключается в формировании мотивационных механизмов правомерного поведения граждан, развитии побудительных мотивов, соответствующих наиболее ценным психическим качествам личности. Правопорядок в обществе является не только показателем последовательной государственной политики и стабильности социального пространства, но и выражает уровень лояльности граждан по отношению к государству.

Граждане страны обязаны выполнять свой долг перед обществом и защищать интересы государства. Вольно или невольно им приходится мириться с установленными государством правовыми ограничениями, так как закон, мораль, общечеловеческие ценности имеют приоритет и должны господствовать в демократическом обществе. Реализация права на свободу налагает особые обязанности по отношению к государству и обществу и именно поэтому может быть ограничена в тех пределах, в которых этого требуют интересы обеспечения защиты общественной нравственности, здоровья, прав других граждан.

В результате политико-правовой модернизации именно частное право должно занять центральное место в российской правовой системе, поэтому предпочтительно акцентировать внимание на переносе диспозитивных правоотношений, традиционно присущих частноправовым отраслям права, в публично-правовую сферу, когда субъект, наделенный властными полномочиями, является государственным органом и наделен правом издания односторонне-властных предписаний, адресованных другому участнику.

Как отмечает В.Ф. Яковлев, «нам следует перестроить нашу правовую систему так, чтобы в ней на основе Конституции утвердился бы приоритет частного права, чтобы не гражданин существовал для государства, а государство – для гражданина»¹⁰.

Государство предоставляет участникам диспозитивно-личностных отношений выбирать для себя наиболее приемлемый вариант поведения, ограничивая этот выбор только требованиями соблюдения законности. Ограничение прав осуществляется путем прямых запретов использования некоторых из них, а также посредством исключения какого-либо правомочия из содержания конкретного права или же установлением специального порядка реализации такого права. Институт ограничения прав включает нормы конституционного, административного, гражданского и других отраслей права, регулируя отношения власти и подчинения в обществе.

⁸ Степанов О.А. Правовое регулирование в условиях экономического кризиса // Государство и право. – 2011. – № 10. – С. 7.

⁹ Бахрах Д.Н., Гущина Л.А. Стимулирование правового поведения личности: проблемы теории и практики // Государственная власть и местное самоуправление. – 2004. – № 1. – С. 24.

¹⁰ Яковлев В.Ф. Выступление на III сессии Европейско-Азиатского правового конгресса // Российский юридический журнал. – 2009. – № 4. – С. 14.

Важнейшей характеристикой правозащитной деятельности служит ее легитимность, результатом которой является способность и готовность граждан следовать определенным правилам, соблюдать правовые ограничения и закрепленные обязательства.

По справедливому замечанию Н.В. Исакова, следствием «признания политического и правового порядка легитимным становится добровольное подчинение граждан законам и установлениям власти»¹¹.

Содержание феномена свободы личности нельзя раскрыть на основе только объективного материального бытия, так как действительный смысл свободы обнаруживается в диалектике объективного и субъективного. Объективное содержание свободы обуславливается как отношением управляющего субъекта к объекту, так и всей совокупностью управленческих взаимодействий. Субъективный момент в содержании свободы характеризуется тем, что отражение является в данном случае свойством объекта, выступающего одновременно в качестве субъекта самопознания и саморазвития. Именно субъективный момент, включая в себя познанную необходимость, становится предпосылкой правозащитной деятельности населения.

Российская правовая доктрина вот уже в течение многих лет отдает приоритет целям и интересам государства, а уже опосредованно речь идет о целях, ориентациях, потребностях индивидов, составляющих социум. По отношению к личности интересы государства выступают в качестве определенной системы требований, направляющих, ограничивающих и регулирующих ее социальное поведение. Не случайно Ю.А. Тихомиров называет одним из признаков публичного права положение, в соответствии с которым государственные органы – субъекты публично-правовых отношений¹².

В процессе реализации большинства юридических форм осуществления государственной власти движущими силами являются главным образом не личные интересы, а потребности государства, в той или иной мере предлагаемые индивидам для усвоения. Априори предполагается, что деятельность государства носит публично-правовой, а не частноправовой характер, поэтому, например, правоохранительные интересы граждан охраняются, соответственно, в основном, не гражданским законодательством.

Общее родовое понятие публичного интереса корреспондируется здесь с такими видовыми нормативными понятиями, как интересы общества и государства, национальной безопасности и т.д. Устанавливая границы юридически возможной деятельности, ограничивая человеческую независимость, само право представляет собой ограничение.

Конструкция нашего подхода к пониманию правозащитной деятельности определяется тем, что возникающие правоотношения представляют собой единство объективного и субъективного, публичного и частного интересов, являясь как результатом осознанных действий участников, так и следствием объективного развития ситуации.

Известно, что в системе права выделяются две правовые семьи – публичного и частного права. Как отмечает В.Ф. Яковлев, сферы действия обеих важно различать: частное и публичное право надо использовать уместно, там, где они должны обязательно «присутствовать», и нельзя их применять в той сфере, которая не является их предметом¹³.

Поэтому особую актуальность данный подход приобретает в период развития в России гражданского общества, рассматриваемого как система внесударственных общественных отношений, институтов, которая формируется на основе реализации принципов индивидуальной свободы, правового равенства граждан, их самодеятельности и самоорганизации, достигает наиболее полного развития в демократических правовых государствах.

Права и свободы человека составляют условия его нормальной жизнедеятельности, своеобразный каталог социальных, юридических и политических благ и возможностей,

¹¹ Исаков Н.В. Теоретико-методологические основы правовой политики // Правовая политика и правовая жизнь. – 2003. – № 1. – С. 21.

¹² Тихомиров Ю.А. Публично-правовое регулирование: динамика сфер и методов // Журнал российского права. – 2001. – № 5. – С. 3.

¹³ См.: Яковлев В.Ф. О взаимодействии публичного и частного права // Публичное и частное право: проблемы развития и взаимодействия, законодательного выражения и юридической техники. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. – Екатеринбург, 1999. – С. 3.

которыми он может свободно пользоваться. Ограничение прав осуществляется путем прямых запретов использования некоторых из них, а также посредством исключения какого-либо правомочия из содержания конкретного права или же установлением специального порядка реализации такого права. Институт ограничения прав включает нормы конституционного, административного, гражданского и других отраслей права, регулируя отношения власти и подчинения в обществе.

В юридической науке выделяют материальную диспозитивность и формальную диспозитивность. Материальная диспозитивность представляет собой юридическую свободу выбора варианта поведения, которая содержится в нормах материального права, то есть означает свободу распоряжаться материальными правами. Формальная диспозитивность предполагает возможность по своему усмотрению использовать средства защиты материальных прав, закрепленную в нормах процессуального права.

Государство и общество рассматриваются нами как равноправные партнеры и, следовательно, как участники диспозитивных правоотношений. Фактически каждая отрасль права использует оба метода (императивный и диспозитивный), то есть всегда, как замечает С.П. Маврин, «имеет место их сочетание, которое, правда, характеризует преобладание императивных или диспозитивных начал, обусловленных природой регулируемых отношений»¹⁴.

Содержание феномена свободы личности нельзя раскрыть на основе только объективного материального бытия, так как действительный смысл свободы обнаруживается в диалектике объективного и субъективного. Объективное содержание свободы обуславливается как отношением управляющего субъекта к объекту, так и всей совокупностью управленческих взаимодействий. Субъективный момент в содержании свободы характеризуется тем, что отражение является в данном случае свойством объекта, выступающего одновременно в качестве субъекта самопознания и саморазвития. Именно субъективный момент, включая в себя познанную необходимость, становится предпосылкой социально-правовой активности.

Как отмечалось еще в ст. 4 французской Декларации прав человека и гражданина 1789 года, «свобода состоит в возможности делать все, что не вредит другому: таким образом, осуществление естественных прав каждого человека ограничено лишь теми границами, которые обеспечивают другим членам общества пользование этими же правами»¹⁵.

Правозащитная деятельность предназначена для эффективной реализации прав и свобод человека и именно в этом заключается её смысл и цель в гражданском обществе. Права человека и его интересы приоритетны по отношению ко всем иным правам, свободам и интересам, если они не ограничивают, а тем более, если не нарушают законные права, свободы и интересы других. Правозащитная деятельность, таким образом, направлена, в первую очередь, на защиту человека и восстановление его нарушенных прав.

Настроение общества, как и любое другое социальное настроение, не отличается стабильностью, однако это не лишает его внутренней готовности к сопротивлению обстоятельствам. У населения появилось явно выраженное чувство стремления к покою, безопасности, что выражается в обращении к силе, которая сможет защитить граждан от произвола, правового беспредела¹⁶.

Характер взаимоотношений между государственными органами и населением представляет собой один из значимых индикаторов социально-политической ситуации в стране. Незаконные действия сотрудников органов государственной власти в отношении прав и свобод личности или даже пренебрежительное отношение воспринимаются гражданами очень остро и болезненно.

Проблемой выступает и то, что подчас государство не только неэффективно выполняет свои функции, но и само нарушает права граждан. Факты беззакония в деятельности

¹⁴ Маврин С.П. О роли метода правового регулирования в структурировании и развитии позитивного права // Правоведение. – 2003. – № 1. – С. 208.

¹⁵ Современные зарубежные конституции. – М., 1992. – С.98.

¹⁶ См.: Ермаков В.Г., Зубова О.В. Ограничение конституционных прав граждан при государственно-правовом регулировании борьбы с терроризмом: Монография. – Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2004. – С. 67.

властных структур опасны не только тем, что причиняют непосредственный вред конкретному лицу, но и порождают правовой нигилизм общества.

К сожалению, такая ситуация имеет в России глубокие исторические корни. Еще А.И. Герцен, подчеркивая правовую необеспеченность русского народа и полное отсутствие равенства перед судом, писал: «Русский, какого бы звания он ни был, обходит или нарушает закон всюду, где это можно сделать безнаказанно; и совершенно так же поступает правительство»¹⁷.

Аналогичной точки зрения придерживался и М.Е. Салтыков-Щедрин, который вложил в уста одного из либералов того времени незабвенные строки: «Чего-то хотелось: не то конституции, не то севрюжины с хреном, не то кого-нибудь ободрать. Ободрать бы сначала, мелькнуло у меня в голове, ободрать да и в сторону...» («Культурные люди», 1876). Он также напоминал и о том, что *строгость российских законов смягчается необязательностью их исполнения*.

В какой-то момент люди утратили уверенность в своей защищенности государством. Рассогласование взаимодействия граждан и государства, являющееся итогом ориентированной на параметры государственной самооценки внутренней политики, находит свое выражение не только в росте преступности, но и в поведении законопослушных граждан, в их реакции на поведение чиновников, в оценках способности государства обеспечить общественную безопасность. Это ставит перед государством задачу разработки системы мер по взаимодействию с населением, начиная от индивидуальной работы с обратившимся за помощью и заканчивая влиянием на общественное правосознание.

Поэтому вполне актуальными представляются не только интенсификация работы властных структур, но также поиск и использование новых форм и методов решения проблем взаимодействия государства с населением, научная разработка путей дальнейшего совершенствования стратегии правозащитной деятельности именно на этой основе.

С целью сдерживания криминализации страны специалисты и ученые пытаются выявить ее причины. Некоторые из них в качестве основных причин роста преступности видят ухудшение экономических условий, другие – рост детской безнадзорности и беспризорности, третьи – культ насилия, господствующий в работе средств массовой информации, четвертые – недостатки действующего законодательства, пятые – нестабильность общественного устройства и т.д.

Безусловно, данные причины оказывают влияние на состояние правосознания, но крайне затруднительно с достаточной долей уверенности только этим объяснить распространение преступности, особенно среди молодежи. Можно предположить существование определенных социальных закономерностей, обусловленных переходом российского общества в качественно новое состояние и способствующих росту преступности. Сыграла свою роль и естественная либерализация юридических барьеров на постсоветском пространстве при отсутствии эффективного правоприменения.

Кроме того, криминализация России своеобразной «платой за свободу», следствием глобального «социального аутсайдерства», когда многие люди оказываются вне существующего общества, выталкиваются из него. Это происходит в результате дефектности социализации, которая приобрела стихийный, неуправляемый характер. Российское общество утрачивает систему социального контроля над процессом становления подрастающего поколения, а многие традиционные институты социализации снижают свое значение.

В результате процесс социализации носит все более негативный характер, граждане испытывают в настоящее время в большей степени духовный прессинг криминального мира и его ценностей, а не позитивное влияние институтов гражданского общества. Несмотря на это, среди ученых-правоведов так и не сформировалось четкое понимание роли государства в процессе демократизации общества.

Так, сторонники либертарно-юридической теории утверждают, что «привнесение в понимание свободы какого-либо реального (материального) содержания (в плане требования обеспечения фактической доступности избранных вариантов поведения) превращает такую свободу в некий ресурс, отчужденный от самого человека»¹⁸.

¹⁷ Герцен А.И. Собр. соч. – М., 1998. – Т. 7. – С. 251.

¹⁸ Варламова Н.В. Типология правопонимания и современные тенденции развития теории права. – М., 2010. – С. 54.

Другой особенностью современной ситуации в России является значительный рост проявлений криминальной агрессии как выражение экстремальности политической и экономической ситуации в стране. Анализ насильственной преступности свидетельствует о таких негативных тенденциях, как рост жестокости, широкое использование огнестрельного оружия, распространение заказных убийств, учащение случаев захвата заложников и, наконец, проявление агрессии как самоцели. Законопослушное население страны не ощущает своей безопасности, не чувствует себя защищенным от преступных посягательств, что отражается на общем климате доверия по отношению к государству.

Вместе с тем, до сих пор ни одно общество не достигло идеала верховенства права. Для этого не просто необходимо, чтобы в распоряжении общества имелись совершенные законы, но и чтобы государственные органы последовательно руководствовались ими в своей работе.

На рост преступности в России, как и на всем постсоветском пространстве, оказывает влияние не только слабость правоохранительной системы, но и ее традиционная ориентированность на приоритет защиты интересов государства и общественной собственности, а не прав и свобод личности.

Д.А. Медведев называет суд самой авторитетной властью, аргументируя свою позицию тем, что «в суде формируется и отношение людей к государству, оценивается способность государства защищать интересы, применять силу закона и восстанавливать справедливость»¹⁹.

При этом он подчеркивает *правозащитные качества* судебной системы: «обеспечение прав и свобод граждан при помощи правосудия, гарантированность судебной защиты для каждого, презумпция невиновности обвиняемого, охрана прав потерпевшего от преступлений, злоупотреблений властью и ряд других принципов, которые непосредственно вытекают из Конституции»²⁰.

Концептуальный пересмотр содержательного аспекта правозащитной деятельности, создание новой модели взаимодействия человека и власти обуславливают реорганизацию не только механизма реализации публичных прав и свобод, но и выбор качественно иной системы защиты и восстановления нарушенных интересов.

Конституция нашей страны позиционирует Российскую Федерацию не только как правовое (ст. 1), но и как социальное государство (ст. 7), политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека. Кандидат в Президенты России В.В. Путин (а этот материал готовится к печати за месяц до дня президентских выборов) в своих программных статьях также убеждает нас в приверженности демократическим идеалам. Остается надеяться, что он не отступит от них после инаугурации. Ведь нас так часто обманывали.

Список литературы

1. Бахрах Д.Н., Гущина Л.А. Стимулирование правового поведения личности: проблемы теории и практики // Государственная власть и местное самоуправление. – 2004. – № 1.
2. Варламова Н.В. Типология правопонимания и современные тенденции развития теории права. – М., 2010.
3. Гасанов К.К., Стремоухов А.В. Абсолютные права человека и ограничения прав // Правоведение. – 2004. – № 1.
4. Герцен А.И. Собр. соч. – М., 1998. – Т. 7.
5. Зорькин В. Россия: движение к праву или хаосу?/ Российская газета. – 2012. – 26 января.
6. Ермаков В.Г., Зубова О.В. Ограничение конституционных прав граждан при государственно-правовом регулировании борьбы с терроризмом: Монография. – Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2004.
7. Исаков Н.В. Теоретико-методологические основы правовой политики // Правовая политика и правовая жизнь. – 2003. – № 1.
8. Камю А. Бунтующий человек: пер. с франц. – М., 1990.
9. Косарев А.Ф. Философия мифа. – М., 2000.

¹⁹ Медведев Д.А. Выступление на VII Всероссийском съезде судей // Российский судья. – 2009. – № 1. – С. 4.

²⁰ Там же.

10. Маврин С.П. О роли метода правового регулирования в структурировании и развитии позитивного права // Правоведение. – 2003. – № 1.
11. Медведев Д.А. Выступление на VII Всероссийском съезде судей // Российский судья. – 2009. – № 1.
12. Смоленский М.Б. Правовая культура и идея государственности // Государство и право. – 2009. – № 4.
13. Современные зарубежные конституции. – М., 1992.
14. Степанов О.А. Правовое регулирование в условиях экономического кризиса // Государство и право. – 2011. – № 10.
15. Тихомиров Ю.А. Публично-правовое регулирование: динамика сфер и методов // Журнал российского права. – 2001. – № 5.
16. Schumpeter J. Capitalism, Socialism and Democracy. London: Georg Allen, 1976.
17. Яковлев В.Ф. Выступление на III сессии Европейско-Азиатского правового конгресса // Российский юридический журнал. – 2009. – № 4. – С. 14.
18. Яковлев В.Ф. О взаимодействии публичного и частного права // Публичное и частное право: проблемы развития и взаимодействия, законодательного выражения и юридической техники. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. – Екатеринбург, 1999.

HUMAN RIGHTS IN RUSSIA: MYTHOLOGY OF FREEDOM IN UNFREE SOCIETY

E.E.TONKOV
R. V. DONETS

*Belgorod National
Research University*

e-mail: etonkov@bsu.edu.ru

This article is devoted to directions of human rights activity improvement, which create necessary prerequisites for new social relations forming, crisis overcoming and economic position stabilization. The authors note that they trigger variation of legal regulation mechanism.

Key words: state, freedom, activity, society, crisis, mechanism of legal regulation.

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ КАТЕГОРИИ «ДОБРОВОЛЬЧЕСКОЕ МОЛОДЁЖНОЕ ОБЩЕСТВЕННОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ»

А.В. ШАРТЫНОВА

*Нижегородский
государственный университет
им. Н.И. Лобачевского*

e-mail: wartynova@gmail.com

В научной статье определяется правовая природа прав на средства индивидуализации, их место в системе гражданского права и законодательства. Проанализированы научные подходы к решению данных вопросов, а также рассмотрено российское и международное законодательство, регулирующее права на средства индивидуализации.

Ключевые слова: индивидуализация, средства индивидуализации, нематериальные объекты, неимущественные права.

Добровольческая деятельность в юридической литературе представляется своеобразным феноменом современной общественной жизни, внимание которому уделяется на международном и на национальном уровнях. Так, Резолюция ООН A/RES/56/38 закрепила рекомендацию для правительств стран – участниц включать добровольчество в качестве компонента по достижению целей устойчивого развития в национальных планах¹. Существенной чертой развития добровольчества является усиление социальной активности граждан и их деятельность в добровольных объединениях для отстаивания гражданских, профессиональных и иных специфических интересов. Особо следует подчеркнуть роль добровольчества в жизни молодых граждан, поскольку для системы образования молодёжное добровольчество – это эффективный метод формирования и развития знаний и навыков, воспитания молодёжи страны. Соответствующим образом организованная добровольческая деятельность на всех уровнях и стадиях обучения создает условия для активного участия учащейся молодёжи в жизни общества². Одной из острых проблем развития современного молодёжного добровольчества является отсутствие нормативно – правовой базы, регулирующей правоотношения, возникающие в связи и по поводу предоставления возможности принимать участие в добровольческой деятельности гражданам любого возраста, что оказывает негативное влияние также на процесс формирования и организации работ по предоставлению добровольческих вакансий, формированию целостной базы добровольцев, добровольческих организаций, молодёжных добровольческих групп. Зачастую речь идет о нижних границах возраста, когда молодые граждане не все являются совершеннолетними, что в соответствии с положениями российского законодательства существенно затрудняет вовлечение их в добровольчество. Интересное решение указанной проблемы мы можем обнаружить в практике зарубежных стран, на примере итальянского законодательства, где ст. 2 Закона Италии 1991 г. «Основные положения о волонтерстве», подразумевает, что волонтерская деятельность должна осуществляться волонтером лично, добровольно и безвозмездно через организацию, членом которой он является, без всяких корыстных целей, даже косвенных, но исключительно из солидарности. Таким образом, участие как совершеннолетних, так и малолетних граждан в качестве субъекта молодёжного добровольчества возможно организовать посредством вовлечения таких граждан в деятельность добровольческих общественных объединений, поскольку право на участие в ассоциациях не имеет ограничений по возрасту, принадлежит человеку с рождения. Однако в российской юридической литературе понятие «молодёжная добровольческая организация» не сформулировано, статус детского общественного объединения в контексте добровольческой деятельности также не определён. Поскольку мы наблюдаем явное пересече-

¹ Как разбудить гражданское общество? // Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ). Пресс-выпуск № 120,1, 29 сентября 2004.

² Global Youth Service Day. Planning Toolkit. Youth Service America, 2001. 1101 15th Street, NW, Suite 200 Washington DC, 2005.

чение субъектного состава и некоторую семантическую коллизию в понятийном аппарате, предусмотренном российским законодательством, представляется целесообразным выявить особенности организационно-правовой формы молодёжного общественного объединения в соответствии с действующими положениями норм российского права.

На первый взгляд, представляется целесообразным объединить два разработанных термина «молодёжь» и «добровольческая организация» в одно единое понятие, однако такой семантический подход нам представляется неверным, поскольку термин «молодёжь» имеет определенную специфику, сужает субъектный состав потенциальных участников молодёжного добровольчества. Понятие добровольческое общественное объединение не является устойчивой категорией, нуждается в уточнении в соответствии с положениями действующего законодательства. Понятие детская добровольческая организация также нуждается в уточнении, поскольку часть несовершеннолетних граждан в возрасте до 18 лет одновременно попадает в категорию молодёжь, принимают участие в деятельности молодёжного общественного объединения, и является субъектом детского общественного объединения. Итак, попытаемся выявить особые черты при определении правовой категории «добровольческое общественное объединение», а также разрешить семантическую коллизию при определении возраста участников добровольческого движения.

Нормативно-правовое закрепление понятия «молодёжь» на федеральном уровне специальным законом не предусмотрено, а на региональном уровне рознится, что, к сожалению, может привести к двойственной трактовке. Так, например, Закон города Москвы «О молодёжи»³ определяет молодёжь как физических лиц в возрасте от 14 до 25 лет, имеющих место жительства в городе Москве, физических лиц в возрасте от 25 до 27 лет, имеющих место жительства в городе Москве и получающих профессиональное образование в очной и очно-заочной (вечерней) формах обучения, физических лиц в возрасте от 14 до 27 лет, имеющих место жительства за пределами города Москвы, получающих образование в очной и очно-заочной (вечерней) формах обучения в образовательных учреждениях, находящихся на территории города Москвы. В самостоятельную подкатегорию упомянутый закон также выделяет несовершеннолетних молодых граждан – это молодые граждане в возрасте от 14 до 18 лет; а также студенты – молодые граждане, получающие профессиональное образование. Закон Ярославской области «О молодёжной политике»⁴ даёт следующее определение – это граждане Российской Федерации в возрасте от 14 до 30 лет, увеличивая верхнюю границу возраста до 30 лет, и подчеркивает необходимость наличия гражданства. Закон Саратовской области⁵ «О молодёжной политике в Саратовской области» отмечает, что молодёжь – это лица в возрасте от 14 до 30 лет, выделяя в качестве ключевого признака лишь возраст. На федеральном уровне специальный закон о молодёжи не принят, поэтому нам следует руководствоваться определением, закреплённым в Постановлении Верховного Совета РФ «Об основных направлениях государственной молодёжной политики в Российской Федерации»⁶, и понимает под этим термином граждан Российской Федерации, включая лиц с двойным гражданством, в возрасте от 14 до 30 лет.

Термин «добровольчество» по своему смысловому значению совпадает со словосочетанием «добровольческая деятельность», под которыми следует понимать общественно полезную деятельность физических лиц – добровольцев (волонтёров), осуществляемую безвозмездно, без морального и материального принуждения, на основе свободного волеизъявления, не преследующую целей извлечения прибыли. Такой подход совпадает с определением, данным во Всеобщей декларации добровольцев⁷, принятой на XI конгрессе

³ Закон города Москвы «О молодёжи» от 28 января 2004 года № 4, Ведомости Московской городской Думы, №3 (ст.4), 25 марта 2004.

⁴ Закон Ярославской области «О молодёжной политике» от 11 октября 2006 года № 65-З, Губернские вести, 12 октября 2006, № 63.

⁵ Закон Саратовской области «О молодёжной политике в Саратовской области» от 9 октября 2006 года № 94-ЗСО, Собрание законодательства Саратовской области, №4, февраль, 2009

⁶ Постановление Верховного Совета РФ, Об основных направлениях государственной молодёжной политики в Российской Федерации, 3 июня 1993 г. № 5090-1, Ведомости СНД и ВС РФ, 24 июня 1993, № 25, ст. 903

⁷ Resolution 55/57 of 4 December 2000 on the International Year of Volunteers.

Международной Ассоциации Добровольцев следующим образом определяющем добровольчество: это добровольный выбор, отражающий личные взгляды и позиции; активное участие гражданина в жизни человеческого сообщества; как правило, совместная деятельность в рамках разного рода ассоциаций. Таким образом, общественное объединение, осуществляющее добровольческую деятельность и есть добровольческое общественное объединение. Термин «добровольческая организация» несмотря на частоту применения среди участников добровольческой деятельности представляется искажающим действующее законодательство, поскольку в соответствии с положениями федерального законодательства организация является одной из форм общественного объединения, которое в свою очередь, является формой некоммерческой организации. Таким образом, использование указанного термина недопустимо, поскольку он существенно сужает возможность выбора организационной формы для участников.

Понятие «молодёжное общественное объединение» представляется сложной правовой конструкцией, поскольку специального законодательного определения на федеральном уровне для него не выработано. Региональное законодательство также трактует указанный термин по-разному. Так, Закон Саратовской области «О молодёжной политике в Саратовской области» определяет молодёжные общественные объединения как молодёжные объединения граждан в возрасте до 30 лет, объединившиеся на основе общности интересов; тогда как Закон Костромской области «О молодёжной политике в Костромской области» трактует несколько иначе, определяя в качестве добровольного, самоуправляемого, некоммерческого формирования, созданного по инициативе граждан, объединившихся на основе общности интересов для реализации общих целей, указанных в уставе молодёжного общественного объединения. Членами и участниками молодёжных общественных объединений могут быть граждане, достигшие 14 лет. Лаколично определение, данное в Законе Ярославской области «О молодёжной политике», – молодёжные общественные объединения – добровольные самоуправляемые некоммерческие формирования, членами и участниками которых могут быть граждане, достигшие 14 лет. Любопытно также определение правового статуса молодёжных общественных объединений г. Москвы – некоммерческих организаций, созданных в соответствии с федеральным законодательством и зарегистрированных в установленном законом порядке на территории города Москвы, или общественных объединений, действующих на территории города Москвы без регистрации в качестве юридического лица, не менее 75 процентов участников, члены которых (а в общественных объединениях, не имеющих членства, не менее 75 процентов от числа лиц, документально выразивших поддержку целям данной организации, объединения и (или) их конкретным акциям и принимающих участие в их деятельности) составляют граждане в возрасте до 30 лет, которым оказывается государственная поддержка.

На федеральном уровне следует обратиться к определению молодёжного общественного объединения, которое косвенным образом предусматриваем Федеральный закон от 28.06.1995 N 98-ФЗ "О государственной поддержке молодёжных и детских общественных объединений"⁸ при регулировании правоотношений в сфере государственной поддержки, однако мы понимаем, что возможны иные формы общественного объединения, которые указанным законом не охвачены. Вышеупомянутый закон понимает под молодёжным общественным объединением – молодёжное объединение граждан в возрасте до 30 лет, объединившихся на основе общности интересов. Однако ни федеральное законодательство, ни нормативные акты регионов не разрешают коллизии участия несовершеннолетних граждан в возрасте до 18 лет в добровольческой деятельности. Закон о государственной поддержке под детским молодёжным общественным объединением понимает детское объединение, в которое входят граждане в возрасте до 18 лет и совершеннолетние граждане, объединившиеся для совместной деятельности. В целях унификации понятий и обеспечения возможности принимать участие в добровольчестве как можно большему количеству граждан, представляется целесообразным выделить молодёжное добровольческое общественное объединение в самостоятельную категорию, предоставив возможность принимать участие в деятельности такой организации гражданам до 30 лет, не устанавливая нижней возрастной границы. Несмотря на то, что несовершеннолетние

⁸ Российская газета. 1995, 4 июля.

граждане в возрасте до 14 лет в соответствии с российским законодательством к числу молодых людей не относятся, представляется, что указанный возрастной предел для молодёжи не соответствует представлениям о требованиях, предъявляемых к добровольцу, поскольку им может быть и ребёнок в возрасте 6 – 7 лет. Законодательство регулирует взаимоотношения с добровольцами посредством гражданско-правового договора, в связи с чем представляется целесообразным установить нижнюю границу для молодого добровольца в 6 лет, поскольку малолетние в соответствии с п.2 ст. 28 Гражданского кодекса РФ обладают пусть и ограниченной, но дееспособностью. Таким образом, понятие «молодёжное добровольчество», следует трактовать расширительно, а под молодёжным добровольческим общественным объединением понимать общественное объединение, в которое входят граждане в возрасте от 6 до 30 лет, объединившиеся на основе общности интересов, осуществляющих либо оказывающих содействие в реализации добровольческой деятельности.

Таким образом, разрешение семантической коллизии термина «молодёжное добровольческое общественное объединение» позволит урегулировать складывающиеся отношения в рамках действующего правового поля российского законодательства, что благотворно скажется на развитии добровольческого движения в России. Как известно, системное развитие и поддержка молодёжного добровольчества как общественной ценности и, одновременно, уникальной системы знаний и технологий в сфере развития людских ресурсов, выступает одним из действенных и эффективных инструментов решения задач по созданию условий для активного ответственного участия граждан в решении социальных проблем. Это признанный во всем мире и эффективный способ объединения усилий и ресурсов общества и государства в решении социальных задач, мобилизации общественной инициативы, социальной консолидации общества, метод содействия повышению эффективности социальной политики и, в целом, достижения благополучия населения.

Список литературы

1. Федеральный закон от 28.06.1995 N 98-ФЗ "О государственной поддержке молодёжных и детских общественных объединений", Российская газета, N 127, 04.07.1995.
2. Закон города Москвы «О молодёжи» от 28 января 2004 года № 4, Ведомости Московской городской Думы, №3 (ст.4), 25 марта 2004.
3. Закон Ярославской области «О молодёжной политике» от 11 октября 2006 года № 65-З, Губернские вести, 12 октября 2006, N 63.
4. Закон Саратовской области «О молодёжной политике в Саратовской области» от 9 октября 2006 года N 94-ЗСО, Собрание законодательства Саратовской области, №4, февраль, 2009¹ Постановление Верховного Совета РФ, Об основных направлениях государственной молодёжной политики в Российской Федерации, 3 июня 1993 г. N 5090-1, Ведомости СНД и ВС РФ, 24 июня 1993, N 25, ст. 903
5. Как разбудить гражданское общество? // Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ). Пресс-выпуск № 120,1, 29 сентября 2004.
6. Global Youth Service Day. Planning Toolkit. Youth Service America, 2001. 1101 15th Street, NW, Suite 200 Washington DC, 2005.
7. Resolution 55/57 of 4 December 2000 on the International Year of Volunteers.

SEMANTIC FEATURES OF THE CATEGORY «YOUTH VOLUNTEER PUBLIC ASSOCIATION»

A.V. SHARTYNOVA

*Lobachevsky State University
of Nizhniy Novgorod*

e-mail:wartynova@gmail.com

This article is devoted to an important topic – legal regulation of the volunteering in Russia. The problem of the involvement in volunteering young people – adults and juveniles, is identified, through the establishment of youth public association, the semantic conflict between the legal structures such as “youth volunteer public association” and “children’s public associations” is solved. The existing legal acts in this area had been analyzed and a definition of the disputed term is suggested in view of the recent legal changes.

Key words: volunteerism, underage citizens, children’s and youth associations, specific law on youth, youth volunteerism

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

УДК 130.2

ДИАЛЕКТИКО-СПЕКУЛЯТИВНЫЙ АНАЛИЗ СТАНОВЛЕНИЯ ТРАНСВЕРСАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ

А.А. АВСЕЕВ*Санкт-Петербургский
государственный
университет сервиса
и экономики**e-mail:
alexavseev@gmail.com*

В статье рассматривается генезис современной философии от философии постмодерна до новейшего этапа её развития – трансверсальной философии, которая становится наиболее адекватным способом отражения реальности на современном этапе социокультурного развития. Трансверсальная философия – становящийся момент истории философии, поэтому возникла проблема аутентичного формулирования её фундаментальных признаков. В подходах В.Вельща, Ф.Гваттари, К.Шрага проявляется недостаточная гносеологическая и аксиологическая проработанность концепции трансверсальности. Предлагается дополнить этот анализ спекулятивной интерпретацией.

Ключевые слова: спекулятивный, концепция, трансверсальный, абсолютная идея, постмодерн.

Современная история философии тесно связана с футурологией, разрабатывающей концепции глобального мира и общечеловеческой перспективы его развития. До недавнего времени философской концепцией адекватно отражающей состояние западной культуры конца 20-го и начала 21-го века служила философия эпохи постмодерна. Основоположники философии постмодерна полагают, что это состояние культуры и общества возникло как реакция на дуализм модерна, а его роль в истории культуры заключается в преодолении дуализма модерна. В западной философии конца XX века дискурс о модерне является центральной темой, которая позиционировала постмодернистскую проблематику. Спор о модерне и постмодерне существен и содержателен. Он вскрыл фундаментальные проблемы современности, преодолеть которые невозможно, если не будут осознаны предпосылки, коренящиеся в идеологии модерна. Представители постмодернизма пришли к выводу, что рационализация – принцип модерна, фундамирующий культуру и общество. В модерне она приняла форму подчинения и растворения индивидуального в общем – в государстве. Рациональность эпохи модерна, полагали постмодернисты, носит господствующий и контролирующий характер, не имеющий ничего общего с рациональностью понимания и взаимопонимания людей. В эпоху модерна во главу угла был поставлен тотальный миф прогресса. Преодоление модерна – главная цель и задача постмодернизма.

В философии постмодерна на место упорядоченным, иерархическим структурам бытия приходит хаос. Рационализм видоизменяется. Сознание в нем уже интерпретируется в качестве средства осознания хаоса, а философия стала радикально деонтологизированной и деаксиологизированной. Наиболее явно это положение воплотилось в рабо-

тах Делёза и Гваттари, изучавших особенности, которые определили суть философии в эпоху постмодерна.

Одно из самых обстоятельных исследований по постмодернизму принадлежит В. Вельшу.¹ Постмодерн, полагал Ф. Вельш, – это сплошная негация, тотальное отрицание. Его последним словом стала констатация радикального, то есть субстанциального плюрализма. Иными словами, постмодерн объявил о наступлении эры «чуждости», которая характеризуется повышенной чувствительностью к «различию», наполнена атмосферой недоверия, подозрительности и отвергает даже намеки на возможность интеграции. Разум назван в качестве основного союзника власти, несвободы, насилия, а философия как институция разума, подверглась дискредитации и развенчанию.

Философия постмодернизма интенсивно и бурно развивалась в течение примерно полувека, но в последние годы всё чаще стала раздаваться критика в её адрес. Основной упрёк обычно сводится к бесплодности процессов «деконструкции» как «нигилистического всеразрушения». Процессы глобализации в мире свидетельствуют об обусловленности вектора направленности изменений, происходящих в современной экономике, политике и в целом – в социо-культурном пространстве, такими константами как целостная всеобщность, единство и детерриториализация в развитии. Поэтому, теоретические положения постмодернизма перестали соответствовать реалиям времени – адекватно объяснить, происходящие в культуре и социуме трансформации.

Этап, в котором наметилась тенденция обретения целостности и единства социо-культурных форм в конституировании глобальной картины мира, стал этап становления формации, получивший философское обоснование в теории коммуникативного общества Ю. Хабермаса.

Так же как и основоположники модерна, Хабермас, разделяет положение об имманентном разуме, фундамирующем все сферы человеческого бытия. В этом смысле характерно его заявление, провозглашающее незавершенность проекта модерна. Но после лингвистического поворота, осуществленного философией XX-го века, когда произошла радикальная смена парадигм, означавшая переход от философии сознания к философии языка, конституирование мира возлагается уже не на трансцендентальность субъекта, а на грамматические структуры языка. На смену философии сознания пришла философия языка. Философия, по мнению Хабермаса, уже не может претендовать на представительство мирового духа. Ю. Хабермас констатирует этот факт: «философия, даже если она устраняется от проблематичной роли указчика места и судьбы, все-таки может – и должна – сохранить за собой притязания на разумность, выполняя более скромные функции местоблюстителя и интерпретатора».² На место разума философии сознания претендует коммуникативный разум философии языка. Роль коммуникативного разума заключается в актуализации потенциальной рациональности, заложенной в жизненном мире и реализуемой в коммуникативном действии в процессе развертывания аргументативных речевых практик. Эти практики нацелены на достижение взаимопонимания и признания на основе конституируемых совместно в субъект-субъектном взаимодействии ценностных норм, источником которых, в свою очередь, является жизненный мир человека. Хабермас пишет: «Разум, выраженный в коммуникативном действии, способствует взаимопониманию, но только вместе со слившимися в особую тотальность традициями, общественной практикой и всем комплексом телесного опыта».³ Он полагал, что межличностные отношения как субъект-субъектные, реализуемые в языковом дискурсе коммуникативного действия, должны быть направлены на достижение консенсуса и взаимопонимания. Это согласие и примирение различных позиций – определяющий фактор, который гарантирует нейтрализацию субъект-объектно организованной «научно-технической рациональности», поскольку в них преодолевается ее репрессивный и насильственный характер. В этом контексте Хабермасом осуществляется переосмысление введенного структурализ-

¹ Welsch W. Unsere postmoderne Moderne. Berlin. Akademie Verlag. 1987

² Хабермас Ю. Философия как "местоблюститель" и "интерпретатор" // Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб., Наука, 2000. – С. 12

³ Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне. М., Весь мир, 2003. – С. 336

мом понятия дискурса как социально обусловленной организации речи. Обычно «коммуникативное поведение» реализует себя в актах интеракционизма, основанных на имплицитно предполагаемой прояснённости смыслов. Хабермас разрабатывает концепцию дискурса как специальной формы речевой коммуникации, которая требует фиксированной рефлексивной процедуры экспликации семантических и аксиологических структур дискурса. В ходе такой процедуры, собственно, и может быть конституировано понимание. В коммуникативном действии снимается асимметрия социального взаимодействия. Чтобы её устранить, коммуникативное действие предлагает радикальную переориентацию направленности вертикального субъект-объектного взаимодействия, носящего репрессивный характер, на модель субъект-субъектного дискурса, цель которого признание и консенсус коммуницирующих субъектов. В своей работе «Этика дискурса» Хабермас утверждает, что консенсус или взаимопонимание между субъектами возможно на основе идентичности их ценностей, но не преднаходимых, т.е. объективно существующих в виде понятий, как у представителей неокантианства, или матриц общепринятых норм, как в традициях, а вырабатываемых в жизненном мире в процессе коммуникативного дискурса субъектов. Хабермас в своей концепции дискурса, встроенного в коммуникативное действие, опирается на теоретические воззрения Апеля, понимавшего не достаточность автономной этики кантианского типа и необходимость дополнения её коммуникативной этикой.

Кроме того, источником теории коммуникативного действия послужила также концепция развития морального сознания Кольберга, полагавшего, что в основе когнитивного и морального дискурсов положена одна и та же логическая структура. Эта идея, воспринятая и рассмотренная в аспекте коммуникативного поведения, есть фундамент теории коммуникативного действия Хабермаса. Аналогичными были и воззрения Апеля, внесшего свой значительный вклад в разработку этой теории. Он подчеркивал: «...озабоченность любого человека вопросами о смысле, содержании, необходимости морального начала в его действиях и действиях других людей фактически означает его вступление на почву или сцену «аргументативного дискурса» и реальное соотнесение конкретных действий с этическими правилами, нормами, принципами и, значит, с их осмыслением, обсуждением».⁴

Подводя итог, констатируем, что субъект-объектные отношения, т.е. дуализм, так и не преодоленный в постмодернизме, примиряется, согласно Хабермасу, в консенсусе, достигаемом между индивидами в процессе коммуникативного действия коммуницирующих субъектов. Результат коммуникации субъективен, поэтому демонстрирует релятивизм, т.е. невозможность абсолютной истинности.

К аналогичному пониманию роли коммуникативной теории в попытке восстановления единства разума приходит и В.Вельш. Вместо единства, полагает Вельш, коммуникативный разум предлагает консенсус, обеспечиваемый правилами аргументации. Коммуникативная рациональность идёт по пути упрощения социо-культурной картины, она превращает «другого» в «своего», а это и есть то, против чего категорически выступают Даррида, Фуко, Лиотар и другие постструктуралисты-постмодернисты. Задача состоит в том, продолжает В.Вельш, чтобы «другой» остался «другим» («иным») и после того, как его включили в состав целостности. Коммуникативный разум размывает, растворяет эту «другость», и по этой причине Вельш отвергает его притязания на роль интегрирующей инстанции. Задачей пост-постмодерного разума состоит в том, чтобы найти формы единства этих «других», которые в этом единстве не потеряли бы собственной идентичности. Таким разумом, по убеждению В.Вельша, является трансверсальный разум.

В последнее время всё чаще трансверсальность предлагается как новая парадигма философской концептуализации или новая мировая философия, могущая радикально преобразовать саму идею философствования.

Понятийное употребление слова «трансверсальный» (поперечный) относится к началу XIX века и традиции точных и естественных наук. В математике оно использовалось для обозначения прямой, пронизывающей пространственную кривую, в геологии – для характеристики явления проседания горизонтальных пород.

⁴ Apel K.O. Diskurs und Verantwortung. Frankfurt a. M., 1988. – S. 353

В философский дискурс его ввел Жан-Поль Сартр в эссе «Трансценденция Ego» как метафору позволяющую «схватить» единство сознания.⁵ Сартр подверг критике гуссерлевское понятие *трансцендентального эго* как априорную аисторическую модернистскую абстракцию, противопоставив ему трансверсальность как пространство, служащее местом «сборки сознания». Сознание является глубинным образом интенциональным, поскольку само объединяет «себя». Этот процесс описывается Сартром как игра «трансверсальных» интенциональностей, представляющих собой конкретное и реальное удержание и сохранение прошлых сознаний.

Феликс Гваттари развил теорию трансверсальности, определяя её как измерение, пытающееся «превозмочь» тупик как чистой вертикальности (т.е. модерна), так и чистой горизонтальности (постмодернизм) и достигаемое в случае существования «максимальной коммуникации между различными уровнями, и прежде всего, в разных смыслах»⁶.

Гваттари углубил сартровский подход, позиционировав трансверсальность как приём критики институализации посредством групповой субъективности, которая, в свою очередь, создаётся в пространстве, открытом посредством применения трансверсальности. Постоянный трансверсальный анализ разрушает как горизонтальные, так и вертикальные структуры, порождая переходные объекты, которые самокорректируют цель субъектной группы.

К.Шраг в монографии 1997г.⁷ применил подход Делёза к трансверсальности как способу преодоления оппозиции модерн-постмодерн. Признавая значимость постмодернистских постулатов о «недоверии к метанарротивам», «чувствительности к различиям», толерировании несопоставимого», «ведения войны с тотальностью», Шраг, однако, говорит о насущности выработки философского проекта «спасения целостности различий», проекта, который давал бы возможность нахождения общих оснований для интеграции «диверсифицированных дискурсов и социальных практик». Необходимо найти пространство рациональности между эмпирически изолированными партикулярностями и трансцендентальным образом заданными универсальностями и идентичностями. Рациональность такого рода Шраг предлагает назвать «трансверсальной рациональностью». Именно трансверсальный логос, по его мнению, должен заступить место универсального логоса, выступая как ось, которая будет «держат» философию нового тысячелетия.

Второй значимой конкретизацией идеи трансверсальности является сходная со шраговской по пафосу и основным интенциям, но отличная по терминологическому аппарату концепция Вольфганга Вельша, начало формирования которой было положено монографией «Наш постмодерный модерн (1987)». В ней Вельш вводит понятие «трансверсальный разум» и определяет его как способность освоения различных типов рациональности и перехода между ними. Специальное значение термину «трансверсальный разум» придал Вельш в работе 1995 года «Разум. Современная критика разума и концепции трансверсального разума».

Опираясь на кантовское различие разума и рассудка, Вельш разграничивает разум и рациональность. Настаивая на разграничении разума и рациональности (рациональностей), Вельш указывает на то, что современная философская традиция чрезмерное внимание уделяет роли рациональности, забывая о самом разуме. Указывая на многообразие систем априорных форм, то есть на множественность типов рациональности, Вельш подчеркивает одновременное существование и универсальной инстанции — разума, носящего трансверсальный («пронизывающий») характер, и способного, следовательно, «пронзать» пласты культурных различий, проникать сквозь толщу партикулярных дискурсов и текстов.

Транскультурная перспектива, по Вельшу, основывается на констатации факта открытости «размытых» гетерогенных культур и теоретической легитимации межкультурного диалога как свободного обмена идеями. Понятие «транскультурность» вводится

⁵ Sartre J.P. Transcendence of the Ego: An Existentialist Theory of Consciousness. Tr.F. Williams and R.Kirkpatrick. New York: Hill and Wang. 1991. 119p.

⁶ Guattari F. Molecular Revolution: Psychiatry and Politics. Trans. by R. Sheed Harmondsworth: Penguin Books. 1964. P.18

⁷ Schag C.O. The Self after Postmodernity. New York. Yale University Press. 1997. 155p.

Вельшем для характеристики специфического состояния наличной культуры — ситуации не только многообразия, но гибридизации типов рациональности. В случае трансверсальной философии здесь может быть сделан акцент на трактовке различных школ и направлений мирового философствования как открытых взаимодополнительных сущностей. Обмен идеями может быть плодотворно применен для решения конкретной проблемы, не нашедшей разрешения в одной из традиций — то, что для одной философской культуры является интеллектуальным тупиком, может быть решено с помощью привлечения идей, сложившихся в ином культурном круге.

«Трансверсальный разум» и «транскультурность» являются продуктивными понятиями вельшевской концепции. Соглашаясь с тем, что этноцентрический универсализм устарел и ему нет места в глобализации мультикультурного мира, Вельш не абсолютизирует и культурных партикулярностей. Концепт «транскультурности» предлагается им для того, чтобы заменить универсализм, являющийся ни чем иным, как философским выражением отдельного социокультурного жизненного мира, отсылкой к гибридности. Разум, будучи связанным с трансцендентным, описывается Вельшем как общечеловеческая характеристика, независимая от типов рациональности. В этом смысле он трансверсален «пронизывает» культурные различия и «проникает» между ними, что и дает нам возможность философствовать «сквозь» культурные границы и жизненные миры.

Несмотря на то, что как у В.Вельша, так и у Ф.Гваттари и К.Шрага обозначен концептуальный каркас новой философии, он, однако, является не завершённым и представляет только онтологический аспект трансверсальной философии, фундированный принципом дискрептивности социальных явлений и наблюдения. С точки зрения научного обоснования, отсутствие логического анализа привело, к интуитивизму и не определённости в трактовке основных категорий трансверсальной философии. Например, разум в концепции В.Вельша является универсальной инстанцией, пронизывающей пространство партикулярных культур и различных типов априорных форм рациональностей. Но какие специфические или сущностные основания дают ему возможность это осуществлять? Не ясно, так же, как трансверсальный разум это делает, в соответствии с каким методом? Гносеологическая, аксиологическая и этическая не разработанность концепции очевидна.

На данном этапе генезиса истории философии задача заключается в том, чтобы постигнуть сущность трансверсального типа философствования. Постигнуть сущность, означает выявить и осознать закономерность или, говоря иначе, алгоритм, логику конституирования любого явления или процесса. Только такое познание будет носить характер всеобщности и необходимости, т.е. быть строго научным. Сначала, целесообразно использовать для анализа сути трансверсальности наиболее универсальные логические методы, уже имеющиеся в арсенале философии. (Безусловно, со временем будет разработана специальная логика трансверсальной философии, так же как была разработана формальная логика или прагматическая логика Дж.Остина и др). Таким универсальным философским принципом выявления имманентной сути явлений, по мнению автора, служит диалектическая концепция спекулятивного мышления.

Изложим его суть.

На основе исследования воплощения принципа конкретного тождества логического и исторического автор статьи выдвигает тезис о том, что различные исторические формы философии внутренне связаны между собой по логическому закону, открытому Гегелем. Как вся философия в целом, так и её современный этап есть онто-гносео-этическое выражение логической идеи, а философские школы, направления и теории в истории философии — отражение конституирующихся моментов абсолютной, логической идеи. Из вышеизложенного следует, что в соответствии с гегелевским учением спекулятивная философия — это определения генезиса моментов логической идеи в тождестве с её онто-гносео-этическим воплощением.

Отмечая роль великого классика в разработке темы спекулятивного⁸ вида мышления, нельзя умолчать и об отсутствии некоторых положений в его трактовке, наличие

⁸ Speculative — теоретические науки; 2. Speculativus — умозрительный. Боэций "Комментарий к Порфирию": Speculatio — философское созерцание, умозрение, разведка; Speculor — наблюдать, созерцать, смотреть, глядяваться, осматриваться.

которых способствовали бы полной концептуальной завершённости изложения Гегелем спекулятивной проблематики. Поэтому задача заключается в том, чтобы в соответствии с интенциями гегелевской философии представить текстуально подтвержденную и обоснованную закономерность развития содержания логической идеи или метода. Поскольку сам немецкий классик концепции спекулятивного явным образом не эксплицировал, то автор, используя выделенные им характеристики спекулятивного в учении Гегеля, сконструировал из элементов гегелевской науки логики диалектическую концепцию спекулятивного мышления, представляющую абсолютную идею по форме и содержанию. По форме она – спекулятивное мышление, включающее снятие, единство субъективного и объективного, логическое тождество и движение своих моментов. Абсолютной формой спекулятивного мышления выступает развитая форма понятия или идея. Содержанием диалектической концепции спекулятивного мышления служат определения абсолютной идеи. В этом аспекте она представляет доказательство бытия абсолютной идеи и возможность его спекулятивного познания как блага. В своем абстрактном моменте спекулятивное содержание мышления выступает как онтологическое (жизнь), в диалектическом моменте – как гносеологическое (истина), а в спекулятивном – как этическое (благо).

Диалектическая концепция свидетельствует о том, что найден всеобщий имманентный принцип развития этих важнейших направлений культуры, в том числе, и в постгегелевский период – это логическая идея и её онто-гносео-этическое презентирование в наличном бытии.

В соответствии с этой концепцией трансверсальная философия знаменует момент в абсолютной идее, означающий этап конституирования идеи блага. Как известно, Гегель, исследовавший форму и содержание спекулятивной, абсолютной идеи, полагал, что содержательно она есть жизнь, которая в силу своей абсолютной отрицательности различает себя на саму себя или бытие и познание. Идея познания, в свою очередь сначала распадается на идею познания истины и идею познания блага, которые после того как они конкретизируются в своем содержании как различные, снимают свое особенное содержание, выступая в единстве, представляя в этом единстве абсолютную идею как возвращающуюся в себя из инобытия или жизнь. В этом моменте жизнь выступает как бытие абсолюта, постигнутое в сознании, сначала в чистом или объективном, субстанциальном сознании, а затем в субъективном, единичном сознании. В спекулятивном единстве это постижение заключается самопознание абсолютного самим себя, выступая как абсолютное самосознание.

По своей структуре идея сама по себе есть «понятие как таковое», «суждение», «умозаключение». Это субъективный момент идеи, обозначенный в ней как «субъективное понятие». Объективный момент идеи представляет «объективное понятие» как процесс объективации моментов «субъективного понятия» и выражается моментами, обозначаемыми в качестве механизма, химизма и телеологии. «Субъективное понятие» выступает в идее как истина или само абсолютное как таковое. «Понятие как таковое» – онтологический момент абсолютного в идее или то, что, абсолютное есть в своей целостности. «Суждение» – гносеологический момент идеи, в котором абсолютное определяется, принимая бесконечное множество своих дефиниций.⁹ «Умозаключение» – представляет объективацию абсолютного в трёх умозаключениях – качества, рефлексии и необходимости. Объективация выражается в объективном понятии идеи как её этический момент. Это означает, что опосредованное умозаключением¹⁰ абсолютное, становится действительностью или благом. Благо или добро есть, по Гегелю, действительность абсолюта или истины. Истина и благо как субъективный и объективный моменты абсолютного заклю-

⁹ «При изложении (Exposition) чистого понятия – полагал Гегель – было еще указано, что оно есть само абсолютное, божественное понятие». ⁹ Чистое понятие, по Гегелю, есть само абсолютное. Поскольку оно должно пройти через конечные формы суждения и умозаключения, то чистое понятие выступает как «понятие как таковое» потому, что оно еще не положено как в себе и для себя единое с объективностью. ”Привычка принимать понятие лишь за нечто столь одностороннее, как абстрактная мысль, – полагает Гегель, – мешает признать то, что было ранее предложено, а именно переход от понятия бога к его бытию как применение изложенного выше логического процесса объективирования понятия”.⁹ Значение гегелевской философии заключается в том, что она есть теодицея, доказательство бытия абсолюта и его познания в логически выверенных понятиях науки.

¹⁰ это опосредование и есть мышление или понятие

чаются в снятом, спекулятивном единстве идеи. В этом смысле идея трактуется как познанная действительность истины, абсолютного. Абсолютная идея есть познанная действительность истины (действительность истины – благо, добро). Но это пока что экспозиция идеи как таковой. Её объективации внутри логической идеи порождают идеи жизни, истины и блага. Чтобы стать не логически абсолютной, а в реальности, абсолютная идея ещё должна конституироваться и познать себя в инобытии, быть опосредованной природой и человеческим духом. Высшей формой самопознания логической идеи или абсолютного является философия, а процесс самопознания отражается в истории философии. Таким образом, философия есть познание Абсолютного или истины как в идеальной, логической форме, так и в реальности, в чувственных образах природы и конечного духа. Истина, выступающая в продуктах конечного духа, есть её действительность или благо. В современной терминологии благо как действительность истины (абсолютного) принимает форму социо-культурных артефактов. История философии представляет познанный в мысли, а точнее, в понятиях и идеях как конкретных формах мышления, генезис абсолютного. Поэтому, различные историософские системы есть абсолютные онто-гносео-этические образы и моменты развития чистой логической идеи, которая в истории философии должна пройти этапы конституирования своих содержательных моментов в форме действительности идеи жизни, истины и блага. Возникает вопрос, чем тогда отличаются эти определения идеи друг от друга? Тем, какой момент субъективного понятия объективируется. В идее жизни объективируется «понятие как таковое» субъективного понятия идеи, которое в объективном понятии этой идеи выражается умозаключением качества, представляя собой, всеобщий момент объективного понятия идеи жизни или всеобщий момент этического раздела идеи или «механизм». Он представлен в истории философии этическими теориями всеобщих ценностей баденской и марбургской школ. Являясь объективацией всеобщего момента идеи, эти ценности – всеобщие этические нормы религии и культурных традиций. Их специфичность в их преднайдённости, т.е. они даны как объективные, целостные культурно-этические нормы, а не конституированные в субъективных, интерактивных речевых актах.

Идея истины – следующий этап генезиса идеи. Абстрактный или всеобщий момент субъективного понятия идеи истины – «понятие как таковое» (представлен философией науки), диалектический или особенный – «суждение» (соответствует негативной диалектике), единичный или спекулятивный – «умозаключение» (философия постмодерна).

После того как процесс развития абсолютной, спекулятивной идеи в истории философии прошёл этап в формировании субъективного понятия идеи истины, который ознаменован утверждением диалектического момента субъективности, наступила возможность конституирования её следующего момента, момента единичности. В истории философии диалектический момент выступил в социальных теориях негативной диалектики Адорно, Маркузе и др. Согласно логике развития понятия, следующий этап должен выразить единичность субъективного понятия истины, а также его полную завершенность. И действительно, рассмотрение глубинных основ постмодерна приводит к выводу о том, что характер философии постмодернизма есть свидетельство выражения в ней момента единичности или конкретного многообразия в генезисе идеи истины. Единичность в богатстве многообразного её проявления есть, по Гегелю, всеобщее. Всеобщее же в истории философии – ничто иное, как множественность теорий, доктрин и концепций науки, которые, однако, идентифицируются по одним и тем же признакам. Поскольку это этап завершения субъективности идеи познания, то очевидно, что в нем проявилась только гносеологическая компонента идеи истины, так как онтологический и этический момент для этого типа философствования полностью исключены из содержания философии, т. е. философия радикально деонтологизируется и деаксиологизируется. Эти признаки свойственны для философских построений постмодерна, окончательное программное конституирование которого и хронологически следует после периода негативной диалектики. Понятие (субъективное) истины полностью сформировалось. Характерна в этом смысле позиция Ж. Деррида в его работе «Письмо и различие». В дискурсивности речи, как способе выражения смысла не возможно, как полагали Батай и Деррида, выразить «верховное» (подразумевая под ним предел, бытие, истину), поскольку дискурс выражает отношение рабства и господства. «Нужно найти такую речь, – пишет Ж. Деррида – которая

хранит молчание. Необходимость невозможного: высказать в языке – рабства – то, что рабским не является. «То, что не является рабским, не произносимо... Идея молчания (само недоступное) обезоруживает. Я не могу говорить об отсутствии смысла, не наделяя его при этом смыслом, которым оно не обладает. Молчание нарушается, потому что я заговорил». («Метод медитации»)¹¹ Из этой концепции вытекает, что «верховное» (истину) можно постигнуть вне рационально, посредством интуитивной интерпретации речевых практик. Завершённость понятия истины (она выражена в полной деонтологизации и деаксиологизации философии) в сочетании с моментом его единичности свидетельствует о слиянии истины с единичностью. По Гегелю, единичность есть момент конечности духа (человек). Следовательно, слияние, с точки зрения диалектической концепции следует интерпретировать таким образом, что истина (абсолют), стала сущностью человеческого духа. Роль и смысл философии постмодерна в генезисе абсолютной идеи в том, что в факте констатации деонтологизации, деаксиологизации и дерационализации философии, постмодернизм это обнаружил. Поскольку речевые практики постмодерна внерациональны, интуитивны, то они выражают смысл метафорично и потому не соответствуют языку науки. Анализ посредством диалектической концепции, позволяет расшифровать и перевести метафорический, вненаучный способ философствования постмодерна на язык всеобщих и необходимых понятий, т.е. на язык науки, скоррелировав его с генезисом абсолютной идеи.

Рассмотрим подробнее аргументацию в пользу тезиса о том, что коммуникативная теория общества Ю.Хабермаса является завершением конституирования идеи познания истины. В идее истины объективируется момент «суждения» субъективного понятия, или гносеологический момент идеи. В объективном понятии результат этой объективации обозначен термином «химизм». Он имеет форму умозаключения рефлексии. Подтверждение этому достаточно ясно выявляется в цитате, в которой Хабермас рассматривает механизм разворачивания коммуникативного действия в структурах жизненных миров. «Выступающие только как множественные партикулярные жизненные формы – полагал он – связаны не только семейным сходством; у них общие структуры жизненных миров. Эти общие структуры накладывают отпечаток на единичные формы, которые воспроизводятся только через ту среду, в которой происходят коммуникативные действия».¹² Попытка Хабермаса выразить логическую структуру коммуникативного действия, приводит к форме заключения в виде умозаключения рефлексии. Действительно, когда Ю. Хабермас говорит об общих структурах накладываются на единичные формы, тем самым проявляется взаимодействие между всеобщим и единичным моментами понятия, которые конституируют среду протекания коммуникативного действия. Эта среда характеризует особенный момент понятия. Становится очевидным, что логическая структура теории коммуникативного действия Хабермаса и момент «химизма» объективного понятия гегелевской идеи истины, выражены одной и той же формой умозаключения – заключением рефлексии, которое, в данном случае, выступает в виде логической формы консенсуса – результата субъект-субъектных отношений, который презентует не всеобщее понятие в коммуникации, а особенное, субъективное. Преодоление дуализма философии постмодернизма в теории Хабермаса в целом привело к релятивизму и субъективизму в понимании сущего. Но его теория есть отражение абсолютной идеи на данном этапе её развития, поэтому её релятивизм и субъективизм обусловлен самой абсолютной, спекулятивной идеей. Данное обстоятельство говорит о верифицируемости ранее выдвинутой гипотезы о том, что теория коммуникативного действия Хабермаса есть наличное бытие завершения идеи истины. Правда, существенное отличие подхода Хабермаса от Гегеля в том, что роль всеобщего момента в теории Хабермаса берут на себя объективные структуры жизненного (социального) мира или общество, а у Гегеля всеобщий момент – логическая идея.

Если момент «суждения» субъективного понятия идеи истины был гносеологическим, то его объективация выражает её этическое содержание. В этом моменте заверша-

¹¹ Деррида Ж. От частной экономики к экономике общей: Безоговорочное гегельянство // Письмо и различие. СПб., Академический проект, 2000. – С. 332

¹² Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне. М., Весь мир, 2003. – С. 336

ется конституирование идеи истины как единства субъективности и объективности, а, следовательно, вследствие этого в ней актуализируются все её моменты – онтологический, гносеологический и этический. Коммуникативная теория Ю.Хабермаса стала полным выражением моментов идеи истины познания, (в том числе и онтологического и этического), которые потеряли значимость в эпоху постмодерна. Именно поэтому она озаглавлена восстановлением онтологического и аксиологического статуса философии: онтологии в качестве жизненного мира, как основания коммуникативных практик аргументации, и аксиологии в качестве этических норм как основания для взаимопонимания и консенсуса в субъект-субъектных отношениях. Этические ценности формируются в дискурсе коммуницирующих субъектов, а не преднаходятся в виде религиозных и традиционных этических норм. Несмотря на то, что идея истины завершается в теории коммуникативности, однако в ней этическая составляющая (точнее, аксиологическая) – наличное бытие диалектического момента объективного понятия. Только в идее блага, принимая всеобщий, объективный характер, этический момент станет подлинно этическим, поскольку будет выражать нравственное содержание абсолютной, спекулятивной идеи, а не только моральное, аксиологическое, поскольку он станет спекулятивным моментом объективного понятия идеи блага.

Последующий генезис абсолютной идеи будет обусловлен интенцией, целью которой – реализация идеи блага. В нем будет объективироваться субъективное понятие в целом, а выражаться умозаключением необходимости в этическом разделе идеи блага.¹³ По своему характеру эта идея представляет этический момент абсолютной идеи. Начнется её конституирование с «понятия как такового». Оно выражается умозаключением, включающим «всеобщее», «особенное» и «единичное». Анализ концепций трансверсальной философии В.Вельша и Ф.Гваттари, свидетельствует о том, что её имманентной сутью является реализация начального этапа идеи блага.

Во «всеобщем» моменте понятия найдут отражение следующие признаки: во-первых, в процессе «снятия» (гегелевский термин, означающий сохранение предшествовавшего содержания, в единстве различий) будет иметь место преобладание форм как идеи жизни, так и идеи истины. К ним относятся всеобщие этические нормы традиций и религии, описанные марбургской и баденской неокантианскими школами; плюрализм партикулярных рациональностей постмодерна; коммуникативные практики конституирования этических ценностей в процессе субъект-субъектного дискурса. Подобным образом определяет и К. Шраг ареал всеобщих принципов трансверсальной философии. Признавая значимость постмодернистских постулатов о «недоверии к метанарративам», «чувствительности к различиям», «толерировании несопоставимого», «ведения войны с тотальностью», Шраг, однако, говорит о насущности выработки философского проекта «спасения целостности различий», проекта, который давал бы возможность нахождения неких общих оснований для интеграции «диверсифицированных дискурсов и социальных практик. Необходимо найти *пространство рациональности* между эмпирически изолированными партикулярностями и трансцендентальным образом заданными универсальностями и идентичностями. Рациональность такого рода Шраг предлагает назвать «трансверсальной рациональностью»¹⁴. Во-вторых, «всеобщий» момент характеризует целостность или абстрактность понятия трансверсальной философии, поэтому различия в нём обозначены, констатированы, поименованы, но не представлены в своем диалектическом развитии.

«Особенный» момент диалектический, в нём должен происходить переход единичностей друг в друга – партикулярные рациональности взаимно проникать, смешиваясь как в химической реакции; этические нормы, складывающиеся в коммуникативных практиках должны коррелироваться воздействием всеобщих, общечеловеческих ценностей, которые в свою очередь конкретизируются, обогащаются разнообразием социальных речевых практик горизонтального этического дискурса. Эта стадия генезиса транс-

¹³ Следует сделать существенное замечание, заключающееся в том, что, в процессе конституирования абсолютная идея выступает во временном единстве своих моментов, (т.е. одновременно) – онтологическом, гносеологическом и этическом.

¹⁴ Schrag C.O. The Self after Postmodernity. New Haven: Yale University Press, 1997. 155p.

версальной философии отражена в понятии «транскультурности» В. Вельша. Оно вводится для характеристики специфического состояния наличной культуры – ситуации не только многообразия, но гибридизации типов рациональности. Вельш описывает современные локальные культуры как транскультурные образования – незамкнутые в себе целостности, нечеткость границ которых с неизбежностью ставит их в реальную ситуацию постоянных взаимодействий – конфликтов, обмена и диалога.

«Единичный» момент спекулятивный, он – единство различий, но не такое как во всеобщем моменте, а диалектически развитое, конкретное, во всем многообразии реальных проявлений. Если «всеобщий» и «особенный» моменты характеризуют субстанциальность в развитии понятия идеи блага, то «единичный» субъективность. Субстанциальность выражается в движении сознания, субъективность – степень самосознания. В этом моменте чистого понятия идеи блага всеобщие, субстанциальные этические ценности, включающие, в том числе, партикулярный коммуникативный этический дискурс, станут содержанием единичного самосознания субъекта, способного к телеологическому объективированию этих субстанциальных состояний. Интерпретация этой фазы развития трансверсальности В. Вельшем заключается в понимании транскультурности в виде процесса, складывающегося на уровне субъекта. Гетерогенность конкретной культурной ситуации – полагает Вельш – приводит к тому, что человек выбирает для себя нечто «близкое», и близость эта не зависит от места жительства человека и локуса происхождения литературной традиции либо философской концепции. Она обусловлена тем, насколько идея связана с чем-то «великим». Если за ней стоит нечто «великое», мы понимаем ее, даже если контекст возникновения нам не знаком.

В «понятии как таковом» идеи блага эксплицируется чистое понятие абсолюта не только как истины (в чистом виде она содержится в качестве снятой), но и добра (действительности истины – любви). В идеи блага «понятие как таковое» онтологический момент, поэтому трансверсальная философия по преимуществу носит дискрептивно-экзистенциальный характер. Трансверсальная философия есть отражение в наличном бытии понятия идеи блага, точно также как «философия науки» презентировала понятие истины.

Следующий этап генезиса идеи блага будет заключаться в объективации чистого понятия абсолюта как любви в инобытии. Она будет выражена «суждением» субъективного понятия идеи блага, выступая как гносеологический и диалектический момент этой идеи. Таким образом, этическое содержание чистого понятия идеи, объективируясь (реализуясь), будет конституировать деятельность жизненного мира, его социальных институтов и культуру. Этот момент также будет отмечен плюрализмом партикулярных культур, становление которых будет обусловлено этическим дискурсом, скоррелированным всеобщими, субстанциальными, общечеловеческими ценностями. Отличие диалектического момента субъективного понятия идеи блага от такого же момента в чистом понятии (в «понятии как таковом») этой идеи заключается в том, что оно будет протекать в инобытии чистого (логического) понятия, т.е. оно должно быть опосредовано природой и конечным духом. Этот процесс также должен носить субстанциальный характер. Очевидно так же, что философия этой ступени развития идеи уже не будет трансверсальной.

В «понятии как таковом» идеи блага эксплицируется чистое понятие абсолюта не только как истины (в чистом виде она содержится в качестве снятой), но и добра (действительности истины – любви). В идеи блага «понятие как таковое» онтологический момент, поэтому трансверсальная философия по преимуществу носит дискрептивно-экзистенциальный характер. Трансверсальная философия есть отражение в наличном бытии понятия идеи блага, точно также как «философия науки» презентировала понятие истины.

Следующий этап генезиса идеи блага будет заключаться в объективации чистого понятия абсолюта как любви в инобытии. Она будет выражена «суждением» субъективного понятия идеи блага, выступая как гносеологический и диалектический момент этой идеи. Таким образом, этическое содержание чистого понятия идеи, объективируясь (реализуясь), будет конституировать деятельность жизненного мира, его социальных институтов и культуру. Этот момент также будет отмечен плюрализмом партикулярных культур, становление которых будет обусловлено этическим дискурсом, скоррелированным всеобщими, субстанциальными, общечеловеческими ценностями. Отличие диалектического момента субъективного понятия идеи блага от такого же момента в чистом понятии

(в «понятии как таковом») этой идеи заключается в том, что оно будет протекать в инобытии чистого (логического) понятия, т.е. оно должно быть опосредовано природой и конечным духом. Этот процесс также должен носить субстанциальный характер. Очевидно так же, что философия этой ступени развития идеи уже не будет трансверсальной.

Последний этап конституирования идеи блага будет манифестирован фактом, свидетельствующим о действительности добра (любви), как в социальном мире, так и в индивидуальных поступках человека, поскольку станет его сущностью не теоретически – в чистом понятии блага, а в действительности, воплотившись в продуктах его деятельности и морали и познанный в философии. Логической обусловленностью этого состояния будет объективирование субъективного понятия идеи блага, означающее его реализацию. Это момент умозаключения необходимости. В отличие от идеи истины, он фундирован понятием нравственности, а не морали, и именно поэтому будет истинно этическим, а не аксиологическим как в идее истины, поскольку в нём проявится всеобщность и необходимость реализации понятия добра. Такая ситуация обусловлена, тем, что умозаключение необходимости, выражающее этический момент этой идеи, имея своими предпосылками природу и конечный дух завершается во «всеобщем» (абсолютном самосознании или благе-любви), которое станет их сущностью и будет реализоваться и познаваться посредством них (социального мира и конечного духа) и через них в действительности (культуре).

После этого наступит конец человеческой истории, не означающий окончания жизни как таковой. Последующая фаза развития абсолютного духа является предметом не философии, а теософии.

Намеченная в этой статье экспликация идеи блага, как в варианте трансверсальности, так и в других, свидетельствует об эффективности диалектической концепции спекулятивного мышления в процессе интерпретации истории философии современного этапа и в целом.

Список литературы

1. Welsch W. *Unsere postmoderne Moderne*. Berlin. Akademic Verlag. 1987.
2. Хабермас Ю. Философия как «местоблюститель» и «интерпретатор» // Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб., Наука, 2000.
3. Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне. М., Весь мир, 2003.
4. Apel K.O. *Diskurs und Verantwortung*. Frankfurt a. M., 1988.
5. Sartre J.P. *Transcendence of the Ego: An Existential Theory of Consciousness*. Tr.F. Williams and R.Kirkpatrick. NewYork: Hill and Wang. 1991.
6. Guattari F. *Molecular Revolution: Psychiatry and Politics*. Trans. by R. Sheed Harmondsworth: Penguin Books. 1964.
7. Schag C.O. *The Self after Postmodernity*. NewYork. Yale University Press. 1997.
8. Деррида Ж. От частной экономики к экономике общей: Безоговорочное гегельянство // Письмо и различие. СПб., Академический проект, 2000.
9. Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне. М., Весь мир, 2003.

DIALECTIC-SPECULATIVE ANALYSIS OF TRANSVERSAL PHILOSOPHY DEVELOPMENT

A.A. AVSEEV

*St. Petersburg State
University of Service
and Economics*

*e-mail:
alexavseev@gmail.com*

The article discusses the genesis of postmodern philosophy to the latest stage of its development – the transversal philosophy, which is the most appropriate way to reflect the reality at the present stage of social and cultural development. Transversal philosophy is an occurring moment in the history of philosophy, so there is a problem of authentic formulation of its basic features.

Key words: speculative, concept of transversal, absolute idea, postmodernity.

УДК 1 (091) (47+57) «19»I+37.017.92

ИВАН ИЛЬИН О ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННЫХ ОСНОВАХ ВОСПИТАНИЯ СУБЪЕКТИВНОСТИ ЛИЧНОСТИ

О.А. БАРГИЛЕВИЧ

*Российский
государственный
профессионально-педагогический
университет*

e-mail: gsz2004@mail.ru

В статье раскрывается креативное значение наследия И.А. Ильина для процессов духовно-нравственного воспитания в системе образования различных уровней.

Ключевые слова: дух, духовность, духовные ценности, духовное совершенство, духовное обновление, духовно-нравственное воспитание, сердечное созерцание, гуманитарное образование.

С глубокой древности вопрос *духовно-нравственного воспитания* является одним из важнейших. Воспитание способствует выявлению внутренней сути человека и формированию его характера. От правильной постановки воспитательного процесса зависит не только судьба конкретного индивида, но и судьба всего нашего общества. Экономический кризис и социальная нестабильность в России оказали большое негативное влияние на духовно-нравственное воспитание нашей молодежи; привели к девальвации ее духовных национальных ценностей и духовному кризису общества; к критическому снижению уровня общей культуры и нравственности; к оторванности от традиций и ценностей культуры русского народа.

Отмеченные обстоятельства определяют постановку целей воспитания и его содержание, отбор средств, ценностные ориентации педагогов и воспитанников, приоритетные методы и приемы духовно-нравственного воспитания.

В обществе образование всегда имело огромное значение. Закладывание основ знаний о мире, нравственное воспитание, обеспечение нации образованными людьми, формирование полноценного национального самосознания – все это и многое другое связано со сферой образования. Задача образования – сохранение и передача из поколения в поколение основополагающих мировоззренческих и духовно-нравственных ценностей народа, без которых нет, ни народа как культурной целостности, ни отдельных членов как его полноправных и достойных представителей, соучаствующих в его жизни и традициях. Именно эта, важнейшая функция образования сегодня серьезно повреждена: на смену жесткому педагогическому догматизму и позитивизму советской эпохи пришел педагогический релятивизм – плюрализм концепций, школ, течений. От идеологической регламентации в образовании мы пришли к образованию уже без всякого образа, без всякой основы, без всякого смысла. Снова произошло выпадение главного из образовательного процесса – человека.

Россия сегодня проживает, возможно, один из самых сложных и динамичных периодов своей истории, который характеризуется радикальной сменой ценностных ориентиров и общественных идеалов. Духовная крепость, построенная усилиями и подвигами наших предков, сегодня разрушается. Обесценивается тот жизнеобразующий, плодородный слой, без которого не прививаются в человеке понятия Чести, Долга, служения Истине и Отечеству. Этот процесс актуализировал поиски духовных ценностей как созидательной силы, без которых реформация жизни бессмысленна и вызвал интерес к идейному национальному наследию: к великой русской культуре, к русской религиозной философии, к русской педагогике, к отечественной духовной традиции. Россия должна определить ценностный вектор своего исторического пути.

Этот выбор будет успешным, если он будет учитывать аксиологию классической русской философии XIX–XX веков. Изучение творчества русских ученых, представлявших свои педагогические идеи в аспекте религиозных воззрений, побуждает к пересмотру педагогических стереотипов, способствует появлению новых подходов к теоретическим и практическим проблемам духовно-нравственного воспитания. В этом отношении

особый интерес представляет наследие философа, публициста, педагога и правоведа Ивана Александровича Ильина (1883–1954). «И.А. Ильин, как никто другой, ясно прозревал планетарный кризис и квалифицировал его как кризис *духовный* в его *религиозном* сосредоточии. Работы И.А. Ильина обращены к нам, застающим этот кризис. Выход из кризиса предполагает, в первую очередь, не внешние преобразования, а само внутреннее, душевно-духовное преображение человека с иной вертикалью ценностей, с иным пониманием существа человека и межчеловеческих отношений, с иными ориентирами в “жизненном мире” – в воспитании и образовании, в религии и культуре, в политике и хозяйстве, в армии и суде. Ибо ментальность современного человека с ее техно-, и экономикоцентричностью не позволит преодолеть кризис»¹. Глубоко проанализировав духовное состояние современного человечества, Ильин выделил четыре кризисных момента: *доминирование материалистической науки, безрелигиозная государственность, потребительские инстинкты в экономике, засилье безбожного искусства*.

Анализ состояния общественной жизни в России в переломные кризисные периоды, представленные в философско-педагогическом наследии И. Ильина и в современной педагогической мысли в трудах ведущих философов и ученых, выявляет идентичность их суждений о состоянии духовности и нравственности, как у отдельного человека, так и в обществе в целом. «Мы живем в поворотное время: никогда прежде черная изнанка человеческой сущности так самоуверенно, так самодовольно не проступала наружу; никогда не случилось столь наглых поползновений на власть, на угнетение себе подобных; никогда в распоряжении человека не было таких технических возможностей, таких разрушительных средств. Начинается перелом, и мы находимся в центре его. Былое равновесие утрачено. Худшему извне, которое грядет, мы можем противостоять, только начав свое обновление изнутри»².

Педагогическая концепция И.А. Ильина опирается на начала православной духовности и базируется на принципах нравственной педагогики, предполагающих возрождение «религиозного самостояния» на основе «сердечного созерцания» и возрождения чувства собственного достоинства. Проблему образования он тесно связывал с духовной предметностью, которая придает жизни религиозный смысл и ведет к особому состоянию – исканию, ответственности, служению. Представляя образование как просветление человека культурой, философ внес значительный вклад в современные теории воспитания.

«Традиционная отечественная педагогика опирается на православную антропологию – учение о тройственном составе человека в единстве духа, души и тела. Богословие, преломленное в педагогике, дает практическую установку: как в процессе обучения охватить личность целостно, чтобы она была гармонично сформирована во всех отношениях. Имеющийся здесь богатейший святоотеческий опыт просто преступно менять на полуграмотные учения различных эзотериков и откровенных шарлатанов-мистиков. Родители должны знать, какие антропологические модели лежат в основании того или иного педагогического новшества»³.

И.А. Ильин, глубоко и всесторонне рассмотревший компоненты духовной жизни и выявивший характерные отличия человека «духовного» от «недуховного», рассматривает духовность как первооснову в человеке. Он утверждает: «Сознание есть не первая и не важнейшая ступень жизни, а вторичная, позднейшая и подчиненная ... Духовность человека не совпадает с сознанием, отнюдь не исчерпываются мыслью, отнюдь не ограничивается сферой слов и высказываний. Духовность глубже всего этого, могущественнее, богаче, значительнее и священнее»⁴. Из мысли философа, очевидно, то, что воспитание духовности призвано опережать интеллектуальное воспитание человека.

В современных социально-экономических условиях решать задачу духовно-нравственного воспитания нелегко, поскольку сказывается негативное воздействие на человека средств массовой информации, особенно телевидения. Существующие условия

¹ Гончаров С.З. Философия совершенства И.А. Ильина – Екатеринбург: НОУ ВПО «Урал. инс-т. Бизн.», 2007. – С. 10.

² Ильин И.А. Собр. соч.: В 10 т. – Т. 8. – М.: Русская книга, 1993. – С. 563.

³ Варавва В. Образование духа. <http://www.moskva.ru/2001/11/varava.htm>.

⁴ Ильин И.А. Собр. соч.: В 10 т. – Т.1. – М., 1993. – С. 399.

жизни общества таковы, что приводят к усилению негативных факторов, действующих на личность, результатом которых является духовно-нравственное разложение нашей молодежи. Об этом свидетельствуют статистические данные по России: «4 миллиона наркоманов, 700 тыс. сирот, 2 млн. детей неграмотны, более 6 млн. несовершеннолетних граждан России находятся в социально неблагоприятных условиях, ежегодно пропадает более 30 тысяч детей. Более полумиллиона ребятишек ежегодно остаются без одного из родителей»⁵. Сегодня в зоне повышенной опасности и социального риска, своеобразного духовного подполья оказалась вся наша молодежь. Мы не должны допустить, чтобы она сгорела в огне пороков, страстей и соблазнов. Пути воспитания человека различны. Но одно очевидно: признает себя верующим педагог или нет, – в любом случае он обязан заниматься человеческой душой и человеческим духом. *Сердцевиной воспитания должно стать усвоение человеком духовных ценностей.* Ильин не без оснований считал, что образование в России ограничивалось лишь проблемами памяти и практическими умениями и совсем самоустранилось от проблем внутренней, духовной жизни человека. С болью о судьбе русского образования он замечал: образование, само по себе, «не формирует человека, а разнуздывает и портит его, ибо оно дает в его распоряжение жизненно выгодные возможности, технические умения, которыми он – бездуховный, бессовестный, безверный и бесхарактерный – и начинает злоупотреблять. Надо раз и навсегда установить и признать, что безграмотный, но добросовестный простолудин есть лучший человек и лучший гражданин, чем бессовестный грамотей; и что формальная «образованность» вне веры, чести и совести создает не национальную культуру, а разврат пошлой цивилизации»⁶.

В философско-педагогическом наследии И.А. Ильина и в суждении о духовно-нравственном воспитании современного ученого-педагога лейтмотивом обновления образования выступает идея наполнения его содержания национальными духовными ценностями и выражение в них духовного идеала своего народа. «Аксиология И.А. Ильина аккумулирует в себе классическую отечественную и зарубежную культуру, свободна от односторонних крайностей, основательна, систематична, последовательна и полна; она может стать надежным ориентиром в теоретической разработке и практическом решении таких вопросов как духовно-ценностные основы бытия человека, воспитания и образования, семьи и Родины, правосознания и государства, труда и собственности, культуры и армии; она способна быть необходимой предпосылкой развития современной философии и культурологии, этики и эстетики, философии религии и педагогики, политологии и права»⁷.

Вершиной философско-педагогического наследия ученого выступают его труды: «Путь духовного обновления», «Основы христианской культуры», «Путь к очевидности», «О русской культуре», «Аксиомы религиозного опыта». В них главным предметом исследования явились духовная очевидность и основы духовного и нравственного бытия человека.

В своих размышлениях о происходящих в стране изменениях Ильин обращает внимание на факт упадка культуры в стране, причину которого он видит в упадке духовности: «Культура без сердца есть не культура, а дурная “цивилизация”, создающая гибельную технику и унижительную, мучительную жизнь». В такой ситуации, по его мнению, человек становится растерянным и в существенной мере теряет способность верной ориентации и самоопределения. Ученый называет это состояние «расколотым сознанием», причиной которого он считает отсутствие у человека «целокупности» влечения и способностей, согласия инстинкта и духа, веры и знания. Расколотый изнутри человек – несчастен. Вечное недовольство – его удел. Разочарованный, ищет он все новых, не испытанных, острых ощущений; измышляет неслыханные возможности; извращает свой вкус»⁸.

В современном образовании увеличивается разрыв между интеллектуальной подготовленностью и нравственной воспитанностью выпускников общеобразовательных

⁵ Чипанова Н. Из опыта работы Центра духовно-нравственного воспитания студенческой молодежи. <http://www.rusk.ru/st.php?idar=114380>.

⁶ Ильин И.А. Собр. соч.: В 10 т. – Т. 1. Кн. 2. – М., 1994. – С. 177-178.

⁷ Гончаров С.З. Философия совершенства И.А. Ильина – Екатеринбург: НОУ ВПО «Урал. инс-т. Бизн.», 2007. – С. 6.

⁸ Ильин И.А. Собр. соч.: В 10 т. – Т. 8. – М.: Русская книга, 1993. – С. 563.

школ, между профессионально-технической подготовкой специалистов и их духовной и нравственной культурой. Святой праведный Иоанн в одном из своих выступлений в Кронштадтской гимназии отмечает: «Можно быть ученым, но, увы, негодным человеком. Нам нужно образовывать не только ученых людей и полезных членов общества, но и – что всего важнее и нужнее – добрых ...чтобы из всех знаний образовывалось в душах детей, то стройное согласие, та твердая христианская система познаний правил и навыков, которая составляет истинное христианское образование»⁹.

По мнению Ильина, цель воспитания как предполагаемый идеальный результат воспитательного процесса есть «новый способ жизни», в котором реально ощутим ее «высший смысл». То есть, цель воспитания у него имеет особое деятельное выражение не как законченный результат действия, а как движение, наполненное высшим смыслом и имеющее четкие ориентиры бытия: «Ибо “воспитать” – значит сделать из ребенка не преуспевающего человекоугодника, а духовно-зрячего, сердечного и цельного человека с крепким характером. А для этого надо зажечь и раскалить в нем как можно раньше духовный “уголь”: чуткость ко всему Божественному, волю к совершенству, радость любви и вкус к доброте. Это открывает ему путь вверх и даст ему духовную свободу»¹⁰.

Воспитание духовности человека Иван Александрович определяет как важнейшую педагогическую задачу: «Говоря о духовности или духе, не следует представлять себе какую-то непроглядную метафизику или запутанно-непостижимую философию. Дух есть нечто, что каждый из нас переживает в своем опыте. Он есть подлинная реальность и притом драгоценная реальность – самая драгоценная из всех. Тот, кто жаждет духа, должен заботиться об обогащении своего опыта; не о наполнении своей памяти из чужих книг и не об изоляции своего ума умственной гимнастикой; но о разыскании в непосредственной жизни всего того, что придает жизни высший смысл, что ее освещает. Один найдет этот творческий смысл жизни в природе, другой – в искусстве, третий – в глубине собственного сердца, четвертый в религиозном содержании»¹¹.

В развитии педагогической идеи о задаче воспитания духовности Иван Александрович раскрывает перспективные результаты ее решения: «Но если кто-нибудь принял в себя начало духа и начал духовную жизнь, то перед ним открываются новые горизонты, и он вступает в новый план бытия. Он убеждается в том, что дух есть “воздух” и “хлеб” человеческой жизни, ибо человек задыхается и изнемогает без него. Дух есть дыхание Божие в природе и в человеке, сокровенный внутренний свет во всех сущих вещах... Он освещает жизнь, чтобы она не превратилась в ледовую невыносимую пустыню, в хаос пыли и вихрь злобы; но он же сообщает всему сущему силу, необходимую для того, чтобы приобщиться к духу и стать духовным. А это и есть самое важное в воспитании»¹².

В качестве основополагающих ориентиров педагогического процесса И. Ильин выделяет: «Научить правильному восприятию исследуемого предмета (сформировать умение войти в природу этого предмета и соответственно осмысливать его); научить умению ставить вопросы, исходя из “глубин самого предмета”, без чего нельзя найти правильный ответ на его природную сущность; научить умению сомневаться и разрешать сомнения путем содержательно определенного поиска достоверности суждения; научить умению отойти от схематичности мышления, которое упрощает исследование сущности предмета и приводит к мнимым ответам на поставленные вопросы. В результате воспитания всех этих умений человек приобретает способность правильно мыслить и приходить к верному суждению о сущности исследуемого предмета или явления»¹³. Реализацию задач духовно-нравственного воспитания и умственного образования ученый раскрывает в своих педагогических размышлениях о ступенях образования в российской школе. *Он считает необходимым интегрировать в образование процессы развития*

⁹ Шестун Е. Православная педагогика. – Самара: ЗАО «Самарский информационный концерн», 1998. – С. 147.

¹⁰ Ильин И.А. Собр. соч.: В 10 т. – Т. 3. – М.: Русская книга, 1993. – С. 415.

¹¹ Там же. – С. 409.

¹² Там же. – С. 410.

¹³ Там же. – С. 488.

интеллекта и внутреннего (душевного) мира человека; рассматривает в связи с этим функциональные педагогические задачи низшей, средней и высшей школ.

Функциональными педагогическими задачами низшей школы он выделяет: научение ребенка «чтению, писанию и пониманию прочтенного», воспитание умений собирать свое внимание, овладевать своей памятью и сосредотачиваться в указанном направлении, пробудить в ребенке духовность его инстинкта – его доброту, совесть, достоинство, религиозную веру, национальное чувство и правосознание. В наше время решение задачи умственного воспитания может осуществляться вполне благополучно, но решение задачи духовно-нравственного воспитания всегда представляет педагогическую проблему, поскольку все его составляющие должны воспитываться в определенной взаимозависимости, как в содержательном, так и во временном отношениях.

Функциональными педагогическими задачами средней школы, по мнению Ильина, являются: «научить ребенка усваивать указанный ему познавательный материал и технически владеть им: понимание должно быть активным размышлением, горизонт ребенка должен год от года становиться все шире, память должна укрепляться и обогащаться»¹⁴.

Отличительной функциональной особенностью образования человека на данной ступени в педагогическом представлении ученого выступает «необходимость и умение педагога научить ребенка правилам и приемам мышления, используя для этого целенаправленно комплекс специальных упражнений». Развитие мышления ребенка он рассматривает в ракурсе формирования у него способности к творческому самостоятельному суждению относительно изучаемого предмета. Причем направленность развития умения ребенка «слагать свои собственные вкусы, воззрения и убеждения» должна иметь духовно-нравственный аспект: «...а главное – укреплять и применять духовность своего инстинкта»¹⁵.

Ильин считает, что только такая системная взаимосвязь данных процессов позволяет подготовить ученика к переходу на следующую ступень образования. В практике же современной средней школы «увязать» развитие интеллекта и психических процессов (памяти, внимания и др.) вполне удается, а формирование способностей самостоятельности суждений и управления инстинктивными чувствами на духовно-нравственном уровне чаще всего оказывается за пределами внимания преподавателя.

Высшее образование, по идее ученого, выполняет **основную функциональную педагогическую задачу**: «воспитание человека к самостоятельному бытию и мышлению». Школьные «схемы и трафареты», «непрерывный контроль» со стороны преподавателя уступают место «самодеятельности духа и познания мысли». Ильин здесь выделяет другое, отличное от предыдущей ступени преподавание (методический аспект), называя его **академическим**. Если на младших курсах нужно побуждать обучаемых к самостоятельности в познании изучаемого предмета в окружающем мире, вооружая их ум для этого знанием необходимых умений, то на старших курсах «студент должен пытаться мыслить и познавать самостоятельно. Здесь совершается не наполнение памяти, не усвоение памятью и не только техническое упрощение мысли. Здесь дело идет об укреплении и углублении силы суждения; здесь сообщается умение самостоятельно подходить к предмету, воспринимать его и исследовать»¹⁶. Университетское образование призвано воспитать человека к свободе «ибо свобода есть ответственная, творческая самостоятельность человека». Само понятие «воспитание к свободе» ученый рассматривает с позиции свободного научного поиска студентом-исследователем истинности восприятия и осмысления изучаемого предмета или явления. Методическое воспитание у студента «воли к истине» есть педагогическая сложность, разрешение которой Ильин видит в направленности воспитания: «Воспитывая человека в свободе и приучая его к внутренней дисциплине, воспитывая его к самостоятельности и приучая его к самоопределению, академия требует от него победы над аутизмом»¹⁷. Анализ системы непрерывного образования, представленной в педагогическом творчестве ученого низшей, средней и высшей ее

¹⁴ Ильин И.А. Собр. соч.: В 10 т. – Т. 3. – М.: Русская книга, 1993. – С. 463.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же. – С. 463.

¹⁷ Там же. – С. 466.

ступенями, выявляет *необходимость неразрывной взаимосвязи* умственного образования и духовно-нравственного воспитания на каждой из ступеней. При этом духовно-нравственное воспитание выступает базисом по отношению к умственному образованию.

Воспитание способности студентов к исследованию окружающей действительности (в том числе и педагогической) нужно, по мнению Ильина, начинать с мировоззренческой установки на то, что «... в мире нет ничего “простого”, что наука во всех вещах и существах имеет перед собой сверхсложный и всесторонне обусловленный предмет, сокровенно-глубокий и неисчерпаемый ни чувственным опытом, ни рассудком»¹⁸.

В развитии духовно-ценностной сферы самосознания студентов ведущими являются такие дисциплины, как история России, религиоведение, философия, этика, эстетика, цикл культурологических дисциплин, аксиология. «Россия не есть достояние отдельного поколения. Каждое поколение есть одна из живых ветвей на могучем историческом древе России. Россия, наша Родина, выше классов, сословий и партий, выше всякого лица и всякого государя. Она духовно питает каждого, и каждый питает ее и служит ей. Нет таких ценностей, даже “общечеловеческих”, ради которых стоило бы пожертвовать Россией. Чувство родного, Родины обязательно придет к новым поколениям путем воспитания у них исторической памяти, национального и гражданского самосознания, достоинства и чести гражданина Государства Российского»¹⁹.

Изучение истории своего народа Ильин рассматривает как движущую силу развития чувствования человеком национальной духовности: «Душа русского человека должна раскрыть в себе простор, вмещающий всю русскую историю так, чтобы инстинкт его принял в себя все прошлое своего народа, чтобы воображение его увидело всю его вековую даль, чтобы сердце его полюбило все события русской истории. Мы должны освоить волею наше прошлое и волею замыслить наше будущее»²⁰.

Примерно то же утверждают и современные авторы: «За каждым человеком, как за волной, плещется океан истории его народа. Российское национальное воспитание зиждется на опыте народа России, на отечественной культуре, на ответственности личности перед Богом, Родиной и народом. Воспитать российский характер – значит развить юную душу до духовности, укоренить душу в абсолютные ценности культуры, возжечь в одухотворенной душе любовь к совершенству, вознести эту любовь до веры и развить веру до системы конкретных ценностей, как путеводителей на жизненном пути»²¹.

Дух совершенства выражается в ценностях. Духовные ценности направляют стратегию жизни, личностное, социальное, профессиональное самоопределение человека, его мотивы, выбор им модели своего Я, образа жизни и жизненного пути. Проектируя в юных душах ценности, педагог тем самым задает социальную направленность поведения молодежи. Аксиологический уровень является решающим и определяющим. Он обязывает педагога к наибольшей социальной ответственности.

Для современных философских взглядов на определение сущности личности и ее воспитание характерны в основном два подхода: диалектико-материалистический и трансцендентальный. Педагогика, опирающаяся на учение И. Ильина, усматривает верховное значение мира ценностей в развитии личности и устройении бытия в обществе, независимость человека от каких-либо других высших начал «...личность человека не развивается из самой себя, что в ее высших и творческих силах она связана с миром ценностей – сверхиндивидуальных, сверхэмперических»²². Ориентация на мир ценностей как на духовно-нравственный идеал в воспитании, приобщение к ним личности является, таким образом, основной задачей педагога. Проблема духовно-нравственного воспитания подрастающего поколения остается за пределами внимания, так как в содержании мировоззренческих знаний и в содержании образования в целом ей не отведено определенного

¹⁸ Ильин И.А. Собр. соч.: В 10 т. – Т. 3. – М.: Русская книга, 1993. – С. 530.

¹⁹ Гончаров С.З. Философия совершенства И.А. Ильина – Екатеринбург: НОУ ВПО «Урал. инс-т. Бизн.», 2007. – С. 273.

²⁰ Ильин И.А. Путь духовного обновления. Собр. соч.: В 10 т. – Т.1. – М.: Русская книга, 1993. – С. 206.

²¹ Гончаров С.З. Философия совершенства И.А. Ильина – Екатеринбург: НОУ ВПО «Урал. инс-т. Бизн.», 2007. – С. 270.

²² Ильин И.А. Собр. соч.: В 10 т. – Т. 3. – М.: Русская книга, 1993. – С. 543.

места. Противоречие между мозаичным содержанием знаний о духовном мире человека, отсутствие знаний об основах православно-педагогической культуры и необходимостью их системного интегрирования в формируемой педагогической культуре требует своего разрешения. Прежде всего, это необходимо в определении самих понятий духовности и нравственности в их сущностном выражении, а также – приведение в систему тех знаний из области духовно-нравственного воспитания, которые могли бы стать инвариантными, чтобы не было смысловой путаницы в трактовке излагаемых целей. В противном случае невозможно говорить о системном подходе к духовно-нравственному воспитанию.

«Современное человечество, писал И.А. Ильин, создает бессердечную культуру и погружается в хаос духовного затмения. Человек будущей культуры должен снова возлюбить духовную свободу, предаться живой сердечной доброте, возрастить в себе драгоценное смирение как источник подлинной силы, преклониться перед тайной Божиего мироздания, укрепить в себе силу сердечного созерцания, научиться радости благодарения и восстановить в себе подлинную религиозность»²³. И.А. Ильин предостерегал нас от беспечности в оценке глубины духовного кризиса, в который мы погрузились. Обновление, предстоящее нам, считал он, «должно составить целую эпоху в истории. Ибо старые дороги исхожены и прежнее строение акта, творившего культуру, привело нас к ужасным, чудовищным проявлениям внутренней жестокости и внешней техники. И близится время, когда мы все будем помышлять только о внутреннем обновлении и будем искать Божьей помощи и спасения»²⁴. Или в мире необходимой станет духовная философия, или силы хаоса, распада, деградации превратят человечество в клоаку, которая наскоро обретет какое-то подобие почвы, способной на новую жизнь культуры, или трясины утопят здоровую жизнь, а останется кривое, убогое имитаторство культуры.

Ильин утверждает, что воспитание разума, как созидательной внутренней силы человека, выступает одной из важнейших педагогических задач воспитателя. Научение воспитуемого способности «сердечного созерцания» посредством духовного и душевного вчувствования в изучаемый предмет есть суть его сердечного переживания, волевых усилий и размышлений в отношении познавательной деятельности.

Ученый выделяет воспитание творческого человека как одну из важнейших педагогических задач. Развитие творческой мысли, по его мнению, будет происходить лишь в том случае, если она по своей сути есть «верующая» (наличие духовного идеала и безграничная вера в его духовно-нравственное достоинство), то есть, религиозная: «Человеческий ум должен найти путь к вере – не к суеверию, запугивающему нас, и не к пустоверию, проявляющему нашу глупость, – а к созерцательной вере, разумной и светлой, к вере достаточного основания. Мысль должна примириться с творческим, предметным воображением и опять стать созерцающей, интуитивной и прозорливой»²⁵. Принцип системности предусматривает включение в содержание образования философских, научных и религиозных взглядов на проблемы миропонимания, места и предназначения человека в существующем мире. Приведение в систему этих знаний определяется как интеллектуальная и психологическая основа формирования у обучаемых направленности на духовно-нравственное самовоспитание, развитие их творческой активности.

Особое значение в духовно-нравственном воспитании принадлежит гуманитарному образованию. Термин «гуманитарное образование» означает дословно образование *человеческого* в человеке, его родовых, *всеобщих* по значению общекультурных способностей, которые организуют все *особенные* проявления человека как *личности, специалиста, гражданина*. Всеобщие способности модифицируются в *особенные* – в профессиональные умения компетентно осуществлять те или иные технологии согласно специальности. Развитые всеобщие способности создают «стартовые» преимущества в самостоятельной жизни – в сферах профессиональной и непрофессиональной.

Сегодня в центре гуманитарного знания должно находиться утверждение чувства собственного достоинства каждого индивида и народа в целом. И.А. Ильин говорил: «Чувство собственного достоинства есть необходимое и подлинное проявление духовной

²³ Ильин И.А. О грядущей русской культуре // Родина и мы. – Смоленск, 1995. – С.444.

²⁴ Там же. – С. 477.

²⁵ Там же. – С. 423.

жизни; оно есть знак того духовного самоутверждения, без которого немислимы ни борьба за право, ни политическое самоуправление, ни национальная независимость. Гражданин, лишенный этого чувства, – политически недееспособен; народ, недвижимый им, – обречен на тяжкие исторические унижения»²⁶.

Воспитание – ведущая форма социализации и управления становлением личности. Его *первичность* по отношению к обучению заключается в *направляющей функции ценностного содержания* по отношению к содержанию информационно-технологическому, *целей* по отношению к средствам. От того, что молодые люди считают для себя самым главным, дорогим и священным, зависит судьба России в XXI веке. «Обучение без воспитания ценностно слепо. Воспитание вне обучения содержательно пусто». В отечественной педагогике утвердилось положение о воспитывающем обучении и об обучающем воспитании.

Воспитание призвано побуждать человека стать культурным, значит умеющим избирать объективно лучшие содержания, понимать их преимущество, развивать их в себе, объединяться на их основе и жить ими. Российское воспитание основывается на духовном опыте народа России, на примерных деяниях ее подвижников и героев, на отечественной истории и культуре, на ответственности перед Богом, Родиной и народом, на главной установке, приемлемой для людей разных убеждений: «Кто бы я ни был, каково бы ни было мое общественное положение, – от крестьянина до ученого, от министра до трубочиста, – я служу России, ... а не “мамоне” и не “начальству”, “не личной похоти” и не “партии”, не “карьере” и не просто “работодателю”, – но именно России, ее спасению, ее строительству, ее качеству, ее совершенству, ее величию, ее *оправданию перед лицом Божиим*»²⁷.

Цели воспитания реализуются путем решения следующих задач, которые согласуются и с задачами социально-гуманитарной подготовки студентов: развитие *духовно-ценностной сферы самосознания*; ценностное развитие их *социальной и профессиональной компетентности*; развитие *целостной субъективности* до способности к свободному самоопределению в социально значимых делах; развитие *умений осуществлять гуманитарно-социальные технологии* как в индивидуально-личностном плане (телесном, душевном, духовном), так и в системе социальных отношений и институтов, норм и социальных статусов; развитие *духовной и профессиональной компетентности*.

В системе педагогических идей И.А. Ильина отражены вопросы теории и практики духовно-нравственного воспитания личности в процессе ее становления и развития. Ученый рассматривает цель воспитания как особое деятельное выражение способа жизни человека, наполненного высшим смыслом и имеющим четкие ориентиры бытия. Главной задачей он выделяет приобщение человека к духовно-нравственным ценностям отечественной культуры и включение его в самоорганизацию своей духовной жизни посредством творческого поиска смысла жизни; воспитание у него высших духовных способностей: чувство национальной духовности; чувство патриотизма; искусство самостоятельного суждения; способность к творческой исследовательской деятельности. Жизнь и творчество Ильина – пример восхождения к высочайшему уровню духовности. Иван Александрович, рассуждая о «духе» «одухотворенности», «духовной религиозности», имеет в виду человеческую духовность – ту внутреннюю направленность и соответствующую ей жизнь, которая придает человеческой душе и всей человеческой культуре высшее измерение, высшее значение и ценность.

Понятие «духовность» в последние годы постоянно употребляется в педагогической среде, но трактуют его разнообразно и часто искажают истинный смысл. Обычно учителя отождествляют духовность с нравственностью, не проводят никаких различий между духовностью и душевностью. Эти ошибки не являются безобидными, и потеря сущности понятия «духовность» проявляется в конечном итоге в отсутствии духовного воспитания и образования. Понятие «духовность», как высший уровень развития личности, реализующей самые высокие человеческие ценности, имеет религиозное происхождение и основа-

²⁶ Ильин И.А. О сущности правосознания. В 2 т. – Т.1. – М.: Медиум, 1993. – С. 211.

²⁷ Ильин И.А. О воспитании в грядущей России / И.А. Ильин // Собр. соч.: В 10 т. – Т. 2. Кн. 2. – М., 1993. – С. 183.

ние. Духовность – это путь человека к Богу. Духовное воспитание служит воспитанию целомудрия, чистоты, послушания, трудолюбия, смирения, патриотизма. «Требуется возобновление и восстановление утерянной стратегии воспитания духовности, целенаправленного развития ценностного самосознания молодежи. Проблема формирования духовности должна быть поставлена, осмыслена и решена на общегосударственном уровне в рамках восстановления и обновления содержания и форм воспитания подрастающего поколения как особого и важнейшего социального института общества»²⁸.

Применение личностно-ориентированного образования в условиях высших учебных заведений создает наиболее благоприятные условия для соединения учебного процесса с научно-исследовательской работой студентов. Кроме того, широкое участие студентов в научной работе является в настоящее время адекватным и эффективным путем преодоления известного противоречия между массовым характером подготовки в вузе и потребности развития у каждого обучаемого самостоятельности и инициативы, индивидуального профессионального почерка и творческих способностей. «Таким образом, культурно-образовательное пространство университета развивается как система, приоритетами которой являются гуманистические идеалы и ценности, т.е. образовательно-воспитательный процесс имеет культурологическую и личностную направленность, в основе которой духовно-нравственные ценности»²⁹.

Определяя студенчество как идентификационную группу, следует подчеркнуть, что это, прежде всего, совокупность индивидов, объединенная возрастом, спецификой труда, особыми условиями жизни, поведением и психологией, общими ценностями и идеями в едином культурно-образовательном пространстве. Среди студентов наблюдается падение престижа науки и авторитета педагогической деятельности. Следовательно, возникает проблема кадров, которые будут готовить будущих специалистов в нашей стране. Для решения данной проблемы необходима серьезная государственная политика в области образования, обеспечивающая социальный престиж образования и науки.

«Когда русский человек верует, то он верует не волею и умом, а огнем сердца. Ни во что, не веруя, русский человек становится пустым существом, без идеала и без цели. Ум и воля русского человека приводятся в духовно-творческое движение именно любовью и верою. Этому соответствовала и православная концепция Христианства: не формальная, не законническая, не морализирующая, но освобождающая человека к живой любви и к живому совестному созерцанию»³⁰. «Учение об образе Божиим есть основная конститутивная идея в правильно построенном учении о человеке»³¹, – пишет В.В. Зеньковский статью, специально посвященную этому учению. Мыслитель замечает, что в современной, по преимуществу внехристианской антропологии нет места для учения об образе Божиим, Правда, трудно без обращения к высшему Образу сколько-нибудь внятно сказать, например, о совести, ибо совесть не зависит от какого-то внешнего контроля, не регулируется нравственными или, тем более, юридическими нормами, совесть – это свет, посещающий самых черствых, загубленных до крайней преступности людей, совесть – это тайна предстояния человека перед высшей ответственностью пребывания в мире, это надмирное измерение поступков.

Русская педагогика, активно развивавшаяся в России с конца XIX века, основной упор делала на воспитательный процесс в образовании. «Совершенно очевидно, что русская культура, будучи в основе своей православной, имеет огромный нравственный воспитательный потенциал. Сегодня необходимо организовать встречу подрастающего по-

²⁸ Усманов В., Дзюнов А., Ветошкин А. // Россия. Родина. Молодежь. Доклад на VII Международных Ильинских научно-богословских чтениях (Екатеринбург, 27-28 апреля 2009) <http://www.rusk.ru/st.php?idar=114341>.

²⁹ Бондаревская Е.В. Теория и практика личностно-ориентированного образования. – Ростов-н/Д, 2000.

³⁰ Ильин И.А. О русской идее // И.А. Ильин Собр. соч. – Т. 2. Кн.1. – М., 1993. – С.420-422.

³¹ Зеньковский В.В. Об образе Божиим е человеке // Православная мысль. Труды Православного богословского института в Париже. Вып. II. – Париж, 1930. – С. 126.

коления с русской культурой, не отсекая и не разрушая при этом ее духовных корневых связей»³².

В работах Ильина представлены глубокие размышления о предпосылках духовного обновления человека – о вере, знании, любви, свободе. В качестве важнейшей социальной ячейки всего сложного общественного организма ученый выделяет семью, так как именно через нее личностью постигаются и усваиваются все истоки духовной жизни. «Семья есть первое лоно любви и веры. В семье человек осознает себя свободным существом»³³.

Ильин сравнивает человеческую семью «с целым островом духовной жизни». Если семья этому понятию не соответствует, то она обречена на разложение и распад. История показала и подтвердила это с достаточной наглядностью. «Великие крушения и исчезновения народов возникают, как считал Ильин, из духовно-религиозных кризисов, которые выражаются, прежде всего, в разложении семьи»³⁴. Курс на укрепление семьи, взятый нынешним российским руководством лишнее подтверждение выводов и оценок русского философа, сделанных около восьмидесяти лет тому назад. Философ И.А. Ильин от оценок и выводов о значении семьи для воспитания ребенка переходит к размышлениям о вкладе семьи в становление ребенка как потенциально активной личности. Семья в творческом наследии мыслителя выступает как первооснова таких понятий, как отечество, Родина, нация, как лоно естественной человеческой солидарности. По мнению И. Ильина, корни человеческие – это отечество и семья, посредством их и осуществляется связь человека с миром. Отрыв от традиционных корней становится большой опасностью для человека, ведущей, в конечном счете, к разрушению культуры. Для русской нации, возвращенной на православную культуру, христианские ценности не только привносят мудрость, но и прорастают сквозь века Веры в суть народного бытия, общественных взглядов, образа жизни. Христианские ценности и есть ценности России.

Основное направление созидания более адекватной требованиям времени педагогики связано с переключением внимания с изучаемого предмета на субъективный внутренний мир человека в контексте его бытия. Задача создания культурного субъекта меняет представления о профессионализме преподавателя. «В человеке субъективно все, что обеспечивает ему возможность и способность встать в практическое отношение к своей жизнедеятельности, к самому себе»³⁵.

Профессионализм педагога – в умении организовать пространство культуросообразного «события», в котором «взращивается» человек «внутренний», его «субъективность» и проектируются условия придания ей культурных форм, обретения человеком «образа человеческого». Само же педагогическое пространство следует понимать как среду, в которой защищается и востребуется «внутренний человек», целостность его субъективного мира, актуализируется ценностно-смысловая сфера личности. А результатом процесса «окультуривания» должны становиться выработанные с помощью и поддержкой педагога внутренние идеалы и нормы, соотносимые с культурной нормой, а не принятие системы предписаний извне.

Процесс обретения субъектом деятельности своей национально-культурной идентичности носит весьма сложный и противоречивый характер, так как идентификация субъектом себя как носителя ценностей нации еще не означает, что он в тоже время является носителем ценностей национальной культуры. При определении идентификационного статуса человека может сложиться ситуация доминирования одного признака над другим, что приводит к «разломам» в структуре личности. В случае превалирования культурной идентичности над национальной формируется тип личности, не рассматривающий свою национальную принадлежность, как нечто значимое. При доминировании

³² Бурмистрова Л.В. Всероссийская научно-практическая конференция «Духовно-нравственное воспитание на флоте – традиции и современность» http://www.pokrovforum.ru/action/scien_pract_conf/pokrov_reading/sbornik_2004-2005/txt/burmistrova.php

³³ История философии права. Под ред. Керимова Д.А. – СПб., Санкт-Петербургский университет МВД России, 1998. – С.626.

³⁴ Ильин И.А. Собр. соч.: В 10 т. – Т.1. – М., 1996. – С. 145-146.

³⁵ Менегетти А. Проект Человек. – М., 1998. – С.215.

национальной идентичности индивид утрачивает представление о том, носителем ценностей какой культуры он является.

Философско-педагогическое наследие Ивана Ильина позволяет выявить и систематизировать его идеи духовно-нравственного воспитания, раскрыть их педагогический аспект и определить предпосылки развития и адаптации в решении современных проблем воспитания и профессионального образования. Духовное спасение и возрождение общества требует огромной научно-теоретической работы по созданию обновленных духовных ценностей, пересмотру позиций в области содержания образования и морального сознания. Сегодня это уже происходит, и общество пусть медленно, но возрождается к своим истокам историческим и духовно-нравственным.

Изучая философско-педагогическое наследие И.А. Ильина, можно сделать ряд выводов.

Духовно-нравственное воспитание в настоящее время становится очень актуальным во всех сферах жизнедеятельности человека: в семье, в школе, в вузе, в профессиональной деятельности. И важнейшей задачей здесь выступает одухотворение мышления человека: его следует учить логике научного поиска, имеющей духовно-нравственный аспект суждений в отношении новых открытий и следующих за ними конструктивных построений, какой бы области знаний это не касалось. Духовный идеал и его жизненные постулаты являются при этом ориентирами, как в направлении научного поиска, так и в использовании его данных. «Духовное достоинство», как чувство предназначения своего бытия в мире на уровне «духовного задания» (улучшать этот мир через совершенствования себя); «духовная ответственность» (ощущение творческой основы в выборе жизненного пути), осознание собственного несовершенства (потребность в самосовершенствовании) выступают в педагогическом наследии ученого как методологические составляющие его концептуальной основы духовно-нравственного воспитания и в то же время являются ориентирами в определении целевых установок, задач и содержания самого процесса духовно-нравственного воспитания человека.

Не впадая в крайности реформаторства и модернизации, необходимо неуклонно возвращать образованию утраченную духовную сущность. Здесь очень много будет зависеть от школы, от конкретного учителя, от того, какую нравственную, интеллектуальную, духовную и культурную позицию он займет.

Иван Ильин еще в первой половине столетия говорил: *«Судьба будущей России лежит в руках русского учителя – преподавателя школы и гимназии, а также профессора, который есть учитель учителей. Он (учитель) должен знать и понимать, что дело не только в развитии наблюдения, рассудка и памяти, а в пробуждении и укреплении духовности в детях. Поэтому он должен сам твердо и ясно постигнуть, что есть духовное начало в человеке, как надлежит будить его в детях, укреплять и развивать, как можно пробудить в ребенке религиозное чувство, совесть, достоинство, честь, художественный вкус, братскую сверхклассовую солидарность, правослабие, чувство ответственности, патриотизм и уважение к своей и чужой собственности»*³⁶. Эта мысль И.А. Ильина в полной мере соотносится с современными задачами воспитания личности. Одухотворение школы возможно лишь высоким духом учителя-воспитателя, его устремленностью к высшему, к вечному восхождению и поиску истины. Его слова особенно актуальны в наше время.

Список литературы

1. Бондаревская Е.В. Теория и практика личностно-ориентированного образования. – Ростов-н/Д, 2000.
2. Бурмистрова Л.В. Всероссийская научно-практическая конференция «Духовно-нравственное воспитание на флоте – традиции и современность» http://www.pokrovforum.ru/action/scien_pract_conf/pokrov_reading/sbornik_2004-2005/txt/burmistrova.php.
3. Варавва В. Образование духа. <http://www.moskva.ru/2001/11/varava.htm>.
4. Гончаров С.З. Философия совершенства И.А. Ильина – Екатеринбург: НОУ ВПО «Урал. инс-т. Бизн.», 2007.

³⁶ Ильин И.А. Русский учитель // Опыты православной педагогики. – М., 1993. – С. 196.

5. Зеньковский В.В. Об образе Божиим и человеке // Православная мысль. Труды Православного богословского института в Париже. Вып. II. – Париж, 1930.
6. Ильин И.А. Собр. соч.: В 10 т. – Т. 1. Кн. 2. – М., 1994.
7. Ильин И.А. Собр. соч.: В 10 т. – Т. 8. – М.: Русская книга, 1993.
8. Ильин И.А. Собр. соч.: В 10 т. – Т. 3. – М.: Русская книга, 1993.
9. Ильин И.А. Путь духовного обновления. Собр. соч.: В 10 т. – Т.1. – М.: Русская книга, 1993.
10. Ильин И.А. О грядущей русской культуре // Родина и мы. – Смоленск, 1995.
11. Ильин И.А. Собр. соч.: В 10 т. – Т.1. – М., 1996.
12. Ильин И.А. О сущности правосознания. В 2 т. – Т. 1. – М.: Медиум, 1993.
13. Ильин И.А. О воспитании в грядущей России / И. А. Ильин // Собр. соч.: В 10 т. – Т. 2. Кн. 2. – М., 1993.
14. Ильин И.А. О русской идее // И.А. Ильин Собр. соч. Т. 2. Кн.1. – М., 1993.
15. История философии права. Под ред. Керимова Д.А. – СПб., Санкт-Петербургский университет МВД России, 1998.
16. Менегетти А. Проект Человек. – М., 1998.
17. Усманов В., Дзюев А., Ветошкин А. // Россия. Родина. Молодежь. Доклад на VII Международных Ильинских научно-богословских чтениях (Екатеринбург, 27-28 апреля 2009) <http://www.rusk.ru/st.php?idar=114341>.
18. Чипанова Н. Из опыта работы Центра духовно-нравственного воспитания студенческой молодежи. <http://www.rusk.ru/st.php?idar=114380>.
19. Шестун Е. Православная педагогика. – Самара: ЗАО «Самарский информационный концерн», 1998.

IVAN ILYIN ABOUT SPIRITUAL AND MORAL BASIS OF EDUCATION OF PERSONALITY'S SUBJECTIVITY

O.A. BARGILEVICH

*Russian State
Professional-Pedagogical
University*

e-mail: gsz2004@mail.ru

The article explains the importance of Ilyin's creative heritage for the processes of spiritual and moral education in the system of education at various levels.

Key words: spirit, spirituality, spiritual values, spiritual perfection, spiritual renewal, spiritual and moral education, heartfelt contemplation, liberal arts education (humanitarian education).

ЭТИКО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ СПЕЦИФИКИ ДИЛЕММ БИОЭТИКИ НА ПРИМЕРЕ ПРОБЛЕМЫ ПРЕРЫВАНИЯ БЕРЕМЕННОСТИ

Е.А. БЕЛКИНА

*Калужский
государственный университет
им. Циолковского*

В статье рассматривается проблема этических оснований прерывания беременности.

Ключевые слова: этика, биоэтика, прикладная этика.

В основе биоэтики как прикладной науки лежат базовые принципы, соблюдение которых выступает в качестве нравственного императива всей медицинской деятельности. Наиболее широкую известность и признание получили, в частности, такие биоэтические принципы, как принцип «не навреди», автономии, «делай благо», справедливости. Однако на практике их использование часто приводит к противоречиям, когда в конкретных ситуациях отдельные принципы сталкиваются между собой, порождая дилеммы биоэтики.

Ярким образцом подобных биоэтических дилемм является, например, проблема прерывания беременности. Согласно «принципу автономии», который дает человеку полное право распоряжаться своим здоровьем и телом, в случае наступления беременности женщина вправе самостоятельно принимать решение о ее сохранении или прерывании. Однако это право женщины вступает в противоречие с правами ребёнка, который ещё не родился. Данный вопрос является одним из самых обсуждаемых и спорных в современной биоэтике.

Центральной проблемой биоэтических дискуссий о допустимости или недопустимости искусственного прерывания беременности является вопрос: что есть эмбрион? Это просто клон жизнеспособных клеток, которые при сохранении беременности в процессе развития превращаются в человека, или же, эмбрион – это человек уже с самого момента оплодотворения? Другими словами, является ли эмбрион частью организма матери или он обладает качеством человеческой индивидуальности с первых мгновений своего существования? Суть данной дискуссии в контексте биоэтики сводится к разрешению дилеммы между основными принципами биоэтики «не навреди» и «принципом автономии». Прежде всего, эта проблема касается этического статуса эмбриона, от которого зависит решение морально-этической проблемы искусственного прерывания беременности или аборта.

В медицине аборт называется любое прерывание беременности. Проблема аборта – одна из наиболее древних проблем, лежащая на стыке медицины, философии, теологии и юриспруденции. Искусственное прерывание беременности в наши дни является распространенным медицинским вмешательством. Это не только морально-этическая, но и одна из острейших медицинских проблем. Осложнения и последствия данной операции могут привести к летальному исходу или тяжелой инвалидизации женщины. Однако с позиции практикующего врача ответ на вопрос о целесообразности аборта не однозначен. Если беременная женщина имеет тяжелые соматические заболевания, которые осложняют течение нормальной беременности, могущие привести к рождению ребенка с пороками, не совместимыми с жизнью, к рождению ребенка инвалида, грозящие летальным исходом матери, в таких ситуациях аборт становится единственно возможным выходом. То есть, если беременность сопряжена с летальным риском для женщины, врачи будут рекомендовать искусственное прерывание беременности для сохранения здоровья и жизни женщины.

Искусственное прерывание беременности известно с древнейших времен существования цивилизации, и столько же ведутся различные дискуссии и споры о допустимости данного медицинского вмешательства. Клятва Гиппократова запрещает врачу прерывание беременности. Аристотель же считал аборт вполне допустимым. Два основных

обоснования аборта с позиций Аристотеля это – регулирование рождаемости и допустимость аборта, пока у эмбриона не сформировалась «двигательная активность» и «чувствительность».

В Древнем Риме аборт широко практиковался и не подвергался осуждению. Эмбрион считался частью материнского тела, и наказание за умерщвление плода не предусматривалось.

С возникновением христианства произошла некоторая переоценка ценностей, и эмбрион стал считаться полноценным человеком. Поэтому уже в эпоху раннего христианства аборт приравнивается к убийству человека. В христианской религии важным считался момент, когда плод приобретает бессмертную душу. Единого мнения на этот счет не существовало. Наиболее распространенный вариант – 40-й и 80-й дни. В средние века утверждение церкви об обретении эмбрионом бессмертной души на определенном сроке беременности оборачивалось строгим наказанием за аборт, вплоть до смертной казни. В России смертная казнь за аборт просуществовала столетие с 1649 г по 1749г.

Вопрос о допустимости искусственного прерывания беременности становится наиболее спорным и дискуссионным с развитием естественнонаучных знаний. В Парижской медицинской академии в 1852 г состоялась дискуссия, посвященная вопросу допустимости искусственного аборта. Статистика материнской смертности после кесарева сечения стала главным аргументом в пользу искусственного прерывания беременности. Эта дискуссия положила начало формированию концепции медицинских показаний к искусственному аборту в европейской медицине. Неоднократно аборт юридически запрещали во многих странах мира, даже в наши дни. В дореволюционной России законодательно было оговорено, что проведение искусственного аборта без наличия угрозы жизни матери является преступлением. Если лицо, производящее аборт, принадлежало к медицинской профессии, это считалось отягчающим обстоятельством.

На протяжении XX столетия российское законодательство неоднократно то запрещало, то разрешало проведение операции по искусственному прерыванию беременности. В настоящее время оно в России разрешено. Юридическое запрещение аборта приводило к росту числа подпольных абортов, проведению этой медицинской операции в антисанитарных условиях лицами, не имеющими даже среднего медицинского образования, и, как следствие, росту материнской и младенческой смертности, рождению в последующем нежизнеспособных детей, росту бесплодия, как исхода осложнения криминального аборта. В 1913 г. состоялся XII съезд Пироговского общества, на котором были приняты решения относительно искусственного прерывания беременности. В целом на этом съезде аморальность искусственного аборта была признана, но, тем не менее, от принципа уголовного наказания для матери и врачей за данную операцию решено было отказаться.

Россия стала первой страной, где аборт стал легальным. В 1920 г. была юридически разрешена данная медицинская операция в условиях государственных больниц. Эта мера была направлена против криминальных абортов. В то время считалось, что рост числа абортов связан в основном с тяжелым экономическим положением и «пережитками прошлого», к которым новое революционное правительство России относилось религио- и институт патриархальной моногамной семьи.

Дальнейшая история развития общества и медицины доказала ошибочность данной теории, продемонстрировав, что экономический рост и распространение медицинской грамотности среди населения не приводит к снижению или полной ликвидации абортов. Это привело к тому, что в общественном сознании советского общества проблема искусственного прерывания беременности утратила прежнюю аморальность. Новое поколение советских людей относилось к прерыванию беременности обыденно, не видя в этом никакого нравственного зла. Аборт стал частью жизни и практически единственным методом регулирования рождаемости в СССР.

До 1930 г. публиковалась статистика абортов, в которой был наглядно виден рост их числа. Помимо роста числа искусственного прерывания беременности, неблагоприятная демографическая ситуация в стране была связана с непростой социальной обстановкой: гражданской войной, голодом, репрессиями, коллективизацией. Все это привело к тому, что правительство поменяло политику в отношении абортов на диаметрально противоположную. Аборты были запрещены.

В послевоенные годы в стране отмечался значительный рост криминальных аборт-ов. Это заставило руководство страны опять изменить политику в отношении аборт-ов. В 1955 г. запрет был снят. Аборты имели право производить только лица со специальным медицинским образованием, только при сроке не более 12 недель, исключительно в условиях стационара. Если хоть одно условие было нарушено, аборт автоматически считался криминальным, за что предусматривалось уголовное наказание – до 8 лет исправительных работ.

В 1987 г. в СССР законом было разрешено искусственное прерывание беременности по социальным показаниям на сроке до 28 недель. Для этого необходимо было предоставить документальное свидетельство о разводе, который произошел во время беременности, многодетности (более 5 детей) и т.д. Таким образом, политика государства по отношению к аборт-ам на протяжении последних десятилетий XX века становилась все более либеральной. Однако в нашей стране всегда существовал длинный перечень медицинских показаний, разрешающий прерывание беременности до 28 недель, и задолго до официального разрешения властей женщина могла прервать беременность сроком более чем 12 недель, имея соответствующее медицинское показание. Во многих странах мира создавались программы по планированию семьи, развитию методов по предотвращению нежелательной беременности, широко применялись различные способы контрацепции. В нашей стране аборт на протяжении многих десятилетий оставался практически единственным методом регулирования рождаемости. Основная часть работы по сокращению числа аборт-ов возлагалась на практикующих врачей и заключалась в том, что врач-гинеколог должен был убеждать уже беременную женщину сохранить беременность. Лишь в конце 80-х начале 90-х годов в нашей стране была принята программа по планированию семьи. Возникли многочисленные общества и движения против аборт-ов. Русская Православная церковь так же активно подключилась к этой проблеме.

В середине XX столетия в дискуссию об аборт-ах активно включились участники феминистского движения. Отстаивание прав женщин в обществе не могло не затронуть и вопрос о праве женщины быть или не быть матерью. С позиций феминизма женщина вольна сама решать, когда ей становится матерью.

Как видно из истории данной проблемы, однозначной позиции в этом вопросе быть не может и каждый случай индивидуален. Сюда, например, можно отнести проблему беременности несовершеннолетних девочек. Известны случаи, когда малолетние матери кончали жизнь самоубийством, страшась гнева родителей, общественного осуждения и не имея возможности самостоятельно решить эту проблему в силу своей социальной незрелости.

Специалисты так формулируют содержание проблемы искусственного прерывания беременности: « должны или нет эмбрионы иметь право не быть убитыми, как другие человеческие существа? Защитники считают центральным вопрос о том, можно ли заставить женщину вынашивать нежелательный плод даже ценою собственного здоровья и жизни?»¹.

В 1952 г. была создана Международная федерация планирования семьи (МФПС), в 1991 г создана российская ассоциация «Планирование семьи», которая занимается вопросами, связанными с планированием семьи, репродуктивным здоровьем и репродуктивными правами человека. Репродуктивное здоровье – это один из главных показателей здоровья человеческой популяции. Репродуктивные права необходимы для обеспечения и создания благоприятных социальных условий, способствующих сохранению репродуктивного здоровья. Основное репродуктивное право – право иметь и сохранять репродуктивное здоровье. Это право реализуется при условии доступности всего спектра способов планирования семьи, существующих в определенный момент объективной реальности. В определенных социальных условиях к этим средствам можно отнести и искусственный аборт. Даже на современном этапе развития общества исключить подобную операцию невозможно.

Так, нередко случаи, когда, уже забеременев, женщина понимает, что не хочет иметь ребенка. Или же на прерывании беременности может настаивать биологический

¹ Юдин Б.Г. Введение в биоэтику. М.: 1998, – С.205.

отец ребенка. Беременность может стать результатом насилия. В подобных ситуациях общество не может требовать от женщины сохранения беременности. Стоит так же отметить, что за нежелательную беременность ответственность должна лежать и на сексуальном партнере женщины.

Позиция противников абортос базируется на утверждении, что эмбрион, плод – это полноценный человек. Главный аргумент – тезис биоэтики «право на жизнь», то есть эмбрион с момента зачатия, как всякий человек обладает этим правом. С этой точки зрения аборт – лишение жизни человеческого существа, поэтому ни морально, ни законодательно аборт не может быть оправдан. Но традиционная медицина в первую очередь интересуется вопросом жизнеспособности эмбриона, т.е. показателем, при котором эмбрион, извлеченный из матки, может выжить с последующим развитием в условиях специального наблюдения медицинским персоналом.

В России до середины 90-х годов жизнеспособным считался плод, рожденный на сроке беременности 28 недель, при массе тела от 1000 грамм. В настоящее время эти показатели снижены до 22 недель внутриутробного развития плода и массе 500 грамм. Но известны случаи выживания плодов, рожденных с массой 480 гр., 450 гр., 360 гр. С развитием медицинских технологий и совершенствованием методов выхаживания недоношенных детей показатели их выживаемости будут повышаться, а, следовательно, и физические критерии жизнеспособности плода будут снижаться.

Особенно важным аргументом в дискуссии о допустимости абортос является фактор боли плода. Чувствует ли плод боль? С научной точки зрения этот вопрос достаточно труден для изучения. Боль – это психофизиологический показатель, требующий определенного уровня созревания структур головного мозга. В конце 90-х гг. XX столетия группой ученых Великобритании было проведено исследование, посвященное данному вопросу. По его результатам был опубликован доклад «Сознание плода». В нем говорится, что структурная дифференциация нервной системы, которая позволяет говорить о сознании плода, начинается не ранее 26-й недели беременности. В практической медицине при проведении процедуры аборта нет прецедентов обезболивания плода. Тем не менее, при проведении клинических испытаний на животных обезболивание предусматривается.

В рамках современной биоэтики по отношению к аборту выделяют три моральные позиции: либеральную, умеренную и консервативную.

Либеральная позиция подразумевает, что женщина имеет полное право на принятие решения о прерывании беременности, вплоть до момента рождения ребенка. Плод не признается полноценным членом социума, на него не распространяются никакие права, в том числе и право на жизнь. В соответствии с этой позицией ничто не препятствует воздерживаться от действий, прекращающих существование плода. В данном контексте аборт – это не убийство. Возможность существования плода и его последующее рождение рассматривается с точки зрения интересов третьих лиц, например, предполагаемых приемных родителей. Либеральная позиция против запрещения абортос, поскольку при этом ограничиваются права матери.

Умеренная позиция основывается на мнении, что плод развивается в человеческую личность постепенно. С увеличением срока беременности плод накапливает объем своих прав, в том числе и права на жизнь. В последние три месяца внутриутробного развития плод обладает правом на жизнь, который может превысить лишь прямая угроза жизни матери. Плоды с грубыми пороками, аномалиями развития, не совместимыми с жизнью, с умеренной точки зрения обладают незначительной человечностью. Наибольшие трудности для принятия решения о прерывании беременности – во втором триместре. Поскольку в этот период плод уже обладает некоторым набором человеческих прав, то аборт может быть квалифицирован, как убийство «невинного». В начале своего существования эмбрион не является обладателем права на жизнь, интересы матери преобладают и являются решающими в вопросе моральной оценки проведения аборта.

Консервативная позиция состоит в том, что аборт никогда не имеет никаких оправданий. С этой точки зрения аборт – убийство. С момента зачатия зародыш – полноценная человеческая личность, обладающая определенным набором прав, в первую очередь, правом на жизнь. Статус плодов не обсуждается, никакого промежуточного состояния не признается. Такая позиция присуща представителям религиозных конфессий.

Различие в биоэтических подходах к дилемме абортот находится отражение и в современном законодательстве. Так, в странах Европы выделяют четыре типа законов об аборте:

1. Аборт по просьбе. Существует в небольшой группе стран и характеризуется как либеральный тип законодательства.

2. Аборт разрешен по социальным и медицинским показаниям.

3. Основанием для аборта может быть угроза физическому или психическому здоровью женщины, беременность, наступившая в результате изнасилования или инцеста, аномалии развития плода, не совместимые с жизнью.

4. Аборт, разрешенный лишь в исключительных случаях, когда беременность представляет прямую угрозу жизни женщины. В данной группе стран аборты практически запрещены.

В мире в целом в 98% стран аборт разрешен для спасения жизни женщины, в 62% – для сохранения психического и физического здоровья женщины, в 42% – при беременности, наступившей после изнасилования или инцеста, в 40% – при аномалии развития плода, в 29% – по социальным и экономическим причинам, в 21% – «аборт по просьбе».

Таким образом, на примере проблемы искусственного прерывания беременности видно, что дилеммы биоэтики носят ситуативный характер и разрешаются через противоречивое соотношение основных биоэтических принципов, становясь основой для морального и юридического выбора в вопросах медицинской практики.

Список литературы

1. Юдин Б.Г. Введение в биоэтику. М.: 1998.

ETHIC AND PHILOSOPHIC ANALYSIS OF SPECIFICITY OF THE INDUCED TERMINATION OF PREGNANCY DILEMMA

E.A. BELKINA

*Tsiolkovsky Kaluga
State University*

The paper analyzes the main features of the bioethics dilemma of the induced termination of pregnancy which are connected with conflicting nature of the basic bioethics principles. The substance of such a difficult problem of the induced termination of pregnancy is researched as an illustration of the conflicting nature of the bioethics principles. The statement about contextual character of the bioethics dilemmas and resolving they throw contradictory balance of the main bioethics principles is based on the dilemma of abortion. Bioethics dilemmas become base for moral and legal change at medical practice.

Key words: bioethics, bioethics dilemmas, induced termination of pregnancy, abortion, principles of bioethics.

АНТРОПОЛОГИЯ РЕВОЛЮЦИИ: МЕТОДОЛОГИЯ АНАЛИЗА СОБЫТИЯ И КИНО-РЕПРЕЗЕНТАЦИИ

О.С. БОРИСОВА¹⁾
С.Н. БОРИСОВ²⁾

*¹⁾ Белгородский государственный
национальный исследовательский
университет*

e-mail: Borisova@bsu.edu.ru

*²⁾ Белгородский государственный
институт искусств и культуры*

e-mail: SBorisov@bsu.edu.ru

Статья посвящена анализу методологии исследования революции как события и репрезентации в дискурсе кинематографа. Обосновывается тезис о событии революции как событии истины и событии репрезентации.

Ключевые слова: революция, кинематограф, репрезентация, событие, дискурс.

Даже краткий анализ антропологического содержания феномена революции позволяет сделать вывод о том, что исключение этого измерения революции из философского дискурса эпохи модерна не исключают возможности манифестации человека другими средствами и в других дискурсах, что, в свою очередь, нуждается в обращении к развернутой методологии, содержащей не только собственно философские, но и иные методы и модели интерпретации, в том числе культурно-антропологические и культурно-семиотические. Позволим себе предположить, что применительно к феномену революции происходит своеобразная «миграция» антропологических смыслов в сферу искусства. Мы ограничим область нашего анализа только киноискусством.

Нашими исходными положениями будут являться: 1) тезис о переходе антропологического измерения из философского дискурса о революции как событии в дискурс кино/искусства; 2) это предполагает второе утверждение – о тройственной связке философии, кино/искусства и политики; 3) тезис о событии проявляющем себя двойственно, как *событие истины* и как *событие репрезентации*, т.е. событие, длящееся в дискурсе и сохраняющее онтологическую верность событию истины¹.

Наш первый тезис о переходе антропологического (исходно философского) как истины о человеке (отталкивающегося от идеи истины) в сферу искусства, в частности кино, фундирован целым рядом высказываний о статусе философии. В качестве определяющего можно указать определение философии А. Бадью, который пишет, что «философию предписывают условия, которые являются типами истинностных, или родовых процедур. Эти типы суть наука (точнее, математика), искусство (точнее, поэма), политика (точнее, политика изнутри, или политика раскрепощения) и любовь (точнее, процедура, которая превращает в истину разъединенность половых позиций)»². Философия топологически оказывается местом реализации искусства и политики (науки и любви); функционально – способом манифестации истин. Философия предстает своеобразным дискурсом «пустоты», который делает возможным организацию множества в единство, то есть возникновение истин искусства и пр.

В этой связи «миграция» антропологического есть не столько «вхождение» философии в искусство, сколько реализация самой философии, равно как и искусства кино. Примечательно описание типологии монтажа, которое дает Ж. Делез в своей работе «Ки-

¹ Эти положения во многом уже рассматривались нами. Борисова О.С., Борисов С.Н. Событие и дискурс: к антропологии русских революций начала XX века // Научные ведомости БелГУ. Серия «Философия. Социология. Право». – 2011. № 8(103). Вып.16 – С. 192-199.

² Бадью А. Манифест философии. СПб., 2003. – С.168.

но», где советский монтаж С.С.Эйзенштейна назван «диалектическим»³. И это было созвучной реализацией диалектики в теории и практике кино.

Если для Бадью самореализация искусства совпадает с реализацией философии (то есть они родственны как «родовые процедуры» производства истины), то Ж. Делез и Ф. Гваттари принципиально разводят философию и искусство, так как «из фраз или их эквивалента философия добывает концепты (не совпадающие с общими или абстрактными идеями), тогда как наука – проспекты (пропозиции, не совпадающие с суждениями), а искусство – перцепты и аффекты (также не совпадающие с восприятиями или чувствами)»⁴. Вместе с тем, несмотря на разность концепта и перцепта, можно найти точки их пересечения. Концепт есть точка пересечения сингулярностей, бесконечная множественность (что роднит концепт с символом!), очерченная пролегающей в ней интенсивностью. И в этом смысле концепт вне опытен, так как «философский концепт не нуждается в компенсирующей референции к опыту, но сам, в силу своей творческой консистенции, создает событие, парящее над всяким опытом, как и над всяким состоянием вещей»⁵.

Таким образом, концепт, будучи *планом организации множественности*, форматирования его в единство (фрагментарное единство), способен соотноситься с перцептом и аффектом посредством события, которое он инициирует. Тем более, что таким событием будет революция как чистое событие. В этом качестве Революция есть концепт, *реализация невозможного* (протест против существующего положения), совершенно новый план манифестации множественности. В терминологии Бадью можно говорить о том, что событие революции продолжается посредством различных дискурсов, в том числе и языка кино, с сохранением верности исходному онтологическому событию истины.

Указанное дискурсивное «облачение» истины или концепта связано также с практикой. И именно в этом направлении событие как вектор интенсивности сингулярностей, организации множественности реализуется не только философски (как истина), но также политически и идеологически в их символическом, *семиотическом воплощении*. Указанная триада (философия – кино/искусство – политика/идеология) в соотнесенности элементов находит подтверждение в словах С.С. Эйзенштейна, который говорит, что «если революция привела меня к искусству, то искусство целиком ввело в революцию. Углубление в историю партии и революционное прошлое русского народа давало то идеологическое наполнение, без коего невозможно большое искусство»⁶. Более того, искусство и политика объемлются событием, *объединены им*, или *растворены в нем*, или формируют, *семиотически конструируют его*. Образуются своеобразные триангуляции: философия – искусство – политика; субъективное – интересубъективное – объективное.

Дальнейшее существование этого события связано с его воплощением в творчестве режиссера, где оно и предстает в качестве выделяемого нами *события репрезентации*, т.е. культурно-семиотически. Это второе событие связано с первым процедурой верности, сохранением невозможности прежнего существования и творчества, разрывом со старой ситуацией, хотя и «кишит интерпретациями» (В.А. Подорога).

Не менее важным является необходимость различия кино и конкретного фильма как *уровней семиотической манифестации события*. Естественно, не стоит рассматривать их изолированно, поскольку они соотносятся и конкретный фильм отражает общие тенденции развития «языка кино». Вопрос в том, на каком уровне событие вторгается в киноповествование, ведет ли оно к изменению целого («языка кино» как такового) или части (конкретного фильма)? Мы склоняемся к той точке зрения, что только в конкретном фильме может произойти «разрыв» и вторжение события как *одной из* его семиотических интерпретаций. В нашем случае революция 1917 г. привела к коренной перестройке «языка» кинематографа в России, что и проявилось в конкретных фильмах.

Уточнения требует ключевой концепт (именно концепт, так как понятийно он слабо эксплицирован даже на уровне тезаурусном, словарно-энциклопедическом) – **репрезентация**, поскольку даже в первом приближении очевиден ее сложный характер,

³ Делез Ж. Кино. М., 2004. – С.78-87.

⁴ Делез Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? М., 2009. – С.31.

⁵ Там же. – С. 41.

⁶ Эйзенштейн С. Избранные произведения. Т.1. М., 1964. – С.74.

закрывающийся не только во влиянии приведенных троичностей, взаимном наложении дискурсов философии, политики и искусства; но также события как разрыва в плане имманенции. Словарное определение репрезентации фиксирует два преимущественных значения этого понятия: *замещение* (одно вместо другого); и *представительство* (вторичное присутствие)⁷. Репрезентация предполагает, тем самым, наличие *объекта, знака (символа)* его замещающего и собственно *воспринимающего*.

Вторая, не менее значимая трактовка репрезентации, делает акцент на «выражении чего-либо» и берет начало в философии (гносеологии и семиотике) Нового времени⁸. Но взятая в своей схематичности, репрезентация в целом актуализирует ряд проблем: явленности и сокрытости бытия, истинности и ложности знания, а также статуса знака в его соотношении с реальностью. Не затрагивая религиозно-герменевтический ракурс проблемы (аспекты явленности/сокрытости бытия), остановимся на актуальной в современной философской гносеологии и семиотике проблеме соотношения знак – реальность.

Существуют две «титულных» позиции в осмыслении данной проблемы. Одна из них представлена подходом Ч. Пирса, который устанавливает жесткую связь между знаком и объектом, предлагая «триадичную» модель знака, включающую репрезентант (форма знака), интерпретанту (смысл знака) и объект (замещаемое знаком)⁹. Триадичность знака основана на постулате о троичной природе знаковой реальности, отражающей предметы. Очевидно, что конститутивная *проблема репрезентации*, заключающаяся в *разрыве означаемого и означающего*, преодолевается у Пирса обращением к субъекту, поскольку именно в *сознании человека* происходит пересечение репрезентанта, интерпретанта и объекта.

Другой подход представлен концепцией Ф. де Соссюра, который, опираясь на структурный подход в лингвистике, выделяет две составляющих знака. Означающее и означающее; *форма*, которую принимает знак, и *объект*, то, что он замещает, по его мнению, находятся в отношениях *произвольности*. Критика подобия основывалась на утверждении, что связь слова и вещи совсем не очевидна и механизм связи означающего и означающего иной: «Языковой знак связывает не вещь и имя, но понятие и акустический образ. Этот последний не есть материальный звук, вещь чисто физическая, но психический отпечаток звука, представление, получаемое нами о нем, посредством наших органов чувств»¹⁰.

Вместе с тем, несмотря на различия в концепциях Пирса и Соссюра, мы можем выделить важную для нас идею, заключающуюся в *возможности знака презентировать не наличную реальность, но иное, которое может быть отождествлено с событием*. Акцентируемый разрыв означающего и означаемого у Ф. де Соссюра или иконический знак у Ч. Пирса создают *пространство виртуальности, нечто идеальное*, которое не менее реально, чем материальное, и анонсируют появление *события истины*, выражаясь словами А. Бадью.

Указанная проблема может пониматься как событийная (событийно обусловленная) «двойственность» знака, и во многом она присуща кинематографу. Ю.М. Лотман, понимая под знаком материально выраженную замену предметов, процессов и прочего в коллективе, и устанавливая, казалось бы, жесткую связь между знаком и непосредственной реальностью, допускает в кино не только отражение реальности, но и событийного (как воли к не-реальному как *идеальному* в философском, а не эстетическом смысле)¹¹. Не беремся уточнять статус слова «событие» в работе Лотмана, но контекст свидетельствует о наделинии его значением «подлинной реальности», *нереальное (фантазийное)* получает статус *реального (объективного)* благодаря эмоции или аффекту. Далее в работе «Семиотика кино и проблемы киноэстетики» мы можем найти указание Ю.М. Лотмана на то, что основная задача искусства – это не воспроизведение реальности, а наделе-

⁷ Репрезентация / Новейший философский словарь. Мн., 2003. – С. 826.

⁸ Там же.

⁹ Пирс Ч. О знаках и категориях (письмо к Леди Уэлби)./ Избранные философские произведения. М., 2000.

¹⁰ Соссюр де Ф. Курс общей лингвистики. М., 1998. – С.66-68.

¹¹ Лотман Ю.М. Семиотика кино и проблемы киноэстетики. Таллин., 1973. – С. 36.

ние объектов *смыслом*, т.е. их *семиотическая репрезентация*¹². И если смысл может (должен) отсылать к истине, то задачей кино может стать *культурно-семиотическое воспроизводство события*.

Безусловно, сам процесс знакообразования (семиотизации) в кино в его связи со смыслообразованием достаточно разработан. Одной из работ, посвященных этой проблеме, является «Отсутствующая структура. Введение в семиологию» У. Эко, в которой он анализирует специфику визуальной коммуникации и значительное внимание уделяет «языку кино». Критикуя понятие иконического знака у Ч. Пирса и Ч. Морриса, У. Эко приходит к идее укорененности иконического знака не в подобии, а в *кодах восприятия*, своеобразных «графических конвенциях», в которых «иконический знак представляет собой модель отношений между графическими феноменами, изоморфную той модели перцептивных отношений, которую мы выстраиваем, когда узнаем или припоминаем какой-то объект. Если иконический знак и обладает общими с чем-то свойствами, то не с объектом, а со структурой его восприятия, он выстраивается и узнается в ходе тех же самых умственных операций, которые мы совершаем, формируя образ, независимо от материала, в котором закрепляются эти отношения»¹³.

В случае кино, по мнению У. Эко, следует говорить об аудиовизуальной коммуникации, также выстраивающейся на основе кода. При этом следует различать уровень фильма и «языка кино». Опираясь на работы Меца и Пазолини, Эко говорит о наличии неких элементарных единиц «языка кино», которые соответствуют реальности и конфигурации которых определяются кодом. В целом, пытаясь обобщить подходы Меца и Пазолини, можно говорить об уподоблении «языка кино» «словесному языку» с выделением *кинем* (аналог фонем) и *кадра* (аналог монемы). Учет новации Эко позволяет дополнить указанную параллель следующими замечаниями: 1) кинема не соотносится с реальностью, а является результатом конвенции; 2) кинема является «значащим целым» также, как и более крупная единица кадр¹⁴. Результатом является критика положения о кино как отражении реальности, построенном на непосредственном «узнавании».

Другой, не менее значимой работой в данной сфере, является «Кино» Ж. Делеза. В отличие от У. Эко, Делез избегает структуралистского ракурса и свойственных ему оппозиций означающего и означаемого, проблемы соотношения знака и образа. Фундамент его анализа находится вне рамок собственно языка и сосредоточен более на *проблеме восприятия*, раскрываемой в пространстве кино. Преимущественным метафизическим основанием служит концепция *хронотопа*, времени-пространства А. Бергсона и идея *множественности бытия*, разработанная Делезом в «Логике смысла» и ряде других работ.

Интересно, что у Делеза это напрямую связано и с категоризацией концепта «сбытие». В.А. Подорога отмечает: «Принципы, образующие событие: структурность (всякое событие выявляется лишь благодаря неизменной повторяемости им охватываемого содержания); имманентность (всякое событие имманентно другому: будущее имманентно настоящему, а настоящее – будущему в силу имманентности завершенным состояниям прошлого); каузальная независимость, в силу чего события могут формироваться в индивидуальные комплексы. Вследствие отсутствия «жесткой» корреляции перцептивного и событийного в акте восприятия образуется промежуток нейтрального времени, эффект прерывистости процесса восприятия, ибо восприятие имеет собственное время, которое является асинхронным времени воспринимаемого; так появляется пустой временной промежуток «между-время» события, «мертвое время» (Делез)»¹⁵. Мы об этом писали выше, связывая два концепта события и революции, но здесь мы выходим на проблему репрезентации революции как события в семиотике кино.

Соединяя исходную интуицию о сущности кино – движении – с рядом онтологических положений теории Бергсона, Делез находит в основании кино не статичный первоэлемент, подобный знаку, а *подвижный образ*. Движение, рассмотренное не как перемещение тел из точки А в точку В, а как разрыв между вещами, длительность множества

¹² Лотман Ю.М. Семиотика кино и проблемы киноэстетики. Таллин., 1973. – С. 37.

¹³ Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию. М., 1998. – С.135.

¹⁴ Там же. – С.166.

¹⁵ Подорога В.А. Событие./ Новая философская энциклопедия: В 4 т. М., 2010. Т.3. – С. 230.

составляющей вещи и множества вещей, позволяет ему прийти к ряду выводов: «1) существуют не только моментальные образы, то есть мгновенные срезы движения; 2) существуют «образы-движения», которые представляют собой подвижные срезы длительности; 3) существуют, наконец, «образы-время», то есть образы-длительность, образы-изменение, образы отношение, образы-объем»¹⁶. Эти образы можно отождествить с сингулярностями некоего плана имманенции, постоянно движущимися, окруженными иными сингулярностями – образами потенциальности. Не статичная кинема, а *динамичный образ* делает возможной *метафизику кино* по Делезу.

Именно бергсоновские понятия движения и бытия множественности помещают кино в оппозиции часть – целое. Движение сообщает возможность соединения и разделения, обладая двойственностью, так как «у движения имеются две стороны, столь же неотделимые друг от друга, как лицевая сторона и изнанка, лицевая и обратная стороны листа: это отношение между частями и влияние целого»¹⁷. Образы-движения следует рассматривать как манифестации, проявления единичности и в то же время отражение скрытого единства.

По Делезу образ есть своеобразное «обещание» целого, поскольку целое подразумевается в единичном образе-движении. Соединение образов есть не что иное как монтаж, и его Делез определяет не только как техническую процедуру, но как процедуру «метафизическую», ибо «монтаж проходит через соединения, купюры и ложные соединения и определяет глобальное Целое... Монтаж и есть та операция, что направлена на образы-движения с целью извлечения из них целого, идеи, образа-времени»¹⁸. Тем самым монтаж не только завершает создание кино как целого, но также предшествует ему как план, идея, заключенная в каждой единичности до их соединения.

В этом смысле факт «вхождения» события истины в материю фильмического может быть отождествлен в некотором смысле с процедурой монтажа как идеи. Можно предположить, что революция как событие истины должно оказать влияние на монтаж. И именно так и есть, если согласиться с анализом творчества С.С. Эйзенштейна, Д. Вертова и ряда других советских кинематографистов у Делеза, поскольку принципом монтажа у них становится диалектика, так как «если можно говорить о советской школе монтажа, то не потому, что режиссеры друг на друга похожи, но потому, что хотя им всем свойственна диалектическая концепция, они различаются между собой по предпочтению, оказываемому тому или иному закону диалектики, воссоздаваемому конкретными режиссерами»¹⁹.

Соответственно событие может проявлять себя в кино на уровне *организации образов*, своеобразного плана вторичной реальности. При этом монтаж присутствует до самого кино, в нем, и после. Здесь можно говорить о своеобразной *топологии события*, поскольку в случае кино речь не идет о презентации, то есть непосредственном отражении, калькировании реальности. Революция как событие истины, произошедшее в определенном пространстве-времени, не соответствует революции в кино, *событию репрезентации*, в котором оно существует как одна из *интерпретаций*, то есть в репрезентации онтологическое основание событийности постоянно ускользает в *чистую, революционную событийность*. Хотя они связаны отношениями «верности», что и позволяет выстраивать *этику истины*. Вместе с тем, событие истины может быть локализовано и в собственно пространстве кино, среде образов.

В нашем случае, следует учесть именно первое, когда событие истины (революция 1917 г.) локализовано в реальности (можно назвать ее константной), а событие репрезентации – в пространстве (и времени) кинематографа. Индуцированный процедурой верности субъект (режиссер), является своеобразной *точкой сборки события репрезентации*, воплощающегося в монтаже как идее до конкретного фильма, в нем и после него. Последний элемент, «после него» требует пояснения, поскольку неочевиден. Более того, он затрагивает аспекты соотношения субъективного и объективного, и трактуется Делезом в том смысле, что «камера не просто показывает мировидение персонажа, она еще и

¹⁶ Делез Ж. Кино. М., 2004. – С. 52.

¹⁷ Там же. – С. 61.

¹⁸ Там же. – С.74.

¹⁹ Там же. – С.84.

навязывает иное видение (курсив наш – О.Б.), в котором трансформируется и переосмысливается первое... существуют образы, претендующие на объективность или субъективность; однако же при несобственно-прямом субъективном речь идет об ном явлении, о преодолении субъективного и объективного по направлению к чистой Форме, чьей функцией является автономное видение содержания»²⁰.

То есть, в столкновении субъективного и объективного, пространстве-времени пересечения зрителя и автора, персонажа и объектов, камеры и реальности, возникает хронотоп, который с полным правом можно назвать привилегированным для отражения самой идеи, Формы или События. Если обозначить среду кинообразов как виртуальную, создающую возможности для реализации «чего угодно», то событие революции встречает в ней гораздо меньшее сопротивление, чем в среде физической (константной реальности).

Список литературы

1. Борисова О.С., Борисов С.Н. Событие и дискурс: к антропологии русских революций начала XX века // Научные ведомости БелГУ. Серия «Философия. Социология. Право». – 2011. № 8(103). Вып.16 – С. 192-199.
2. Бадью А. Манифест философии. Спб., 2003.
3. Делез Ж. Кино. М., 2004.
4. Делез Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? М., 2009.
5. Лотман Ю.М. Семиотика кино и проблемы киноэстетики. Таллин., 1973.
6. Новая философская энциклопедия: В 4 т. М., 2010. Т.3.
7. Новейший философский словарь. Мн., 2003.
8. Пирс Ч. О знаках и категориях (письмо к Леди Уэлби)./ Избранные философские произведения. М., 2000.
9. Соссюр де Ф. Курс общей лингвистики. М., 1998.
10. Эйзенштейн С. Избранные произведения. Т.1. М., 1964.
11. Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию. М., 1998.

ANTHROPOLOGY OF REVOLUTION: METHODOLOGY OF EVENT AND CINEMATIC REPRESENTATION

O.S. BORISOVA¹⁾
S.N. BORISOV²⁾

¹⁾ *Belgorod National Research University*

e-mail: Borisova@bsu.edu.ru

²⁾ *Belgorod State Institute
of Arts and Culture*

e-mail: SBorisov@bsu.edu.ru

The article considers the methodology of the study of revolution as an event and representation in cinematic discourse. The paper claims the thesis of the event of revolution as an event of truth and event of representation.

Key words: revolution, cinema, representation, event, discourse.

²⁰ Делез Ж. Кино. М., 2004. – С.127.

ЭТИКА ДЕКОНСТРУКЦИИ – ОСОБАЯ СТРАТЕГИЯ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

А.В. ВДОВИНА

*Калужский государственный
университет
им. Циолковского*

e-mail: Anastasiya_87@bk.ru

В данной статье особое внимание уделяется деконструкции в качестве интерпретационной стратегии, которую разрабатывает в своих текстах Ж.Деррида. Сама деконструкция рассматривается не как стратегия философствования, характерная для какого-либо направления, а как стиль мысли самого Ж.Деррида.

Ключевые слова: этика, деконструкция, стратегия, интерпретация, истина, текст, метод.

Жак Деррида – великий французский философ, которого считают родоначальником и главой деконструкции. Предметом исследования Деррида является несистемное отражение реальности в философских текстах, составляющих языковую культуру.

Одной из характерных черт деконструкции, является недоверие к традиционному языку философии, который, на первый взгляд, кажется столь естественным. Поэтому, применительно, к любой теме для Деррида очень важным является шаг продумывания и критики той традиции или традиций, предоставляющих философам те термины и понятия, которыми они, порой машинально, оперируют в своих концепциях.

Рассуждая о деконструкции в качестве особой стратегии, существует мнение, что она является не только гносеологическим приемом, который использует Деррида, но и характеризует всю его философию, всю совокупность текстов как некий отличительный признак. Такая точка зрения имеет под собой основания, но вместе с тем она несет опасность представления текстов Деррида как определенной системы, чему противится сам философ. Но несмотря на распространенность этого приема, Деррида не так часто проясняет и объясняет, что же представляет собой деконструкция.

Одним из исключений является небольшая работа под названием «Письмо японскому другу», которая является своеобразным путеводителем по деконструкции. В этом тексте Деррида пытается охарактеризовать деконструкцию, он пишет, что она «не есть ни анализ, ни критика», ни тем более метод, ни «акт или операция»²¹. Кроме того, Деррида подчеркивает, что говорить о «деконструкции вообще» – неправомерно, потому что существует только множество конкретных примеров, опытов деконструкций, и поэтому «деконструкция» существует только как «деконструкции», следовательно, это не есть понятие, операция, анализ или синтез. Деррида постоянно уходит от ответа, не может и/или не хочет давать какие-то определения деконструкции, он не хочет ее ограничивать, он осторожничает, он настаивает на ее неопределенности и неопределяемости, многозначности и вариативности, он постоянно корректирует, уточняет, добавляет, оговаривает.

Одним самых распространенных предубеждений относительно деконструкции, является то, что чаще всего ее воспринимают как определенный метод, не оглядываясь на то, что сам Деррида повторяет в своих текстах, что деконструкция не есть метод, и интерпретировать ее, не учитывая этого, невозможно: «деконструкция не является каким-то методом и не может быть трансформирована в метод. Особенно тогда, когда в этом слове подчеркивается тэоцедурное или техническое значение»²². В связи с этим возникает первый вопрос: почему в отношении деконструкции неприменимо слово «метод» или «методология»? Как пишет сам Деррида, деконструкция не является «технической методикой, возможной или необходимой процедурой, разворачивающей закон программы и применяющей правила»²³, так же она «не является... специфическим рядом дискурсивных про-

²¹ Деррида Ж. Письмо японскому другу. // Вопросы философии, 1992, № 4.

²² Там же.

²³ Деррида Ж. Эссе об имени. Спб, 1998.

цедур, еще в меньшей степени она является правилом нового герменевтического метода»²⁴. Такие высказывания могут объясняться тем, что, по мнению Деррида, не существует одной-единственной деконструкции, которая должна быть методологической процедурой, задающей жесткий образец и пример того, как должны происходить всякие будущие деконструкции. В противоположность этому, деконструкция всегда «должна быть единичной и зависеть от различных конкретных условий, в которых она возникает»²⁵.

Для адекватного описания деконструкции мы, в противоположность жесткому понятию о методе, можем предложить более тонкое представление о стратегии. Для того чтобы, их разграничить, воспользуемся дефиницией метода как некоторой системы регулятивных принципов, необходимых для достижения определенного, то есть уже заданного и представимого результата. В отличие от этого, стратегия ограничивает наш путь лишь тем, что задает только некое направление, намекая на то, как можно продвигаться дальше, не предписывая при этом никакого строгого порядка действий для получения результата, который при данном подходе остается для нас в определенном смысле неизвестным. Иными словами, различие между методом и стратегией заключается в том, что первый представляет собой некий алгоритм, технологию, или рецептуру, дающую нам довольно ясное представление о том, что мы должны сделать для того, чтобы получить в итоге тот или иной результат, чего не происходит в случае со стратегией, когда мы имеем только некий вектор, открывающий довольно вариативное пространство для нашей мысли по поводу какого-либо предмета. В согласии с такой трактовкой, деконструкция может быть охарактеризована как собрание «своеобразных толкований, а не суммарецептов»²⁶.

Как известно, большинство текстов Деррида можно отнести к интерпретациям, в том смысле, что по форме они представляют собой истолкования тех или иных работ других авторов. Деррида отмечает, что одним из фундаментальных оснований, интерпретации является иерархический способ рассмотрения, проявляющийся в том, что она поддерживает некий генеалогический код, который заложен в любом её акте изначально. Это связано с тем, что в самом понятии интерпретации скрывается бинарная оппозиция или иерархия: текст-оригинал vs. разнообразные истолкования по умолчанию предполагающая отношения власти и подчинения, заключенные в любой иерархической структуре. Эти властные отношения проявляются в двух сходящихся направлениях: во-первых, в отсылке к тексту-оригиналу, как некоему «центру, субъекту, привилегированной ссылке, началу»²⁷, гарантирующему истину, и во-вторых, – в отношениях автора и интерпретатора. Первая иерархия, т.е. текст-оригинал vs. его интерпретации, устанавливает жесткое отношение подчинения между текстом-оригиналом и текстами-второстепенными, которые толкуют оригинал на разные лады. Оригинал, в данном случае, источник, гарантирующий истину, вернее, этот источник и есть сама наличествующая истина.

Вторая иерархия – автор vs. толкователи – так же пронизывает всю метафизику, скрываясь под разными причинами. В традиционной метафизике, автор в определенной степени синонимичен богу, создающему текст/мир и обладающим единственной истиной. В случае интерпретации, только он располагает языком и истиной, которые он «одадживает... своим рабам»²⁸, т.е. интерпретаторам. Последние всегда пасуют перед божественной фигурой автора, от которой они неизбежно оторваны и в пространственном и во временном смысле. В результате этого интерпретаторы всегда будут вынуждены «одадживаться» и итог этого «одадживания», т.е. интерпретация как таковая будет отличаться от оригинала. Таким образом, с одной стороны, интерпретация пытается быть как можно ближе оригиналу, а с другой, – она не сможет никогда быть на одной ступени с текстом-оригиналом, т.к. её задачи определяются различием, имеющим в традиции метафизики.

Обе эти иерархии сходятся воедино в той точке, где автор, являющийся творцом оригинального текста, выступает гарантом истины. В свою очередь, это ставит в подчиненное

²⁴ Derrida J. *Psyche: Invention de l'autre*, 1987.

²⁵ Деррида Ж. *Письмо и различие*. М., 2000.

²⁶ Там же.

²⁷ Там же.

²⁸ Там же.

положение интерпретации и интерпретаторов, которые могут лишь бесконечно стремиться к оригиналу и истине, пытаться расшифровать её, но так никогда и не достигнуть.

Таким образом, основания любых интерпретативных практик как таковых исходят из факта наличия «предустановленного текста, скрижали, написанной Автором-Богом, единственным обладателем своего слова»²⁹. Иными словами, интерпретация как гносеологическая практика основывается исключительно на наличии, которое существует теми иерархиями, какие само создает. Интерпретация возвращается к инстанции, все еще называемой оригиналом, потому что именно обращение к этому истоку, по мнению Деррида, и создает саму интерпретацию.

Деррида подчеркивает в этике своего мышления, что он стратегически завершил деконструкцию: для того чтобы его письмо соответствовало порядку тезисов, он исключил из них те, которые с ней не соединились. После того как он открыл возможности стратегии, он одновременно удаляется от нее. Злоупотребляя ранее словом «стратегия», поясняет он, его этика мышления рассматривалась в качестве «военноразжигательной операции» и «военноразжигательного дискурса»³⁰.

Деррида понимает под этим стратегию мышления, которая имеет только одну цель: сделать видимой стратегию для открытия стратегий, которые, делая видимым одно, делают невидимым другое. Его микро-чтения в совокупности составлены так, чтобы открывать трансформации и деформации макро – и микростратегий, благодаря которым проект пополняется другими проектами и стабилизируется при этом сам.

Понятие деконструкции, введенное Жаком Деррида для понимания внутренней силы, действующей в языке и в тексте и самопроизвольно разрушающей любую его однозначность, породило, достаточно строгую методологию текстуального анализа, основанную на выявлении противоречий, принадлежащих внутренней структуре текста, разрушающих любую возможность его устойчивой интерпретации.

Сам Ж. Деррида определяет деконструкцию не как простое логическое деструктурирование, логическое разоблачение противоречий: «Деконструкция совершается, главным образом не на уровне логики. Это не просто способ разоблачения противоречия или его деконструкции, критики...или обнажения обратной стороны, изнанки логических противоречий... это лишь один из многих жестов». ³¹

«Конечно, Деррида скажет нам, что говорить о деконструкции вообще нельзя: можно лишь обращаться к отдельным формам, проявлениям, контекстам деконструктивной работы. Деконструкция – повсюду, но во множественном числе: не деконструкция, а деконструкции... Они по-разному

осуществляются в философии, юриспруденции, политике, они могут «принимать форму» тех или иных техник, правил, процедур, но в сущности ими не являются, хотя до известного предела деконструкция доступна формализации.» ³²

Основным положением деконструкции, является то, что тексты создаются, переосмысливаясь, на основе других уже существующих текстов. Основной единицей исследования здесь оказывается текст, но не любой, а только аллегорически препарированный. В постструктурализме, это имеет такой вид: рассматривается только удвоенный текст. Итак, каждый текст берется здесь для того, чтобы прочитываться через другой текст. Многие авторы указывают на то, что этот принцип обеспечивает нечто вроде своеобразной санкции на воровство (так как обеспечивает авторское алиби). Жак Деррида считает, что так оно и есть и, более того, именно этот принцип как раз и является интеллектуальным правилом современной этики.

Новый текст как бы пишется на полях старого, или старый вставляется в собственную текстовую фактуру. Возникает ситуация текстовых «прививок», «черенков», а, в конечном счете, бесконечное отсылание к еще более первичному, изначальному тексту (который, кстати, возможно и не существует, важна лишь постоянная референция).

²⁹ Деррида Ж. Письмо и различие. М., 2000.

³⁰ Derrida J. Punctuations: le temps de la these. // Du droit a la philosophie. P., 1990.

³¹ Деррида Ж. Письмо и различие. М., 2000.

³² Автономова Н.С. Возвращаясь к азам // Вопросы философии. – 1993.

Деконструкция работает в направлении поиска одного текста внутри другого, растворения одного текста в другом, встраивания одного текста в другой, являясь одновременно письмом-чтением текста. В любом тексте, по мысли Деррида, содержатся два текста: «два текста, две руки, два взгляда, два слушания. Вместе и одновременно отдельно».³³ Как утверждает Деррида, всегда легко отыскать первый текст – текст классический, в нем безраздельно доминирует идея присутствия, в его рамках допустимо лишь осуждение недостаточной разумности во имя того же разума. Этот первый текст, по мысли Деррида, одновременно содержит некие следы иного текста – иного и того же самого. При этом совместить эти два текста, согласно Деррида, невозможно никоим образом: их синтез был бы осуществим как итог «преодоления» их «отличия». Второй же текст являет собой, по Деррида, лишь «смещенную похожесть» первого. Эта «смещенная похожесть» больше похожа, по мысли Деррида, на «едва ощутимую завесу», легкое колыхание которой посредством языковых игр прочтения может трансформировать «мудрость» первого текста в «комедию» второго. Именно наличие двух текстов в едином тексте, провоцирует, обуславливает трансгрессию первого (открытого) текста в текст скрытый. Чтение общего текста требует, по мнению Деррида, особой «двойной науки», т.к. предполагает акцентуацию двузначности таких содержащихся в тексте слов и терминов, двойной смысл которых нельзя преодолеть.

Полагая, что любой текст принципиально незавершен, неполон, французский философ оперирует понятием «дополнение», указывающим на чуждость любого прибавления к полноте (например, того или иного текста) и одновременно на необходимость этого прибавления для достижения совершенной полноты, и так до бесконечности. Текст как бы перестает обладать субстанциональной константой, он оказывается постоянной референцией к другому более изначальному (возможно несуществующему) тексту. По своему трактуя диалектику Гегеля, французский мыслитель полагает, что противоречия принципиально не снимаемы, более того, они являются необходимыми условиями любого развития.

Таким образом, деконструкция, споря с единственностью системы и метода, фактически может означать отказ от системности и от методов вообще.

Этическое значение деконструкции, во многом подвергалось критике со стороны приверженцев постструктурализма и, одновременно, получало признание со стороны более традиционной университетской науки, поскольку таким образом, как представляется, Деррида одновременно упрощает и институализирует до того свободное и едва ли не анархистское понятие деконструкции.

Анализ работ Ж.Деррида, позволивший обозначить предлагаемые французским философом подходы к определению деконструкции, выявить ее структуру, провести систематизацию связанных с ней категорий, а также методов исследования, свидетельствует о стремлении ученого не разрушить, но выявить неоднозначность и противоречивость общепринятых истин, вступить в диалог с традицией культуры, изменить некоторые привычки этического мышления.

Применение деконструкции рядом с другим способом мышления не исчерпывается разлагающим анализом, но является попыткой преодолеть этот способ мыслить. В этом заложен конструктивный момент деконструкции. Она прибегает к другому мышлению, рассматривая чужой текст с возможно не предусмотренных прежним автором точек зрения, создавая связи с другими текстами. Своим способом чтения деконструкция превращает текст, который она деконструирует, в новые контексты. Словно он принимает импульсы другого мышления для того, чтобы развить собственное.

Собственное мышление, получив однажды импульс, не развивается в пустоте, не продолжается в ничем не связанной свободе, но вновь и вновь наталкивается в своем дальнейшем ходе на другое мышление, которое предоставляет деконструирующему мышлению определенное преимущество и дает возможность мыслить по-новому. Именно это существенно для стиля деконструкции, определяющему связи с текстом.

³³ Летровская Е.В., Иванов А.Т. Жак Деррида в Москве: деконструкция путешествия: М: РИК «Культура». 1993.

Деррида выдвигает на первый план письмо. С возможностью понимания письма по-другому мы имеем дело с интерпретацией любых текстов. Он открывает возможность понимания другого и этим заостряет проблему этического.

По Деррида, тексты являются открытыми для гораздо более радикальной множественности и дифференциации значений. Он исходит из того, что до любого значения или понимания на функционирование языка всегда оказывает влияние интерпретация. Соответственно этому пониманию языка, интерпретация для Деррида означает некий вид критики, который он называет деконструкцией. Следуя определенным ключевым понятиям и словам, она деконструирует центры и иерархии, которые находятся в текстах, и показывает, как они контингентно организуют производство значений. Деконструктивная критика является не только конструктивной, но и конструирует одновременно нечто новое. Она строит и перестраивает. Однако при этом она не оставляет после себя никаких прежних субъектов или значений неизменными.

Если рассматривать интерпретацию в широком смысле как вариативную гносеологическую стратегию работы с текстом, то деконструкция является одной из них и может быть названа интерпретативной стратегией, но в случае, когда мы понимаем под интерпретацией определенный метод истолкования, деконструкция не может быть сведена к нему, и именно этот метод она преодолевает.

Следовательно, невозможно ставить знак равенства между интерпретацией в узком метафизическом смысле и деконструкцией, деконструкция является особой стратегией интерпретации.

Таким образом Жак Деррида, будучи новатором в философии и не желая продолжать классическую философскую традицию, разработал свою собственную, оригинальную интерпретативную стратегию – деконструкцию.

Список литературы

1. Автономова Н.С. Возвращаясь к азам // Вопросы философии.- 1993,- №3. – С. 17-21.
2. Деррида Ж. О грамматологии. М., 2000.
3. Деррида Ж. Письмо и различие. М., 2000.
4. Деррида Ж. Письмо японскому другу. // Вопросы философии, 1992, № 4, С. 53-57.
5. Деррида Ж. Эссе об имени. Спб, 1998.
6. Летровская Е.В, Иванов А.Т. Жак Деррида в Москве: деконструкция путешествия: М: РИК «Культура». 1993.
7. Рыклин М. Деконструкция и деструкция. Беседы с философами. М., 2002.
8. Соколов Б.Г. Маргинальный дискурс Деррида. – СПб., 1996.
9. Butler Ch. Interpretation, deconstruction and ideology: an introduction to some current issues in literary theory. Oxford, 1986.
10. Derrida J. Psyche: Invention de l'autre, 1987.
11. Derrida J. Punctuations: le temps de la these. // Du droit a la philosophie. P., 1990.
12. Gasche R. The tain of the mirror: Derrida and the philosophy of reflection. Harvard, 1986.

ETHICS OF DECONSTRUCTION AS THE STRATEGY OF INTERPRETATION

A.V. VDOVINA

*Tsiolkovsky Kaluga
State University*

e-mail: Anastasiya_87@bk.ru

In this article deconstruction is considered as the strategy of interpretation, written by J. Derrida and it is not the strategy of philosophy, but in fact is the way of Derrida's thinking.

Key words: ethics, deconstruction, strategy, interpretation, truth, text, method.

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ СОВРЕМЕННОГО ПОТРЕБИТЕЛЯ ОБУВИ

Л.Г. ГРЕЦКАЯ
Н.В. ЩЕРБАКОВА

*Южно-Российский
государственный
университет экономики
и сервиса*

Формирование ассортимента обувного предприятия должно опираться на репрезентативную информацию о сложившихся требованиях покупателей, их возможной динамике и предпочтениях.

Определение социологического портрета современного потребителя обуви необходимо для повышения эффективности управленческой системы предприятия, корректировке программ производства и реализации, позволяющих реагировать на изменения, происходящие на рынке.

Выявление потребительских предпочтений являются важным регулятором товарной политики предприятия при выборе направлений развития.

Ключевые слова: социологический портрет, поведение потребителей, приоритеты покупателей.

Социологический портрет современного потребителя обуви влияет на эффективность деятельности предприятия и является основой рационального планирования выпуска продукции, отвечающего требованиям рынка. Формирование ассортимента обувного предприятия должно опираться на репрезентативную информацию о сложившихся требованиях, их возможной динамике и предпочтениях покупателей¹.

Исследования поведения потребителей на рынке товаров используются для повышения эффективности управленческой системы предприятия, корректировки программ производства и реализации, позволяющих реагировать на происходящие изменения. Результаты исследования являются главным регулятором товарной политики предприятия при выборе направлений развития.

В качестве метода исследования покупательских предпочтений на рынке обуви был выбран опрос. Опрос, используемый наиболее часто в исследованиях различных видов, является универсальным методом проведения социологических исследований. Он имеет высокую степень объективности, большую точность получаемых данных, относительно невысокую стоимость наиболее точные данные имеет массовый опрос, т.е. опрос большого количества респондентов².

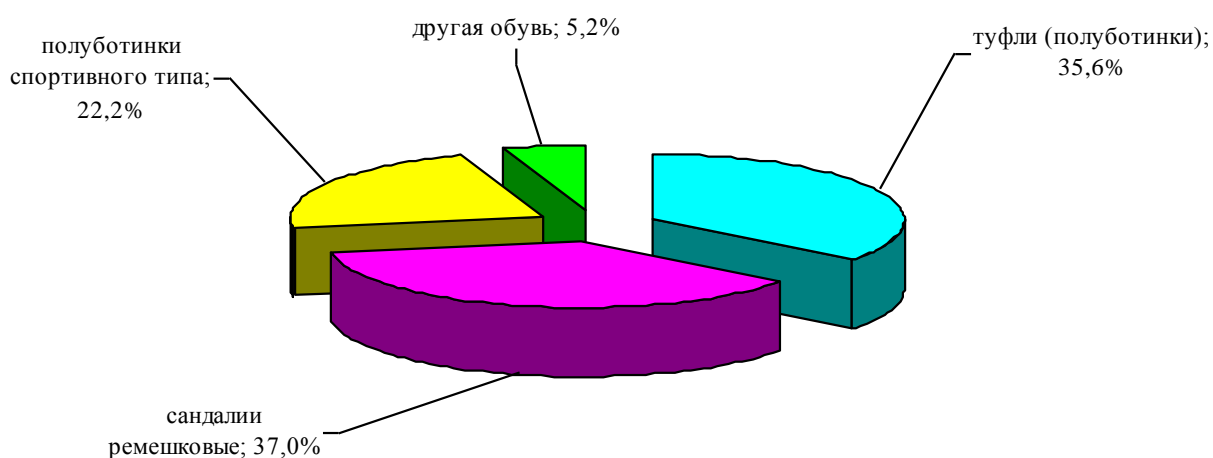
Одним из важнейших этапов планирования массового опроса является формирование выборки. В качестве единицы выступает отдельный представитель определенной группы населения. При определении объема выборки следует учитывать, что целью опроса является получение данных, характеризующих так называемую генеральную совокупность, т.е. всех носителей какого-либо важного признака. Основная идея выборки заключается в том, чтобы по части судить об общем, таким образом, объем выборки должен быть таким, чтобы обеспечивалась её репрезентативность. Анкетирование является разновидностью метода опроса. Обувные предприятия Южного Федерального округа выпускают в основном мужскую обувь. Поэтому в исследовании участвовали сто случайно выбранных мужчин в возрасте от 18 до 55 лет. Опрос проводился в обувных магазинах г. Шахты и г. Ростов-на-Дону.

¹ Алексеенко Л.Д., Щербакова Н.В. Качество прогнозирования поведения потребителя на рынке обуви // Техническое регулирование: базовая основа качества товаров и услуг: Межд. сборник научных трудов. Шахты: издательство ЮРГУЭС, 2008. – С.77-79.; Алексеенко Л.Д., Щербакова Н.В. Исследование влияния сезонного фактора на объем продаж зимней обуви // Техническое регулирование: базовая основа качества товаров и услуг: Международный сборник научных трудов. Шахты, ЮРГУЭС, 2009. – С. 35-36.

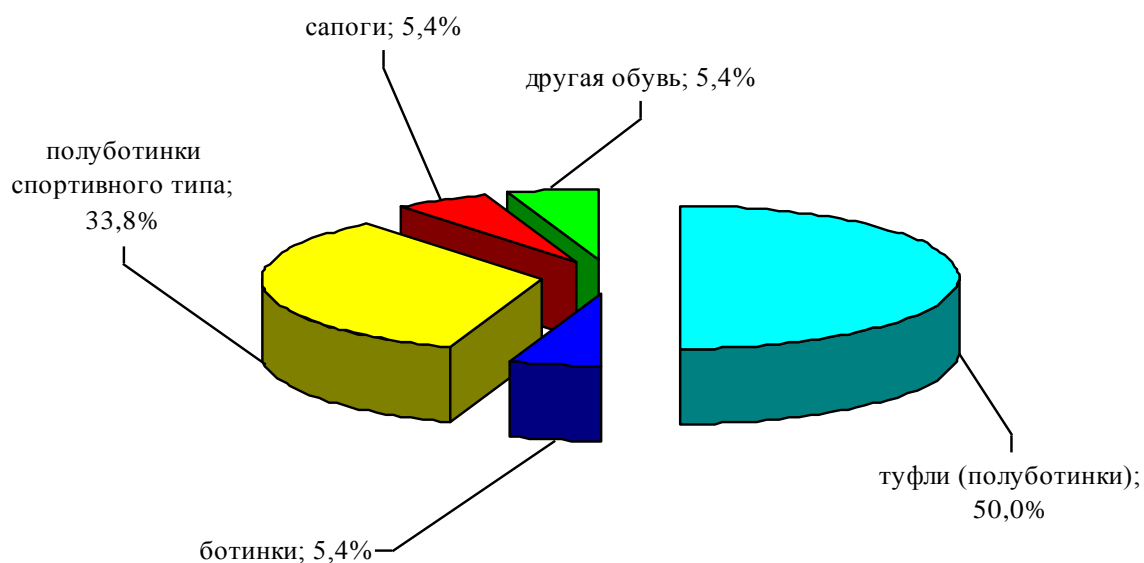
² Колпакова Л.Г. Влияние потребительской аудитории на формирование многоассортиментных потоков по производству изделий из кожи // Метрология, стандартизация и сертификация изделий сервиса: теория и практика: Межд. сборник научных трудов. Шахты: издательство ГОУ ВПО «ЮРГУЭС», 2007. – С.33-35.

Целью проведенного анкетирования является формирование социологического портрета современного потребителя обуви и выявление предпочтений в обуви для дальнейшего исследования технологических процессов её производства для населения Южного Федерального округа и в частности Ростовской области. Обувь должна пользоваться реальным спросом, а её конструктивные и эстетические характеристики наиболее полно соответствовать потребительским предпочтениям данной группы населения. Результаты опроса обработаны на ЭВМ и представлены на рис. 1–8.

Сегодня сезонные предпочтения по видам обуви выглядят следующим образом: туфли (полуботинки) занимают значительное место в гардеробе современного мужчины не зависимо от времени года, обувь спортивного типа также является необходимым элементом, особенно для респондентов первой возрастной категории (18-24 года). Значительное предпочтение оказано сандалиям ремешковым и ботинкам в соответствующих сезонах эксплуатации (рис. 1).

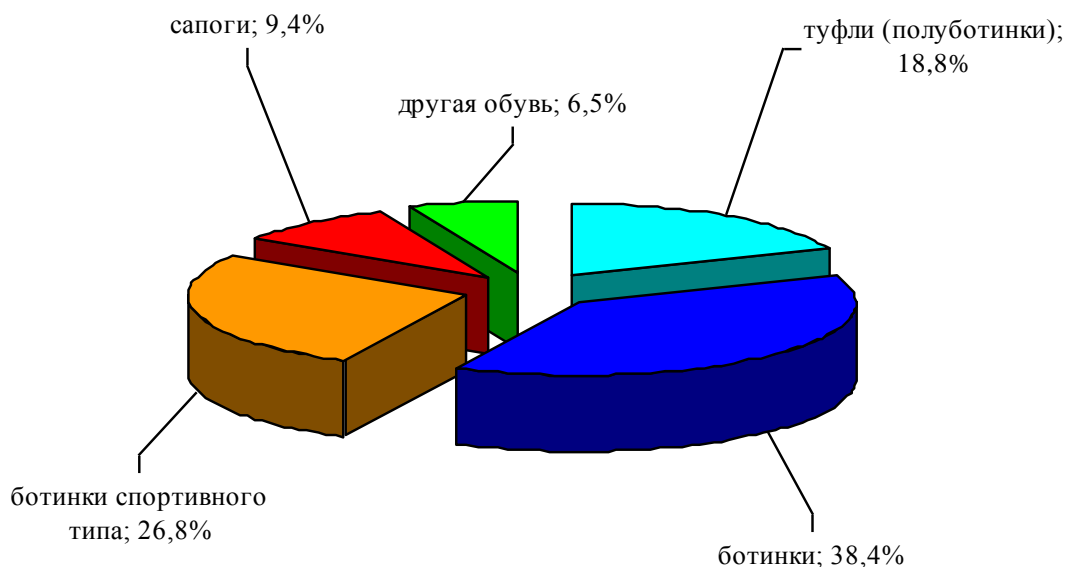

а) летний период носки

б) осенне-весенний период носки

Рис. 1 (а-б). Диаграммы покупательских предпочтений различных видов обуви по сезонам

в) зимний период носки

Рис. 1 (в) Диаграммы покупательских предпочтений различных видов обуви по сезонам

Чаще всего респонденты покупают обувь черного и коричневого цветов, в целом цветовой выбор обуви выглядит следующим образом (рис.2).

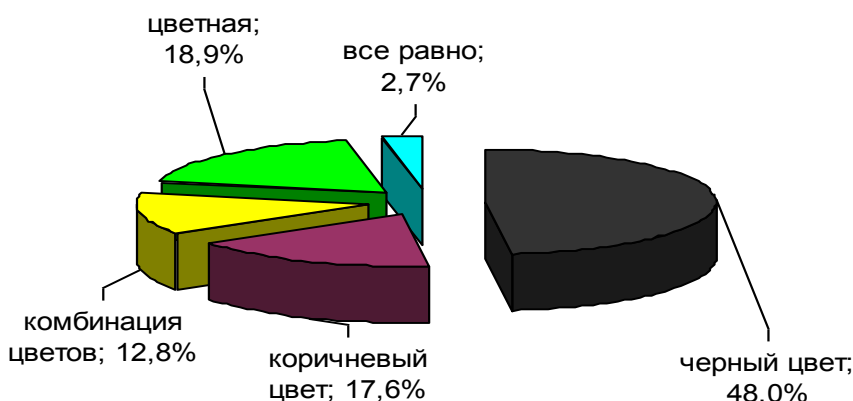

Рис. 2. Цветовые предпочтения в обуви

Подавляющее большинство опрошенных мужчин предпочитают покупать обувь с верхом из натуральных материалов, которая, по их мнению, является более комфортной и престижной (рис. 3). Если для верха обуви практически единодушно выбирались натуральные материалы, то в материалах низа обуви внимание обращалось на сезонность эксплуатации, что выразилось примерно в равных долях представленной диаграммы. Большая часть опрошенных мужчин показала значительную осведомленность в назначении материалов подошвы, но в то же время приблизительно десятая часть затруднилась ответить на поставленный вопрос (рис. 4).

Более половины респондентов предпочитают в качестве способа закрепления обуви на стопе шнурки, на втором и третьем местах со значительным отрывом резинки и лента «велькро» (рис. 5).

Оптимальным количеством наружных деталей в заготовке верха обуви по результатам опроса оказалось наименьшее и среднее, что, вероятно, объясняется тяготением респондентов к классическим направлениям обувной моды (рис. 6).

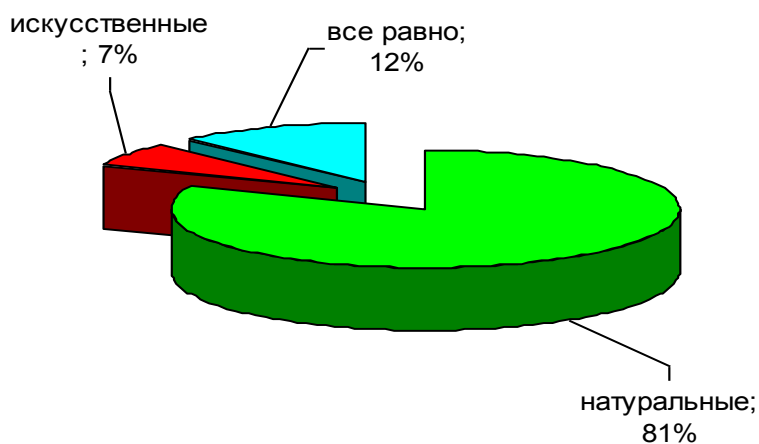

Рис. 3. Характеристика обуви по материалам верха

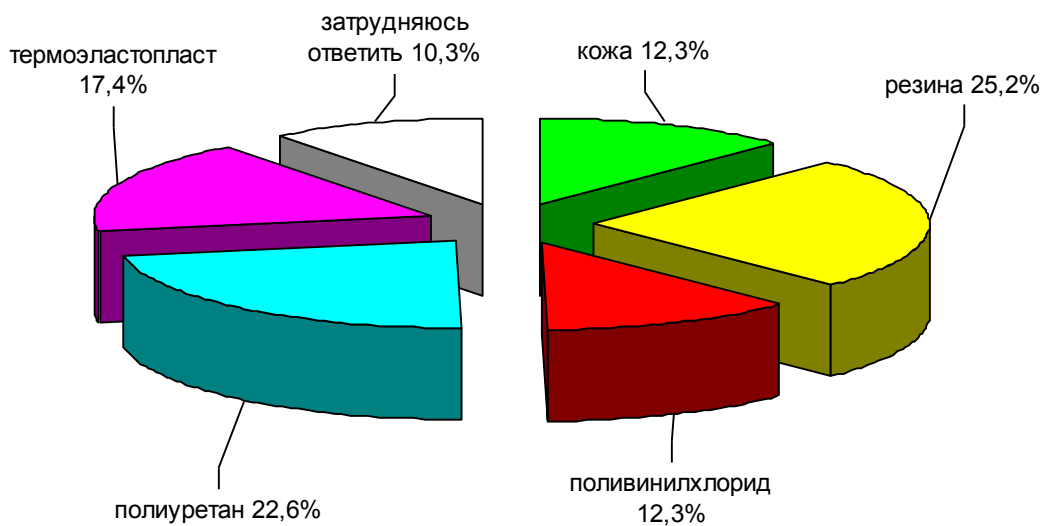

Рис. 4. Характеристика обуви по материалам низа

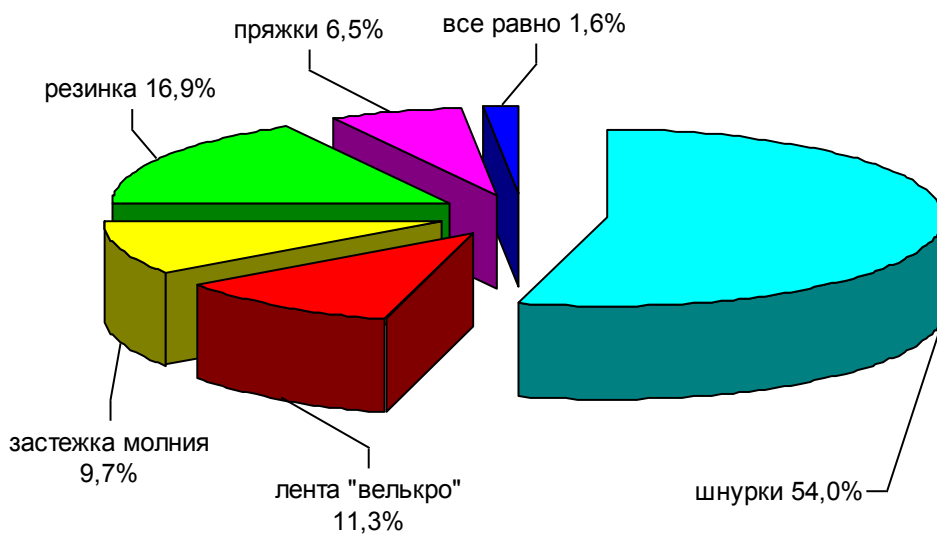

Рис. 5. Характеристика предпочтений способов закрепления обуви на стопе

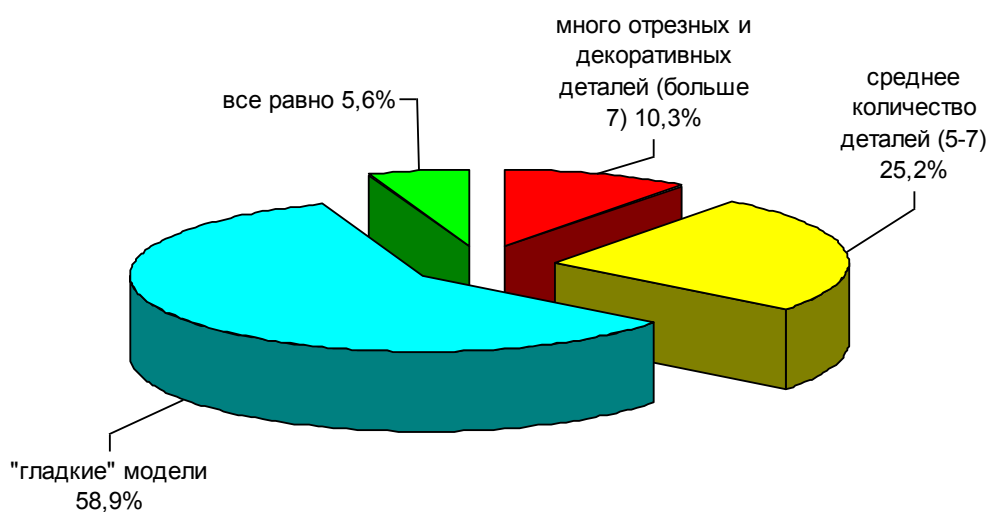

Рис. 6. Количество наружных деталей в заготовке верха обуви

Распределение предпочтений по видам отделки наружных деталей заготовки верха обуви представлено на рис 7.

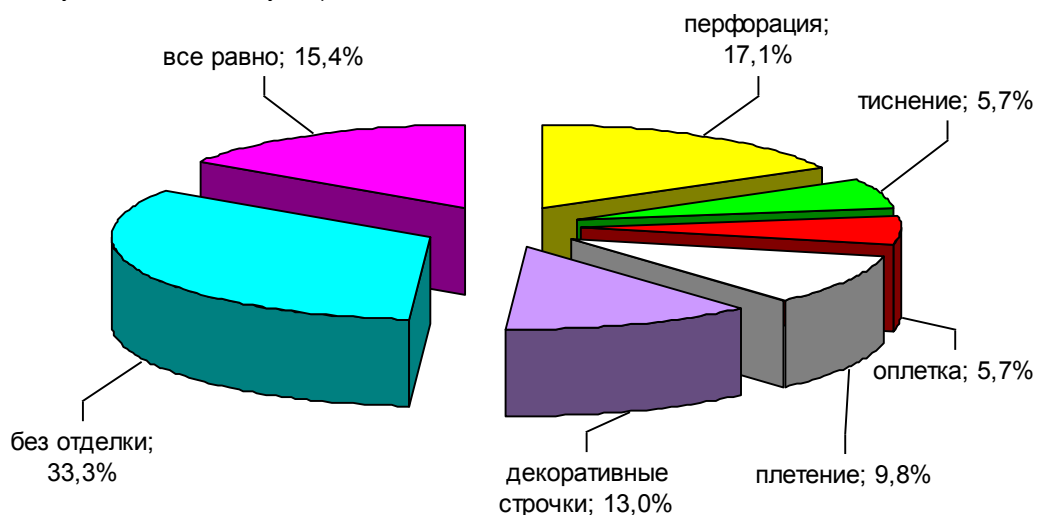

Рис. 7. Виды отделки наружных деталей заготовки верха обуви

Диаграмма возрастных категорий респондентов приведена на рис. 8.

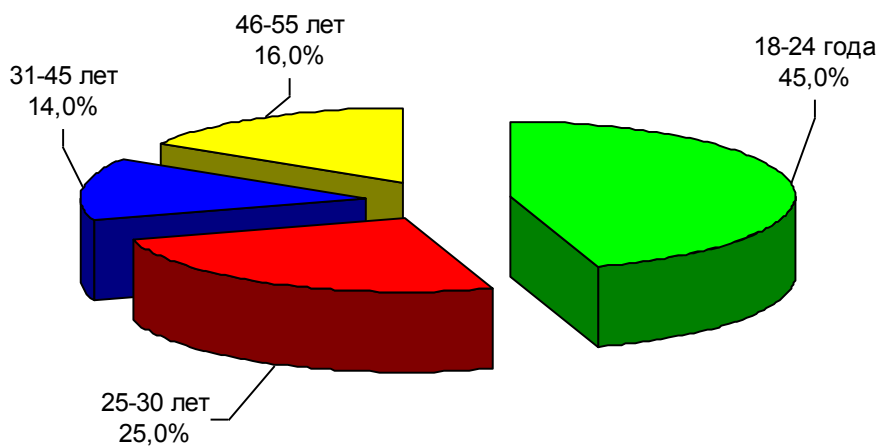

Рис. 8. Распределение респондентов по возрастным категориям

Для формирования социологического портрета современного потребителя определены основные критерии, которые покупатель предъявляет к обуви. Современный потребитель при выборе обуви опирается на определенный набор требований, который он предъявляет к товару. Этот набор потребительских требований представлен в таблице, которая была сформирована по данным социологического анкетирования 1000 жителей, проживающих в г. Ростове-на-Дону, г. Ставрополе, г. Пятигорске, г. Волгодонске и г. Шахтах проведенным аспирантами, магистрами и студентами кафедры «Технология изделий из кожи, стандартизация и сертификация» ЮРГУЭС в 2011 году.

Таблица 1

Приоритеты покупателей при выборе обуви

Параметр	Количество ответов покупателей, отдающих предпочтение месту от 1 до 9									Баллы показателя	Приоритет
	1	2	3	4	5	6	7	8	9		
Качество	424	283	175	118						80,1	1
Удобство	302	221	235	145	47	50				74,4	2
Доступная цена	274	216	186	161	91	72				72,1	3
Натуральная кожа		182	170	198	155	123	172			56,2	4
Долговечность		98	163	204	193	184	88	70		52,5	5
Мода			71	102	272	243	184	128		42,5	6
Дизайн				72	145	179	201	246	157	31,3	7
Натуральный мех					97	149	228	282	244	25,7	8
Цвет							127	274	599	15,3	9

Методика расчёта состоит в том, что количество опрошенных, присвоивших параметру 1-ое место умножается на 9 баллов, как на максимум по девятибалльной системе. Затем количество опрошенных, присвоивших параметру 2-ое место умножается на 8 баллов. После опроса всех анкетированных по исследуемому параметру определяется сумма баллов. Далее эта сумма делится на 100 для удобства представления. Параметр с наибольшей суммой баллов естественно является наиболее приоритетным, с наименьшей суммой баллов – наименее приоритетным. Эта методика уже давно используется маркетинговыми службами и удобна для решения вопросов, связанных со спросом.

По данным таблицы при выборе обуви покупатели ориентируются на качество (80,13 баллов), удобство (74,36 баллов) и относительно невысокую цену (72,05 баллов) продукции. Наименьшее предпочтение покупатели отдают цвету обуви (15,28 баллов). Приоритеты покупателей также зависят от принадлежности их к определенной возрастной группе. Для всех групп покупателей приоритетным является качество и удобство обуви. Также было выявлено, что среди других факторов для покупателей до 40 лет при выборе обуви являются приоритетными мода и дизайн, в то время как для покупателей старше 40 лет – это цена.

Качество импортной обуви устраивает лишь 35% опрошенных покупателей, а 32% считают, что она низкого уровня качества. 54% покупателей удовлетворены качеством российской обуви, а 26% опрошенных качество отечественной обуви не устраивает, 35% – считают отечественную обувь достаточно удобной, а 39% – неудобной. В среднем покупатель сегодня приобретает 4 пары обуви в год вместо 6 пар, которые они приобретали в 80-е годы прошлого столетия.

Если ориентироваться на тот факт, что 47% населения региона – сельские жители, с низким уровнем дохода, то и соответственно производимая в регионе обувь должна в первую очередь отвечать двум основным требованиям – удобство и низкая цена, тогда

выпущенная обувь будет успешно реализовываться на территории регионов двух федеральных округов: Южного и Северо-Кавказского. Разумеется, остальные характеристики также важны, особенно если целевой рынок – это не только регионы ЮФО и СКФО, но и регионы других федеральных округов РФ.

Производители обуви хотят знать социологический портрет современного потребителя. Это знание для них – вопрос «жизни и смерти». Кто знает, как изменится спрос, товарное предложение и цены через месяц, через год, через пять лет, тот может принять наиболее эффективное коммерческое решение.

При разработке нового ассортимента руководству предприятия следует помнить, что в товаре для удовлетворения потребительского спроса сочетаются осязаемые и неосязаемые параметры. Новый продукт подразумевает модификацию существующего продукта или нововведения, которое потребитель считает значимым. Чтобы новый продукт преуспел, он должен обладать желательными для потребителей параметрами, быть уникальным. Такими параметрами для женской обуви являются следующие признаки:

- красивый вид (а именно: силуэт, материал, цвет, украшения, конструкция (исполнение), внутренняя отделка), изящество, элегантность, соответствие направлению моды;
- пластичность, лёгкость, гибкость;
- удобство обуви в носке, что обусловливается соответствием формы и размеров обуви форме и размерам стопы;
- способность изготовленной обуви сохранить внешнюю и внутреннюю форму и размеры в течение всего срока эксплуатации.

Особое значение в женской обуви для покупателя имеет соответствие предложенных моделей направлению моды, которая сейчас призывает к умеренности и сдержанности, восстановлению связей с природой. Мужчины при выборе обуви предпочитают удобство и качество.

На основании результатов исследования покупательских предпочтений можно разрабатывать ассортимент моделей обуви, отвечающий требованиям потребителей. Модели обуви на единой базовой основе могут отличаться применяемыми материалами верха и низа, степенью обработанности деталей и узлов, видами декоративных отделок. К тому же изменение цветового решения в разработанных моделях позволит преобразовывать представленный ассортимент до бесконечности, мгновенно реагируя на требования рынка и соответствовать направлению моды. Внешне похожие модели обуви можно изготавливать по различным технологическим процессам, что окажет существенное влияние на их себестоимость. В итоге цена производимых моделей обуви будет колебаться в широком диапазоне, что позволит предприятию быстрее реагировать на колебания спроса, и увеличить занимаемую долю рынка, а, следовательно, улучшить свои экономические показатели и повысить эффективность деятельности предприятия³.

Список литературы

1. Алексеенко Л.Д., Щербакова Н.В. Качество прогнозирования поведения потребителя на рынке обуви // Техническое регулирование: базовая основа качества товаров и услуг: Межд. сборник научных трудов. Шахты: издательство ЮРГУЭС, 2008. – 222 с.
2. Алексеенко Л.Д., Щербакова Н.В. Исследование влияния сезонного фактора на объём продаж зимней обуви // Техническое регулирование: базовая основа качества товаров и услуг: Международный сборник научных трудов. Шахты, ЮРГУЭС, 2009. – 142 с.
3. Колпакова Л.Г. Влияние потребительской аудитории на формирование многоассортиментных поток по производству изделий из кожи // Метрология, стандартизация и сертификация изделий сервиса: теория и практика: Межд. сборник научных трудов. Шахты: издательство ГОУ ВПО «ЮРГУЭС», 2007. – 340 с.

³ Моделирование и оценка эффективности инновационных технологических процессов изготовления обуви / Колпакова Л.Г., Мальцев И.М., Прохоров В.Т. // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Технические науки. Новочеркасск, 2009. №2. – С.82-88.

4. Моделирование и оценка эффективности инновационных технологических процессов изготовления обуви / Колпакова Л.Г., Мальцев И.М., Прохоров В.Т. //Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Технические науки. Новочеркасск, 2009. № 2. – С.82-88.

SOCIOLOGICAL PORTRAIT OF THE MODERN FOOTWEAR CONSUMER

L.G. GRETSKAYA
N.V. SCHERBAKOVA

*South Russia State University
of Economics and Service*

The elaboration of assortment of shoe company should be based on representative information on the current requirements of the buyers, their possible evolution and preferences.

The definition of a sociological portrait of the modern consumer shine is necessary to increase the effectiveness of the management system of the enterprise, correction of programs of production and sales, allowing to react to changes occurring in the market.

Identification of consumer preferences is an important regulator of commodity policy of the enterprise when choosing directions of development.

Key words: sociological portrait, consumer behaviour, priorities of the buyers.

УДК 130.2

КУЛЬТУРООБРАЗУЮЩИЕ ОСНОВАНИЯ ПЕСЕННОГО ТВОРЧЕСТВА

М.С. ЖИРОВ
Л.М. ПОПОВА

*Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет*

e-mail: zirov@bsu.edu.ru

В рамках данной статьи осуществлён философско-культурологический анализ природы песенного творчества как специфического вида художественной деятельности человека, уникального культурно-исторического феномена, матрицы культуры и языка, отразившего социодинамику русской музыкальной культуры мировоззрение его создателей в определённый исторический период.

Ключевые слова: песенное творчество, специфический вид словесно-музыкальной деятельности человека, феномен культуры, род человеческого мышления, гуманистический потенциал, многофункциональная природа, антропологический, социокультурный, экстатический.

Важнейшим средством преодоления духовной инертности личности, доминантным условием её полноценного развития, залогом социализации и инкультурации в палитре музыкальных предпочтений, адаптации к изменяющимся культурно-историческим условиям предстаёт песенное творчество, органично вобравшее в себя и транслирующее национально-этнические, нравственно-этические, художественно-эстетические знания, ценности, идеалы народа. Именно поэтому в России, где одним из феноменальных, самых доступных средств воплощения национального и общечеловеческого опыта, запечатления истории народа и судьбы человека была песня, сегодня возрастает актуальность философско-культурологического анализа песенного творчества как смыслообразующего ресурса формирования личности, сохранения музыкальной культуры. Ввиду этого круг проблем, связанных с актуализацией значимости песенного творчества в жизнедеятельности человека и общества, постепенно расширяется, приобретая социологический, идеологический, искусствоведческий, духовно-нравственный и иные ракурсы научного исследования.

Осмыслению природы музыкального, в частности, песенного, творчества, посвящены работы Аврелия Августина, Аристотеля, Б.В. Асафьева, М.М. Бахтина, С. Боэция, Г. Гегеля, И.И. Земцовского, А.Ф. Лосева, М. Мамардашвили, О. Мандельштама, Ф. Ницше, Платона, В.В. Розанова, Р. Роллана, Ф. де Соссюра, Т. Тассо, Ф. Шеллинга, Л. Шестова, А. Шопенгауэра, С. Эйзенштейна и др.

Ценностный аспект философии музыкального творчества представлен в работах отечественных мыслителей М.К. Азадовского, Б.В. Асафьева, Н.М. Владыкиной-Бачинской, В.Е. Гусева, А.Н. Серова, А.Н. Сохора, В.В. Стасова, В.Н. Холоповой, Г.Г. Коломиец, Т.В. Чередниченко, В.Г. Коротыгина и др.

Мы исходим из понимания песенного творчества как особого вида творческой деятельности, актуализирующего личностные потенциальные свойства и ресурсы, направленные на создание принципиально новых, отличающихся неповторимостью, оригинальностью словесно-музыкальных произведений, различающихся по видам (произведения сольные, ансамблевые, хоровые), жанрам (эпические, лиро-эпические, лирические, драматические), стилям (академический, народный, эстрадный, джазовый).

Как специфический род человеческого мышления и деятельности, песенное творчество в течение огромного исторического периода более других видов творчества и форм бытия человека было широко и естественно вплетено в процесс материальной и духовной жизни людей и выполняло своё предназначение в интересах общества. Являясь ярким выразительным воплощением ментальных особенностей, национального мировоззрения, философских, религиозных, нравственных, эстетических взглядов, господствующих в ту или иную эпоху, песенное творчество оказывало влияние на духовный мир человека и его взаимоотношения в обществе, способствовало формированию адекватного восприятия социума, нравственной позиции, положительного отношения к национальным традициям и общечеловеческим ценностям.

Общеизвестен факт, что в воспитании гармонично развитой личности песенное творчество занимало одно из первых мест (этому, в частности, посвящены «Три трактата

об ораторском искусстве» Цицерона¹. Афиней в «Пирующих софистах» пишет о важности песенного творчества: «В Аркадии закон предписывал детям с младенчества практиковаться в пении гимнов и пеанов. И в течение всей своей жизни, собираясь на обычные собрания, они развлекались не столько слушанием приведенных для них исполнителей, сколько посредством собственного исполнения, где от каждого требовалось петь поочередно. В других областях знаний считалось зазорным, если кто-нибудь был в чём-нибудь несведущ. Однако, отказ петь они воспринимали как бесчестье»².

Повсеместное утверждение песенных традиций предполагало существование и профессиональных певцов, и широкого круга любителей пения. Выявление роли и значения песенного творчества как феномена культуры в жизнедеятельности современного общества, российской культуры позволяет актуализировать связь прошлого с настоящим, представить развитие песенного творчества в контексте исторического развития культуры России, объяснить его особенности, основанные на традициях, верованиях, мировосприятии, характеризующих отечественную историю.

На ранней стадии развития общества коллективное пение, как один из элементов синкретичной художественной деятельности древнего человека, отражало представления славян о природе, человеке, о пространстве и времени, о жизни и смерти, вплетаясь в практику как деятельность, необходимая в решении жизненно-важных задач. Постепенно, вместе с прогрессом материального производства и обогащением духовного мира людей, песенное творчество приобретало всё большее распространение, отражая взаимоотношения индивидов в обществе, их взгляды на окружающую действительность, решение проблем выживания в сложных жизненных условиях.

С принятием православия в 988 г. на Руси песенное творчество народа развивается в диалоге с церковно-певческим искусством, что свидетельствует о сосуществовании христианской традиции и язычества. Фактором сближения песенного творчества народа и церковно-певческого искусства стала показательная черта древнерусской культуры – идея соборности, органической общности людей, сопряженная с представлениями о цельности, нравственной чистоте, душевности русского человека.

Свидетельством неослабевающего в различных социальных группах интереса к песенному творчеству является увлечение хоровым пением царского двора и знатных бояр в XVI в. Так, Иван Грозный известен как сочинитель текстов песнопений и автор переложения их на музыку. В 1551 г. Московский собор вынес постановление, обязывающее духовенство всех городов создавать у себя на дому народные школы, в программу обучения которых необходимым элементом входило церковное псалтырное пение наряду с обучением грамоте и книжному письму. Всё это говорит о всё возрастающей общественной и культурно-воспитательной роли песенного творчества.

Смена культурных ориентиров, произошедшая в XVII столетии, не могла не сказаться на развитии песенного творчества. Крестьянские восстания, дворцовые перевороты, самозванство, церковный раскол разрушили духовную общность Руси. Художественное мышление второй половины XVII в. определяли два противоположных начала: уходящий в прошлое устойчивый средневековый канон и ростки нарождающегося светского мироощущения. Традиция знаменного пения сменяется партесным многоголосием. Хоровое многоголосное пение, уподобляющееся проповеди, ораторскому выступлению, активно завоевывает слушателя, внушает общественно значимые идеи.

XVIII столетие, именуемое «веком Разума и Просвещения», кардинально меняет ориентиры развития русской культуры. Европеизация жизнедеятельности в эпоху правления Петра I не могла не сказаться на дальнейшем развитии песенного творчества. Песенное творчество становится способом стремительного реагирования на общественно-политические события в контексте культурного диалога православной церкви и государства (такowymi, в частности, становятся исторические песни XVIII в.). Эволюция песенной традиции народа обусловлена не только появлением и популярностью новых песенных образцов, но и новых жанров, детерминированных социокультурными, культурно-историческими условиями.

Так, в песенном творчестве рубежа XVII-XVIII вв. исторически обусловленной представляется тенденция к секуляризации (обмирщению) содержания и формы. Распад феодальной деревни, сопровождаемый процессом активного притока сельского населения в города (наблюдаемый в период формирования и бытования позднетрадиционного фольклора), связан с появлением новых песенных форм, среди которых доминирует го-

родская песня, вобравшая, в первую очередь, вербально-музыкальные традиции лирической народной песни русской деревни. Наряду с городской песней в XIX в. приобретают популярность бытовой романс, украинская песенная лирика и цыганская песня, появление которых обусловлено вниманием к интересам человека, активизацией процессов межнационального общения, миграции населения Российской империи.

В период социалистического развития государства песенное творчество становится средством аккумуляции и трансляции ведущих идей соцреализма, в первую очередь, его феноменальное явление, отразившее сознание социалистического общества, – массовая песня.

Анализируя эволюцию песенного творчества в XX в. (после 1917 г.), следует отметить общее стилистическое направление песенного жанра в 30-е гг., появление существенно новых черт поэтического и музыкального языка. Так, в 20-е гг. (революционно-военную пору) создатели песен обращаются главным образом к традициям революционной и солдатской песни, стремясь добиться соответствия содержания песни её жанровому источнику. В песенном творчестве 30-х гг. используются традиции крестьянской и городской песни, бытового романса и танца; образуется новый интонационный сплав, что способствует отражению многообразия жизненного содержания новой эпохи. Массовая песня 30-х гг. подчинена социальному заказу, что в наибольшей мере впоследствии нашло отражение в песенном творчестве периода Великой Отечественной войны, ставшем ведущим ценностно-смысловым ресурсом формирования соборного мировоззрения, гражданского самосознания, патриотических настроений советского народа. В послевоенные годы песенное творчество становится носителем идеологии партии и народа-победителя, для которых ведущей целью становятся не только подвиг советского человека, освободившего от фашизма родную землю и всю Европу, защита Родины и мира, а также восстановление разрушенного войной хозяйства.

Поддерживаемое идеологически, авторское песенное творчество в послевоенный период доминировало над песенным творчеством народа, что привело к нивелированию, забвению многих образцов традиционных песенных жанров. Однако песенное творчество народа, обусловленное календарными и семейно-бытовыми традициями, вневременной потребностью личности и общества в культурно-исторической и национальной самоидентификации, аккумуляровалось в локусах, в первую очередь, провинциальных центрах песенной культуры народа (к таковым, в частности, относится и песенная Белгородчина как центр сохранения и трансляции песенного творчества Юга России).

Развитие песенного творчества в 60-80-е гг. происходит в двух направлениях: гражданственно-патриотическом и интимно-лирическом. В социалистическом государстве песни гражданской тематики, исполнявшиеся солистами, становятся выражением позиции широких народных масс. Идеологами интимно-лирического направления, начиная с периода оттепели, становятся барды, песенное творчество которых являются программным словесно-музыкальным воплощением идеологии оппозиции, в первую очередь, представителей интеллигенции. Знаковое явление эволюции песенного творчества народа в данный период – всё возрастающий интерес к традициям народной песенной культуры посредством фольклорно-этнографических исследований, освоения опыта аутентичных исполнителей и коллективов.

Распад государственной системы, смена ценностных оснований, наблюдаемая с постперестроечного времени до настоящего дня, наступательная глобализация предопределили новый этап развития песенного творчества, для которого характерно смешение стилей, жанров, форм песенного творчества, появление новых синтетических образований (как обладающих художественно-эстетической уникальностью, так и являющихся низкопробными образчиками музыкальной масскультуры), обуславливающих свободу самовыражения, предопределённых уровнем духовно-нравственных ценностей и эстетических пристрастий творцов и носителей культуры современности.

Ценностный нигилизм современности, состоящий в практическом разрыве морали и политики, развитии конформизма и прагматизма, эгоцентризма и индивидуализма, в игнорировании ответственности перед обществом, может быть объясним и утратой песенной культуры предков, отсутствием потребности в песенном творчестве у представителей среднего и молодого поколений, недостаточной изученностью и неиспользованием гуманистического потенциала песенного творчества в культурно-образовательном пространстве.

Именно благодаря песенному творчеству, как феноменальной форме трансляции человеческой, родовой, национально-исторической, общечеловеческой памяти, как энциклопедии жизненной философии, возможны сохранение, стабильность и преемственность духовной культуры человека, культуры этноса и культуры мира. В условиях многочисленных вызовов современности песенное творчество выступает отражением философского сознания личности и народа, культурно значимым, аксиологически окрашенным и мировоззренчески ориентированным словесно-музыкальным мегаконцептом культуры.

Возвращение к парадигме вечных онтологических и антропологических ценностей и национальным культурно-историческим основаниям бытия человека и общества в тревожной социокультурной ситуации конца XX – начала XXI вв. обеспечило актуализацию традиционного песенного репертуара народа, обращение к непреходящим нравственным ценностям и отдельных исполнителей, и хоровых коллективов (групп).

Являя сложный комплекс духовных и материальных образований, песенное творчество в каждую из эпох выполняет множество функций, среди которых преобладают:

- философско-культурологическая (направленная на формирование этнического самосознания личности как составной части планетарного сознания, преодоление опасностей узконационалистического мышления, негативных предрассудков и стереотипов по отношению к представителям других этнических общностей и их культурам);
- этико-гуманистическая (формирующая и поддерживающая идеи поликультурности общества и этики межнационального общения, отражающая культурный опыт человечества в его конкретных этнонациональных формах);
- гуманитарно-гностическая (направленная на формирование активного познавательного интереса к родной и другим музыкальным культурам, на отражение самобытности и уникальности родной культуры в диалектическом единстве с государственной и мировой);
- воспитательно-рефлексивная (ориентированная на восприятие и осознание важности культурного многообразия для развития личности и прогресса цивилизации, становление нравственных представлений и оценок, создание условий для их превращения в устойчивые убеждения и навыки конструктивного гуманного поведения);
- личностно-развивающая (благодаря которой пробуждается и развивается интерес человека к самому себе, системе потребностей, интересов, установок, направленных на осознание себя как личности, субъекта этноса, гражданина государства, гражданина мира);
- культурно-коммуникативная (обеспечивающая в искусстве смысла, превращенного в звук, опредмеченного в звуке, особый способ человеческого взаимодействия);
- функция развития художественно-творческих способностей (обуславливающая процесс включения личности в песенное творчество и его эволюцию, обеспечивающая появление новых образцов песенного творчества).

Как видим, функциональные роли песенного творчества безграничны, ввиду чего оно выступает не только как процесс познания и овладения опытом через знание и способности применения этого знания, но и как процесс креативного овладения собственными способностями, процесс интериоризации средств деятельности человека, влияющих на развитие его духовного мира, процесс преобразования внутреннего мира человека и его социокультурной среды. Посредством песенного творчества как рефлексивного процесса осуществляется преобразование природного и социального мира в соответствии с потребностями человека.

Песенное творчество представляется более эффективным, если созданы благоприятные социокультурные условия для поступательного развития личности, выявления и реализации её индивидуальных качеств. Творчески направленная, поющая личность способна решать жизненные задачи, раскрывая свои сущностные силы, подлинные человеческие способности и внося свой оригинальный, индивидуальный вклад в сохранение и трансляцию ценностей общества, в совершенствование общественных и межличностных отношений, в обогащение духовного мира человека и социума.

В контексте истории культуры песенное творчество выступает специфическим видом художественной деятельности человека, уникальным культурно-историческим феноменом, отразившим социодинамику русской музыкальной культуры и вместившим весь спектр философских, религиозных, эстетических, этических позиций, характеризующих мировоззрение русского народа в тот или иной исторический период.

Песенное творчество является мощным средством становления, инкультурации личности, понимаемых как постепенное введение человека в систему ценностно-смысловых ориентиров и оценочных критериев, выработку им навыков, манер, норм поведения, характерных для определённого типа культуры. Благодаря песенному творчеству происходит созидание личности, её знакомство с духовным («сверхличностными») ценностями, ориентирующими личность на проявление яркой индивидуальности и сопричастности к обществу, народу, всечеловечеству.

Песенное творчество остается начальной матрицей культуры и языка. В контексте сегодняшней песенной экспансии оно является самой влиятельной силой, несущей диктат языка, ценностных установок, культуры переживания, культуры чувств. Каждый человек, каждое поколение проходит активную фазу дописьменного развития, когда его больше всего формирует («кодирует») самая влиятельная форма искусства. И каким языком, какой литургией он будет формироваться, в ту культуру и в ту веру он и будет обращен. «Музыка и песнопения управляют человеком. Они могут его исцелить, а могут ввергнуть в безумие... от них зависят устои государства»³, – сказал Платон, затем повторил Аристотель. И потому необходима цензура в деятельности государства, связанная с духовной навигацией песенного творчества:

Болящий дух врачует песнопенье.
Гармонии таинственная власть
Тяжелое искупит заблужденье
И укротит бунтующую страсть
(Е.А. Боратынский).

Секрет этих возможностей песенного творчества, очевидно, в том, что песня (словесно-музыкальное произведение) – это возможность говорения и думания одновременно несколькими текстами: поэтическим, музыкальным и интонационным (эмоциональным). Это одновременное обращение к нескольким каналам восприятия, причем в очень органичной, соприродной человеку форме, помогает воспринять и усвоить всю полноту информации. Это значит, что, помимо усвоения языка, песня дает возможность непосредственного усвоения эмоционального, переживаемого опыта, опыта состояния, культуры чувств, т.е. как бы самого жизненного опыта. Имеются убедительные доводы к тому, что песенная структура, ее многоканальность позволяют прямо воздействовать на подсознание. Отсюда и такой эффект общего воздействия.

Песенное творчество – самая активная и убедительная форма переживания, обращения в свое состояние, в свои чувства, в свой язык, в свою веру. Не случайно у всех народов мира религиозные службы построены на песнопениях, этим же пользуются заклинатели и шаманы. Силу песенного воздействия прекрасно понимали идеологи всех тоталитарных государств и использовали песню как основной инструмент идеологии. В.И. Ленин писал: «У нас мало революционных песен, а для внедрения наших идей в сознание народных масс их необходимо как можно больше».

Песню можно рассматривать как инструмент активного погружения в то или иное состояние (типа медитации), т.е. как некую форму кодирования:

Властью песен быть людьми
Могут даже змеи,
Властью песен из людей
Можно сделать змей!
(Н. Матвеева).

Каждое новое мироощущение в человеческой истории заявляло о себе, в первую очередь, именно этой, наиболее убедительной формой.

Все исторические эпохи начинались с песни: ваганты, менестрели, барды, скальды, гусяры... Не удивительно, что новое мироощущение в современной истории нашего Отечества заявило о себе аналогичным способом. Так, явила собою благую весть о живой человеческой душе, заставила по-новому ощутить, воспринять себя и окружающие реалии русская авторская песня. Имена основоположников жанра: Б.Ш. Окуджавы, В.С. Высоцкого, А.А. Галича, А.М. Городницкого, Ю.Ч. Кима, Ю.И. Визбора, – стали паролевыми, тестовыми на принадлежность к этой общности нового самосознания. Авторские песни стали мирской, гражданской литургией атеистического общества, обратив внимание на

потребности человеческой личности, её душу, исповедующую ценности христианского характера. А живое, подлинное слово ни к чему иному привести и не могло, ибо язык – самая большая сила, и он всегда обращает того, кто с ним в подлинном родстве, в свою веру. А русский – язык христианской культуры. «Роль поэта в обществе в немалой степени сводится именно к тому, чтобы... человек быстрее становился христианином...» (И.А. Бродский). Авторская песня первой стала осваивать и сокрытое от нации поэтическое наследие и «неудобных» современников. Стихи Н.С. Гумилева, И.А. Бродского и других поэтов зазвучали и получили широкую известность задолго до современных публикаций, что еще более подвинуло интерес к слову, поэзии, литературе.

Выступая фактором трансляции ценностей, песенное творчество является феноменом сохранения и бытования национальной идеи, основанной на таких концептах, как соборность, духовность, державность. Как бы ни трактовалась русская идея (слишком широко – как форма национального самосознания, совокупность атрибутов российской культуры, матрица национального менталитета; слишком узко – как определяющая культурная ценность России или учение о конечной цели ее национально-исторического бытия), песенное творчество и песня как его основной «продукт» становятся выразителями «христианской идеи, идеи православия» (А.В. Гулыга, А.С. Панарин, Н.А. Нарочницкая и др.), «цивилизационной идеи, идеи евразийской» (А.Г. Дугин, В.В. Кожин, В.Я. Пашенко и др.), «коммунистической идеи, идеи социализма» (Р.И. Косолапов, С.Г. Кара-Мурза и др.), «идеи соборности» (П.Е. Бойко, Ю.И. Сохряков и др.), «идеи русского космизма» (В.Н. Дуденков), «идеи спасения» (В.Ш. Сабиров), «идеи бессмертия» (Л.В. Карасев).

Культурно-коммуникативная функция песенного творчества в значительной мере обусловлена его изначальной коммуникативной природой: песня – это не только особое вокальное произведение, но особый способ человеческого взаимодействия. Оторвать песню от этого способа взаимодействия – значит совершить серьезную хирургическую операцию, затрагивающую природу жанра. Этих способов (или форм) много, они разные, но они несут в себе что-то существенно общее, корневое, связанное с самой сущностью песни.

Мы снова наталкиваемся на парадокс. С одной стороны, коммуникативная природа песенного творчества заставляет глядеть на него шире, видеть в нём не только музыку и не только искусство, но и нечто иное. С другой стороны, коммуникативная природа песенного творчества с предельной силой выражает самую суть музыки, делая песню квинтэссенцией музыкального. Здесь мы подошли к вопросу об интонационной природе песенного творчества. Знаменитое асафьевское определение песенного творчества как «искусства интонируемого смысла» имеет множество содержательных граней, и, как представляется, это определение, при всей его общеизвестности и всем его лаконизме, так и не освоено полностью. Для нас же оно имеет принципиальное значение:

- Песенное творчество – не искусство звуков, а искусство смысла, превращенного в звук, опредмеченного в звуке.
- Песенное творчество – коммуникативный процесс, при котором внутреннее (смысловое, духовное) опредмечивается в звуке – интонируется, а затем (слушателем) распредмечивается, вновь превращается из внешнего во внутреннее.
- Песенное творчество – не просто социальное явление, а органическая связь индивидуального, сокровенно личного, с одной стороны, и социального, общественного, с другой.
- Песенное творчество – феномен, выходящий за пределы простой противоположности внешнего и внутреннего, материального и духовного, соединяющий в себе эти планы бытия, являющий собой единство.
- Песенное творчество соединяет в себе процессы познания мира, самопознания и общения.

Н.А. Бердяев писал: «Не в политике и не в экономике, а в культуре осуществляются цели общества. И высоким качественным уровнем культуры измеряется ценность и качество общественности»⁴. На наш взгляд, уровень русской культуры обусловлен степенью распространения песенного творчества, этого «абсолютно необходимого» явление духовного бытия России, того воздуха (в словах «духовность» и «воздух» единый корень в определенном смысле закономерен), без которого оно, это бытие, невозможно, немислимо (ни для народа, ни для отдельного человека). Так же, как мы не «ценим» воздух, пока не начинаем задыхаться, мы не осознаем безусловную необходимость и ценность песни – по крайней мере, до момента, когда она начинает исчезать.

Песенное творчество – одна из базовых доминант русской культуры, источник вдохновения писателей, композиторов, живописцев, представителей творческой интеллигенции разных эпох. Став уникальным способом сохранения самобытной культуры России, проявления её исторической уникальности, отражения самодержавного прошлого, архаических устоев отечественной жизни, антропологических особенностей «славянской расы», духовной жизни народа (как религиозной, так и светской); душой России, сформировавшей её культуру, её «лицо», её духовный облик, песенное творчество является феноменальным фактором формирования личностных начал, национального самосознания, ментальности.

Именно песенное творчество позволило русскому национальному гению с наибольшей яркостью выявить себя, отразить нормы и ценности, традиционно называемые цивилизационным кодом. Мировоззренческие, ценностно-ориентационные и духовно-нравственные основы, отраженные в песенном творчестве, ставшие сущностным «ядром» песни, обеспечивали прогрессивное развитие общества и государства.

Феномен, выходящий за пределы простой противоположности внешнего и внутреннего, материального и духовного, соединяющий в себе эти планы бытия, являющий собой единство индивидуального, сокровенно личного и социального, общественного, песенное творчество становится духовным навигатором человека, общества и человечества, сохраняющим единство личности, нации и государства. Поэтому вполне резонно обращение в каждом из песенных образцов к ценностным ориентирам, обеспечивающим превращение хаоса в гармоничный космос, обуславливающим постижение смысла жизнедеятельности человека и мира, транслирующим законы бытия и Всебытия, обозначающим Истину и намечающим пути следования ей.

Таким образом, песенное творчество – как объект специфической деятельности человека, порождающий качественно новые, отличающиеся неповторимостью и общественно-исторической уникальностью разнообразные по своему идейно-эмоциональному содержанию и особенностям формы музыкально-поэтические произведения, созданные и исполняемые разными категориями и социальными группами, – бытует как смыслопорождающий культурный универсум. А его важнейшими основаниями являются антропологический, ритуальный и экстатический аспекты. Проблема взаимообусловленности личности и песенного творчества, во все времена интересовавшая мыслителей, в первую очередь, благодаря многофункциональной природе, особенностям бытования песни, сегодня актуализирована не только поиском чего-то нового, красоты, гармонии, радости как источников бытия человека и общества, но и необходимостью раскрытия человеком в техногенной, антигуманной цивилизации своей индивидуальности, развития заложенных в нём возможностей, создания условий для их реализации, связанных с разрешением бытовых и бытийных противоречий. Песенное творчество, начинающееся с движения от незнания к знанию, с поиска ответов на неясные вопросы, с разыскания истины, требующего предельной мобилизации физических, интеллектуальных, нравственных, духовных сил и самоотдачи, выступает основной движущей силой внутренней самореализации личности.

Список литературы

1. Цицерон. Три трактата об ораторском искусстве. М., 1972.
2. Афиней. Пирующие софисты. М., 1908.
3. Платон. Соч. в 3 т. Т.2. М., 1970.
4. Бердяев Н.А. Философия творчества, культуры и искусства: В 2 т. Т. 1. М.: Искусство, 1994.

CULTURE-FORMING BASIS OF SONG ART

M.S. ZHIROV
L.M. POPOVA

*Belgorod National
Research University*

e-mail: zirov@bsu.edu.ru

This paper carries out the philosophical and cultural analysis of the nature of songwriting as a specific type of artistic human activities, unique cultural and historical phenomenon, and the matrix of culture and language, which reflected sociodynamics of Russian musical culture the outlook of its creators in a certain historical period.

Key words: song art, specific kind of verbal and musical activities of man, cultural phenomenon, kind of human thinking, humanistic potential multi-functional nature, anthropological, socio-cultural, ecstatic.

УДК 164.11

ЦЕННОСТНО-ОРИЕНТИРОВАННОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В КОРПОРАТИВНОЙ КУЛЬТУРЕ¹

И.Ю. КЛИМОВ*Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет**e-mail: milk911@yandex.ru*

Статья посвящена описанию важной роли этноконфессиональных регулятивов в корпоративной культуре. Описывая специфику и иерархию современных организационных отношений, в статье раскрывается возможность регулирования корпоративного процесса взаимодействия посредством различных функций, в числе которых – этноконфессиональные регулятивы. В статье описана проблема современного менеджмента, использование/неиспользование ресурса этноконфессиональных регулятивов.

Ключевые слова: индивидуализация, средства индивидуализации, нематериальные объекты, неимущественные права.

Ценность – важнейший регулятор поведения людей в корпоративных отношениях.² Поскольку ценности являются «общественным достоянием», то есть разделяются большим или меньшим количеством индивидов, они упорядочивают то или иное социокультурное пространство в конкретном историческом времени. В каждом обществе складывается специфическая система ценностей, которая не только изменяется вместе с его развитием, но и в свою очередь сама может регулировать и трансформировать его жизнедеятельность. Речь идет, прежде всего, о наиболее значимых ценностях, которые создаются духовной или политической элитой (идеологами), активно внедряются в массовое сознание, принимаются большинством (становятся общепринятыми). История любого народа или государства содержит примеры таких ценностей, которые в буквальном смысле задавали ритм социальной деятельности и оказывали заметное влияние на конечный результат. Классический пример, дан М.Вебером, – это роль протестантских ценностей в становлении рыночной экономики.³ Резонансную идею в современной науке высказывает и один из ведущих отечественных специалистов в области экономики и организации управления В. Радаев. Характеризуя эволюцию управленческих парадигм в XX в., он пишет: «На последнем, современном этапе, начало которого приходится на 80-е годы, стимулируется былая активная роль менеджмента с ориентацией на национальную конкурентоспособность, инновационность, предпринимательство. Возникают попытки интегрировать социальные проблемы как часть деловых»⁴. Примечательно, что, оценивая предыдущий этап (60-70-е годы), автор недвусмысленно дает понять, что важнейшей основой управленческих стратегий являются культурные (духовные, нравственные, аксиологические) факторы. «Интерес к кросс-культурным исследованиям порождается структурными сдвигами в мировой хозяйственной системе»⁵.

Как известно, ценностно-ориентированное регулирование является одним из элементов современного управления, наряду с постановкой целей, распределением обязанностей, организацией деятельности, контролем, обеспечением обратной связи. С известной долей условности можно сказать, что после этапа постановки целей последующие

¹Статья подготовлена в рамках выполнения государственного задания Министерства образования и науки РФ Белгородскому государственному национальному исследовательскому университету на 2012 год (номер проекта 6.1239.2011).

²Энциклопедический социологический словарь / Под ред. Г.В. Осипова. М., 1995. С.871-873; Ерасов Б.С. Социальная культурология. Ч. 1. М.: Аспект Пресс, 1994. – С.122.

³ Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма // Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. – С. 61-306.

⁴ Экономическая социология. Курс лекций: Учеб. пособие /Под ред. В.В. Радаева. М.: Аспект Пресс. 1998. 368 с., – С. 161.

⁵ Там же. – С. 169.

процессы можно считать регулированием. Исключение представляют две полярно противоположные ситуации. *Первая*: саморегулирование (самоорганизация), когда социально-производственный механизм безупречно отлажен и практически не требует управленческих вмешательств. Яркие примеры тому – деятельность коллективов полярных станций, экипажей космических станций: их участники обладают, во-первых, высочайшим профессионализмом, а во-вторых, в ходе предшествующей подготовки отработываются практически все возможные алгоритмы действий. *Вторая*: кризисная ситуация, требующая, так называемого «ручного управления», т.е. согласования каждого шага действий с управляющим «центром» (руководством). Кстати, в деятельности и полярников, и космонавтов также достаточно широко распространены подобные экстремальные ситуации.

В целом же повседневное «штатное» регулирование можно рассматривать как основной способ реализации целей управления, выбранных приоритетов и ценностей. С этой точки зрения процесс регулирования представляется на первый взгляд ценностно «несамостоятельным», поскольку аксиологию «задают» концепция и идеология управления. Однако это не совсем так, поскольку любое социальное действие, пусть даже рутинное, содержит дилемму целей и средств. Ю. А. Капрова выделила следующие факторы, влияющие на формирование ценностно-ориентированной корпоративной культуры:

- осознанность существующих ценностей;
- ответственность руководства за формирование целей;
- согласованность ценностей и целей;
- согласованность целей и средств;
- последовательность в реализации целей;
- ответственность персонала за соблюдение корпоративной этики⁶.

Корпорация (организация), как правило, является частью сложной иерархической системы, верхние эшелоны которой предлагают ей основные правила игры (так, сегодня власти настаивают не только на своевременной уплате налогов, но и на социальной ответственности бизнеса). Местное элитное сообщество, также выдвигает свои требования, с которыми приходится считаться, как и с реальным состоянием дел в коллективе (социально-демографический состав, квалификация работников) и т.д. и т.п. Наконец, нельзя забывать и о субкультурных факторах, прежде всего, *этноконфессиональных регуляторах*, которые оказывают весомое влияние на стратегию и тактику действий менеджмента. Эти темы часто анализируются в контексте корпоративной этики: лояльность персонала, сплоченность коллектива, дисциплина, частные правила корпорации и т.п.⁷ Этноконфессиональная составляющая расценивается, зачастую, как «шум», досадная помеха в достижении корпоративного единства, лояльности и т.д., то есть как малозначительный фактор по сравнению с организацией труда, стилем управления, мотивацией работника. Иногда моноконфессиональная и моноэтническая однородность трудового коллектива, напротив, представляется в качестве безусловного блага, особенно если речь идет о существовании общности в инокультурной среде. Эвристическую значимость данного подхода подтверждают и близкие по проблематике исследования. В частности, неоднократно фиксировалось, что этническая идентичность напрямую зависит от местных субкультурных особенностей: традиций, обычаев, норм⁸. Глубина и степень этнического самосознания в значительной степени зависят от целенаправленных усилий деятельности властей и общественных организаций по формированию, развитию и поддержанию местных культурных особенностей. В качестве примера можно сослаться на успешную в этом отношении культурно-просветительскую работу Белгородской области.

Впрочем, на наш взгляд, в большинстве работ основное внимание уделяется личностным характеристикам представителей тех или иных этноконфессиональных общно-

⁶Капрова Ю.А. Ценностно-ориентированный подход к формированию организационной культуры российских предприятий // Известия Российского государственного педагогического университета имени А.И.Герцена. Аспирантские тетради. – СПб., 2008. – N 37(80). – С.143.

⁷Снежко С.В., Тавокин Е.П. Неформальные отношения и лояльность персонала // Человек. – 2009. – № 4. – С.68-73.

⁸Филатова В.Ф. Магический дискурс. – Воронеж, ВГУ, 2010. – 352 с.

стей⁹ и регулятивы не рассматриваются как самостоятельный фактор управленческих отношений и оргкультуры. Для преодоления этих ограничений целесообразно обратиться к методу системной диагностики ситуаций, то есть осуществлять постоянный мониторинг ситуации. Этим должны заниматься местные власти, национальные общины и общественные организации, поскольку очевидно, что у отдельных организаций нет достаточных человеческих, финансовых и научно-организационных ресурсов; результат не может быть объективным и в ходе эпизодических опросов; требуется разработка и реализация комплексных научно-исследовательских программ всероссийского, регионального и межрегионального характера.¹⁰

Современные научные исследования свидетельствуют о том, что при определенных условиях этноконфессиональные регулятивы, как и многие механизмы, регулятивные правила могут стать инструментом манипулирования, дезориентации человека, постановки ложных целей¹¹.

Для понимания содержания и механизмов манипулятивных воздействий представляется целесообразным обратиться к концепции инфологем (информационных мифологем), которую в свое время разработал новосибирский социолог В.З. Коган¹².

Инфологема – это ложная, искаженная или неполная информация, представляющая реальные события артефактами, идеологическими мифами, политическими пропагандистскими измышлениями. Инфологемы возникают как результат сознательных, целенаправленных манипулятивных воздействий или, что значительно реже – неосознаваемых заблуждений. Инфологемы способны к расширенному самовоспроизводству, самоумножению и складыванию в системы. Они формируют картины мира в индивидуальном, групповом и массовом сознании, устойчивые стереотипы индивидуального и социального поведения, ценностные установки и ориентации будущих поколений.

В.З. Коган предложил следующую классификацию инфологем:

1. Аргументирующие.
2. Комментирующие.
3. Провозглашающие.
4. Отвлекающие.
5. Скрывающие.
6. Ложноориентирующие (ориентирующие не в тех направлениях).
7. Дезориентирующие (подменяющие ориентиры).

Как представляется, каналами позитивного воздействия и предотвращения (профилактики) негативных эксцессов в корпоративных отношениях должны стать: четкое провозглашение, аргументирование и комментирование в профессиональном кодексе организации приоритета общечеловеческих ценностей и их корреляции с этноконфессиональными; активная пропаганда положений кодекса среди сотрудников; тесное взаимодействие с местными властями в рамках проводимой ими национальной и миграционной политики.

Современные социологии предлагают еще один подход, связанный с разведением понятий манипулирование (использование) человека и модификация. Последнее предполагает «целенаправленное изменение сознания, ориентированное на заранее сформулированные социальные нормы, имеющие однозначно позитивный или легитимный характер. ... Она (модификация) неразрывна с рационализацией воздействия».¹³ Эксперты под рационализацией понимают: развитие понятийного мышления; формирование навыков критической оценки и самооценки; наличие ясного представления о собственных целях и целях других; склонность к альтернативному мышлению.¹⁴

⁹ Четырчинская О. С. Межконфессиональные различия в сфере бизнеса // Социологический журнал. – 2009. – № 3. – С. 79 – 85.

¹⁰ Подр.: Бабинцев В.П. Бабинцев В. П., Заливанский Б.В., Самохвалова Е.В. Этнический экстремизм в молодежной среде: диагностика и перспективы преодоления // Мир России. – №1. – 2011. – С.85.

¹¹ Подр.: Бабинцев В.П. и др. Указ.статья; Мукомель В.И. Интеграция мигрантов: вызовы, политика, социальные практики // Мир России. – 2011. – №1. – С.34-50.

¹² Коган В.З. Качество информации и мир инфологем // Проблемы инфовзаимодействия.- Новосибирск, 1993.

¹³ Бабинцев и др. – С.84.

¹⁴ Там же. – С.84

Таким образом, в деятельности организаций и корпораций должны сочетаться объективные закономерности и имплицитные процессы, рациональные приемы и умение управлять иррациональными (мифологическими) элементами, учитывая которые можно сделать управление более гибким и жизнеспособным. Кроме того, процесс формирования и использования регулятивов включает в себя систему организационных, воспитательных, этических, духовно-религиозных принципов, определяемую взаимоотношением между руководителем и подчиненными, возникающую в организационных и корпоративных взаимоотношениях. Руководитель должен помнить о специфике этноконфессиональных установок, разбираться в кадровом потенциале сотрудников, понимать: имеет ли он дело с моноэтническим или полиэтническим (конфессиональным) коллективом, каковы религиозные предпочтения и настроения коллектива, как строить отношения между людьми в религиозно-праздничные дни и т.д. Он также должен обладать искусством межнационального общения.

Управленческая детальность должна обретать акмеологический (акмеология рассматривает человека как целостный феномен с макро-характеристиками индивида, личности, субъекта деятельности и культуры) характер; необходимо учитывать этнические и конфессиональные факторы в процессе познания и анализа межличностных отношений. Применение воспитательных средств в анализе многократно возрастает в данной теме. Таким образом, очевидно, что ценностное регулирование корпоративной культуры исходит из человека как высшей цели и ценности, а также опирается на оценочно ориентированную идеологию корпорации. Следует понять, что такие ценности как этническая и религиозная идентичность даны человеку как высшие и должные начала; их невозможно игнорировать или подавлять. Как указывал Вебер, человеческое поведение становится осознанным действием лишь тогда, когда индивиды связывают с ним субъективные смыслы, которые становятся осмысленными лишь тогда, когда соотносятся с ценностями, имеющими и субъективное, и универсальное значение.

Любой коллектив – это сложная и постоянно динамично развивающаяся система. Этноконфессиональные регулятивы могут стать основой воспитательной системы в коллективе, то есть обеспечить внутреннее интегрированное единство содержания детальности, организационных и корпоративных отношений, приемов межкультурной коммуникации, принятых в коллективе. Воспитание можно представить как процессуальную систему, социальную по большей мере, она должна быть коллективно-интегрирована. Регулятивы, как воспитательный принцип представляют собой систему норм, правил, принципов, которые следует и необходимо внедрить в жизнь коллектива. Регулятивы направлены на формирование разумных, позитивных межнациональных (неконфессиональных) отношений не только с точки зрения должного, но и как морально-религиозных принципов, характерных для доминантной группы членов коллектива (прежде всего, для руководителей). Регулятивы формируют культуру межличностных отношений, разумные межнациональные ориентации личности, которые наиболее коррелируют со спецификой корпоративных отношений, за которыми стоят традиции и социальный опыт. Корпоративные структуры поддерживают и формируют специфическое культурное пространство, которое помогает укреплять и развивать профессиональное сообщество.

Список литературы

1. Бабинцев В. П., Заливанский Б.В., Самохвалова Е.В. Этнический экстремизм в молодежной среде: диагностика и перспективы преодоления // Мир России. – №1.-2011, – С.85.
2. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма // Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990.
3. Капрова Ю.А. Ценностно-ориентированный подход к формированию организационной культуры российских предприятий// Известия Российского государственного педагогического университета имени А.И.Герцена. Аспирантские тетради. – СПб., 2008. – N 37(80).
4. Коган В.З. Качество информации и мир инфологем // Проблемы инфовзаимодействия.- Новосибирск, 1993.
5. Мукомель В.И. Интеграция мигрантов: вызовы, политика, социальные практики // Мир России. – 2011. – №1. –С.34-50.

6. Снежко С.В., Тавокин Е.П. Неформальные отношения и лояльность персонала // Человечество. – 2009. – № 4. – С.68-73.
7. Филатова В.Ф. Магический дискурс. – Воронеж, ВГУ, 2010. – 352с.
8. Четырчинская О. С. Межконфессиональные различия в сфере бизнеса. // Социологический журнал. – 2009. – № 3. – С. 79 – 85.
9. Экономическая социология. Курс лекций: Учеб. Пособие/Под ред. В.В. Радаева. М.: Аспект Пресс. 1998. 368 с.
10. Энциклопедический социологический словарь / Под ред. Г.В. Осипова. М., 1995. С.871-873; Ерасов Б.С. Социальная культурология. Ч. 1. М.: Аспект Пресс, 1994.

VALUE-CONCERNED REGULATION OF ETHNOCONFESSIONAL RELATIONS IN THE CORPORATIVE CULTURE

I.Y. KLIMOV

*Belgorod National
Research University*

e-mail: milk911@yandex.ru

The article is devoted to the important role of ethnoconfessional's regulators in corporate culture. The paper discusses possible management of corporate process including ethnoconfessional accessory of staff. The article describes the problem of modern management, the use / non-use of ethnoconfessional regulators.

Key words: subject of the Federation, autonomous district, administrative and territorial unit with special legal status, municipal territory.

УДК 124.51

ПРАВОСЛАВНАЯ АКСИОЛОГИЯ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО НА ПРИМЕРЕ РАССКАЗА «КРОТКАЯ»

Я.В. КУШНАРЕНКО

**СибГУТИ
(ГОУ ВПО «Сибирский
государственный
университет
телекоммуникации
и информатики»)**

e-mail: janakush@mail.ru

В статье предпринимается попытка философского обоснования «голословного», по словам самого Ф. М. Достоевского, тезиса о вере в бессмертие души как главной идее человеческой жизни. Автор сосредотачивается на определении смысла понятий «вера», «разум», «любовь», «душа»; исследует соотношение веры и разума, веры и дел, веры и любви, опираясь на Священное Писание и святоотеческое наследие, представленное в статье работами преп. Максима Исповедника и преп. Иустина Поповича.

На философском языке раскрывается основное содержание православной аксиологии Ф. М. Достоевского, включая цели, ценности, высшую ценность и задачи человеческой жизни. Рассказ «Кроткая» рассматривается как практическая демонстрация основных выводов православной аксиологии Ф. М. Достоевского.

Ключевые слова: аксиология, вера, бессмертие души, любовь.

«...дразнили меня необразованностью и ретроградною верою в Бога. Этим олухам и не снилось такой силы отрицание Бога, какое положено в «Инквизиторе» и в предшествовавшей главе. Не как дурак же (фанатик) я верую в Бога. И эти хотели меня учить и смеялись над моим неразвитием! Да их глупой природе и не снилось такой силы отрицание, какое пережил я...».

Ф. М. Достоевский¹

Цель статьи – дать философское обоснование тезиса Ф.М. Достоевского о вере в бессмертие души как главной идее человеческой жизни. Сам Ф.М. Достоевский называет свой тезис из «Дневника писателя» «голословным». Но что значит «голословие» Достоевского и возможно ли оно вообще у такого тонкого аналитика человеческой души, каким был Достоевский? На наш взгляд, если оно и возможно в области философии теоретической, то совершенно отсутствует в области собственно литературной деятельности, в мире художественных образов, на языке которых говорит Достоевский и разъясняет свою аксиологию и антропологию. Наша непосредственная задача в данном случае – раскрыть смысл понятий «вера», «разум», «любовь», «душа» с опорой на Священное Писание и святоотеческое наследие, представленное в статье работами преп. Максима Исповедника и преп. Иустина Поповича. Речь идет, следовательно, об изучении того мировоззренческого контекста, в котором укоренено и из которого вырастает все творчество Ф.М. Достоевского. Этот мировоззренческий контекст отнюдь не двусмыслен и не изменчив; имя ему – святое православие.

Преподобный Иустин Попович, сербский богослов и подвижник, называет Ф. М. Достоевского великим бесстрашным православным апостолом, восклицая: «Осанна Иисусу Сыну Божьему и Сыну Человеческому!»². С. Т. Аксаков говорит о Достоевском как о «неустрасимом исповеднике Имени Господнего»³. Практически все исследователи

¹ Цит. по: Преп. Иустин (Попович). Философия и религия Ф. М. Достоевского. Мн.: Издатель Д. В. Харченко, 2007. – С. 304-305.

² Преп. Иустин (Попович). Философия и религия Ф. М. Достоевского. Мн.: Издатель Д. В. Харченко, 2007. – С. 311.

³ Цит. по: Преп. Иустин (Попович). Философия и религия Ф. М. Достоевского. Мн.: Издатель Д. В. Харченко, 2007. – С. 307.

творчества Ф. М. Достоевского признают в нем неподражаемого реалиста, сумевшего изобразить «все глубины души человеческой».

Такая оценка личности и творчества Достоевского небезосновательна. Пережив мучительные сомнения и отрицания, обострив до предельной точки противоречия, легко фиксируемые обыденным взглядом неискушенного человека, перепроверив все возможные варианты ответов на «проклятые» вечные вопросы, Достоевский обретает твердый камень веры во Христа как в высшую и абсолютную ценность.

Благодаря вере во Христа Достоевскому удалось не просто осмыслить грех в качестве духовной болезни, но и назвать её причины: потеря веры в Бога, в бессмертие души, и как следствие – своеволие. Как отмечает преп. Иустин, Достоевский сам, будучи искушаемым, и справившись с искушениями, может и искушаемым помочь.

Вера во Христа и любовь ко Христу послужила для Достоевского тем неиссякаемым источником любви, милосердия и сострадания к людям, без которых немислимо никакое различие добра и зла, истины и лжи в сфере социальной. «Зрячая» любовь Достоевского («любовь <...> не радуется неправде, а сорадуется истине»⁴) не оправдывает преступника и преступление, но зрит в корень души человеческой и обнаруживает в ней образ Божий – искаженный, отвергнутый человеком, но, тем не менее, поддерживаемый Богом-Творцом в бесконечной надежде на спасение человека.

Духовное зрение Достоевского руководствуется неизменной истиной: люби грешника и ненавидь грех. Именно любовь к грешнику даёт возможность увидеть и квалифицировать грех в качестве греха, то есть в качестве такой ошибки, которая имеет своим следствием искажение и разрушение человеческой природы.

В «Дневнике писателя» за 1876 год (октябрь) Достоевский пишет по поводу бездумных оправданий подсудимых: «Мы понимаем, что можно жалеть преступника, но нельзя же называть зло добром в таком важном деле как суд; <...> Являлась или ложная сентиментальность или непонимание того, что в суде первое дело, первый принцип дела состоит в том, чтобы зло было определено по возможности, по возможности указано и названо злом всенародно»⁵. Знарок человеческой природы во всех её глубинах и основаниях, он совершенно верно указывает на наличие некой черты в рассуждениях о причинах преступления (греха), «которую невозможно преступить, иначе пришлось бы совершенно обезличить человека, отнять у него всякую самость и жизнь, приравнять его к пушинке, зависящей от первого ветра, одним словом, возвестить как бы какую-то новую природу человека»⁶.

Благодаря вере во Христа, Достоевский восстает против обезличивания человека, против игнорирования его свободы, против снятия с человека ответственности даже в таком тяжком действии как самоубийство. Теме самоубийства посвящен художественный рассказ «Кроткая», опубликованный в «Дневнике писателя» (1876 г.) и непосредственно «дневниковые» заметки, сопровождающие этот рассказ (октябрь, декабрь 1876 г.).

Толчком для размышления на данную тему послужили реальные случаи самоубийства, на двух из которых Достоевский останавливается подробнее в своем «Дневнике»: самоубийство бедной молодой девушки-швеи с образом в руках (этот случай лег в основу сюжета «Кроткой») и самоубийство 17-летней девушки – дочери эмигранта, оставившей «вызывающую» записку.

Признавая, что «истребление себя есть вещь серьезная, несмотря на какой бы там ни было шик, а эпидемическое истребление себя, возрастающее в интеллигентных классах, есть слишком серьезная вещь, стоящая неустанного наблюдения и изучения»⁷, и, ставя себе цель – подробно объяснить каждое самоубийство в отдельности, Достоевский, тем не менее, как опытный врач в сфере духовной, диагностирует общую для всех самоубийств духовную болезнь – отсутствие высшей идеи существования, индифферентизм, «заевший» душу. «А высшая идея на земле *лишь одна* и именно – идея о бессмертии души человеческой, ибо все остальные «высшие» идеи жизни, которыми может быть жив

⁴ 1 Кор 13. 6.

⁵ Достоевский Ф. М. Дневник писателя: Избранные страницы. М.: Современник, 1989. – С. 314-315.

⁶ Достоевский. Цит. соч. – С. 315.

⁷ Достоевский. Цит. соч. – С. 357.

человек, *лишь из неё одной вытекают*⁸; «<...> только с верой в свое бессмертие человек постигает всю разумную цель свою на земле»⁹; «<...> без веры в свою душу и в её бессмертие бытие человека неестественно, невыносимо и невыносимо»¹⁰. В этих тезисах – вся философия Достоевского, вся онтология, гносеология, антропология и аксиология; в этих словах Достоевский исповедует собственную веру в Бога, поскольку как он сам отмечает, «бессмертие души и Бог – это всё одно, одна и та же идея»¹¹.

Прежде чем обратиться к главным героям рассказа «Кроткая», а также к рассуждениям материалиста-самоубийцы в статье «Приговор» («Дневник писателя»), следует вдуматься в смысл слов «вера» и «бессмертие души». Опорой в этом размышлении для автора статьи будет Священное Писание и святоотеческое наследие.

Первое, на чем останавливается внимание, это тот факт, что к вере призывает Сам Христос, связывая веру со спасением:

«Иисус сказал ему: если сколько-нибудь можешь веровать, всё возможно верующему»¹²;

«<...> имейте веру Божию»¹³;

«Кто будет веровать и креститься – спасен будет; а кто не будет веровать, осужден будет»¹⁴;

«<...> где вера ваша?»¹⁵;

«Ибо так возлюбил Бог мир, что отдал Сына Своего Единородного, дабы всякий верующий в Него не погиб, но имел жизнь вечную»¹⁶;

«Верующий в Него не судится, а неверующий уже осужден, потому что не уверовал во имя Единородного Сына Божия»¹⁷;

«Истинно, истинно говорю вам: слушающий слово Мое и верующий в Пославшего в Меня имеет жизнь вечную, и на суд не приходит, но перешел от смерти в жизнь»¹⁸;

«<...> вот дело Божие, чтобы вы веровали в Того, Кого Он послал»¹⁹;

«<...> Я есмь хлеб жизни; приходящий ко Мне не будет алкать, и верующий в Меня не будет жаждать никогда»²⁰;

«Воля Пославшего меня есть та, чтобы всякий, видящий Сына и верующий в Него, имел жизнь вечную; и Я воскрешу его в последний день»²¹;

«<...> ибо если не уверуете, что это Я, то умрете во грехах ваших»²²;

«<...> Я есмь воскресение и жизнь; верующий в Меня, если и умрет, оживет. И всякий, живущий и верующий в Меня, не умрет вовек. Верешь ли сему?»²³;

«Истинно, истинно говорю вам: верующий в Меня, дела, которые творю Я, и он сотворит»²⁴.

Понять столь огромную роль веры в человеческой жизни невозможно без знания особенностей человеческой природы и предназначения человека. Святоотеческая антропология, тесно связанная с христологией и триадологией, соединяет в себе не только онтологию и гносеологию, давая ответы на вопросы об основаниях бытия человека и о спе-

⁸ Достоевский. Цит. соч. – С. 349.

⁹ Достоевский. Цит. соч. – С. 351.

¹⁰ Достоевский. Цит. соч. – С. 348.

¹¹ Цит. по: Преп. Иустин (Попович). Философия и религия Ф. М. Достоевского. Мн.: Издатель Д. В. Харченко, 2007. – С.132.

¹² Мк 9. 23.

¹³ Мк 11. 23.

¹⁴ Мк 16. 16.

¹⁵ Лк 8. 25.

¹⁶ Ин 3. 16.

¹⁷ Ин 3. 18.

¹⁸ Ин 5. 24.

¹⁹ Ин 6. 29.

²⁰ Ин 6. 35.

²¹ Ин 6. 40.

²² Ин 8. 24.

²³ Ин 11. 25, 26.

²⁴ Ин 14. 12.

цифике его познавательных актов, но и телеологию и аксиологию, указывая на цель и высшую ценность человеческой жизни.

Святые отцы, и в частности преп. Максим Исповедник, называют сотворенную человеческую природу (сущность) составной или сложной, состоящей из души и тела, рождающихся одновременно и произвольно соединенных «ради восполнения усматриваемой в сущих целокупности»²⁵. И далее: «Ведь во всех вообще сложных по природе вещах составление вида как целого из частей совершается не соединением одного с другим по принятию, а совокупным возникновением частей из небытия по схождению друг с другом одновременно с возникновением совершается составление целого»²⁶. В Письме VII, рассуждая о человеческой душе, Максим Исповедник отмечает, что душа движется и действует «не кругообразно или поступательно, или, кратко говоря, телесно, а умом и разумом»²⁷. При этом душа разумна и умна сама по себе, а не благодаря телу: «<...> душа, существующая после рождения вечно благодаря Богу, таковой создавшему её, самостоятельно и по собственной природе всегда и мыслит, и рассуждает, и познаёт и сама по себе, и в соединении с телом»²⁸.

Душа человека называется мыслящей и разумной, потому что ум и разум – главные самовластные силы человеческой души. Сила же, по определению Максима Исповедника, есть неуклонное движение природы к действию. Действие – завершённое движение.

Душа обладает также жизненной силой, которая не самовластна в отличие от ума и разума: «<...> жизненная сила пребывает неподвижной, по природе не обладая свободой выбора»²⁹. В каком же отношении между собой находятся ум, разум и жизненная сила (чувства) и каково их предназначение?

Ум, по Максиму Исповеднику, – движущее начало разумной силы, а разумная сила – промыслительное начало жизненной силы. Цель и замысел Бога относительно человеческой души – свободное единение человека с Богом по подобию Христа. Слово Божие, ставшее человеком, «явило, если позволительно так сказать, самое глубинное основание Отческой Благодати и показало в Себе конец, ради которого, как очевидно, твари и восприняли начало своего бытия»³⁰.

Завершением движения ума является Бог как Истина, завершением движения разума является Бог как Благо. Ум, устремляясь к Богу, обнаруживает себя как мудрость (сила ума), развивается в созерцании (навык ума) и достигает своей кульминации в ведении (деятельность ума или его действие в качестве завершённого движения). Разум, устремляясь вслед за умом к Богу, обнаруживает себя как рассудительность (сила разума), развивается в делании (навык разума, осуществляемый телесным образом) и достигает своей кульминации в добродетели (деятельность разума или его действие в качестве завершённого движения).

Разум играет роль своеобразного посредника в целостном составе человеческой природы, поскольку призван Словом Божиим промыслительно управлять жизненной силой и соединить её с умом, цель которого – «прилепиться» к Богу.

Последовательно разводя силу, навык и действие как ума, так и разума, Максим Исповедник вводит ещё одну пару понятий – «незабывающее ведение» и «вера». Незабывающее ведение – это приобретаемый человеком и поддерживаемый Богом навык ума в ведении Бога; ведение же – выражение мудрости. Следовательно, именно как синтез силы, навыка и действия ума следует понимать «незабывающее ведение». Иными словами, «незабывающее ведение» – это постоянство ведения ума, устремленного к Богу.

²⁵ Преп. Максим Исповедник. Письмо XIII // Прп. Максим Исповедник: полемика с оригенизмом и моноэнергизмом / Сост. Г. И. Беневич, Д. С. Бирюков, А. М. Шуфрин. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2007. Т. II. – С. 167. (Византийская философия. Т. 2; Smaragdus Philocalias).

²⁶ Преп. Максим Исповедник. Цит. соч. Письмо XIII. – С. 168.

²⁷ Преп. Максим Исповедник. Цит. соч. Письмо VII. – С. 115.

²⁸ Преп. Максим Исповедник. Цит. соч. Письмо VII. – С. 115.

²⁹ Преп. Максим Исповедник. Мистагогия // Преп. Максим Исповедник. Избранные творения. М.: Паломник, 2004. – С. 220. (Библиотека отцов и учителей церкви. Т. XIV).

³⁰ Цит. по: Шервуд П. Максим и оригенизм // Прп. Максим Исповедник: полемика с оригенизмом и моноэнергизмом / Сост. Г. И. Беневич, Д. С. Бирюков, А. М. Шуфрин. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2007. Т. I. – С. 521. (Византийская философия. Т. 1; Smaragdus Philocalias).

Что же такое вера? Вера – это «внутренняя и неизменная связь рассудительности, делания и добродетели»³¹. По аналогии с незабываемым ведением вера – это синтез силы, навыка и действия разума; это твердый навык разума в добродетели.

Такое понимание веры проливает свет как на соотношение веры и разума, так и на соотношение веры и дел. Верой «<...> разум первоначально обладает, благодаря рассудительности как возможности, – отмечает Максим Исповедник, – а затем она является осуществленной, в соответствии с добродетелью обнаруживаясь в делах, ибо написано: *Вера без дел мертва* <...> [Иак 2:20]. Через веру же разум приходит к Благу, где он, прекращая деятельность, обретает свое свершение, поскольку его сила, свойство (навык – К.Я.) и действие ограничиваются [этим Благом]»³².

Вера как возможность разума есть именно возможная направленность, возможная устремленность самовластного движения разума. Осуществленная вера – это реальное движение человеческой души к Богу, это постоянство в добродетели, когда из слов и дел человека обнаруживается действующий в нем Христос³³.

Знакомые слова молитвы обретают в связи с вышесказанным свою исходную ясность: «Вера же вместо дел да вменится мне, Боже мой, не обрящещи бо дел отнюд оправдающих мя. Но та вера моя да довлеет вместо всех, та да отвещает, та да оправдит мя, та да покажет мя причастника славы Твоя вечныя»³⁴.

В самом деле, в основании добродетели как завершеного движения души к Богу лежит вера в качестве вектора или, другими словами, направленности данного движения. И порой оказывается, что по независящим от человека обстоятельствам (или зависящим, но не использованным в должной мере) добродетель как таковая не состоялась, не осуществилась. Всё, чем может оправдаться человек в данной ситуации – это добрым намерением, своей устремленностью ко Христу как единственно неизменному, вечному и реальному Благу. Иногда и саму веру приходится с большим трудом и скорбью отвоевывать у рассеянности, распада и расслабленности, которые незаметно для человека поглощают его душевные силы.

Особого внимания заслуживает сравнение веры с Царством Божиим в работе «Вопросоответы к Фалассию» Максима Исповедника: «Господь, научая о неизреченных, незримых и чаемых благах, говорит: Царствие Божие внутрь вас есть (Лк 17:21). Стало быть, вера в Бога есть то же самое, что и Царствие Божие, и они только мысленно отличаются друг от друга. Ибо вера есть безвидное Царствие Божие, а Царствие [Божие] есть вера, божественным образом обретающая [свои] формы. Так что согласно этому речению не вне нас, [а внутри] нас находится вера, которая будучи приводимой в действие божественными заповедями, становится Царствием Божиим, познаваемым только теми, кто обладает [Им]. Если же Царствие Божие есть приводимая в действие вера и оно же непосредственно соединяет с Богом царствующих в ней, то вера ясно предстает как связующая сила или действенная связь превышесущественного, непосредственного и совершенного единения верующего с Богом, в Которого он верит»³⁵.

Теперь становится понятным – почему вере отводится такая большая роль в деле спасения и обожения человека. Ведь вера – это связующая сила единения человека с Богом; без этой связующей силы нет самого единения, поскольку она – его условие: «<...> вера есть краеугольный камень, и на ней зиждется всё здание божественных деяний и умозрений»³⁶.

В Посланиях Апостолов рассуждениям о смысле и ценности веры отводится едва ли не главенствующая роль. В посланиях к римлянам, евреям и галатам Апостола Павла красной нитью проходит противопоставление веры и дел закона. Логика Павла заслужи-

³¹ Преп. Максим Исповедник. Мистагогия // Преп. Максим Исповедник. Избранные творения. М.: Паломник, 2004. – С. 224. (Библиотека отцов и учителей церкви. Т. XIV).

³² Там же. – С. 223-224. (Библиотека отцов и учителей церкви. Т. XIV).

³³ См.: Преп. Максим Исповедник. Слово о подвижнической жизни // Преп. Максим Исповедник. Избранные творения. М.: Паломник, 2004. – С. 126. (Библиотека отцов и учителей церкви. Т. XIV).

³⁴ Молитвослов на всякую потребу и на всякий день. СПб.: Изд-во Сатисъ, 2006. – С. 20.

³⁵ Преп. Максим Исповедник. Вопросоответы к Фалассию II. Вопрос 33 // Преп. Максим Исповедник. Творения. Кн. II. Вопросоответы к Фалассию. Ч.1. Вопросы I-LV. М.: Мартис, 1993. – С. 91.

³⁶ Преп. Максим Исповедник. Цит. соч. – С. 96.

вае особое внимания. Заявляя о том, что «<...> делами закона не оправдывается никакая плоть»³⁷, и что «<...> человек оправдывается верою, независимо от дел закона»³⁸, Павел, опережая недоумение слушателя, разъясняет: «Итак, мы уничтожаем закон верою? Никак; но закон утверждаем»³⁹, «потому что конец закона – Христос, к праведности всякого верующего»⁴⁰. Обнаруживая недостаточность дел закона, Павел критикует «внешнее» благочестие и дает настоящий совет – наполнить «внешнюю» форму «внутренним» содержанием – верой в Источник Благочестия, верой в Бога. А там, где вера, там и непосредственное единение с Богом и ближним в Боге: «Ибо весь закон в одном слове заключается: любви ближнего твоего как самого себя»⁴¹.

Павел называет закон детоводителем ко Христу. Христос же как начальник и совершитель веры, ведь «<...> вера от слышания, а слышание от слова Божия»⁴², призывает в свободном единении с Богом сотворить плоды духа, полученного по вере: «<...> любовь, радость, мир, долготерпение, благость, милосердие, кротость, воздержание»⁴³. Этот призыв «облечься во Христа» следует рассматривать как призыв стать сынами Божиими не только по названию, но и на деле.

Источник апостольской радости – Богочеловек Христос-Победитель смерти. Смерть есть явное выражение разобщения и распада душевных сил человека (мыслящей, разумной и жизненной) вследствие их дезориентации и противоприродной направленности. Противоприродная направленность, она же – противоположная, представляет собой результат самовластного (свободного) игнорирования человеком замысла Божьего о нем, и как следствие – удаление от Бога. Однако человек, отказавшись от устремленности согласно логосу благобытия, не уничтожает своим отказом собственную душу – главный дар Бога человеку. Разумная и мыслящая душа человека бессмертна по воле милосердного и долготерпеливого Бога. Логос бытия продолжает поддерживать и сохранять человеческую душу как некий фундамент распавшейся по вине человека целостности: «Приснобытие или небытие мыслящей и разумной сущности находится в воле Создавшего всё добрым; но быть благими или дурными по произволению – зависит от воли тварей»⁴⁴. Воля Божья о человеке, открытая нам Христом, неизменна – жизнь вечная. Таким образом, даже после смерти тела человеческая душа сохраняет все свои естественные способности, хотя и в разной степени их развитости.

Логосом человеческой природы Максим называет творящую и промысляющую энергию Бога; иными словами – Божественное мысле-действие, ориентироваться на которое и соучаствовать в котором призван человек. Сами Божественные логосы суть Божественные призывы, обращенные к человеку.

Вера в бессмертие души – ничто иное, как согласие с замыслом Божьим о человеке, который открывается Богом через Его действия. Это согласие предполагает ответное движение и действие со стороны человека. Следовательно, вера включает в себя и деятельный компонент, на который акцентирует внимание апостол Павел в Послании к евреям: «Вера же есть осуществление ожидаемого и уверенность в невидимом»⁴⁵. «Осуществление ожидаемого» – это как раз исполнение человеком воли Божьей о нем, а «уверенность в невидимом» – доверие к Богу относительно того, что по тем или иным причинам сокрыто от человека, ибо согласно Максиму Исповеднику, вере уступается ведение превышающих человеческие силы смыслов.

Бессмертие души легко назвать вымыслом на том основании, что данный факт не подтвержден научно. Но парадоксальным образом факт, не подтвержденный научно, оказывается подтверждаемым жизненным опытом человека, поскольку потеря веры в бес-

³⁷ Гал 2. 16.

³⁸ Рим 3. 28.

³⁹ Рим 3. 31.

⁴⁰ Рим 10. 4.

⁴¹ Гал 5. 14.

⁴² Рим 10. 17.

⁴³ Гал 5. 22.

⁴⁴ Преп. Максим Исповедник. Главы о любви IV. 13 // Преп. Максим Исповедник. Избранные творения. М.: Паломник, 2004. – С. 187. (Библиотека отцов и учителей церкви. Т. XIV).

⁴⁵ Евр 11. 1.

смертие души влечет за собой потерю ориентиров существования, отчаяние и тоску. Неверие в призванность человека к свободному приумножению дарованных Богом «талантов», как, впрочем, и в реальность самих даров, обесмысливает человеческую жизнь, лишает её цели и ценности, ведет к замыканию человека на самом себе, к триумфу своей воли. Человек оказывается не в состоянии ужиться с миром, с его трудностями, скорбями и страданиями, ибо он не находит данности, которую способен полюбить, а наличие заданности и инструментария для выполнения этого задания он по слепоте душевной разглядеть не может. Ибо только вера, вполне сопоставимая с духовными очами души, «<...> есть победа, победившая мир»⁴⁶. Речь идет о победе в смысле творения добродетели во имя Господа и ради спасения ближнего. В качестве итога данного рассуждения следует отметить, что только рожденный от Бога (в контексте Ф. М. Достоевского – верующий в бессмертие души) способен победить мир. Рожденный от Бога – тот, кто получил благодать Святого Духа при крещении и кто, веруя, старается стать чадом Божиим, прикладывая деятельные усилия.

В чем же заключается трагедия главных героев рассказа «Кроткая»? Это небольшое произведение, посвященное короткому периоду семейной жизни мужчины средних лет (41 год) и молодой девушки, закончившей жизнь самоубийством, до предела обостряет проблему выбора между верой и безверием, поскольку ситуация, конструируемая Достоевским, изначально окрашена в темные тона. Замкнутость мужа, высокомерие, гордыня, отъединение и вместе с тем позиция экспериментатора по отношению к жене – так началась семейная жизнь 16-летней девушки. Однако в исповеди этого человека перед гробом жены, в его попытке «собрать мысли в точку» и уяснить причины происшедшего, ясно обнаруживается и жажда любви, и сама любовь, хотя и перемешанная с себялюбием и гордыней: «Как ведь тут судить человека? Разве не любил я её даже тогда уже?»⁴⁷; «И мог разве я вообразить её другою? Из-за чего ж я любил, из-за чего ж я ценил её, из-за чего ж женился на ней?»⁴⁸. В его тяжелом сбивчивом, но покаянном монологе обнаруживается жажда иметь друга, стремление к единению: «<...> вводя её в дом, я думал, что ввожу друга, мне же слишком был надобен друг»⁴⁹. Вместе с тем последние слова этой фразы указывают на себялюбие и тиранию по отношению к ближнему: «Но я видел ясно, что друга надо было приготовить, доделать и даже победить»⁵⁰. Отсюда и жизненная идея главного героя рассказа – остаться загадкой для жены, оставить дистанцию, выдержать как можно дольше отъединение.

Главный герой не сразу понимает всю пагубность подобных идей и душевных устремлений (пагубность именно в силу их противоположной направленности) и ещё много раз на протяжении своего монолога упомянет о том, что его система была истинная, что, на самом деле, жена во всем виновата. Только в конце исповеди главный герой, как отмечает в предисловии к рассказу Ф. М. Достоевский, приходит, наконец, к правде; «правда неотразимо возвышает его ум и сердце. <...> Истина открывается несчастному довольно ясно и определительно, по крайней мере для него самого»⁵¹.

В чем же заключается эта истина? Герой вдруг отчетливо осознает, что отъединение, замыкание на себя – это бред и мука, это смерть! Своей ориентацией на разъединение он во многом подтолкнул жену к самоубийству, заставил её свыкнуться с мыслью о том, что разъединение – это норма («я думала, что вы меня оставите так»⁵²), в конце концов, спровоцировал её болезнь: «Измучил я её – вот что!»⁵³. Герой понимает, что именно оскудение любви – причина произошедшей трагедии. Он в сердцах восклицает: «Люди на земле одни – вот беда! «Если в поле жив человек? – кричит русский богатырь. Кричу и я, не богатырь, и никто не откликается. <...> «Люди, любите друг друга» – кто это

⁴⁶ 1 Ин 5. 4.

⁴⁷ Достоевский Ф. М. Кроткая (фантастический рассказ) // Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений в 30 томах. Т. 24. Ленинград: Издательство «Наука», 1982. – С. 12.

⁴⁸ Достоевский. Цит. соч. – С. 20.

⁴⁹ Достоевский. Цит. соч. – С. 24.

⁵⁰ Достоевский. Цит. соч. – С. 24.

⁵¹ Достоевский. Цит. соч. – С. 5

⁵² Достоевский. Цит. соч. – С. 28.

⁵³ Достоевский. Цит. соч. – С. 35.

сказал? чей это завет?»⁵⁴. Эта заповедь услышана, наконец, главным героем рассказа. Слово истины, сказанное Спасителем, согласно апостолу Павлу, «<...> живо и действительно и острее всякого меча обоюдоострого: оно проникает до разделения души и духа, составов и мозгов, и судит помышления и намерения сердечные»⁵⁵.

Слово обращается с призывом любить друг друга! Но любовь человека к человеку и любовь к человечеству, согласно Ф. М. Достоевскому, «<...> совсем невозможна без совместной веры в бессмертие души человеческой»⁵⁶. В свою очередь, верить в бессмертие души, значит, верить в Творца бессмертной души, всеми силами устремляться к Нему как к подлинному Источнику жизни в надежде на спасение. Таким образом, вера в бессмертие души, вера в Бога, любовь к Богу, любовь человека к человеку – тесно связаны друг с другом.

Преподобный Иустин Попович рассуждает следующим образом: «<...> две заповеди (о любви к Богу и любви к человеку – К.Я.) едины по сущности. Первая – всегда первая и всегда наибольшая; вторая – всегда вторая. Вторая есть лишь зримое проявление первой, <...> без первой вторая невозможна»⁵⁷. Чем же обусловлена эта тесная взаимосвязь двух заповедей?

Преподобный Максим Исповедник в «Главах о любви» поясняет: «Стяжавший же любовь, стяжал Самого Бога, поскольку *Бог есть любовь* (1 Ин 4:16)»⁵⁸. Особого внимания заслуживает рассуждение Максима Исповедника о взаимосвязи веры, надежды и любви. Веру Максим называет основой надежды и любви; надежду – силой, которая скрепляет любовь и веру, поскольку надежда «являет собой то, во что должно верить и что должно любить и научает, как должно через нее совершать путь к этому»⁵⁹. Любовь же, согласно Максиму, есть исполнение веры и надежды: «всею собою охватывая весь предельный предмет желания и прекращая их (веры и надежды – К.Я.) движение к нему, она вместо веры в его бытие и надежды на его будущее осуществление дарует собою вкушение его в настоящем. Собственно говоря, только она одна и представляет человека сущим по образу Творца, мудро подчиняя разуму то, что находится в нашей власти, но не склоняя [вью самого] разума перед этим. Она убеждает волю двигаться соответственно естеству и не бунтовать против логоса природы. Ибо благодаря этому логосу мы все можем обладать как одним естеством, так и одной волей и одним хотением, будучи [созвучными] с Богом и друг с другом и не отдаляясь от Бога и друг от друга, если, конечно, избираем в качестве основополагающей идеи закон благодати, посредством которого мы добровольно обновляем закон естества»⁶⁰.

Следовательно, подлинное единение людей друг с другом будет иметь место только тогда, когда самовластные движения различных человеческих душ (ипостасей человеческой природы) обретут одну единую направленность – к Богу с целью единения с Ним через благодатное причастие. Единство человеческой природы достигнет полноты тогда, когда человеческая природа в каждой своей ипостаси соединится с энергиями Божественной природы. Но в этом случае и нераздельность ипостасей (при их неслиянности друг с другом – !) достигнет своей кульминации, поскольку не только ипостаси человеческой природы будут нераздельными между собой, но нераздельными окажутся Ипостаси Троицы с ипостасями человеческой природы в силу обожения последней. Именно к этому призывает Христос и об этом молится Отцу: «<...> да будут все едино, как Ты, Отче, во Мне, и Я в Тебе, так и они да будут в Нас едино, – да уверует мир, что Ты послал Меня. И славу, которую Ты дал Мне, Я дал им: да будут едино, как Мы едино. Я в них, и Ты во Мне;

⁵⁴ Достоевский. Цит. соч. – С. 35.

⁵⁵ Евр 4. 12.

⁵⁶ Достоевский Ф. М. Дневник писателя: Избранные страницы. М.: Современник, 1989. – С.351.

⁵⁷ Преп. Иустин (Попович). Философия и религия Ф. М. Достоевского. Мн.: Издатель Д. В. Харченко, 2007. – С. 188.

⁵⁸ Преп. Максим Исповедник. Главы о любви IV. 100 // Преп. Максим Исповедник. Избранные творения. М.: Паломник, 2004. – С. 200. (Библиотека отцов и учителей церкви. Т. XIV).

⁵⁹ Преп. Максим Исповедник. Послание к Иоанну Кубикулярию о любви // Преп. Максим Исповедник. Избранные творения. М.: Паломник, 2004. – С. 203. (Библиотека отцов и учителей церкви. Т. XIV).

⁶⁰ Преп. Максим Исповедник. Цит. соч. – С. 203.

да будут совершенно воедино, и да познает мир, что Ты послал Меня и возлюбил их, как возлюбил Меня»⁶¹.

В «Послании к Иоанну Кубикулярию» Максим Исповедник определяет любовь следующим образом: любовь есть «<...> всецелая внутренняя связь с Первым Благом и с всеобщим Промыслом о естестве всего рода [человеческого]. <...> Эту связь мы знаем как любовь и именуем любовью, не считая любовь к Богу и любовь к ближнему за нечто раздельное, но признавая её всю целиком за единую и ту же самую, ибо ею мы обязаны Богу и она сочетает людей друг с другом. Ибо осуществлением и ясным доказательством совершенной любви к Богу является искренне расположение к ближнему, [достигаемое] через добровольное благоволение»⁶².

Возвращаясь к рассказу «Кроткая», следует отметить, что его кульминацией несомненно выступает событие «падения пелены» с ума и сердца главных героев. Падение пелены сопровождается неизъяснимым восторгом и радостью, сравнимой, пожалуй, с радостью стиснутой до сего времени со всех сторон воды и вдруг вырвавшейся на простор и предавшейся полноте течения. На понимание противоположности отъединения указывают слова самого героя: «<...> но я сам-то где был всю зиму? был ли я-то при моей душе?»⁶³. Порыв любви, сопровождавшийся покаянными нотами, порыв благоволения к жене, жалость к ней, чуткость и одновременно восторг, жажда новых взаимоотношений в единстве и любви – вот что наполнило душу рассказчика в момент подлинной жизни его души.

Что же помешало ей ответить тем же и заставило решиться на самоубийство? Повторяя слова Достоевского, «эта кроткая, истребившая себя душа невольно мучает мысль»⁶⁴, тем более что «выбросилась она и упала на землю, держа в руках образ. Этот образ в руках – странная и неслыханная ещё в самоубийстве черта! Это уж какое-то кроткое, смиренное самоубийство»⁶⁵. Достоевский не случайно называет свой рассказ «Кроткая»; его главная цель – разобраться в причинах такого не-кроткого действия как самоубийство. Как было сказано выше, главная причина самоубийства, по Достоевскому, – потеря веры в бессмертие души, потеря веры в Бога, замыкание на себя, своеволие. Своевлие отчетливо обнаруживает себя как в действиях Кириллова (роман «Бесы»), так и в сочиненном Достоевским рассуждении материалиста (статья «Приговор» в «Дневнике писателя» за октябрь 1876 г.). Для уяснения стартовых точек своеволия, его движущих механизмов и для спецификации на этом фоне ситуации с девушкой из рассказа «Кроткая» рассмотрим подробнее ход мысли материалиста.

1. Рассуждающий ставит вопрос: какое право имела природа производить меня, сознающего, без моей на то воли? Констатируется, что сознание – страдание. Почему? Человек осознает себя мышью в мышеловке неумолимых законов природы, обезличивающих природных и общественных сил, неясного устройства жизни, когда чья-нибудь воля вдруг одерживает победу и триумф. Это сознание безысходности положения причиняет невыносимую боль и страдание. Душа жаждет осмысленности и не достигает её.

2. Сознание бунтует против конечности жизни человека, и никакая «возвещаемая» природой гармония целого не убеждает человека жить, поскольку человек не видит смысла в этой конечности. Жить ради конечного наслаждения – глупо, ради призрачной и опять же конечной для отдельного индивида гармонии целого – значит превращать себя в средство, в подопытный элемент, согласиться на обезличивание. Изначально грозящий в будущем нуль обесмысливает всё настоящее и всё ближайшее «завтра». Сознание не соглашается с такими законами природы.

3. Сознание убеждается, что единственный его собеседник – оно само, так как «природа, чтоб отвечать мне на мои вопросы предназначила мне (бессознательно) меня же самого и отвечает мне моим же сознанием <...>»⁶⁶. Сознание находит такую ситуацию

⁶¹ Ин 17. 21-23.

⁶² Преп. Максим Исповедник. Послание к Иоанну Кубикулярию о любви // Преп. Максим Исповедник. Избранные творения. М.: Паломник, 2004. – С. 207. (Библиотека отцов и учителей церкви. Т. XIV).

⁶³ Достоевский Ф. М. Кроткая (фантастический рассказ) // Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений в 30 томах. Т. 24. Ленинград: Издательство «Наука», 1982. – С. 27.

⁶⁴ Достоевский Ф. М. Дневник писателя: Избранные страницы. М.: Современник, 1989. – С. 325.

⁶⁵ Достоевский. Цит. соч. – С. 324.

⁶⁶ Достоевский. Цит. соч. – С. 326.

абсурдной и человек бросает природе вызов, убивая себя: «Я присуждаю эту природу, которая так бесцеремонно и нагло произвела меня на страдание, – вместе со мной к уничтожению... А так как природу я истребить не могу, то истреблю себя одного, единственно от скуки сносить тиранию, в которой нет виноватого»⁶⁷.

Рассуждения героя романа «Бесы» Кириллова очень похожи на рассуждения материалиста именно в своей мотивации, суть которой – бунт против наличной бессмыслицы и попытка заявить о своей воле, попытка обнаружить такую полноту распоряжения собой, которая включает в себя даже самоубийство: «<...> самый полный пункт моего своеволия – это убить себя самому»⁶⁸; «я обязан неверие заявить, – вещает Кириллов. – Для меня нет выше идеи, что Бога нет»⁶⁹; «кто смеет убить себя, тот бог»⁷⁰. Полное отсутствие веры в призванность человека, в реальность даров, которые человек получил от Творца, включая не только «можения», но и саму жизнь, саму способность распоряжаться ими, приводит человека к болезненному замыканию на себя, к игнорированию логосов Божьих и как следствие – к противоположному и противоположному движению.

Результат первого варианта «недолжного использования природных сил» (своеволия), когда человек совершает противоположные и противоположные движения – тление и смерть как выражение распада природных сил (вместо возможного их соединения!). Результат второго варианта «недолжного использования естественных сил (самоубийства как высшего проявления своеволия) – вольная смерть, которая, как и любая смерть, обнаруживает распад природных сил, но в данном случае – вследствие **осознанного** отказа от распоряжения собой вообще, добровольного согласия на распад и разъединение.

Самоубийство имеет целью засвидетельствовать отказ человека от жизни и выбора. В итоге человек отвергает самовластные движения, отвергает рассудительность и мудрость как возможности разума и ума. Однако сами ум и разум в качестве главных сил человеческой души не уничтожаются отказом человека. Душа с её сущностными силами – умом и разумом – бессмертна по воле Бога-Творца, и самоубийца не в состоянии уничтожить свою душу. Но последнее противоположное движение самоубийцы оставляет душу не только без тела как своего инструмента (ведь и мученики за Христа вольно шли на смерть и лишались тела), оно оставляет душу лишенной своих «можений» – мудрости и рассудительности в силу добровольного отказа самоубийцы задавать какой-либо вектор движения. В итоге душа оказывается при том противоположном и противоположном движении, которое выбрала для себя сама, и сама же сделала этот выбор последним. Человек лишает себя в этом случае покаяния. Вновь дарование этой возможности зависит теперь только от милости Божьей.

В чем же особенность своеволия главной героини рассказа «Кроткая»? Здесь нет кичливости собой, нет желания заявить о себе, что-то доказать кому-то, нет никакого упрека и все же – нежелание жить и осуществление этого нежелания с образом в руках. Что предшествовало этому? Как рассказывает муж о начале их семейной жизни, «она с самого начала, как ни крепилась, а бросилась ко мне с любовью, встречала, когда я приезжал по вечерам, с восторгом, рассказывала своим лепетом (очаровательным лепетом невинности!) всё свое детство, младенчество, про родительский дом, про отца и мать. Но я всё это упоение тут же обдал сразу холодной водой»⁷¹. Самолюбование, гордость и саможаление мужа, требование от жены не просто уважения, а поклонения своим страданиям привели девушку в замешательство. Её первая реакция на греховную болезненность его души – недоверчивая, молчаливая, нехорошая улыбка. Жена вынуждена была принять молчание мужа: «Правда, это я на молчание напер, а не она. С её стороны раз или два были порывы,

⁶⁷ Достоевский. Цит. соч. – С. 326.

⁶⁸ Цит. по: Преп. Иустин (Попович). Философия и религия Ф. М. Достоевского. Мн.: Издатель Д. В. Харченко, 2007. – С. 77.

⁶⁹ Преп. Иустин (Попович). Цит. соч. – С. 77.

⁷⁰ Цит. по: Преп. Иустин (Попович). Философия и религия Ф. М. Достоевского. Мн.: Издатель Д. В. Харченко, 2007. – С. 76.

⁷¹ Достоевский Ф. М. Кроткая (фантастический рассказ) // Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений в 30 томах. Т. 24. Ленинград: Издательство «Наука», 1982. – С. 13.

бросалась обнимать меня; <...> я принял холодно»⁷². В ответ на молчание мужа её улыбка сменяется насмешливой складкой и дерзким видом.

Что же здесь – защита от эксперимента мужа? Неприятие разъединения? Замыкание в себе? Вероятно, что и то, и другое, и третье, не было лишь одного – любви, побеждающей грех и зло своего ближнего. Говорится это не в осуждение, а для уразумения таких жизненных ситуаций, когда человек, поставленный перед лицом «врагов своих» (а враг – это, прежде всего, нежелающий), вынужден как-то действовать. Призыв Христа – «возлюби врагов своих» – на самом деле не под силу человеческой природе. «Невозможное человеку, возможно Богу» – утешает нас Господь, даруя нам свою благодать. Но способны ли мы её принять? Понимаем ли, что Господь делает нас в эти моменты Своими соратниками? Вот как рассуждает о Божьем Промысле Максим Исповедник в «Главах о любви»: «Если *любовь долготерпит и милосердствует* (1 Кор 13:4), то малодушествующий при случившихся скорбях, а потому и дурно поступающий с обидившими его и отсекающий себя от любви к ним, разве не отпадает тем самым от цели Божиего Промысла?»⁷³. Сохранение себя от ненависти; помощь ближнему, насколько это возможно, дабы он избавился от зла; чистосердечная молитва о нем; незлословие, благоволение – «таков путь любомудрия по Христу»⁷⁴.

Путь молодой жены оказался иным. Бунт «кроткой» (желание застрелить из револьвера спящего мужа) – это не просто отчаянное несогласие с грехами мужа, это отожествление греха с грешником, практически всегда сопровождающееся злобой. Последующую шестинедельную болезнь девушки следует рассматривать как следствие противоестественного использования ею естественных сил души. Но даже в период её болезни муж продолжает борьбу за превосходство. Он радуется своей победе над ней: «побеждена, но не прощена»⁷⁵, радуется её греху и усиливает их разъединение покупкой отдельной кровати для неё. Что же она? Она молча принимает все его действия, она дает молчаливое согласие на разъединение... Бессилие после болезни, робкая кротость жены, сознательное отдаление развязки отношений со стороны мужа, «смакование» мысли об её унижении, вновь молчаливые прогулки или ни к чему не обязывающий разговор – таковы внутренние и внешние стороны жизни семейной пары в течение зимы.

Падение пелены с глаз и сердца мужа и его бурное объяснение в любви напугало жену, но вместе с тем, можно с уверенностью говорить о падении пелены и с её сердца. Она выходит из своей замкнутости, успокаивает его кающегося, беспокоится о нем, утешает его, плачет. Она называет себя преступницей, стыдится своего поступка, обещает мужу быть верной, уважающей его женой. Казалось, ничто не предвещало трагедии. Но именно после всего произошедшего девушка кончает жизнь самоубийством.

Весь контекст данной ситуации указывает, на наш взгляд, не столько на активное своеволие, сколько на подавленность воли в результате добровольного отказа любить Бога и ближнего. Угасание духа или искусственная, добровольная блокировка умной и разумной сил человеческой души обессиливает саму душу, истощает её, делает боязливой и неуверенной. Желанию преодолеть разъединенность не хватает веры в Бога и как следствие – не хватает любви к ближнему, которая по своей сути есть жажда его спасения. В воле человека остается выбор между верой и безверием, выбор между тем – держать перед собой образ Христов, вдохновляющий Своей Богочеловеческой любовью или не держать, следовать Его заповедям по любви к Нему или не следовать, быть верным домостроителем благодати Божией или не быть.

Преподобный Иустин Попович называет Христа вслед за Достоевским вечным оптимизмом для верующего человека. В православной аксиологии Достоевского Христос – высшая ценность, идеал человеческой личности – «видимый, осязаемый, воплощенный и

⁷² Достоевский. Цит. соч. – С. 15.

⁷³ Преп. Максим Исповедник. Главы о любви IV. 18 // Преп. Максим Исповедник. Избранные творения. М.: Паломник, 2004. – С. 188. (Библиотека отцов и учителей церкви. Т. XIV).

⁷⁴ Преп. Максим Исповедник. Главы о любви IV. 30 // Преп. Максим Исповедник. Избранные творения. М.: Паломник, 2004. – С. 189. (Библиотека отцов и учителей церкви. Т. XIV).

⁷⁵ Достоевский Ф. М. Кроткая (фантастический рассказ) // Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений в 30 томах. Т. 24. Ленинград: Издательство «Наука», 1982. – С. 22.

воплотимый»⁷⁶, «её альфа и омега»⁷⁷. Лик Христов – единственный путеводитель «по ужасному смешению добра и зла в человеческой жизни»⁷⁸, «единственное мерило всего видимого и невидимого»⁷⁹. Воплощенное Слово – Живое и Вечное – единственное противоядие против своеволия и безволия как недолжных способов использования естественных сил человеческой души. Апостолы напоминают нам об этом: «Помыслите о Претерпевшем такое над Собою поругание от грешников, чтобы вам не изнемочь и не ослабеть душами вашими. Вы ещё не до крови сражались, подвизаясь против греха»⁸⁰. «Итак укрепите опустившиеся руки и ослабевшие колени и ходите прямо ногами вашими, дабы хромлющее не совратилось, а лучше исправилось»⁸¹; «<...> всегда преуспевайте в деле Господнем, зная, что труд ваш не тщетен пред Господом»⁸². «Бодрствуйте, стойте в вере, будьте мужественны, тверды. Всё у вас да будет с любовью»⁸³.

Просьбу апостолов «стоять в вере» следует понимать как просьбу быть верным единственно правильному вектору движения человеческой души – вектору уподобления Богу через соблюдение Его заповедей. Вера, будучи свободно выбираемым направлением движения человека, отнюдь не противоречит разуму как одной из способностей человеческой души. Ибо только верующий разум не слеп.

Вера, в свою очередь, является условием любви как всецелого единения человека с Богом и человека с человеком.

Человеку, изучающему апостольское учение о соотношении веры и дел закона, может на первый взгляд показаться, что они противоположны. Однако слова апостола Павла о том, что «<...> закон был для нас детоводителем ко Христу, дабы нам оправдаться верою»⁸⁴ и что «<...> конец закона – Христос, к праведности всякого верующего»⁸⁵ заставляют нас отказаться от жесткого противопоставления веры и дел закона. Апостолы призывают нас не к внешнему благочестию, а к подлинному, живому, вырастающему из глубин и тайников человеческой души, укорененному в вере как устремленности всех сил человеческой души к Богу.

Подытожим далее рассуждения преп. Максима Исповедника и преп. Иустина Поповича об устройстве человеческой души, её целях и задачах. Человеческая душа сотворена по образу Божьему, то есть мыслящей и обладающей свободной волей, иными словами, самовластной. Свобода распоряжения собой привела человека к грехопадению. Но и до грехопадения человека и после него воля Божья о человеке осталась неизменна – жизнь вечная с Богом и в Боге! Стать богочеловеком, обожиться – вот к чему призывает нас Бог. Этот призыв звучит не просто словесно. Христос как воплотившийся Бог делом нам показывает желанный Богу путь. Именно поэтому Христос есть высшая ценность, мерило и цель человеческой жизни. Согласно преп. Иустину Поповичу, «Богочеловек – <...> сущность, смысл и цель богообразной человеческой души, а через её посредство – и самого человеческого тела»⁸⁶. Иустин Попович напрямую ставит вопрос: «Ибо что значит быть православным?»⁸⁷ И отвечает: «Значит – пребывать в непрестанном подвиге от человека к Богочеловеку, неутомимо воздвигая себя святыми Богочеловеческими таинствами и святыми Богочеловеческими добродетелями»⁸⁸. Вот почему вера в бессмертие человеческой души, являясь фактически верой в Бога как Творца и Промыслителя, названа Достоевским главной идеей человеческой жизни.

⁷⁶ Преп. Иустин (Попович). Философия и религия Ф. М. Достоевского. Мн.: Издатель Д. В. Харченко, 2007. – С. 139.

⁷⁷ Преп. Иустин (Попович). Цит. соч. – С. 211.

⁷⁸ Преп. Иустин (Попович). Цит. соч. – С. 223.

⁷⁹ Преп. Иустин (Попович). Цит. соч. – С.143.

⁸⁰ Евр 12. 3, 4.

⁸¹ Евр 12. 12, 13.

⁸² 1 Кор 15. 58.

⁸³ 1 Кор 16. 13, 14.

⁸⁴ Гал 3. 24.

⁸⁵ Рим 10. 4.

⁸⁶ Преп. Иустин (Попович). Цит. соч. – С. 441.

⁸⁷ Преп. Иустин (Попович). Цит. соч. – С. 443.

⁸⁸ Преп. Иустин (Попович). Цит. соч. – С. 443.

Вектор веры является главенствующим не только в теоретическом масштабе антропологии и аксиологии, но и в масштабе жизни, поскольку изначально дарование человеку богообразной души задает основание для различения греха и добродетели как двух видов человеческих действий – противоположного (противологосного) и действия, согласного с человеческой природой и Божественными логосами о человеке. Результат противоположных действий – духовная дезориентация и обезличивание человека. Вывод предельно прост: если человек теряет веру, он теряет духовный фундамент и в итоге – самого себя. Укрепляется в вере – обретает подлинную жизнь, соединяясь с мерилом Жизни Богочеловеком Христом. «Итак, Богочеловек – это высшая и самая совершенная ценность, единственное вечное достояние, а тем самым – и высший и самый совершенный критерий, единственный вечный критерий истины, жизни, правды, света, доброты и премудрости. Всё свое учение и всю свою деятельность Владыка Христос сводит к Своей Богочеловеческой Личности и объясняет Ею»⁸⁹, – заключает Иустин Попович. Такова конкретизация сербским богословом и подвижником тезиса Ф. М. Достоевского о вере в бессмертие человеческой души как главной идее человеческой жизни. В этом тезисе Достоевский указывает и на стартовую точку человеческой жизни – душа сотворена по образу Божьему, самовластной и бессмертной, и на заданную финишную точку – человек призван к богоподобию, к вечной жизни с Богом и в Боге. Приведенное выше раскрытие и обоснование «голословного» утверждения Ф. М. Достоевского составляет основное содержание православной аксиологии писателя.

Список литературы

1. Преп. Иустин (Попович). Философия и религия Ф. М. Достоевского. Мн.: Издатель Д. В. Харченко, 2007. 312 с.
2. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. М.: Издание Московской Патриархии, 1990. 1372 с.
3. Достоевский Ф. М. Дневник писателя: Избранные страницы. М.: Современник, 1989. 557 с.
4. Преп. Максим Исповедник. Письмо XIII. Краткое слово к иллюстрию Петру против учения Севира // Прп. Максим Исповедник: полемика с оригенизмом и моноэнергизмом / Сост. Г. И. Беневич, Д. С. Бирюков, А. М. Шуфрин. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2007. Т. II. С. 167. (Византийская философия. Т. 2; Smaragdus Philocalias).
5. Преп. Максим Исповедник. Письмо VII. Пресвитеру Иоанну о том, что душа и после смерти сохраняет действие мысли и не утрачивает ни одной из своих естественных способностей // Прп. Максим Исповедник: полемика с оригенизмом и моноэнергизмом / Сост. Г. И. Беневич, Д. С. Бирюков, А. М. Шуфрин. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2007. Т. II. С. 167. (Византийская философия. Т. 2; Smaragdus Philocalias).
6. Преп. Максим Исповедник. Мистагогия // Преп. Максим Исповедник. Избранные творения. М.: Паломник, 2004. С. 211-250. (Библиотека отцов и учителей церкви. Т. XIV).
7. Шервуд П. Максим и оригенизм // Прп. Максим Исповедник: полемика с оригенизмом и моноэнергизмом / Сост. Г. И. Беневич, Д. С. Бирюков, А. М. Шуфрин. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2007. С. 496-528. (Византийская философия. Т.1; Smaragdus Philocalias).
8. Преп. Максим Исповедник. Слово о подвижнической жизни // Преп. Максим Исповедник. Избранные творения. М.: Паломник, 2004. С. 109-135. (Библиотека отцов и учителей церкви. Т. XIV).
9. Молитвослов на всякую потребу и на всякий день. СПб.: Изд-во Сатись, 2006. 576 с.
10. Преп. Максим Исповедник. Вопросы к Фалассию // Преп. Максим Исповедник. Творения. Кн. II. Вопросы к Фалассию. Ч.1. Вопросы I-LV. М.: Мартис, 1993. 286 с.
11. Преп. Максим Исповедник. Главы о любви // Преп. Максим Исповедник. Избранные творения. М.: Паломник, 2004. С. 136-200. (Библиотека отцов и учителей церкви. Т. XIV).
12. Достоевский Ф. М. Кроткая (фантастический рассказ) // Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений в 30 томах. Т. 24. Ленинград: Издательство «Наука», 1982. С. 5-35.
13. Преп. Максим Исповедник. Послание к Иоанну Кубикулярию о любви // Преп. Максим Исповедник. Избранные творения. М.: Паломник, 2004. С. 201-210. (Библиотека отцов и учителей церкви. Т. XIV).

⁸⁹ Преп. Иустин (Попович). Философия и религия Ф. М. Достоевского. Мн.: Издатель Д. В. Харченко, 2007. – С. 439

14. Собрание творений преподобного Иустина (Поповича). Т. IV. Догматика православной церкви. Ч. 5, 6. Пневматология. Эсхатология. Пер. с сербского С. Фонова. Общ. ред. проф., д-ра церковной истории А. И. Сидорова. М.: Паломник; Сибирская Благовонница. 2007. 512 с.

F. M. DOSTOJEVSKY'S ORTHODOX AXIOLOGY ILLUSTRATED BY THE STORY «THE MEEK WOMAN».

Y. V. KUSHNARENKO

*Siberian State University
of Telecommunications
and Information Sciences
(SIBSUTIS)*

e-mail: janakush@mail.ru

The author of this article tries to give the philosophical substantiation of the «unfounded» F.M. Dostoevsky's thesis concerning the faith in the immortality of a human soul as the main idea of our life.

The author defines the following concepts: faith, reason, love, a human soul and studies the correlation of faith and reason, faith and deeds, faith and love. The Scripture and the holyfather's anthropology presented by St. Maxim Confessor and St. Justin Popovich has been taken as a theoretical ground to solve this task.

The main content of F.M. Dostoevsky's orthodox axiology including aims, tasks, values and the high value has been uncovered by the philosophical language. The story «The meek woman» has been taken as the practical demonstration of main conclusions of Dostoevsky's orthodox axiology.

Key words: axiology, faith, immortality of a human soul, love.

КОСМО-ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ КОНСТАНТЫ СОЗНАНИЯ (ПО В.В.НАЛИМОВУ)

С.В. МАЛЬЦЕВА

КГУ

им.К.Э.Циолковского

e-mail:sv-maltseva@bk.ru

В данной статье автором рассматриваются творческие идеи российского ученого, математика и философа, В.В.Налимова, чьи работы посвящены таким проблемам как соотношение языка и мышления, философии и методологии науки, проблемам человека в современной науке, вероятностной теорией смыслов. Двумя из таких работ, заслуживающих особого внимания в данном контексте являются В.В.Налимова «Спонтанность сознания: Вероятностная теория смыслов и смысловая архитектура личности» и «Вероятностная модель языка». Далее в статье раскрываются и интегрируются несколько теорий относительно заявленной темы, кроме того, предлагается авторский взгляд на данную проблематику.

Ключевые слова: вероятностная модель языка, жизнетворение, мыслеформа, Налимов, сознание, экологическая константа сознания, этика мысли.

В то время как современность требует нового сознания, или «перемены ума» (термин Карсавина¹), мы со своей стороны дополним данный термин и подчеркнем, что на данном этапе человечество нуждается в качественной перемене ума, перемене сознания и взгляда на окружающую действительность через призму внутреннего состояния. Наряду с этим, мы можем добавить, что, по нашему видению, основная проблема современной философии — это проблема интерференции смыслов, проблема их проявленности в мире и одновременно их вневременной трансценденции. Проблема также заключается в том, что подчас философию приравнивают к классической науке, тем самым ограничивая круг ее возможностей и круг видения космоса и вселенной в целом; другой крайностью становится принятие философии как исключительно абстрактной дисциплины, отдаленной и трудной для восприятия человеком в повседневной жизни, в мире чаще наблюдаются попытки сворачивания глубинных смыслов бытия с целью аппликации манипулятивных методик психологии, социологии и этики, с помощью которых в наше время и достигается управление и оказывается массовое воздействие на людей. Данные проблемы заставляют еще раз обращаться к теме о сознательных принципах жизнедеятельности и жизнетворения.

В свою очередь, анализируя диахроническую философию, мы видим, что на протяжении веков, философы разных школ и направлений, выделяли существенную особенность сознания и мысли человека, а также их влияния на окружающую действительность. В то время как сама наука довольно скептически относится к данным высказываниям, все больше научных открытий неопровержимо свидетельствуют о важности понимания и осознания этического существования человека как проявленного Творца, как представителя Земли, Вселенной и Космоса в целом, хранящего в себе источник жизни и несущего энергии экологически-сознательного бытия окружающим.

И, тем не менее, наиболее интересным для нашего изучения представляется философия пост-неклассического направления, именно в данном направлении философы активно развивают синергетические концепции, идею малтилога и космо-этического положения бытия, рассматривая человека как творящего субъекта внешнего мира через свой внутренний мир.

Одним из таких основателей школ неклассической философии являлся по нашему мнению Налимов Василий Васильевич. Его вероятностно-ориентированная философия,

¹ Карсавин Л. (2004) О совершенстве. Перевод Асии Ковтун, Богословские труды. Московская патриархия, № 39., 2004. – С.295.

как направление философских исследований, сформировалась в результате более чем 30-летних научных исследований. Начало было положено от построения и создания математической теории эксперимента в 1960 – 1965 гг. Затем последовал не менее интересный период, посвященный теме наукометрии и вероятностной модели языка, рассматривающей семантику обыденного языка. Завершающей работа цикла исследований явилась книга «Спонтанность сознания» (1989), в которой раскрывается природа смыслов и строится вероятностно ориентированная смысловая модель человеческой личности.

В последней книге Налимова, написанной в 1985 г. речь шла о проявленности смыслов через биосферу, в первых трех (1979, 1981, 1982 гг.) — о проявленности их через человека в таких сферах его деятельности, как язык, воображение, наука. В данной работе мы опять возвращаемся к человеку, концентрируемся на нем и только на нем и пытаемся показать, как через него — в этике его бытия в Мире раскрываются смыслы. Смыслы распаковываются всегда через тексты. Человек для нас — это многообразие текстов, грамматику и семантику которых мы хотим охватить единым, вероятностно задаваемым взглядом. Отсюда вытекает множество вопросов о том, почему мы понимаем друг друга, когда в нашей речи используются слова с полиморфными (не атомарными) смыслами; как возможна единая модель, задающая творчество в самом широком его понимании; включающем развитие как ноосферы, так и биосферы; как возможно введение представления о собственном времени как о мере изменчивости; если сознание действительно есть функция высокоорганизованной материи, то почему до сих пор не появилось модели, эксплицирующей это утверждение.

Итак, человек — самоорганизующееся целое, способное выстраивать ритмику собственных мыслей, позитивных мыслемоделей, и одновременно выходящий за рамки уже созданной мировой инфра-структуры, вследствие того, что «проснувшийся» человек самостоятельно творит и гармонизирует свое пространство. Невозможно не заметить, как один за другим рушатся сценарии апокалипсисов, и в этом проявляется любящая рука Творца и его команды, своими гармонизирующими воздействиями возвращающими Землю на предназначенный ей путь творческой лаборатории и вселенского университета. Соглашаясь с высказыванием Ф. Шиллера о том, что Вселенная есть мысль бога, мы рассматриваем возможности мышления и работы мысли, генерирующиеся нашим сознанием. Освобождающаяся от оков загрязненного общественного сознания, мысль способна творить, передавая потоки энергий, а мозг человека в данном случае выступает трансформатором.

Вместе с тем, выстраивание данной позиции влечет за собой поиск других точек — назовем их точками совершенства. Главное совершенство проявляется тогда, когда мировосприятие гармонично, если в матрице гармонии у каждого есть точка баланса. Отсюда новое сознание (у приходящих детей-индиго или обновляющееся и выстраивающееся заново у людей, уже населяющих Землю. А измененное гармонизирующее сознание влечет за собой совершенно новое качество бытия и переход на другой уровень этого бытия.

В первой части книги о «Спонтанности сознания» Налимов пишет о телесной идентификации и проблемах сознания, упоминая тот факт, что еще египтяне высказывали идею о том, что «...сохранение подверженного разложению тела также некоторым образом было необходимо для обеспечения вечной жизни». Но мы ставим вопрос, идет ли здесь речь о сохранении просто тела без души ушедшего человека, как это трактуется обычно, или все же существует необходимость и возможность сохранять и поддерживать тело на протяжении гораздо более длительного времени, нежели стандартное летоисчисление жизненного цикла человека. В определенных обрядах тело наделялось превращения в «*sahu*» — духовное тело — «...тело, которое достигло знания и силы и великолепия, в результате чего оно обретает теперь длительность существования, неподверженность разложению. Тело, ставшее *sahu*, приобретает силу объединения с душой и общения с ней. В этом состоянии оно может подняться на «*gift*» небо и существовать с богами и *sahu* богов и с другими праведниками. В тесной связи с телами — естественными и духовными — оказывается сердце или, скорее, часть его, которая является вместилищем жизненной силы. Мы добавим, что именно такой человек в наибольшей мере является проявленной личностью, носителем индивидуальности и обладает абсолютной независимостью существования.

Здесь имеет место говорить о полноте сознания, об уровнях организованности такого полного сознания. И вполне очевидно, что для термина «сознание» существует большое количество определений, где их авторы делают попытку описать данное понятие с точки зрения своей позиции в науке, а также с точки зрения, на чем базируется данное обоснование. Но все же, отдаем ли мы себе достаточный отчет о смысле этого слова?

Так например, в статье Дж.Рея² «Основания для сомнения в существовании сознания», автор, с позиции, занимаемой современной аналитической философией, показывает всю противоречивость, которая связана с самим понятием сознание. В начале статьи мы читаем: «...Сознание не является неопределенным в том прямом смысле, в каком являются таковыми слова *bank* и *pride*, согласно данным *Oxford English Dictionary*. Все его употребления тесно связаны, подчеркивая то одни, то другие стороны ментальной жизни. Эти употребления показывают существенные различия в значениях в зависимости от того, являются ли соответствующие аспекты существенно разными аспектами; чтобы решить это, необходимо принимать решения относительно той или иной теории ментальной жизни... Наверное, при классификации употребления слова мы должны устанавливать различие между разными, ранее смешиваемыми процессами, причем каждый из них включает сознание «в разном смысле». И далее мы находим в статье такие высказывания: «... в противовес духу Декарта и букве Локка... большинству определений в *Oxford English Dictionary*, а также претензиям многих теоретиков, вплоть до наших дней... сознание должно включать в себя нечто большее, чем просто мышление ... компьютеры представляются способными иметь убеждения и предпочтения (до неопределенной степени упорядочения), самооценку, обращенный во вне язык, интроспективные сообщения и процессор, преобразующий информацию о состоянии мира и собственного тела — и все это, видимо, не обладая сознанием. Единственно значимые черты нашей ментальной жизни, которых, безусловно, в настоящее время нет у машины,— это способность к «индукции», или кажущейся безграничной изобретательности в схватывании мира (см. *Chomsky — Reflection*). Концепция сознания может оказаться включающей в себя чрезмерно упрощенный взгляд на нашу ментальную жизнь. И это приводит к тому, что мы можем ошибаться, думая о себе или о чем-либо еще как об обладающих истинным сознанием.

Сознание, в соответствии с этико-экологической философской теорией, всегда активно трансформирует реальность воспринимая реальность или любой ее аспект перерабатывается сознанием. Реальность в данном случае и нахождение человека в ней, это продукт сознания. «Какое сознание, такая и реальность». (см. А.К.Зайцев³)

Давайте подумаем, каков смысл двух следующих выражений: «переработка реальности» и «трансформация реальности». Оба эти определения предполагают, что существует некая автономная реальность, к которой сознание применяется и которую оно обрабатывает. Согласно В.В. Налимову, такая картина фундаментально неверна. Не существует реальности как таковой, которую сознание посещает и которую обрабатывает. Реальность всегда дается совместно с сознанием, которое осмысляет ее, причем акт осмысления является одновременно и актом трансформации. У нас не существует никакого представления о том, что такое реальность — как таковая, потому что всегда, когда мы думаем о ней, когда мы созерцаем ее (любым образом), реальность неизменно предстает перед нами трансформированной нашими когнитивными способностями.. Вместе с тем, устройство и структурированность нашего сознания ведет к пониманию того, что сначала окружающая среда есть зеркало происходящего внутри нас, далее это сигналы и знаки среды в целом. Сознание, освободившееся от социальных рамок, отделяется от коллективного разума и способно воспринимать и видеть внешнее как систему. Проводя параллель с лингвистикой, можем говорить об «универсальной грамматике» и «абсолютной адекватности» (термины В.В.Налимова), в этом смысле возможность абстрагироваться от частных особенностей и перейти в «философскую грамматику».

Для лучшего понимания возьмем высказывание В.В. Налимова о кибернетике: «...объектом исследования в кибернетике являются самоорганизующиеся системы, свое-

² Ray J., The wisdom of God manifested in the works of the Creation Online text: <http://www.jri.org.uk/ray/wisdom/>

³ Зайцев А.К. Государство аграрно-информационной эко-цивилизации: Калуга: Эйдос, 2009.

образные организмы, образованные из некоторого множества вещей, объединенных системой управления. Структура управления – структура языка системы»⁴. Следовательно, кибернетика может изучать любой живой организм, в котором происходит информационное взаимодействие и непрерывное образование новых систем. Вернемся, однако, к кибернетическому понятию системы управления. Если данная система является самоорганизующейся, а сознание человека мы по праву можем относить к уникальной в своей природе системе, значит и у сознания есть собственная система управления, которая не может быть подвластна другим таким системам. А раз она самоорганизуется, значит такая система способна организовывать или творить. Из чего следует, что наше сознание творит мир вокруг нас, но прежде всего наш собственный мир. И далее, это означает, что такие системы находятся во взаимодействии, но по идее должны находиться в равном положении относительно друг друга.

Однако, мы видим, что сознания, каждое имея собственную систему управления, не находятся в равном положении, и более того, большинство сознания подчиняются чужой системе управления зачастую бессознательно. Почему же так происходит? Эмоциональная сфера жизни человека с присоединением, нежелание нести ответственность за происходящее в своей жизни, замещение истинных принципов бытия и стремление вторгаться в чужое сознание, приводит неизбежно к потере баланса собственной системы, что является также неэкологичным мышлением и бытием.

В нашем понимании, экологическая константа сознания — это не отражение старомодного идеализма, который отрицает реальность или окружает ее таинственностью. Экологичность сознания в данном случае есть уважение чужого сознания, невмешательство в любое сознание и толерантность по отношению к процессам в нем происходящих. Это и прежде всего ответственность за свое собственное сознание, за поток своих мыслей, за чистоту данных мыслей. Мы уже сказали, что сознание – самоорганизующийся человеком юнит, но вместе с тем, оно еще и творящая врожденная структура, данная человеку от Абсолюта для прямой связи с Космосом, для прямого чувствования процессов и возможности правильно оценивать ситуации. Хотя, подчеркнем еще раз, что для большинства населения нашей планеты, сознание по-прежнему остается затуманенным и замытым в силу определенных причин, и главным образом, неструктурированности и хаотичности процессов собственного сознания. Отсюда проистекает, понятие этики сознания, это то, как мы думаем, качественный процесс, направленный на себя и космос. Кроме того, мы не должны забывать, что априорно, это субъективные процессы и функции распределения будут также субъективны, а значит этика сознаний может объединяться в определенные семантические группы, коррелирующие по смысловому сознательному принципу.

«...Возникновение сознания — это одна из вечных тайн. Представлять сознание как тайну — менее таинственно и странно, чем полагать, что сознание — это просто мозг, функционирующий только по физиологическим и механистическим законам; первый путь означает, что мы признаем тайну частью естественного порядка вещей». Сознание и Воображение взаимосвязаны. Природа Воображения дает нам лучшую возможность понять сознание, чем сотни нейрофизиологических исследований. «Природа Воображения восхитительно таинственна»⁵. Полезно будет также упомянуть понятие «визуализация», которая помогает при работе с сознанием. Само сознание таинственно до тех пор, пока человек самостоятельно не снимает покров тайны с данной сущности своего бытия. При работе со своим Высшим Я мы способствуем потоку энергии распределяться в теле и работать через визуализацию, которая помогает максимально усилить процессы гармонизации. Известный филолог Блумфилд однажды заметил, что минимальная свободная форма есть слово. Мы бы хотели дополнить, что мысль скорее будет такой минимальной свободной единицей, ибо слово уже не свободно от социума, что означает, что слово может и не являться свободным, полностью отражающим мысль. В то время как внутреннее слово-мысль, остающееся в рамках одного сознания является абсолютным. Слово в данном случае уже следующая ступень закодированности информации. Как известно, забытые и стертые когда-то способности ясноговорения и ясновидения были естественны как

⁴ Налимов В.В. Вероятностная модель языка. — М.: Наука, 1974. — 272 с. Второе издание: 1979. — С.5.

⁵ Налимов В.В. В поисках иных смыслов. — М.: Прогресс, 1993. — С.788.

человеческая речь сегодня и также направлены на чистое энергетическое общение человека без искажения смыслов, ведь говорение есть одна из форм жизни (Витгенштейн). Тогда же была потеряна глубина сознания, то что мы пытаемся обрести в пространстве «здесь и сейчас» (термин А..К.Зайцева). И в свою очередь, это значит, что изучение языка в настоящее время иногда единственный способ изучения мысли, тем не менее в некоторых случаях верификация для ученых появляется в формах отличных от цифр или скажем модифицированного количественно-качественного результата..

«...Чудо и тайна эволюции сознания состоит в его способности увеличивать реальность по мере того, как оно растет и трансформируется. Сознание — свет, который все освещает и везде проникает. Сознание, являясь частью реальности, посылает луч другим частям реальности и, освещая их, возвращает их к источнику света, к сознанию. Освещая темноту, оно поднимает небытие на уровень бытия. Способность видения и процесс видения неотделимы от глаза. Чем глаз является для акта видения, тем является сознание для акта осмысления реальности»⁶.

Эти современные представления о космической природе сознания удивительным образом смыкаются с высказываниями не только Оригена, но и гностиков, для которых развитие телесной материи обуславливалось изначальным проникновением (падением, пленением) в нее Света. Вот что об этом пишет Джонас⁷: «...Наиболее радикальным [в гностицизме] оказался образ падения: душа, или дух — часть первичной Жизни, или Света, пала в мир или в тело. Это один из фундаментальных символов Гностицизма: пред-космическое падение божественного принципа оказалось в основе развития мира и человеческого существования в большинстве гностических систем. «Свет упал во тьму» — обозначение ранней фазы той божественной драмы, о которой можно сказать, что выражение «Свет засиял в темноте» обозначает последующую фазу. Как возникло это падение и через какие стадии оно проходило — это было предметом широко варьируемых размышлений».

Итак, мы видим, что почти две тысячи лет тому назад возник миф (позднее подавленный официальным христианством), смысл которого по-новому раскрывается в наши дни. Мы узнаем в нем представление о таинственности сознания, его трансперсональности (т. е. континуальности) и космичности. И нам, кажется, становится ясным, что всякое упрощение — персонально капсулированное видение сознания оказывается ущербным и философски несостоятельным⁸.

Связь семантического мира с миром физическим, природа, включая и творческий мир личности, неотъемлемо связаны с многомерностью сознания и внутренним миром человека. Семантика так называемого обыденного языка в действительности заключает в себе гораздо более глубокий смысл, нежели просто идею инструмента общения. Можно сказать, это самое элементарное понимание данного вопроса, когда язык используется с целью передачи поверхностных смыслов.

В заключении хотелось бы отметить, следующее:

– Преодоление социальных рамок сознания есть шаг на пути раскрытия себя как творца-преобразователя как внутреннего так и внешнего.

– Всякое упрощенное «капсулированное» (по Налимову) видение сознания оказывается ущербным в том числе, когда мы раскрываем данное понятие в философии.

– Новый подход позволяет рассмотреть такие темы: связь семантического мира с миром физическим; природу понимания; творчество; многомерность личности; пути преодоления личностной ограниченности; достоинство человека; личностное время; смысл жизни и смысл Вселенной. Предлагаемый подход берет свое начало от Платона и перекликается с развитием западной философии вплоть до экзистенциализма и философской герменевтики.

– Динамика бытия метафизична.

⁶ Налимов В.В. Спонтанность сознания. Вероятностная теория смыслов и смысловая архитектура личности. — М.: Прометей, 1989. — 781с.

⁷ Jonas H., *The Imperative of Responsibility: In Search of Ethics for the Technological Age* (trans. of *Das Prinzip Verantwortung*) trans. Hans Jonas and David Herr (1979).

⁸ Налимов В.В. Вероятностная модель языка. — М.: Наука, 1974. — 272 с. Второе издание: 1979.

- Сознание действительно есть функция высокоорганизованной материи
- Основным условием успешности жизни, ее гармоничной эффективности на Земле, есть встраивание собственного мировосприятия, наполненного Любовью, которая в данном случае несет в себе коды гармонизации внутреннего и внешнего пространств.
- Осознание творения границ собственной свободы и выстраивания пространства – еще одна константа космо-этического бытия
- Невмешательство в чужое сознание и работа с собственным полем сознания рассматриваются как единственная возможность гармоничного экологического и этического существования.
- Человек есть Творец своего бытия
- Точка внутренней стабильности есть условие для развития и раскрытия собственного потенциала и мыследеятельности.

Рождаясь, человек осваивает мир не только непосредственно сам, но и с помощью языка, слов, текстов, которые достались ему по наследству. «Мышление, не наученное мыслить самостоятельно, пользуется словом, текстами, ограничивая спектр значений заданными транслируемыми смыслами. Так человек, идя на поводу средств массовой коммуникации, создает удобный для себя мир, в котором вместо действительных чувств и мыслей подставлены подменные образования, в результате чего он начинает жить в фантомном мире псевдомыслей, псевдочувств, псевдодействий»⁹. Так появляется серое большинство, слепо верящее в одну единственную, специально транслируемую для него истину. «В процессе саморазвития мы, как правило, всегда движемся в сторону более высоких частот, принимая и осваивая новые. В этом процессе происходит и преобразование нашего тела. Все пространства имеют вибрации, определенные частоты. В любом случае происходит интеграция этих частот в соразмерности своих возможностей»¹⁰. Этика жизни в разных измерениях отличается друг от друга по ряду параметров. В качестве константы предлагается бытие в шестом измерении, которое является измерением эффективной мысли, позитивных мыслеформ. При переходе на шестое измерение уменьшается объем речи, улучшается качество мышления. Мысль действует почти мгновенно, разрывов между производством мысли и ее воплощением практически нет. Наивысшая эффективность достигается любящим сознанием

В заключении, мы еще раз хотели бы подчеркнуть, что духовность и материя творчества являются и содержанием Вселенской жизни, и формой ее проявления. Следовательно, творчество можно рассматривать как структурообразующее начало человеческого сознания и главную функцию, производной от которой будут художественная и культурная деятельность человека, которая порождается не только вдохновением, но и удерживается сознанием человека по степени его духовной силы и воли. «Из этого следует, что при определенном уровне организации личности творчество есть сознательно вызываемое индивидом состояние, направляемое и удерживаемое его волей»¹¹. Из данного утверждения возможен вывод о том, что проявленный мир – деятельность сознания, сутью которого является творчество – как процесс непрерывного становления, изменения, достижения качества, преобразования самого человека и окружающего мира как демонстрации самобытия.

Все бегут к свету, забывая про тьму творящую

С.В. Мальцева

Список литературы

1. Chomsky, N., 1975. Reflections on Language. Pantheon Books, New York.
2. Jonas H., The Imperative of Responsibility: In Search of Ethics for the Technological Age (trans. of Das Prinzip Verantwortung) trans. Hans Jonas and David Herr (1979). ISBN 0-226-40597-4 (University of Chicago Press, 1984) ISBN 0-226-40596-6

⁹ Мальцева С.В. Истина языкового текста // Сборник материалов «III Международная научно – практическая конференция «Наука и современность – 2010». Часть 3. // Новосибирск, 2010.

¹⁰ Мальцева С.В. Язык как мир, как хаОс и хаОс, // Сборник материалов КГУ им.К.Э. Циолковского «Межрегиональная научно – практическая конференция преподавателей и аспирантов»// Калуга, 2010

¹¹ Мальцева С.В. Этические константы человека творящего //Сборник материалов «Наука и практика: проблемы, идеи, инновации», всероссийская научно-практическая конференция с международным участием // Екатеринбург, 2010

3. Ray J., The wisdom of God manifested in the works of the Creation
Online text: <http://www.jri.org.uk/ray/wisdom/>
4. Зайцев А.К. Философия ведической цивилизации, Калуга, ИД «Эйдос», 2005
5. Зайцев А.К. Государство аграрно-информационной эко-цивилизации: Калуга: Эйдос, 2009.
6. Карсавин, Л. (2004) О совершенстве. Перевод Асии Ковтун, Богословские труды. Московская патриархия, № 39., 2004: с295
7. Мальцева С.В. Истина языкового текста // Наука и современность – 2010 : сборник материалов III Междунар. науч.-практ. конф. Часть 3. – Новосибирск, 2010.
8. Мальцева С.В. Язык как мир, как хаОс и хаОс // Сборник материалов КГУ им.К.Э. Циолковского «Межрегиональная научно-практическая конференция преподавателей и аспирантов». – Калуга, 2010.
9. Мальцева С.В. Этические константы человека творящего // Сборник материалов «Наука и практика: проблемы, идеи, инновации», всероссийская научно-практическая конференция с международным участием. – Екатеринбург, 2010.
10. Налимов В.В. Вероятностная модель языка. – М.: Наука, 1974. – 272 с. Второе издание: 1979.
11. Налимов В.В. Спонтанность сознания. Вероятностная теория смыслов и смысловая архитектура личности. – М.: Прометей, 1989
12. Налимов В.В. В поисках иных смыслов. – М.: Прогресс, 1993.

COSMO-ECOLOGICAL CONSTANTS OF CONSCIOUSNESS (BY V.V. NALIMOV)

S.V. MALTSEVA

*Tsiolkovsky Kaluga
State University*

sv-maltseva@bk.ru

The article is devoted to the creative philosophical ideas and concepts of a great Russian scientist, mathematician and philosopher, V.V. Nalimov, whose works regard such topics as the correlation between language and thinking, that of philosophy and science methodology, human being notions in modern science and probabilistic senses theory. Two of these works by Nalimov V.V., worth analyzing and taking into consideration, are 'Spontaneity of Consciousness: Probabilistic Theory of Meaning and Semantic Architectonics of Personality' and 'Probabilistic Model of Language and Conscience'. Afterwards in the article there are several theories concerning the given thematic under examination and analysis.

Key words: probabilistic model of language, life-creation, Nalimov, thought-form, ethical constant of consciousness, thought ethic.

УДК 130.2

АНТИНОМИИ РЕЛИГИОЗНОГО ЭКСТРЕМИЗМА ПРОСТРАНСТВЕ ТРАДИЦИОНАЛИЗМА И СОВРЕМЕННОСТИ

А.В. РИМСКИЙ*Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет**e-mail: rimskiy@bsu.edu.ru*

В статье исследуются проблемы социокультурной динамики религиозного экстремизма в пространстве традиционализма и современности. Отмечается сущностно избыточный характер феномена экстремизма, который тесно связан с практиками сакрализации и вытеснения.

Ключевые слова: экстремизм, религия, сакральное, избыточность.

Если признать, что в современной гуманитарной мысли есть лакуны, то проблема религиозного экстремизма, безусловно, относится к ним. Эту проблему можно назвать «неудобной» не только теоретически, но и «политически». Второе связано с тем, что связь религии и насилия, с которыми четко соотносится современный религиозный экстремизм и терроризм, маргинальна в современной научной мысли, равно как и в политическом, и конфессиональном дискурсе, не по объему публикаций и публичного внимания, а по своему размещению на аксиологической шкале общественного мнения. «Возвышенный объект веры», содержание религий, религиозные принципы и ценности противятся сравнению с экстремизмом или террором. Практика вносит свои коррективы, и потому в научной аналитике и масс-медиа становятся возможными различные варианты соединения религии не только с насилием, но и конфликтами на этнической почве, как, например, в концепте «этнорелигиозный экстремизм».

Некая «самоцензура» философской и социально-гуманитарной мысли препятствует поиску истоков экстремизма в самой религиозности и максимум на что отваживается, так это на поиск такого содержания в «плохих» религиях – «нетрадиционных», «маргинальных», «тоталитарных», – словом в любых *иных*, непривычных и незнакомых. Другая возможность, которую стоит рассматривать как соблазн, состоит в обращении к стереотипам дихотомии «Восток – Запад», с уже привычным номинированием в качестве «экстремистского», прежде всего, ислама. Наконец, более новым будет другая версия противостояния и анализ борьбы «фундаменталистского Востока» (теперь и православного) против «секулярного Запада».

Градации критичности и объективности подобного анализа отталкиваются от специфичности объекта, который во многом стал *terra incognita* для европоцентристского сознания. И речь не только о религии, ставшей *внешним объектом* для рационализированного мышления западного ученого, но также и о самом экстремизме. Что если его сравнение с экстремальностью неверно, а религиозный экстремизм стоит рассматривать именно в его неочевидной «неудобности» для политико-юридического дискурса и самой религии, отвергающей такое содержание? Возможно, что именно сейчас, в эпоху «постсекулярности» (С. Жижек), мы имеем возможность приблизиться к философско-метафизическому и философско-религиоведческому пониманию религиозного экстремизма.

Такой ракурс рассмотрения опирается на ряд положений.

1. В настоящее время понятие экстремизма преимущественно локализовано в правовом и политическом дискурсе. Характер номинирования социокультурных (в том числе и религиозных) феноменов в этих дискурсах в качестве экстремистских позволяет выделить такие характерные черты его аксиоматизации как *исключение*, *неопределенность*, *избыточность*, что позволяет установить параллели между *экстремизмом*, *насилием* и *чрезвычайным положением*.

2. Логика исключаящего включения, объединяющая явления экстремизма, чрезвычайного положения и гонений, дает основание для создания концептуальной модели, в которой религиозный экстремизм есть:

а) исключаемое избыточное, «голая жизнь» (Дж. Агамбен), *десакрализованная фигура*, выходящая за пределы права;

б) экстремизм «для себя», в котором сакрализация интенсивна, а сам религиозный экстремизм есть *исключаемое и исключаящее* одновременно.

То есть наши поиски оснований экстремизма выстраиваются в ряд форм, которые приобретает избыточность человека. Саму ее можно определять витально-биологически, то есть исходно как агрессию, наиболее очевидное в данном случае родственное явление¹. Так, например, определяет экстремизм В.И. Красиков: «экстремизм есть концептуализация агрессии сознанием некоторых групп»². Как некое влечение – желание в духе учения психоанализа³, как более «возвышенное» чувство господства у Ницше⁴ или жажду признания, которую мы находим в идеях А. Кожева⁵.

Но, несмотря на разность трактовок избыточности, формы экстремизма или явлений ему предшествовавших центрированы сакрализованным ритуалом магического действия, жертвоприношением с фигурой «козла отпущения», являющегося сосредоточением избыточности. Не охваченным анализом в схемах Жирара и Мосса, к которым мы обращаемся, остается сам феномен магии, заслоненный понятиями сакрального и религией. Вместе с тем, магический ритуал также представляет интерес с позиции нашего исследования.

Магия по своей природе избыточна, избыточна по отношению к культуре, и потому вытеснена ею на периферию, избыточна по отношению к самой телесности человека, преодолевая пороги его привычной и нормированной активности.

Однако главное в магическом действии его коллективный характер, консолидирующий индивидуальные избыточности в единое и на одной цели. Как пишет В.А. Шкуратов, цель не является главным, смысл в участии: «От индивида, едва научившегося говорить, требовалось не духовное, а мускульное участие в духовной практике коллектива. Духовность производилась всеми и для всех. Доисторическое действие фокусирует идеомоторные проекции всех участников на предмет и объект действия, оно собирает индивидуальные состояния в коллективное и опредмечивает его. Коллективная эмоция, натолкнувшись на предмет, обрушивается коллективной судоргой: визуальной, двигательной и т.д. Это – момент истины для всех, проявление смысла, свечение другого мира сквозь предметное действие... Магическое действие – это подпорченное реальное действие, потерявшее целесообразность, но получившее взамен смысл. Ради коллективной организации цели пришлось пожертвовать самой целью»⁶. Но возможно, сама коллективность и есть цель, только скрытая. Именно о необходимости такой сокрытости и говорит Жирар, исследуя жертвоприношение.

Исторически переход от религий экстатических, культуры удерживающей насилие и избыточность вообще всецело путем нестабильного института жертвоприношения заканчивается (но в большой мере еще длится) с переходом к монотеизму. Жертвенные кризисы становятся более редкими, а механизмы сублимации избыточности более совершенными. В.А. Шкуратов отождествляет этот переход с появлением крестьянской цивилизации в неолите: «В неолите появляется дошедший до наших дней общественно-экономический, культурный, бытовой, психологический уклад, который называется крестьянской (земледельческой) цивилизацией. Ее признаки: аграрная экономика, ручной труд, минимальное потребление и простой быт, зависимость от природно-климатических ритмов, естественно-демографическая саморегуляция... Идеология крестьянской цивили-

¹ См.: Лоренц К. Агрессия (так называемое «зло»). М., 1994.

² Красиков В.И. Экстремизм: сущность и генезис // Экстремизм как социальный феномен. Материалы международной научно-практической конференции. Курган, 2005. – С.96.

³ Истоки такой трактовки мы найдем в концепции Желания З. Фрейда, Ж. Лакана, Ж. Делеза, Ф. Гваттари.

⁴ См. например: Ницше Ф. Воля к власти. М., 1994.

⁵ Кожев А. В. Идея смерти в философии Гегеля / Пер. с фр. и послесл. И. Фомина. М.: Логос; Прогресс-Традиция, 1998.; Кожев А.В. Понятие власти / Пер. с фр. А.М. Руткевича. М.: Практика, 2007.

⁶ Там же. – С.195.

зации – миф, анимистические верования... основная социальная ячейка – большая семья»⁷. Ритмичность бытия человека программировала циклы кризиса, устранение избыточности становилось плановым, период стабильного состояния сменялся разрывом обыденности, когда проявлялась избыточность в различной форме, в том числе и в форме праздника.

Именно это состояние исследовал Бахтин, обращаясь к феномену карнавала⁸. Праздник – карнавал есть пространство смещения различий, потому и возможна травестия, переодевание, амбивалентность царя – шута, опрокидывание культурных норм. Но также Бахтин упоминает и символическое насилие, побои, сжигание и разрывание чучела, но чуть далее Бахтин пишет о брани как эквиваленте смерти: «Брань – это смерть, это бывшая молодость, ставшая старостью, это живое тело, ставшее теперь трупом. Брань – это «зеркало комедии», поставленное перед лицом уходящей жизни, перед лицом того, что должно умереть исторической смертью»⁹.

Обращение к мифам целого ряда исследователей (Мосса, Жирара, Кайуа и других) с целью иллюстрации форм пред-экстремизма, форм избыточности, как мы их называем, фиксируют уже более позднее положение. В.А. Шкуратов отмечает: «мировоззрение поздней первобытности представлено мифом»¹⁰ – что есть уже некая упорядоченность жертвоприношения и самих кризисов. То, что было до этого, сложно представляемая ситуация спонтанного и непредсказуемого проявления избыточности вне определенных форм и механизмов локализации. До культура, в мифах представленная как хаос. Упорядоченность мифа была согласована с самим существованием человека, вписанным в природные ритмы и уже избавленного сообщества от пароксизмов избыточности. Возможно, именно это и обеспечило стабильность этого периода человеческой истории, получившей названия «спящей истории» у Э. Леруа-Ладури, «долгой длительности» у Ф. Броделя и «крестьянской цивилизации» у В.А. Шкуратова, отмечающего ее «удивительно однородный» характер.

Единый процесс перехода к более совершенным структурам сублимации избыточности, переход от магии к мифу следует также дополнить более общим, формированием культуры в целом, совершенствовании психических механизмов обуздания агрессии, в основе имеющем процесс интенсификации контактов первобытных людей, а они в своем большинстве носили насильственный характер: «задача примитивной общности, прежде всего, – воспроизводство наличных форм жизнедеятельности и сознания. Это достигается поддержанием status quo человеческих потребностей и отношений. Изменения наступают только при вызове со стороны природного окружения или других общностей. Сам по себе кровнородственный коллектив, находящийся в изоляции в устойчивых природных условиях, в масштабе исторического времени практически не изменяется... Первобытная психология в своей основе – это защитная, стабилизирующая организация сознания, можно сказать, знаково оформленный инстинкт самосохранения (сохранение кровнородственного коллектива в его борьбе с природой и соседями)»¹¹. Долговременная стабильность могла быть достигнута при возникновении эффективных механизмов вытеснения избыточности во вне сообщества (как пример запрет кровнородственных связей), формирование устойчивых форм (в дальнейшем приобретших правовой статус) насилия – таких как война или набег. Но за этим кроется совершенствование психических механизмов, когда первобытное сознание переводит агрессию в насилие, творя магию, миф, ритуал и позднее религию. У В.А. Шкуратова описан этот психологический механизм: «первобытное сознание создает свои символы не в спокойной обстановке, но в постоянной фрустрации. Знаки (угрожающие или благоприятные, не нейтральные) как бы выталкиваются из мотивированного нутра первобытной жизни в виде причудливо связанных цепей ассоциаций. Когнитивный и эмоциональный компоненты здесь нерасторжимы. Первобытные мифы быстро под-

⁷ Шкуратов В.А. Историческая психология. М., 1997. – С.200.

⁸ Бахтин М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/Baht/03.php

⁹ Там же.

¹⁰ Там же. – С.201.

¹¹ Шкуратов В.А. Историческая психология. М., 1997. – С.207.

нимаются на горячей опаре первобытных эмоций...»¹². Противоречие между целями выживания индивида и сообщества и стремлением к реализации избыточности рождает миф.

Вопрос в том, что стабильность такой системы покоится на довольно ограниченном количестве контактов и, по сути, в чрезвычайно малой способности поглощения избыточности механизмом жертвоприношения. Даже внешний взгляд на перечень необходимых условий и процедуру жертвоприношения выдает это. Строгий отбор жертв, локализация, подготовка жертвователя и жертвы и далее завершение ритуала, все указывает на близость объекта воплощения избыточности. Но если представить все более возрастающее количество контактов, когда количество столкновений, конфликтов возрастает, и в них участвуют все более «чужие» люди, механизм дает сбой.

Далее миф трансформируется из слова-действия в собственно слово с появлением полноценного нарратива. Вопрос в том, перенимает ли письменность, слово функции мифа по сублимации избыточности? Переход от экстатической сублимации избыточности к «рационалистической» вот важный момент в исследовании форм предшествовавших современному экстремизму. В Средние века збыточность кодируется в страдание и потом в чувство вины, когда оно переносится на внутренний план. Маг или священнослужитель, которые, по словам Вебера, приобретают функцию установления вины, тесно подходят к сфере права, поскольку установление виновности и само ее понимание принадлежат праву. Найти вину, усмотреть ее в другом одна из функций священнослужителя, равно как и устранение вины, пусть и частичное, временное.

Происходит своеобразная интериоризация жертвы, носителем виновности становится не внешний, а сам человек. Институт жертвоприношения претерпевает столь же значительные изменения. Радикальная трансцендентность объекта избыточности заменяет реальную жертву символической. Отныне как сами экстремисты или предшествующие им формы, так и их оппоненты в риторике экстремистов неизменно изъяты из объективного мира и предельно символизированы. Религиозно мотивированный экстремист ведет борьбу не с конкретным, реально существующим явлением или индивидом, группой, а с предельно идеализированными объектами, такими как мировое зло, грех и т.д.

И в этом моменте символизации также проявляется неявная связь избыточности и слова, речи, письма. Своеобразное кодирование избыточности в мифе и ритуале осуществлялось в речи – действии. Участие в коллективном исключении сопровождалось речью и запоминалось.

В Новое время практики сублимации избыточности претерпевают изменение. Здесь энергия человека, его активность ранее направленная на достижение трансцендентных целей, меняет свою локализацию. Противоречивость средневековой модели, расщеплявшей человека между миром земным и небесным, находит разрешение в протестантской модели сакрализации повседневности и труда в частности: «... страсть к наживе – это тоже страсть, и ее сходство с религиозным аскетизмом в том, что она антинатуральна. Она преемственна с духом раннего христианства, ослабевшем в католицизме. В обоих случаях на земные радости и блага наложен запрет – на те, которые каждый день проходят через руки предпринимателя. Только он не уходит из мира, а подвергает себя непрерывному посту среди групп богатств. «Summum bonum» (высшее блаженство) этой этики прежде всего в наживе, во все большей наживе при полном отказе от наслаждения, даруемого деньгами, от всех эвдемонистических или гедонистических моментов: эта нажива в такой степени мыслится как самоцель, что становится чем-то трансцендентным и даже просто иррациональным по отношению к «счастью» или «пользе» отдельного человека»¹³. Такое положение не трансформировало избыточность в возвышенный мистицизм, а скорее в практическую деятельность, добавляя в нее новые смыслы, дополнительные инвестиции избыточности. Отсюда более строгая этика и регламентация жизни, что есть усиление ЗАКОНА как такового. Аскетизм средневековья сменяется земной аскезой.

И это также в тот момент времени номинируется как избыточное, если угодно как экстремизм. Достаточно вспомнить историю анабаптистов и иных протестантских сект

¹² Шкуратов В.А. Историческая психология. М., 1997. – С.207-208.

¹³ Шкуратов С.299.

того времени, которые с позиции современности более чем экстремистские если не террористические по духу и практике.

Не последнее место в способах сублимации играет книга, по сравнению со средневековым ее роль усиливается: «... протестантство – явление письменной культуры в еще большей степени, чем католицизм. Путь от аскетизма четок к аскетизму счетов проходит через книгу... Реформированное христианство, сорвав со стен храмов иконы и украшения, дает каждому Библию и заставляет читать»¹⁴. Книга и даже шире – письмо, как некий добавочный механизм вклинивается в вертикаль сублимационного механизма как посредник в вертикали человек – Бог. Она компенсирует отвергнутые ритуалы – обряды.

Новые практики более индивидуализированные и существенно новое, что появляется в них, это перенос акцента с мистического опыта (рациональное как вспомогательное) на рациональный (рождение эмпиризма и рационализма). Закон приобретает значение естественности, закон божественный тождественен закону природному¹⁵

Современность в значительной мере утратила свои традиционные религиозные основания, что является уже общеизвестным фактом. Процессы секуляризации уже с эпохи Возрождения трансформируют религиозность, а церковь как институт обособляется от других институтов, как то государство и образование. Весте с тем, этот процесс следует рассматривать именно как трансформацию религиозности, но не как ее угасание. Именно эта точка зрения близка С. Жижеку, который дает такое определение современности: «одно из возможных определений современности таково: это социальный порядок, в который религия более не интегрирована полностью и в котором она уже не идентифицируется с определенным культурным существованием, но, напротив, обрела автономию и, соответственно, может продолжать существовать как одна и та же религия в разных культурах. Это выделение позволяет религии глобализировать себя...»¹⁶.

Глобализация у Жижека есть не только преодоление границ, преимущественно культурных, политических и иных. Это тоже важный феномен, поскольку потенциалы религиозного экстремизма также глобализованы сегодня. Но глобализация в смысле максимальной универсализации религии, освободившейся от специфики своих последователей, от особенностей той территории, которая религию исповедует. Это есть своеобразное освобождение религии и кристаллизация ее идей, максимальный градус ее трансцендирования.

Следовательно, как мы уже отмечали ранее, все большая оторванность сфер профанного и сакрального друг от друга, повышение трансцендентности, вне-мирности религии есть усиление ее экстремистского потенциала. Объекты веры все более противопоставлены миру земному и все более не соответствуют его законам и принципам. С. Жижек пишет о двух возможностях для религии в этой ситуации, играть терапевтическую или критическую роль. Терапевтическая роль сводится к оптимизации поведения человека, что есть дальнейшее развитие рационализации религиозного поведения, которое в известной мере дополняет прагматически ориентированное поведение, механизм чего довольно подробно рассмотрел М. Вебер в работе «Протестантская этика и дух капитализма»¹⁷.

Критическая роль заключается в «выражении мнения несогласных». Религия становится пространством, объединяющим несогласных, по сути, становясь ересью. И такая роль есть нечто совершенно специфичное для религии как таковой, для ее традиционной и исконной функции скрепления общества, поддержания ее системных оснований, выражающихся в правовых институтах, культурных нормах и т.д. Обращаясь к Гегелю, Жижек показывает закономерность такого поворота: «... три состояния религии, о которых Гегель писал в «Вере и знании...»... формируют такую же триаду:

– «Народная религия» – в Древней Греции религия была, по сути, связана с отдельным народом, его существованием и традициями. Она не требовала отдельного рефлексивного акта веры: она просто принималась.

¹⁴ Шкуратов С.301.

¹⁵ Фуко М. Безопасность, территория, население. СПб., 2011. – С.74.

¹⁶ Жижек С. Кукла и карлик: христианство между ересью и бунтом. М., 2009. – С.6.

¹⁷ Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма / Избранные произведения. М., 1990.

– «Позитивная религия» – навязанные догмы, ритуалы, правила должны приниматься, поскольку они предписаны земной и / или божественной властью (иудаизм, католицизм).

– «Религия Разума» – то, что остается от религии после того, как позитивная религия подвергается рациональной критике Просвещения. Существуют две ее формы: Разум и Сердце – это либо кантовская моралистическая, послушная долгу религия, либо религия чистого внутреннего чувства... Обе отменяют позитивную религию (ритуалы, догмы) как поверхностный, исторически наносной балласт»¹⁸.

Применительно к нашей проблеме эта эволюция религии есть переход 1) от аффективно – спонтанной разрядки избыточности в беспорядочных проявлениях пред экстремистских форм к более упорядоченным коллективным формам разрядки в празднике и жертвоприношении; 2) от коллективных форм мифа – действия к индивидуальным формам сублимации избыточности в рационализации практик и поведения и трансцендировании объектов локализации избыточности; 3) к радикальному трансцендированию, входящему в противоречие с рационализированными формами профанной практики, выражающемуся в современном религиозном экстремизме.

Вопрос в верности последнего утверждения для современности. Относится ли это только к современным формам религиозного экстремизма, локальным, вытесненным на периферию «цивилизованного» мира или это общая тенденция, общий принцип развития, как то обосновывает Гегель. Для С. Жижека ответ в том, что гегелевская логика отрицания действует и не утратила своей актуальности. Современная религиозность есть постсекулярность довольно близко подошедшая к «подлинной» религиозности, хотя и скрываемая: «... сегодня мы верим еще сильнее, чем когда-либо: самый скептический подход, подход деконструктивистский, опирается на фигуру Другого, который «истинно верит»; постмодернистская потребность в постоянном использовании средств иронического дистанцирования (кавычки и т.д.) выдает глубинный страх, что без этих средств вера будет откровенной и непосредственной...»¹⁹.

Раскрываемый здесь механизм взаимодействия казалось бы атеистического мира и религиозного на деле оказывается религиозным с обеих сторон. По мысли Жижека этот факт скрывается в силу искренности веры «атеиста», читай человека западной культуры и цивилизации. Противостояние Восток Запад здесь имманентно присутствует, или подразумевается нами, равно как и деление на толерантный Запад, и экстремистский Восток. И это суть видение лишь частичное, трактовка проблемы взятая «Для себя», которая фиксирует смысл:

– религиозный экстремизм против секулярного и толерантного общества (Восток – Запад);

– но скрытая изнанка ситуации состоит в еще одном значении, поскольку «в себе» существует смысл:

– пост-секулярный мир против псевдо религиозного экстремизма.

Первая позиция подозрительна в своей очевидности: противостояние богатого Севера и бедного Юга, секулярного Запада и религиозного Востока, толерантного пост – христианства и радикального ислама.

Второй вариант не столь явен, поскольку взятый «в себе» экстремизм включает также экстремизм самого «культурного» и «цивилизованного» Запада в форме миротворческих операций и демократизации остального мира, поддержкой «своих» экстремистов и террористов (достаточно вспомнить историю Аль-Каеды, которая начиналась как американский проект противостояния СССР в Афганистане). Но он не есть противостояние секулярного и религиозного, а скорее особое состояние религиозного: «... разве так называемое монотеистическое исключаящее насилие не является втайне политеистическим? Разве фанатичная ненависть к последователям иного бога не является свидетельством того факта, что монотеист втайне полагает, что он сражается не просто с ложной верой, но что его борьба есть борьба между различными богами, борьба его бога против «ложных богов», которые СУЩЕСТВУЮТ как боги? Такой монотеизм действительно исключаяю-

¹⁸ Жижек С. Кукла и карлик: христианство между ересью и бунтом. М., 2009. – С.8-9.

¹⁹ Там же. – С.13.

щий: ему приходится исключать других богов. По этой причине истинные монотеисты толерантны: для них другие не являются объектами ненависти, а просто людьми...»²⁰.

Тем самым противостояние на фоне которого мы фиксируем экстремизм, тот контекст в котором он становится явным сам глубоко религиозен и даже можно говорить о религиозной природе любого экстремизма, в некотором роде. Собственно религиозный экстремизм сегодня есть столкновение «политеизмов», конкуренция «богов», «правильных» идентичностей, «истинных» вер и т.д. Он проистекает из попытки преодолеть рамки институциональной религиозности, «позитивной религии» по Гегелю, имеющей внешний характер, поддерживаемой государством (сообществом). Именно в этом разрыве появляется экстремизм как недо-определенное правом явление избыточности. Если ранее, при согласованности религии и государства экстремизма как такового нет, а его место занимает ересь, то в настоящее время право безуспешно пытается включить экстремизм в свое поле.

Список литературы

1. Бахтин М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/Baht/03.php
2. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма / Избранные произведения. М., 1990.
3. Жижек С. Кукла и карлик: христианство между ересью и бунтом. М., 2009.
4. Кожев А. В. Идея смерти в философии Гегеля / Пер. с фр. и послесл. И. Фомина. М.: Логос; Прогресс-Традиция, 1998.
5. Кожев А.В. Понятие власти / Пер. с фр. А.М. Руткевича. М.: Праксис, 2007.
6. Красиков В.И. Экстремизм: сущность и генезис // Экстремизм как социальный феномен. Материалы международной научно-практической конференции. Курган, 2005. – С. 96-102.
7. Лоренц К. Агрессия (так называемое «зло»). М., 1994.
8. Ницше Ф. Воля к власти. М., 1994.
9. Фуко М. Безопасность, территория, население. СПб., 2011.
10. Шкуратов В.А. Историческая психология. М., 1997.

ANTINOMIES OF RELIGIOUS EXTREMISM IN THE FIELD OF TRADITIONALISM AND MODERNITY

A.V. RIMSKIY

*Belgorod National
Research University*

e-mail: rimskiy@bsu.edu.ru

The article discusses the issues of sociocultural dynamics of religious extremism in the field of traditionalism and modernity. The author underlines the ontologically excessive character of extremism which is tied with practices of sacralization and suppression.

Key words: extremism, religion, sacred, excessiveness.

²⁰ Жижек С. Кукла и карлик: христианство между ересью и бунтом. М., 2009. – С.45.

УДК 371.014

ШКОЛА КАК ИНСТИТУТ В СИСТЕМЕ ОБРАЗОВАНИЯ

Г.Н. ТРАВНИКОВ*Институт инновационной
образовательной политики
и права «Эврика – Пермь»**e-mail: travnikovgn@mail.ru*

В статье показано состояние российской системы образования, рассмотрен вызов, брошенный глобализацией российской культуре в современности. Становление информационного общества как одной из глобальных инноваций XXI века требует качественного повышения человеческого интеллектуального потенциала и тем самым выдвигает сферу образования на первый план общественного развития. Показано, что кризис современного образования связан с отсутствием структуры самой образовательной системы, в соответствии с образом целостного многомерного образа человека, который был бы философски оформлен в концепцию человека, который должен и может выполнить методологическую функцию для педагогической теории и практики. Подчеркивается важность перехода от школы-института к школе-организации, последняя должна достигнуть уровня и темпа развития, соизмеримого с темпом развития общества и мира, стать источником многомерного развития общества.

Ключевые слова: Человек, образование, глобализация, информационное общество, образовательное общество, модернизация, социальный институт, образовательная организация.

Педагогическая деятельность подразумевает многомерность в отношении к развитию ученика, но российская система образования не в состоянии пока дать адекватный ответ на глобальное развитие информационного общества. Отсутствие многомерности в системе образования готовит ученика, не способного включаться в новейшие формы деятельности.

Рассмотрим вызов, брошенный глобализацией российской культуре в современности, основу ее инерционной структуры, идеологическую предысторию современного кризиса и собственные потенциалы преодоления этого кризиса.

Вызов глобализации как особой фазы интернационализации, суть которой заключается в тесной взаимозависимости и взаимообусловленности мировых процессов, сложен. С одной стороны, глобализация требует перестройки культурных структур по единому шаблону. Если культуры не способны противопоставить этой тенденции собственные решения проблем, решаемых глобальными механизмами, то они начинают разрушаться. Поэтому во многих регионах мира тенденции глобализации порождает ксенофобные национальные возрождения, которые в целом создают закрытые псевдотрадиционные структуры реагирования на внешние вызовы. Этот путь только усугубляет кризис и общества и образования.

Есть регионы, которые действительно не способны использовать традицию в адекватном ответе на вызов глобализации. Однако Россия относится к тем регионам, которые имеют вполне адекватные средства реагирования. При грамотном использовании этих средств российская культура может занять место лидера в мировой системе симбиоза культур и привнести в мировое сообщество позитивные изменения. В этом случае, при адекватном решении проблем, локальная в целом культура может вырасти до мирового масштаба и преобразовать сам глобальный процесс, включаясь в него не пассивным потребителем, а активным ведущим самого этого процесса.

В контексте педагогической деятельности переход к глокализации, при которой ценность локальной культуры не только становится ценностью для этой культуры, но и приобретает мировой смысл, всеобщий для всего человечества, означает внедрение в систему образования многомерности образовательной среды, способствующей реализации развития ученика в свободную индивидуальность, что и является реализацией антропологического принципа в образовательной системе. Но сама система образования

должна предварительно принять главный смысл мирового вызова – целостную индивидуальность в своей системе.

Философско-антропологический подход к определению ценностей, выявлению иерархии ценностей той или иной культуры или ценностей, которые образуют поле значений и смыслов различных видов деятельности, основывается на идее о том, что человек – это субстанция ценностного отношения. И. Кант, проводя теоретическое различие понятий «ценность» и «реальность», исходил из того, что в мире ценности существуют только благодаря существованию разумного существа.

Для деятельности в системе образования антропологический подход предполагает принять за исходный аксиологический принцип – положение о том, что человек – это субстанция ценностного отношения. Начиная с И. Канта, в философии признано, что сама возможность существования ценностей обусловлена присутствием человека. Поэтому иерархия ценностных значений, включающая отражение общественных потребностей, воздействующих на систему образования культурных традиций и, соответственно, деятельность, может быть понята и исследована на основе признания человека базовой ценностью.

Образование служит основным элементом, транслирующим культурные достижения, оно оказывает решающее воздействие на культурогенез современного человека. Система образования в целом должна стать условием развития культуры и человека в направлении формирования и самоформирования свободной индивидуальности.

В ходе формирования информационного общества происходит и становление образовательного общества XXI века, функция которого – опережающее развитие лучших качеств человека и образовательных систем в обществе, а также общественного интеллекта.

Т.П. Воронина, раскрывая философские проблемы образования в информационном обществе, приходит к выводу о том, что «в XX веке стало очевидно, что традиционная система образования, хотя и является мощной и достаточно плодотворной, тем не менее, не справляется с решением тех образовательных задач, которые возникают в ходе общественного развития»¹.

Наиболее ярко это проявляется в обострении проблем качества образования, в кризисе финансирования, в углубляющемся разрыве знания и сферы образования, в отсталости образовательных технологий, в кризисе управления, в кризисе эффективности и производительности образовательной системы. Следовательно, традиционные технологии и подходы к организации системы образования и управлению ею требуют пересмотра (реконструкции), необходимо введение новых инновационных технологий, на основании которых образование может перейти на новый, соответствующий потребностям общества уровень развития.

В концепциях информационного общества «непрерывное образование предстает как универсальная форма деятельности, имеющая принципиальное значение как с социальной, так и с личностной точки зрения»².

В глобальном информационном обществе у человека, не интегрированного в пространство глобальных информационных потоков, фактически нет возможности реализовать рациональный жизненный проект. То, что для одних становится свободой, на других ложится непереносимым бременем хаоса, абсолютной неопределенности. Анализируя современные тенденции, М. Кастеллс приходит к выводу, что «современное общество можно назвать сетевым»³.

Новые цивилизационные вызовы закономерно приводят к волне реформ и модернизаций систем образования. Чтобы определить специфику направлений модернизации образования, необходимо обратиться к модернизационным характеристикам общества для дальнейшего выделения основных особенностей и их учета в вопросах образования. Исходя из данной позиции, В.Г. Федотова рассматривает модернизацию и переход к современному обществу и показывает следующие особенности современного общества⁴:

¹ Воронина Т.П. Философские проблемы образования в информационном обществе: дис. д-ра филос.н. М., 1995. – С. 104.

² Toffler A. *Previews and Premises*. N.Y.: Morrow, 1983. – S. 50.

³ Кастеллс М. *Информационная эра: экономика, общество и культура*. М., 1999. – С.303.

⁴ Федотова В.Г. *Модернизация и глобализация // Этюды по социальной инженерии: от утопии к организации / под. ред. В.М. Розина. М.: УРСС, 2002. – С. 41*

- 1) преобладание инноваций над традицией;
- 2) формирование преимущественно светского характера социальной жизни;
- 3) преобладание поступательного (нециклического) развития;
- 4) преобладание выделенной персональности;
- 5) ориентация на инструментальные ценности;
- 6) предпочтение демократической системы власти;
- 7) наличие отлаженного спроса, т.е. способности производить не ради насущных потребностей, а ради будущего;
- 8) преобладание индустриального характера развития;
- 9) формирование системы массового образования;
- 10) активный деятельный психологический склад (личность типа «А»);
- 11) предпочтение мировоззренческому знанию точных наук и технологий (техногенная цивилизация);
- 12) преобладание универсального над локальным.

Антропологический анализ современных тенденций показывает ошибочность такого взгляда в целом. В современном мире, на наш взгляд, инновации не столько преобладают над традицией, сколько вынуждают традиции на новый ответ, следовательно, необходима работа над формированием иной тенденции соотношения новации и традиции; светский характер не отрицает распространение в широкой среде населения веры, но это сейчас скорее негативный эффект кризиса самого перехода; вопрос о преобладании поступательного (нециклического) развития в данный момент спорен, так как воспитание каждого нового человека есть процесс в целом частично повторяющийся, т.е. представляет собой циклическое развитие; персональность должна выделяться, но не в стиле эгоистического и потребительского отрицания окружающего мира, а в режиме принятия многомерности, многосубъектности мира вокруг; ориентация на инструментальные ценности противоречит основному антропологическому принципу, ибо на первый план должны выдвигаться личностные критерии, а инструментальные должны быть средством их развития; демократическая система власти не вызывает спора, но речь идет о том, что без гражданского общества, как показывает опыт современной России, демократия способствует коррупции и подавлению молчаливым большинством инициатив меньшинства; наличие отложенного спроса свидетельствует о формировании поля экономической свободы личности и формировании самостоятельной и саморазвивающейся индивидуальности, но лишь внешним образом; тезис о преобладании индустриального характера развития общества имеет спорное основание, ибо глобализация означает переход от индустриальной к постиндустриальной системе общества; массовое образование является лишь исходным основанием на пути информатизации и гражданского общества, но без индивидуального развития каждого можно говорить только о зародышевом состоянии этого общества, можно говорить, что не только образование определяет способность гражданина стать членом не тоталитарного, а гражданского общества, однако образование этот переход облегчает; с преобладанием активного склада личности можно согласиться, только необходимо подчеркнуть, что активность должна идти в синтетической и созидательной форме; предпочтение мировоззренческому знанию точных наук отчасти совпадает с индустриальным характером перехода и вызывает те же возражения, что и определение инструментальной направленности ценностей как одной из особенностей развития современного общества. Техногенная цивилизация, на наш взгляд, при переходе к информационному обществу должна смениться антропогенной цивилизацией, таково требование антропологического принципа; локальное, как было описано выше, должно, по нашему мнению, стать соизмеримым с универсальным, а также источником многомерности самого универсального. Следовательно, необходимо говорить об их синтезе и уравновешивании.

Между тем, особенности развития современного общества, указанные выше, отражают позицию страха перед последствиями глобализации. Глобализация бросает культуре вызов, и эти вызовы отражены в этой позиции. Способна ли культура в целом стать индивидуальностью, новым измерением глобального мира? Если да, более справедлива наша интерпретация, если нет, то В.Г Федотовой.

По мнению В.Г. Федотовой, представленный ею вариант определения модернизации и перехода к современному обществу описывает построение в России гражданского общества и появление свободной личности, способной строить это гражданское общество. Следовательно, намечен путь модернизации, характеризующийся переходом от традиционного общества к современному. Этот путь, начинаясь с духовных переориентаций, в корне меняет основные социальные, экономические и политические характеристики общества, включая переход от доминирования традиций к господству инноваций, от религиозной, морфологической и авторитарной легитимизации активности к светскому, рациональному обоснованию деятельности, от авторитаризма к демократии, от ценностей рациональности к целерациональности, от мировоззренческого знания к науке и технологии и другое. Процесс построения гражданского общества можно рассматривать как процесс создания институтов и отношений, ценностей и норм, на основе которых возможно эффективное взаимодействие и решение как текущих, так и стратегических задач, стоящих перед людьми. Следует заметить, что гражданское общество меняет менталитет людей.

Отношения культуры и глобализации можно рассматривать как отношение между учителем и учеником. При традиционной системе учитель не дает ученику свободы, подчиняя его принятым нормам, правилам и существующим стандартам так же, как глобализация подчиняет локальную культуру. Тогда как в новой системе отношений между учителем и учеником с большей вероятностью создаются условия для саморазвития, самовоспитывания так же, как глобализация создает условия для развития культуры, превращаясь в глокализацию как региональный сценарий глобализации. В основе глокализации культуры лежит идея децентрализованного и «справедливого» мира. Модели ее разрабатываются, опираясь на сетевые формы самоорганизации и межкультурную коммуникацию. Проблемы глобализации рассматриваются в работе М.П. Яценко «Глобализация как форма организации исторического процесса»⁵.

На уровне глобализации построение гражданского общества является необходимым условием глокализации так же, как на уровне образования индивидуальности свобода и многомерность индивидуальности ученика – аналог гражданского общества и предпосылка его будущего развития.

Оптимальное функционирование сферы образования в наиболее общем виде связано с решением двуединой задачи: формирование личности каждого охваченного этой сферой человека, его индивидуального мировоззрения, а также формирование ментальности в единстве и гармонии приобретаемых им знаний и нравственных убеждений, основанных на Вере в высшие ценности и смысл человеческой жизни; формирование и непрерывное обогащение ментального пространства, «духовной ауры» человеческого сообщества (социума) за счет индивидуальной творческой, активно-проеобразующей, созидательной деятельности людей, которые на основе полученного образования внутренне мотивированы на такую деятельность и видят в ней высшие приоритеты своей жизненной самореализации.

При всех внешних неблагоприятных тенденциях основной источник проблем следует искать в самом человеке, в двойственности его природы, в биологически и социально предопределенной разрушительной направленности. С нашей точки зрения, глобализация порождает бездумные, низменные, биологические по своему происхождению, но поддержанные и закреплённые неблагоприятными социальными влияниями, инстинкты агрессивной, разрушительной направленности определенной доли человеческой активности. Напротив, глокализация полагает изначально заложенным в человеке стремление к познанию Мира, к самовыражению, самосозиданию и самореализации, к справедливой оценке и востребованности своих способностей, к уважению своих прав и личного достоинства, к активному участию в разумном, гармоничном преобразовании Мира, к продолжению собственного Я в делах и идеях своих, в памяти будущих поколений.

Кризис современного образования связан с отсутствием структуры самой образовательной системы, в соответствии с образом целостного многомерного образа человека,

⁵ Яценко М.П. Глобализация как форма организации исторического процесса: автореферат дисс. на соискание учен. степени д. филос.н., СПб, 2010. – С. 5–7.

который был бы философски оформлен в концепцию человека, который должен и может выполнить методологическую функцию для педагогической теории и практики.

Приметы кризиса образования многоаспектны. Это и «отставание образования от потребностей динамически развивающегося информационного мира, массовый, усредненный подход к процессу обучения, однобокая ориентация на специальное, профессионально востребованное знание вне или недостаточно представленной гуманитарной составляющей и т.д.»⁶.

Следовательно, антропологический кризис – это кризис принципов и отсутствие единой идеи человека, утрата человеком индивидуальной автономии и стандартизация форм его жизни, замена личностного начала в культуре системным началом, замена живого переживания деловым общением, опасность разрушения биологии человека, снижение религиозности и крах духовных ценностей, возникновение новых типов реальности: например, Интернета. Преобладание института и классовой идеологии над антропологическим подходом в педагогической деятельности.

В педагогике до сих пор акцент делается на авторитарные методы, подавляющие инициативу. Ярким проявлением авторитарной основы системы образования является доминирование в нем иерархичной институциональной структуры. Выход из ситуации мы видим в новом понимании роли, места и предназначения человека.

Человек сегодня не только мера всех вещей, но и проблема всех проблем в антропологии. От человека зависит качество любого общества, ценностных и технологических доминант его образования. Между тем система образования в России определяется не человеком и интересами его целостного развития, а институтами и иерархией.

При рассмотрении социальных процессов и явлений в качестве исходной клетки анализа часто используется понятие «социальный институт». Круг явлений и процессов, которые социологи обозначают понятием «социальный институт», достаточно широк. «Социальный институт» определяется как относительно устойчивые типы и формы социальной практики, посредством которых организуется общественная жизнь, обеспечивается устойчивость связей и отношений в рамках социальной организации общества»⁷.

В современных условиях под социальным институтом следует понимать формы организации общественной жизни людей, установившиеся в процессе исторического развития с целью регулирования их социальных действий и социальных связей. Социальные образовательные институты, например, школа, это формы существования социальных общностей, призванные организовывать и управлять процессами совместной жизнедеятельности людей в системе образования.

Основоположники марксизма использовали термин «социальный институт» и применяли институциональный анализ к рассмотрению основных социальных институтов общества, таких как семья, государство, гражданское общество. «Общественные институты являются продуктами исторического развития»⁸. Для марксизма такие общественные институты, как семья, государство, гражданское общество не абстракции, а «социальные формы существования человека».

Марксистская концепция отчуждения – это теория человека как общественного существа. Впервые об отчуждении сказал Гегель, охарактеризовав с помощью этого понятия отношение человека к созданной им реальности. К. Маркс и Ф. Энгельс исходили из того, что причиной отчуждения является вовсе не невежество людей, а общественное разделение труда, которое дробит сущность человека, сужает горизонт его познания и деятельности. Несмотря на отрицательные последствия, разделение труда неизбежно и до известной стадии – прогрессивно.

Концепция отчуждения изложена К. Марксом в «Экономическо-философские рукописи 1844 года» и «Капитале». К. Маркс был убежден, что отчуждение преодолевается не в области мышления, а в сфере практической деятельности. Он выделял следующие

⁶ Веряскина В.П. Императивы экологической этики и новый образ человека // Синергетическая парадигма. М., 2003. – Ч. 3. – С. 271.

⁷ Комаров М.С., Яковлев А.М. Энциклопедический социологический словарь. М., 1995. – С. 227–228.

⁸ Маркс К. Анненкову П.В. 28 декабря 1846 г. // К.Маркс, Энгельс Ф. Соч. в 39 т. – Т.27. М., 1962 – С. 401–412.

формы отчуждения: отчуждение условий труда от самого труда, отчуждение результатов труда от производителя, отчуждение социальных институтов от человека, а также отчуждение идеологии от жизни ⁹.

Все эти формы отчуждения позволяют конкретизировать сущность отчуждения как превращение человеческой деятельности и её результатов в самостоятельную, непонятную для человека реальность. Преодоление отчуждения – далекая перспектива, ибо оно предполагает постепенное исчезновение необходимости в разделении труда. По сути, это означало превращение человека в гармоничную, всесторонне развитую личность. Такое возможно лишь в коммунистической формации. Основные положения марксистской теории легли в основу образования, а педагогика и школа стали по сути марксистскими. Основная миссия и задача школы как социального института – формирование всесторонне развитой личности, отсюда вытекают основные функции школы как социального института и разрабатывалось содержание образования.

Таким образом, советская система образования складывается через переосмысление и отрицание классовой сущности буржуазной школы. Парадокс в том, что в современной России в условиях экономической модернизации и первоначального накопления, возникают те же тенденции развития школы, как и те, которые критиковал марксизм, которые стремилась отторгнуть советская школа.

В настоящее время сама власть ставит задачу не сохранять, а модернизировать и изменить общество, которое сейчас существует в России, и школа должна стать важным проводником не сохранения, а изменения общества, она должна готовить иного типа людей для общества несуществующего, но гражданского. Это главное направление изменения школы и всей системы образования как института в современной российской реальности.

Современная школа может и должна быть представлена как социокультурный феномен, социальный институт и живой, саморазвивающийся организм с присущими ему внутренними противоречиями, как целостная воспитательная организация, аккумулирующая и активно использующая основные механизмы социализации и воспитания и взаимодействия с человеком на протяжении всего периода детства. Общество наделяет школу особой социальной ролью, выделяет ее особые функции и дает ей возможность реализовать свою конкретную цель. Школа – специфическая социальная организация, поскольку школа общественно подотчетна, учителя имеют в школе автономию, ученики как члены организации имеют особый, временный статус. Основным компонентом социальной организации является содержание образования, процесс оценивания и распределения учащихся по статусам, группам и социальная среда. Социальный заказ на работу школы интерпретируется самой школой, при этом школа является изначально внутренне конфликтным институтом. Термин «организация» обозначает некоторую деятельность по выработке новых норм, налаживанию устойчивых связей, координации усилий отдельных членов социальной группы; атрибут какого-либо объекта, его свойство иметь упорядоченную структуру; созданную социальную группу институционального характера, выполняющую определенную общественную функцию. Целостное описание школы как социальной организации предполагает обращение к анализу ее отдельных характеристик: культуры школы как совокупности традиций и норм, которые определяют действия членов школьного сообщества; поля школы, воспитательного пространства школы как динамической сети педагогически целесообразных событий, взаимодействий, общения, отношения, выступающих результатом совместных усилий детей и взрослых, задающих систему возможностей, индивидуальных форм и траекторий жизнедеятельности; уклада жизни школы как совокупности условий, в которых осуществляется свободное поведение и деятельность учащихся и взрослых в рамках школы как социальной организации; философии школы как набора целей, которые школа реализует, и ценностей, которыми она руководствуется.

Если школа следует указаниям построения гражданского общества, то она должна превратиться из социального или образовательного института в социальную или образовательную организацию. Разница между институтом и организацией заключается в том, что институт является механизмом тоталитарного воспроизводства личности, работаю-

⁹ Марке К. Экономико-философские рукописи 1844 года. – Т.2. М., 2002. – С. 41–94.

щим на подготовку послушных исполнителей воли власти, несамостоятельных и зависимых от власти. Организация же понимается как некое самостоятельное образование, которое, определяя самостоятельно собственный вектор развития, может ставить цели самостоятельно и может их достигать вопреки сохранению общества, являясь при этом не механизмом сохранения, а механизмом постоянного развития и модернизации общества. Школа как институт характерна для общества неменяющегося, а школа как организация – для общества динамично изменяющегося.

В идеале школа-организация должна достигнуть уровня и темпа развития, соизмеримого с темпом развития общества и мира, стать источником многомерного развития общества. Для этого общество должно обеспечить школу-организацию ресурсами для эффективной работы. Между тем школа, способная к такому статусу, сможет сама дать обществу материальный и духовный ресурс, а главное, создать развивающуюся цельную индивидуальность.

Общество, создаваемое и сохраняемое школой-институтом, обречено быть уничтоженным глобализацией, общество, в котором возникает и процветает школа-организация, способно принять вызов и превратить глобализацию в глокализацию.

Сама школа-организация становится новым измерением общественной системы и лидером своеобразной реализации системы образования (локальной инновации). В этом случае система, образования направленная на подготовку цельной индивидуальности, становится гибкой и развивающейся и, в свою очередь, развивает общество.

Отличие института от организации состоит в цели существования. Институт предназначен для выполнения определенных извне функций, которые должен согласовывать внутри иерархии, при этом если он пытается выживать и выполнять несвойственные функции, то это является нарушением предназначения института. Для организации главной целью является выживание. Однако и выживание может быть различным, в том числе открытым и закрытым. Организация может выживать, монополизировав функции или закрываясь от развития и заботясь только о выживании. В этом случае представлен закрытый режим выживания. При другом подходе организация направлена на развитие, при этом представлен открытый режим выживания. Для преобразования системы образования в антропологическом направлении нужен переход школы от состояния института к состоянию организации, причем такой, которая выживает в открытом, а не закрытом режиме.

Главная, глобальная цель может рассматриваться как миссия и направление на выживание организации во внешней среде. Поиск социально-педагогической миссии – противоречивый процесс, находящийся под влиянием конкретных социокультурных условий. Этот поиск выживания школы происходит в форме перехода от закрытого к открытому типу выживания. В закрытом типе выживание сводится к достижению цели, поставленной извне, путем монополизации функции и представляет своеобразную охрану институционального прошлого, а в открытом цель может стать миссией. Миссия школы должна включать в себя открытый тип выживания, открытое выживание ученика в настоящем и будущем, открытое выживание культуры в будущем. Первый тип выживания есть движение в прошлое, второй – в будущее. Мировой опыт показывает, что открытое выживание возможно только на пути демократизации, на пути вовлечения в этот процесс превращения школы в организацию учащихся, их родителей. Это путь инноваций культурного масштаба.

Итак, институт – часть функциональной системы иерархического типа. Если система образования сводится к этому, мы имеем авторитарную систему, которая воспроизводит человека как автомата с набором функций. Превращение школы из преимущественно системы институтов в преимущественно организацию означает переход к воспроизводству свободного целостного человека. Такой переход невозможен без перехода школы на новую демократическую идеологию.

Необходимо зафиксировать важный вывод, что школа в России была и преимущественно остается сейчас институтом, основанным на идеологии авторитарного типа, который существенно препятствует возможности открытой схемы реагирования системы образования на вызовы глобализации и препятствует перспективному становлению в России культуры мирового уровня.

Список литературы

1. Воронина Т.П. Философские проблемы образования в информационном обществе: дис. д-ра филос.н. М., 1995.
2. Toffler A. Previews and Premises. N.Y.: Morrow, 1983.
3. Кастеллс М. Информационная эра: экономика, общество и культура. М., 1999.
4. Федотова В.Г. Модернизация и глобализация // Этюды по социальной инженерии: от утопии к организации / под. ред. В.М. Розина. М.: УРСС, 2002.
5. Яценко М.П. Глобализация как форма организации исторического процесса: автореферат дисс. на соискание учен. степени д. филос.н., СПб, 2010.
6. Веряскина В.П. Императивы экологической этики и новый образ человека // Синергетическая парадигма. М., 2003. – Ч. 3.
7. Комаров М.С., Яковлев А.М. Энциклопедический социологический словарь. М., 1995.
8. Маркс К. Анненкову П.В. 28 декабря 1846 г. // К.Маркс, Энгельс Ф. Соч. в 39 т. – Т.27. М., 1962
9. Маркс, К. Экономико-философские рукописи 1844 года. – Т.2. М., 2002.

SCHOOL AS AN INSTITUTION IN THE SYSTEM OF EDUCATION

G.N. TRAVNIKOV

*Institute of innovative educational
policy and law "Eurika – Perm"*

e-mail: travnikovgn@mail.ru

The article deals with the condition of Russian system of education; challenge to globalization of Russian culture and the present are considered in it. Formation of informatory society as one of global innovations of the XXIth century requires qualitative development of man's intellectual potential and in that way it puts the sphere of education in the foreground of public development. The crisis of modern education is shown to be connected with the lack of structure of the educational system in accordance with the image of integral complex man capable and due to perform methodological function of pedagogical theory and practice.

Key words: man, education, globalization, informatory society, educational society, modernization, social institution, educational institution.

УДК 165.1

ОСОБЕННОСТИ РАСКРЫТИЯ СУЩНОСТИ ФЕНОМЕНА РЕЛИГИОЗНОЙ ВЕРЫ В ТЕОЛОГИИ И БОГОСЛОВИИ

Е.Н. ЧЕСНОВА

*Тульский
государственный
педагогический
университет
им. Л.Н. Толстого*

*e-mail: Eleni-
ka.Nova@gmail.com*

В статье рассматриваются основные тенденции и подходы в определении сущности веры в трудах теологов и богословов; основные направления исследования религиозной веры в католической, протестантской теологии и православном богословии.

Ключевые слова: Феномен религиозной веры, религиозность, религиозный опыт, теология, православное богословие, разум, сомнение, добродетели, динамика веры, экзистенциальность, эсхатологические настроения.

Исследование сущности, роли и функций феномена религиозной веры имеет непреходящее и актуальное значение. В современном мире с одной стороны мы наблюдаем системный кризис глобализма, кризис культуры и идентичности; с другой – имеется поиск идентичности, попытки выработать и закрепить новую идентичность (например, опора на национальную, религиозную идентичность), обращение к религии, свободный выбор религиозной принадлежности, обращение к проблемам религиозности, религиозного опыта, веры, появления новых религиозных движений и т.д. Вследствие чего осмысление сущности феномена веры необходимо для понимания современного состояния человека, его ценностей, культуры, мировоззрения, духовной сферы жизни, формирования его идентичности, определения способности интеграции в общество, коллектив, религиозную группу. Раскрытие сущности веры невозможно без обращения к католической и протестантской теологии и православному богословию, поскольку здесь мы находим глубокие и всесторонние исследования данного религиозного феномена, влияющие на человеческую культуру и на мысль в их исторической перспективе. К рассмотрению сущности веры, например, в своих трудах обращаются такие православные богословы, как о. С. Булгаков, прот. В.В. Зеньковский, прот. А. Шмеман, митр. Сурожский Антоний (Блум), Феофан Затворник, прот. Владислав Свешников, прот. Стефан Остроумов, А.И. Осипов, прот. Григорий Дьяченко, архиеп. Гермоген, игумен Петр (Мещеринов), М.М. Тареев и т.д. Данный ряд можно продолжить еще многими авторами, которые представляют католическую теологию Блаженный Августин, Ф. Аквинский, Дж. Биффи, Ф. Кренцер, Ф.Х. Баракман и т.д. А также авторами, которые представляют протестантскую теологию – М. Лютер, Ж. Кальвин, Ф.Э.Д. Шлейермахер, П. Тиллих, К. Барт, Х. Ричард Нибур, Райнхольд Нибур и т.д. Вера настолько многоаспектное понятие, что исследование проблематик в сфере веры будет продолжаться. Это связано с тем, что исследователями выделяются и анализируются отдельные ее черты, функции, типы, предлагаются различного рода классификации в ее определении, раскрываются и анализируются новые ее модификации, что скорее является базой для появления в дальнейшем всеохватывающего труда по исследованию данного религиозного феномена.

Данная статья ставит своей целью: 1) выделить определенные тенденции и подходы в определении сущности веры в трудах теологов и богословов; 2) выделить основные направления исследования религиозной веры в католической, протестантской теологии и православном богословии.

В раскрытии сущности веры можно выделить следующие характерные черты:

1. Тенденция отождествления с категорией частично совпадающей по содержанию или стоящей в одном ряду религиозных феноменов. Отождествление веры с вероучением, символами веры, вероисповеданием, религией. Отождествление различных категорий приводит к смешению понятий. Вера как личностный феномен становится лишь определением направления вероучения, например, христианская вера, иудейская

вера, католическая вера и т.д. Здесь мы говорим не столько о самом религиозном феномене, сколько о доктринальной оболочке религии. Такое отождествление часто обедняет феномен религиозной веры, сводя его лишь к догматам той или иной религии, религиозного вероучения (когда под верой понимаются, например, Символы веры). Но вера является личностным феноменом, фундаментом становления личности, влияющим на различные стороны жизни человека. Вера это не только духовно-словесная формула, в которой выражается характер и предмет объекта веры, но и смысл и характер связи субъективного конечного в своей бесконечности существа к бесконечному всеблагому Богу, Абсолюту, Высшему Существо, Космической Сущности и т.д., в зависимости от той религии и культа в сфере которых происходит его идентификация и актуализация как религиозного индивида. Тенденцию смешения понятий в контексте рассмотрения веры у православных богословов, например, выявляет Склярская Г.Н. опираясь на высказывания архиеп. Сергия (Спасского), архиеп. Иоанна Сан-Францисского (Шаховского).¹ Такое отождествление можно встретить и в трудах других богословов: А.И. Осипова, В. Свешникова, святителя Феофана Затворника, архиеп. Гермогена, митр. Вениамина (Федченкова), в том числе и у католических, протестантских теологов, например, Дж. Биффи, П. Гибер.

2. Проблемы познания и роли веры. Здесь мы можем говорить о рассмотрении такой классической проблемы, как соотношение веры и разума, веры и знания и вытекающего из нее исследования веры и сомнения, где одним из примеров раскрытия парадигмы веры выступает формула «верую, ибо абсурдно» (Тертуллиан), либо вера понимается как «вера ищущая понимания» (Ансельм Кентерберрийский). Также в контексте этой проблематики, например, прослеживаются тенденции понимания веры и знания, разума как отдельных областей, со своим специфическим предметом, содержанием. Может утверждаться их неразрывное единство или постулируется приоритет одного над другим. Например, проблему взаимоотношения веры и разума, возможность их объединения в «некую разумную веру» пытался осмыслить протестантский теолог П. Тиллих вслед за многими теологами и богословами, которые в основном рассматривали веру как религиозный и гносеологический феномен². Обобщенно соотношение веры и разума можно представить так:

- Гармония веры и разума, верующий разум и разумная вера (это может быть и гармония и своего рода модификация феноменов, т.е. заимствование функций и постулирование равноправия феноменов);

- Размежевание сфер действия веры и разума;

- Главенство одного за чет умаления роли другого, либо его отрицания.

Всего в христианской теологии выделяют пять основных представлений о соотношении веры и разума в постижении религиозных истин: 1) «верую, ибо нелепо» (приписывается Тертуллиану (ок. 160-ок. 222)); 2) «верую, чтобы понимать» (Блаженный Августин Аврелий); 3) «понимаю, чтобы веровать» (Пьер Абеляр (1079-1142)); 4) гармония веры и разума при приоритете веры (Фома Аквинский (1225/1226-1274)); 5) «умное делание» (Симеон Новый Богослов (?-1032)).

Отношение веры и сомнения в основном рассматривается с нескольких позиций: 1) взаимоисключения одного другим, 2) вера и сомнение неразрывно связаны, человек постоянно находится и в сомнении и в вере, сомнение выступает необходимым элементом веры. Примером первого можно может выступать, например, борьба между верой и неверием. Это может быть искушением для человека или переходным этапом, после которого наступает либо окончательная, абсолютная, истинная вера, либо у человека вырабатывается устойчивая установка на то, что любой факт, явление требует проверки и постановки под вопрос. В этом случае главным критерием выступает достоверность, объективность, научность знания, а необходимым следствием становится разграничение сфер веры и знания. Также, здесь можно говорить о том, что если есть вера, то никакого сомнения быть не может, а если появляется сомнение, значит, была ложная вера и человек еще не обрел истинной веры и сомнение как раз должно послужить тем «горнилом», в

¹ Склярская Г.Н. Словарь православной церковной культуры. – СПб., 2000. – С. 53-54.

² Гуревич П.С. Вера как основание мира // Онтология веры: монография/ Р.К. Омельчук; вст. ст. П.С. Гуревича. – М., 2011. – С.6-7.

котором родится истинная вера человека. Во втором случае, когда постулируется неразрывность веры и сомнения в большей степени раскрывается современная религиозная ситуация (XX-XXI вв.), данная связь становится не просто вариантом соотношения веры и знания (так как в первую очередь постановка под вопрос, сомнение связано с рациональной сферой человеческого бытия), но и характеристикой современной религиозности. Папа Бенедикт XVI (Йозеф Ратцингер) еще в 1968 году в своей работе «Введение в христианство» в главе «Вера в современном мире» заметил характерную особенность ситуации веры в десакрализованном мире. А именно то, что вера сейчас непонятное образование. Суть веры постоянно ускользает от людей, из-за чего мир исследующего его человека становится хрупким и постоянно балансирующим на грани сомнения и непонимания как самим исследователем, так его самого остальными людьми, которые тоже находятся в такой же ситуации.³ А положение таково, что современная ситуация есть отражение всего того, что владеет умом человека и его переживаниями. Она характеризует хрупкий мир человека, его душу. И делает она это через ситуацию сомнения, которая выступает характерным признаком мятущегося человека и определяет его веру и ее динамику развития. Развитие соотношения веры и сомнения на современном этапе можно представить в виде схемы: вера-сомнение-вера/деструкция. И если первые два элемента схемы, основываясь на представлениях протестантского теолога П. Тиллиха, неразрывно связаны между собой, сомнение выступает необходимым элементом веры. Вера и сомнение являются постоянными и в зависимости от ситуации через духовную работу человека могут выводить на более высокую ступень духовного развития. То последующие два элемента являют собой два полностью противоположных полюса, которые, в конечном счете, определяют судьбу человека, его жизнь, нравственные ориентиры и поступки. Соотношение веры и сомнения является одним из основных гносеологических вопросов при раскрытии сущности религиозной веры.

Также в блок познания и веры можно отнести рассмотрение веры с позиций истинности и ложности, выведение и разграничение роли таких понятий как вера научная (рациональная) и религиозная (вера сводится к эмоциональной, духовной сфере), философская вера, верование, суеверие, осознанная и неосознанная вера, слепая вера, дремлющая вера. В различных аспектах это затрагивалось, например, М. Лютером (концепция спасения человека и определение его бытия заключается в формуле «solo fide» – спасение только верой), П. Тиллихом, Л.К. Стейплзом, Й. Ратцингером, В.В. Зеньковским, А.С. Хомяковым, митр. Антонием Сурожским, митр. Вениамином (Федченковым) и т.д. Данные проблемы глубоко разбираются не только в теологии, но и в теологически ориентированной психологии религии.

3. Экзистенциальность, динамика развития веры, типы и уровни веры. Сюда можно отнести и вопрос об источнике веры, т.к. он связан с типами религиозной веры и рассматривает, например, мистическую веру, мистический опыт, духовный опыт, религиозный опыт и его аксиомы. Здесь можно выделить А.С. Хомякова, В.В. Зеньковского, митр. Антония (Блума)⁴, Л.К. Стейплза, Й. Ратцингера. В протестантской теологии многие из модернистов, вслед за Ф. Шлейермахером⁵ и другими представителями протестантской «либеральной теологии», фактически отказываются, по мнению Д.М. Угриновича, от ряда догматических принципов оценки феномена веры. В противовес традиционному подчеркиванию роли Бога и Божественного откровения как конечных источников веры, акцент делается на экзистенциальных, антропологических факторах. Наибольшую разработанность проблема динамики веры получила на западе в трудах неоортодоксального немецко-американского протестантского теолога П. Тиллиха («Динамика веры», «Что такое вера»).

³ Ратцингер Йозеф. Введение в христианство. – М., 2006. – С. 30-31.

⁴ В русской религиозной философии отдельно можно выделить работы И.А. Ильина «Путь духовного обновления» и «Аксиомы религиозного опыта».

⁵ Шлейермахер (Schleiermacher) Фридрих Эрнст Даниэль (1768-1834) утверждал, что благочестие возникает из чувства как опыта Бога (Бесконечного) через наш опыт мира (конечного), а не из рациональной метафизики или доктринальной рефлексии.

4. Этический аспект религиозной веры. Раскрытие веры как религиозно-этической категории, одной из основных богословских добродетелей является универсальным для христианской теологии (католической, протестантской теологии и православного богословия). Это выражается в рассмотрении веры наряду с такими категориями как любовь и надежда, добро и зло, через связь веры с делами, поступками людей, их мотивацией и волей. Вера раскрывается, например, как нравственная самооценка и позиция человека, как система ценностей ориентированных на идеальное преобразование жизни, путем следования нравственному идеалу как образцу поведения. Как отмечает о. Георгий Завершинский, «вера всегда сопровождает любовь», которая есть сила «скрытая в самой человеческой природе».⁶ Поэтому вера и любовь связаны между собой и актуализацией этой связи являются дела и поступки человека. Между верой, любовью и действием (делами) существует неразрывная связь. Вера подразумевает любовь, которая живет в делах, т.о. «вера действительна в делах».⁷ Желание, воля к актуализации предельного интереса, т.е. веры, определяет тесную связь веры, любви и действий человека. Прот. Владислав Свешников пишет: «...все наши религиозные и нравственные деяния, все наши общения с другими людьми, в которые мы стараемся вносить свое понимание и переживание добра, все лучшее, что есть в нашей жизни, не имеет абсолютно никакой цены и смысла, если все это не начинается в акте веры».⁸ Понимание глубинной связи веры и нравственных действий человека мы также находим и у прот. Стефана Остроумова. Вера для него «в себе самой как бы носит обязательство доброй жизни», поэтому жизнь в «деятельной любви» утверждает и приводит к вере.⁹ Также сходные мысли о том, что вера вместе с любовью живет в делах, есть и у православного богослова А.С. Хомякова. Он считал, что «вера истинная, живая творящая дела, не есть различение» веры, любви и действий, «а есть единство даров Святого Духа пронизывающее всю жизнь человека», неразрывно связана с его действиями и поступками. Вера определяется как «внутреннее единство, единство духа».¹⁰

5. Отдельно можно выделить проблематику веры и эсхатологических настроений человека, религиозной группы. В первую очередь вера рассматривается как направленность на будущее, соединяется с концепцией Страшного Суда, конца света, через представления о линейности исторического процесса. При раскрытии данной темы обычно веру рассматривают как феномен, уготованный к трансформации при наступлении Царствия Божия. Например, у А.С. Хомякова при наступлении Царствия Божия не будет отдельно веры, отдельно надежды, отдельно любви. Будет только одна любовь. Наиболее распространенной тенденцией можно считать рассмотрение оскудения религиозной веры и любви, упадка, кризиса веры, религиозности. Кризис веры в контексте эсхатологических настроений воспринимается как знак наступления последних времен перед вторым пришествием Иисуса Христа. К этому вопросу обращался целый ряд теологов и богословов, например, Св. Антоний Великий, Ф. Затворник, схиархимандрит Лаврентий Черниговский, протоиерей Николай Афанасьев,¹¹ А. Шмеман и т.д.

В исторической перспективе можно отметить, что вера в различные периоды истории человеческой мысли могла исследоваться лишь как религиозный гносеологический феномен, могла крайне редко затрагиваться в работах авторов (например, она была очень редким феноменом в позднесредневековом католицизме), рассматриваться не в ее мистических и когнитивных основаниях, раскрываться в этическом плане (например, проблема морально обоснованной веры обострилась в к. XVIII – н. XIX в. У И. Канта и наследовавших ему протестантских либеральных теологов), на современном этапе в кру-

⁶ о. Завершинский Г. Размышления о вере: личностный аспект. // Церковь и время. № 2 (27). – 2004. – С. 122.

⁷ Там же. – С. 208.

⁸ Прот. Владислав Свешников. Прикосновение веры. – М., 2005. – С. 16.

⁹ Прот. Стефан Остроумов. Жить – Богу служить. Нравственное богословие для мирян. – М., 2001. – С. 8.

¹⁰ Хомяков А.С. Церковь одна. // Хомяков А.С. Работы по богословию. Соч. в 2-х томах. – М., 1994. – Т.2. – С. 9.

¹¹ См.: Россия перед вторым пришествием (Материалы к очерку Русской эсхатологии). – М., 1998. – С. 349, 351-355, 358-359.

гах протестантской неоортодоксии (П. Тиллих, Р. Нибур, К. Барт) вела работы области критики религии и философской критики веры.¹² Данные сферы исследования обогащают знание об исследуемом нами религиозном феномене, но определяют всех областей и проблематик его рассмотрения. Мы должны учитывать, что вера предстает как комплексный феномен, в котором можно, например, выделить следующие составляющие, которые можно представить в виде блоков или дискурсов рассмотрения веры при исследовании ее элементов, типов, направленности, раскрытия ее как фундамента становления личности:

- Религиозный, мистический опыт, религиозность, эмоциональное (психологическое) состояние, переживание;
- Религиозный интерес (предельный, безусловный, направленность на Абсолют, связь с трансцендентным);
- Парадигма мышления (мнение, сомнение, факт, эмоциональность и рациональность, убежденность, познавательный акт);
- Нравственная самооценка и позиция (система ценностей для следования нравственному идеалу как образцу поведения, ценностное отношение);
- Толерантность и фанатизм и т.д.

В заключение можно отметить, что выделенные тенденции не исчерпывают всего потенциала скрытого в сущности религиозной веры, но определяют основные черты и направления, в которых данный религиозный феномен рассматривается, а также определяют те возможные проблемные сферы, которые остаются актуальными и ждут дальнейшего исследования и анализа для целостного понимания веры.

Список литературы

1. Гуревич П.С. Вера как основание мира // *Онтология веры: монография* / Р.К. Омельчук; вст. ст. П.С. Гуревича. – М., 2011.
2. о. Завершинский Г. Размышления о вере: личностный аспект // *Церковь и время*. № 2 (27). – 2004.
3. Прот. Стефан Остроумов. *Жить – Богу служить. Нравственное богословие для мирян*. – М., 2001.
4. Ратцингер Йозеф. *Введение в христианство*. – М., 2006.
5. *Россия перед вторым пришествием (Материалы к очерку Русской эсхатологии)*. – М., 1998.
6. Прот. Владислав Свешников. *Прикосновение веры*. – М., 2005.
7. Складарская Г.Н. *Словарь православной церковной культуры*. – СПб., 2000.
8. Хомяков А.С. *Церковь одна*. // Хомяков А.С. *Работы по богословию*. Соч. в 2 т. – М., 1994. – Т.2.

FEATURES OF DISCLOSING OF ESSENCE OF THE PHENOMENON OF RELIGIOUS FAITH IN THEOLOGY AND DIVINITY

YE.N. CHESNOVA

*Tula State Pedagogical
Institute Named
After L.N.Tolstoy*

*e-mail:
Elenika.Nova@gmail.com*

The article discusses the basic tendencies and approaches in definition of essence of the phenomenon of religious faith in works of theologians and orthodox divinity; the basic directions of research of religious faith in Catholic, Protestant theology and orthodox divinity.

Key words: Phenomenon of religious faith, religiousness, religious experience, theology, orthodox divinity, reason, moral values, dynamics of faith, existentiality, eschatological moods.

¹² Гуревич П.С. Вера как основание мира. // *Онтология веры: монография*/ Р.К. Омельчук; вст. ст. П.С. Гуревича. – М., 2011. – С. 10.

УДК 101.1 : 316.3/4

КАТЕГОРИАЛЬНОЕ ПОЛЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ: ФИЛОСОФСКИЙ КОНТЕКСТ**И.А. ЧУРСАНОВА***Воронежский
государственный
университет**e-mail:
imbi-churanova@yandex.ru*

В статье рассматривается категориально – понятийный аппарат исторической науки, взятый в его обусловленности теми философскими подходами, которые задавали исследовательскую парадигму социального познания на различных этапах его становления.

Ключевые слова: историческая наука, исторический источник, исторический факт, историческая закономерность, историческое время.

Историческая наука, как и любая другая, в основах своих должна иметь философски обоснованные гарантии своей понятийной и методологической состоятельности. В настоящее время история проходит этап реорганизации своей структурной и методологической определенности. Вызвано это было многими причинами, к которым можно отнести и специфическую роль субъективности в историческом познании, и «лингвистический поворот» в философии конца XX века, и проблематичность определения предметного и категориального полей исторической науки в строгом, теоретически обоснованном и завершенном виде. Именно последний из приведенных нами аспектов подробно анализируется в данной статье, где мы делаем попытку проследить становление основных категорий истории в русле различных философских контекстов. Стоит оговориться, что мы не претендуем на выдвижение собственной историографической линии – наша цель в том, чтобы показать, как плюрализм уже существующих подходов влияет на теоретический статус исторической науки в целом.

Для начала необходимо осветить предметное поле данной науки. Общепринятым на настоящий момент считается положение, что история – это «научное знание о прошлой социальной реальности»¹. Если рассмотреть более конкретно, то в качестве объекта познания исторической науки называется «вся совокупность событий, явлений и процессов, происходивших в обществе на протяжении всей истории человечества»². Уже здесь можно судить о сложном и проблематичном характере истории, так как остальные общественные и гуманитарные науки имеют в качестве своих предметов отдельные аспекты, срезы социальной реальности, а историк, изучая прошлое, которое имеет комплексный характер, синтезирует достижения всех специальных наук, воссоздавая объемную и, по возможности, полную картину минувшего. Следует отметить, что такое понимание предмета исторической науки сформировалось сравнительно недавно и носит обобщенный характер. Проблема в том, что сам предмет истории историчен. Долгое время в качестве такого было принято считать совокупность политических событий и процессов: возникновение, расцвет и гибель великих империй, войны и конфликты между народами, развитие дипломатических отношений и т.д. В XIX веке появился интерес к экономической истории, а позднее – к истории культуры. После Второй мировой войны во Франции осуществляется антропологический переворот в истории: школа «Анналов» ставит в центр исследований человека в его социальном и культурном измерении. Сейчас актуально положение, что внимание историка должно быть сосредоточено не только на выдающихся личностях, неповторимых событиях, но также на социальных структурах и тенденциях, имеющих определенный механизм взаимодействия. Многие исследователи приходят к выводу, что единого общепринятого определения предмета исторической науки в строгом смысле слова нет. И это одна из проблем самой исторической науки, поиск решения которой является дополнительным стимулом ее непрекращающегося развития. «Одни

¹ Савельева И.М., Полетаев А.В. Теория исторического знания. – СПб.; М., 2008. – С.97.

² Парфенов И.Д. Методология исторической науки. – Саратов, 2001. – С. 18.

историки стремятся свести все к описанию фактов, игнорируя теорию, другие, наоборот, игнорируют событийную историю, впадают в чрезмерную социологизацию или психологизацию истории, когда схема вытесняет материал. Очевидно, нет истории без описания, но нет истории без теории и методологии. У историков нет единой аксиоматической теории, есть плюрализм теорий и интерпретаций. В этом ее специфика»³.

Помимо предметного самоопределения для любой науки необходимо построить собственную категориальную сетку, упорядочивающую все многообразие исходного материала. В истории к таким специфическим понятиям можно отнести исторический источник, исторический факт, историческую закономерность и историческое время. В силу указанной особенности данной науки все перечисленные категории также не имеют раз и навсегда принятого значения, их смысловая нагруженность во многом определяется той или иной философской концепцией, выступающей в качестве парадигмы социального познания на определенном этапе его развития.

Исторический источник является логически первым понятием, к которому следует обратиться. «Источник – свидетельство прошлого, попадающее в сферу внимания исследователя (будь то рукопись, картина, документ, обряд, предмет), которое может быть использовано как основание для какого-либо утверждения о прошлом. <...> На основании информации, полученной в результате аналитической работы с источником, историк создает собственный образ прошлого»⁴. Историк всегда имеет дело с так называемыми «остатками» или «следами» ушедшей реальности. В последнее время, однако, особо подчеркивается, что источником они становятся, лишь попадая в поле зрения историка, который ищет в них ответы на свои вопросы: «Мастерство историка заключается в методике задавания вопросов источнику и оценке ответов»⁵. Разумеется, данная точка зрения установилась не сразу.

В первой половине XIX века доминировала классическая позитивистская парадигма, в рамках которой объективность процесса и результата научного познания возводилась в абсолют. В свете такого подхода исторический источник выступал в качестве некоего хранилища со сведениями, и все, что требовалось от историка – это достать их. Позитивизм в данном подходе означал первичность источника по отношению к мышлению историка, который только извлекает из документов и анализирует объективные данные о реальных событиях прошлого. Здесь всегда приводят слова немецкого историка Л. фон Ранке о том, что задача историка лишь описать все, «как оно происходило на самом деле», т.е. без каких-либо субъективных оценок и предпочтений.

К концу XIX века ситуация меняется, появляется понимание сложных взаимосвязей источника с действительностью и историка с источником. Наличие последнего по большому счету является тем, что и делает историю наукой, так как это единственная действительность, с которой она оперирует и благодаря которой выстраивает свои концепции; источник в то же время единственный гарант истинности и способ проверки исторических суждений. Но характер и цели взаимодействия историка с источником, по классификации Блюхера, могут быть различными:

1. Он (историк) может «прочитать у философов» о логике исторического процесса и выбрать те источники, которые эту логику подтверждают.
2. Он может привлечь косвенные источники из других областей знания.
3. Он может смоделировать проблему и на ее основе начать работать с историко-ведческим материалом.

Таким образом, становится понятно, что нельзя исключить как из процесса познания, так и из его результатов особенностей мышления самого ученого, его творческой активности. Однако чрезмерное усиление этого аспекта проблемы приводит к другой крайности – сведению всего объема истории только к мышлению историка, его сознанию и отрицанию объективного содержания источников. Так Б.Кроче считал, что исторические источники ничего не значат вне сознания историка, вне духа: «Документ и критика, жизнь и мысль – вот истинные источники истории, иными словами, элементы историче-

³ Парфенов И.Д. Методология исторической науки. – Саратов, 2001. – С.21.

⁴ Репина Л.П. История исторического знания. – М., 2004. – С.32-33.

⁵ Блюхер Ф.Н. Философские проблемы исторической науки. – М., 2004. – С.9.

ского синтеза, и, в качестве таковых, они не предшествуют истории или синтезу как резервуар, к которому историк спешит со своим ведром, а заложены внутри истории, внутри синтеза, как ими созданные и их созидающие. История, чьи источники находятся вне ее, – чистейшая химера»⁶. Нет источников как внеположенной самой истории реальности, так как нет ничего, кроме духа, самореализующегося в истории – известная гегелевская формула: «Истинный смысл исторического познания нельзя постичь, если не отталкиваться от того принципа, что сам дух и есть история, что в каждый отдельно взятый момент он и творит историю и сотворяется ею»⁷. Здесь источник – это результат творческой активности историка. Такое видение, однако, лишает историю укорененности в самой действительности, ставя ее в зависимость от философии духа в гегелевском варианте.

В отечественной историографии в силу долгого периода доминирования марксистской философии сложилось понимание исторического источника как субъективного отражения объективной реальности. Источник – социальное явление, отражающее те общественные отношения, которые функционировали во время его создания. Следовательно, историк не создает источник, как это постулируется у того же Кроче, а извлекает из него информацию. И.Д. Ковальченко предложил информационную концепцию исторического источника. Информация – это отраженное разнообразие явлений, происходящих в действительности. Источник – носитель сведений, которые необходимы историку. Информация может рассматриваться в прагматическом, аксиологическом, семантическом и синтаксическом планах. В семантическом плане информация может быть выраженной и скрытой, т. е. той, что извлекалась осознанно и той, что извлечена и зафиксирована непроизвольно и поэтому неочевидна, по-другому ее называют структурной. Так, в историческом источнике выраженной информацией будет то, о чем непосредственно рассказывается, а скрытой – то, как это рассказывается. «В итоге источник несет в себе двойную информацию. Источник, с одной стороны, опосредованно, через сознание субъекта отражает объект, а с другой – непосредственно характеризует субъект, прежде всего, отражает его цели и методы восприятия объективной реальности»⁸. Прагматический аспект заключается в том, что в момент создания источника его автор всегда преследует собственные цели, фиксируя определенные сведения о реальности, он решает какие-то задачи, тем самым и он сам, и источник, им создаваемый, не только несут в себе определенную информацию о реальности, но и сами являются частью этой реальности. А значит нельзя делить источники на пригодные и непригодные для изучения, все зависит от позиции и применяемых методов. Аксиологический и синтаксический аспекты соответственно проявляются в тех ценностных установках, которые отражает источник и в системе знаков, в которых социальная информация фиксируется. Ковальченко отмечает информационную неисчерпаемость исторических источников, так как анализ выраженного содержания приводит к выявлению скрытого. Главный же вывод делается в том ключе, что, несмотря на то, что исторический источник это всегда субъективное и селективное отражение, он, однако, несет в себе знание о прошедшей действительности и в самом себе содержит информацию, необходимую исследователю для его критической оценки. Ковальченко был сторонником системного подхода в источниковедении, с помощью которого возможно выявление скрытой информации и установление достоверности выраженной.

Особо стоит отметить взгляд на исторический источник, высказанный основоположником «Школы Анналов» Л.Февром: «История, несомненно, создается на основе письменных документов. Когда они есть. Но она может и должна создаваться и без письменных документов, когда их не существует. Причем, при отсутствии привычных цветов историк может собирать свой мед со всего того, что ему позволит его изобретательность. Это могут быть слова и знаки, пейзажи и полотна, конфигурация полей и сорных трав, затмения луны и формы хомутов, геологическая экспертиза камней и химический анализ металла, из которого сделаны шпаги, – одним словом, все то, что, принадлежа человеку, зависит от него, служит ему, выражает его, означает его присутствие, деятельность, вкусы

⁶ Кроче Б. Теория и история историографии. – М., 1998. – С.16.

⁷ Там же. – С.17.

⁸ Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования. – М., 1987 – С. 116.

и способы человеческого бытия»⁹. Таким образом, в качестве источника можно рассматривать любое историческое свидетельство, в котором отражены культурные смыслы своего времени и ему совсем не обязательно быть письменным. Толкованию подлежат все аспекты человеческой реальности, тем или иным способом дошедшие до нас, но при этом необходимо раскрыть их значение в двух смысловых контекстах – в их собственном и в том, в котором их открыли в качестве источников, вот почему перед историком всегда стоит проблема понимания системы ценностей прошлого.

Источник находится в сложной взаимосвязи со следующим понятием исторической науки – фактом. Определенная концепция исторического факта, а именно то, как он устанавливается, анализируется и интерпретируется, – это неотъемлемый атрибут работы любого профессионального историка. Но, как и в вопросе об источнике, единого, общепризнанного определения данному понятию пока нет.

И.М. Савельева и А.В. Полетаев отмечают, что «фактами» в науке обычно именуется высказывания о существовании каких-либо элементов реальности, получившие статус «истины». « В процессе индивидуального научного творчества, формулируя некое высказывание о существовании чего-либо (явления, связи, действия и т.д.), автор высказывания придает ему значение «истины» и называет «фактом». Однако фактом как элементом знания это высказывание становится только в случае его социального признания в качестве «истины». Тем самым, содержание данного высказывания превращается в элемент реальности для соответствующей социальной группы»¹⁰. В силу известной специфики исторической науки, а именно темпоральной природы ее фактов, проблема, связанная с установлением их гносеологического статуса и определенной интерпретации до сих пор одна из ключевых в структуре гуманитарного знания.

Начиная рассмотрение данного вопроса, следует упомянуть еще одно понятие, находящееся в тесной взаимосвязи с категорией факта – событие. Под событием понимается нечто произошедшее, свершившееся, имевшее место в прошлом. Тогда как фактом называется утверждение об этом событии, как мы уже отмечали, признанное за истину. Л.П. Репина приводит две условных позиции по интерпретации события: реалистическая и конструктивистская. Согласно первой любое событие прошлого имеет свою структуру и зафиксировано в источниках, из которых исследователь должен извлекать их с наименьшими искажениями. В соответствии же со второй событие не может существовать независимо от исследователя, так как он на базе источников всегда создает определенную интеллектуальную конструкцию и делает умозаключение о прошедшем. Тем самым, здесь событие – в большей мере – продукт творческого усилия историка. Можно продемонстрировать воплощение двух этих позиций на примере конкретных концепций исторического знания.

Очевидно, что первый вариант – это классический позитивистский подход. XIX век представлял собой «культ» факта как в естественных, так и в социальных науках. «Первой и основной задачей историка является установление фактов, некогда имевших место. <...> факты, а не теории должны служить фундаментом исторической науке»¹¹. Условием, от которого зависит существование исторических событий, является оставленный ими след, в виде, например, произведения искусства, документа или иного письменного свидетельства. Соответственно, условием существования истории как науки является «наличность исторического материала», что указывает на большую долю случайности в этом процессе, так как все зависит от того, обратило ли на себя внимание какое-либо событие, и если обратило, то дошло ли оно до нас отображенным в источнике. Но из всего множества этого материала не все будет интересовать историка, а только то, что оказало или оказывает влияние на дальнейший ход истории: « <...> причины, наблюдаемых нами условий, мы и называем историческими событиями»¹². При всем этом, даже признавая неустранимость субъективного момента – интереса самого историка к определенному явлению современности, причины которого, будучи моментами прошлого, стано-

⁹ Февр Л. Бой за историю. – М., 1991. – С. 22.

¹⁰ Савельева И.М., Полетаев А.В. Теория исторического знания. – СПб.; М., 2008. – 253.

¹¹ Мейер Эдуард Труды по теории и методологии исторической науки. – М., 2003. – С.180.

¹² Там же. – С.181

вяться объектами его изучения – позитивисты ратовали за то, что и процесс познания, и результат носят объективный характер. Факты являлись единственным основанием построения исторического исследования и одновременно его целью, любое обобщение считалось проблематичным в силу своего абстрактного характера.

С возникновением неклассической парадигмы научного знания осознается узость и наивность позитивистских установок XIX века, меняется и дополняется содержание многих категорий, в том числе и категорий исторических. По мнению Савельевой И.М., современную трактовку факта дал Л.Февр в своей лекции 1933 года «Суд совести истории и историка»: «Установить факт – значит выработать его. Иными словами – отыскать определенный ответ на определенный вопрос»¹³. Он одним из первых обратил внимание на гипертрофированное значение этого понятия в предшествующей традиции: «Все факты да факты... Но что вы называет фактами? Что за содержание вкладываете в это коротенькое слово? Неужели вы думаете, что факты даются истории как некие субстанциональные сущности, более или менее глубоко погребенные в толще времен, и вся трудность состоит лишь в том, чтоб раскопать их, почистить и подать современникам при выгодном освещении?». Историк сам конституирует материалы для своей работы, воссоздает их. Прежде чем приступить к исследованию, он всегда формирует проблему, требующую разрешения, рабочую гипотезу, которую нужно проверить. Никакая научная работа невозможна без предварительной, заранее разработанной теории. Это тот вывод, к которому сначала пришлось естественное – существует теоретическая нагруженность фактов. Вне определенных теоретических рамок в принципе невозможно никакое исследование: те «факты», которые включены в наше познание, уже рассмотрены определенным образом, а, следовательно, существенно концептуализированы. Л. Февр один из первых, кто увидел эту же проблему применительно к историческому познанию.

Разумеется, как это обычно происходит, если появляется определенная тенденция, то всегда найдутся представители, стремящиеся довести ее до логического предела. Так открытая теоретическая обусловленность исторического факта к середине XX века приняла формы крайнего релятивизма. Стали высказываться взгляды, сводящие факт до произвольной умственной конструкции, существующей лишь в сознании историка. Р. Арон отвергает наличие объективной исторической реальности: «факты не существуют сами по себе, только через сознание и для сознания»¹⁴. Таким образом, в данном подходе факт произвольно конституируется, а историческое познание носит относительный характер.

С одной стороны, с подобной точкой зрения не согласился такой представитель американской историографии середины XX века, как Э.Карр, отметивший, что «факт – это твердое тело в мякоти интерпретации»¹⁵. Факт просто не может быть дан в чистом виде, он всегда преломляется через сознание историка, всегда выражает его позицию и интерпретацию, но не творится им из ничего. Таким образом, как писал Карр, историк пробирается между Сциллой теории истории как объективной компиляции фактов и примата факта над интерпретацией и Харибдой понимания истории как субъективного продукта мышления историка, который устанавливает факты и управляет ими в ходе интерпретации. С другой стороны, с релятивизацией исторического знания, разумеется, не могли согласиться представители отечественной историографии, стоящие на позициях диалектического материализма, в частности М.А.Барг, разработавший собственную концепцию исторического факта.

Начинать нужно, как считает М.А.Барг, с четкого уяснения терминологии, так как большинство проблем напрямую связано с недифференцированностью различных значений, приписываемых одному и тому же понятию: «К категории исторический факт прибегают для обозначения явлений, событий и т.п. объективно-исторического процесса (т.е. факта объективной действительности) и сообщения источника (т.е. факта, так или иначе отраженного), и, наконец, сообщения (свидетельства), выдержавшего испытание на аутентичность, воспринятого историком и ставшего фактом исторической науки». Диалектико-материалистический подход позволяет говорить о том, что в историческом

¹³ Февр Л. Бои за историю. – М., 1991. – С.15.

¹⁴ Цит. по: Парфенов И.Д. Методология исторической науки. – Саратов, 2001. – С. 44.

¹⁵ Carr E.H. What is History? – London, 1961. – P. 54.

исследовании необходимо отличать факты исторической действительности, факты исторических источников и научно-исторические факты.

Факты исторической действительности объективны, они есть многообразие уже свершившейся человеческой деятельности и поэтому они «являются инвариантными, однозначными и неизменными по своей пространственно-временной и сущностной завершенности при всей их содержательно-онтологической неисчерпаемости»¹⁶. Любой исторический факт всегда находится внутри определенного контекста, сложного переплетения связей между его элементами. Эти контексты могут быть многозначны, и поэтому историки иногда трактуют один и тот же факт с некоторыми расхождениями, но его реальное содержание при этом остается объективным.

Факт исторического источника – отражение факта действительности тем или иным автором, его субъективное воспроизведение событий. Применительно к данному виду фактов встают проблемы источниковедения: установление информационного потенциала, объективности содержания, той или иной интерпретации фактов. Еще Р. Коллингвуд писал, что «Научный историк рассматривает утверждения источников не в качестве констатации исторических фактов, а как основание для своих суждений»¹⁷.

Научно-исторический факт – вторичное отражение историком фактов исторической действительности на основе данных источника, т.е. дважды субъективизированное отражение прошлого. Таким образом, это «концептуализованный факт, т.е. факт, высвеченный изнутри исторической теорией»¹⁸. Научно-исторический факт всегда находится в некоторой системе знаний о том или ином отрезке прошлого, в некоторой содержательной целостности, где одно обусловлено другим. По мере развития этого знания, появления новых источников, новых подходов научно-исторический факт все более полно отражает факт действительности, появляется более широкая его интерпретация, которая и наделяет сообщение источника научным статусом. Самое большое, к чему может стремиться исследователь, стоящий на материалистических позициях, заключается в максимальном приближении построенной им концептуальной картины к действительности, при том, что они никогда не совпадут.

Основную проблему при анализе данного подхода, конечно, составляет понятие факта исторической действительности, т.е. постулирование объективной реальности, внеположенной сознанию исследователя или, скорее, идея диалектико-материалистической философии, заключающаяся в постулировании возможности сопоставления нашего субъективного видения с объективным положением вещей. Но что такое объективная реальность? И как мы получаем к ней доступ? Это проблема вне рамок нашего исследования. Но, что немаловажно, применимо к истории существование независимой от нашего сознания действительности выступает в качестве гаранта развития познания. Сама по себе реальность многообразна и сложна, ни одна концептуальная схема не сможет охватить ее целиком, но признание ее наличия и объективности – основа и априорная предпосылка исторического знания. Каких бы дискуссий по этому поводу не велось в философии, профессиональный историк имплицитно включает это положение во все свои построения. Отказ от него слишком опасен для гносеологического статуса исторической науки.

Возможность сосуществования нескольких интерпретаций одного и того же события дает почву для релятивизации исторического знания, отрицания его объективности. Но, во-первых, мы имеем всегда ограниченное количество интерпретаций одних и тех же событий и процессов – историк всегда может объяснить, почему ранее давались те или иные интерпретации и почему он предлагает свою. Во-вторых, сами факты ограничивают возможности интерпретаторов, в силу как раз наличия в них определенной твердости, определенного содержательного инварианта.

В одной из последних отечественных работ по философии и методологии исторической науки, принадлежащей Ф.Н. Блюхеру, представлена еще одна трактовка установления исторического факта, основанная на аналогии между теми операциями, которые свойственны естествознанию, и методами исторической реконструкции.

¹⁶ Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования. – М., 1987 – С.130.

¹⁷ Коллингвуд Р.Дж. Идея истории. Автобиография. – М., 1980. – С. 261.

¹⁸ Барг М.А. Категории и методы исторической науки. – М., 1984. – С. 162.

Автор предполагает, что в истории, по примеру любой естественной науки, может быть создана и создается так называемая приборная ситуация, необходимая для эксперимента и установления факта. Элементами этой приборной ситуации выступают объекты с выделенными функциональными свойствами, которые могут быть как искусственно созданными, так и природными. А в истории в качестве таковых он называет источники, как «деятельность по оставлению следов своей деятельности» человеком, ибо человек и все, что с ним связано, составляет в самом широком смысле предмет исторической науки. Трудность составляет то, что предмет этот находится в прошлом. Если в естествознании через процесс рациональной обработки данных наблюдения, нахождения в них инвариантного значения, его истолкования и проверки в дальнейших верифицирующих экспериментах происходит установление факта, то в истории такая процедура невозможна: «История лишена роскоши фиксации события в независимой от этого события абсолютной пространственно-временной системе, но означает ли это, что историк может забыть о теоретической реконструкции для объяснения исторических событий? Означает ли это, что само понятие научного факта неприменимо к исторической науке?»¹⁹. Для разрешения этого вопроса автор делает предположение, что при одних и тех же условиях деятельности человеком создается одна и та же внутренняя структурированность источников, в их широком понимании, как всего, что несет в себе определенную информацию о прошлом. Следовательно, для создания приборной ситуации в истории необходимо провести предварительную работу с источниками, подвергнуть их внешней и внутренней критике, что происходит в три этапа. На первом находят трафаретности, повторения событий в прошлом: «Повторяемость керамики говорит нам о единой первобытной культуре, повторяемость языковых структур – о связях и заимствовании видов деятельности у разных народов, повторяемость военных побед – о таланте полководца»²⁰. И это не противоречит известному тезису неокантианства о единичности и уникальности исторических событий, ибо уникальность проявляется только на фоне типичности и повторяемости, это две взаимосвязанные категории. Мы определяем нечто как уникальное, лишь уже имея установленную типичность, трафаретность, которая когда-то в свое время тоже возникла как уникальность. Нахождение такого возникновения относится к историческому исследованию, так как возникновение нового и его переход в типичное задает внутреннюю размерность истории, фиксируется в источнике как относительно единый исторический отрезок и составляет второй этап в создании приборной ситуации. На третьем же этапе выявляются внутренние связи источников между собой, что дает основания объединить их в единый источниковедческий комплекс, на основании которого мы можем делать заключения о существовании того или иного исторического института (например, полисной системы Древней Греции). Тем самым, созданная историком приборная ситуация в силу многочисленных корреляций представленных в ней документов и источников дает основу для объективного исторического исследования: находясь в структуре такого комплекса, историческое событие превращается в исторический факт. При этом разница между первым и вторым заключается в том, что событие требует интерпретации, объяснения или причины, а факт сам выступает как интерпретация, объяснение или причина. Данная модель построения исследования свойственна в первую очередь тем историческим школам, которые выступают за бессобытийную историю, где основной интерес направлен не на событие как таковое, а на его включенность в определенный контекст, на его согласованность с уже установленными фактами, на институты и их функционирование.

Как видно из приведенного выше анализа, проблема исторического факта относится к одной из основных тем дискуссий по поводу статуса исторической науки. Данная категория одна из наиболее важных, но, в то же время, одна из самых спорных в настоящий момент, что, конечно, можно рассматривать как слабую сторону исторического знания, но, с другой стороны, плюрализм различных точек зрения дает почву для дальнейшей конструктивной разработки этого вопроса.

Установление фактов и придание им статуса научно обоснованного знания необходимо в качестве базиса для реконструкции целостной картины прошлого. И здесь воз-

¹⁹ Блюхер Ф.Н. Философские проблемы исторической науки. – М., 2004. – С. 29.

²⁰ Там же. – С. 30.

никает еще одна проблема исторического познания, скрывающаяся за понятием закономерности. Обладают ли факты самодовлеющим значением или они служат для подтверждения некоторых тенденций и законов, направляющих исторический процесс? Открывает ли история законы социального развития? Вся сложность ответа на этот вопрос тесно взаимосвязана со спецификой исторической науки. В зависимости от того, на каких позициях стоит историк, он может трактовать свою науку либо как знание о случайных, единичных и неповторимых событиях прошлого, либо как знание законосообразного социального движения. Несомненно, что это один из тех вопросов, задача разрешения которого принадлежит сфере философии. Неокантианство, например, не принимало тезиса о возможности открытия в истории каких-либо общих закономерностей, считая это приоритетом естествознания. История же работает в сфере культуры, в аксиологическом пространстве, где особенности предмета обуславливают метод – рассмотрения единичных и уникальных событий через отнесение к ценностям. Совсем иначе трактуют эту проблему те, кто в качестве основной задачи исторической науки видят установление определенных закономерностей. Такое понимание восходит к просветительской традиции и концепции Гегеля и Маркса наиболее яркие ее примеры. Мы имеем возможность рассмотреть конкретное воплощение философских подходов во взглядах самих историков и, соответственно, их трактовку категории закономерности и ее применимости в историческом познании.

В начале XX века немецкий историк Э.Мейер, видимо, в ответ на набирающий силы формационный подход к истории, писал: «Ясно, что неоднократно предъявляемое к историкам требование – рассматривать историю как закономерный процесс, представляющий собою непрерывную цепь причин и следствий, направлено против свободной воли и случайности в истории»²¹. Однако для любого историка очевидна неустранимость этих особенностей человеческой жизни как в ее настоящем, так и в ее прошедшем модусе – истории. Но существует такая особенность нашего сознания, которая всякое явление стремится рассмотреть как следствие некоторой причины и это закон рационального мышления: «Если вдуматься в этот вопрос, то оказывается – и в этом весь корень обычного недоразумения, – что противоречие между свободой и причинной зависимостью заключается не в самих явлениях, а лишь в разных точках зрения, с каких мы смотрим и, по свойствам нашего ума, не можем не смотреть на вещи, как бы мы не противились этому»²². Но этот закон мышления действует только в отношении того, что уже *произошло, свершилось*, и совсем не так однозначен в отношении того, что еще *совершается*. Другими словами, относительно событий, локализованных временными рамками прошлого, мы в состоянии установить причинно-следственные связи, но в отношении незавершенных процессов это невозможно в строго научном смысле – это будет предсказанием, более или менее вероятным. Жизнь представляет собою сплетение бесчисленного множества причинных рядов и все события ее можно рассматривать и как случайные и как необходимые. Дана только возможность и она переходит в действительность, когда независимые друг от друга причинные ряды пересекаются в данной точке пространства в данный момент. Мы сами соединяем совокупность этих рядов в одно целое и объявляем о существовании в мире необходимости, при этом случайность все равно никуда не исчезает, она просто подчиняется нашей схеме, и то, что при анализе единичных явлений выглядит случайностью, при анализе целого выльется в необходимость. Но в действительности же ничего не предзадано: «...единство и необходимость являются лишь постулатами нашего сознания, тогда как в мире, вопреки им, всегда буде царить случай. <...> устранение случайности может быть куплено только ценою объяснения случайных явлений сверхопытной, трансцендентной причиной»²³. Мейер пишет, что те, кто стремятся принизить значение случая в истории, сводят ее к нулю, заменяя отвлеченными формулами, лишенными конкретного содержания, а она «никогда не имеет дела, подобно естественным наукам, с водой и воздухом вообще и не исследует управляющие ими законы, но, если можно так выразиться, изучает этот конкретный, единичный стакан воды...»²⁴. Он при-

²¹ Мейер Э. Труды по теории и методологии исторической науки.. – М., 2003. – С. 156.

²² Там же. – С. 157.

²³ Там же. – С. 162.

²⁴ Там же. – С.166.

зывает к тому, чтоб вместо навязывания истории чуждой ей системы понятий и задач, взглянуть на нее как она есть и на основании этого постараться выяснить ее истинную сущность. Об историческом будущем можно только гадать и строить предположения разной степени вероятности, но точного предсказания на основе какого-либо закона сделать невозможно. «Что исторических законов нет, – это не зависит ни от слабости мышления историков, ни от недостатка исторического материала, но коренится исключительно в самой сущности истории»²⁵.

Противоположенная точка зрения наиболее ярко представлена в работах историков-марксистов. В уже упоминавшейся работе М.А.Барга «Категории и методы исторической науки» находим: «... материалистический историзм исходит из признания объективной законосообразности исторического процесса, более того рассматривает законы развития общества как естественноисторические...»²⁶. Однако необходимо отличать социологические и собственно исторические закономерности. Первые отображают сущность происходящих процессов формально, отвлекаясь от многообразия конкретного содержания. Социологическая теория призвана направлять историческое исследование. Структура же общества со всеми его функциями и стадиями развития является как раз предметом сугубо исторического исследования. Именно оно устанавливает связь между общесоциологическим законом данного явления и его историческим воплощением: «...вскрытие внутренних качественных связей между составляющими системы и есть путь, ведущий к формированию исторических закономерностей»²⁷. Отмечается, что несмотря на то, что исторической закономерности свойственен свой уровень абстракции, он настолько ниже уровня абстракции социологической, что позволяет уловить исторически дифференцированную картину одной и той же социологической сущности явлений, благодаря чему они выступают в качестве исторических, т.е. не теряют своего конкретного содержания. Но по той же причине объяснительный потенциал исторической закономерности гораздо ниже, чем социологической, ибо она работает на уровне пространственно-временных особенностей того или иного явления, т.е. в границах неизмеримо более узких по сравнению с закономерностью социологической. Последняя отражает наиболее фундаментальные прямые связи и конечные зависимости, лежащие в основе функционирования и развития общества. Историческая же закономерность представляет собой «принцип движения конкретно-исторических форм социальности, рассматриваемых не обособлено одна от другой, а во взаимосвязи и взаимодействии»²⁸. Таким образом, исторический закон в данном подходе это узел различного рода «частно-исторических» закономерностей, точка их пересечения, равнодействующая, где выявляются отклонения от проявления социологических законов, несистемные явления в жизни общества. «Историческая наука не позволяет социологии «выпрямить» процесс истории»²⁹.

Подытоживая, можно сказать, что как правильно отметил И.Д. Парфенов, для большинства западных философов такой проблемы как определение категории исторической закономерности вообще не существовало, так как они в принципе отрицали ее возможность. Но с другой стороны, проблема эта встает как перед историками, так и перед философами, так как сама природа человеческого мышления такова, что тяготеет к исчерпывающему объяснению. Как установил Э. Мейер, причинно-следственные связи устанавливаются в том случае, если череда событий имеет относительно заверченный, законченный вид. Тут раскрывается одна из фундаментальных философских проблем истории. Если мы готовы взять историю как процесс, имеющий начало и конец, то в теоретическом плане выявление определенных закономерностей будет логически непротиворечиво. Но если, подобно Мейеру, исходить из позиции практикующего историка, то необходимо отказаться от идеи конца истории и вместе с этим, что куда проблематичнее, от наличия в ней финального смысла, а это значит, что никаких универсальных законов, имманентно ей присущих и направляющих ее, быть не может. История – это максимально широкий контекст, и мы находимся внутри него. Для нас она не завершена и, по сути,

²⁵ Мейер Э. Труды по теории и методологии исторической науки.. – М., 2003. – С.173.

²⁶ Барг М.А. Категории и методы исторической науки. М., 1984. – С.174.

²⁷ Там же. – С.185.

²⁸ Там же. – С. 190.

²⁹ Парфенов И.Д. Методология исторической науки. – Саратов, 2001. – С. 51.

бесконечна. Приписывать ей какую-либо внеположенную цель может только та или иная философская концепция, но не историк-профессионал. Однако именно проблема смысла, так волнующая человека, на наш взгляд, не дает утихнуть спорам о наличии или отсутствии законов в истории.

И последняя категория, к которой мы обратимся, – это историческое время. В связи с тем, что категория времени достаточно проблематична сама по себе, то и вопрос о его специфике в качестве исторического понятия до сих пор открыт. Фундаментальное исследование по этой проблеме было проведено И.М. Савельевой и А.В. Полетаевым в их монографии «История и время»: «У истории много общего с другими дисциплинами. Она делит с ними предмет и заимствует их методы. И в то же время отдельность ее бесспорна. Она связана с отсутствием изучаемого объекта в настоящем. Именно поэтому мы считаем, что категория времени для определения специфики истории является столь же значимым критерием, как предмет и метод»³⁰.

Авторы выдвигают положение, в соответствии с которым на протяжении всей истории формирования представлений о времени существовало два его образа, условно обозначенных ими как «Время 1» и «Время 2». В самом простом варианте, свойственном архаическому сознанию, «Время 1» представляется как некая среда, в которой происходит движение, а «Время 2» – как нечто меняющееся, движущееся. В античной философии такое разделение вводит Платон, используя два термина – «эон» и «хронос», что в переводе означает «вечность» и «время». В средневековой религиозной философии проблема времени была спроецирована на отношение Бога к сотворенному им миру, что ярко представлено в концепции Августина Аврелия. Новое время, десакрализовавшее многие категории, имевшие теологическую трактовку, заменило идею божественной вечности идеей абсолютной длительности. На смену предыдущим представлениям приходит оппозиция объективного времени (абсолютное время) и его субъективного восприятия (относительное время). Конец XIX- начало XX века стало окончательным этапом в формировании темпоральных представлений. С именем А.Бергсона связан поворот в понимании этой категории, заключающийся в переходе от представлений о наличии двух существенно различных времен к признанию формирования двух мыслительных его образов. Идея о том, что наши типы времени есть формы нашего же сознания, была в дальнейшем развита Э.Гуссерлем. В сфере социологии П.Сорокин и Р.Мертон провели различие между «астрономическим» и «социальным» временем. Даже в художественной литературе можно проследить двойственное видение проблемы времени, начиная от Данте и заканчивая Марселем Прустом и В.Набоковым.

Итак, два образа времени как устойчивые формы его восприятия сохраняются и до сих пор. Что они из себя представляют? «В рамках первого образа время, как правило, пространственно ориентировано. Разные даты описываются как отрезки или точки временной оси»³¹. «Время 1» представляет собою ряд состояний, статических моментов, где каждый период изолирован от остальных. «Время 2» – образ необратимого времени, движущегося, текущего и непредсказуемого.

В исторической науке два эти образа также проявляют себя: « «Время 1» выражается в попытках заполнить время событиями»³². Это то, что называется хронологией. Каждый момент прошлого имеет собственную координату, и историк может одновременно мыслить о нескольких событиях, при этом осознавая, что каждое из них локализовано в своем временном интервале. Однако «вместе с тем историческое время воспринимается как достаточно неоднородное: оно может быть более плотным, насыщенным или, наоборот, разреженным»³³. Существует обратная связь, не только события измеряются временем, но и время измеряется событиями. Один и тот же интервал может рассматриваться и как продолжительный, если он насыщен значимыми для историка фактами, и как непродолжительный, если не насыщен. Особенно четкое разграничение в понимании исторического времени как среды от времени как качества появляется со второй половины XVIII века: «Стало само собой разумеющимся, что история должна постоянно переписы-

³⁰ Савельева И.М., Полетаев А.В. История и время. В поисках утраченного. – М., 1997. – С.72.

³¹ Там же. – С. 68.

³² Там же. – С. 69.

³³ Там же. – С. 70.

ваться. История была темпорализована в том смысле, что, благодаря течению времени, она изменялась в соответствии с данным настоящим, и по мере дистанцирования изменялась также природа прошлого»³⁴. Временная неоднородность заполнения прошлого и его субъективность – отличительные признаки исторического знания.

Понимание прошлого в качестве концептуализированного предмета исторической науки оформляется только в XIX веке. Связано это с трудностями в разграничении понятий прошлого и настоящего и содержанием этих понятий. Размежевание прошлого и настоящего связано с формированием понимания прошлого как «Другого» к настоящему, т.е. предмету специализированных общественных наук, относится та часть прошлого, когда общество не было Другим по отношению к настоящему, и поэтому к нему применимы схемы, модели теории и концепции, созданные для анализа современности». А для прошлого как предмета исторической науки, т.е. прошлого-Другого, необходимо искать подходящие ему способы познания: «...теории общественной жизни применимы только к определенному историческому периоду и адекватны только ему. Каждая область человеческой деятельности имеет свое прошлое, а следовательно, и свою историю, и свою теорию»³⁵. Именно поэтому история как наука не мыслит в определенном едином ключе, не принимает унифицирующих схем и формул. Плюралистичность исторического знания обусловлена спецификой его предмета – прошлой социальной реальности.

Подводя итоги проведенного нами анализа основных исторических категорий, можно сделать вывод о крайне сложном и незавершенном характере процесса их формирования и установления в качестве общепризнанных форм научного понятийного аппарата. Дискуссионность содержания данных категорий и их применимости в историческом исследовании в том или ином качестве создает определенную напряженность как внутри самой исторической науки, так и в отношении ее к сфере научного познания в целом. На наш взгляд, те проблемы, которые были поставлены в XX веке перед историей и которые само ее существование в качестве науки сделали проблемой, в какой-то степени были обусловлены и плюралистичностью философских подходов, определявших характер ее категориального аппарата.

Список литературы

1. Савельева И.М., Полетаев А.В. Теория исторического знания. – СПб.: Алетейя; М.: ГУ ВШЭ, 2008.
2. Парфенов И.Д. Методология исторической науки. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2001.
3. Репина Л.П. История исторического знания. – М.: Дрофа, 2004.
4. Блюхер Ф.Н. Философские проблемы исторической науки. – М.: РАН Институт философии, 2004.
5. Кроче Б. Теория и история историографии. – М.: Шк. "Языки рус. культуры", 1998.
6. Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования. – М.: «Наука», 1987.
7. Февр Л. Бои за историю. – М.: «Наука», 1991.
8. Мейер Эдуард Труды по теории и методологии исторической науки. – М.: Гос. публ. Ист. Б-ка России, 2003.
9. Carr E.H. What is History? – London, 1961.
10. Коллингвуд Р.Дж. Идея истории. Автобиография. – М.: «Наука», 1980.
11. Барг М.А. Категории и методы исторической науки. – М.: «Наука», 1984.

CATEGORICAL FIELD OF THE HISTORICAL SCIENCE: THE PHILOSOPHICAL CONTEXT

I.A. CHURANOVA

Voronezh State University

e-mail: imbi-churanova@yandex.ru

The article considers the conceptual device of a historical science taken in its conditionality by those philosophical approaches which set research paradigm social knowledge at various stages of its formation.

Key words: historical science, historical source, historic fact, historical regularity, historical time.

³⁴ Там же. – С. 72.

³⁵ Там же. – С. 93.

УДК 159.9

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ КОНФЛИКТОЛОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ УЧИТЕЛЯ В УСЛОВИЯХ САМООБУЧАЮЩЕЙСЯ ОРГАНИЗАЦИИ

Н.У. ЯРЫЧЕВ

*Чеченский институт
повышения
квалификации
работников образования*

В статье раскрывается сущность, функции и характеристики конфликтологической культуры учителя; определяются особенности школы как самообучающейся организации. Специальное внимание уделяется исследованию движущих сил развития конфликтологической культуры учителя.

Ключевые слова: конфликтологическая культура, конфликтологическая компетентность, конфликтологическая грамотность, развитие конфликтологической культуры, самообучающаяся организация, движущие силы развития конфликтологической культуры, педагогическая ситуация.

Неотъемлемой составляющей педагогического процесса в школе является включенность педагога в выстраивание отношения с различными участниками образования – учащимися, коллегами, администрацией, социальными партнерами. В результате различного рода педагогических взаимодействий этих участников нередко возникают конфликтные ситуации, которые требуют от учителя навыков решения проблем и преодоления противоречий конструктивным путем. Поэтому особое значение приобретает проблема развития конфликтологической культуры современного учителя как интегрального личностного образования. В реальной практике дополнительного профессионального образования существуют различные пути совершенствования знаний и умений учителей, необходимых для восприятия, анализа и разрешения конфликтов в образовательной среде. Одним из них является использование потенциала внутриорганизационного обучения, что предполагает повышение квалификации учителей, в частности развитие их конфликтологической культуры, с использованием научно-методического потенциала школы как самообучающейся организации.

В современной науке существуют разнообразные идеи концепции самообучающейся организации. Так, П. Сенге утверждает, что «самообучающимися» называются организации, в которых люди непрерывно расширяют свои возможности достижения желательных для себя результатов, где создаются новые, способные к развитию модели мышления, где коллективное устремление является свободным, и где люди непрерывно учатся возможностям совместного обучения¹. Данное положение находит свое отражение в образовательном учреждении в процессе организации конфликтологической подготовки педагогов.

Под конфликтологической культурой специалиста как вида профессиональной культуры понимается качественная характеристика способа профессиональной деятельности в конфликтогенной профессиональной среде². Сам по себе педагогический конфликт – нормальное социальное явление, вполне естественное для такого динамичного социума, каким является современная школа. Тем не менее, конфликты в педагогической деятельности зачастую надолго нарушают систему взаимоотношений между учителем и учениками, вызывают у учителя глубокое стрессовое состояние, неудовлетворенность своей работой. В связи с этим педагогу необходимо уметь владеть навыками предупреждения и разрешения конфликтных ситуаций, так как проблема взаимодействия участников педагогического процесса приобретает всё большую остроту³.

¹ Сенге П. Пятая дисциплина: Искусство и практика самообучающихся организаций. – М., 2003. – 406 с.

² Самсонова Н.В. Конфликтологическая культура специалиста и технология ее формирования в системе вузовского образования: Монография. – Калининград: Изд-во КГУ, 2002. – 308 с.

³ Засобина Г. А. Практикум по педагогике: учебное пособие. – М. : Просвещение, 1986. – 111 с.

Сущность конфликтологической культуры заключается в регулировании процессов профессионального взаимодействия (общение, взаимная деятельность, взаимоотношения). В качестве ведущих функций конфликтологической культуры выделяются регулятивная и преобразующая, заключающиеся в гармонизации взаимоотношений субъектов профессиональной деятельности; согласовании их взаимных действий; обеспечении эффективной профессиональной деятельности и профессионального становления в условиях профессионального конфликта и преобразовании конфликтогенной профессиональной среды с целью предупреждения последующих конфликтов⁴.

Для формирования конфликтологической культуры педагога необходима специальная конфликтологическая подготовка в рамках организации соответствующих мероприятий в образовательном учреждении, которые должны выстраиваться с учетом движущих сил развития конфликтологической культуры. При этом под движущими силами обычно понимают импульс, толкающий к действию. В основе движущих сил развития личности лежат противоречия. Выделяют следующие виды противоречий:

- общие (универсальные) противоречия – между потребностями человека (материальными и духовными) и возможностями их удовлетворения; а также противоречия, которые проявляются в нарушении равновесия между организмом и средой, что приводит к изменению поведения, новому приспособлению организма;
- индивидуальные противоречия – противоречия, характерные для отдельно взятого человека;
- внутренние противоречия, которые возникают на почве «несогласия с собой» и выражаются в индивидуальных побуждениях человека (расхождение между возникающими новыми потребностями и возможностями их удовлетворения);
- внешние противоречия, которые стимулируются силами извне, отношениями человека с другими людьми, обществом, природой.

Личность развивается в силу возникновения в ее жизни внутренних противоречий. Они обуславливаются ее отношениями к окружающей среде, ее успехами и неудачами, нарушениями равновесия между индивидом и обществом. Но внешние противоречия, приобретающие даже конфликтный характер (например, конфликты между ребенком и родителями), сами по себе еще не становятся двигателем развития. Только интегрируясь, вызывая в самом индивиде противоположные тенденции, вступающие между собой в борьбу, они становятся источником его активности, направленной на разрешение внутреннего противоречия путем выработки новых способов поведения. Посредством деятельности, приводящей к образованию новых свойств и качеств личности, противоречия разрешаются. Однако одни противоречия, преодолеваясь, сменяются другими. Если они не находят своего разрешения, возникают задержки развития, кризисные явления, а в тех случаях, когда они относятся к мотивационной сфере личности, и болезненные ее нарушения, психоневрозы⁵.

Рассмотрим противоречия, лежащие в основе развития конфликтологической культуры учителя. Под внешними противоречиями мы понимаем противоречия, возникающие в результате социального заказа школе к уровню профессионального мастерства учителя и актуальным, наличным уровнем его профессиональной компетентности.

Внутренние противоречия – это противоречия, возникающие внутри личности каждого конкретного педагога относительно сформированности его конфликтологической культуры, а именно:

- противоречия между выдвигаемыми требованиями социума к специально-профессиональной, акмеологической, коммуникативной компетентности педагога и наличным уровнем у него обозначенных компетенций;
- противоречия между сформированной теоретической и практической базой конфликтологической науки и существующими знаниями и умениями у педагога по данной дисциплине;

⁴ Самсонова Н.В. Конфликтологическая культура специалиста и технология ее формирования в системе вузовского образования: Монография. – Калининград: Изд-во КГУ, 2002. – 308 с.

⁵ Асмолов А.Г. Психология личности. – М.: Изд-во МГУ, 1990 – 367 с.

– противоречия между необходимостью создания условий благоприятного психологического климата в коллективе и существующими педагогическими конфликтами в образовательном учреждении;

– противоречия между многообразием способов разрешения и предупреждения межличностных конфликтов и умением разрешать возникающие конфликтные ситуации в повседневной жизни.

Вместе с тем данные противоречия не всегда являются движущими силами развития конфликтологической культуры личности, как правило, они воздействуют только в условиях личностной значимости для педагога, когда они становятся смыслообразующими для него. Любое противоречие требует разрешения. Если данные противоречия не разрешить они могут запустить механизмы саморазрушения личности, которые часто проявляются в контексте феномена «эмоционального выгорания» педагога.

Таким образом, разрешение обозначенных противоречий способствует развитию конфликтологической культуры учителя. Как мы уже отмечали выше, конфликтологическую подготовку учителя мы предлагаем осуществлять с использованием концепции самообучающейся организации, представленной Б. Найхэмом и включающей следующие особенности:

– развитая способность адаптации к быстро меняющимся условиям социума и растущим его потребностям;

– органичное объединение трудового процесса с процессом обучения (способность педагогов к самообучению, анализу собственных потребностей в знаниях, навыках, квалификации и опыте);

– создание благоприятных условий для обучения людей;

– внедрение новых подходов к организации труда;

– формулирование новых требований и функций управленцев и активное внедрение современных принципов и технологий развития и подготовки персонала⁶.

Планирование мероприятий, направленных на развитие конфликтологической культуры учителя осуществлялось нами с учетом модели конфликтологической культуры предложенной Н. В. Самсоновой. Данная модель состоит из четырех блоков: информационного, аксиологического, операционного блоков и блока личностных свойств и качеств.

Информационный блок включает в себя знания по теории и практике конфликта (понятия, виды, причины конфликтов, типы конфликтных личностей и пр.).

Аксиологический блок модели содержит совокупность конфликтогенных профессионально важных свойств и качеств в основных сферах личности. В интеллектуальной сфере – творческое, гибкое, саногенное мышление. В эмоциональной сфере – уровень тревожности, адекватная самооценка, уверенность в себе, умение управлять эмоциональными состояниями. В мотивационной сфере – отношение к насилию и ненасилию в отстаивании собственных интересов и позиций, отношение к конфликту как средству разрешения объективного противоречия. В волевой сфере – терпение и владение собой в профессиональном общении, настойчивость в осуществлении профессиональной преобразующей конфликтологической деятельности, в достижении конфликтных целей, целей самоактуализации, саморазвития. В сфере саморегуляции – свобода выбора целей конфликтологической деятельности и средств их достижения; осознанность их выбора; сочувливость; самокритичность, разносторонность и осмысленность действий в конфликте; рефлексия. В экзистенциальной сфере – свобода в проявлении себя как индивидуальности в профессиональной деятельности, стремление к самоактуализации, саморазвитию, постоянной работе над собой; сознательное отношение к своим действиям, стремление к профессиональному самосовершенствованию.

Операционный блок включает в себя конфликтогенные профессионально важные качества в предметно-практической сфере – конфликтологические умения, этическое поведение; способность оценить правильность своих действий, система умений и навыков для решения вероятностных конфликтологических задач по управлению конфликтом.

⁶ Найхэм Б. Самообучающаяся организация. Видение и перспективы развития человеческих ресурсов. – М., 2004 – 204 с.

Блок личностных качеств специалиста может быть представлен такими качествами, как справедливость, ответственность, социальность, адекватность, зрелость⁷.

Мы также придерживаемся положения О. И. Щербаковой о том, что осуществление конфликтологической подготовки педагога необходимо на трех уровнях: репродуктивном – наиболее низком уровне, соответствующем конфликтологической грамотности, продуктивном – соответствующем конфликтологической компетентности, творческом – соответствующем конфликтологической культуре⁸. В связи с тем, что мы рассматриваем школу как самоорганизующуюся систему, находим необходимым реализацию данных этапов специалистами образовательного учреждения: непосредственного руководителя, его заместителей, учителей, психолога, которые выступают одновременно и как участники и как организаторы процесса повышения квалификации по данному направлению. Мы также рассматриваем привлечение некоторых специалистов в данной области, однако приоритет отдается сотрудникам образовательного учреждения. Эффективность развития конфликтологической культуры учителя в рамках самообучающейся организации обуславливается тем, что:

– педагоги работают над реальными задачами, выдвигаемыми образовательным процессом;

– педагоги учатся друг у друга, а не у преподавателя;

– приоритет отдаётся активным методам обучения: играм, проектам, тренингам; дискуссиям, мастерским, применению многообразных педагогических технологий (деятельностные технологии, кейс-технологии, проектные технологии) и психологических техник (арттерапии, библиотерапии, музыкотерапии, игротерапии);

– участники самообучающейся организации приобретают дополнительные профессиональные навыки (расширение сферы своей профессиональной компетентности);

– учителя внедряют полученные результаты в собственную педагогическую практику и функционирование всего образовательного учреждения⁹.

Рассмотрим далее этапы развития конфликтологической культуры учителя в условиях школы как самообучающейся организации.

Первый этап. Развитие *конфликтологической грамотности* учителя соответствует информационному блоку модели конфликтологической культуры специалиста. Он включает в себя информирование учителей по теории и практике конфликта: структура и динамика конфликта; типология и виды конфликтных ситуаций; типология «конфликтных личностей» и правила общения с ними; мотивация конфликта; объективные и субъективные конфликтогены; конфликтные стратегии; способы и приемы разрешения конфликтных ситуаций и конфликтов; понятие стресса; защитные механизмы и способы психологической защиты; барьеры общения; технологии предупреждения, управления, разрешения конфликта; методики диагностики конфликта. Реализация данного этапа проходит в форме лекций и семинаров-практикумов, причем информацию предоставляют разные специалисты: заместители директора, педагоги, педагог-психолог с использованием интерактивных форм работы.

Второй этап. Развитие *конфликтологической компетентности* учителя включает в себя содержание аксиологического и операционного блоков выше обозначенной модели. На данном этапе внимание акцентируется на личности самого учителя, в частности формировании позитивной Я-концепции, развитие в деятельностных формах навыков самоанализа, самопринятия, регуляции эмоционального состояния, целеполагания и пр. Проработка личностных проблем способствует профилактике эмоционального выгорания учителя, являющегося одной из причин конфликтного общения педагога с различными участниками образовательного процесса.

На данном этапе также в практикоориентированных формах осуществляется отработка навыков выстраивания профессионального взаимодействия с субъектами профессиональной деятельности в конфликтных ситуациях; развитие конфликтологических

⁷ Самсонова Н.В. Конфликтологическая культура специалиста и технология ее формирования в системе вузовского образования: Монография. – Калининград: Изд-во КГУ, 2002. – 308 с.

⁸ Щербакова О.И. Развитие конфликтологической культуры личности. // Высшее образование сегодня. – 2008. – №10. – С. 56–59.

⁹ Арджирис К. Организационное научение. – М., 2001 – С.103–145.

компетенций учителя, стремящегося занимать конструктивную позицию, умеющего реализовывать все этапы управления конфликтными ситуациями (диагностика, прогнозирование, профилактика, разрешение). Учителя проводят самодиагностику, овладевая методами выявления факторов, способствующих возникновению конфликта. Здесь основная роль отводится педагогу-психологу и социальному педагогу образовательного учреждения.

Психолог использует техники арттерапии, позволяющие снять внутреннее напряжение, возникающее в результате конфликтных ситуаций, это – рисуночные техники, работа с неструктурированным рабочим материалом (глина, песок, пластилин), коллаж и пр. Данная техника универсальна, она основана на использовании искусства как символической деятельности, и позволяет выявить неосознанные переживания с целью актуализации самосознания. Использование музыкотерапии осуществляется в техниках релаксации с последующей визуализацией. Применение техники библиотерапии осуществляется с использованием психотерапевтических сказок, подобранных с учетом соответствующей тематики, а также анализа притч, что эффективно в работе со взрослыми.

Третий этап. Развитие *конфликтологической культуры* учителя соответствует блоку личностных качеств и свойств специалиста в модели конфликтологической культуры специалиста. Цель данного этапа – обеспечить совершенствование конфликтологической компетентности учителя, гармонично развитого человека, способного с позиций нравственности, справедливости, честности творчески решать профессиональные конфликтные задачи. Третий этап предполагает развитие у учителей таких качеств как справедливость, ответственность, конгруэнтность общения, оптимальность контактов, гармоничность самовыражения, диалектичность сознания и социальная гибкость, способность к честным, открытым, взаимовыгодным отношениям. Для реализации этого этапа необходим в первую очередь тренинг взаимодействия учителей с упражнениями на командообразование, сплочение, что позволит акцентировать их внимание на миссии и стратегии образовательного учреждения, ориентируясь на развитие личной эффективности сотрудников, на формирование системного видения и креативного мышления, выработку уникальных способов и нестандартных решений конфликтологических задач. Здесь используются такие психологические техники как игротерапия в тренинговой работе и педагогические технологии развития проектного мышления, деятельностные формы работы.

На данном этапе мы предлагаем также активное использование кейс-технологий с целью отработки навыков решения ситуативных конфликтологических задач. В данном случае предполагается применение нескольких вариантов: решение задач, представленных в пособиях по конфликтологии, решение задач, возникающих в процессе работы учителя (реально существующих), составление аналогичных задач с целью формирования единой школьной базы «трудных ситуаций» и способов их разрешения. Здесь очень важно освоить алгоритм решения конфликтных ситуаций, возникающих в педагогическом процессе. Знание основных алгоритмов решения педагогических ситуаций поможет учителю правильно диагностировать, объяснить, спрогнозировать и выбрать соответствующие средства педагогического воздействия в той или иной ситуации ежедневно встречающейся в образовательном процессе. Алгоритм представляет собой совокупность последовательных действий, направленных, с одной стороны, на достижение воспитательного эффекта, а с другой, – на укрепление контакта в общении¹⁰.

В современной педагогической и психологической литературе представлено множество разнообразных алгоритмов (Г. А. Засобина, С. Л. Кабыльницкая, Н. В. Савина, М. М. Рыбакова, Т. И. Тамбовкина). На основе их анализа мы предлагаем следующую последовательность действий педагога с целью разрешения конфликтной педагогической ситуации: 1) осознание факта произошедшего и контроль своих эмоций; 2) выявление мотивов поведения оппонента (ребенка, коллеги, родителя); 3) определение цели своих действий (конечный результат: «Чего я хочу добиться?»); 4) планирование мероприятий, необходимых для разрешения ситуации; 5) практическое действие педагога; 6) анализ полученных результатов; 7) корректировка действий (по мере необходимости).

¹⁰ Засобина Г. А. Практикум по педагогике: учебное пособие / Г. А. Засобина, С. Л. Кабыльницкая, Н. В. Савин ; под ред. Н. В. Савина. – М. : Просвещение, 1986. – 111с.

Данный алгоритм несколько условный и не подходит для критических ситуаций, когда необходимы оперативные действия, тем не менее он позволяет структурировать действия учителя в конфликтной ситуации. В данном алгоритме внимание учителей акцентируется на выявлении мотивов поведения ребенка или другого участника образовательного процесса, это является ключевым моментом, позволяющим выбрать эффективную стратегию. Здесь учителя осваивают понятие мотива, виды мотивов, в частности мотивы нарушения поведения у обучающихся (их диагностика, признаки, способы действия с учетом выявленного мотива). Анализу конфликтов способствуют не только ситуации из педагогической практики, но также примеры из художественной литературы, фильмов, мультфильмов. Анализ художественных и мультипликационных фильмов позволяет выработать практические навыки на отстраненном, свободном от личностных наслоений материале, сделать выводы и обобщения, лично осмысливать изученные ситуации. Данный прием – опосредованного воздействия на личность – эффективен при формировании навыков разрешения конфликтных ситуаций у детей, но он также эффективен и при работе со взрослыми.

Итак, реализация обозначенных мероприятий в условиях самообучающейся организации способствует разрешению внешних и внутренних противоречий педагогической среды, возникающих относительно уровня конфликтологической подготовки учителя и требований, предъявляемых к нему социумом и самим временем с его динамичностью. Однако разрешение одних противоречий способствует появлению других, что является движущей силой и обязательным условием развития общества, личности и конфликтологической культуры учителя. Таким образом, развитие конфликтологической культуры учителя происходит в течение всей жизни, в результате формирования опыта разрешения конфликтных ситуаций и действий по их предотвращению, что отвечает современным реалиям образования через всю жизнь.

Список литературы

1. Сенге П. Пятая дисциплина: Искусство и практика самообучающихся организаций. – М., 2003. – 406 с.
2. Самсонова Н.В. Конфликтологическая культура специалиста и технология ее формирования в системе вузовского образования: Монография. – Калининград: Изд-во КГУ, 2002. – 308 с.
3. Засобина Г. А. Практикум по педагогике: учебное пособие / Г. А. Засобина, С. Л. Кабыльницкая, Н. В. Савин ; под ред. Н. В. Савина. – М. : Просвещение, 1986. – 111с.
4. Асмолов А.Г. Психология личности. – М.: Изд-во МГУ, 1990 – 367 с.
5. Найхэм Б. Самообучающаяся организация. Видение и перспективы развития человеческих ресурсов. – М., 2004 – 204 с.
6. Щербакова О.И. Развитие конфликтологической культуры личности // Высшее образование сегодня. – 2008. – №10. – С. 56–59.
7. Арджирис К. Организационное научение. – М., 2001 – С.103–145.

THE FEATURES OF DEVELOPMENT OF TEACHER'S CONFLICTOLOGICAL CULTURE IN THE CONDITIONS OF SELF-TRAINING ORGANIZATION

N.U. YARYCHEV

*Chechen institute
of teachers advanced training*

The article reveals the essence, the functions and the characteristics of teacher's conflictological culture; defines the features of school as a self-training organization. Special attention is paid to the driving force of the development of teacher's conflictological culture.

Key words: conflictological culture, conflictological competence, conflictological literacy, conflictological culture development, self-training organization, driving force of the development of conflictological culture, pedagogical situation.

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС В РОССИИ: ПРОШЛОЕ, НАСТОЯЩЕЕ, БУДУЩЕЕ

С 21 по 22 апреля 2011 года в Белгороде состоялась Всероссийская научно-практическая конференция с международным участием «Национальный вопрос в России: прошлое, настоящее, будущее». Конференция была организована Департаментом образования, культуры и молодежной политики Белгородской области, Белгородским государственным национальным исследовательским университетом, Харьковским национальным университетом им. В.Н. Каразина. В этой рубрике мы публикуем лучшие доклады и статьи участников конференции в более полных вариантах, чем в соответствующем сборнике.

УДК 316.422.4

ЭТНИЧЕСКОЕ САМОСОЗНАНИЕ МОЛОДЕЖИ БЕЛГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ В ОЦЕНКАХ СОЦИОЛОГИИ

В.П. БАБИНЦЕВ

*Белгородский государственный
национальный исследовательский
университет*
e-mail: babintsev@bsu.edu.ru

Статья посвящена анализу специфики этнического самосознания молодежи на примере Белгородской области.

Ключевые слова: этнос, нация, молодежь, конфликт.

В дискуссиях вокруг национального вопроса в современной России все больше «вымывается» его этническая составляющая. Фактически, получается, что такого вопроса вообще нет. Имеется лишь комплекс социальных проблем, которые почему-то (не ясно почему) принимают форму межнациональных конфликтов. Особенно это характерно для определения позиции молодежи. Отметим: даже когда говорят об этническом экстремизме, в качестве причин его называют отсутствие социальных лифтов и социальных перспектив. В лучшем случае вспоминают об этнической преступности¹.

При этом, фактически, остается за рамками рассмотрения специфика этнического самосознания молодежи, которая сама по себе способна провоцировать обострение межнациональных проблем и конфликтов. И крайне важно осмыслить эту специфику, в том числе и средствами социологии.

Сделать это мы попытались в исследовании – «Причины распространения этнического экстремизма и ксенофобии среди молодежи (Центральный федеральный округ)», которое было проведено Центром социальных технологий Белгородского государственного университета по заказу Министерства регионального развития РФ в 2008 году.

¹ См.: Новиков В. Лифт не работает // Российская газета. 2011. № 87.

Целью исследования было – научное обоснование мер, направленных на предотвращение проявлений этнического экстремизма и ксенофобии среди молодежи субъектов Российской Федерации, входящих в состав Центрального федерального округа. Исследование проводилось методом анкетного опроса. Анкетный опрос включал в себя опрос молодежи по методике многоступенчатой квотной выборки ($N = 3000$ респондентов). В качестве квотных признаков выступали: место жительства (город – село), пол, возраст (слайд 3). Данная выборка является репрезентативной по отношению к генеральной совокупности. Кроме того, был проведен экспертный опрос для уточнения и интерпретации полученных данных (62 эксперта из различных субъектов ЦФО, отобранных по критериям уровня образования, профессиональной компетентности, наличия научных публикаций по проблемам национальной политики и национальных отношений).

Опрос проводился в пяти регионах ЦФО (Белгородской, Брянской, Воронежской, Курской и Орловской областях).

По результатам исследования в Белгородском государственном университете 14 – 15 ноября состоялась научно-практическая конференция, в ходе которой ученые и практики из многих регионов России, Украины и Беларуси рассмотрели актуальные проблемы противодействия экстремизму и ксенофобии в молодежной среде, интерпретировали результаты исследования и предложили рекомендации по совершенствованию практической работы в данном направлении.

В апреле 2011 года Центром социальных технологий БелГУ была предпринята попытка верифицировать полученные результаты на материалах, полученных при опросе студентов БелГУ ($N = 407$). Разумеется, оба исследования не сопоставимы по объему выборки, и на основании их трудно говорить о некоторых общих тенденциях применительно ко всей молодежи. Но в ходе второго исследования особый интерес представлял вопрос, в какой мере отмеченные три года назад черты этнического самосознания проявляются у молодежи, относящейся на уровне региона к молодежной элите.

Проведенные исследования дали возможность выявить некоторые особенности молодежного этнического сознания.

В настоящее время с высокой степенью уверенности можно утверждать, что этнический фактор играет все более значимую роль в саморазвитии российской молодежи. Так этническая принадлежность 2008 году являлась очень значимой для 24.81% респондентов; скорее значимой, чем не значимой для 40.54%. В 2011 году эти показатели составили соответственно 33.66% и 40.29%. То есть, заметно увеличение доли молодых людей, для которых этническая принадлежность весьма значима. На основании имеющихся данных трудно однозначно сказать, отражает ли это изменение самосознания всей молодежи, или же речь должна идти о специфике общественного мнения студентов. Но в любом случае национальная принадлежность для данной социальной группы становится значимой ценностью. Процесс этнического самосознания и самоопределения исключительно сложен, неоднозначен и неизбежно характеризуется деформированными представлениями. В частности, многие молодые люди склонны не просто идентифицировать себя с конкретным этносом, подчеркивая это естественное обстоятельство, но придавать данному факту гипертрофированную ценностную нагрузку. Так в 2008 году 31.60% белгородцев связывали значимость своей национальности с тем, что она приобщает их к великому народу. При этом 42.81% респондентов считали свою национальность в чем-то лучше других, и главным отличительным фактором называли историческое наследие (20.42%). В 2011 году свою национальность оценивали как отличающуюся от других в лучшую сторону 39.31% респондентов, а 35.87% называли историческое наследие главным основанием для национальной гордости.

Полученные результаты дают основание утверждать: национальное самоопределение и национализм в последние годы все чаще представляют для молодых белгородцев специфическую форму самоидентификации и самоутверждения. Частично это объясняется сравнительной легкостью и доступностью этнической формы самовыражения, не предполагающей (в ее ретроспективном варианте) личных усилий, активности и позволяющей презентовать себя только за счет удобной трактовки исторической памяти.

Допустимо утверждать, что в последние годы в молодежной среде развивается процесс перехода от национального нигилизма к национальному осознанию. И, как вся-

кий новый процесс, он воспринимается болезненно не только окружением, но и самими носителями. Более того, новизна этнического мировосприятия с неизбежностью порождает различные не адекватные реалиям мыслеформы. Наиболее типичной в данной связи является искусственное этническое дистанцирование. Оно проявляется, например, в том, что молодые белгородцы не хотят иметь дело с представителями отдельных национальностей. В 2011 году сторонников такой жизненной позиции среди респондентов было 59.21%.

На первый взгляд, полученный показатель является основанием для определения молодежи в качестве носителей самых худших по своему содержанию и последствиям националистических настроений и взглядов, что якобы подтверждает неоднократно продекларированную идею о рождении русского фашизма. Однако реальность не столь проста, как это представляется сторонникам упрощенных интерпретаций.

Прежде всего, следует учесть, что национализм молодежи не носит бытового, повседневно-характера. Этническое дистанцирование (и это довольно неожиданно) ощущается не на уровне межличностного общения, но на уровне макросоциальных процессов, что придает ему общественно-политический характер. Достаточно указать: 77% белгородских студентов имеют друзей иных национальностей, и это не создает для них дискомфорта в социальных коммуникациях. Более того, только 19.16% респондентов в 2011 году отрицательно отнеслись к идее смешанных (межнациональных) браков, в то время как 41.77% – к созданию в городах «национальных кварталов».

Национализм и органично связанное с ним национальное дистанцирование выступают, скорее, как болезненная, не всегда адекватная реакция на общественные процессы, прежде всего, на негативные по своей направленности социальные действия организованных этнических групп (национальных диаспор). Это особенно наглядно видно в отношении молодежи к этнической миграции. В 2008 году абсолютное большинство белгородской молодежи выступало за ее жесткое регулирование. 37.67% считали, что приток мигрантов следует ограничить, 13.77% – ратовали за допущение миграции в исключительных случаях, а 8.77% – были за полный запрет миграции. Часть молодежи настаивала на ограничении доступа в регион лишь представителей некоторых этносов (цыган, чеченцев, армян, китайцев, грузин, дагестанцев, азербайджанцев, вьетнамцев).

В 2011 году неприятие мигрантов мало изменилось. Ограничить их приток считали необходимым 43.24% респондентов; запретить – почти 8.95%. Но крайне любопытны мотивы, по которым молодежь предполагается ввести ограничения. Главный из них – враждебная настроенность по отношению к нации респондента (39.80%); этническая преступность – около 29.98%; отличия в традициях (13.51%). И лишь 4.91% связывают запрет с социально-экономической активностью приезжих.

Последнее обстоятельство, по нашему мнению, является одним из аргументов, опровергающих идею о социально-экономических корнях нового молодежного национализма. Безусловно, социально-экономический аспект здесь присутствует. Но стереотип, в соответствии с которым националистические идеи высказывают и отстаивают (зачастую в неправовых формах) молодые люди, относящиеся к «люмпенам» и неудовлетворенные своими жизненными условиями в данном случае не срабатывает.

Укажем, в частности, не следующие обстоятельства. Во-первых, среди студентов, участвовавших в исследовании в 2011 году, неудовлетворенных своей жизнью было только 6.39%; материальным положением своей семьи – 17.69%, но состоянием межнациональных отношений – 40.54%. Во-вторых, показательна реакция студенческой молодежи на так называемые «события на Манежной площади» в 2010 году. Так 73.46% респондентов информированы об этих событиях. Но только немногим более 22% отнесли к ним положительно; при этом 15.97% приняли бы в них участие на стороне футбольных болельщиков; 2.95% – на стороне мигрантов. Главной причиной событий студенты называют вызывающее поведение мигрантов (32.19%); засилье мигрантов в столице (22.60%); агрессивность фанатских субкультур (21.87%); активная деятельность кавказских диаспор (20.39%). И только 10.07% сослались на неудовлетворенность молодежи своим социально-экономическим положением.

Разумеется, можно утверждать, что молодые люди не вполне адекватно оценивают собственную социально-экономическую ситуацию. Но нельзя не учитывать отчетливо

выраженной этнополитической ориентации молодежного массового сознания, выраженного не люмпенизированной частью молодежи, но сравнительно успешной группой.

По нашему мнению, проблемы межнациональных отношений воспринимаются белгородской молодежью не столько как индивидуальные, связанные с личным социальным аутсайдерством, сколько как общественно значимые, обусловленные многочисленными и, порой, циничными нарушениями социальной справедливости в сфере этнического взаимодействия. И показательно в данной связи, что 66.83% респондентов в 2011 году высказали неудовлетворенность социальной справедливостью в российском обществе. В 2008 году данный показатель составлял 58.83%.

На фоне полученных результатов становится довольно очевидным: любые попытки искаженно интерпретировать состояние межнациональных отношений в России в корпоративных или так называемых «политических» интересах будут лишь усугублять ситуацию и восприниматься молодыми людьми как дополнительное свидетельство социальной несправедливости.

Список литературы

1. Новиков В. Лифт не работает // Российская газета. 2011. № 87.

ETHNIC SELF-IDENTIFICATION OF THE BELGOROD REGION YOUTH IN SOCIOLOGICAL PERSPECTIVE

V.P. BABINTSEV

*Belgorod National
Research University*

e-mail: babintsev@bsu.edu.ru

The article considers the specifics of ethnic self-identification of youth in the case of the Belgorod region.

Key words: ethnos, nation, youth, conflict.

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ФАКТОР СОВРЕМЕННОГО КОНСТИТУЦИОННОГО СТРОИТЕЛЬСТВА В РОССИИ

М.В. МАРХГЕЙМ

*Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет*

В статье рассматриваются актуальные аспекты национального фактора в процессе конституционного строительства российского общества.

Ключевые слова: национальность, государство, конституционный строй.

Национальный фактор имманентен России, и это нельзя игнорировать в конституционном строительстве российского общества и государства. Главные материальные признаки любого государства – население и территория – в России сопряжены с национальными характеристиками. При этом применительно к населению национальное измерение касается как коллективного, так и индивидуального субъекта.

В Конституции Российской Федерации¹ слова и словосочетания с национальной составляющей наличествуют в преамбуле и в Главах 1-3 – соответственно «Основы конституционного строя», «Права и свободы человека и гражданина», «Федеративное устройство». В частности, «многонациональный народ» назван единым субъектом принятия Конституции Российской Федерации (преамбула); носителем суверенитета и единственным источником власти (ч. 1 ст. 3). Антинациональные действия и состояния – разжигание национальной розни (ч. 5 ст. 13), национальная ненависть и вражда (ч. 2 ст. 29) – в Российской Федерации находятся под запретом.

Важно подчеркнуть, что согласно Конституции России, национальная принадлежность не может выступать причиной неравенства или ограничений прав и свобод человека и гражданина (ч. 2 ст. 19). При этом определение и указание своей национальности – право каждого, принуждения к которому не допускается (ч. 1 ст. 26). В этой связи уточним, что реализация данной конституционной нормы осуществляется гражданами по-разному в различных субъектах Российской Федерации. Это связано с формализацией идеи выведения национальности за пределы паспорта – документа, удостоверяющего личность российского гражданина на территории России². В соответствии с конституционным требованием ч. 1 ст. 26, паспорт теперь не содержит графы «национальность», а, следовательно, нет необходимости ее указывать. Однако при этом нет и возможности реализовать свое конституционное право указать свою национальность.

Национальности действительно не место в паспорте, поскольку она не является юридической категорией. В целом поддерживаем такой подход и расцениваем его как весомую правозащитную меру, как своеобразный прорыв в охране правового статуса российского гражданина.

Вместе с тем данная новация была неоднозначно воспринята в республиках в составе Российской Федерации. Как следует из ч. 1 ст. 65 ее Конституции, в названиях двадцати республик (из 21) есть указание на национальность, которую в этой связи именуют «титულიной». Одновременно данные субъекты однозначно относят к национальным. Вот

¹ Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с учетом поправок, внесенных законами Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации от 30 декабря 2008 г. № 6-ФКЗ и от 30 декабря 2008 г. № 7-ФКЗ) // Российская газета. – 1993, 25 декабря; 2009, 21 января.

² См.: Постановление Правительства РФ от 8 июля 1997 г. №828 «Об утверждении Положения о паспорте гражданина Российской Федерации, образца бланка и описания паспорта гражданина Российской Федерации» (с изм. от 25 сентября 1999 г., 5 января 2001 г., 22 января 2002 г.) // СЗ РФ. – 1997. – №28. – Ст.3444; 1999. – №41. – Ст.4918; 2001. – №3. – Ст.242; 2002. – №4. – Ст.330.

они-то и воспротивились решению вывести национальность из паспорта гражданина Российской Федерации и довольно успешно, используя даже ультимативные заявления, убедили федеральный Центр в поддержке своего интереса. В результате чего в январе 2001 г. п. 2 Положения о паспорте гражданина Российской Федерации был изложен в другой редакции, допускающей изготовление вкладыша в бланки паспортов, оформляемых в данных субъектах Федерации, где в качестве сведений о личности гражданина может указываться национальность.

Однако национальность присутствует в названиях и иных субъектов Российской Федерации. Это касается одной автономной области и четырех автономных округов. Они, не являясь государствами (как республики) в составе России, не получили возможности подобного политико-правового маневрирования с национальностью. Тем самым созданы условия для иерархии не только субъектов (государства – не государства), но и национальностей (паспортизированная – не паспортизированная). Это является дополнительным доводом в пользу асимметричности нашей федерации, при известном конституционном постулате о равноправии ее субъектов между собой (ч. 1, 4 ст. 5).

При всей неоднозначности оценок, апологетам национальности «в паспортном формате» следует понимать, что всякие сведения о гражданине, внесенные в паспорт, влекут за собой юридически значимые последствия. Какие юридические последствия может вызвать указание национальности? К сожалению, российская история дает далеко не лучшие образцы отношений государства с представителями ряда национальностей. Так, за годы советской власти миллионы людей стали жертвами произвола государства, подверглись репрессиям, помимо прочего, по национальным признакам³. В современный период такая политика осуждена и скорректирована, в том числе постановлениями Верховного Совета РФ о реабилитации российских финнов⁴, корейцев⁵, немцев⁶, народов Дагестана⁷. Однако непреодолимых барьеров для рецидивных проявлений не создано. Индикаторами здесь служат до сих пор применяемые представителями власти определения «лица кавказской национальности», «лица кавказской наружности», «этнические преступные группировки», др.

Дальнейший анализ Конституции России в заявленном ключе показывает, что специального упоминания в ней удостоены национальные меньшинства, регулирование прав которых находится в ведении Российской Федерации (п. «в» ст. 71), а защита их прав – в совместном ведении Российской Федерации и ее субъектов (п. «б» ч.1 ст. 72).

Отдельно определено, что установление основ федеральной политики и федеральные программы в области национального развития Российской Федерации составляют предмет ее исключительного ведения (п. «е» ст. 71). Это, как представляется, подчеркивает значимость названного направления государственного строительства.

Национальный аспект присутствует также в содержании иных конституционных лексических форм – «малочисленные этнические общности (п. «м» ч.1 ст. 72), «равноправие и самоопределение народов» (преамбула, ч. 3 ст. 5), «народы, проживающие на

³ См.: Закон РФ от 18 октября 1991 г. №1761-1 «О реабилитации жертв политических репрессий» (с изм. и доп. от 26 июня, 22 декабря 1992 г., 3 сентября 1993 г., 4 ноября 1995 г., 7 августа, 27 декабря 2000 г., 30 декабря 2001 г., 24 декабря 2002 г., 9 февраля 2003 г.) // Ведомости Съезда народных депутатов РФ и Верховного Совета РФ. – 1991. – №44. – Ст.1428; 1992. – №28. – Ст.1624; 1993. – №1. – Ст.21; Российская газета. – 1993. – 15 сент.; 1995. – 11 нояб.; СЗ РФ. – 1995. – №45. – Ст.4242; 2000. – №33. – Ст.3348; 2003. – №6. – Ст.509.

⁴ См.: Постановление ВС РФ от 29 июня 1993 г. №5291-1 «О реабилитации российских финнов» // Ведомости... – 1993. – №29. – Ст.1119.

⁵ См.: Постановление ВС РФ от 1 апреля 1993 г. №4721-1 «О реабилитации российских корейцев» // Ведомости... – 1993. – №15. – Ст.529.

⁶ См.: Указ Президента РФ от 21 февраля 1992 г. №231 «О неотложных мерах по реабилитации российских немцев» // СЗ РФ. – 1996. – №24. – Ст.2869; Постановление Правительства РФ от 8 июля 1997 г. №854 «О Федеральной целевой программе развития социально-экономической и культурной базы возрождения российских немцев на 1997-2006 годы» (с изм. и доп. от 14 февраля 2002 г.) // www.garant.ru; СЗ РФ. – 2002. – №7. – Ст.700.

⁷ См.: Постановление Правительства РФ от 24 января 1992 г. №40 «О первоочередных мерах по практическому восстановлению законных прав репрессированных народов Дагестанской АССР» (с изм. и доп. от 13 апреля 1993 г.) // Библиотека журнала «Российская газета». – 1995. – №1. – С.103.

соответствующей территории» (ч. 1 ст. 9), «народы Российской Федерации» (ч. 3 ст. 68), «коренные малочисленные народы» (ст. 69). При этом в конституционно-правовой доктрине нет единообразного подхода в определении «народа». В одних случаях исходят из того, что народы – это территориальная общность людей, в других – этническая⁸. В каждом конкретном требуется брать во внимание контекст с учетом базовых ценностей и основ конституционного строя России.

Поскольку в Конституции Российской Федерации аксиологические предпочтения определены в пользу человека, его прав и свобод, а генеральную поддержку обеспечивает российское государство, в том числе через обязанность их защищать (ст. 2), рассмотрим правозащитные механизмы, ориентированные на коллективного социального субъекта конституционно-правовых отношений – этнические общности.

Как уже отмечалось, Конституция Российской Федерации прямо говорит о гарантировании прав коренных малочисленных народов (ст. 69), защите прав национальных меньшинств (п. «в» ст. 71, п. «б» ч. 1 ст. 72), традиционного образа жизни малочисленных этнических общностей (п. «м» ч. 1 ст. 72).

В российском законодательстве проблема защиты прав национальных меньшинств остается в целом нерешенной. Изданные на сегодняшний день в России федеральные законы в сфере национальных отношений адресуются, как правило, коренным малочисленным народам, которые составляют лишь небольшую часть национальных меньшинств в нашей стране.

Утверждение некоторых ученых о сближении правового статуса меньшинств и коренных народов⁹ в этнонациональном аспекте можно признать верным, однако для последних характерна неотъемлемая связь с землей предков. Поэтому коренные народы, скорее, этнографическое, нежели, правовое понятие.

В научной литературе и законодательстве нет единого мнения относительно понятия «национальное меньшинство». Наиболее емким, на наш взгляд, является следующая трактовка «национального меньшинства». Им охватываются такие социальные группы в государстве, для которых из-за этнических, языковых, религиозных или культурных признаков в силу действующего внутригосударственного законодательства ограничена или затруднена возможность реализации прав и свобод человека, безусловно, распространяющихся на «государствообразующее» (основное) население государства¹⁰.

В ч. 2 ст. 19 Конституции Российской Федерации запрещаются любые формы ограничения прав граждан по признакам социальной, расовой, национальной, языковой или религиозной принадлежности, т.е. дискриминация по любым основаниям не допустима. Если же устанавливаются особые правовые формы заботы государства в отношении лиц, имеющих своеобразие, даже если это не меньшинство (например, женщины), то можно говорить о «положительной» дискриминации.

Принципиальные позиции российского государства в сфере национальных отношений были изложены в Концепции государственной национальной политики РФ¹¹, утвержденной Указом Президента РФ 15 июня 1996 г. Федеральным органам государственной власти, органам государственной власти субъектов РФ и органам местного самоуправления рекомендовалось руководствоваться ею при решении конкретных задач в сфере национальных отношений, а также при разработке федеральных, региональных и местных программ национального развития и межнационального сотрудничества. Однако, развития в качестве самостоятельного направления регулирование и защита прав на-

⁸ См., например: Умнова И.А. Конституционные основы современного российского федерализма. М., 1998. – С. 151-153; Основы национальных и федеративных отношений / Под общ. ред. Р.Г. Абдулатипова. – М.: РАГС, 2001. – С. 15-53; Смирнова Т.М. Кто в России «свой», или Осторожно: патриотизм! // История. Право. Политика. – 2011. – № 1. – С. 90-95.

⁹ См., например, Абашидзе А.Х., Ананидзе Ф.Р. Правовой статус меньшинств и коренных народов: международно-правовой анализ. – М., 1997. – С.3.

¹⁰ См.: Юрьев С.С. Правовой статус национальных меньшинств (теоретико-правовые аспекты). – М., 2000. – С.22-23.

¹¹ Указ Президента РФ от 15 июня 1996 г. №909 «Об утверждении Концепции государственной национальной политики Российской Федерации» // СЗ РФ. – 1996. – №25. – Ст.3010.

циональных меньшинств в Концепции не получили и в число принципов национальной политики они не включены¹².

Принятые федеральные законы от 30 апреля 1999 г. «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации»¹³, от 7 февраля 2003 г. «О временных мерах по обеспечению представительства коренных малочисленных народов Российской Федерации в законодательных (представительных) органах государственной власти субъектов Российской Федерации»¹⁴, а также федеральные законы, связанные с самоорганизацией этнических общностей в России, от 20 июля 2000 г. «Об общих принципах организации общин коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации»¹⁵ и от 17 июня 1996 г. «О национально-культурной автономии»¹⁶ составляют правовую основу защиты национальных прав. Их анализ на предмет выявления правозащитных средств, адресованных этническим общностям, показал, что помимо судебных и административных механизмов законодательно установлены и некоторые иные. Так, и для коренных малочисленных народов, и для национальных меньшинств предусмотрена коллективная форма защиты своих прав посредством определенных форм самоорганизации. Для национальных меньшинств – это общественные объединения в виде национально-культурной автономии для защиты национальных интересов граждан РФ в процессе выбора ими путей и форм своего национально-культурного развития. Такие общественные объединения имеют особый статус с точки зрения специальных условий их регистрации. Отказ Министерства юстиции в их регистрации может быть обжалован в судебном порядке.

В мировой практике национально-культурная автономия применяется и для компактно расселенных этнических групп. Например, в России региональные национально-культурные автономии татар практически созданы только в местах их компактного проживания (Ульяновская область). Аналогично решается вопрос с немцами Поволжья и представителями казахской диаспоры в Оренбургской области, Республике Алтай и др.¹⁷

Вместе с тем, ограничение охвата субъектов, имеющих право на такую форму объединения, исключительно российскими гражданами (ст. 1 ФЗ №74) противоречит ст. 30 Конституции России, где право на объединение адресуется каждому, и ч. 3 ст. 62, в которой особо подчеркивается: «иностранцы граждане и лица без гражданства пользуются в Российской Федерации правами и несут обязанности наравне с гражданами Российской Федерации, кроме случаев, установленных федеральным законом или международным договором Российской Федерации», а также ст. 1 Федерального закона «Об общественных объединениях»¹⁸. Следовательно, целесообразно внести соответствующие изменения в

¹² См.: Крылов Б.С. Проблемы защиты прав национальных меньшинств в Российской Федерации // Журнал российского права. – 2001. – №8.

¹³ Федеральный закон от 30 апреля 1999 г. №82-ФЗ «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» (с изм. от 22 августа 2004 г.) // СЗ РФ. – 1999. – №18. – Ст.2208; 2004. – №35. – Ст.3607.

¹⁴ Федеральный закон от 7 февраля 2003 г. №21-ФЗ «О временных мерах по обеспечению представительства коренных малочисленных народов Российской Федерации в законодательных (представительных) органах государственной власти субъектов Российской Федерации» // СЗ РФ. – 2003. – №6. – Ст.504.

¹⁵ Федеральный закон от 20 июля 2000 г. №104-ФЗ «Об общих принципах организации общин коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации» (с изм. и доп. от 21 марта 2002 г., 22 августа 2004 г.) // СЗ РФ. – 2000. – №30. – Ст.3122; 2002. – №12. – Ст.1093; 2004. – №35. – Ст.3607.

¹⁶ Федеральный закон от 17 июня 1996 г. №74-ФЗ «О национально-культурной автономии» (с изм. и доп. от 21 марта 2002 г., 10 ноября 2003 г., 29 июня, 22 августа 2004 г.) // СЗ РФ. – 1996. – №25. – Ст.2965; 2002. – №12. – Ст.1093; 2003. – №46 (ч.1). – Ст.4432; Российская газета. – 2004. – 1 июля; СЗ РФ. – 2004. – №35. – Ст.3607.

¹⁷ См.: Хабриева Т.Я. Национально-культурная автономия: современные проблемы правового регулирования // Журнал российского права. – 2002. – №2; Зорин В.Ю., Хабриева Т.Я. Государственная национальная политика Российской Федерации: проблемы реализации и совершенствования // Журнал российского права. – 2003. – №8.

¹⁸ См.: Федеральный закон от 19 мая 1995 г. №82-ФЗ «Об общественных объединениях» (с изм. от 17 мая 1997 г., 19 июля 1998 г., 12 марта, 21 марта, 25 июля 2002 г.) // СЗ РФ. – 1995. – №21. – Ст.1930; 1997. – №20. – Ст.2231; 1998. – №30. – Ст.3608; 2002. – №11. – Ст.1018, №12. – Ст.1093, №30. – Ст.3029.

Федеральный закон от 17 июня 1996 г. «О национально-культурной автономии», чтобы его действие распространялось в равной степени на российских и иностранных граждан, а также на лиц без гражданства, законно проживающих на территории России.

В ст. 3 названного федерального закона говорится, что образование и деятельность национально-культурной автономии регулируются федеральными законами, законами субъектов РФ, а также общепризнанными принципами и нормами международного права и международными договорами России в области обеспечения прав и свобод человека и гражданина, что соответствует ст. 17 Конституции нашей страны. Россия в 1998 г. ратифицировала¹⁹ Рамочную конвенцию о защите национальных меньшинств²⁰, подписанную от имени России 28 февраля 1998 г. Данная Конвенция также не устанавливает ограничений на защиту прав национальных меньшинств в зависимости от наличия у них гражданства государства проживания.

Проблемы защиты прав национальных меньшинств и прав и свобод лиц, себя к ним относящих, рассмотрены в ряде международных и межгосударственных актов, принятых ООН и региональными организациями. Среди них: Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 г. (ст. 22, ст. 27); Заключительный акт Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (Хельсинки, 1975 г.)²¹; Документ Копенгагенского совещания Конференции по человеческому измерению ОБСЕ (1990 г.)²²; Декларация о правах лиц, принадлежащих к национальным или этническим, религиозным и языковым меньшинствам (18 декабря 1992 г.)²³; Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод (1950 г.) (ст.11); Рамочная конвенция о защите национальных меньшинств (1995 г.); Конвенция об обеспечении прав лиц, принадлежащих к национальным меньшинствам (Москва, 21 октября 1994 г.)²⁴.

Другим видом малочисленных этнических общностей в России являются коренные малочисленные народы, которые самоорганизуются посредством общин и ассоциаций. Протекционизм со стороны государства в отношении коренных малочисленных народов призван уравнивать гарантированность прав их представителей с остальным населением страны, и вызван объективно существующим неравенством социальных условий жизни, в котором они находятся.

Принципиальной и важной особенностью Федерального закона от 30 апреля 1999 г.²⁵ (далее – ФЗ №82) является то, что сфера его действия распространяется не только на лиц, относящихся к определенным этносам (коренным малочисленным народам) как таковым, но и на тех, кто постоянно проживает «в местах традиционного проживания и хозяйственной деятельности малочисленных народов, ведущих традиционный образ жизни, осуществляющих традиционное хозяйствование и занимающихся традиционными промыслами» (ч. 3 ст. 3). Это означает, что российский законодатель вышел за этнические рамки и принял норму, направленную на устранение дискриминации граждан независимо от их национальной принадлежности.

Общины малочисленных народов учреждаются только лицами, относящимися к ним, достигшими 18-летнего возраста. Объединение осуществляется по кровнородствен-

¹⁹ См.: Федеральный закон от 18 июня 1998 г. №84-ФЗ «О ратификации Рамочной конвенции о защите национальных меньшинств» // СЗ РФ. – 1998. – №25. – Ст.2833.

²⁰ Рамочная конвенция о защите национальных меньшинств (Страсбург, 1 февраля 1995 г.) // Российская юстиция. – 1997. – №5.

²¹ См.: Заключительный акт Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (Хельсинки, 1975 г.) // Права человека и судопроизводство. Собрание международных документов. – Warsaw: OSCE, 1998. – С.26.

²² Документ Копенгагенского совещания Конференции по человеческому измерению ОБСЕ (1990 г.) // Права человека и судопроизводство... – С.41.

²³ Декларация о правах лиц, принадлежащих к национальным или этническим, религиозным и языковым меньшинствам (18 декабря 1992 г.) // Действующее международное право: В 3 т. – М., 1996. – Т.2. – С.90-94.

²⁴ См.: Конвенция об обеспечении прав лиц, принадлежащих к национальным меньшинствам (Москва, 21 октября 1994 г.) // Юрьев С.С. Правовой статус национальных ... – С.351-356.

²⁵ Федеральный закон от 30 апреля 1999 г. №82-ФЗ «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» (с изм. от 22 августа 2004 г.) // СЗ РФ. – 1999. – №18. – Ст.2208; 2004. – №35. – Ст.3607.

ному (семья, род) и (или) территориально-соседскому принципам в целях защиты их исконной среды обитания, сохранения и развития традиционных образа жизни, хозяйствования, промыслов и культуры. Такую форму самоорганизации можно отнести к самозащите коренными малочисленными народами России своего традиционного образа жизни. Специфика статуса общины выражается и в том, что в местах компактного проживания малочисленных народов органы местного самоуправления по предложению общин малочисленных народов и их союзов (ассоциаций) могут наделять их отдельными полномочиями органов местного самоуправления.

Согласно ч. 3 ст. 7 Федерального закона от 20 июля 2000 г. «Об общих принципах организации общин коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации», органы государственной власти Российской Федерации и ее субъектов, органы местного самоуправления, их должностные лица не вправе вмешиваться в деятельность общин малочисленных народов и их союзов (ассоциаций), за исключением случаев, предусмотренных федеральными законами и законодательством субъектов Федерации. Действия названных властных структур и их должностных лиц, нарушающие самостоятельность общин малочисленных народов и их союзов (ассоциаций), могут быть обжалованы в административном и судебном порядке.

Отметим, что при рассмотрении в судах дел, в которых лица, относящиеся к малочисленным народам, выступают в качестве истцов, ответчиков, потерпевших или обвиняемых, могут приниматься во внимание традиции и обычаи этих народов, не противоречащие федеральным законам и законам субъектов Федерации. В целях эффективной судебной защиты прав этих народов допускается участие в указанной судебной защите их уполномоченных представителей, что относится к факультативным правозащитным мерам.

Инструментами международно-правовой защиты прав коренных народов служат выработанные международным сообществом нормативные документы, закрепляющие права данных народов, а также деятельность различных международных межправительственных и неправительственных организаций, направленная на реализацию конкретных процедур защиты их прав²⁶.

Подытоживая, отметим, что национальная составляющая личности является наиболее чувствительной. Неверная эксплуатация данных чувств может обернуться весьма трагическими последствиями для любого общества и государства. В многонациональной России такой риск наиболее высок. Именно поэтому требуется особая деликатность со стороны законодателей и правоприменителей в ситуациях, когда неизбежные социальные противоречия и конфликты переводятся в национальную плоскость.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с учетом поправок, внесенных законами Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации от 30 декабря 2008 г. № 6-ФКЗ и от 30 декабря 2008 г. № 7-ФКЗ) // Российская газета. – 1993, 25 декабря; 2009, 21 января.
2. Умнова И.А. Конституционные основы современного российского федерализма. М., 1998. – С. 151-153.
3. Основы национальных и федеративных отношений / Под общ. ред. Р.Г. Абдулатипова. – М.: РАГС, 2001.
4. Смирнова Т.М. Кто в России «свой», или Осторожно: патриотизм! // История. Право. Политика. – 2011. – № 1. – С. 90-95.
5. Абашидзе А.Х., Ананидзе Ф.Р. Правовой статус меньшинств и коренных народов: международно-правовой анализ. – М., 1997.
6. Юрьев С.С. Правовой статус национальных меньшинств (теоретико-правовые аспекты). – М., 2000.
7. Крылов Б.С. Проблемы защиты прав национальных меньшинств в Российской Федерации // Журнал российского права. – 2001. – №8.
8. Хабриева Т.Я. Национально-культурная автономия: современные проблемы правового регулирования // Журнал российского права. – 2002. – №2.

²⁶См.: Андриченко Л.В. Международно-правовая защита коренных народов // Журнал российского права. – 2001. – №5.

9. Зорин В.Ю., Хабриева Т.Я. Государственная национальная политика Российской Федерации: проблемы реализации и совершенствования // Журнал российского права. – 2003. – №8.
10. Рамочная конвенция о защите национальных меньшинств (Страсбург, 1 февраля 1995 г.) // Российская юстиция. – 1997. – №5.
11. Заключительный акт Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (Хельсинки, 1975 г.) // Права человека и судопроизводство. Собрание международных документов. – Warsaw: OSCE, 1998.
12. Документ Копенгагенского совещания Конференции по человеческому измерению ОБСЕ (1990 г.) // Права человека и судопроизводство... – С.41.
13. Декларация о правах лиц, принадлежащих к национальным или этническим, религиозным и языковым меньшинствам (18 декабря 1992 г.) // Действующее международное право: В 3 т. – М., 1996. – Т.2. – С.90-94.
14. Конвенция об обеспечении прав лиц, принадлежащих к национальным меньшинствам (Москва, 21 октября 1994 г.) // Юрьев С.С. Правовой статус национальных ... – С.351-356.
15. Андриченко Л.В. Международно-правовая защита коренных народов // Журнал российского права. – 2001. – №5.
16. Закон РФ от 18 октября 1991 г. №1761-1 «О реабилитации жертв политических репрессий» (с изм. и доп. от 26 июня, 22 декабря 1992 г., 3 сентября 1993 г., 4 ноября 1995 г., 7 августа, 27 декабря 2000 г., 30 декабря 2001 г., 24 декабря 2002 г., 9 февраля 2003 г.) // Ведомости Съезда народных депутатов РФ и Верховного Совета РФ. – 1991. – №44. – Ст.1428; 1992. – №28. – Ст.1624; 1993. – №1. – Ст.21; Российская газета. – 1993. – 15 сент.; 1995. – 11 нояб.; СЗ РФ. – 1995. – №45. – Ст.4242; 2000. – №33. – Ст.3348; 2003. – №6. – Ст.509.
17. Постановление Правительства РФ от 24 января 1992 г. №40 «О первоочередных мерах по практическому восстановлению законных прав репрессированных народов Дагестанской АССР» (с изм. и доп. от 13 апреля 1993 г.) // Библиотека журнала «Российская газета». – 1995. – №1. – С.103.
18. Указ Президента РФ от 21 февраля 1992 г. №231 «О неотложных мерах по реабилитации российских немцев» // СЗ РФ. – 1996. – №24. – Ст.2869
19. Постановление ВС РФ от 1 апреля 1993 г. №4721-1 «О реабилитации российских корейцев» // Ведомости... – 1993. – №15. – Ст.529.
20. Постановление ВС РФ от 29 июня 1993 г. №5291-1 «О реабилитации российских финнов» // Ведомости... – 1993. – №29. – Ст.1119.
21. Федеральный закон от 19 мая 1995 г. №82-ФЗ «Об общественных объединениях» (с изм. от 17 мая 1997 г., 19 июля 1998 г., 12 марта, 21 марта, 25 июля 2002 г.) // СЗ РФ. – 1995. – №21. – Ст.1930; 1997. – №20. – Ст.2231; 1998. – №30. – Ст.3608; 2002. – №11. – Ст.1018, №12. – Ст.1093, №30. – Ст.3029.
22. Указ Президента РФ от 15 июня 1996 г. №909 «Об утверждении Концепции государственной национальной политики Российской Федерации» // СЗ РФ. – 1996. – №25. – Ст.3010.
23. Федеральный закон от 17 июня 1996 г. №74-ФЗ «О национально-культурной автономии» (с изм. и доп. от 21 марта 2002 г., 10 ноября 2003 г., 29 июня, 22 августа 2004 г.) // СЗ РФ. – 1996. – №25. – Ст.2965; 2002. – №12. – Ст.1093; 2003. – №46 (ч.1). – Ст.4432; Российская газета. – 2004. – 1 июля; СЗ РФ. – 2004. – №35. – Ст.3607.
24. Постановление Правительства РФ от 8 июля 1997 г. №828 «Об утверждении Положения о паспорте гражданина Российской Федерации, образца бланка и описания паспорта гражданина Российской Федерации» (с изм. от 25 сентября 1999 г., 5 января 2001 г., 22 января 2002 г.) // СЗ РФ. – 1997. – №28. – Ст.3444; 1999. – №41. – Ст.4918; 2001. – №3. – Ст.242; 2002. – №4. – Ст.330.
25. Постановление Правительства РФ от 8 июля 1997 г. №854 «О Федеральной целевой программе развития социально-экономической и культурной базы возрождения российских немцев на 1997-2006 годы» (с изм. и доп. от 14 февраля 2002 г.) // www.garant.ru; СЗ РФ. – 2002. – №7. – Ст.700.
26. Федеральный закон от 18 июня 1998 г. №84-ФЗ «О ратификации Рамочной конвенции о защите национальных меньшинств» // СЗ РФ. – 1998. – №25. – Ст.2833.
27. Федеральный закон от 30 апреля 1999 г. №82-ФЗ «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» (с изм. от 22 августа 2004 г.) // СЗ РФ. – 1999. – №18. – Ст.2208; 2004. – №35. – Ст.3607.
28. Федеральный закон от 30 апреля 1999 г. №82-ФЗ «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» (с изм. от 22 августа 2004 г.) // СЗ РФ. – 1999. – №18. – Ст.2208; 2004. – №35. – Ст.3607.
29. Федеральный закон от 20 июля 2000 г. №104-ФЗ «Об общих принципах организации общин коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федера-

ции» (с изм. и доп. от 21 марта 2002 г., 22 августа 2004 г.) // СЗ РФ. – 2000. – №30. – Ст.3122; 2002. – №12. – Ст.1093; 2004. – №35. – Ст.3607.

30. Федеральный закон от 7 февраля 2003 г. №21-ФЗ «О временных мерах по обеспечению представительства коренных малочисленных народов Российской Федерации в законодательных (представительных) органах государственной власти субъектов Российской Федерации» // СЗ РФ. – 2003. – №6. – Ст.504.

NATIONAL FACTOR OF MODERN CONSTITUTIONAL DEVELOPMENT IN RUSSIA

M.V. MARHEIM

*Belgorod National
Research
University*

The article deals with actual aspects of the national factor of modern constitutional development in Russian society.

Key words: nationality, state, constitutional order.

УДК 56.9(8)

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ НАЦИОНАЛЬНО-КАДРОВОЙ ПОЛИТИКИ ОРГАНОВ ВЛАСТИ И УПРАВЛЕНИЯ СССР ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА

А.И. МОЛЧАНОВ*Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет**e-mail: molchanov@bsu.edu.ru*

В статье рассматриваются особенности национально-кадровой политики в СССР во второй половине 20 века.

Ключевые слова: национальная политика, власть, СССР.

Российская империя строилась на едином, непрерывном пространстве, не расчлененном морями или океанами. Советский Союз (как и Российская империя) формировался как *страна, а не колониальная система*.

Сердцевиной национальной программы Советского государства было положение о ликвидации фактического неравенства республик и народов, забота о развитии всех частей страны. Русские как фундаментально-коренная нация страны не жалели ни сил, ни средств для подъема экономики и культуры бывших национальных окраин¹. Поэтому как нечто нелепое, смешное и бессмысленное звучит придумка околонаучных кругов, что СССР был империей. Империя-это зона эксплуатации всех других народов господствующей нацией.

Советское общество устроилось как семья – при имевшихся неудобствах и даже несвободах, какие бывают в семье. Отсюда вытекал и коренной принцип жизни – думать обо всей семье (С. Г. Кара-Мурза)². В советском проекте представление о жизнеустройстве по типу семьи выстраивалось в двух измерениях – социальном и национальном. В стране, где соединились в одном общежитии более сотни народов, национальное устройство было не менее важным, нежели социальное. В СССР доминировали идеи дружбы народов, интернационализма. Идея семьи народов была концентрированным выражением экономической, политической, духовной и социальной работы государственных и общественных организаций.

Советский Союз – это первое в мире социальное государство. Именно оно реально обеспечило *общедоступность* материальных и культурных благ. В механизме обеспечения *социального равенства* особое место занимали общественные фонды потребления. Это была часть фонда потребления социалистического общества, предназначенная главным образом для планомерного повышения степени удовлетворения ряда общественно-важных личных потребностей. Посредством ОФП для всех социальных групп многонационального советского народа была создана принципиальная возможность получить соответствующее образование, иметь доступ к культурным ценностям нации, развивать свои способности и благодаря этому занять положение в социалистическом производстве и обществе, соответствующее этим способностям и интересам общества³. Сын министра СССР и сын тракториста, сын секретаря обкома КПСС и сын слесаря, сын генерального директора производственного объединения и сын токаря этого же объединения сидели на одной студенческой скамье и бесплатно получали высшее образование в лучших вузах Советского Союза. Именно это образование являлось социальным «лифтом», в котором дети рабочих и крестьян поднимались до самых высоких должностей в союзных республиках и в центральных органах власти и управления в Москве.

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.44. С. 297. Лихолат А.В. Братское сотрудничество народов СССР в построении социализма. М.: Наука, 1971. С. 149-150. Хромов С.С., Калашников В.Л., Шишов Н.И. Интернационализм и патриотизм: История и современность. М.: Высшая школа, 1977. С. 121 и др.

² Наш современник. – 1998. – №6. – С.203

³ Политическая экономия. Словарь. М.: Политиздат. 1979. – С.264-265

Власть – центральное, организационное и регулятивно – контрольное начало политики. Ядром советской политической системы согласно Конституции СССР была КПСС. Она была основой системы власти и управления страной, но организационно с государством не сливалась. КПСС выполняла множество функций и прежде всего интегрировала систему в единое целое. Партия была своеобразной суперструктурой, вбиравшей в себя практически всю наиболее активную часть многонационального советского общества, могучий людской потенциал. Кадры-это власть, которая воспринималась частью общества как высшая ценность и главная привилегия. Находясь в жестких рамках системы, даже те, кто злоупотреблял властью в корыстных целях, не могли не быть партийными патерналистами, не могли в условиях партийной дисциплины не выполнять, пусть даже в деформированном варианте, лозунга «Партия существует для народа, в служении ему видит смысл своего существования».

Один из поводырей русского духа, крупный общественный деятель, народный артист СССР Е.С.Матвеев весной 1990 года, в условиях литературного и философского омуту, куда погружалось общество, ведомое Горбачевым, произнес правдивые и пророческие слова: «Я знаю эти аппараты... Но ведь это же не значит, что все аппараты плохие. Есть профессионалы, и не потому, что окончили ВПШ или АОН при ЦК КПСС, а потому, что они люди, которым богом дано умение заботиться о других и испытывать счастье, если они хоть что-то полезное и хорошее сделали. И немало таких людей... И я очень боюсь, что придет время и мы будем говорить: «Боже, что мы натворили во время перестройки?!»⁴

Национально- кадровая политика КПСС представляла собой систему подбора, расстановки и воспитания работников, призванную обеспечить все участки хозяйственного и культурного строительства советского общества высококвалифицированными и авторитетными людьми.

В широком смысле она включала разрешение политических, организационных, экономических и воспитательных задач, подготовку рабочей силы, специалистов хозяйственного и культурного строительства, военного дела, руководителей и организаторов управления различных уровней для всех отраслей народного хозяйства. В кадровом корпусе СССР, на всех его этажах и уровнях, было большинство людей высокой порядочности, поразительной духовной силы, жертвенного служения обществу, глубокого благородства, великодушия, умело сочетавших социальную энергию с бескорыстием.

Большое внимание национально-кадровой политике уделил XX съезд КПСС. Н.С. Хрущев в Отчетном докладе съезду подчеркнул: «Выкованы национальные кадры, резко поднялся уровень культуры всех народов СССР»⁵

Национальные аспекты кадровой политики находились в поле зрения и всех последующих съездов КПСС. В документах, например, XXVI партийного съезда отмечалось: «...В Компартиях Украины и Белоруссии появилось немало интересного в деле подбора и воспитания кадров, повышении ответственности руководителей за конкретные участки работы».⁶

Таким образом, на протяжении всего исследуемого периода национальные аспекты кадровой политики неизменно находили отражение на всех съездах партии, являвшихся высшими органами КПСС. А сама национально-кадровая политика являлась олицетворением идей интернационализма, хотя порой догматизированного.

Власть в Советском Союзе была организована и функционировала на нескольких взаимосвязанных и взаимодействовавших уровнях: макроуровне (высшие центральные политические институты, высшие государственные учреждения и организации, руководящие органы), среднем уровне (органы власти, аппараты и учреждения союзных республик, краев и областей, крупных городов), микроуровне – власть в городах, городских и сельских районах, поселках, селах, в коллективах предприятий, учреждений, колхозов, совхозов.

⁴ Огонек. – 1990. – № 19. – С.9.

⁵ XX съезд Коммунистической партии Советского Союза: стеногр.отчет. Том 1. М.: Госполитиздат. 1956. – С.88.

⁶ XXVI Съезд Коммунистической партии Советского Союза: Стеногр.отчет. Т. 1. М.: Политиздат. 1981. – С.89.

В нашей истории особое место занимало Политбюро (Президиум) Центрального Комитета Коммунистической партии – постоянно действующий руководящий орган ЦК.

Святая святых в иерархии партийного руководства. Заседая еженедельно, этот высший в период между Пленумами ЦК орган партии ведал всеми вопросами бытия общества и государства. Поэтому интерес к его прошлому вполне закономерен.

Грузин Сталин и его ближайшие соратники являлись рекордными «долгожителями» в составе этого ареопага. Дольше всех в Политбюро состоял армянин А. Микоян – 40 лет. Из них около 10 лет кандидатом и более 30 членом Политбюро (Президиума) ЦК. Затем русский В. Молотов – 36 лет, грузин И. Сталин – 34 года, русский К. Ворошилов – 34 года, еврей Л. Каганович – 31 год. Этого уровня не удалось достичь ни Л. Брежневу, ни М. Суслову, каждый из них был в Политбюро (Президиуме) по 27 лет.

Национально-кадровая динамика в высших эшелонах власти страны после Сталина хорошо видна из перечня персоналий. Членами Президиума ЦК КПСС, избранными на Пленуме ЦК после XX съезда партии (1956 г.), были русские Н. Булганин, К. Ворошилов, еврей Л. Каганович, украинец А. Кириченко, русский Г. Маленков, армянин А. Микоян, русские В. Молотов, М. Первухин, М. Сабуров, М. Суслов, Н. Хрущев. Кандидатами в члены Президиума тогда же стали русский Г. Жуков, украинец-русский Л. Брежнев,* узбек Н. Мухитдинов, русские Д. Шепилов, Е. Фурцева, Н. Шверник, Ф. Козлов.⁷

Этническая мозаика Президиума ЦК претерпела заметные изменения после июньского (1957 г.) Пленума ЦК. Пленум избрал Президиум в следующем составе: члены – А. Аристов (русский), Н. Беляев (русский), Л. Брежнев (украинец-русский), Н. Булганин (русский), К. Ворошилов (русский), Г. Жуков (русский), Н. Игнатов (русский), А. Кириченко (украинец), Ф. Козлов (русский), О. Куусинен (финн), А. Микоян (армянин), М. Суслов (русский), Е. Фурцева (русская), Н. Хрущев (русский), Н. Шверник (русский); кандидаты – Я. Калнберзин (латыш), А. Кириленко (русский), Д. Коротченко (украинец), А. Косыгин (русский), К. Мазуров (белорус), В. Мжаванадзе (грузин), Н. Мухитдинов (узбек), М. Первухин (русский), П. Поспелов (русский).⁸

В середине шестидесятых начиналась эпоха Л. Брежнева. 14 октября 1964г. Пленум ЦК партии избрал его Первым секретарем ЦК КПСС. В апреле 1966г. Л. Брежнев стал Генеральным секретарем ЦК КПСС, а Президиум был преобразован в Политбюро ЦК КПСС.

Кадровая политика в этот период характеризовалась рядом особенностей. Ее демократические механизмы, заложенные в 1961г. XXII съездом КПСС, уже на следующем, XXIII съезде, в 1966г, были частично демонтированы. «Покончено с неоправданными перестановками и частой сменяемостью работников, о чем ставился вопрос еще на XXIII съезде», – говорил Л. Брежнев в докладе XXV съезду КПСС.⁹ Эта стабильность была доведена до крайности. При этом в практике кадровой политики одновременно использовались две группы принципов подбора и расстановки работников. С одной стороны, система исходных положений, предложенная В. И. Лениным. С другой стороны, принцип личной преданности, землячества, кумовства и т. д. Обе группы принципов использовались на протяжении всего периода исследования. Но доминировала, конечно, первая.

Принципы кадровой политики, предложенные В. И. Лениным, из множества общечеловеческих положительных качеств, присущих любому работнику, выделяли наиболее существенные, которые в совокупности отражали главное и являлись обязательными при выдвижении его на пост руководителя. К таким качествам относились политическая позиция, знание дела, административные способности, добросовестность. Иными словами, на первый план выдвинут принцип подбора кадров по их политическим и деловым качествам. Это главное, определяющее.¹⁰

На ноябрьском (1964 г.) Пленуме ЦК членами Президиума избраны первый сек-

⁷ Зенькович Н.А. Самые закрытые люди. М.: Олма-Пресс. 2002. – С.708.

* Л.И.Брежнев до начала 50-х годов в анкетных данных указывал, что он украинец.

⁸ Зенькович Н.А. Указ.соч., – С.709.

⁹ Материалы XXV съезда КПСС. М.: Политиздат, 1977, – С.70.

¹⁰ Ленин В.И. Полн.собр.соч., т.6, с.39-40; т.31, с.134; т.36, с.173; т.39, с.46; т.40, с.215; т.41, с.30, 305-306; т.42, с.254, 347; т.45, с.351; т.54, – С.101 и др.

ретарь ЦК КП Украины украинец П. Шелест и председатель Комитета партийно-государственного контроля ЦК КПСС и Совета Министров СССР русский А. Шелепин. Пленум избрал кандидатом в члены Президиума и секретарем ЦК по идеологии русского П. Демичева.

В марте 1965г. членом Президиума избран белорус К. Мазуров – первый заместитель Председателя Совета Министров СССР, а кандидатом и секретарем ЦК КПСС – русский Д. Устинов. В декабре 1965г. кандидатом в члены Президиума ЦК был избран украинец В. Щербицкий. На Пленуме ЦК КПСС (после XXIII съезда партии) новым членом Политбюро стал латыш А. Пельше – председатель КПК при ЦК КПСС, кандидатом – белорус П. Машеров, первый секретарь ЦК КП Белоруссии. Из 19 членов и кандидатов в члены Политбюро ЦК КПСС, избранных на Пленуме после XXIII съезда партии, четверо (21 %) были украинцами. С украинцем-русским Л. Брежневым это 26.3%. Белорусов было двое, или 10.5%.

Политбюро, избранное на Пленуме ЦК сразу после окончания XXIV съезда КПСС (1971 г.), пополнилось четырьмя новыми членами – русским В. Гришиным, казахом Д. Кунаевым, украинцем В. Щербицким, русским Ф. Кулаковым, то есть вместо 11 стало 15 членов Политбюро. В этот раз от партийной организации Украины в ранге членов Политбюро в ареопаг вошли два человека. Из 21 члена и кандидата в члены Политбюро ЦК КПСС четверо (19 процентов) были украинцами. С украинцем-русским Л. Брежневым – это 24%. Белорусов двое, или 9.5%. С 27 апреля 1973г. белорус А. Громько – член Политбюро¹¹.

Анализ персонального состава Политбюро показывает, что существовал ряд принципов, по которым формировался этот орган. Ясно видно общее правило – представительство ведущих партийных организаций и главных государственных институтов и прохождение кандидатского стажа. Так, еврей Ю. Андропов, будучи председателем КГБ СССР, в 1967-1973 гг. находился в ранге кандидата в члены Политбюро, а в апреле 1973 года избран членом Политбюро ЦК КПСС.

Олицетворением идей интернационализма служил и аппарат ЦК КПСС. На октябрь 1980 г. он структурно состоял из 22 отделов и Управления делами, КПК при ЦК КПСС. Отделы делились на функциональные и отраслевые.

17 отделов имели подразделения, именуемые секторами. Заведующий отделом ЦК являлся ведущей фигурой его аппарата. Заведующий отделом, его заместители и заведующие секторами составляли руководящий слой всего аппарата ЦК КПСС. Это были опытные аппаратчики, отличные специалисты, несущие ответственность за порученный участок работы и поднаторевшие во всех тонкостях аппаратной кухни.

Кадровый отбор велся постоянно. В отделах сосредоточивались опытные, хорошо владевшие спецификой работы кадры, настоящие аппаратчики. Они понимали, что именно от них в первую очередь зависит функционирование ЦК. В общем, народ отбирался очень квалифицированный и ответственный.

Предваряя анализ национального состава руководящего слоя аппарата ЦК, подчеркнем, что данные, которые вводятся в научный оборот, не были и не могли быть статичными, они постоянно менялись, так как движение кадров никогда не прекращалось. Обратимся к штатному расписанию ЦК на 27 октября 1980г. Отдел пропаганды курировал секретарь ЦК белорус М. Зимянин. Здесь в упомянутых должностных группах работало 22 человека (руководящий состав отдела). Среди них были русский Е. Тяжельников – заведующий отделом, заместители заведующего отделом белорус В. Севрук и молдаванин П. Лучинский, заведующие секторами – экономического образования – украинец Н. Клепач, радиовещания и телевидения – армянин Г. Оганов, журналов – татарин Н. Биккенин, полиграфии и распространения печати – мордвин И. Симдянкин, культурно-просветительной работы – украинец В. Костецкий, руководитель лекторской группы – украинец Н. Головкин, заведующий сектором украинец Л. Речмедин. Многонациональными были и другие отделы ЦК КПСС.

Подчеркнем, что в высших органах власти и управления СССР высокие ранговые места занимали не только славяне. Ранее упомянутый армянин А. Микоян был членом Президиума ЦК КПСС, Председателем Президиума Верховного Совета СССР, первым за-

¹¹ Зенькович Н.А. Указ. Соч. – С.711, 712, 713, 714.

местителем Председателя Совета Министров СССР, министром СССР. Еврей Ю. Андропов занимал пост секретаря ЦК КПСС, Председателя КГБ СССР, Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР. Азербайджанец Г. Алиев и еврей Л. Каганович были членами Президиума ЦК КПСС и первыми заместителями Председателя Совета Министров СССР, финн О. Куусинен и узбек Н. Мухитдинов были членами Президиума и секретарями ЦК КПСС, латыши А. Пельше и Б. Пуго, входя в состав Политбюро ЦК КПСС, возглавляли Комитет партийного контроля при ЦК КПСС, грузин Э. Шеварднадзе был членом Политбюро ЦК КПСС и министром иностранных дел СССР. В Политбюро ЦК КПСС входили латыш Я. Калнберзин, казах Д. Кунаев, грузин В. Мжаванадзе, узбек Ш. Рашидов. Татарин Г. Усманов был секретарем ЦК КПСС. Грек А. Будыка был заместителем и первым заместителем заведующего сельскохозяйственным отделом ЦК КПСС. Еврей В. Дымшиц и башкир З. Нуриев занимали посты заместителей Председателя Совета Министров СССР и министров СССР. Еврей Л. Володарский и коми В. Старовский возглавляли ЦСУ СССР, мордвин С. Шалаев занимал пост министра СССР и Председателя Всесоюзного Центрального Совета Профессиональных Союзов (ВЦСПС) и т.д. Нации через личности включались в реализацию гигантского социального проекта, который на деле обеспечил народным массам общедоступность материальных и культурных благ.

Вопросам национально-кадровой политики в восточнославянском регионе, как и в Советском Союзе в целом, значительное внимание уделяют средства массовой информации. Появилось немало публикаций, не только фильтрующих правду, но и насилюющих массовое сознание преднамеренной ложью, публикаций, исполненных часто нервного и легкомысленного задора: «Любая серятина с востока — в Белоруссии, особенно в Западной, тут же становилась звездой первой величины, приезжими были укомплектованы практически полностью слои районного и областного управления, вплоть до председателей колхозов... Даже сейчас среди руководящего состава учреждений и предприятий в Минске русские занимают первое ранговое место, а белорусы — всего лишь пятое...»¹² Эту ложь (автор Е. Тишук) тиражировала газета профессиональных союзов Белоруссии. 50 тыс. экземпляров ее, распространяемых в республике, несли в массы недоброе и невечное. Недоброе, потому, что и автор, и редактор, подписывая номер, творили фарисейство. Невечное, потому, что в архивах хранятся документальные опровержения этих фальшивых утверждений. Начнем с должностной группы «председатели колхозов». Так, на 1 января 1960г. в БССР русскими было замещено 387 упомянутых должностей, украинцами 138, а белорусами — 1787, другими национальностями СССР — 105, национальностями иностранных государств (поляками и др.) — 13. На 1 января 1980 г. соответственно русскими — 102, украинцами — 34, белорусами — 1608, другими национальностями СССР — 21, национальностями иностранных государств — 59.¹³

Обратимся к западному региону Белорусской ССР, о котором с такой «душевной болью» лжет «БЧ». В Гродненской области, например, на 1 января 1980г. среди 235 председателей колхозов — 188 белорусов, 3 — русских, 4 — украинца, 40 — национальностей иностранных государств. Среди 86 директоров совхозов — 72 белоруса, 3 — русских, 1 других национальностей СССР и 10 национальностей иностранных государств. Среди председателей райисполкомов (сельских) Гродненской области — 15 белорусов, 2 — национальностей иностранных государств, среди председателей горисполкомов — 4 белоруса и 1 русский, среди заместителей председателей райисполкомов области — 41 белорус, 4 русских и 1 украинец, 5 — национальностей иностранных государств. Среди 31 инструктора обкома КП Белоруссии — 23 белоруса, 6 — русских, 5 — национальностей иностранных государств. Среди 10 заведующих отделами обкома партии — 7 белорусов и 3 русских. «БЧ»-фальсификаторам можно рассказать и о других «слоях»: от редакторов районных газет до первого секретаря обкома партии белоруса Л. Клецкова. На 1 января 1985г. среди 11 заведующих отделами Гродненского обкома КП Белоруссии — белорусов было 10, русский — 1. Среди 12 заведующих отделами Брестского обкома КП Белоруссии белорусов — 8, русских — 1, украинцев — 2, поляков — 1.¹⁴

¹² Беларускі час. — 1992. — № 29. — С.2.

¹³ Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). Ф.4., оп.109, д.58, л.3, 91; оп.133, д.72, л.1.

¹⁴ Там же. Оп.133, д.71, л.л. 5,12,29, 36, 43, 53, 64, 71, 78; д.73, л.л.14,28,49; оп.156, д.149, л.л.18,21.

Налицо – газетное легкое поведение. Оно иногда присуще как газетной аристократии, так и безымянной газетной челяди. Но они, видимо, не знают, что ложь всеушца, ложь всеильна, но не вечна. Пласты документов, введенные нами в научный оборот, ее уничтожили.

Но такими «talантами» блещут не только быстроногие газетчики, бьющие чечетку на мраморе истории Отечества. Национально-кадровые сплетни распускают и генералы. Выпускник 154-ой киевской средней школы, воспитанник Черниговского военного училища летчиков, позднее – начальник оперативного отдела штаба воздушной армии советских ВВС, генерал-майор А.Роль в интервью газете «Українське слово» (распространяемой в ряде стран) лгал: «Мы відчували, що українців не дуже охоче висували на такі керівні посади, які давали можливість приймати відповідальне рішення».¹⁵ Публицист, ведущий журналистское расследование, непременно воскликнул бы: «Окстись, ирод!».

Это не шитое на живую нитку плутовство. Это самая ядовитая травля сознания и духа многотысячной читательской украиноязычной аудитории.

Если бы это был прапорщик, а не генерал Советской Армии, можно было бы сказать ему, что познанию прошлого слишком часто мешают лживые стереотипы. Они происходят от поверхностного изучения событий, либо от подчинения истории какой-либо конъюнктуре. У генерала же хорошо виден преднамеренный симбиоз того и другого. В своём отрицании правды истории он зеркально отразил какие-то болезненные догмы, торопясь присягнуть конъюнктуре, т.е. необандеровщине.

Опровержение лживых высказываний генерала начнём с изложения кадровой политики в армейском корпусе. Ведь все они были многонациональными. Во исполнение приказа командующего ордена Ленина Ленинградским военным округом №0025 от 20 апреля 1967г. в городе Архангельске на фондах, ранее занимаемых управлением 44 армейского корпуса, 360 ОБС, 778 комендантской ротой, 1 декабря 1967г. было сформировано управление 26 армейского корпуса (в/ч 12127). В штатном расписании управления было 5 генеральских, 41 офицерская, 9 сержантских и 2 солдатских должности.

В состав 26 АК включались 69 мотострелковая Севская дважды Краснознамённая орденов Суворова и Кутузова дивизия (в/ч 30710, Вологда), 77 гвардейская мотострелковая Московско-Черниговская ордена Ленина Краснознамённая ордена Суворова дивизия (в/ч 82739, Мурманск)¹⁶.

Анализ национального состава управления корпусом показал, что среди командиров этого высшего оперативно-тактического соединения были русский генерал-майор Варенников В.И. (1967-1969 гг.) белорус генерал-майор Вербовиков М.Е. (1969-1970 гг.), украинец генерал-майор т.в. Логвиновский В.М. (1977-1981 гг.) и др. Среди заместителей командира корпуса на основании изученных архивных документов мы видим начальника политотдела украинца полковника Филоненко Н.Г. (1967-1969 гг.), начальника штаба украинца полковника Кольбу А.Т. (1977-1978 гг.) и др.¹⁷

В Алфавитной книге учёта офицерского состава 26 АК отражена национально-кадровая политика не только в управлении этим высшим оперативно-тактическим соединением, но и в обеих входящих в корпус дивизиях: армянин полковник Амбарцумян В.Д. был начальником ракетных войск и артиллерии 69 МСД (1967-1973 гг.), белорус майор Астахов Н.В. находился в должности начальника продовольственного снабжения 69 МСД (1971-1976 гг.), украинец полковник Варенко А.А. командовал ракетными войсками и артиллерией 26 АК (1969-1971 гг.), удмурт майор Васильев Г.А. возглавлял оперативный отдел, являясь одновременно заместителем начальника штаба 69 МСД (1976-1977 гг.), осетин полковник Гачкаев А.А. был начальником тыла – заместителем командира 77 гв МСД по тылу (1965-1974 гг.), украинец полковник Ганжа В.Ф. командовал ПВО 26 армейского корпуса (1968-1972 гг.), украинец генерал-майор Голиков А.А. был начальником ракетных войск и артиллерии 26 АК (1971-1972 гг.), белорус подполковник Евдокимчик А.Н. занимал должность начальника связи 26 АК (1973-1974 гг.), еврей подполковник Куперштейн Н.М. находился в должности начальника химической

¹⁵ Українське слово. 1992. – 20 лютого.

¹⁶ Архив штаба ордена Ленина Ленинградского военного округа. Ф. 3210, оп. 59982, д. 15, л.л. 2,3.

¹⁷ Там же, оп. 59980, д. 102, т.1, л.л. 5279238

службы 77 гв МСД (1969-1972 гг.), белорус полковник Кордевич М.Н. был заместителем начальника политотдела 26 АК(1973-1979 гг.), еврей полковник Лещинский Н.А. находился в должности начальника службы ракетно-артиллерийского вооружения 26 АК (1968-1972 гг.), украинец подполковник Лызенко А.П. возглавляя политотдел 69 МСД, являлся одновременно заместителем командира этой дивизии (1974-1980 гг.), казах капитан Сейдеметов Е.Б. служил начальником разведки 219 танкового полка 77 гв МСД (1973-1976 гг.), украинец полковник Хоменко А.В. был начальником ракетных войск и артиллерии 77 гв МСД (1972-1978 гг.), поляк подполковник Яновдис В.С. занимал должность начальника инженерной службы 69 МСД (1970-1976 гг.) и т.д. В дивизиях 26 АК высокие должности занимали украинцы подполковник Головань В.Н., подполковник Дьячук Н.А., полковник Дивочий И.П., подполковник Иваница С.А., подполковник Кошель Н.А., полковник Тарасенко П.И. и др.¹⁸.

Не было и не могло быть никакого камня преткновения в должностном росте украинцев. Наоборот, славянское родство, демократизм и справедливость национальной политики были краеугольным камнем кадровых решений, которые давали возможность массе украинских хлопцев вырасти до высоких воинских званий и должностей и самим быть той властью, которая и определяла кадровую линию.

С созданием в апреле 1949г. Северо-Атлантического блока – самой мощной военной группировки западных держав, в которую вошла и ФРГ, военно-политическая обстановка в центре Европы резко обострилась.

Особое место в системе обеспечения безопасности нашей страны на западном театре занимала Группа советских войск в Германии (до 27 марта 1954г. – оккупационных), являвшаяся оперативно-стратегическим объединением Вооруженных Сил СССР. Командные, дисциплинарные и административно-хозяйственные функции в отношении подчиненных частей, соединений, оперативно и оперативно-тактических объединений ГСВГ осуществлял Главнокомандующий. В исследуемые годы в должности Главкома ГСВГ в числе других находились советские военачальники-украинцы: Герой Советского Союза А. Гречко (1953-1957 гг.), дважды Герой Советского Союза П. Кошевой (1965-1969 гг.). Как видим в должности Главкома ГСВГ в течение восьми лет находились украинцы.

Кстати, первым заместителем Главкома ГСВГ Маршала Советского Союза украинца А. Гречко в 1955–1957 гг. являлся украинец генерал-полковник П. Кошевой, который из Германии убыл на должность командующего войсками Сибирского военного округа, а затем Киевского военного округа. Как отмечено ранее, в 1965г. он вступил в должность Главкома ГСВГ. В 1960-1966гг. первым заместителем Главкома Группы войск был Герой Советского Союза генерал-полковник украинец П. Белик, который затем стал командующим войсками Забайкальского военного округа. В 1968-1969 гг. должность первого заместителя Главкома Группы войск занимал украинец генерал-полковник М. Хомуло, назначенный 25 августа 1969 г. приказом министра обороны СССР командующим войсками Краснознаменного Сибирского военного округа¹⁹.

Украинцы находились не только на высоких постах командующих войсками округов, но были также главнокомандующими видами Вооруженных Сил СССР. Маршал Советского Союза К. Москаленко стоял у истоков нового грозного вида ВС СССР – Ракетных войск стратегического назначения (РВСН) и был их Главкомом в 1960-1962г.г. Первым заместителем Главкома РВСН в 1960-1968 г.г. был В. Толубко. В апреле 1972г. генерал армии В. Толубко вступил в должность Главкома РВСН и был им 13 лет. Герой Советского Союза генерал армии И.Павловский в 1967-1980 г.г. был Главкомом Сухопутных войск СССР. Войска ПВО страны в 1966-1968г.г. возглавлял Герой Советского Союза П. Батицкий и т.д.

Национально-кадровая политика Советского государства в его Вооруженных Силах как политика в основе своей демократическая, справедливая, являвшаяся неотъемлемой частью всей кадровой стратегии КПСС, убедительно показывает несостоятельность утверждений генерала-фальсификатора. Только у человека с необузданной фанта-

¹⁸ Архив штаба ордена Ленина Ленинградского военного округа. Ф. 3210, оп. 59980, д. 102, т. 1, л.л. 5,10,82,90,107,111,115,119,146,15,164,193,210,225,229. Т.2, л.л. 8,20, 176, 209, 250, 290.

¹⁹ Центральный архив Министерства обороны РФ (ЦАМО РФ). Послужные карты офицеров

зией и стремительно угасающей совестью в потаенных участках памяти могут храниться такие самостоятельные должности, на которые украинцев «не дуже охоче» выдвигали.

Мы показали, что украинцы в командном составе Вооруженных Сил СССР всегда занимали высокие ранговые места. Добавим, что в 1967-1976 гг. украинец А. Гречко, Маршал Советского Союза, был министром обороны СССР. Министр обороны СССР в 1957-1966 гг. Маршал Советского Союза Р. Малиновский в анкетных данных указывал, что он украинец. Министром он назначался как крупный военачальник и украинец. Некоторые авторы пишут, что мать Р. Малиновского – караимка. Но ни это, ни то, что он незаконнорожденный, не могло быть препятствием при выдвижении Р. Малиновского на высокий государственный пост.

Партийные комитеты, являвшиеся особой властной структурой, были укомплектованы в основном работниками титульных национальностей. Причем их удельный вес постоянно рос и со временем даже превысил удельный вес коммунистов титульных национальностей в Коммунистических партиях как Украины, так и Белоруссии. Наряду с этим в партаппараты активно выдвигались коммунисты других наций и народностей СССР.

Такие же процессы были характерны для органов госбезопасности, внутренних дел и Прокуратуры, армии, народного хозяйства. Изученные документы убедительно свидетельствуют, что в национально-кадровой политике как в центре, так и в Восточной Славии в исследуемые годы главным был феномен триединства славян. Братство, славянское родство было краеугольным камнем этой политики.

Такова была политическая практика. Ее ни вытравить, ни переиначить, ни «ухудшить» никому не удастся. Русский, украинец и белорус во всех кадровых аппаратах Советского Союза воспринимались как представители одного суперэтноса, пользовались высочайшим доверием моновласти, составляя одновременно ее генофонд. Такова была генеральная кадровая линия КПСС. При этом активно выдвигались в корпус властоносителей представители других наций и народностей СССР.

Настороженно, однако, партийные комитеты относились к уроженцам Западной Украины и к евреям. Но это не значит, что их не было в структурах власти (украинец Кравчук, еврей Андропов, Берия, Примаков и др.) И во времена, когда религия доминировала в общественной жизни, и в период секуляризации социальных отношений на еврейский вопрос давали свои ответы как классики мысли, так и державные строители – киевский митрополит Илларион, Петр I, немецкий философ И. Гердер, русский писатель Ф. Достоевский, потомок раввинов и основоположник марксизма К. Маркс, И. Сталин и др. Подчеркнутая философская глубина, интеллектуальная насыщенность этих ответов, видимо, влияли на кадровую политику.

Интернациональный состав корпуса партийных, советских, военных, хозяйственных, идеологических кадров, отражаемый в ежегодных статотчетах, был явлением само собой разумеющимся, органически вытекающим из образа жизни общества, из многонационального характера коллективов, районов, городов, областей, республик, где работников оценивали в первую очередь по нравственным и политическим качествам, по отношению к труду и людям. Партийные комитеты никогда механически не распределяли мест и должностей по национальному признаку. В противном случае это означало бы вульгаризацию самой идеи интернационализма.

После расчленения сверху (не распада) СССР в декабре 1991г. все без исключения входившие в него республики испытали чудовищную комплексную деградацию, падение уровня жизни, утрату технологий, разгул преступности и архаизацию общества. Все постсоветские общества, включая российское, вошли в подлинные социальные и национальные катастрофы, которые в большинстве из них еще далеки от завершения. Россия, объявившая себя наследницей СССР, утратила практически все унаследованное от него влияние за пределами своей территории (в том числе и в пределах СНГ). Это лишило ее многих исключительно важных ресурсов, целого ряда емких рынков, в первую очередь высокотехнологичной продукции, тем самым ограничив возможности развития и способствуя дополнительной деградации ее экономики и общества в целом.

Как отмечает научный руководитель Института проблем глобализации, доктор экономических наук М.Г. Делягин, «граждане России ощущают, что живут в не просто

потерпевшей глобальное поражение от внешних сил, но и ограбленной, униженной, преданной и растоптанной собственными руководителями стране»²⁰.

Сегодня мы располагаем неопровержимыми доказательствами подлинной роли М. Горбачёва и его подельников в многоаспектной рукотворной катастрофе советского общества, что требует глубокого анализа и пересмотра той историографии, «методологической» основой которой является закон ретроспективности, возвратности, т. е. изложение тысячелетнего исторического процесса как неизбежного приготовления к «Беловежской пуще» и разрушению страны.

Огромную научную ценность имеют монографии известных учёных – историков А.В. Островского, А.И. Уткина, И.Я. Фроянова и др., а также мемуары соратника Ельцина, бывшего главного редактора «Московской правды», находившегося в эпицентре политического процесса в СССР и РСФСР на рубеже 80-90х годов 20 века, позднее занимавшего пост министра печати и информации, вице-премьера, первого вице-премьера РФ, М.Н. Полторанина. Из научной и мемуарной литературы, написанной упомянутыми авторами, стало известно об упорном стремлении Ю.Андропова выдвинуть М.Горбачева к кормилу правления страной, о заинтересованности Запада в продвижении М. Горбачёва на властный Олимп СССР, о повышенной активности Е. Примакова в возведении М. Горбачёва на «престол», о приглашении Е. Примакова в 2002г. в качестве консультанта в ЦРУ США, о ГКЧП как грандиозной провокации, устроенной Горбачёвым и Ельциным против КПСС и Советского государства, о поддержке Горбачёвым беловежского сговора, о тайной выдаче американских паспортов членам правительства РФ – «реформаторскому ядру», чтобы смелее разрушали Россию, и др.²¹.

Особо выделим свидетельства начальника Управления КГБ СССР в 1979-1991гг., одного из руководителей советской нелегальной разведки генерала-майора в отставке Ю.И. Дроздова, который пишет: «Как-то в один из приездов в Москву бывшие американские разведчики в пылу откровенности за ужином в подвальном ресторанчике на Остожинке бросили неосторожную фразу: «Вы хорошие парни... Мы знаем, что у вас были успехи, которыми вы имеет право гордиться... Но пройдёт время и вы ахнете, если это будет рассекречено, какую агентуру имели ЦРУ и госдепартамент у вас наверху»²².

После всего этого уже не воспринимаются как сенсационные признания М. Горбачёва в израильском кнессете и в Американском университете в Турции²³ в том, что всё происшедшее с СССР им (Горбачёвым) так и задумывалось, огромная же власть первого лица государства была использована именно для этой цели. Выискивание идеологической обслугой горбачёвщины и ельцинизма «глубоких объективных причин» катастрофы страны, огульное охаивание «неправильной» национальной политики, научно несостоятельно, политически цинично, нравственно представляет собой мертвечину. Секретные, совершенно секретные как наиболее информативные документальные источники, хранящиеся в архивах Киева, Минска и Москвы, изученные автором, показывают, что неразрешимых проблем и противоречий ни в национально-экономической, ни в национально-кадровой, ни в национально-языковой сферах многонационального *социального* Советского Союза не было. А потому они и не могли быть причиной катастрофы второй сверхдержавы планеты. Злая воля Горбачёва и его подельников лежит в основе трагедии страны и народа.

²⁰ Российская Федерация сегодня. 2010. – №24. – С.2

²¹ Островский А.В. Кто поставил Горбачева? – М.: Алгоритм. ЭКСМО. 2010 – С. 251, 263, 353, 418, 419, 420, 435, 444, 445, 451, 452, 457. Полторанин М.Н. Власть в тротиловом эквиваленте: наследие царя Бориса. М.: ЭКСМО Алгоритм. 2010. С. – 166, 167, 168, 169, 170, 171, 172, 173, 174, 175, 176, 177, 178, 182, 183, 184, 185, 189, 190, 314, 315. Уткин А.И. Измена генсека: бегство из Европы. М.: Алгоритм ЭКСМО. 2009. С. – 18,19, 21,22,23,24, 33,34,35,36,37,44,45,46,47,48,49,50,51, 72,74, 80, 94, 96, 114, 116, 176, 193, 198, 200. Фроянов И.Я. Погружение в бездну: Россия на исходе XX века. М.: Алгоритм. ЭКСМО. 2002. – С. -78,80, 90, 97, 101. Литературная газета. – 2011. – №18 (4-10 мая). – С.- 9

²² Дроздов Ю. И. Записки начальника нелегальной разведки. М.: Русский Биографический Институт. – 1999. –С. 262.

²³ Шевякин А.П. Загадка гибели СССР: История заговоров и предательств. 1945-1991. М.: ВЕЧЕ. 2004. – С.184, 195

Стратегическая подмена идей перестройки советского общества, искусственное расчленение Союза ССР, разрушение народного хозяйства и социального государства, насаждение олигархической политической системы, перевод страны в режим колониальной демократии²⁴, русофобия, принадлежность представителям нерусских национальностей свыше 70% капитала в России, антагонистические, непримиримые противоречия в обществе²⁵ в число острейших научных проблем выдвигают необходимость еще более глубоко проникновения в смысл и тайны «треугольника» «Андропов – Горбачев – Примаков» и создания на основе архивных источников национально-кадрового паспорта государственной власти России за весь постсоветский период.

Список литературы

1. Дроздов Ю. И. Записки начальника нелегальной разведки. М.: Русский Биографический Институт. – 1999.
2. Осипов Г.В. Социология и общество. Социологический анализ социологической смуты. М.: Норма. 2007.
3. Островский А.В. Кто поставил Горбачева? М.: Алгоритм. ЭКСМО. 2010.
4. Полторанин М.Н. Власть в тротиловом эквиваленте: наследие цезаря Бориса. М.: ЭКСМО Алгоритм. 2010.
5. Уткин А.И. Измена генсека: бегство из Европы. М.: Алгоритм ЭКСМО. 2009.
6. Фроянов И.Я. Погружение в бездну: Россия на исходе XX века. М.: Алгоритм. ЭКСМО. 2002.
7. Шевякин А.П. Загадка гибели СССР: История заговоров и предательств. 1945-1991. М.: ВЕЧЕ. 2004.

SOME ISSUES OF NATIONAL PERSONNEL POLICY IN THE SOVIET GOVERNMENT IN THE SECOND HALF OF THE XXTH CENTURY

A.I. MOLCHANOV

*Belgorod National
Research University*

e-mail: molchanov@bsu.edu.ru

The paper discusses specific features of national personnel policy in the Soviet government in the second half of the XXth century.

Key words: national policy, power, USSR.

²⁴ Литературная газета 2010. – 17-23 февраля. – С. 3.

²⁵ Осипов Г.В. Социология и общество. Социологический анализ социологической смуты. М.: Норма. 2007. – С. 79, 228, 254, 288, 290.

УДК 130.2

ОТЛОЖЕННЫЕ КРИЗИСЫ ЭТНОИДЕНТИЧНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ СТЕРЕОТИПЫ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ МИФЫ

В.П. РИМСКИЙ

Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет

e-mail: Rimskiy@bsu.edu.ru

В статье рассматриваются проблемы философско-методологического и дисциплинарно-научного подходов к пониманию этнического бытия и самосознания человека. Смещение этих двух уровней рефлексии (философской и научной) не является безобидным и лежит в основании мифологизации этнических модусов человеческого бытия, что представлено как теоретическими догмами и эпистемологическими стереотипами, так и социально-политическими мифами, блокирующими групповую и личностную этноидентичность в современной России.

Ключевые слова: этнос, нация, этничность, этнические модусы бытия человека, дуальноэтническое отношение, этнометафизика, социальная и философская антропология, мифологизация, социальные и политические мифы.

Несколько слов о названии статьи. Метафорический смысл концепта «*отложенные кризисы этноидентичности*» возник, разумеется, из контекста работ Э. Эриксона¹, который рассматривал «отложенные кризисы» применительно к идентичности личности: ее обретение, по мысли психолога, сопряжено с тем, что человек в различные периоды жизни не всегда достигает адекватной (рациональной) *идентичности как самодостаточности собственного бытия (и самосознания)* и, попадая в различные сложные и кризисные экзистенциальные ситуации, делая и отсеивая (критически и некритически) ошибки, откладывает рационализацию жизненного проекта и стратегий «на потом», *отодвигает реализацию собственного бытия в неопределенное будущее*.

По аналогии с кризисами личностной идентичности, думаю, можно речь вести и о кризисах коллективной (групповой) и личностной этноидентичности, сопряженной с «революционными» или «застойными» процессами в социокультурной и этнокультурной динамике России.

Этот концепт возник и в размышлениях над некоторыми интерпретациями этноса и этнокультурной истории России в работах Ю.В. Бромлея, Л.Н. Гумилева, наиболее ярких представителей так называемого «примордиалистского» (эссенциалистского или субстанционалистского в терминологии Поппера) подхода и их оппонентов (прежде всего, В.А. Тишкова, работающего в методологических рамках конструктивизма), а также Б.Ф. Поршнева, одного из патриархов отечественной социальной, исторической и этнической психологии и системной антропологии.

Думаю, что в наших теоретических и эпистемологических стереотипах интерпретации многообразных проблем этносов и этничности (я сразу принимаю оба концепта – «этнос» и «этничность», не считая их столь уж несовместимыми) скрыты не только различные способы интерпретации некоторых исходных (мифологических) основания бытия человека, но кроются возможности и для использования различных теоретических конструктов и методологических схем в целях политической мифологизации действительности, *конструирования мифов* различного уровня в современных условиях.

Мне хотелось сразу же оставить в стороне попытки рассматривать те или иные концепции в качестве «устаревших»*, как это делает уважаемый В.А. Тишков в своих многочисленных критических репликах в адрес Л.Н. Гумилева, проявляя как бы некоторую благосклонность и снисходительность по отношению к «марксистской» теории этноса Ю.В. Бромлея, своего предшественника на посту директора Института этнологии и антропологии РАН. Те или иные *эпистемологические просчеты и наивности* Л.Н. Гумиле-

¹ См.: Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. – М., 1996; и др.

* Часто все новое оказывается хорошо забытым старым.

ва и фактическое построение *спекулятивно-метафизической теории этноса* (Поппер, например, считал вполне допустимым наличие в науке метафизических исследовательских программ²) не дают повода относить все сделанное им за десятилетия научного поиска к пугалу «примордиализма», а тем более говорить о «паранаучном засилье Гумилева»³. Засилье появляется там, где образуется, увы, пустота...

Первые* острые и достаточно публичные, выходящие за грани марксистского догматического канона дискуссии по проблемам этноса и этногенеза в нашей стране (одновременно аналогичные вещи происходили и на Западе, как отмечает В.А. Тишков), начались в 70-х годах прошлого века и достигли пика в период «перестройки»⁴. Тогда, на рубеже 70-х/80-х годов, я переосмыслил в своей кандидатской диссертации неконформистскую «философию этноса» Л.Н. Гумилева и, прежде всего, антропологические и психологические идеи Б.Ф. Поршнева, ученого также не признанного «марксистской общест-венностью»*. На защите осенью 1983 г. меня от марксизма отлучили, заявив, что «он всю историю выводит из сексного отношения», т.е. дуально-этнического, успешно «прокатили» (вторая защита состоялась через два года), но от своих концептов я не отказался и потом⁵, продолжая их критически переосмысливать до сих пор.

Главным серьезным оппонентом теории Л.Н. Гумилева до сих пор выступает В.А. Тишков, хотя на сайте научно-просветительского журнала «Скепсис»⁶ можно найти целый залп критических публикаций, которые, на мой взгляд, связаны не столько с критикой теоретических идей, сколько с философскими и спекулятивными темами, поднятыми ученым и несущими определенный потенциал мировоззренческой и политико-идеологической мифологизации (в их ряду, например, и так называемый «еврейский вопрос»). Философский смысл идей В.А. Тишкова можно реконструировать по монографии «Реквием по этносу: исследования по социально-культурной антропологии» (М., 2003) и статьям в «Новой философской энциклопедии».

В.А. Тишков пишет о том, что концепт «этнос» (и более процессуальный «этни-чность»*) не имеют строгой категориальной рационализации: «В отечественном обществознании более широко употребляется термин «этнос» во всех случаях, когда речь идет об этнических общностях (народах) различного историко-эволюционного типа (племя, народность, нация). Понятие этноса предполагает существование гомогенных, функциональных и статичных характеристик, которые отличают данную группу от других, обладающих иными параметрами тех же характеристик. Общепринятого определения этноса не существует, но доминируют его определения как «этносоциального организма»

² См.: Эволюционная эпистемология и логика социальных наук: Карл Поппер и его критики / Составление Д. Г. Лахути, В. Н. Садовского и В. К. Финна; перевод с английского Д. Г. Лахути; вступительная статья и общая редакция В. Н. Садовского; послесловие В. К. Финна. – М., 2000.

³ Тишков В.А. Реквием по этносу: исследования по социально-культурной антропологии. – М., 2003. – С. 34.

* Первые после сталинизма, хотя работы самого Сталина, как и его диалог с идеями Ленина по «национальному вопросу» заслуживают отдельного разговора.

⁴ См.: Гумилев Л.Н. Этногенез и этносфера // Природа. – 1970. – №1. – С. 46-55; № 2. – С. 43-50; Бромлей Ю.В. К вопросу о сущности этноса // Природа, 1970. – № 2. – С. 51-55; Гумилев Л.Н. Этногенез – природный процесс // Природа. – 1971. – №2. – С. 80-82; Бромлей Ю.В. Несколько замечаний о социальных и природных факторах этногенеза // Природа, 1971. – № 2. – С. 83-84; Бородай Ю.М. В поисках этногенного фактора // Природа. – 1981. – №4. – С. 124-126; Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса. – Л., 1983; Гачев Г.Д. Национальные образы мира. – М., 1988; Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. – Л., 1990; Гумилев Л.Н. География этноса в исторический период. – Л., 1990; и др.

* Публично собственные идеи о речи-мифе как императивно-коммуникативном регуляторе **первичного дуальноэтнического отношения**, возникшие в переосмыслении дискуссий вокруг статей Л.Н. Гумилева и под влиянием работ Б.Ф. Поршнева, мною были высказаны в 1981 г. и опубликованы: Римский В.П. К проблеме генезиса религии // Известия СКНЦ ВШ. Обществ. науки. – 1983. – №1. – С. 55-60.

⁵ См.: Римский В. П. Демоны на перепутье: культурно-исторический образ тоталитаризма. – Белгород, 1997 (текст монографии завершен в 1995 г.).

⁶ См.: <http://scepsis.ru>.

* Интересны его рассуждения о том, что понятие «этничность» в западной науке легитимируется только с 70-х годов прошлого века. Почему? Не потому ли, что либеральная мысль вообще сбросила фактор «этничности» в прогнозах развития человечества, а он вдруг «напомнил» о себе с потрясающей жесткостью после распада колониализма и в условиях панамериканского варианта глобализации?

(Ю.В. Бромлей) или как «биосоциального организма» (Л.Н. Гумилев). Концепция этничности подвергает сомнению подобный взгляд на культурную отличительность и обращает внимание прежде всего на ее процессуальную (социально конструируемую) природу, подвижный и многокультурный характер современных обществ, на практическое отсутствие культурных изолятов. Среди ученых также нет единства в подходе к определению феномена этничности, но есть некоторые свойственные общностям характеристики, которые позволяют считать их этническими или говорить о присутствии этничности как таковой»⁷. Таким образом, он однозначно выступает противником примордиальной (эссенциалистской или субстанционалистской) методологии в понимании этноса (в марксистской этнологии, представленной Ю.В. Бромлеем, а в независимой, восходящей к идеям русского космизма и неоевразийства, Л.Н. Гумилевым), критикует инструментализм в интерпретации этноса и этничности, становясь на позиции социального конструктивизма в понимании этноса или этничности (этноидентичности).

Действительно, *неуловимость и процессуальность, мифологический символизм и мощный социальнo-символический конструктивизм* присутствуют в реальном бытии этносов. Но означает ли это, что они не имеют никакой онтологической (не путать с субстанциональной – это не одно и то же!) основы?

Оказывается и у В.А. Тишкова таковая «субстанциональность» есть: «Таким образом, этническая общность (народ, этнос) есть *общность на основе культурной самоидентификации по отношению к другим общностям* (выделено мною – В.Р.), с которыми она находится в фундаментальных связях. Этничность формируется и существует в контексте того социального опыта и процессов, с которыми связаны люди. Некоторые участники этих процессов идентифицируются другими как члены определенной этнической группы. С внутригрупповой точки зрения этничность основывается на комплексе культурных черт, которыми члены этой группы отличают себя от других групп, даже если они в культурном отношении очень близки»⁸. Однако, утверждение культуры (культурной идентичности) в качестве «основы» этносов и этничности – такой же «эссенциализм», как и в случае с марксизмом Ю.В. Бромлея или «космологической» теорией этногенеза Л.Н. Гумилева.

Только здесь в качестве «субстанции» рассматривается некая абстрактная «культура». Фактически *этничность растворяется в культуре*, хотя при этом В.А. Тишков дает самые что ни на есть тривиальные трактовки культуры и культурной идентичности, ставшие «общим местом» для отечественной философии культуры и культурологи еще в 70-е годы прошлого века.

Интересно, что В.А. Тишков в своей интерпретации нации, с одной стороны, вроде бы исходит из ее трактовки как «гражданской нации», а, с другой, критикуя субстанционалистский и конструктивистский подход (также близкий ему в понимании этничности) за некий «онтологизм» (читай: философию)* в проблеме нации за их фактическое слияние, становится на позиции обычного релятивизма: «Именно этот феномен реификации (превращение понятия в реальный предмет – В.Р.) нации как социального процесса, как события, а не только как интеллектуальной практики отмечается рядом современных авторов (Ф. Барт, Е. Брубейкер, Р. Суни, В.А. Тишков, П. Холл, Г.-Р. Уикер, Т.-Х. Эриксен). В свете этого подхода нацию возможно рассматривать как *семантико-метафорическую категорию* (выделено нами – В.Р.), которая обрела в современной истории эмоциональ-

⁷ Тишкова В.А. Этничность // Новая философская энциклопедия: В 4 т. – М., 2010. –Т. IV. – С. 482.

⁸ Там же. – С. 483.

* «Онтологический взгляд фактически разделяют и многие сторонники модернистских и конструктивистских подходов, которые рассматривают нацию как результат индустриализации и распространения «печатного капитализма», как результат неравного развития, роста коммуникационных и транспортных сетей и, наконец, как результат мощного интегрирующего воздействия современного государства (т. е. не нации создают государство, а государство создает нации). Субстанциональный подход не ограничивается только взглядом на нацию как на «объективную реальность», т. е. общность, имеющую объективные общие характеристики (язык, религия и пр.), но он включает также субъективные факторы национальной общности, как, напр., общий миф, историческая память или самосознание. Ибо и в этом случае нация понимается как социально сконструированная, но все же реально существующая группа» // Тишков В.А. Нация // Новая философская энциклопедия: В 4 т. – М., 2010. –Т. III. – С. 43.

ную и политическую легитимность, но которая не стала и *не может быть научной дефиницией* (выделено нами – В.Р.)*. В свою очередь, национальное как коллективно разделяемый образ и национализм как политическое поле (доктрина и практика) могут существовать и без признания нации в качестве реально существующей общности»⁹.

Но тогда и не понятно: чем отличается концепт «гражданской нации» (в нашем случае «российской нации»), предлагаемый В.А. Тишковым для широкого пользования политическим элитам (и он позавчерашнее слово в западной науке!) от столь же близких по смыслам марксистских трактовок «нации», «национальной политики», «права наций на самоопределение», которые лежали в основе *советской практики конструирования «новых наций»* внутри «новой исторической общности советский народ»? Последняя, как мы видим, приказала долго жить.

Не эту ли же бомбу мы закладываем в процессе теоретического мифотворчества и под «российскую гражданскую нацию», искусственно конструируя ее и поддерживая те этносы в качестве «наций», которые не имеют реальных оснований для подобной консолидации? Очевидно, что необходимо более четко развести понятия «этнос», «нация», выделить в *концептах* метафорические смыслы и рациональные, *понятийно-категориальные* значения. Договориться, что мы не будем употреблять одни принципы и методологии для внутреннего научного дискурса, а другие – для политических рекомендаций в разработке технологий социального конструирования властными элитами, как это уже было в советский период. Президент Д.А. Медведев в некоторых своих заявлениях фактически поддерживал политику мультикультурализма, как наиболее приемлемую для современной России. Просто мы в своих теретических и политических имитациях «мультикультурализма» одну социальную мифологию заменяем другой.

Этническое бытие само по себе является мощнейшим энергетическим источником мифогенеза, индивидуального и коллективного, а в ситуации кризиса этнокультурной идентичности порождает превращенные формы мифа, прежде всего, политического (часто индивидуальная, семейно-родовая мифология очень причудливо переплетается с мифологией этнокультурной и социальной). При этом одни мифы носят *продуктивный, проективный* характер, играя роль двигателя культурно-цивилизационных изменений, а другие – *деструктивный*, порождая как этнокультурные и социально-политические «химеры» (нет, все-таки работает концепт Л.Н. Гумилева!), так и политико-идеологические соблазны, заводящие в тупик элиты и индивидов, реальных субъектов истории.

Каждый может убедиться на собственном примере, попытавшись произвести реконструкции семейной, личностной и этнической идентичности. Начать мы всегда можем с простейших знаковых процедур: посмотреть в свой паспорт. Новейшим гражданским изобретением современных российских политиков стало устранение графы «национальность» из паспорта. Это вполне понятно.

Развал СССР был инициирован не столько какими-то социальными конфликтами (опустим горбачевский «сухой закон»), сколько необдуманной политикой партийной элиты во главе с М.С. Горбачевым, которая обострила внутри партии и интеллигенции резкую конкуренцию этнических элит, что и вызвало национальные противоречия и соответствующую *национальную (националистическую) мифологию* как мощный деструктивный фактор распада союзного государства и советской культурно-цивилизационной системы. Понятна озабоченность постсоветской бюрократии, которая посчитала, что, убрав графу из паспорта, можно устранить этнические основания бытия человека и межнациональные конфликты из социально-политической сферы.

Разумеется, знаковыми действиями дело не ограничилось. Я не буду останавливаться на политических и юридических актах (в том числе и конституционных), которые вызвали не только превращение бывших автономий фактически в «государства» и «на-

* В современной философии и эмистемологии давно стало общепринятым различать концепты, категории и понятия, что совершенно наивно пугает В.А. Тишкова // См.: Мельник Ю.М., Римский В.П. Экзистенциальное время: категория, понятие или концепт? // Научные ведомости БелГУ. Серия «Философия. Социология. Право». – № 16 (71). – Вып. 10. – Белгород, 2009. – С. 24-36.

⁹ Тишкова В.А. *Нация* // Новая философская энциклопедия: В 4 т. – М., 2010. –Т. III. – С. 43. Он же. *Национализм* // Новая философская энциклопедия: В 4 т. – М., 2010. –Т. III. – С. 39-41.

ции», но и войны на Кавказе, терроризм и этноконфессиональный экстремизм по всей стране, в том числе, как видим в последнее время, и русский. Это было ожидаемо и предсказуемо. Факт того, что в наших паспортах отменили графу «национальность», нисколько не смущает «этносы» и «субэтносы», образующие «россиян», и не гарантирует нас от приступов националистической истерии (это касается и русских).

В связи с этим хотел бы выдвинуть два тезиса, которые, разумеется, требуют специальных исследований, проверки или опровержения:

1. В рамках «имперских» (державных, этатистских) форм развития гражданских наций, этносов и этничности возникали и могут возникать отложенные и задержанные кризисы этноидентичности, прежде всего, это касается славянских народов: украинского, белорусского и... русского (!). Подмена (замещение, сублимация) этноидентичности в формах конфессиональной, этатистской, социальной, политической, культурной или цивилизационной идентичности не снимает напряжения в развитии этносов, не способствует национальному развитию и становлению национального самосознания и культуры.

2. *Никогда, до сих пор не было единого «русского народа», с какой методологией мы не подходили бы к этой проблеме – примордиальной, инструменталистской или конструктивистской.* Были отдельные субэтносы и даже вполне самостоятельные этносы, которые подвергались насильственному упрощению в рамках имперской (конфессиональной, этатистской) или псевдоимперской (интернациональной) идентичности.

Каждый из нас может проиллюстрировать эти моменты на личном «опыте этничности». Так или иначе, все мы, рано или поздно, задумываемся о своих *онтологических основаниях*. И в этом ему на помощь приходит семейно-родовая мифология. Здесь, на антропологическом уровне неуловимой личностной этнической идентичности, становится очевидно, что субстанциалистская методология понимания этничности вполне уживается с конструктивистской.

Можно ли устранить этнические основания бытия человека теоретическими идеологемами, символическими действиями или политико-юридическими актами? Разумеется, нет. Этничность, этнос, как и индивидуальная телесность, семья, язык и вера (религия), входит в самые глубинные, *первичные, онтологические основания* бытия человека. Хотя бытие как таковое, разумеется, к ним не сводится.

«Дом бытия» (Хайдеггер) включает не только язык и речевые практики – онтологические, экзистенциальные смыслы задаются окружающей природой и повседневным бытом, поговорками и семейными воспоминаниями, семейными легендами, замешанными на родовой мифологичности, и традиционной конфессиональностью, когда крещение, первое и неосознанное причастие и потом на руках прабабушки, всплывающие из прошлого, вдруг, озарениями врываются в твою память, будто из другого забытого, но живого мира, из времени, которое потерял и к которому идешь...

Старый домик с голубыми ставнями и сад с корявыми и слизющимися клемам от старости вишнями, груша в соседском дворе и запах сухого укропа в огороде, тропинка в степи, ведущая к высохшему ставку, поросшему прошлогодним чаканом, отцовские кирпичи в прихожей и лопата на веранде с отшлифованным до блеска черенком, которая всегда *под рукой*, запах белья с мороза, что внесла с улицы мама, и вкус жареной картошки, серый потертый томик Пушкина 1937 года издания и телега, везущая маленький гроб с телом бабушки в старую церквушку на окраине поселка – это знаки *при-сутствия* чего-то большего в мире, чем *ты сам*, свидетельство *пре-бывания* здесь и сейчас, здесь и всегда...

На мой взгляд, если даже обратиться к опыту своей собственной, личностной этноидентичности, мы обнаружим поразительный факт: именно в случае с русским народом (украинским, белорусским) мы имеем феномен *размытой, мозаичной этнокультурной идентичности*, коллективной и личностной. Наверное, это связано и с тем, что именно средний уровень – культура повседневности, связанная с личностной онтологией, – до сих пор не был сформирован в нашем цивилизационном развитии и индивидуальном бытии.

Потому на уровне наших повседневных взаимоотношений возникают и наиболее болезненные *социальные мифы*. Прежде всего, *миф о национальном угнетении украинцев (белорусов, чеченцев, эстонцев и т.д., и т.п.) русскими**. Наверное, с большинством

* Свою лепту в *миф о великорусском шовинизме* в свое время внесли и народники, и эсеры, и меньшевики, и большевики. Поэтому вряд ли стоит серьезно воспринимать миф «новорусских коммунистов» о «русском националисте Сталине».

фактов не поспоришь. И, кстати, многие русские этот миф легко принимают (и не только русские интеллектуалы!).

Любой миф вызывает обратную реакцию. Еще в последние годы советской власти русские националисты выдвинули *миф об имперской державности русского народа*, отличающейся от американского и прочего мультикультурализма и служащей гарантией «свободного» развития народов и наций в составе российской империи (а потом и СССР, продолжившего традиции «имперской державности»). Именно в рамках имперско-православной, а потом советской державной (этатистской) идентичности якобы и происходило «свободное развитие народов». А я думаю, что *именно здесь надо искать корни нашей отложенной этнокультурной идентичности*.

В этой связи интересно взглянуть на казаков, как отдельный самостоятельный этнос, который смог развиваться до нации только на Украине. Интересно обратиться и к этимологии слова «Украина», которое очевидно происходит от «Окраина», «пограничная область», которое часто применялось к пограничным землям Руси. В русской литературе вплоть до конца XIX столетия слово «украина» использовалось в значении «предел, находящаяся у края земля». Существует также версия в «новоукраинской» исторической науке, что название Украины происходит от слова «край», «краина» (укр. «країна»), то есть просто «страна», «земля заселённая своим народом». Есть и еще один смысл: «украина» – это то, что «укрывает», «таит». Именно южнорусские казачьи земли и стали той страной, которая «укрыла», «утаила» лучших людей рухнувшей Киевской Руси и породила самый энергичный, самый «пассионарный» народ в истории славянства.

При этом сюда входят, прежде всего, запорожские, донские и терские казаки, давшие начало всем другим ветвям казачьего, *южнорусского этноса*, который и провел военную и культурную колонизацию Сибири и Кавказа, однако, постоянно и планомерно лишался собственной этноидентичности, культуры и хозяйственного уклада, начиная с Петра I и Екатерины II сводился на *субэтнический* уровень. В советское время этот уже субэтнос находился на грани уничтожения, а сейчас приобрел оксюморные, химерические и маскарадные формы.

В связи с этим уместно вспомнить и о «*слобожанском мифе*», который сейчас развивают не только украинские националисты, но и некоторые белгородские политики и ученые: Белгородчина, действительно, порубежный край, край, который осваивали не только запорожские и донские казаки, но и украинские и русские крестьяне, «хохлы» и «кацапы». Только причем здесь какая-то «слобожанщина», не имеющая ни исторической, ни этнической, ни культурно-цивилизационной укорененности и обоснованности?

Одиннадцать лет назад на областной научно-практической конференции «Христианство и русская культура» (январь 2000 г.)¹⁰ я отмечал, что в мире возможны три сценария развития «ситуации человечества» – панамериканский, эсхатологический и сценарий культурно-цивилизационного многообразия. К сожалению, как мы наблюдаем, более всего имеет шансы *худший вариант*, эсхатологический сценарий развития человечества и России. При этом варианте, как я писал, постсоветская Россия может создать новый *мобилизационный культурно-цивилизационный проект* (здесь-то мы всегда были сильны) по типу реформ Петра I или Сталина*, который вполне может привести Россию к имперскому соблазну, к достижению определенной гегемонии в мире и даже к какому-то экономическому и технологическому рывку. Именно в рамках реализации путинского мобилизационного проекта модернизации и возникает сейчас *теоретический и идеологический миф о «российской гражданской нации»* (вспомним знаменитое «россияне» Ельцина). Можно привести и еще ряд этнополитических мифов из истории постсоветской Рос-

* Хорошая иллюстрация к моей мысли – материал, помещенный ниже в рубрике «Научная жизнь и коммуникации».

¹⁰ Римский В.П. Православие и русская культура в XXI столетии: опыт культурологического прогноза // Христианство и культура: научно-богословский сборник. Под ред. В.П. Римского. – Белгород, 2002. – С. 14-23.

* И мы видим, что мобилизационная политика В.В. Путина по созданию «вертикали власти» прямо ориентировалась на эти две символические фигуры (на Сталина скрыто, часто «проговариваясь» на бессознательном уровне). Будет ли и дальше реализовываться путинский мобилизационный сценарий – непонятно.

сии, показать их связь с мифологией социально-политической, а также их конструктивистскую связь с определенными «теориями этноса» или «концепциями этничности». Это уже выходит за рамки нашей статьи (подробнее будет в коллективной монографии и других публикациях).

В упомянутом выше докладе на конференции «Христианство и культура», а также в ряде статей¹¹ я говорил и писал о феномене «новой этничности», который требует вдумчивого и непредвзятого осмысления. И если политики и ученые, охотно или нет, признали «феномен религиозного возрождения» в постсовременном мире, то факт новой этничности пытаются исследовать в *эпистемологических парадигмах периода модерна* (к ним я отношу и парадигму конструктивизма¹², которая возникла еще в 30-е годы XX века, поэтому В.А. Тишков никак не может считаться «постмодернистом»). Ведь дело не в том, что есть «плохие, устаревшие» и «хорошие, новые» эпистемологические парадигмы исследования этносов и этничности. Если «примордиалистская парадигма», при всей схематичности ее трактовки, как и гумилевская метафизика этноса*, возникли и «работают» на материале истории этносов и этнических процессов в традиционных и транзитивных к модерну обществах (при этом сами ученые, как правило, являются профессиональными историками), то конструктивистская методология сформировалась в условиях кризиса общества классического модерна, тоталитаризма и его гибели, работала весьма эффективно в исследовании этничности до 90-х годов XX века, но дает сбой при исследовании феноменов «новой этничности» рубежа XX и XXI веков.

Этнический модус бытия в формах культурного многообразия все настойчивее врывается в социокультурную динамику постсовременности. Это, прежде всего, миграция многочисленных народов из отсталых регионов Юга и Востока в развитые страны Запада и США. Для либералов миграционные процессы конца прошлого века первоначально показались наступлением долгожданного космополитического царства глобализации, в котором экономико-политические тигли переплавят арабов, турок, евреев, албанцев и иже с ними в «граждан мира». Именно на этой волне проходила пропаганда мультикультурности, защита прав этноменьшинств и представителей маргинальных субкультур (типа гомосексуалов). В этот сценарий попал и этнокультурный конфликт в геополитическом пространстве СССР, защита чеченских сепаратистов и безразличие к миллионам русских, оказавшихся за пределами постсоветской России. Но после превознесения мультикультурности и мультиэтничности в качестве *новых либеральных ценностей* грядущей глобальной цивилизации вдруг наступило отрезвление под холодным душем политических успехов «новых правых» и террористических актов 11 сентября 2001 г.

Стало бесспорным, что фактор «новой этничности» определяет не только геополитическое поле человечества, но и повседневность каждого человека. Террористические взрывы в Нью-Йорке и Москве, Испании и Турции, американские бомбежки Сербии на православную пасху, войны в Косово и Чечне, Афганистане и Ираке, «арабские революции» ударили не по элите, а ворвались в жизнь простых американцев, русских, чеченцев, арабов, сербов...

Особенно остро ситуацию «новой этничности» переживает молодежь. В начале 80-х годов XX века поколение наших старших детей не могло себя идентифицировать в качестве «русских». Сейчас картина иная: поколение наших младших детей, родившихся в конце восьмидесятых/начале девяностых, очень остро ощущает свою *русскость*. При этом в качестве антагониста в конструировании дуальноэтнической идентификационной оппозиции «мы – они» часто оказываются не «американцы» и даже не «чечены», а украинцы («хох-

¹¹ См.: Римский В.П. *Метаморфозы мифологии модерна и национально-либеральный проект «модернизации» России* // Россия: духовная ситуация времени. М.: Изд. РГСУ «Союз», 2007. – № 3-4. – С. 35-45; Римский В.П. *Этнокультурная идентичность личности: славянским мир в контексте глобализационных сценариев* // Філософія спілкування: Філософія, психологія, соціальна комунікація. Науково-практичний журнал. – №3. – Харьков, 2010. – С. 32-38; и др.

¹² См.: Белоусова М.М., Мельник Ю.М., Римская О.Н., Римский В.П. *Методология исследования субкультур в социально-гуманитарных науках (на примере молодежной культуры): Культура и субкультура* // Научные ведомости БелГУ. Серия «Философия. Социология. Право». – № 8 (63). – Вып. 8. – Белгород, 2009. – С. 30-41.

* О ней мы поговорим подробнее в коллективной монографии по материалам конференции, ибо она фактически стала одним из вариантов философской теории цивилизаций.

лы»). При этом идентификация «я – русский» в устах современной молодежи приобретает, увы, все более агрессивные интонации.

Как бы мы не пытались реанимировать старые советские мифы о «славянском единстве русских, украинцев и белорусов» и даже мумифицированные идеи панславизма, очевидно, что «на повестке дня» для современной молодежи стоит даже не осознание себя в качестве «славян», а идентификация себя «русскими», «украинцами», «белорусами». Привлекательность образа Мазепы в этномифологии нынешних «новых украинцев» задается не столько официальной пропагандой, сколько рождается в самой молодежной среде. Националистическую белорусскую оппозицию поддерживают не политические маргиналы среднего поколения, как считает официальная пропаганда Белоруси, а студенческая молодежь и молодые интеллектуалы контркультурной ориентации. Эдичка Лимонов, нонконформист семидесятых, не выдумал национал-большевизм, а уловил своей писательской интуицией в атмосфере современных молодежных тусовок, где образ «буржуя» однозначно ассоциируется с «азерами» или «жидами»...

Можно констатировать тот факт, что если до середины девяностых годов прошлого века в молодежной среде преобладали ценности криминально-экономические, то сейчас вектор начинает смещаться в сторону *культурно-этническую*. Для современной русской молодежи очень важно не только то, что можно заработать большие деньги, но и то, что их должны зарабатывать русские (это «хорошие деньги»).

Что с нами происходит? Да то, что наше «братское единство» первоначально на пространствах Российской империи (надо отбросить предубеждение по отношению к империи, ибо *империя – способ существования цивилизации*), а затем на тоталитарных просторах советского «поля чудес» *затормозило становление национального самосознания* не только и не столько украинцев или белорусов (в советское время «русский национализм» был чем то из ряда вон выходящим!), *сколько русских*. Это и есть самый болезненный для нас кризис – *кризис отложенной русской этнокультурной идентичности*. Мы, наверное, впервые после Куликовской битвы, Смутного времени, Бородинского сражения и Великой Отечественной войны XX века столь болезненно ощутили себя русскими. Потому наши старики ностальгически вспоминают сталинский послевоенный тост «За русский народ!» и всю псевдорусскую мифологию советского периода. Но нынешнюю молодежь на советской «мифологической мякине» не проведешь!

Помимо «новой этничности» во всем мире и в славянском регионе Восточной и Центральной Европы зреют и другие тенденции, связанные с экспансией западноевропейских и американских культурных ценностей, транснациональной глобализацией. Если мигранты из стран мусульманской или индубуддийской периферии плохо поддаются вестернизации, то христиане-славяне легко вписываются в западный контекст размывания этнокультурной и конфессиональной идентичности. Можно ли в ситуации развития современных индустриальных и постиндустриальных технологий всерьез говорить об отрицании глобализации вообще, как это делают наиболее радикальные антиглобалисты, или о противопоставлении глобализации «новой локализации» и «регионализации»? Думаю, что нет.

И что можно противопоставить унификационному проекту западной глобализации?

Мы уже неоднократно вели речь о варианте *многополюсного, открытого культурно-цивилизационного проекта*, без неограниченного либерального плюрализма, с наличием *подвижной ценностной иерархии* в обществе, в идеологии, в духовной жизни, с признанием этнокультурной и конфессиональной идентичности народов и людей.

В заключение хотелось бы отметить, что сейчас, кажется, пробиваются ростки идеи *транснационального глобализма*, который дополняет до логического конца проект открытого, *многополюсного, полиэтничного и мультикультурного человечества* (а не «мультикультурализма» отдельной «гражданской нации»). Что здесь имеется в виду? Прежде всего, факт *признания глобальной значимости этнокультурной составляющей бытия человека и человечества*. Глобальные экономические, информационные, политические и иные связи не должны стирать эту этнокультурную идентичность стран, народов и простых людей.

Список литературы

- Белоусова М.М., Мельник Ю.М., Римская О.Н., Римский В.П. Методология исследования субкультур в социально-гуманитарных науках (на примере молодежной культуры): Культура и субкультура // Научные ведомости БелГУ. Серия «Философия. Социология. Право». – № 8 (63). – Вып. 8. – Белгород, 2009. – С. 30-41.
- Бородай Ю.М. В поисках этногенного фактора // Природа. – 1981. – №4. – С. 124-126.
- Бромлей Ю.В. К вопросу о сущности этноса // Природа, 1970. – № 2. – С. 51-55.
- Бромлей Ю.В. Несколько замечаний о социальных и природных факторах этногенеза // Природа, 1971. – № 2. – С. 83-84.
- Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса. – Л., 1983.
- Гачев Г.Д. Национальные образы мира. – М., 1988.
- Гумилев Л.Н. Этногенез и этносфера // Природа. – 1970. – №1. – С. 46-55; № 2. – С. 43-50.
- Гумилев Л.Н. Этногенез – природный процесс // Природа. – 1971. – №2. – С. 80-82.
- Гумилев Л.Н. География этноса в исторический период. – Л., 1990.
- Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. – Л., 1990.
- Мельник Ю.М., Римский В.П. Экзистенциальное время: категория, понятие или концепт? // Научные ведомости БелГУ. Серия «Философия. Социология. Право». – № 16 (71). – Вып. 10. – Белгород, 2009. – С. 24-36.
- Римский В.П. К проблеме генезиса религии // Известия СКНЦ ВШ. Обществ. науки. – 1983. – №1. – С. 55-60.
- Римский В. П. Демоны на перепутье: культурно-исторический образ тоталитаризма. – Белгород, 1997.
- Римский В.П. Православие и русская культура в XXI столетии: опыт культурологического прогноза // Христианство и культура: научно-богословский сборник. Под ред. В.П. Римского. – Белгород, 2002. – С. 14-23.
- Римский В.П. Метаморфозы мифологии модерна и национально-либеральный проект «модернизации» России // Россия: духовная ситуация времени. М., 2007. – № 3-4. – С.35-45.
- Римский В.П. Этнокультурная идентичность личности: славянским мир в контексте глобализационных сценариев // Філософія спілкування: Філософія, психологія, соціальна комунікація. Науково-практичний журнал. – №3. – Харьков, 2010. – С. 32-38.
- Тишкова В.А. Национализм // Новая философская энциклопедия: В 4 т. – М., 2010. – Т. III. – С. 39-41.
- Тишкова В.А. Нация // Новая философская энциклопедия: В 4 т. – М., 2010. –Т. III. – С. 41-43.
- Тишкова В.А. Этничность // Новая философская энциклопедия: В 4 т. – М., 2010. –Т. IV. – С. 482-484.
- Тишков В.А. Реквием по этносу: исследования по социально-культурной антропологии. – М., 2003.
- Эволюционная эпистемология и логика социальных наук: Карл Поппер и его критики / Составление Д. Г. Лахути, В. Н. Садовского и В. К. Финна; перевод с английского Д. Г. Лахути; вступительная статья и общая редакция В. Н. Садовского; послесловие В. К. Финна. – М., 2000.
- Эрикссон Э. Идентичность: юность и кризис. – М., 1996.

POSTPONED CRISIS OF ETHNIC IDENTITY IN THE MODERN RUSSIA: THEORETICAL STEREOTYPES AND POLITICAL MYTHOLOGY

V.P. RIMSKIY

*Belgorod State National
Research University*

e-mail: Rimskiy@bsu.edu.ru

The article discusses the issues of philosophical and scientific approach to ethnic groups and nations, ethnical being and human self-consciousness. The mixt of these two levels (philosophical and scientific) of reflection is rather dangerous and grounds the mythologisation of ethnic human being. Such myths are represented by theoretical dogmas and stereotypes and political myths.

Key words: ethnos, nation, ethnic grounds of human being, ethnic philosophy, social and philosophical anthropology, mythologisation, political myths.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ И КОММУНИКАЦИИ

УДК 930.85 (47-13)

III МЕЖДУНАРОДНАЯ СТУДЕНЧЕСКАЯ ШКОЛА «ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ ЕВРОРЕГИОНА «СЛОБОЖАНЩИНА»

А.И. ДУДКА

*Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет*

e-mail: dudka@bsu.edu.ru

12-18 сентября 2011 года работала III Международная студенческая школа «Историко-культурное наследие Еврорегиона «Слобожанщина». Памятники православной культуры Слобожанщины», являвшаяся частью программы сотрудничества исторических факультетов НИУ «БелГУ» и ХНУ им. В.Н. Каразина. Ее участниками ежегодно становятся студенты-историки ведущих университетов двух приграничных областей.

Идея сотрудничества белгородских и харьковских студентов в рамках долговременной программы родилась в 2009 году у деканов исторических факультетов И.Т. Шатохина и С.И. Посохова. Тематика и вопросы организации работы школы (их решено было проводить ежегодно, по очереди – в Белгороде и Харькове) обсуждались в течение весны-лета: тогда же формировалась программа, определялся состав участников и тематика творческих проектов.

I Международная студенческая школа работала с 1 по 7 октября 2009 года в Харькове. На ее торжественном открытии присутствовали И.Т. Шатохин и С.И. Посохов, заместитель председателя исполнительного комитета Совета приграничных областей А.М. Кирюхин. Они отметили важность нового проекта для укрепления двусторонних контактов и выразили надежду на дальнейшее успешное развитие добрососедского сотрудничества российских и украинских студентов.

Участниками проекта стали белгородские и харьковские студенты 2-5 курсов. Кураторами проекта с украинской стороны – к.и.н., доц. В.А. Куликов, с российской – к.и.н., доц. А.И. Дудка и к.и.н., доц. Е.Н. Меньшикова. Программа Школы предусматривала проведение лекционных и семинарских занятий, тематических экскурсий, обсуждение творческих проектов. В результате обсуждения туристических маршрутов разной направленности предполагалось разработать и представить проекты туристических маршрутов Слобожанщины. Международная студенческая школа призвана была определить направления будущей деятельности, выработать формы работы, согласовать механизмы взаимодействия.

Перед студентами выступали ведущие специалисты в области археологии, этнографии, истории, искусства. Одни лекционные занятия носили явный обучающий характер, другие призваны были расширить и конкретизировать знания студентов. Темы занятий определялись общей тематикой школы – изучение историко-культурного наследия Еврорегиона «Слобожанщина». Особенностью организации работы Школы стало активное участие в проведении занятий не только университетских преподавателей, но и сотрудников учреждений культуры и образования, на базе которых проводились занятия: *к.и.н., проф. С. М. Куделко* («Взаимодействие с представителями местного самоуправления, учреждениями культуры и образования. Проблема формирования имиджа региона»), *к.и.н., доц., В. А. Сарпулжин* («Археологические памятники как туристический объект»), *к.и.н., доц. А. И. Дудка* («Культурно-историческое наследие Слобожанщины. Типы и виды памятников», «Традиции и новации в поиске, изучении и популяризации памятников материальной и нематериальной культуры Слобожанщины. Новые направления в памятниковедении», «Антропологически направленная история и расширение источниковой базы науки»), *к.и.н., доц. Павлова О. Г.* («Проблемы атрибуции памятников Заполнение паспорта историко-культурного объекта» «Категории памятников истории и культуры», «Проблемы консервации и реставрации памятников»), *науч. сотр. А. В. Легейда* («Проблема мониторинга и состояния историко-культурного наследия»), *к.и.н., доц. Е. Н. Меньшикова* («Проблема охраны и использования памятников культуры на материале еврорегиона «Слобожанщина»), *Ю. В. Конов* («Правовые основы деятельности по охране памятников истории и культуры в России и Украине»).

В соответствии с программой работы Осенней Школы, в первой половине проходили экскурсии: «Харьков исторический», экскурсии в исторический и биологический музеи, в ботанический сад, посещение комплекса «Высота маршала Конева» (где была организована встреча с участниками клуба исторической реконструкции). Во второй половине дня проводились лекционные и практические занятия, запланированные в рамках школы. Затем происходила презентация и обсуждение проектов творческих групп белгородских и харьковских студентов.

В дни работы Школы были обсуждены следующие проекты: «Культурное наследие как проблема», «7 памятников мирового значения Еврорегиона «Слобожанщина», «Памятники ратной славы Слобожанщины», «Садово-парковые комплексы Еврорегиона «Слобожанщина», «Памятники церковного искусства Еврорегиона «Слобожанщина», «Слобожанщина – родина великих людей». По каждой теме свой проект представляли белгородские и харьковские студенты. В ходе дискуссии каждая из сторон обосновывала культурную ценность памятников своей области, потом определялись сильные и слабые стороны каждого из предложений и в итоге составлялся единый список памятников и разрабатывался единый маршрут, призванный связать воедино объекты историко-культурного наследия двух приграничных областей.

На основе четырёх разработанных в ходе работы школы проектов тематических туристических маршрутов по Еврорегиону «Слобожанщина» («Поля ратной славы еврорегиона Слобожанщина (Великая отечественная война)», «Археологические памятники еврорегиона «Слобожанщина», «Садово-парковые комплексы еврорегиона «Слобожанщина», «Памятники церковного искусства еврорегиона «Слобожанщина»), а также на основе составленного списка семи памятников Еврорегиона «Слобожанщина», были разработаны проекты российско-украинских туристических маршрутов по Еврорегиону «Слобожанщина». В процессе обсуждения проблемы изучения и популяризации памятников истории и культуры Слобожанщины участниками проекта были сформулированы предложения, которые смогли бы превратить малопривлекательные для инвестирования туристические объекты в достаточно развитые центры с хорошей инфраструктурой. Среди предложений были следующие: популяризация культурных объектов через СМИ, выпуск научно-популярных изданий и брошюр, производство сувенирной продукции, выпуск схем проезда к конкретным объектам и другие. Разрабатывая проекты, студенты увидели проблемы, которые требовали решения в первую очередь: многие памятники нуждались в срочных финансовых вложениях, так как находились в полуаварийном состоянии; другой проблемой является недостаточное число квалифицированных экскурсоводов и других специалистов. Участники Школы обратили внимание на то обстоятельство, что при создании данных

маршрутов нужно учитывать сезонный характер функционирования некоторых культурно-исторических объектов, что влекло за собой другие проблемы. Поскольку некоторые туры были рассчитаны на 2-3 дня, необходимо было предусмотреть возможность использования гостиничных комплексов, доступных для людей с разным уровнем достатка. В целом, обсуждение проектов дало возможность познакомиться с позициями российской и украинской сторон и выявить то общее, что составляет основу приграничной культуры.

В итоговой резолюции российско-украинской студенческой Школы был признан полезным опыт работы Международной осенней студенческой школы «Историко-культурное наследие Еврорегиона «Слобожанщина». Обсудив проблемы изучения, использования, охраны и популяризации историко-культурного наследия Еврорегиона «Слобожанщина», участники проекта отметили необходимость привлечения внимания к судьбе историко-культурного наследия региона государственных структур, общественности, бизнес-сообщества и СМИ.

Было принято решение разработать и реализовать предложения по изучению и популяризации историко-культурного наследия Еврорегиона «Слобожанщина» в рамках данного проекта по следующим направлениям:

- научная деятельность,
- информационная деятельность,
- туристическое взаимодействие.

Реализация регионального проекта российско-украинской Студенческой школы показала, что у подобных форм сотрудничества имеются большие перспективы.

II Международная студенческая школа «Историко-культурное наследие Еврорегиона «Слобожанщина» Памятники традиционной культуры Слобожанщины» работала 20-25 сентября 2010 года в г. Белгороде, на базе НИУ «БелГУ».

В качестве учреждений-партнеров вместе с нашим и Харьковским национальным университетом им. В.Н. Каразина выступили: ГУК «Белгородский музей народной культуры», ГОУ ДОД «Центр традиционной культуры» Департамента образования, культуры и молодежной политики Белгородской области и МУК «Пушкинская библиотека-музей».

Подготовка и проведение Осенней студенческой школы были осуществлены при финансовой поддержке Администрации Красногвардейского района Белгородской области, ООО «Инфо-М» и ООО «Бел-тур».

Открытие школы состоялось 20 сентября 2010 года в ауд. 260, корп.1, по ул. Студенческой. В своих выступлениях Первый проректор НИУ «БелГУ» Т.В. Балабанова, заместитель начальника отдела науки, высшего и послевузовского образования Управления профессионального образования и науки Департамента образования, культуры и молодежной политики Белгородской области С.Л. Колесников, декан исторического факультета НИУ «БелГУ» И.Т. Шатохин, заведующий кафедрой истории России ХНУ В.М. Духопельников, открывая Школу, подчеркнули важное значение проекта не только с точки зрения развития двусторонних российско-украинских связей приграничного региона, двух ведущих вузов Белгородской и Харьковской областей, но и как средства укрепления межличностных отношений студентов.

Предметом внимания участников II Международной студенческой школы стали этноистория и этнокультура белгородско-харьковского приграничья, что предопределило тематику занятий и творческой работы студентов.

С лекциями перед студентами выступили преподаватели НИУ «БелГУ»: к.и.н., доц. А.И. Папков («Белгородская засечная черта» в истории и культуре Слобожанщины»), к.и.н., доц. А.И. Дудка («Формирование этнокультурной специфики Слобожанщины»), к.с.н., ст. преп. кафедры менеджмента организации ФУП А.И. Кувшинов («Основы проектного менеджмент»); преподаватель ХНУ к.и.н., проф. С.М. Куделко («Памятники нематериальной культуры Слобожанщины»); а также сотрудники белгородских учреждений культуры, участвовавших в проекте: науч. сотр. МУК «Пушкинская библиотека-музей» А.Н. Крупенков («Вклад в развитие отечественной культуры дворян из родов Голицыных и Говорухо-Отроков»), к.и.н., науч. сотр. МУК «Пушкинская библиотека-музей» Н.М. Гончаренко («Из истории художественной жизни на Слобожанщине. Белгородский край»); библиограф МУК «Пушкинская библиотека-музей» Т.И. Корзунова (библиографический обзор «История

дворянской культуры на Белгородчине»), сотр. МУК «Пушкинская библиотека-музей» П.С. Альбуций («Дворянская усадьба Волковых в Белгороде»), ст. науч. сотр. ГУК «Белгородский государственный музей народной культуры» А.А. Басаргина («Мой дом и все, что в нем»), гл. хранитель фондов ГУК «Белгородский государственный музей народной культуры» Л.В. Якубенко «Традиционный костюм Слобожанщины»), ст. науч. сотр. ГУК «Белгородский государственный музей народной культуры» Г.К. Анкудинова («Традиционная кухня Слобожанщины»).

Белгородские студенты – участники Школы М. Лужкова, А. Старунская, М. Веникова разработали провели научно-практический семинар «Народная игра Слобожанщины».

Весьма обширной и многообразной была экскурсионная программа Школы, позволившая участникам познакомиться с особенностями этнокультуры Белгородчины. Были проведены экскурсии: «Белгород исторический и культурный», экскурсия в Пушкинской библиотеке-музее «Русско-украинские культурные связи Слобожанщины», экскурсия по «Центру народной культуры» с. Купино Шебекинского района и участие в мастер-классах мастеров народных ремесел Центра по гончарному делу, ковроткачеству, лозоплетению и ткачеству, экскурсия в музей М.С. Щепкина с посещением «Крестьянского подворья» с. Красное. Большое впечатление на харьковских студентов произвело знакомство с нашим университетом: учебными корпусами и аудиториями старой и новой площадки, библиотекой, Зимним садом и, конечно, спортивным комплексом С. Хоркиной.

Белгородские и харьковские студенты активно участвовали в разработке и обсуждении творческих проектов: «Имена знаменитых земляков на карте Слобожанщины», «Помним, храним, возрождаем народные ремесла», «Центры народной культуры Слобожанщины», «Памятники традиционной культуры Слобожанщины».

Учебные занятия были дополнены посещением спектакля «Горе от ума» в Драматическом театре им. М.С. Щепкина, Белгородские студенты подготовили и провели визитку делегаций «Традиции славянского гостеприимства», харьковские – вечер «В кругу друзей», когда общение принимало неформальный характер. Оно стало не менее важным для развития и укрепления отношений российских и украинских студентов.

25 сентября 2010 года были подведены итоги и II Международная студенческая школа «Историко-культурное наследие Еврорегиона «Слобожанщина» Памятники традиционной культуры Слобожанщины» успешно закончила свою работу.

12 по 18 сентября 2011 года в Харьковском национальном университете им. В.Н. Каразина работала III Международная студенческая школа «Историко-культурное наследие Еврорегиона «Слобожанщина». Темой нынешней школы стали «Памятники православной культуры Слобожанщины». Она была посвящена 100-летию канонизации Святого Иоасафа.

Тема Школы нашла отражение в тематике лекционных занятий, которые проводили ведущие преподаватели двух университетов, сотрудники музеев, священнослужители: «Церковная терминология и язык богослужения» (д.и.н, проф. ХНУ им. В.Н. Каразина А.Д. Каплин); «Методика учета и паспортизации памятников церковной культуры» (к.и.н, доц., ХНУ О.Г. Павлова, Т. Романова); «Сохранение иконописных традиций на Слобожанщине. Принципы и методы работы иконописной мастерской Харьковской епархии» (рук. иконописной мастерской Харьковской епархии Н.В. Чурилова); «Раскопки усыпальницы Святого Иоасафа в 2010 г.» (к.и.н, доц. НИУ «БелГУ» В.А. Сарапулкин); «Иконописное наследие Харьковского художественного музея: Проблемы атрибуции и информативности иконописных памятников» (зав. отделом дореволюционного искусства Художественного музея г. Харьков О.И. Денисенко); «Монашеская аскеза в православии» (д.ф.н., проф. ХНУ Г.Д. Панков) и др.

Программой Школы предусматривались встречи с ведущими специалистами реставрационных и художественных мастерских, посещение музеев (художественного, церковно-исторического музея Харьковской епархии), храмов и монастырей г. Харькова, тематические экскурсии «Прошлое и настоящее Свято-Харьковского Покровского монастыря» и «Храмы Харькова». Безусловно, самое неповторимое впечатление на участников Школы произвела поездка в Святогорскую Лавру и в Сквородиновку, где бывал выдающийся украинский философ и поэт Г.С. Скворода.

Программа 17 сентября, шестого дня III международной студенческой школы была изменена в связи с печальным событием, произошедшем накануне – на 91-м году ушел из

жизни митрополит Харьковский и Богодуховский Никодим. Утром студенты Школы в числе многочисленных горожан, желавших проститься со своим духовным пастырем, присутствовали на панихиде, проходившей в Благовещенском соборе города.

Ежедневная работа студентов в творческих группах завершилась защитой проектов тематических экскурсий, которые связали воедино белгородскую и харьковскую части туристических маршрутов по Православной Слобожанщине. Их представление состоялось в актовом зале при Свято-Пантелеймоновском храме.

В 10.00 началось официальное закрытие школы. На ней присутствовали декан исторического факультета ХНУ им. В.Н. Каразина, д.и.н., профессор С.И. Посохов, заведующий кафедрой истории России к.и.н., проф. В.М. Духопельников, к.и.н., проф. С.М. Куделко, преподаватель богословия духовной семинарии П.Е. Михайлицын, отец Валентин и отец Александр.

С.И. Посохов поздравил всех с успешным завершением Школы, прошедшей уже в третий раз. Участники Школы почтили память покойного митрополита Никодима. Фильм, просмотренный участниками, рассказал о жизненном пути этого выдающегося деятеля, прилагавшего свои силы к сохранению единства украинской и российской Православных церквей, культур двух народов.

Завершением программы работы Международной школы стала презентация и защита проектов экскурсионных маршрутов, связавших Слобожанщину в единое культурное целое. Каждая группа представила свой проект, используя различные средства визуализации. Присутствующие согласились, что все проекты являются перспективными, поэтому было решено продолжить их доработку с дальнейшим представлением для реализации.

Работа Международной студенческой школы получила поддержку Совета приграничных областей, заместитель председателя исполнительного комитета которого, Алексей Михайлович Кирюхин, присутствовал на закрытии Школы, о чем он сказал в своем выступлении. Школа вызвала интерес средств массовой информации г. Харькова, освещавших ее работу. На итоговом заседании белгородским и харьковским студентам были вручены дипломы участников и памятные подарки, но, как признали все собравшиеся, главным результатом стало укрепление дружбы российских и украинских студентов.

Участникам школы были вручены сертификаты. Белгородские и харьковские студенты обменялись памятными подарками. П.Е. Михайлицын вручил каждому участнику Осенней студенческой школы свою книгу «Православие. Энциклопедия верующего», которую подписал каждому участнику.

После закрытия, прощаясь, студенты НИУ «БелГУ» и ХНУ им. В.Н. Каразина обменялись теплыми словами и выразили надежду на новые встречи и сотрудничество.

Завершена III Международная осенняя студенческая школа «Историко-культурное наследие Еврорегиона Слобожанщина», но идеи, высказанные за эти семь дней, будут проверены, доработаны и апробированы на последующих форумах и научных конференциях. А белгородские студенты будут готовиться к новой встрече с харьковскими студентами, которая обязательно состоится осенью 2012 года в Белгороде на V Международной студенческой школе «Историко-культурное наследие Еврорегиона «Слобожанщина».

THE THIRD INTERNATIONAL STUDENT SCHOOL «HISTORIC AND CULTURAL HERITAGE OF EUROREGION SLOBOZHANSCHINA»

A.I. DUDKA

*Belgorod National
Research University*

e-mail: dudka@bsu.edu.ru

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

- Авсеев А.А.** – кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры философии Санкт-Петербургского государственного университета сервиса и экономики
- Архипцев А.И.** – доцент кафедры уголовного права и процесса юридического факультета Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Бабинцев В.П.** – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой социальных технологий ИГМУ Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Баргилевич О.А.** – заместитель начальника службы по связям с общественностью ООО «Газпром трансгаз Югорск», депутат Думы города Югорска, аспирант кафедры философии и культурологии Российского государственного профессионально-педагогического университета
- Белкина Е.А.** – аспирант кафедры философии Калужского государственного университета им. Циолковского
- Борисов С.Н.** – кандидат философских наук, доцент, заведующий кафедрой философии и социальных наук Белгородского государственного института искусств и культуры
- Борисова О.С.** – кандидат философских наук, ассистент кафедры философии социально-теологического факультета Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Вдовина А.В.** – аспирант кафедры философии Калужского государственного университета им. Циолковского
- Волченко А.В.** – соискатель кафедры конституционного и муниципального права юридического факультета Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Гогенко Л.А.** – соискатель кафедры истории государства и права Санкт-Петербургского университета МВД России
- Грецкая Л.Г.** – кандидат технических наук, доцент кафедры технологии изделий из кожи, стандартизации и сертификации Южно-Российского государственного университета экономики сервиса
- Джобиров Р.Ф.** – соискатель кафедры уголовного права и процесса юридического факультета Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Донец Р.В.** – аспирант кафедры конституционного и муниципального права юридического факультета Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Дудка А.И.** – кандидат исторических наук, доцент кафедры российской и всеобщей истории, исторического факультета Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Ерин Д.А.** – кандидат юридических наук, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Владимирского юридического института Федеральной службы исполнения наказаний

- Ефимова Н.И.** – аспирантка кафедры судебной экспертизы и криминалистики юридического факультета Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Жиров М.С.** – доктор педагогических наук, профессор, декан социально-теологического факультета Белгородского государственного национального исследовательского университета, заслуженный работник культуры Российской Федерации
- Зайцева М.Л.** – кандидат философских наук, профессор Московской государственной классической академии им. Маймонида
- Иванова Ж.Б.** – кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса юридического факультета Коми республиканской академии государственной службы и управления
- Кислицина И.Н.** – старший преподаватель кафедры судебной экспертизы и криминалистики юридического факультета «Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Климов И.Ю.** – аспирант кафедры социальных технологий ИГМУ Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Комаров И.М.** – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой судебной экспертизы и криминалистики юридического факультета Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Корчагин А.А.** – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Алтайского государственного университета
- Кузнецова Е.Н.** – аспирантка кафедры конституционного и муниципального права юридического факультета Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Купряшина Е.А.** – старший преподаватель кафедры уголовного права и процесса юридического факультета Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Кутько В.В.** – ассистент кафедры теории и истории государства и права юридического факультета Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Кушнаренко Я.В.** – кандидат философских наук, доцент кафедры философии и истории гуманитарного факультета СибГУТИ
- Лаврикова И.Н.** – кандидат философских наук, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин Тверского филиала Московского университета МВД России
- Литвинова С.В.** – аспирант кафедры социологии Липецкого государственного педагогического университета
- Мальцева С.В.** – аспирант кафедры философии Калужского государственного университета им. Циолковского
- Мархгейм М.В.** – доктор юридических наук, профессор кафедры международного права и государственного управления юридического факультета Белгородского государственного национального исследовательского университета

- Медведева Т.Б.** – старший лаборант кафедры исторической культурологии, факультета философии и культурологии Южного федерального университета
- Молчанов А.И.** – доктор исторических наук, профессор кафедры социальной работы социально-теологического факультета Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Нехаева И.Н.** – кандидат философских наук, доцент кафедры фортепиано Омского государственного университета имени Ф.М. Достоевского
- Нифанов А.Н.** – кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и муниципального права юридического факультета Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Новикова А.Е.** – кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и муниципального права юридического факультета Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Оганесян Т.О.** – аспирант кафедры административного и международного права юридического факультета Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Перетьяцкий Г.Ф.** – кандидат философских наук, доцент кафедры социальной философии и философии права Южнороссийского федерального университета
- Плоцкая О.А.** – кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права юридического факультета Сыктывкарского государственного университета
- Попова О.О.** – ассистент кафедры административного и международного права юридического факультета Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Попова Л.М.** – педагог дополнительного образования областного Дворца детского творчества, заслуженный работник культуры Российской Федерации
- Реутин М.Ю.** – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института высших гуманитарных исследований при Российском государственном гуманитарном университете
- Римский В.П.** – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Римский А.В.** – аспирант кафедры философии Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Сагатовский В.Н.** – доктор философских наук, профессор кафедры философии и социальных наук Белгородского государственного института искусств и культуры
- Синенко В.С.** – кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой трудового и предпринимательского права юридического факультета Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Сорокина А.И.** – аспирантка кафедры гражданского права и процесса юридического факультета Белгородского государственного национального исследовательского университета

-
- Тонков Е.Е.** – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, декан юридического факультета Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Травников Г.Н.** – кандидат педагогических наук, ректор института инновационной образовательной политики и права «Эврика – Пермь»
- Цурлуй О.Ю.** – ассистент кафедры уголовного права и процесса Белгородского университета кооперации, экономики и права
- Человенко Т.Г.** – кандидат педагогических наук, доцент, заведующая кафедрой религиоведения и теологии Орловского государственного университета
- Чеснова Е.Н.** – аспирант кафедры философии, культурологии, прикладной этики, религиоведения и теологии им. А.С. Хомякова ТГПУ им. Л.Н. Толстого
- Чурсанова И.А.** – аспирантка кафедры истории философии Воронежского государственного университета
- Шартынова А.В.** – аспирант кафедры конституционного и административного права Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
- Шмарион Ю.В.** – доктор социологических наук, профессор Липецкого государственного педагогического университета
- Щербакова Н.В.** – кандидат технических наук, доцент кафедры технологии изделий из кожи, стандартизации и сертификации Южно-Российского государственного университета экономики сервиса
- Ярычев Н.У.** – кандидат философских наук, доцент, заведующий кафедрой педагогики и психологии Чеченского института повышения квалификации работников образования

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ СЕРИИ: ФИЛОСОФИЯ, СОЦИОЛОГИЯ, ПРАВО В ЖУРНАЛЕ «НАУЧНЫЕ ВЕДОМОСТИ Белгородского государственного университета»

Уважаемые коллеги!

Материалы в журнал необходимо высылать в 2-х экземплярах с приложением внешней и внутренней рецензий (для аспирантов необходима рецензия или соавторство научного руководителя):

- первый экземпляр по адресу: 308000, г. Белгород, ул. Преображенская, 78, социально-теологический факультет, Белгородский государственный университет;
- по электронной почте: в раздел «Философия» – Rimskiy@bsu.edu.ru (Римский Виктор Павлович, главный редактор серии); в раздел «Социология» – Babintsev@bsu.edu.ru (Бабинцев Валентин Павлович, заместитель главного редактора); в раздел «Право» – ETonkov@bsu.edu.ru (Тонков Евгений Евгеньевич, заместитель главного редактора); во все разделы – SBorisov@bsu.edu.ru (Борисов Сергей Николаевич, ответственный секретарь серии журнала).

Редакция проводит внутреннее рецензирование всех материалов и оставляет за собой право отправить на доработку или отклонить полученные работы.

Статьи, отклоненные редколлегией, к повторному рассмотрению не принимаются.

Материалы, присланные без соблюдения требований к оформлению, редколлегией не рассматриваются.

Требования к оформлению материалов для представления в журнал:

1. УДК научной статьи.
 2. Аннотацию статьи (не более 1200 знаков).
 3. Ключевые слова.
 4. Текст статьи (должен иметь введение и выводы).
 5. Библиографический список.
 6. Ссылки.
 7. Внешняя рецензия доктора наук, рекомендация кафедры, рецензия научного руководителя (для аспирантов).
 8. Сведения об авторах (Ф.И.О., место работы, должность, ученая степень, ученое звание, почтовый адрес, адрес электронной почты (если имеется), контактные телефоны).
 9. Объем статьи – до 1 усл.п.л. или уч.-изд. лист (до 16 страниц)
 10. Объем сообщения – до 0,5 усл.п.л. (до 8 страниц).
 11. Объем рецензии или обзора конференции – до 0,3 усл.п.л. (5,4 страниц).
- на русском и английском языках
- на русском языке

Технические требования к оформлению текста статьи:

1. Поля:
 - правое – 1,5 см;
 - левое – 3,0 см;
 - нижнее – 2,0 см;
 - верхнее – 2,0 см.
2. Шрифт:
 - гарнитура для заголовков – Impact (14 кегль) прописной, для статьи – Georgia (11 кегль), для сносок и литературы – Georgia (10 кегль);
 - межстрочный интервал 1,0 пункт.
3. Ссылки:
 - номер ссылки размещается перед знаком препинания (перед запятой, точкой);
 - нумерация – автоматическая, сквозная по статье;
 - текст сноски располагается с абзацным отступом внизу каждой страницы;
 - размер шрифта – 10 кегль.
4. Библиографический список:
 - список литературы с полными названиями работ приводится в порядке цитирования;
 - при ссылке на данные, полученные из Internet, указывается электронный адрес цитируемого источника, например: www.soclib.ru/2007/5;
 - при ссылке на монографии указывают фамилию, инициалы автора(ов), полное название книги, город, название издательства, год выхода издания с соблюдением ГОСТ;
 - при ссылке на статьи из журналов указывают фамилию, инициалы автора(ов), полное название статьи, через косую линию (/) указывают авторов согласно ГОСТ, затем название журнала, год, том, номер, страницы ссылки;
 - при ссылке на авторефераты диссертаций указывают фамилию, инициалы автора, полное название работы, докторская или кандидатская, место и год издания.
5. Примеры оформления статей, сносок, сведений об авторах, таблиц, рисунков приведены в прил. 1, 2, 3.

*Приложение 1. Оформление статьи и сведений об авторах***УДК 130.2****ЕВРОПЕЙСКАЯ ФИЛОСОФИЯ И СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНАЯ НАУКА
МЕЖДУ МИФОЛОГИЕЙ МОДЕРНА И РАЦИОНАЛЬНЫМ ЗНАНИЕМ****А. В. ИВАНОВ¹
Л. Н. ПЕТРОВ²**¹ *Департамент
экономического развития
Белгородской области**e-mail: ivanov@bsu.edu.ru*² *Белгородский
государственный
университет**e-mail: petrov@bsu.edu.ru*

В статье рассматривается генезис основных логико-методологических парадигм европейского социально-гуманитарного знания, укорененных в идеологии и мифологии эпохи модерна.

Ключевые слова: модерн, мифология, сциентизм, социально-гуманитарное знание.

Основной задачей данной статьи будет усвоение некоторых логико-методологических «уроков» и анализ фактов из истории становления классической и неклассической западной философии и современного социально-гуманитарного знания¹.

**BETWEEN MYTHOLOGY OF MODERNITY AND RATIONAL
KNOWLEDGE: QUESTION OF HISTORY
OF EUROPEAN SOCIAL SCIENCES AND HUMANITIES****A. V. IVANOV¹
L. N. PETROV²**¹ *Department of economic
development of the Belgorod area**e-mail: ivanov@bsu.edu.ru*² *Belgorod state university**e-mail: petrov@bsu.edu.ru*

The article deals with the genesis of main logical and methodological paradigms of the European social sciences and humanities rooted into the ideology and mythology of modernity era.

Key words: modernity, mythology, scientism, social sciences and humanities.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ**Иванов А.В.**

кандидат философских наук, доцент кафедры философии Белгородского государственного университета 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85, Белгородский государственный университет;
e-mail: ivanov@mail.ru, тел. 30-00-00

¹ Вико Дж. Основания новой науки об общей природе нации / Дж. Вико. – Л.: Худ. лит., 1940. – С. 128.

Приложение 2. Оформление таблиц

1. Каждая таблица должна быть пронумерована справа, иметь заголовок, расположенный по центру.

Таблица 1

Рейтинговая оценка ЦФО за 1999-2004 гг.

Регионы	1999 г.	2000 г.	2001 г.	2002 г.	2003 г.	2004 г.	В среднем за	
							1999-2001 гг.	2002-2004 гг.
РФ	1,3222	1,5091	1,3470	1,4661	1,5940	1,6954	1,3928	1,5852
ЦФО	1,5028	1,9389	1,7210	1,6149	1,6888	1,6930	1,7209	1,6656

2. Таблицы не должны выходить за границы полей страницы слева и справа.

Таблица 1

Рейтинговая оценка ЦФО за 1999-2004 гг.

Регионы	1999 г.	2000 г.	2001 г.	2002 г.	2003 г.	2004 г.	В среднем за	
							1999-2001 гг.	2002-2004 гг.
РФ	1,3222	1,5091	1,3470	1,4661	1,5940	1,6954	1,3928	1,5852
ЦФО	1,5028	1,9389	1,7210	1,6149	1,6888	1,6930	1,7209	1,6656

3. Если таблица располагается на двух страницах, ее столбцы должны быть пронумерованы на каждой новой странице, так же, как на первой.

Таблица 1

Рейтинговая оценка ЦФО за 1999-2004 гг.

Регионы	1999 г.	2000 г.	2001 г.	2002 г.	2003 г.	2004 г.	В среднем за	
							1999-2001 гг.	2002-2004 гг.
1	2	3	4	5	6	7	8	9
РФ	1,3222	1,5091	1,3470	1,4661	1,5940	1,6954	1,3928	1,5852
ЦФО	1,5028	1,9389	1,7210	1,6149	1,6888	1,6930	1,7209	1,6656

Таблица, расположенная на первой странице.

Продолжение табл. 1

1	2	3	4	5	6	7	8	9
Белгородская область	1,2620	0,4169	2,2612	1,0176	1,2012	0,6413	1,3134	0,9534
Брянская область	0,9726	0,4817	0,5612	1,8653	0,9064	1,6898	0,6718	1,4872

Таблица, расположенная на следующей странице.

Приложение 3. Оформление графических объектов

1. Изображение каждого графического объекта должно иметь номер и заголовок, расположенные по центру под рисунком.

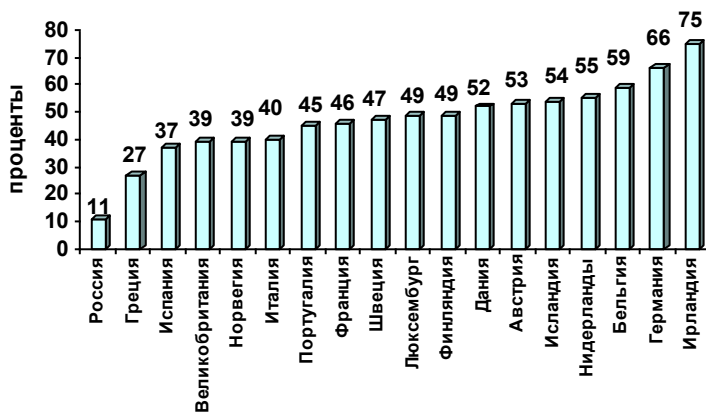

Рис. 1. Уровень инновационной активности в России, странах ЕС, Норвегии, Исландии

2. Изображение графического объекта должно быть в виде рисунка или сгруппированных объектов.

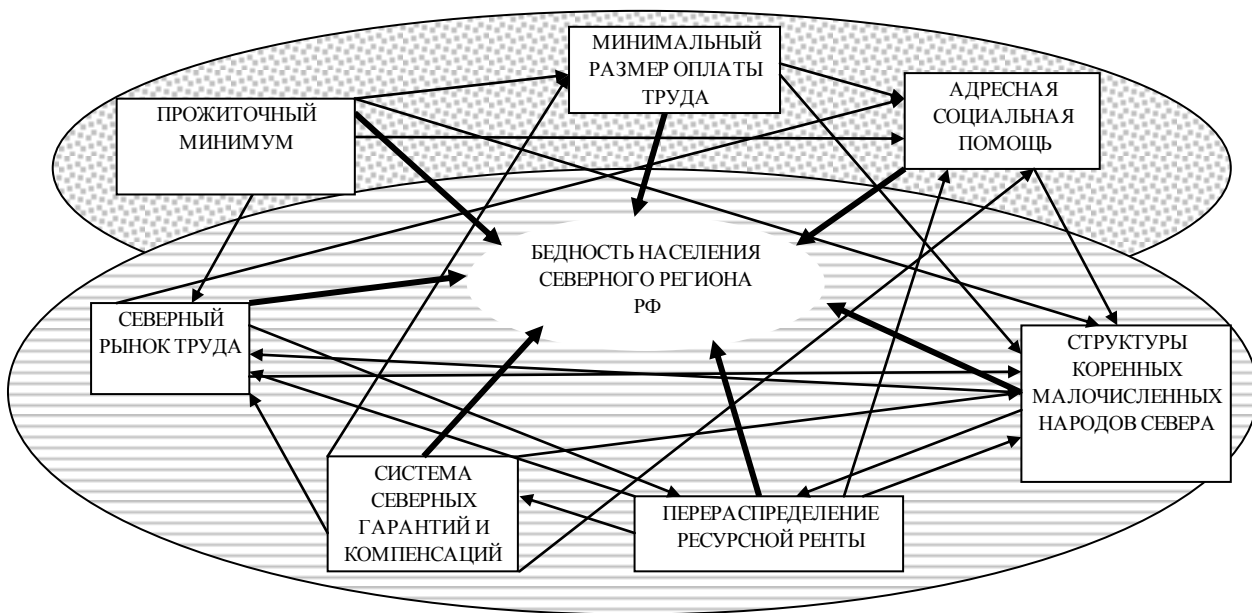

Рис. 2. Институциональная среда существования бедности населения северного региона России

3. Изображение графического объекта не должно выходить за пределы полей страницы.

4. Изображение графического объекта не должно превышать одной страницы.

